

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.В. КУЧМА

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

В двух частях

Волгоград 2001

ББК 67.3(0)3я73
К 95

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *Ю.Л. Проценко*;
канд. ист. наук, доц. *М.А. Кривонос*;
канд. юрид. наук, доц. *А.В. Выстროпова*

Кучма В.В.

К 95 Государство и право Древнего мира и Средних веков: В двух частях. — Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. — 548 с.

ISBN 5-85534-468-1

Предлагаемая работа представляет собой курс истории государства и права в двух частях. Первая часть посвящена процессу становления и последующей эволюции политико-правовой организации общества в странах Древнего Востока, Афинах и Риме. Во второй части дается развернутая характеристика государственного развития ведущих европейских стран (Франции, Англии, Германии) в период средневековья.

Публикуемые материалы предназначены для преподавателей, аспирантов и студентов высших и средних учебных заведений юридического профиля.

Печатается в авторской редакции с готового оригинал-макета.

ISBN 5-85534-468-1

© В.В. Кучма, 2001

© «**Либрис**»

© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2001

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ДРЕВНЕГО МИРА

I. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

1. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ОСНОВНЫХ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

Понятие «Древний Восток» употребляется в исторической литературе не столько в географическом, сколько в социально-политическом, а в еще более широком плане — в цивилизационном смысле. Не будет преувеличением сказать, что именно на Востоке начинается человеческая история. Общепризнанным является мнение, что именно на территории современного Ближнего Востока, на пространстве, узким перешейком соединяющем Африканский и Евразийский континенты, около 40 тыс. лет назад сложился современный тип человека — тип *Homo sapiens* («человек разумный»). Последующие миграции сапиентных людей в соседние, а затем и более отдаленные регионы (Северная Африка, европейское Средиземноморье, Иран, Средняя Азия, Индия, Китай) имели своим результатом постепенное складывание на этих новых территориях ныне существующих расовых типов.

Восток был представлен в древности несколькими крупнейшими региональными цивилизациями, значительным количеством малых и больших государств. Но наиболее типичными странами Древнего Востока, в которых с исчерпывающей полнотой воплотилась как специфика их общественного строя, так и сущность свойственной им государственной организации, являются Древний Египет, Вавилон, Древняя Индия, Древний Китай.

Древний Египет. В долине Нила первые политические структуры (именуемые в литературе протогосударствами) стали появляться еще в IV тысячелетии до н. э. Впоследствии эти сообщества, возникавшие в виде объединений вокруг храмов, стали именоваться греческим термином «*номы*». К номовому храму, как правило, тяготело несколько десятков поселений, так что территория нома могла простираться вдоль берега Нила на многие километры. Во главе номов стояли первосвященники соответствующих храмов. Функции этих служителей религиозного культа со временем значительно перерастали жреческие и приобретали административно-распорядительные, управленческие свойства. Так, одной из первоочередных (и по времени возникновения, и по степени социальной значимости) функций каждого комового правителя стала организация общественных работ по строительству и обслуживанию ирригационных сооружений, без которых была невозможна нормальная хозяйственная жизнь, зависящая от периодических разливов Нила (они происходили ежегодно в середине июля). Не случайно среди прочей титулатуры номовых правителей постоянно фигурировал титул «начальник канала».

По мере укрепления своей власти внутри нома правители вступали в соперничество друг с другом, стремясь сконцентрировать в своих руках власть над несколькими номами. По свидетельству жреца Манефона, написавшего первую (впоследствии утраченную) историю Египта, к середине IV тыс. до н. э. около двух десятков номов Верхнего (Южного) Египта, простиравшегося от истоков Нила до начала его дельты, были объединены под господством единого правителя. Примерно к этому же времени завершилось объединение Нижнего (Северного) Египта, располагавшегося в дельте Нила и также состоявшего примерно из двадцати номов, борьба между двумя правителями привела на рубеже IV и III тысячелетий (около 3000 г. до н. э.) к победе царя Верхнего Египта, легендарного Мины (Менеса), увенчавшего себя обеими коронами. Столицей страны с XXVIII в. до н. э. стал главный город Нижнего Египта — Мемфис. Объединенное государство представляло собою жестко регулируемое из центра хозяйственно-экономическое образование, связующую артерию которого составляла плодородная нильская долина. Власть египетских царей (фараонов) приобрела ярко выраженный деспотический характер.

Трехтысячелетняя история Древнего Египта, в течение которой сменилось свыше 20 фараонских династий, подразделяется на несколько периодов: Раннее царство (ок. 3000 — ок. 2800 гг. до н. э.), Древнее царство (ок. 2800 — ок. 2250 гг. до н. э.), Среднее царство (ок. 2050 — ок. 1700 гг. до н. э.), Новое царство (ок. 1580 — ок. 1070 гг. до н. э.). В промежутках между этими царствованиями лежали периоды хозяйственного и политического упадка, когда страна распадалась на отдельные номы, враждовавшие между собою. В период Нового царства Египет достиг наивысшего могущества, превратившись в первую в истории мировую державу: его владения вышли за пределы Африканского континента, включив ряд территорий Передней Азии (Сирия, Палестина). В конце Нового царства (XI в. до н. э.) стал нарастать кризис, приведший к экономическому, политическому и военному ослаблению. В VIII в. до н. э. Египет попал под власть кушанских племен, в VII в. до н. э. — под власть ассирийцев. В VI в. до н. э. он был покорен персами и включен в состав Персидской империи, а два века спустя (IV в. до н. э.) подвергся завоеванию Александра Македонского. Наконец, в 30 г. до н. э. Египет окончательно прекратил свое самостоятельное существование, став провинцией Римской империи.

Вавилонское государство сложилось в южной части Месопотамии (территория современного Ирака), в долинах рек Тигра и Евфрата. На рубеже V—IV тысячелетия до н. э. на территорию южного Двуречья из приморских районов Персидского залива переместились племена шумеров, создавшие здесь, на их новой родине, первый в человеческой истории очаг цивилизации и государственности. Первые надобщинные политические структуры в форме городов-государств в южной Месопотамии восходят к IV тысячелетию до н. э. Их примером может служить Урук, с историей которого позволяют ознакомиться как археологические данные, так и древнейшие памятники шумерской пиктографической письменности. Уже во второй половине III тысячелетия до н. э. население большинства протогосударств (Ур, Эриду, Киш, Лагаш, Ниппур, Умма, Ларса и др.) исчислялось десятками тысяч человек.

Город Вавилон, ставший впоследствии центром государства Вавилонии, возник в III тысячелетии до н. э. Его расцвет приходится на период правления шестого представителя вави-

лонской династии царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.), который поочередно разгромил всех своих соседей-соперников, объединил под своим господством территорию всей Месопотамии и создал могущественное и процветающее централизованное государство, самое развитое из всех государств Западной Азии. Однако, уже при преемниках Хаммурапи страна подверглась завоеванию сначала эламитских, а затем касситских племен. В VII в. до н. э. Вавилон был дважды разрушен ассирийцами. С середины VI в. до н. э. развернулась персидская экспансия против Вавилона. Датой его окончательной гибели принято считать 539 г. до н. э., когда город был взят войсками персидского царя Кира II.

На территории современной *Индии* самые ранние очаги городской культуры и первые протогосударства сложились в III тысячелетии до н. э. Об этом свидетельствуют раскопки городов Хараппы и Мохенджо-Даро, величественные руины которых, найденные в Северной Индии, в долине реки Инд, датируются примерно XXIV в. до н. э. Об уровне общественно-политического развития представителей Хараппской культуры (*дравидов*) судить весьма трудно, в частности, потому, что их письменность, представленная примерно 400 памятниками, до сих пор не расшифрована. Несомненным, однако, является факт сильного влияния на эту культуру более развитой цивилизации Двуречья. К тому же антропологический тип населения двух индских городов идентичен ближневосточному типу. Оба города просуществовали примерно до XVIII в. до н. э. Исходным толчком к их упадку послужили, вероятно, природные катаклизмы: есть основания предполагать, что в результате тектонического сдвига произошло изменение русла Инда, вызвавшего затопление городов, разрушение системы ирригации, истощение почв, гибель скота и эпидемии среди людей.

В XIV—XIII вв. до н. э. в северо-восточные регионы современной Индии началось массовое вторжение арийских племен (термин «арий» близок к понятию «равноправный»), имевших свою прародину, вероятнее всего, в Малой Азии и Закавказье (по предположению других ученых, — в Средней Азии или даже в южнорусских степях). Эти племена начали оседать первоначально в Пенджабе, а затем в долине реки Ганг; миграция шла волнами и продолжалась, вероятно, в течение нескольких

столетий. Язык, материальная культура и религиозно-этические воззрения этих индоарийских племен явились той первоосновой, которая определила перспективу развития индийской цивилизации вплоть до настоящего времени. Что же касается хараппской культуры долины Инда, то она, погибнув за несколько столетий до прихода ариев, не смогла оказать никакого воздействия на культуру новых мигрантов, так что последние закладывали устои индийской цивилизации практически заново.

В начале 1 тысячелетия до н. э. на территории современной Северной Индии, в бассейнах рек Ганга и Джамны, существовало множество небольших государственных образований, возникавших на основе отдельных племен или союзов нескольких племен. В IX — VIII вв. до н. э. на базе этих примитивных государственных образований стали возникать первые более или менее крупные государства (Анга, Бриджи, Панчала, Ватса, Куру и др.), вступающие между собою в ожесточенную борьбу. Эта борьба закончилась победой государства Магадхи, под властью которого уже к середине IV в. до н. э. находилась почти вся долина Ганга. В конце IV в. до н. э. здесь установилась новая династия Маурьев, просуществовавшая около полутора веков. Наивысшего расцвета империя Маурьев достигла в III в. до н. э., в период правления царя Ашоки (268—232 гг. до н. э.), завершившего процесс государственной централизации. Именно в период империи Маурьев были заложены основы всего дальнейшего развития индийской государственности. После смерти Ашоки территория империи, занимавшая практически весь Индостан (за исключением крайней южной оконечности этого полуострова), была разделена между его преемниками. Дальнейшие дезинтеграционные процессы привели к крушению династии и полному развалу империи. Со II в. до н. э. Индия вновь представляла собою картину крайней политической децентрализации.

Образование первого государства на территории современного *Китая* — государства Инь, расположенного в среднем течении реки Хуанхэ, — относится к середине II тысячелетия до н. э. (конец XIV в. до н. э.). Государство Инь вело длительные войны с соседними племенами, в результате которых его территория значительно расширилась. Просуществовав свыше трех веков, государство Инь в XI в. до н. э. было завоевано близкими в этническом отношении к иньцам племенами чжоу, осно-

вавшими новое государство. В VII — VI в. до н. э. государство Чжоу распалось на множество самостоятельных царств (Ци, Чу, Цинь, Сун, Юэ, Лу, Цзинь и др.), вступивших на путь ожесточенной междоусобной борьбы, — в связи с этим период V—III вв. до н. э. вошел в китайскую историю под наименованием Чжаньго («Борющиеся царства»).

Победителем в этой борьбе вышло царство Цинь, император которого Цинь Ши-хуанди провел ряд реформ, приведших к созданию первой в истории Китая централизованной империи (III в. до н. э.). О могуществе, больших финансовых и людских возможностях империи Цинь свидетельствует построение грандиозной Великой китайской стены, прикрывшей северо-западную границу империи от экспансии кочевников. Протяженность стены определяется в 4—5 тыс. км., ее высота колеблется от 6 до 10 м. Стена снабжена различными крепостными сооружениями, помещениями для охраны, сторожевыми башнями; по верхней плоскости стены можно было проехать на колеснице. В сооружении стены участвовали миллионы мобилизованных крестьян, сотни тысяч из них погибли от изнурительного труда. В своей значительной части Великая китайская стена сохранилась до наших дней.

Империя Цинь пала в результате массового народного восстания (209—206 гг. до н. э.), один из руководителей которого Лю Бан основал новую империю — империю Хань, просуществовавшую до III в. н. э. Принципы социальной структуры, а также специфические особенности государственной организации, заложенные в период Циньской империи, оказались настолько приспособленными к потребностям социально-экономической и политико-правовой жизни древнекитайского общества, что они практически без каких-либо существенных изменений были интегрированы в систему институтов Ханьской империи. В течение последующих столетий, постепенно приобретая силу национальных традиций, получая соответствующее правовое, религиозное и морально-этическое обоснование, эти социально-политические устои циньско-ханьской эпохи сохранили свою жизнеспособность на протяжении всей дальнейшей истории императорского Китая, вплоть до буржуазной революции 10-х гг. XX века.

Приведенный хронологический обзор свидетельствует, что государственность в странах Древнего Востока насчитывает бо-

лее пяти тысячелетий. Характерные признаки и свойства древневосточной государственности, существенно отличающиеся от институтов античных обществ, были вызваны к жизни спецификой как действовавших здесь экономических и социальных факторов, так и типологическими особенностями последовательно сменявших друг друга административно-политических структур.

2. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Древневосточная община. Природные условия, игравшие первостепенную роль на ранних фазах развития человеческого общества, в рассматриваемых регионах были весьма благоприятными для производственной деятельности людей. Теплый и влажный климат, плодородные почвы, полноводные реки, богатства растительного и животного мира, достаточно высокая плотность населения — все это обеспечивало хорошие условия для занятий земледелием и скотоводством, ремеслами и промыслами. Многовековой опыт убеждал в необходимости регулирования водоснабжения с целью повышения плодородия почв — при этом условии появлялась возможность собирать урожай 2—3 раза в году. Была осознана необходимость искусственного орошения, что требовало возведения грандиозных по тому времени ирригационных сооружений (водохранилищ, плотин, каналов, дамб и т. п.). Подсчитано, например, что в Древнем Египте в течение ста дней, пока созревала жатва, каждый гектар поливных площадей требовал от 4 до 5 тысяч тонн воды. Поскольку индивидуальная семья даже при всей ее теоретически возможной многочисленности была физически не в состоянии осуществлять строительство, а затем поддерживать эффективное функционирование ирригационных сооружений, осваивать новые земельные участки, обеспечивать охрану посевов и скота от диких животных, осуществлять другие хозяйственные работы, единственно возможной формой хозяйствования являлась коллективная, а следовательно — общинная форма.

Наибольшей прочностью и жизнеспособностью отличалась община в Древней Индии и Древнем Китае. Эта община, в рамках которой проживала основная масса сельскохозяйственного населения, возникла вследствие разложения родового строя, сохранив один из его важнейших принципов — принцип коллективной собственности на землю. Следовательно, с теоретической точки зрения община являлась переходной формой от безраздельно господствовавшей на ранних этапах развития человеческого общества коллективной земельной собственности к индивидуальному хозяйствованию, основанному на частной собственности.

Будучи одной из самых ранних форм социальной организации, община прошла ряд этапов в своем развитии. На смену изначальной родовой (кровнородственной) общине с течением времени пришла община соседская (территориальная): не все ее члены вели свое происхождение от единого предка, поскольку в составе общины могли оказаться пришельцы-чужаки, в то время как некоторые кровные родственники вынуждены были покидать своих сородичей в поисках заработка. Производство в такой общине имело преимущественно натуральный характер, земледелие и ремесло не были дифференцированы, товарно-денежные отношения отличались неразвитостью, разделение труда между общинами было весьма слабым или вообще отсутствовало. Община выступала в качестве непосредственного владельца принадлежавшей ей земли (тогда как юридическим собственником земли являлось государство в лице его верховного правителя). Продажа или покупка земли осуществлялась общиной в целом, а не отдельными семьями. Каждая семья, входившая в состав общины, получала из общинного фонда индивидуальный надел, которым и пользовалась вначале временно, а впоследствии и постоянно. Первоначально существовали традиционные периодические переделы земли между семьями — такая практика была формой проявления общинного контроля над принадлежавшими ей землями; впоследствии переделы постепенно сошли на нет, так что отдельные семьи закрепили свои участки в наследственное пользование. Но при всех условиях значительная часть общинных земель (нераспаханная целина, лес, река, выгон для скота и пр.) оставалась в общем пользовании и разделу не подлежала. Кроме того, часть

пахотной земли могла быть оставлена для совместной обработки — получаемый с нее урожай шел на уплату налогов, на общественные нужды, а также составлял резервный страховой фонд (в Китае на такие общественные нужды выделялось до одной девртой от всего количества общинной пахотной земли). Крестьянские семьи владели участками общинной земли до тех пор, пока оставались членами общины. Частная собственность на землю не была еще развита в достаточной степени. Нараставшие с течением времени процессы имущественной дифференциации внутри общины, как правило, не вели автоматически к ее краху и развалу. Единая ирригационная сеть не давала возможности состоятельным крестьянам порвать с общиной, так что сельские богачи были вынуждены мириться с ее традициями и порядками, сковывающими частную инициативу. С другой стороны, обедневшие и разорившиеся крестьяне могли все-таки поддерживать свой статус свободных людей, опираясь на поддержку и помощь общинного коллектива. Длительное (в течение тысячелетий) сохранение сельской общины как основной формы социально-производственного объединения людей составляет один из существеннейших квалифицированных признаков общественной организации стран Древнего Востока. Несмотря на экологические катастрофы, социальные потрясения, падение государств, смены династий, община каждый раз возрождалась и продолжала функционировать в своей первозданной сути. Явившись следствием и показателем низкого уровня развития производительных сил древневосточного общества, община, в свою очередь, оказала обратное тормозящее воздействие на направления и темпы экономического, политического, культурного развития этого общества. Таким образом, причина и следствие, диалектически меняясь местами, определили преобладание консервативных тенденций в общей перспективе исторической эволюции древневосточных социально-политических структур.

Управление общиной осуществлялось коллективным соборанием всех ее членов. Кроме того, существовал старейшина, решавший общие дела по согласованию с советом, — в последнем были представлены наиболее авторитетные лидеры родовых кланов. Главы общин и общинных советов обычно избирались при соблюдении более или менее демократических про-

цедур. Функции общинного старейшины были достаточно широки и разнообразны: справедливые переделы пахотных участков между семьями, регулирование использования неразделенных общинных угодий, организация общественных работ (в том числе и в первую очередь — возведения ирригационных сооружений), представительство общины во взаимоотношениях с соседними общинами, отправление функций культового характера и т. д.

Со временем старейшина, возглавлявший общину, приобретает над ее членами определенную власть. Под термином «власть» принято понимать возможность лидера человеческого коллектива осуществлять свою волю либо с согласия тех, кого эти веления затрагивают, либо вопреки их сопротивлению. Власть общинного лидера была так называемой властью положения, высшей позицией в шкале категорий «престиж — авторитет — власть», которая не имела никаких других оснований, кроме двух предшествующих ступеней («престиж — авторитет»).

Протогосударство. Дальнейшая эволюция общественного развития приводила к формированию более высоких и более сложно организованных политических структур, которые в современной литературе принято именовать *надобщинными* или *протогосударственными*. Для возникновения первичных (простых или племенных) протогосударств необходимо было наличие трех основных факторов. Первый из них — оптимальная экологическая среда, как бы объективно подталкивающая население данного региона к стиранию общинных границ, к более тесной межобщинной интеграции (конкретными примерами могут служить условия, возникавшие в долинах крупных рек — Нила, Тифа и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы, разливы которых оказывали однотипное воздействие на хозяйственную жизнь всего проживавшего здесь населения, безотносительно его общинной принадлежности). Второй фактор — это уровень общественного производства, необходимый и достаточный для достижения определенной массы избыточного продукта, — последний, в силу возрастания своего количества и разнообразия, превращается в действенный стимул налаживания и укрепления межобщинных интеграционных связей. Третьим фактором является достижение некоего оптимального демографического показателя, определенной плотности населения, — достижение этого уровня также дает мощный толчок к резкому усилению

процессов политогенеза. Что же касается роли войны в процессе становления надобщинных организаций, то господствовавшая в предшествующей литературе точка зрения на этот счет к настоящему времени решительно пересмотрена. Большинство современных исследователей полагает, что войны и завоевания являются скорее не причиной, а следствием возникновения надобщинных протогосударственных объединений. И хотя определенную роль военного насилия в процессе раннего политогенеза отрицать нельзя, соперничество между наиболее могущественными старейшинами в стремлении распространить свою власть за пределы одних только собственных общин осуществлялось преимущественно мирными средствами.

В результате указанных процессов складывалась ситуация, когда наиболее удачливый лидер одной из общин объединял под своей властью несколько соседних общин. Первичное (простое или племенное) протогосударство, возникавшее вследствие такой интеграции, представляло собою группу общинных поселений, из которых одно, являвшееся родиной протожды, становилось центральным, а остальные превращались в региональные подразделения образующегося территориального единства.

Среди главных направлений деятельности вождя, возглавляющего отныне надобщинную структуру, помимо традиционной административной функции, присущей ему изначально, гораздо более значительную роль приобретает функция военного руководства — она фактически выходит на передний план по сравнению со всеми остальными. Поскольку в одном регионе, как правило, возникало одновременно несколько протогосударств, неизбежно возникавшее между ними соперничество, имеющее целью реализовать объективно сложившееся хозяйственное и демографическое преимущество, могло быть разрешено только с применением военной силы. Такое положение имело своим следствием усиленное (иногда даже гипертрофированное) развитие милитаристских управленческих подразделений, а также складывание особой социальной группы воинов-дружинников, для которых военный промысел становится фактически профессиональным занятием. Естественно, что в силу чрезвычайной важности военной функции среди других направлений деятельности надобщинных политических струк-

тур, высшее руководство складывающимся военным ведомством сосредоточивается в руках верховных лидеров ранних протогосударственных объединений.

Заслуживает самого пристального внимания еще один важнейший процесс, сопровождающий трансформацию власти общинного лидера во власть вождя первичного протогосударственного объединения. Дело в том, что первоначально порядок замещения верховной власти в ранних протогосударствах фактически ничем не отличался от способа, традиционно применявшегося в общинных коллективах, — он оставался выборным, и никаких других форм делегирования общественной власти еще в принципе не существовало. Между тем высшим интересом правителя, хотя бы на краткий миг вкусившего как саму власть, так и сопровождающие ее преимущества и привилегии, являлось стремление к максимально прочному, длительному и безоговорочному овладению этой властью, а в идеале — к закреплению ее за своими потомками и наследниками, ибо это последнее обстоятельство было способно придать власти правителя характер максимальной легитимности, гарантировать ее от каких бы то ни было посторонних посягательств. При этом важно заметить, что легитимизация власти верховного правителя отвечала также интересам и подавляющего большинства людей, объединенных в рамках надобщинной политической структуры, поскольку она приводила к укреплению интеграционных процессов, способствовала ослаблению либо даже полному преодолению центробежных импульсов, чьими носителями традиционно оставались лидеры региональных подразделений. В конечном счете, именно сильная, обладавшая безоговорочным авторитетом центральная власть могла придать свойства прочности и устойчивости складывающейся протогосударственной социально-политической конструкции, — свойства, нужда в которых на первых порах была особенно ощутимой.

В этих условиях мощным рычагом, радикально усилившим легитимность власти, явился институт ее сакрализации. Вся система существовавшего в обществе религиозного культа, все его духовные и материальные ресурсы были мобилизованы на обоснование особого мистического статуса верховного правителя, который отныне оказывался коренным образом противопоставленным всей остальной массе смертных. Верховный правитель

приобрел свойства носителя божественной благодати, превратился в связующее звено между земным миром и сферами обитания сверхъестественных сил. Сакрализация личности вождя способствовала окончательному формированию данной должности как политико-правового института. В свою очередь, институционализация должности вождя вызвала к жизни тенденцию ее постепенной деперсонализации, придание этой должности символического, внеличного и сверхличностного характера. Властные полномочия стали рассматриваться как атрибуты, присущие вождю имманентно и даже безотносительно самого факта их реального исполнения; столь же имманентно в глазах общества стали присущими вождю и сакральные характеристики. Власть вождя над людьми стала его пожизненным правом, дарованным ему богами, — естественно, что в этих условиях принцип выборности протогосударственного лидера утрачивал реальный смысл и потому был существенно трансформирован. По крайней мере, был существенно сужен круг лиц, чьи претензии на власть могли быть приняты в расчет. Этот круг был ограничен определенным числом кровных родственников и ближайших помощников вождя, — первых — потому, что именно на них преимущественно распространялась божественная благодать, дарованная вождю; вторых — потому, что близость к вождю способствовала приобретению ими наибольшего опыта в выполнении увеличивающихся численно и усложнявшихся качественно административно-управленческих задач, — впрочем, в реальной жизни эти две названные категории наиболее реальных претендентов на преемственность власти вождя очень часто совпадали между собою.

Закрепление принципа наследования верховной власти в рамках одной семьи (причем, что весьма существенно, — по главной линии родства) имело очень важные последствия не только с точки зрения консолидации самой этой власти, но и в плане стабилизации всей социально-политической структуры первичных протогосударств.

Таким образом, первичное протогосударственное объединение представляло собой не простую механическую совокупность нескольких общинных образований, но принципиально новое, неизмеримо более высокое социальное единство, обладающее признаками политической структуры, окончательное

становление которого вызвало к жизни возникновение целого ряда неизвестных ранее управленческих функций (прежде всего, военной, а также генетически связанной с ней судебной) и необходимых для их реализации механизмов. Власть вождя в протогосударстве уже оформилась в целостный политико-правовой институт, прочность которого остается незыблемой независимо от личностных качеств конкретного носителя этой власти. Из слуги общества, выполняющего своего рода общественное поручение, протогосударственный вождь превращается в правителя, возвышающегося над обществом и потому ощущающего себя способным к политическому диктату. Преимущества и привилегии, сопряженные с исполнением верховной власти, уже не рассматриваются обществом как своего рода компенсации политическому лидеру за его управленческие усилия, — они воспринимаются как свидетельства сверхчеловеческого статуса правителя, как проявления проливаемой на негр божественной благодати. Право вождя на верховное руководство признается безусловным и неоспоримым; таким же неоспоримым является и принцип перехода власти в руки наследников вождя в рамках генеалогического родства. Таким образом, сильная, получившая свое сакральное обоснование верховная власть, легитимность которой была распространена общественным сознанием как на ее носителя, так и на его потомков, являлась в условиях протогосударства тем прочным стержнем, который в значительной степени обеспечивал жизнеспособность всей общественно-политической конструкции. Дальнейшая эволюция древневосточных политических структур (протогосударство — раннее государство — развитое государство) шла в значительной степени под влиянием этого важнейшего политико-правового института, в котором атрибуты авторитаризма и сакральности не уступали по значимости друг другу.

Раннее государство. Более развитая административно-политическая структура, именуемая ранним государством, отличается от протогосударства не только внешними показателями (как правило, более обширной территорией, заселенной десятками и сотнями тысяч людей, принадлежавшая к различным, далеко не всегда родственным родам и племенам), но и важнейшими сущностными характеристиками. В раннем государстве функционирует сложная, разветвленная, иерархи-

чески структурированная система администрации, обычно подразделяемая на три основных уровня — центральный (высший), региональный (средний) и местный (низовой). Если на высшем уровне уже может быть отмечена значительная специализация управленческих функций (военно-организационная деятельность, отправление религиозно-культовых поручений, руководство канцелярским делопроизводством, забота об общественных хранилищах, курирование ремесленными службами, иногда даже осуществление контрольно-ревизионных полномочий), то на среднем уровне эта специализация выражена гораздо слабее, а на низшем — практически совершенно отсутствует. Зато именно на низшем уровне приобретает все более важное значение функция организации общественных работ, которая именно в рассматриваемый период выходит на одно из первых мест во всей системе государственного управления. Массовые общественные работы, связанные в первую очередь с градостроительством (оборонительные стены, общественные здания, производственные помещения), с мелиорацией почв (каналы, водохранилища, плотины, дамбы), с прокладкой дорог, с возведением культовых сооружений (храмы, некрополи, усыпальницы, монументы), всей своей тяжестью возлагались на плечи свободного сельского населения, массы крестьян-общинников, которые трудились на этих объектах по особым разнарядкам, поочередно, в свободное от сельскохозяйственных забот время, находясь в эти дни на полном государственном обеспечении. При этом следует заметить, что участие в таких мероприятиях отнюдь не рассматривалось современниками как выполнение подневольных, принудительных отработок, — напротив, высокая общественная значимость такого труда придавала ему характер почетности и престижности. И если иметь ввиду, что подобная практика, несомненно, способствовала значительному возрастанию авторитета тех администраторов низового звена (а именно — глав общин), на которых была возложена непосредственная организация общественных работ, то не будет удивительным факт прогрессирующего возрастания роли тех руководителей и тех возглавляемых ими центральных правительственных структур, которые отвечали за реализацию данной функции в общегосударственном масштабе.

Период существования ранних государств характеризовался также значительным возрастанием религиозно-идеологического воздействия на общественное сознание. Процесс сакрализации верховной власти, начавшийся в протогосударственную эпоху, в рассматриваемый период достигает своего полного и окончательного завершения. Правитель раннего государства в глазах современников предстает либо в качестве сына бога, либо даже самого бога, — в соответствии с этим могущество и всевластие верховного правителя утрачивают какие-либо офаничительные границы, существующие в человеческом понимании. Окончательная институционализация и деперсонализация верховной власти превращает верховного правителя в символ, олицетворяющий государственное единство.

К эпохе раннего государства относится возникновение еще одного процесса, оказавшегося чрезвычайно важным для дальнейшего развития всех без исключения сторон социально-экономической, политической и правовой жизни древневосточных обществ. Речь идет о возникновении элементов новой формы собственности, именно частной собственности, не существовавшей в более ранних административно-политических образованиях. Возникновение этой новой формы собственности было связано с появлением и прогрессирующим возрастанием количества продуктов материального производства, оказывающихся излишними по отношению к реально существующим общественным потребностям. Эти излишки возникали из двух основных источников — внутреннего, каким являлось совершенствование форм хозяйствования (увеличение размеров пахотных площадей, повышение урожайности, совершенствование орудий ремесленного производства и т. д.), и внешнего, приносимого военными успехами (захват военнопленных, чей даровой труд мог быть использован в производстве; поступление дани с покоренных и зависимых соседних племен). Образующиеся материальные излишки становились товаром; имела тенденцию превратиться в товар и рабочая сила. Стал складываться рынок, где обращались товары и услуги; возникала необходимость в деньгах как средстве всеобщего эквивалента. Зарождение частнособственнических отношений знаменовало достижение той ступени общественной эволюции, которая означала перерастание раннего государства в государство развитое.

Развитое государство. Важнейшим общественно-политическим процессом, произошедшим на рассматриваемой стадии, было установление баланса взаимоотношений между складывавшейся частной собственностью и административно-командной системой, которая олицетворяла собой государство в типичной для него форме древневосточной деспотии.

Коллективные формы ведения хозяйства, практикуемые в древневосточных обществах на протяжении многих предшествующих тысячелетий, превратили в аксиому общественного сознания представление о том, что собственность принадлежит всем одновременно и никому конкретно. Постепенное, шедшее с нарастающей интенсивностью делегирование верховной власти в руки сакрализованного правителя, о котором шла речь в предыдущих разделах, сопровождалось одновременным делегированием ему и функций верховного собственника; процесс деперсонализации верховной власти имел одним из своих важнейших следствий оформление институтов господствующей формы собственности, каковой являлась собственность государственная. Конечным результатом действия указанных тенденций явилось возникновение специфического феномена, составляющего квалифицирующий признак всех общественно-политических отношений на Востоке, — так называемого феномена власти-собственности, две составные части которого (власть и собственность) слиты в нерасчлняемое единство. При этом следует со всей определенностью подчеркнуть, что в указанном единстве, рассматриваемом как с сущностной, так и с генетической точки зрения, неоспоримый приоритет принадлежал именно власти, а собственность всегда квалифицировалась как нечто вторичное и производное от нее. Реальные права собственности возникали из функций власти; принадлежность к власти превращала индивида в собственника; объем реальных собственнических прав в принципе соответствовал номинальному объему власти.

Становление и окончательное оформление феномена власти-собственности (в том числе феномена верховной власти — верховной собственности) означало важнейший шаг в институционализации государственного устройства древневосточного общества в форме деспотической административно-командной системы. И пока оставалась незыблемой вызвавшая ее к

жизни социально-экономическая и политическая основа, эта система, наделенная высокой степенью относительной самостоятельностью, обладала большими регенерационными возможностями, способностями к бесконечному воспроизводству самой себя в практически неизменных, поистине клонированных формах.

С теоретической точки зрения развитие институтов частной собственности, с особой силой проявившееся в эпоху развитого государства, представляло собой потенциальную опасность для устоев административно-командной системы. Поскольку избыточный продукт, производимый обществом во все возрастающем количестве, попадал в руки частных собственников непосредственно, т. е. минуя стадию его перераспределения централизованными государственными структурами, это угрожало целостности всей общественно-политической системы. Вместе с тем, административно-командная система была не в состоянии не допустить концентрации богатств в руках частных собственников, поскольку развитие приватизационных процессов было вызвано к жизни всем ходом предшествующего общественного развития. Единственно возможной ответной реакцией системы на объективно складывающуюся ситуацию было стремление поставить под строгий контроль развитие частнособственнических отношений, максимально ограничить сферу действия рынка товаров и услуг. Подобная реакция, имевшая на первых порах характер инстинктивно-оборонительного рефлекса, превратилась впоследствии в целенаправленную государственную политику, конечной целью которой была нейтрализация дезинтегрирующих тенденций, стабилизация всей общественно-политической системы, базирующейся на феномене власти-собственности. Отныне и навсегда было определено положение частной собственности по отношению к собственности государственной — положение второстепенное, подчиненное и зависимое. Частная собственность получила возможность функционировать исключительно лишь с соизволения и под покровительством властей: каким-либо собственными, твердо определенными правовыми гарантиями она не обладала изначально, — никаких подобных гарантий она не смогла приобрести и в ходе всей своей последующей эволюции.

Еще один важнейший процесс, завершение которого также приходится на эпоху развитого государства, связан с окончательной институционализацией системы принуждения. Сакрализация верховной власти изначально и имманентно содержала в себе потенцию принуждения, поскольку ее носитель, наделенный сверхъестественным могуществом, обладал правом на действия, которым его поданные не могли противостоять. Но поскольку внутриобщественные конфликты на первых порах еще не выражались с достаточной определенностью, угроза принуждения первоначально проявлялась лишь за пределами общества, будучи неразрывно связанной с военной функцией государства. Здесь она могла воплощаться в конкретные формы насилия, направленные против пленных, захваченных в ходе победоносных войн, а также против тех контингентов иноплеменников, которые поступали в виде «дани кровью» с покоренных и зависимых народов. Но когда эти категории чужаков оказывались имплантированными внутрь общества, приобретая статус рабов, формирующиеся способы и методы принуждения также перемещались вслед за объектами своего применения. При этом институционализация принуждения объективно ускорялась и в определенной степени упрощалась тем обстоятельством, что раннее рабовладение имело преимущественно коллективные формы, так что первым фактическим «хозяином» иноплеменнико-рабов являлось государство в целом, — вследствие этого правовая регламентация институтов принуждения и насилия, направляемая централизованной, концентрированной волей, характеризовалась высокой степенью единообразия, а потому — общеобязательности и императивности.

Дальнейшая активизация приватизационных процессов, о которых шла речь ранее, с неизбежностью коснулась и отношений рабовладения, — наряду с господствующими коллективными его формами возникли и укрепились частнособственнические формы. Кроме того, с течением времени рабы перестали быть единственными объектами воздействия институтов принуждения и насилия, — количество таких объектов стало стремительно возрастать за счет представителей гомогенного населения, то есть тех соплеменников, которые по различным причинам «заслужили» применения против них мер государственного воздействия. Уже достаточно хорошо апробированные на

«чужаках», эти меры оказались тем более эффективными в борьбе против «своих» правонарушителей и преступников, начиная от внешне добропорядочных должностных лиц, уклонившихся от выполнения распоряжений вышестоящих властей, и кончая потерявшими человеческий облик насильниками и убийцами. Разумеется, и все возраставшее разнообразие морально осуждаемых действий, и рост числа субъектов подобных антисоциальных проявлений неизбежно вели к определенной дезинтеграции институтов принуждения и насилия, — дезинтеграции, проявившейся как в изменении их восприятия общественным сознанием, так и в реальном функционировании соответствующих государственных механизмов. Однако можно со всей определенностью утверждать, что вплоть до самых заключительных этапов истории древневосточных государств, институты принуждения и насилия, действовавшие в них, отличались гораздо более высокой степенью централизованной регламентации, чем это было свойственно античным европейским государствам средиземноморского региона.

Институционализация принуждения и насилия явилась тем решающим стимулом, который привел в движение еще один важнейший процесс, завершившийся на стадии развитого государства. Речь идет об институционализации закона как такового, — закона как материализованной государственной воле, воплощенной в регламентированной норме, обязательной для исполнения всеми членами общества. Нормы, регулирующие отдельные, первоначально разрозненные элементы общественных отношений, приобретали с течением времени тенденцию к консолидации в компактную, по возможности непротиворечивую систему, призванную разрешать коллизии, которые могут возникнуть в более обширных сферах человеческого бытия, одной или даже нескольких смежных, — сферах, которые ныне принято именовать отраслями права. Образцами такой законотворческой деятельности, их конкретными результатами могут служить сохранившиеся до наших дней первые систематизированные сборники или своды правовых норм, действовавшие в различных древневосточных государствах. Вполне естественно, что историческая традиция приписывает их авторство конкретным верховным правителям данного государства, — типичным образцом подобных сводов может служить т. н. Законник Хам-

мурапи, подробная характеристика которого составит особый раздел дальнейшего изложения.

Обрисованный выше процесс политогенеза не только определил сущность общественной и политической организации, окончательно сложившейся в странах Древнего Востока; но и обрисовал возможные пути ее последующей эволюции. Квалифицирующими признаками этой организации, принципиально отличающими ее от античных обществ европейского образца, являлись: приоритетное положение государственной формы собственности над частной; отсутствие различий между рентой собственника и государственным налогом; феномен власти-собственности, фактически растворяющий гражданское общество в государстве. Явившись порождением косности и консерватизма протекавших на Востоке общественно-политических процессов, древневосточное государство проявило тенденцию к максимальной устойчивости, к самосохранению, к принципиальному неприятию каких-либо объективных перемен и субъективных нововведений. Традиционализм, консервативная стабильность определили дальнейшее развитие стран этого региона не по линейно-прогрессивному направлению, а по циклической траектории, когда изменения затрагивали преимущественно лишь количественные параметры, тогда как сущностные характеристики всей системы в своей основе оставались практически неизменными. Впрочем, было бы неправильно говорить о полной стагнации древневосточных обществ и отрицать какие бы то ни было происходившие в них перемены. Следует только иметь ввиду, что сложившаяся система тщательно отбирала, умело адаптировала и оптимально использовала исключительно лишь те новшества, которые ее еще более укрепляли и стабилизировали. Те же новые веяния, которые грозили ослабить централизацию, поколебать всемогущество верховной власти, подорвать систему религиозно-идеологических ценностей, стимулировать местный сепаратизм, активизировать индивидуалистические устремления подданных, — все эти и подобные им тенденции максимально энергично подавлялись всей мощью государственной машины, всей силой составлявших ее политико-правовых (в первую очередь, карательных) механизмов.

3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

В понятие «общественный строй» принято включать два основных компонента. Первый из них составляют существующие в данном обществе формы собственности, второй — сложившаяся в этом обществе социальная структура. Из двух названных компонентов первый является ведущим; второй, хотя он и является производным от первого, также способен оказывать на указанный первый компонент самое существенное обратное воздействие. Таким образом, в реальной жизни оба компонента существуют и функционируют в тесном и неразрывном единстве, так что сама постановка проблемы приоритетности одного из них над другим имеет скорее теоретический и гносеологический, чем практически-сущностный характер.

Как уже отмечалось выше, в развитых государствах Древнего Востока существовало несколько форм собственности: государственная, общинная и частная, находившихся в различных сочетаниях друг с другом. Их возникновение и дальнейшая эволюция были обусловлены теми специфическими формами ведения хозяйства, которые были свойственны данным регионам. Две первые из названных форм возникли намного раньше третьей; их взаимоотношения между собой характеризовались большей гармоничностью: давала себя знать общность происхождения и многотысячелетний опыт их сосуществования. Возникновение и укрепление частной собственности содержало в себе потенциальную угрозу для безраздельного господства двух исторически первых форм. Как уже отмечено ранее, на стадии развитого государства баланс между всеми тремя формами собственности был в своих принципиальных чертах установлен. Но поскольку сам процесс приватизации в различных древневосточных обществах протекал не синхронно и отличался неодинаковой степенью интенсивности, оказались многовариантными и формы сложившегося баланса. Так, в Древнем Вавилоне, где развитие товарно-денежных отношений было наиболее высоким, разлагающаяся общинная и формирующаяся частная собственность образовали единый комплекс, успешно и эффективно противостоящий государственной собственности в ее двор-

цово-храмовой разновидности. В Древнем Египте царско-храмовая собственность явилась основой мощного государственного сектора, который сначала подчинил, а затем фактически поглотил общинно-частный сектор. В Древней Индии общинные порядки отличались наибольшей прочностью, так что государственный сектор экономики имел весьма ограниченную перспективу развития. Для Древнего Китая было характерно более или менее гармоничное сочетание трех названных форм собственности.

Следует при этом подчеркнуть, что современная историография, изучающая процесс политогенеза в странах Древнего Востока, решительно отвергает один из основополагающих тезисов марксизма, касающихся данной проблематики, — тезис, согласно которому главной причиной возникновения государства в данном регионе явился раскол общества на антагонистические классы. Наоборот, большинство современных исследователей полагают, что в связке «классы — государство» приоритетным, генетически первостепенным является именно второй элемент, тогда как первый по отношению к нему является вторичным и производным.

Можно утверждать, что исторически наиболее ранними основаниями для формирования самых первых, изначальных, еще весьма неустойчивых и аморфных социальных группировок являлись такие показатели, как способы добывания средств к существованию (результатом действия этого фактора явилось возникновение прослоек земледельцев, скотоводов, ремесленников), конкретные виды общественно-полезной деятельности (обстоятельство, под влиянием которого формировались, например, группировки жрецов и воинов), принадлежность к сфере властных полномочий (критерий, определивший социальный статус администраторов-управленцев).

Но все эти факторы начинают проявляться более или менее отчетливо только тогда, когда общество уже необратимо встало на путь прогрессирующего развития его административно-политических структур и когда оно уже прошло хотя бы начальные стадии политогенеза. Именно административно-политические организации в рассмотренных выше вариантах протогосударства и раннего государства явились той исходной ба-

зой, в рамках которой шло формирование первичных социальных комплексов, слоев, прослоек и групп.

До сих пор речь шла об образовании социальных групп, возникавших внутри общества и формировавшихся из местного, аборигенного, этнически более или менее однородного населения. Однако по мере развития военных контактов с соседними народами и племенами возникла и приобрела тенденцию к дальнейшему численному росту еще одна социальная категория, представленная чужаками-пленными, обращенными в рабов. Естественно, что с самого начала правовой статус этой группировки коренным образом отличался от аналогичного статуса этногенных социальных объединений, — как от каждого из них в отдельности, так и от всех их вместе взятых. Главное, что выделяло прослойку рабов из остальных уже существовавших в обществе социальных группировок, — это именно то, что раб являлся «чужим», а потому изначально лишенным тех прав, которые принадлежали (разумеется, в различном объеме) всем остальным этногенным образованиям, — просто в силу того очевидного и бесспорного факта, что они являлись «своими».

Все более глубокое внедрение институтов рабства и рабовладения в общественно-политические структуры древневосточных обществ означало существенную трансформацию представлений об исходном человеческом равноправии. В общественном сознании стала укрепляться мысль о принципиальной возможности перенесения статуса неполноправности и на некоторые категории «своих». Отныне дальнейшая эволюция общественной структуры проходила под знаком взаимодействия уже по крайней мере двух системообразующих факторов — более раннего, который в свое время являлся двигателем социальной дифференциации этнически гомогенного, а потому изначально равноправного человеческого сообщества, и более позднего, внедрившегося сюда извне и построенного на презумпции априорного неравенства правовых статусов отдельных категорий людей.

И только в третью, последнюю очередь проявил себя еще один системообразующий фактор, который завершил процесс формирования социальной структуры древневосточного общества и сообщил этой структуре все ее специфические квалифицирующие признаки. Речь идет о факторе имущественной диффе-

ренциации, который был инициирован, а затем активизирован действием приватизационных процессов. Порожденные этими процессами институты долговой кабалы, отношения аренды и личного найма не оставили нейтральными к себе ни одну из существовавших к тому времени социальных группировок: внутри каждой из них, включая и полноправных, и рабов, произошло дополнительное расслоение по критерию имущественной состоятельности, так что свои кредиторы и должники, свои наемники и арендаторы, а в конечном счете — свои бедняки и богачи существовали в каждом из традиционно сложившихся социальных слоев. Такая типичная для Древнего Востока картина имела, по крайней мере, два существенных следствия. С одной стороны, охарактеризованные процессы приводили к радикальному увеличению количества разделительных критериев, превращающих общество в максимально мультиплицированный конгломерат. С другой стороны, они создавали потенциальную возможность для возникновения в будущем самых парадоксальных, самых неожиданных с точки зрения европейской психологии критериев, способных свести воедино, казалось бы, совершенно чуждых друг другу по интересам людей. Так, требование снизить размеры арендных платежей могло сплотить и подвинуть к социальному протесту и арендатора-раба, и свободного, но безземельного арендатора-бедняка, и крупнейшего магната, арендующего государственную землю. И пусть подобные объединения чаще всего были временными, непостоянными и неустойчивыми, — возникавшие, как правило, в периоды серьезных социальных потрясений, они оказывались достаточно жизнеспособными к решению существенно значимых общественных задач. Именно в этой повседневной социальной аморфности, временами сменяемой жесткой консолидацией, заключается самая сокровенная, самая загадочная для европейца тайна общественной организации не только древнего, но и современного Востока, — тайна, выражающаяся в парадоксальном сочетании двух диаметрально противоположных принципов: принципа «всеобщего мира» и принципа «войны всех против всех».

Таким образом, процесс социальной дифференциации в странах Древнего Востока происходил под влиянием разделительных процессов, которые могут быть сведены в три

основных комплекса: 1) процессы, протекавшие внутри этнически однородного общества; 2) процессы, вытекающие из принципа неравного правового статуса «своих» и «чужих»; 3) процессы, порожденные фактом имущественного расслоения, произошедшего как в гомогенных, так и гетерогенных структурах. Будучи чрезвычайно разнохарактерными по своей сущности, эти три указанные фактора имели весьма различный вектор своей направленности и к тому же действовали совершенно асинхронно. В результате сам процесс социальной дифференциации древневосточных обществ отличался исключительной длительностью и характеризовался не столько поступательными, сколько зигзагообразными (а зачастую и ретроспективными) тенденциями своего развития. В итоге, складывавшаяся в этих странах социальная структура характеризовалась, как уже было сказано, примечательным многообразием, множественностью и значительной качественной разнородностью составлявших ее элементов. И поскольку процесс социального структурирования в странах Древнего Востока фактически так и остался незавершенным, здесь даже в эпоху развитого государства не наметилось четких границ, отделявших одну группировку от другой; имелось множество промежуточных, переходных социальных состояний и оформлявших эти состояния структур, которые очень трудно вместить в более широкие комплексы, традиционно именуемые классами.

Следует при этом заметить, что сам термин «класс» в том его понимании, которое являлось господствующим в предшествующей марксистской литературе, может быть приложен к древневосточным общественно-политическим реалиям лишь с очень большой долей условности. Весьма показательно, что сам К. Маркс ни разу не употребил понятие «класс» в приложении к Востоку — не только к древнему, но и к Востоку XIX века. Дело в том, что существование феномена власти-собственности, — этого симбиоза, казалось бы, принципиально разносущностных категорий, на котором, тем не менее, зиждилась вся общественно-политическая действительность древневосточных государств, — порождало совершенно уникальную систему общественных связей, которая не укладывалась в схемы, типичные для европейских цивилизаций. Поэтому представляется, что вместо термина «класс» здесь будет целесообразно оперировать более

широкими, а потому, к сожалению, и менее определенными категориями, — это, в свою очередь, максимально повышает необходимость их детального сущностного анализа.

С учетом всего вышесказанного можно утверждать, что в древневосточном обществе более или менее определенно вырисовывались три крупные социальные группировки; 1) господствующие верхи, 2) рабы, 3) свободные мелкие производители.

В состав **господствующих верхов** входили следующие основные прослойки: придворная и служилая аристократия, жречество, военная знать, верхушечные слои земледельческих общин. Господствующие верхи осуществляли высшую политическую власть, обладая правами верховного собственника (упомянутый ранее феномен власти-собственности, на котором зиждется вся общественно-политическая система древневосточных государств). Экономическое могущество господствующего класса в странах Древнего Востока определялось сосредоточением в его руках основной массы обрабатываемых земель, источников водоснабжения, тяглового скота, рабов, денежных средств. Эти богатства формировались путем царских пожалований, раздачи земельных наделов и рабов, насильственных изъятий общинной собственности, за счет иных поступлений (военная добыча, получение выплат из государственной казны, кредитно-ростовщические операции и т. д.). Но при этом следует обязательно иметь в виду, что имущественные права господствующих верхов отнюдь не имели частнособственнического характера, а политическая власть принадлежала им лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока они были структурированы в государственный аппарат, — вне государственной организации эти верхи не обладают ни властью, ни собственностью, а потому и утрачивают само право быть господствующей элитой. Таким образом, характернейшая черта господствующих верхов в древневосточных странах заключалась в их тесной связи с государственным аппаратом, вплоть до полного слияния с ним. Как было показано ранее, специфическая особенность общественно-политических отношений в странах Древнего Востока состояла в том, что правовой статус человека здесь отнюдь не определялся исключительно лишь его социально-экономическим положением. Поэтому сами по себе знатность происхожде-

ния и высокий уровень имущественной состоятельности еще не являлись критериями принадлежности человека к господствующим верхам, — они не могли быть основаниями для претензий такого человека не только на государственную должность, но и вообще на право играть какую-либо роль в политической жизни. Наоборот, сам факт занятия государственной должности даже небогатым и незнатным доселе человеком автоматически вводил его в состав господствующей элиты; успешное дальнейшее продвижение этого человека по ступеням служебной карьеры символизировало постоянное увеличение объема его полномочий господства. Естественно, что причастность к власти предоставляла человеку возможность не только значительно укрепить свое материальное положение, но и обеспечить неприкосновенность своей собственности от посторонних посягательств, — добиться этого в условиях древневосточного общества было особенно важно, поскольку система государственных гарантий частного предпринимательства в отношении простых смертных здесь практически полностью отсутствовала. Однако в реальной повседневности все эти частнособственнические интересы и цели правящих верхов явно отходили на задний план в силу своей второстепенности и производности: оказывалось, что связанные с ними проблемы были способны автоматически разрешаться сами собой, когда и если достигалась главная цель — проникновение во властные структуры, в механизмы государственного аппарата. Поэтому борьба за приобретение места в этих механизмах, борьба за должность как таковую составляла главное содержание политического соперничества различных социальных группировок — столь аморфных и текущих, пока они оставались за пределами власти, и столь резко структурированных на уровнях, где была эшелонирована власть.

В различных древневосточных регионах проявлялись определенные специфические особенности, свойственные господствующим слоям данного конкретного государства.

Так, в *Древнем Египте* существовали определенные отличия в положении светской столичной и провинциальной (номовой) аристократии. Оставаясь самой привилегированной прослойкой в составе господствующих верхов, светская аристократия, тем не менее, находилась в состоянии известной конфронтации с центральной правительственной властью в лице

фараона. Во времена великих смут, приходившихся на периоды рубежей между Древним, Средним и Новым царствами, светская знать, особенно провинциальная, достигала почти полной независимости, вследствие чего происходил распад централизованного государства. Кроме того, для Древнего Египта была характерна известная конфронтация между светской и жреческой аристократией, — конфронтация, шедшая под знаком постоянного усиления позиций жрецов. Впрочем, непреодолимого водораздела между жрецами и светскими чиновниками не существовало: светский чиновник мог получить жреческий сан, а жрец мог занять весьма далекую от религиозной сферы государственную должность (например, военную или судебную). О размерах богатств храмов можно судить по документу, сохранившемуся от периода правления фараона Рамзеса III (рубеж XIII—XII вв. до н. э.). В тот период храмам принадлежало около 15 % всей пахотной земли, до 0,5 млн голов скота, 53 мастерские, 88 кораблей, 107 тысяч рабов (что составляло 2 % всего населения страны). Опираясь на свои огромные богатства, представленные как недвижимым, так и движимым имуществом, а также на свою монополию в идеологической сфере, жречество проявляло настойчивое стремление к расширению своего участия в государственном управлении. Поскольку существовало множество религиозных культов, жречество распадалось на несколько групп, во главе каждой из которых стоял верховный жрец. Примерно на рубеже III и II тысячелетий до н. э. жреческое звание стало наследственным в определенных семейных кланах, — жречество превратилось в замкнутую наследственную касту. Кроме жрецов, большую роль в государственной службе играли писцы. Поскольку они обладали монополией на грамотность, именно из их рядов выходили как высшие сановники, так и кадры местной администрации. Что касается общинной верхушки, то этот элемент в составе древнеегипетских господствующих верхов изначально был представлен достаточно слабо. Впоследствии, когда община была фактически разрушена под натиском мощного царско-храмового сектора, произошла еще большая консолидация правящих верхов, а их противостояние остальной массе населения приобрело максимально резкое выражение.

В составе господствующей верхушки **Вавилона**, помимо традиционно представленных здесь царских и храмовых чиновников, большую роль играли купцы и ростовщики (т. н. *тамкары*, т. е. лица, обслуживающие торгово-кредитную деятельность царского дворца и фактически превратившиеся в царских агентов). Их особое положение определялось относительно более высоким, чем в других странах Древнего Востока, уровнем развития товарно-денежных отношений, которые, впрочем, развивались исключительно лишь в царско-храмовом секторе хозяйства и почти не затрагивали сферу общинного производства. Жесткое государственное регулирование частнособственнических отношений оказывало сдерживающее воздействие на их развитие. Вместе с тем история Вавилона уже знает примеры достаточно крепких торговых объединений, влиятельных банковских домов с разветвленной сетью торговых посредников и агентов, действовавших как внутри государства, так и далеко за его пределами. Что же касается жречества, то его влияние было гораздо меньшим, чем в Египте. В отдельное сословие оно так и не сложилось, — мало того, Вавилону была известна и такая практика, как продажа жреческих должностей.

В **Древнем Китае** в состав господствующей элиты наряду с правящей столичной аристократией входила и провинциальная аристократия, ведущая свое происхождение из родовой знати покоренных племен. Среди всех категорий аристократии решающие позиции занимала светская знать, — положение жреческой аристократии всегда было достаточно скромным. Мощным структурирующим фактором уже со времен государства Инь являлись родственные связи; степень родства по отношению к императору (вану) фиксировалась в качестве титула (*гун*, *хоу*, *бо*, *цзы* и т. д.). Приобретение титула влекло за собой получение соответствующих привилегий, которые также варьировались в зависимости от близости к престолу. В период государства Чжоу иерархия представителей господствующей элиты оформилась в виде нескольких разрядов. Первый разряд (*гун*) составляли правители некогда самостоятельных царств, которые теперь стали своеобразными вассалами императора, сына Неба, правителя Поднебесной. Следующий разряд (*цин*) включал в себя наследственных глав автономных уделов, которые (уделы) раздавались правителями-гунами своим ближайшим родственникам

(чаще всего сыновьям) и верным сподвижникам; в составе этого разряда существовало три более дробные степени. К числу наследственных аристократов принадлежала и категория т. н. *дафу*, также представленная тремя степенями, — они, в отличие от цинов, не имели собственных владений и поддерживали свой статус службой, чаще всего военной. Особую ступень в иерархической лестнице составляли служивые люди, т. н. *ши*, — неплохо образованные, обладающие профессиональными навыками и связями в кругах знати, они готовы были выполнять роль верных и надежных вассалов по отношению к тем, кто будет им платить. Ранг чиновника (в III в. до н. э. количество чиновничьих рангов достигло 20) определял объем его реальных прав и привилегий, а также размер твердо фиксированного жалованья, выдаваемого обычно натурой (чаще всего зерном). Так, чиновник 1 (низшего) ранга получал в год ок. 10 тыс. кг зерна, чиновник 20 (высшего) ранга — ок. 60 тыс. кг. Лишь очень немногие чиновники 19—20 ранга (а их во всей империи насчитывались буквально единицы) обладали еще и правом на «кормления» (т. е. взимания в свою пользу налогов с определенного количества домохозяйств); при этом никакими административными полномочиями в пожалованных им территориальных округах они не пользовались, — функции управления этими территориями по-прежнему принадлежали государству. В царстве Цинь была осуществлена даже регламентация формы одежды чиновников различных рангов, определены размеры их жилья и количество рабов, находившихся в их услужении. Параллельно шел процесс формирования новых прослоек знати по принципу меритократии (т. е. выдвижения за заслуги), — при этом новая знать, проявившая себя в сферах военного дела, юстиции, торгово-ростовщической деятельности, либо оттесняла родовую знать с ее прежних руководящих позиций, либо сливалась с ней, перенимая на себя часть ее монопольных прав и привилегий.

В *Древней Индии* важнейшей составной частью правящей элиты являлась светская аристократия, ведущая свое происхождение из прежней родоплеменной знати. Значительными привилегиями пользовалось и жречество. Однако главные особенности структуры господствующих верхов были обусловлены

традиционным делением древнеиндийского общества на сословные группы — т. н. *варны*, о чем подробно будет сказано ниже.

Основной социальный антагонизм в древневосточных обществах проявлялся в противостоянии господствующих верхов двум другим названным ранее социальным группировкам.

Рабы в странах Древнего Востока никогда не составляли большинства населения, — в количественном отношении они значительно уступали массе свободных мелких производителей. На ранних этапах развития древневосточных государств единственным источником рабства служило пленение иноплеменников-чужаков, осуществляемое в результате победоносных войн, — этим пленным, которых раньше уничтожали, теперь стало выгодно сохранять жизнь, чтобы эксплуатировать в качестве рабов (не случайно в древнеегипетском языке такие пленные обозначались специальным термином, который переводится как «убитый живой»). Как и любая другая военная добыча, пленные — рабы первоначально считались общим достоянием и потому использовались в интересах всего общества: либо в духе старых традиций приносились в жертву богам (особенно широко практика очистительных жертв применялась индоарийцами и китайскими племенами эпохи Инь), либо привлекались на общественно-значимые работы (обработка храмовых полей, возведение культовых сооружений, градостроительство и т. п.), либо отдавались в услужение тем, кто управлял данным общественным коллективом. Очень долгое время частные рабы оставались весьма немногочисленными и считались важным показателем престижа: так, факт приобретения даже одного раба древнеегипетским вельможей специально фиксировался в его надгробной надписи. Стоимость рабов всегда оставалась очень высокой: в том же Египте даже в период Нового царства (XVI — XV вв. до н. э.) стоимость рабыни приравнивалась к стоимости 4—5 коров, а одна малолетняя рабыня была приобретена за 373 г серебра, что по тем ценам было эквивалентно стоимости 25 тонн зерна (на 1 г серебра можно было приобрести 72 литра зерна).

С течением времени источники рабства расширялись и становились более разнообразными. Войны, становившиеся все более массовыми (в них вовлекались уже не сотни и тысячи, а десятки и сотни тысяч людей), постоянно увеличивали число

рабов за счет военнопленных. Потребность во все большем количестве рабов являлась главной побудительной причиной военных экспедиций против соседних народов. По свидетельству египетских надписей периода Нового царства, воины, отправляясь в военный поход, заранее запасались кандалами, чтобы заковывать в них пленных; во время только одного похода фараона Аменхотепа II в Переднюю Азию число захваченных пленных превысило 100 тысяч. В самих древневосточных обществах все большее распространение получала долговая кабала, надолго ставшая основным внутренним источником рабства. Так, в Египте уже в период Древнего царства существовала самопродажа в рабство несостоятельных должников (которая, впрочем, общественным мнением осуждалась). В древнеиндийских текстах появился специальный термин «даса», обозначавший многочисленные категории рабов-должников, кабальных и зависимых людей, которые ранее были людьми свободными; теоретически участь *даса* могла постичь каждого из ариев. Среди рабов эпохи Чжоу в Китае также значительную категорию составляли кабальные люди. Класс рабов пополнялся и другими способами: рабы поступали в виде дани с покоренных народов; обращение в рабство являлось наказанием за некоторые виды преступлений; существовала практика продажи в рабство членов семьи домохозяином; имел место и естественный прирост рабского населения. Рабский труд, помимо ранее существовавших сфер своего применения, стал использоваться в рудниках по добыче полезных ископаемых (меди, серебра), в различных отраслях сельского хозяйства и промыслов (скотоводство, земледелие, охота), в городских ремеслах (обработка и перевозка камня и металлов, строительство, ткачество), но особенно широко — в качестве домашней прислуги. Египетский папирус периода Среднего царства сообщает, что в доме одной богатой женщины трудилось 80 рабов, которые выполняли функции домослужителей, пивоваров, поваров, сапожников, парикмахеров, ткачей, садовников и т. п.; из них 33 раба были по своему происхождению египтянами, а остальные 47 имели своей родиной различные страны Азии. В период Нового царства в Древнем Египте рабовладельческие отношения проникли максимально глубоко, так что рабами владели люди даже с весьма скромным социальным положением — ремесленники, садовники, пасту-

хи и др. Рабы находили применение в армии (обозная и караульная службы, военно-строительное дело), а также а осуществлении полицейских функций. Применялось заковывание рабов в цепи, в колодки; практиковалось клеймение (иногда, как в Египте, — государственными печатями). Беглые рабы возвращались хозяину за определенное вознаграждение, — так по древним месопотамским законам царя Ур-Намму (конец III тыс. до н. э.) человек, задержавший раба и возвративший его господину, получал 2 сикля (около 17 г) серебра. Рабов можно было дарить, передавать по наследству, закладывать; повреждение здоровья или лишение жизни раба рассматривались как нанесение ущерба их господину, — последнему виновный обязан был возместить ущерб. С появлением невольничьих рынков стала развиваться работорговля. Однако вавилонские рабы могли протестовать против продажи, и в этих случаях дело рассматривалось судом. Согласно древнеиндийским Законам Ману (II в. до н. э. — II в. н. э.) при продаже раба, как и при продаже любого товара, уплачивалась пошлина в 20—25 % его цены. Стоимость раба зависела от его возраста, физической силы, квалификации. Вавилонский раб (*вардум*) в эпоху Хаммурапи стоил не менее 10 сиклей серебра (что эквивалентно стоимости 2,25 тонн зерна). По свидетельству китайской хроники эпохи Чжоу (I тысячелетие до н. э.), пятеро рабов стоили столько же, сколько одна лошадь и моток шелка. Когда стоимость рабов опускалась ниже обычной, прибегали к мерам ее искусственного повышения, например, путем физического уничтожения военнопленных, которые являлись потенциальными рабами. Так, китайская хроника циньской эпохи (III в. до н. э.) сообщает, что военачальник Бай Ци, разгромив армию княжества Чжао, приказал уничтожить путем закапывания в землю 400 тысяч военнопленных.

В целом, юридическое положение рабов в древневосточных государствах существенно отличалось от их положения в странах античного мира. В условиях господствовавшего на Древнем Востоке натурального хозяйства рабы как бы входили во владевшую ими семью в качестве бесправных ее членов; они обычно жили под одной крышей с хозяином, хотя и выполняли более тяжелую, изнурительную и грязную работу, чем остальные домочадцы. Теоретически не исключена была возможность

выкупа раба: согласно индийской «Артхашастре» размер выкупа был фиксирован законом и не мог превышать сумму, за которую раб был приобретен. Допускалось, чтобы раб мог иметь семью, и хозяину не рекомендовалось вмешиваться во взаимоотношения между ее членами. Египетские рабы в случае совершения преступлений содержались в государственных тюрьмах и наказывались государственными органами. На основании законов вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) дворцовый раб или раб-вольноотпущенник мог взять в жены свободную женщину, и дети от такого брака являлись свободными. Также свободными были и дети, рожденные рабыней от свободного человека, причем сама эта рабыня не могла быть перепродана другому господину. Таким образом, во втором поколении вавилонские рабы-иноплеменники, как правило, рабами быть переставали; тенденция к постоянному повышению статуса рабов от поколения к поколению прослеживалась и в Древней Индии. Иногда раб мог с ведома хозяина владеть какой-то долей движимого имущества — той, которая была им приобретена, получена в дар или унаследована; мало того, рабу мог быть предоставлен во временное и условное владение и небольшой земельный участок, с которого раб выплачивал часть урожая. В Новоавилонском царстве (VII—VI вв. до н. э.) существовала уже довольно значительная категория рабов, арендовавших землю и обладавших значительной имущественной самостоятельностью: они давали и брали ссуды, покупали, продавали и нанимали в свое хозяйство других рабов, выступали от своего имени в суде с качестве истцов, свидетелей, ответчиков; вместе с тем, они продолжали оставаться в зависимости от своих господ, выплачивая в их пользу ежемесячные платежи. Египетским рабам разрешалось приносить в храм жалобу на жестокое обращение с ними господина; здесь же они могли укрыться от преследований со стороны хозяина. Таким образом, древневосточный раб отнюдь не являлся только лишь «говорящим орудием», каким рассматривало его право античных государств. Незрелость, незавершенность рабовладельческих отношений в древневосточных государствах позволяет характеризовать существовавшую здесь систему эксплуатации как *патриархальное рабство*. Именно эта форма, представлявшая собою начальную форму рабства и свойственная в той или иной степени всем народам на ранних стадиях развития классового общества, являлась

преобладающей в рассматриваемых регионах. Здесь раб еще не был лишен окончательно экономических стимулов к труду, и прямое физическое принуждение еще не было единственным средством заставить раба трудиться. В ряде случаев даже имела место некоторая правовая защита имущества и личности раба (разумеется, значительно уступавшая по объему правовой защите свободного населения). Следовательно, по своему юридическому статусу древневосточный раб занимал как бы среднее, промежуточное положение между объектом и субъектом прав.

С учетом вышесказанного будет справедливым определение классовой сущности государств Древнего Востока как государств раннерабовладельческого типа. Важно только подчеркнуть, что эта их рабовладельческая сущность определялась не численным преобладанием рабов в общей массе населения (ибо такого преобладания как раз не существовало ни в одном древневосточном государстве), а тем обстоятельством, что институты рабства проникали во все сферы жизни (начиная с самой элементарной ячейки общества — семьи), определяли сущность господствующей идеологии, формировали в определенном направлении общественную психологию. В более выраженном виде рабовладельческий тип общества и государства проявился в Вавилоне и Древнем Египте; что касается Индии и особенно Китая, то в них уже с конца I тысячелетия до н. э. заметно проявлялись черты феодальной общественно-экономической формации.

Свободные мелкие производители занимали промежуточное положение в социальной структуре древневосточного общества. Их кардинальное отличие от господствующих верхов состояло в том, что они не являлись эксплуататорами и добывали средства к существованию собственным трудом. С другой стороны, от рабов их отличал статус личной свободы. Мелкие свободные производители подразделялись на сельское население общин и городское ремесленное население. Они подвергались эксплуатации со стороны государства, поскольку несли на себе основную тяжесть податного обложения (налоги составляли до двух третей урожая), были обязаны исполнять военную службу, выполнять другие повинности (строительную, транспортную и т. п.). По мере развития приватизационных процессов большинство из них оказались вовлеченными в сферу частнособственнических отношений, и это обстоятельство, казалось бы, дает основание для

подхода к ним с классовыми мерками. Однако абсолютное отсутствие у них не только политических прав гражданина, но и полное игнорирование властями их человеческого статуса лишало их самой возможности классовой консолидации.

В *Египте*, где степень вовлеченности населения в государственное хозяйство была самой высокой среди всех стран Древнего Востока, разница в правовом положении различных прослоек трудящихся фактически стерлась, так что господствующим верхам противостояла единая масса простолюдинов, обозначаемая общим термином «*мерет*». С этой массы в государственную казну взималась единая рента-налог; земля, сельскохозяйственный инвентарь, тягловый скот первоначально рассматривались как объекты царской собственности. В дальнейшем, когда становилась все более очевидной неэффективность крупных царско-храмовых латифундий, обрабатываемых подневольными и бесправными «слугами царя», этим последним участки земли стали передаваться в аренду. В этих условиях рента-налог стала выплачиваться в несколько адресов (казна, конкретный храм, номарх и т. п.); вместе с тем, государство сохраняло за собой право привлекать этих арендаторов к исполнению трудовой повинности в централизованном порядке. Поскольку уже в эпоху Нового царства традиционно находившаяся в ведении общины функция организации общественных работ (связанных, в частности, с ирригацией почв и культовым строительством) постепенно перешла непосредственно в руки государства, общинные управленческие структуры лишились главного рычага своего социального воздействия и потому стали постепенно атрофироваться и отмирать, что фактически привело к разрушению самой общины как самоуправляемой административно-политической единицы, связанной коллективным землепользованием. Сельские общины превратились в обычные податные единицы, подчиненные царско-храмовому хозяйству. Путем регулярно проводимых переписей «людей, скота, золота» устанавливались размеры налогов, определялись контингенты военнослужащих по возрастам и родам войск, осуществлялось перераспределение рабочей силы для выполнения массовых общественных работ в масштабе всего государства. Такие переписи, равно как и проводимые время от времени «смотры» наличного контингента управленцев и военнообязан-

ных, а также своеобразные «наряды», выдаваемые ремесленникам на право заниматься квалифицированной работой, были показателями невысокого уровня товарно-денежных отношений, неразвитости рыночных рычагов воздействия на хозяйственное развитие, а в конечном счете — свидетельством полного подавления египетским государством тех структур, совокупность которых принято именовать термином «гражданское общество». С другой стороны, формирование таких своеобразных «трудовых армий», их обеспечение даже минимальным количеством продовольствия, одеждой и орудиями труда, может быть расценено как стремление правительства предотвратить возникновение массы люмпенизированного населения, оторванного от производительного труда и потому представлявшего угрозу для социально-политической стабильности. Но в любом случае гипертрофированное развитие государственного сектора, безраздельное господство тоталитарного социально-политического режима отрицательно сказались на дальнейшем развитии Египта, лишив его необходимой динамичности и поступательности.

В *Вавилоне* крестьяне-общинники, ведущие самостоятельное хозяйство и не эксплуатирующие, как правило, чужой труд, составляли самую многочисленную и самую важную по роли в общественном производстве часть населения; рабский труд не преобладал ни в одной из отраслей трудовой деятельности. Многоукладный характер экономики Вавилона, более высокий, чем в других странах Древнего Востока, уровень развития товарно-денежных отношений способствовали глубокому расслоению общины, переливанию разорившихся общинников в царские и храмовые хозяйства, где они пополняли ряды рабов и зависимых арендаторов. Эта тенденция, угрожавшая финансовым и военно-организационным интересам государства, не осталась незамеченной правящими кругами. Уже в ранних правовых актах различных государств Месопотамии проявлено стремление поддержать статус свободного труженика, воспрепятствовать его окончательному разорению путем регулирования сроков пребывания в долговой кабале, размеров максимального ростовщического процента и т. д.; практиковалось и периодическое освобождение бедноты от непомерных долгов, производимое от имени государственной власти. Государственное регулирование затрагивало и различные категории ремесленного

населения, которое концентрировалось в основном вокруг царских и храмовых хозяйств. В вавилонском законодательстве, в частности, зафиксировано наличие примитивных профессиональных объединений — конкретно речь идет о таких важнейших производственных профессиях, как кузнецы, плотники, пивовары, а также о некоторых «ученых» специальностях (врачи, экстрасенсы, прорицатели, предсказатели будущего и т. п.). Эти профессиональные объединения, предоставлявшие своим членам достаточно широкую самостоятельность, могут рассматриваться как отдаленные предшественники средневековых западноевропейских цехов.

Община в *Древней Индии* (*грама*) отличалась, пожалуй, наибольшей прочностью, — причину этого явления следует искать в более высоком уровне индийского корпоративного коллективизма по сравнению с другими древневосточными обществами. Объединяя коллектив крестьян-тружеников, община достаточно свободно распоряжалась не только угодьями (пастбищами, пустошами, дорогами), не только ирригационными сооружениями, но и пахотными землями, обладая возможностями их продажи, дарения, сдачи в аренду. В отношении своих членов община сохраняла значительные карательные санкции — от штрафов до изгнания. Достаточно прочным было сплочение общинников и в религиозно-культовом аспекте. Общинники выплачивали налог-ренту в пользу государства либо тех частных лиц, которые были наделены соответствующими правами от имени государства. Так, в Законах Ману говорится о выплате общиной в пользу царя определенного количества зерна, древесины, мяса, меда, коровьего масла, плетеных изделий, глиняных сосудов и т. д., а также о передаче в государственную оросительную систему от одной пятой до одной третьей части от общего количества запасенной в общине воды. «Как мало-помалу поглощают пищу пиявка, теленок и пчела, — говорится в Законах Ману, — так мало-помалу царем должен быть поглощаем от страны ежегодный налог». Что же касается военной службы, то крестьяне-общинники были от нее освобождены, поскольку монополией на ношение оружие обладало особое сословие воинов-кшатриев (подробно см. об этом ниже). Характерная черта древнеиндийской общины состояла в соединении в ее рамках земледельческого труда с ремесленным. Как прави-

ло, каждая семья сама себя обеспечивала необходимой для ее нужд продукцией. Для производства же товаров высокого качества община содержала квалифицированных ремесленников (кузнецов, плотников, гончаров, ювелиров, цирюльников и др.). Иногда община имела в коллективном владении и некоторое количество рабов, используемых на самых тяжелых работах (расчистка лесных участков под новую пашню, рытье колодцев, водохранилищ и оросительных каналов, уборка мусора, уничтожение хищных животных, представлявших угрозу для домашнего скота, и т. п.); в мелкокрестьянском же хозяйстве подавляющей массы рядовых общинников необходимости использования рабского труда не существовало.

Городские ремесленники, особенно редких профессий (оружейники, ткачи, ювелиры), были свободными людьми. Они трудились в государственных мастерских, сдавая в виде налога часть своей продукции. Согласно одному из сообщений, содержащихся в Законах Ману, каждый ремесленник был обязан отработать на царя один день в течение каждого месяца, а купцы были обязаны один из товаров продавать царю ниже рыночной цены. Во времена империи Маурьев в городах существовали корпоративные объединения торговцев и ремесленников (т. н. *шрени*), строившиеся по образцу и подобию сельских общин.

В *Древнем Китае* периода Инь и раннего Чжоу существовала особая система общинного землепользования, именуемая системой цзиньтянь («колодезные поля»). По этой системе каждый участок общинной земли площадью 900 му (1 му = 0,07 га) делился на 9 равных по площади полей, из которых 8 использовалось отдельными семьями, а одно, расположенное в центре, являлось общим и обрабатывалось всеми восемью семьями сообща, — урожай с него поступал в виде ренты-налога в государственную казну. Кроме обработки «общего поля», крестьяне-общинники выполняли и другие обычные повинности — строительную, военную, гужевую и т. п. Первоначально практиковались периодические переделы земли — либо ежегодные, либо проводимые раз в три года. Интенсивное разложение общины, происходившее в VI—V вв. до н. э. под влиянием приватизационных процессов, привело к возникновению мелкокрестьянского частного землевладения; на другом полюсе формировалась система крупных помещичьих хозяйств. Посколь-

ку общинное землевладение утратило свою прежнюю роль, государство стало взимать налоги (преимущественно натуральные) с отдельных крестьянских хозяйств. В 594 г. до н. э. в царстве Лу был впервые введен налог с количества обрабатываемой земли, находившейся в наследственном пользовании отдельных домохозяев. Ликвидация системы цзиньтянь, введение свободной продажи земли имели своим следствием усиление налогового гнета. Обнищание крестьянских хозяйств угрожало казне ущербом. В связи с этим имели место неоднократные попытки императорской власти оградить мелких налогоплательщиков от окончательного разорения, установить разумное равновесие между государственным и частным землевладением. Самая радикальная попытка такого рода была предпринята императором Ван Маном в 9 г. до н. э., когда вся земля была объявлена императорской собственностью, была запрещена купля-продажа земли и рабов, установлен максимум землевладения в одних руках, предприняты попытки более справедливого перераспределения земельной собственности. Однако эта реформа, пытавшаяся реставрировать давно отжившие порядки, была обречена на неудачу: через три года она была свернута по требованию крупных земельных собственников. Тем не менее, аналогичные попытки предпринимались и в последующие периоды, когда о общественно-экономических порядках Китая стали все более проявляться процессы феодализации.

Таким образом, эксплуатация свободных производителей в странах Древнего Востока составляла одно из важнейших направлений деятельности государства. Противоречия между господствующими слоями и рабами не всегда являлись определяющими в системе социальных отношений: иногда на первый план выступал классовый антагонизм правящей группировки и мелких производителей. Не случайно многие массовые народные выступления (особенно в Египте и Китае) первоначально зарождались среди беднейших слоев свободного населения, и лишь впоследствии к ним присоединялись рабы.

Отличительная особенность общественной структуры древневосточных государств состояла еще и в том, что социальное (классовое) деление общества здесь органически дополнялось сословным делением. При этом, как правило, сословно-правовой статус индивида не совпадал с его социально-экономи-

ческим положением. Наличие сословий (т. е. замкнутых социальных групп, обладающих закрепленными в обычае или законе правами, привилегиями, обязанностями и запретами, передаваемыми по наследству) может быть отмечено с большей или меньшей отчетливостью практически во всех странах Древнего Востока. Так, в *Древнем Египте* в роли таких сословий первоначально выступали категории, обозначаемые терминами «мерет» и т. н. «слуги царя»; из этой последней категории впоследствии выделились т. н. «неджес», а из них, в свою очередь, — «сильные неджес». Однако древнеегипетские источники не содержат сколько-нибудь определенных сведений о реальном правовом статусе всех названных категорий; не вызывает сомнений лишь тот факт, что во всех случаях имеются в виду группировки внутри зависимого населения. Несколько более конкретными являются сведения о двух сословиях *древнеавилонского* общества — на этот раз, несомненно, речь идет о категориях свободного населения. Первая из них именуется *авилум* («человек», «сын человека»), вторая — *мушкенум* («падающий ниц», «бьющий челом»). Представители первой из этих категорий обладали полным статусом свободы, имели право владеть общинными землями и служебными наделами, занимать должности в местном и центральном государственном аппарате. Вторая категория — это служилое население более низкого правового статуса, ведущее свое происхождение из более поздних пришельцев и переселенцев, не имевших корней в древней этногенной общине. Разница в правовом статусе авилум и мушкенум проявляется в тех правах, которые регулируют наказания за посягательство на их жизнь, здоровье, честь и имущество, — явным преимуществом в этом плане обладают авилум.

Вместе с тем, служилое положение мушкенум придает некоторые особые оттенки регулированию их имущественных прав: так, кража их собственности каралась наравне с кражей дворцовой собственности, а положение их рабов отличалось в лучшую сторону от положения рабов других частных лиц.

В наиболее ярком виде сословная структура общества может быть прослежена по материалам истории *Древней Индии*. Первое упоминание о существовании замкнутых сословий, именуемых *варками* (слово «варна» соответствует понятиям «вид», «разряд»), содержится в самом раннем памятнике религиозной

(ведической) литературы — т. н. Ригведе («Книге гимнов»), тексты которой восходят к середине II тысячелетия до н. э.

Первую варну представляла жреческая знать — *брахманы*, которое считается зысагли из людей. Им приписывалось божественное происхождение; всемерно подчеркивалась их исключительность и высшая степень совершенства. Формированию этой высшей варны способствовало то обстоятельство, что жрецы-брахманы монополизировали знание священной литературы и образование вообще, овладели исключительным правом отправления религиозных обрядов. Предназначение брахманов — совершение жертвоприношений и других ритуальных таинств, изучение и толкование религиозных книг, выработка на основании божественных установлении человеческих законов, участие в реализации этих законов в сфере управления и суда. Личность и имущество брахмана являлись неприкосновенными. От всех платежей и повинностей брахман был освобожден полностью и навсегда, — как сказано в Законах Ману, царь даже в самой экстремальной ситуации не имел право облагать брахманов никакими налогами. Самое тяжкое наказание, какое мог понести брахман, — это острижение головы и изгнание.

Ко второй варне, представители которой именовались *кшатриями*, принадлежала военная знать; из нее происходили цари (раджи) и высшие сановники. Только им разрешалось носить оружие и участвовать в походах. Военная аристократия стала складываться в период насильственного проникновения ариев в долины Инда и Ганга; именно военная знать на первых порах обладала монопольным правом на распределение военной добычи, в частности, военнопленных-рабов. Впоследствии варкшатриев, изначально состоявшая только из арийской знати, стала пополняться представителями местной аристократии, вождями аборигенных родовых кланов. Кшатрии (как и брахманы) образовали господствующую элиту древнеиндийского общества: в их руках было экономическое могущество и политическая власть. Единство интересов этих двух варн специально подчеркнуто в исторических источниках. «Без брахмана не преуспевает кшатрий, без кшатрия не процветает брахман, — говорится в Артхашастре, древнеиндийском собрании наставлений по управлению государственными делами, — брахман и кшатрий, объединившись, процветают и в этом мире, и в ином».

Однако правовой статус кшатрия уступал положению брахмана: так, штраф за убийство представителя второй варны был в 4 раза меньше, чем за убийство представителя первой варны.

Третью, самую многочисленную варну составляли *вайшьи*, куда входила основная масса трудового населения: крестьяне-общинники, ремесленники, торговцы. Именно на взимаемые с них отчисления содержался государственный аппарат, формируемый из представителей двух высших варн. Сословие вайшьев не относилось к разряду привилегированных, что получило свое отражение в праве, — за убийство вайшья уплачивали штраф в 8 раз меньше, чем за убийство брахмана. Вместе с тем вайшьи, наряду с брахманами и кшатриями, считались дважды рожденными» (*двиджати*): второе рождение было связано с ритуалом особого посвящения (проводимого, как правило, в восьмилетнем возрасте) в связи с началом изучения священных книг. Обряд посвящения (инициации) давал право на обучение профессиям и ремеслам, открывал перспективы стать домохозяином. Отдельные представители вайшьев могли быть весьма богатыми людьми, почитаемыми при царском дворе.

К четвертой, самой угнетенной и презираемой варне относились *шудры*. Эта варна сформировалась в свое время за счет представителей аборигенных племен, завоеванных ариями. Однако в процессе нарастания социального неравенства в числе шудр оказывались и представители самих арийских племен, выпадавшие из рамок общинной организации вследствие разорения. Предназначение шудр — быть безропотными слугами представителей вышестоящих варн. «Закон для шудры, — сказано в Артхашастре, — это послушание и ведение хозяйства в повиновении у дважды рожденных, а также ремесло и актерская профессия». Тем не менее, следует со всей определенностью подчеркнуть, что шудра не являлся рабом — он имел статус свободного человека и потому мог иметь семью, наследовать имущество, давать свидетельские показания в суде; для него не был закрыт путь к обогащению (что, впрочем, не поощрялось), а иногда и к высокому общественному положению. Так, по сообщению Махабхараты — эпического сказания, восходящего ко второй половине II тысячелетия до н. э., — в состав совета при царе наряду с четырьмя брахманами, восемью кшатриями и двадцатью одним вайшьем должны были включаться и «три

шудры хорошего поведения, праведные в предыдущих деяниях». Однако в повседневной жизни шудры, лишенные права приобрести к знанию священных книг, признавались «единожды рожденными», и в этом своем качестве они не отличались от животных. Любой брахман мог заставить любого шудру работать на себя; малейшее противодействие со стороны шудры (даже словесное) грозило ему мучительной смертной казнью. Шудру можно было продавать и покупать; даже отпущенный своим хозяином на волю, шудра был обязан оставаться у него в услужении. Брахман не имел право давать советы шудре или снабжать его пищей со своего стола; в свою очередь, шудра не мог участвовать в религиозных обрядах и церемониях (самскарах), кроме самскары брака. Тем не менее, шудры пользовались определенной правовой защитой: их незаконное наказание влекло штраф в пользу государства; убийство шудры также каралось штрафом, хотя и в 16 раз меньшим, чем неосторожное убийство брахмана (столько же платили за убийство собаки).

В дальнейшем эволюция варнового строя шла по линии все более резкого противопоставления двух первых варн третьей и четвертой. В свою очередь, наблюдалась тенденция постоянного понижения статуса третьей варны (вайшьи), которая постепенно теряла свои арийские привилегии, и некоторого повышения статуса четвертой (шудры).

Четыре названные варны далеко не охватывали все свободное население Древней Индии, — существовали еще некоторые категории, положение которых было еще более низким, чем положение шудр. Не случайно в Законах Ману упоминаются люди, «презренные даже для отверженных». Существовала, например, категория *чандадов*, которым разрешалось сооружать свои хижины только за пределами селений. Чандалы не могли брать воду из общих колодцев, их одеждой было платье мертвецов, отмеченное специальными отличительными знаками, утварью — осколки разбитой посуды. Их привлекали для исполнения обязанностей тюремщиков, палачей и могильщиков.

Принадлежность к варне определялась рождением. Между варками существовали строгие границы, закреплённые в многочисленных предписаниях, ограничениях и запретах; переход из варны в варну был в принципе невозможен. Впоследствии была сочинена и получила религиозно-правовую санкцию легенда о том, что бог-творец Брахма создал варны из частей

своего тела: брахманов из своих уст, кшатриев — из рук, вайшьев — из бедер, шудр — из ступней. Для иаждий варны была сформулирована своя *дхарма* (т. е. закон образа жизни), предусмотрены особые права и обязанности. Была регламентирована и возможность вступления в брак представителей различных варн. Согласно установлениям Законов Ману, «для шудры предписана жена шудрянка, для вайшья — шудрянка и своей варны, для кшатрия — те обе и своей варны, для брахмана — те три, а также своей варны».

Пожизненное и наследственное состояние в той или иной варне определяло повседневную жизнь каждого индийца, включая величину оплаты его труда, характер полагающегося ему уголовного наказания, размер процентов по займам и т. п. В сознание людей усиленно внедрялась мысль о том, что в земной жизни каждый должен безропотно исполнять свое социальное предназначение, которое определено свыше, так что какие бы то ни были попытки престижных устремлений с целью улучшения своего экономического положения и повышения правового статуса являются совершен»» бессмысленными. Цель жизни — это постоянное нравственное самосовершенствование, чтобы развитием в себе собственных добродетелей обеспечить свое новое рождение в составе более высокой варны; наоборот, порочное поведение угрожает человеку в будущем родиться шудрой, а то и животным. В реальной жизни такие религиозно-идеологические установки, находившиеся в полном соответствии с этическими воззрениями, погружали человека в его внутренний духовный мир и потому отвлекали от социальной борьбы, вследствие чего история Древней Индии практически не знает сколько-нибудь масштабных общественных конфликтов, которыми была насыщена, например, история Древнего Китая.

Причины происхождения варн не получили свое отражение в исторических источниках. Можно предполагать, что первые три варны (брахманы, кшатрии, вайшьи) сложились в результате дифференциации общественно-полезного труда по критерию его социальной значимости, когда труд в сфере управления был отделен от труда в производственной сфере и когда положение индивидов, консолидировавшихся в рамках отдельных сословий, стало отражать их реальное отношение к двум основным формам собственности — государственной и общин-

ной. Показательно, что в упомянутой выше Ригведе были названы именно три варны. Возникновение четвертой варны (шудр), как уже было замечено выше, было связано с процессами расчленения общества в результате завоеваний. Деление на варны, получившее религиозное обоснование, всемерно поддерживалось официальной идеологией.

С течением времени варны трансформировались в касты (слово «каста» в португальском языке означает «род», «качество»), построенные на принципах социально-профессиональной принадлежности, — при этом в рамках одной варны формировалось несколько каст, имевших тенденцию ко все более дробной специализации. Первоначально касты стали складываться внутри непривилегированных варн, а затем распространились на все общество. Кастовая структура оказалась более гибкой, чем варновая: она позволяла включать в себя все новые и новые слои населения, отводя каждому человеку его строго фиксированное место в единой общественной корпоративной системе. Каждая каста имела свою строгую внутреннюю организацию — органы управления, нормы профессиональной этики, регламентированную систему религиозных обрядов, правил повседневной жизни, внешние знаки отличия, даже особенности кулинарии. Каста стремилась оказать своим членам необходимую материальную поддержку, подыскать работу, обеспечить соответствующий уровень ее оплаты. Элементы кастового строя сохраняются в Индии вплоть до настоящего времени, хотя современное законодательство (в частности, действующая Конституция 1950 г.) запрещает дискриминацию граждан по признаку их кастовой принадлежности.

Таким образом, анализ эволюции общественного строя древневосточных государств должен производиться с учетом тех общих, свойственных всем странам этого региона факторов, какими являются, например, многоукладность их экономики, незавершенность процессов социальной стратификации, строгая преемственность в развитии политических правовых институтов, приоритет религиозных аспектов в государственной идеологии и общественном сознании. Специфика же общественного развития отдельной страны определяется конкретным проявлением общих закономерностей в каждой из них: реальным соотношением экономических укладов и возможными вариантами

их сочетаний, скоростью процессов социальной дифференциации, историческими традициями формирования политико-правовых систем, этногенетическими особенностями религиозной ориентации. Поэтому обобщающе-синтезирующие методы изучения проблематики общественного строя древневосточных социумов должны органически сочетаться с дифференциально-аналитическими подходами к их историческому исследованию.

4. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Специфика общественного строя изучаемых стран определила возникновение и развитие в них особой государственной формы, которая получила наименование *древневосточной деспотии*. Концепция этой формы стала складываться в исторической литературе еще со времен Геродота (V в. до н. э.), который впервые противопоставил деспотическую форму правления, присущую древневосточным монархиям (в частности, Египту), республиканским демократическим порядкам Афинского государства. В «Политике» Аристотеля, созданной в середине IV в. до н. э., деспотическая форма организации государственной власти ассоциировалась с персидской династией Ахеменидов. Более или менее целостная концепция «азиатского деспотизма», основанного на отсутствии частной собственности и гарантий прав личности, сформировалась в европейской политической мысли уже в XIV—XVI веках. Дальнейшее развитие этой концепции было связано с именами французских просветителей, с трудами А. Смита, Г. Гегеля, А. Тойнби, М. Вебера и других мыслителей и ученых нового и новейшего времени.

Исторические корни этой формы уходят в глубь древней общинной организации: именно община в значительной степени определила как деспотический характер высшей политической власти, так и присущие ей организационные и контрольно-ревизионные функции. Как уже говорилось ранее, древневосточное общество представляло собою пестрый конгломерат общин, который мог функционировать лишь при условии управления им из единого центра. При этом изолированность общин, натурально-замкнутый способ их существования, отсутствие

между ними прочной связи неизбежно приводили к тому, что центральная власть приобретала именно деспотический характер, поскольку только сильный, централизованный деспотизм, обладающий высшей непререкаемой властью, мог обеспечить жизнедеятельность столь специфического социального организма. Таким образом, централизованный деспотизм и общинная организация оказывались соединенными неразрывной генетической связью и друг без друга не могли существовать. С одной стороны, общины на протяжении веков и даже тысячелетий обеспечивали сохранение столь грубой государственной формы, какой являлся древневосточный деспотизм, были его прочной и незыблемой основой; с другой стороны, государство в форме деспотии было кровно заинтересовано в сохранении общины, поскольку основой государственной формы собственности явилась именно общинная форма, а эксплуатация общинников путем извлечения ренты-налога давала главный источник пополнения государственной казны.

В этих условиях верховный правитель рассматривался массовым сознанием в качестве единственного источника всех управленческих импульсов, которые были способны привести в движение общественно-политическую жизнь. В свою очередь, эти импульсы верховный правитель не мог вырабатывать самостоятельно — они генерировались в нем под воздействием божественных сфер. Отсюда проистекали представления о верховном правителе как некоем единстве, которое, с одной стороны, является символом консолидации общества, а с другой стороны, призвано играть роль связующего звена между людьми и высшими небесными силами. Поэтому отношение к верховной власти в древневосточном обществе всегда было окрашено в религиозно-мистические тона, а сама эта верховная власть была непременно наделена ореолом сверхчеловеческого величия.

Итак, характерными чертами древневосточной деспотии как формы государства являлись: 1) сосредоточение всей полноты государственной власти в руках наследственного верховного правителя (деспота), личность которого обожествлена; 2) строгая централизация и бюрократизация громоздкого и разветвленного государственного аппарата, полностью подчиненного верховной власти деспота; 3) жесткий тоталитарный режим, воплощавшийся

во всеохватывающем надзоре за подданными, полностью лишенными гражданских и политических свобод.

В древневосточной деспотии особого развития достигли три главные отрасли управления: финансовое ведомство, военное ведомство и ведомство общественных работ. Если под ведомствами управления, о которых здесь идет речь, понимать основные функции (направления деятельности) государства, то последняя из названных функций особенно примечательна. Экономическая функция государства, выражающаяся в организации в государственном масштабе массовых общественных работ по строительству, обслуживанию и охране грандиозных ирригационных сооружений объективно выдвигалась на передний план, ибо от нее в буквальном смысле слова зависела жизнь всех социальных группировок общества, как эксплуататорских, так и эксплуатируемых. В этом случае финансовое и военное ведомства столь же закономерно низводились на положение обслуживающих отраслей управления: они поставляли людские, продовольственные и финансовые ресурсы на службу интересам ведомства общественных работ.

В качестве типичного примера древневосточной деспотии может быть рассмотрен государственный строй *Египта*. Сильная центральная власть стала складываться здесь еще с конца IV тысячелетия до н. э., с момента объединения Северного и Южного Египта под властью единого правителя. Уже со времен III династии (ок. XXVIII в. до н. э.) верховный деспот не просто обожествлялся, но и приравнивался к божествам. Окончательное становление централизованной деспотической власти, опирающейся на мощный карательный аппарат и централизованные бюрократические структуры, произошло в Египте в период Нового царства (XVI—XI вв. до н. э.).

Центральные государственные органы. Главой государства в Египте являлся фараон, которому приписывалось божественное достоинство: официальная идеология, основанная на государственной, общеобязательной для всех религии, характеризовала его как материализацию бога Солнца на земле. На основе скрупулезно разработанного ритуала фараону оказывались божеские почести, он был окружен ореолом величия, недостижимости и неприкосновенности. Перед ним падали ниц, целовали прах

у его ног. Имя фараона не произносилось вслух. Все его распоряжения соблюдались строго и неукоснительно;

всякий социальный протест против фараона являлся тягчайшим государственным и религиозным преступлением. Материализацией культа фараона являлись знаменитые усыпальницы - пирамиды, которые своей мощью и величием подавляли самосознание индивида, внушали ему трепетно-почтительное уважение к всемогуществу верховной власти: смерть фараона рассматривалась как рождение нового бога. Самая крупная из пирамид (ее периметр в основании достигает 1 километра, а высота составляет 146,6 м) была воздвигнута в честь фараона IV династии Хуфу (Хеопса), правившего в начале XXVII в. до н. э. По сообщению Геродота, посетившего Египет в середине V в. до н. э., эта пирамида строилась в течение 40 лет (из них 20 лет ушло на подготовительные работы, и 20 — непосредственно на само строительство, в ходе которого в тело пирамиды было вложено 2 млн 300 тыс. каменных блоков весом более 2,5 тонн каждый). В сооружении пирамиды участвовало практически все трудовое население Египта: посменно трудилось по 100 тыс. чел. в течение 3 месяцев. В сознании древних египтян была прочно укоренена мысль о том, что фараон, покровительствуя их жизни на земле, обеспечивает и их дальнейшее загробное существование. Поэтому, трудясь на возведении таких культовых сооружений, египтяне тем самым обеспечивали и собственное будущее.

Согласно существовавшим тогда воззрениям, государство как бы персонифицировалось в фараоне: лично от него зависели благосостояние и безопасность каждого из подданных. Будучи верховным правителем, фараон обладал и верховным правом на государственный земельный фонд. Он мог жаловать землю своим подданным вместе с обслуживавшими ее государственными рабами. Фараон обладал всей полнотой законодательной, административной, судебной, военной власти. Он являлся также верховным жрецом, — отправление жреческих функций другими лицами производилось по его поручению. Все, что делалось в государстве, осуществлялось от его имени; все назначения высших должностных лиц, раздача титулов, пожалования движимого и недвижимого имущества исходили от фараона.

Вместе с тем, при всей полноте своей власти фараон не мог действовать по личному произволу. Политическая стабильность государства, а также прочность трона зависели от того, насколько успешно фараон способен был учитывать интересы правящих кругов, особенно жреческой и военной знати. Отсюда стремление фараона действовать «по справедливости», в соответствии с существующими морально-этическими нормами, соблюдать сложившийся веками правопорядок. Попытки «пойти против течения» могли стоить трона даже самым выдающимся правителям.

Наследование престола должно было осуществляться в рамках царствующей династии, от отца к сыну по принципу первородства (заметим, кстати, что главными женами фараонов являлись, как правило, их сестры — родные или единокровные).

Для закрепления права на престол использовались династические браки и институт соправительства. Династии менялись достаточно часто, и нередко были случаи, когда правление того или иного фараона могло продолжаться лишь три-четыре года. В периоды смут, когда централизованное государство практически переставало существовать, основателями новых династий становились, как правило, наиболее могущественные правители номов или жрецы главных храмов.

Естественно, что исполнение всех многообразных функций фараона было бы невозможно без его опоры на громадный по численности, но строго централизованный и бюрократизированный чиновничий аппарат. Особенностью этого аппарата была его слабая отраслевая дифференцированность: основная масса должностных лиц была занята одновременно в нескольких сферах: хозяйственной, религиозной, военной, судебной и др. Лишь в Новом царстве сложилась определенная специализация в двух сферах — жреческой и военной: здесь власть была монополизирована в руках относительно замкнутых кастовых структур, которые, опираясь на свое постоянно увеличивавшееся богатство и возмоставший социальный престиж, все более энергично претендовали на усиление своего участия в государственном руководстве. Идя навстречу этим требованиям, центральная власть предоставляла все более широкие возможности армейскому руководству выполнять функции гражданских чинов-

ников, особенно в сфере капитального строительства, в управлении вновь завоеванными территориями и т. п. С другой стороны, на систему государственной службы были перенесены принципы военной организации. Вся деятельность чиновничества была строго регламентирована: имело место субординация должностей, была разработана система подготовки кадров (путем соответствующего обучения в специальных школах, открытых в Фивах, Мемфисе, Гелиополе), регламентирован порядок прохождения службы, присвоения чинов, званий и титулов; были составлены инструкции по работе с секретными документами, установлена ответственность за разглашение государственной и служебной тайны, предусмотрены сроки подготовки отчетных документов и рассмотрения жалоб; для чиновников различных ведомств была определена специальная форма одежды и учреждены знаки отличия. Для умерших чиновников существовали нормы полагающейся им могильной площади; для каждого разряда государственных служащих был разработан и утвержден перечень предметов обихода и продуктов, которые должны были находиться в их захоронениях.

Высшие должностные лица были сосредоточены при дворе фараона. Во главе управленческого аппарата стоял *джати*. На ранних этапах существования этой должности джати являлся верховным жрецом египетской столицы. Одновременно он был главой дворцового управления, осуществлявшим контроль над канцелярией и ведавшим придворным церемониалом. В период Нового царства полномочия джати уже далеко вышли за пределы царского дворца, — он фактически превратился в первого министра, действовавшего на основе инструкций фараона. Главная сфера деятельности джати — административная; обладая титулами «управителя всей страны» и «действительного начальника всех вельмож», он осуществлял контроль над всеми органами управления, в том числе и теми, которые были связаны с осуществлением хозяйственно-регулятивных функций (распоряжение земельным фондом и системой водоснабжения, организация общественных работ и т. п.). Поскольку в условиях Древнего Египта административная деятельность была неразрывно соединена с судебной, джати обладал и судебной властью: возглавляя систему высших судебных учреждений государства, он предварительно рассматривал все жалобы, поступавшие к фа-

раону, докладывал ему о наиболее важных судебных делах, а затем контролировал неукоснительное выполнение всеми нижестоящими инстанциями указаний и распоряжений фараона в сфере правосудия. Значительными были и военные полномочия джати — он контролировал набор армии, руководил пограничной службой, командовал флотом.

Должность джати была очень ответственной, поэтому первоначально она замещалась ближайшими родственниками фараона (нередко его сыновьями). Переход на какое-то время этой должности в руки представителей других знатных фамилий рассматривался современниками как отклонение от обычного порядка вещей, а потому — как симптом известного ослабления центральной власти в данный период.

Под непосредственным контролем джати состояли руководители специализированных управленческих структур; как правило, этими руководителями являлись члены царствующего дома. Важное место среди высших сановников занимал *главный казначей*, являвшийся руководителем финансово-податного ведомства, управителем царско-храмовых хозяйств. Поскольку государственные налоги взимались преимущественно натурой (зерно, скот, слитки металла» др.), главный казначей заведовал государственными хранилищами, где сосредоточивались налоговые поступления. В надписях и папирусов того времени он образно именовался «заведующим всем тем, что дает Небо, производит Земля и приносит Нил». Строительство ирригационных и иных крупных сооружений, имеющих общегосударственное значение и осуществляемых в порядке трудовой повинности населения, возглавлял *начальник работ*. Военное ведомство именовалось «*домом оружия*». Стоявший во главе этого ведомства сановник принадлежал к высшей знати государства; его главные обязанности лежали в сфере непосредственного управления вооруженными силами (комплектование, снаряжение, материальное обеспечение армии; строительство оборонительных сооружений; поддержание в полной боевой готовности пограничных крепостей, организация в них гарнизонной службы и т. д.). — Таким образом, в системе центральных государственных органов Древнего Египта четко прослеживается присутствие всех тех основных ведомств (финансовое, военное, общественных работ), которые определяли специфику древневосточной деспотии. Каждое из этих ведомств имело свой

штат и структурные подразделения, возглавляемые помощниками руководителя ведомства. Так, главному казначею, являвшемуся руководителем царско-храмовых хозяйств, подчинялись «начальник царских угодий», «заведующий царскими виноградниками», заведующие каменоломнями, медными и серебряными рудниками и другие чиновники. Кроме того, каждое ведомство обладало правом непосредственного принуждения, а для этого располагало собственным карательным аппаратом. Назначение на высшие должности производилось с учетом наследственной преемственности.

Местное управление Древнего Египта строилось с учетом его традиционного деления на Верхний (Южный) и Нижний (Северный); каждый из этих округов, в свою очередь, делился на области (номы), возникшие в свое время на базе старых общин. Общее число номов при Рамзесе II (конец XIV — середина XIII вв. до н. э.) равнялось 44. Во главе двух указанных частей Египта со времен Древнего царства ставились *начальник Юга и начальник Севера*. Учреждение этих должностей имело целью усилить власть фараона над номовыми правителями (*номархами*), пресечь их стремление к независимости от центра. Еще в период Среднего царства (XXIII—XVIII вв. до н. э.) номархи, опираясь на свое богатство и связи при дворе, получили право возглавлять местное ополчение, быть жрецами местных богов, возглавлять организацию общественных работ регионального масштаба (подготовка полей к посеву, возведение новых плотин, прокладка каналов), руководить храмовым хозяйством, осуществлять полицейские функции; каждый ном имел свой герб и знамя. В периоды смут, когда централизация ослабевала, номархи фактически превращались в самостоятельных правителей, передававших власть по наследству своим сыновьям. Но в периоды последующей стабилизации сепаратизм номархов оказывался обузданным, номы превращались в обычные территориальные округа, управляемые чиновником, присланным из центра. При таком чиновнике обычно состоял секретарь-писец и административная палата. По этой же схеме строилось управление крупными городами; градоправители назначались фараоном. Деятельность всех местных администраторов определялась специальными нормативными актами и инструкциями; есть основания предполагать, что существовал целый свод соответ-

ствующих норм и предписаний, который, к сожалению, до наших дней не сохранился.

К числу карательных органов в Древнем Египте относились три главных элемента — армия, полицейские службы, суды.

Ядро *армии* составляли профессиональные части, которые со времен Нового царства стали комплектоваться из боеспособной молодежи призывного возраста (*неферу*), рекрутируемой на основе периодических переписей населения из числа свободных сельских земледельцев и горожан-ремесленников. Профессиональные воинские части находились на полном государственном обеспечении. Из числа профессионалов формировались подразделения по охране фараона (личная гвардия) и отряды по подавлению внутренних мятежей. На профессиональной основе комплектовались и отряды пограничной стражи, составлявшие гарнизоны пограничных крепостей. В случае войны осуществлялся набор ополчения численностью до многих десятков тысяч человек (в основном из числа крестьян-общинников); каждый ном выставлял положенное ему число рекрутов, та же обязанность лежала на храмах и крупных землевладельцах. Ополченцы проходили обучение строю и стрельбе из лука под руководством «начальника обучения». В составе армии имелись и отряды наемников (в частности, из соседних Ливии, Нубии, Эфиопии). Общая численность всех вооруженных сил могла достигать 100 тыс. чел. (по некоторым предположениям даже 120—130 тысяч); в отдельных походах участвовали от 10 до 30 тысяч воинов. Основную часть армии традиционно составляла пехота — тяжелая и легкая. Конница как особый род войск появилась со времен завоевания Египта гиксосами (XVIII в. до н. э.); тогда же в составе вооруженных сил появились и боевые колесницы. Кроме сухопутных частей Египет располагал сравнительно сильным гребным флотом, действовавшим как на Ниле, так и в Средиземноморье.

Полицейские функции сводились к охране общественного порядка в столице и в других городах, к охране храмов, полей, ирригационных сооружений, хранилищ, а также охране помещений, где содержались рабы. Представители полицейских служб были также надсмотрщиками при проведении общественных работ, помогали властям взимать подати, преследовали преступников и участвовали в их поимке, выполняли обязанности па-

лачей при приведении в исполнение приговоров. Поскольку эти занятия считались недостойными свободного человека, исполнение полицейских функций вменялось в обязанность рабам, бывшим военнопленным, чаще всего нубийским неграм (разумеется, под контролем соответствующих государственных служб). В период Нового царства возникла специализация полицейских подразделений с их делением на полицию столичную, речную, пограничную, по охране мемориальных комплексов фараонов и т. д. Хотя ограбление усыпальниц фараонов каралось мучительной смертью, жестокость наказаний не останавливала преступников, так что большинство пирамид было офаблено уже в древности.

Судебные функции осуществлялись соответствующими должностными лицами. Верховной судебной инстанцией был фараон, который обладал правом помилования, правом отмены решения по любому делу, правом привлечения к судебной ответственности любого должностного лица; в случае необходимости он мог создавать специальные судебные коллегии из числа наиболее доверенных лиц, которые в закрытом порядке рассматривали тяжкие преступления государственной важности. Непосредственное руководство судебным ведомством осуществлял джати; в период Нового царства при нем состояла верховная судебная коллегия численностью в 30 человек. В качестве учреждения, регулирующего деятельность всех судебных органов и надзиравшего за единообразием судопроизводства по всей стране, выступали «Шесть великих палат», находившиеся в столице, — их начальник непосредственно подчинялся джати. Роль низших судебных инстанций играли общинные суды, которые рассматривали имущественные споры, регулировали брачно-семейные и наследственные отношения. Судебной властью в масштабе номов были наделены номархи. Свою особую специфику имели храмовые суды: так, решение, вынесенное оракулом, не могло быть опротестовано государственным чиновником. Преступники, после вынесения им приговора, размещались в специальных охраняемых поселениях, которые играли роль своеобразных тюрем. Наряду с рабами-военнопленными такие осужденные привлекались к самым тяжелым принудительным работам.

Основные принципы построения и функционирования государственного аппарата в Древнем Египте были свойственны и другим древневосточным деспотиям. Разумеется, в отдельных странах существовали и свои особенности.

Наиболее близким к египетскому образцу являлся государственный строй *Древнего Китая*. Окончательно сложившиеся централизованные деспотические империи были характерны для периодов Цинь и Хань. Большую роль в становлении основополагающих принципов китайской государственности сыграло учение Конфуция (551—479 гг. до н. э.), который стремился распространить на все государство принципы семейных отношений, основанные на почитании старших. Верховный правитель, власть которого дарована свыше, должен был, согласно конфуцианской доктрине, руководствоваться принципами т. н. гуманного управления, основанного на справедливости и опирающегося не столько на закон, сколько на личные добродетели. В эпоху Чжоу (V—III вв. до н. э.) большое распространение получило учение т. н. *легистов* (законников) — идеологов централизованного бюрократического государства, в котором должен существовать культ строгих, обязательных для исполнения распоряжений правителя. В период империи Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.) государственно-правовая доктрина легистов была использована для корректировки учения Конфуция и его последователей, и обновленная таким образом конфуцианская идеология определяла развитие китайской государственности вплоть до крушения монархии в ходе т. н. Синьхайской революции 1911—1913 гг.

Главой государства в Древнем Китае являлся наследственный монарх с титулом императора (вана), наделенный полнотой законодательной, военной, судебной, административной и религиозной власти. Сакрализация личности императора достигала максимальных пределов: ван именовался «Сыном неба», его имя не произносилось вслух и не изображалось на письме. Центральный государственный аппарат Китая был не только более разветвленным и многочисленным, чем в других древневосточных странах, но и был наделен более широким объемом полномочий, особенно в сфере казначейства и налоговой службы. Наряду с традиционными распорядительными структурами, осуществлявшими военную, финансовую и хозяйственно-орга-

низаторскую функции, здесь сложились и некоторые другие специализированные управления — ведомство обрядов, ведомство императорского двора, контрольно-ревизионное ведомство. Можно даже говорить о наличии особого судебного ведомства, что свидетельствует об известном выделении судебных функций из общеадминистративных. Под строгий бюрократический контроль центральных ведомств были поставлены органы местного управления. Со времен Ханьской империи (с 243 г. до н. э.) получила распространение практика продажи должностей, а также система квалификационных экзаменов для чиновников, — от результатов сдачи таких экзаменов зависело продвижение по службе. Более четкие организационные формы, чем в других древневосточных государствах, были присущи вооруженным силам, служба в которых строилась на сочетании профессиональных и народно-ополченческих принципов.

В **Вавилоне** времени Хаммурапи верховный правитель (*лугаль*), претенциозно именуемый «царем четырех стран света», пользовался неограниченными законодательными полномочиями. Он возглавлял разветвленный управленческий аппарат, который осуществлял обычные для древневосточного государства функции, в том числе и хозяйственные, которые в условиях более высокого, чем в других древневосточных странах, уровня рыночно-собственнических отношений являлись особенно актуальными. Вместе с тем, царская власть в Вавилоне не может быть оценена как деспотическая. На местах еще были далеко не изжиты традиции общинного самоуправления. Особый юридический статус сохраняли и крупные города (Вавилон, Ниппур и Сиппар), жители которых могли быть освобождены от податной, трудовой и военной повинностей; царские чиновники не обладали правом ареста жителей этих городов. Значительной экономической независимостью обладали крупные храмы. Личность верховного правителя не была обожествлена, хотя лежащая на нем печать божественной благодати неизмеримо возвышала его над всеми остальными людьми. Царь не обладал и статусом первосвященника. Ограниченными были судебные полномочия царя — он не являлся ни высшей апелляционной, ни высшей кассационной инстанцией, хотя и обладал правом помилования. Даже о наследственном характере власти вавилонских царей можно говорить лишь с определенными оговорками: при передаче царской власти одному из наследников решающее слово принадлежало жрецам-оракулам

В *Древней Индии* периоды существования сильных централизованных государств были более кратковременными, чем периоды политической раздробленности. Можно утверждать, что одна из характерных особенностей древнеиндийской цивилизации состоит именно в том, что могущественная централизованная власть здесь вообще не является актуальной социально-политической потребностью. Главные причины этой специфической особенности коренятся в двух краеугольных устоях индийского общества — традиционном варно-кастовом строе и прочной, политически индифферентной общинной организации. Жесткие ограничительные рамки этих структур, определявшие раз и навсегда установленный стереотип человеческого поведения, значительно сокращали необходимость каких-либо дополнительных рычагов воздействия на индивидуума, которыми обычно наделены государственные механизмы. Даже в период существования крупных государственных образований (например, империи Маурьев) центральная власть не обладала той силой, какой она была наделена в других древневосточных государствах.

Власть царя (*раджи*) не являлась деспотической; принцип сакрализации хотя и действовал, но распространялся не столько на личность царя, сколько именно на саму идею верховной власти. При царе состоял коллегиальный совещательный орган (*мантрипаршиад*), который включал в себя не только высших сановников (*мангринов*), но и некоторых специально приглашенных представителей городов и сельских общин, — этот совет отвечал за принятие важнейших решений и проведение этих решений в жизнь. Кроме того, существовал и Тайный совет, состоявший, как правило, из восьми наиболее доверенных лиц. По мере необходимости могло собираться и более широкое по составу собрание знати и представителей народа — *сабха*. Названные совещательные органы свидетельствуют о сохранении институтов и традиций древней политической организации, которые определенным образом ограничивали власть царя, не позволяли ей приобрести выраженный деспотический характер.

Роль первого министра, возглавлявшего царскую администрацию, играл главный мантрин; весьма значительными были полномочия придворного жреца (*пурохита*) и главнокомандующего (*сеналати*). Судебная власть осуществлялась царем с помощью брахманов, хорошо знающих священные книги, — согласно Законам Ману царь был обязан почитать таких брахманов и следо-

вать их советам, иначе он «может погибнуть, как корова в трясине». В системе органов местного управления самым низшим звеном была сельская община, в которой продолжали сохранять свое значение общинное собрание, общинный совет (*панчаят*) и выборный староста. Действовали и общинные суды, которые строились по варно-кастовому принципу. Этот же принцип был положен и в основу военной организации.

Таким образом, в отдельных странах Востока существовали такие специфические особенности их государственной организации, которые свидетельствуют о значительной многовариантности институтов, составлявших сущность древневосточной деспотии. Можно даже отметить, что в ряде древневосточных обществ монархическая форма правления вообще не являлась единственно возможной. Так, в состав древнеиндийской империи Маурьев входил целый ряд полуавтономных образований («дана» и «сангха»), характеризовавшихся республиканскими принципами их государственной организации. В Месопотамии и Финикии также встречались элементы республиканских форм, порожденные традициями первобытно-племенной демократии. Однако многообразие специфических черт, свойственных отдельным древневосточным государствам на определенных этапах их развития, не исключает однородных проявлений их исторического бытия, вызванных к жизни общими закономерностями их социально-экономического происхождения.

5. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕВОСТОЧНОГО ПРАВА

Вместе с государством в странах Древнего Востока складывалась и система права, закреплявшая специфическую для данного региона систему общественных отношений. Древнейшим источником права являлся обычай; впоследствии все более значительную роль стала играть законодательная деятельность верховных правителей древневосточных деспотий. Меньше всего сведений сохранилось о праве *Древнего Египта*, — хотя здесь, по данным источников, имели место попытки кодификации права, ни один из памятников подобного рода до нас не дошел. Впрочем, некоторые ученые полагают, что в Египте, этой стране «поголовного рабства» (выражение Г. Гегеля), можно было во-

обще обходиться без кодифицированного права — его вполне могли заменять предписания центральной администрации. В *Древнем Китае* первые писанные законы относятся к VI—V вв. до н. э. Так, самый ранний сборник уголовных законов Китая (т. н. «Обозрение законов») датируется 536 г. до н. э. На рубеже V—IV вв. до н. э. появился один из первых сводов законов — т. н. «Книга законов царства Вэй», также посвященный в основном проблемам уголовного права и уголовного процесса. Большая работа по систематизации древнекитайского права проводилась в империи Хань в III—II вв. до н. э. Право *Древней Индии* формировалось под влиянием, двух важнейших источников. Первым из них являлись сборники религиозно-нравственных предписаний (дхармашастры), разрабатываемые и толкуемые брахманами на основе священных книг; вторым — литература чисто светского характера, представленная трактатами, посвященными проблемам политики и права (*аргхашастры*). Наиболее важное место среди дхармашастр занимают Законы Ману, относящиеся к периоду II в. до н. э. — II в. н. э. Они состоят из 12 глав и 2685 статей, из которых непосредственно правовой характер имеют лишь некоторые статьи VIII и IX глав. Древнеиндийские законы имеют более сильную религиозную окраску, чем нормативные акты других стран Древнего Востока.

Гораздо более полным, наилучшим образом сохранившимся и потому заслуживающим наибольшего внимания памятником древневосточного права является свод законов *Вавилонского* государства, изданный в годы правления царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.). Этот свод законов (именуемый также Кодексом или Законником) был обнаружен в 1901 г. французской археологической экспедицией во время раскопок города Сузы (столицы древнего Элама, расположенной к востоку от Вавилона). Вероятно, базальтовый столб с текстом законов Хаммурапи был взят в качестве трофея одним из эламских правителей и переправлен им в свою столицу вместе с другой военной добычей. На столбе высотой около двух метров имеется рельефное изображение Хаммурапи, которому бог Шамаш вручает свиток с текстом законов. Из 282 статей Законника (разбивка на статьи была произведена современными учеными) полностью сохранилось 247; остальные удалось восстановить по многочисленным фрагментам более поздних копий Законника, найденных

при раскопках других городов Месопотамии. Большинство исследователей, изучавших этот документ, видит в нем свод законов, реально действовавших во времена Хаммурапи (мы придерживаемся именно этой точки зрения); другие склонны рассматривать его как юридический трактат исключительно лишь теоретического характера; третьи видят в нем своеобразный отчет перед богами, подготовленный Хаммурапи в предвидении конца своей земной жизни. Во всяком случае, мы имеем дело с самым ранним в истории человеческой цивилизации систематизированным сводом правовых норм и административных регламентов, регулирующим достаточно широкую сферу общественных отношений.

Имеются основания предполагать, что Хаммурапи, испытывавший особую приверженность к законодательной деятельности, приступил к работе над систематизацией права в самом начале своего правления. Первый кодифицированный свод вавилонских законов был создан уже на втором году правления Хаммурапи, — к сожалению, этот памятник права до наших дней не сохранился. Дошедший же до нас Законник, как уже сказано выше, относится к заключительным годам царствования Хаммурапи.

Законник открывается обширной преамбулой, традиционно присутствовавшей и в более ранних правовых памятниках древней Месопотамии. Преамбула имела своей целью обосновать прочность и незыблемость царской власти. Правитель наделяется пышными титулами «возлюбленного богини Иштар», «бога царей, знающего мудрость». Все его действия продиктованы соображениями высшей справедливости; он является источником всяческих благ, источаемых по отношению к другим людям. Перечень добродетелей, которыми наделен Хаммурапи, должен был убедить его подданных в богоугодности, а потому непререкаемости и общеобязательности всех его установлений.

Что касается содержания основной части Законника Хаммурапи, то подавляющая масса изложенной в нем правовой информации касается отношений, складывавшихся лишь в одном (правда, самом крупном) секторе хозяйства — секторе царско-храмовом. Отношения внутриобщинные и межобщинные, а также отношения общин с центральной властью были подвергнуты государственному регулированию в гораздо меньшей степени. Даже частно-хозяйственный сектор привлек к себе

большее внимание законодателя, но и здесь акцент перенесен на взаимоотношения данного сектора все с той же системой царско-храмового хозяйства.

Главными источниками Законника являлись нормы обычного права, материалы судебной практики, законотворчество самого Хаммурапи. Имели место и заимствования из более древних шумерийских кодексов, возникших на 2—3 столетия раньше царствования Хаммурапи; важнейшими среди них являлись законы царя Ур-Намму, основателя династии Ура (конец III тысячелетия до н. э.), законы Липид-Иштара, правителя царства Исины, законы Билаламы, царя Эшнунны (оба последних сборника датируются началом II тысячелетия до н. э.).

Основные цели Законника Хаммурапи заключались в законодательном закреплении сословно-классового деления общества, в упрочении рабовладельческих порядков, в обеспечении интересов господствующих верхов от посягательств на принадлежавшую им собственность. Вместе с тем Законник проявляет определенную заботу о средних и мелких собственниках, пытается приостановить процесс их обеднения и обезземеливания, поскольку от этого их разорения могут пострадать податные и военные интересы государства, а, следовательно, окажется под угрозой стабильность положения все тех же правящих кругов.

Для рассматриваемого документа характерны примитивная правовая техника, казуистичность правовых норм, их строгий формализм. По существу Законник представляет собой собрание конкретных судебных случаев (казусов), наглядных и понятных для восприятия. Они сформулированы в виде простых утверждений или опровержений, которым придан характер юридических фактов, с тем чтобы в будущих судебных разбирательствах они могли явиться элементами системы доказательств. В Законнике проявлялось традиционное для правовых систем древности стремление мотивировать правовые нормы в соответствии с нормами морали, основанными на тогдашнем понимании справедливости. Ощущалось и заметное влияние религии на право, хотя оно не было столь сильным, как, например, в Древней Индии. Вавилонский законодатель отнюдь не злоупотреблял религиозным обоснованием правонарушений, дос-

таточно четко отделял греховное поведение человека от преступного.

Четкое деление по отраслям права в Законнике отсутствует, хотя его составители стремились к определенной логической систематизации правовых норм, — они сгруппированы по предметам правового регулирования, а переход от одной группы к другой осуществляется по принципу ассоциации. Преобладают нормы гражданского, уголовного и процессуального права, хотя и в них обнаруживаются довольно многочисленные пробелы.

Право собственности. Собственниками земли в Вавилоне могли выступать царь, храмы, общины и частные лица. Значительные земельные массивы находились в царском хозяйстве и в ведении храмов (по некоторым подсчетам, на их долю приходилось до 30—40 % всей пахотной земли в государстве); эти массивы имели тенденцию к постоянному росту, — в основном за счет наступления на общинную земельную собственность. Царская и храмовая земельная собственность могла передаваться во владение или в аренду различным категориям свободного и зависимого населения; из этого же фонда шли пожалования за государственную службу.

Достаточно подробно обрисованы в Законнике поземельные отношения внутри общины. Община сохраняла контроль над угодьями (луга, пустоши, выгоны для скота) и над оросительной системой. Приусадебные участки, сады, пахотная земля находились во владении отдельных семей. На границах владений устанавливались особые межевые знаки (чаще всего — каменные глыбы). Крестьянин обладал правом достаточно свободного распоряжения своим земельным участком — он мог его продавать, менять, закладывать, сдавать в аренду, передавать по наследству — для этого даже не требовалось согласия общины. Необходимо было лишь соблюдать два условия: 1) все эти сделки мог совершать только полноправный член общины, и уход из общины приводил к потере всех прав на земельный участок; 2) все эти сделки совершались лишь в пределах общины: отчуждение земли за эти пределы было невозможно. Таким образом, об окончательном превращении земли в товар во времена Хаммурапи говорить еще преждевременно, поскольку свободное отчуждение земли еще стало повседневной практикой, — оно являлось скорее исключением, чем правилом. К

тому же утрата земельного участка, обычно связанная с какими-то экстраординарными обстоятельствами, резко ограничивала права прежнего владельца, низводила его социально-правовой статус на гораздо более низкий уровень. С другой стороны, приобретение чужой земли рассматривалось как несправедливость, которой тоже не следовало злоупотреблять. В целом, владельческие права общинников имели достаточно прочную правовую защиту. Однако общинно-хозяйственный сектор в целом не мог противодействовать наступлению на свои владельческие права со стороны царско-храмового сектора. Считая общинные земли своей собственностью, царская власть осуществляла раздачу этих земель представителям светской и жреческой знати. Иногда общины могли получить за эту изъятую землю определенную компенсацию, натуральную или денежную, но воспротивиться самому изъятию они были не вправе.

В Законнике подробно сказано о земельных участках, выдаваемых из царского земельного фонда воинам, обязанным нести действительную службу в составе вавилонской армии (т. н. имущество «илку»). Если военнослужащий, получивший военный надел, посылал вместо себя на службу другого человека, он жестоко наказывался (вплоть до смертной казни), а его имущество передавалось нанятому им человеку. Воинские земельные участки полностью исключались из гражданского оборота, так что всякие сделки с ними являлись незаконными. Если кто-то покупал поле, сад или дом, принадлежащий воину, сделка признавалась недействительной, договор о совершенной купле-продаже уничтожался, а покупатель полностью терял свои деньги. В случае безвестного отсутствия владельца земельный надел сохранялся за ним в течение года, — лишь после этого срока воинский участок мог быть передан другому владельцу на прежних условиях обязательности службы. Если воин попадал в плен, его надлежало выкупить; в случае нехватки средств на выкуп можно было рассчитывать на помощь храма или казны. Когда воин по возрасту или болезни уже не мог продолжать службу; но в его семье подрастал сын, способный продолжить военную службу вместо отца, — земельный участок мог быть закреплен за данной семьей и во втором поколении. Если же сын был малолетним и не мог продолжить службу отца, его матери выделялась одна треть из имущества «илку», чтобы она могла воспитывать сына до его совершеннолетия. Однако вер-

ховная собственность на эти земли неизменно оставалась за царем: он мог в любое время изъять земельный участок из рук военнотружущего.

Обязательственное право. Основным источником обязательств являлись договоры (имущественные сделки). Самым распространенным видом договоров был договор *купли-продажи*, которому, вероятно, исторически предшествовал договор мены. Для действительности договора купли-продажи было необходимо соблюдение трех условий: 1) отчуждаемое имущество не должно быть изъято из оборота (примером имущества, изъятого из оборота, служили упомянутые выше земельные участки); 2) продавец должен быть действительным собственником вещи (например, если была продана краденая вещь, а впоследствии обнаруживался ее реальный собственник, сделка объявлялась недействительной и покупатель терял свои деньги); 3) сделка должна совершаться при свидетелях (чтобы последние в случае необходимости могли подтвердить ее законность).

При совершении сделки купли-продажи были типичны следующие коллизии. Когда после покупки обнаруживался человек, заявивший, что он является действительным собственником проданной вещи, покупатель должен был обеспечить явку в суд продавца и свидетелей. Если те не являлись, суд признавал покупателя вором и приговаривал его к смерти. Если же суд приходил к выводу о законности сделки и об отсутствии вины покупателя, смертной казни подлежал продавец, поскольку он признавался вором. Если, наконец, не находилось свидетелей у человека, заявившего о своих претензиях на проданную вещь, он также подвергался смертной казни за злостную клевету, возведенную на участников сделки.

Купля-продажа наиболее важных вещей (земля, постройки, скот, рабы) оформлялась письменно, по определенной форме, с перечнем свидетелей (двух-трех или более) и приложением печатей; тексты договоров писались на глиняных табличках, которые затем обжигались. Допускалась купля-продажа в кредит или с рассрочкой платежа. После уплаты покупной цены договор купли-продажи в течение одного месяца мог быть расторгнут при наличии серьезных обстоятельств, — например, если выяснится, что продавец преднамеренно скрыл некото-

рые существенные изъяны вещи (конкретно в одной из статей речь идет о продаже раба, страдавшего эпилепсией).

Широкое распространение имел договор займа, который отличался большой суровостью. Процент по денежным займам доходил до 20, по займам зерна — до 33; превышение ростовщиком (тамкаром) процентных ставок влекло за собой потерю долга. Разрешалась выплата долгов по частям; при неурожае или стихийных бедствиях (буря, наводнение, засуха) срок возврата долга откладывался, а проценты за этот год не взимались. Должник был в определенной степени защищен от самоуправных действий кредитора. Допускалось (при непременно согласии кредитора) перенесение долговых обязательств на другое лицо. Кредитор имел право принимать в залог землю (участок должен быть обработан и засеян) и движимое имущество должника. Несостоятельный должник вынужден был отдавать в кабалу членов своей семьи — дочь, сына или жену (как можно понять из Законника, сам должник, будучи главой семьи, отдаче в кабалу не подлежал). Срок кабалы был ограничен тремя годами, по истечении которых заложник покидал дом кредитора. При этом долг считался погашенным, поскольку за три года кредитор не только успевал возместить свои убытки, но даже и получить выгоду от эксплуатации заложника. Если случалось, что в течение указанного трехлетнего срока заложник погибал от дурного обращения, наказывался смертью сын кредитора. Иногда долговое обязательство обеспечивалось залогом имущества или его части. Если долг не возвращался в срок, кредитор мог удовлетворить свои требования из доходов с заложенного имущества или от его продажи.

Объектами договора *имущественного найма* могли быть дома, транспортные средства (повозки, лодки), рабочий скот (волы, ослы); наем чужого раба также рассматривался как наем имущества. Сюда же примыкала аренда земли, оформляемая, как правило, на 1 год; на более длительный срок в аренду сдавалась еще не освоенная земля. Аренда сада также могла быть удлинена до 5 лет, если арендатор обязывался увеличить количество насаждений. Поскольку пахотных земель не хватало и спрос на аренду явно превышал предложение, условия аренды были весьма тяжелыми. Арендная плата достигала половины урожая (при аренде поля) или даже две трети урожая (при аренде

сада). Весь риск сделки лежал на арендаторе: владелец земельного участка был вправе требовать заранее оговоренного платежа независимо от реального урожая. Если арендатор не вырастил никакого урожая, он платил столько, сколько платил добросовестный арендатор-сосед. Если арендатор вообще оставил поле без обработки, он также не освобождался от арендного платежа, а поле он обязан был возвратить хозяину в обработанном виде.

Договор *личного найма*, заключаемый на год или меньший срок, касался лиц как «благородных» профессий (врач, ветеринар, архитектор, кораблестроитель), так и сельскохозяйственных работников. В последнем случае заработная плата, выдаваемая деньгами или хлебом, имела значительные сезонные колебания, — ее размеры подробно регламентированы в Законнике. Устанавливалась строгая ответственность наемного работника за невыполнение условий договора: так, оставление работы раньше оговоренного срока влекло потерю оплаты. Наемному работнику зачастую доверялись материальные ценности, и он нес ответственность за их сохранность. Нанесенный хозяину ущерб (изнурение или гибель скота, кража семян или сельскохозяйственного инвентаря и т. п.) компенсировался высокими штрафами (обычно в 10-кратном размере). Если же наемный работник оказывался не в состоянии уплатить такой штраф, он подвергался мучительной смертной казни (разрывание тела на части).

В Законнике упоминается также договор *хранения* или *поклажи*. На хранение могли сдаваться деньги, зерно, документы, рабы и другие вещи. Обязательным условием договора являлось заключение его при свидетелях, — в противном случае сделка не могла быть оспорена в суде. В случае невыполнения договора выплачивалась двойная стоимость утраченной вещи или недостающей ее части. Хранитель отвечал за вещь и в том случае, если она была украдена у него вместе с его собственными вещами. Возместив ее стоимость законному хозяину, хранитель получал право отыскать вора и добиться возврата украденного.

Договор *товарищества* был, вероятно, достаточно редким, поскольку он упоминается лишь в одной статье, где речь идет о распределении убытков или прибыли между членами товари-

щества. Важнейшим условием договора была солидарная ответственность товарищей перед третьими лицами.

Широкое распространение имущественных сделок, их подробная регламентация являлись, как уже отмечалось выше, свидетельством достаточно высокого уровня товарно-денежных отношений вавилонского общества времени Хаммурапи, превышающего соответствующие показатели других древневосточных государств. Вместе с тем, удельный вес частнособственнического сектора не был столь велик и значителен, чтобы поколебать всю социально-экономическую макроструктуру, основанную на приоритете государственной собственности. Допустив существование сферы товарно-денежных отношений с элементами наемного труда, аренды, ростовщичества, государство сохранило за собой все рычаги регулирования этой сферы, допуская ее функционирование лишь к собственной выгоде и в безопасных для себя масштабах.

Кроме договоров, Законник знает и другой источник обязательств — причинение вреда. Упоминается потрава поля, порубка деревьев в чужом саду, небрежное отношение к ирригационным сооружениям, затопление судна вследствие столкновения на реке и др.

Брачно-семейное право. В вавилонской моногамной семье господствующее положение занимал муж. Хотя он и не обладал правом жизни и смерти над женой и детьми, но мог продать их в пожизненное рабство или отдать во временную (на три года) долговую кабалу. Вместе с тем, положение женщины, особенно замужней, существенно отличалось в лучшую сторону от ее положения в других странах Древнего Востока. Законник предоставлял замужней женщине широкие имущественные права: она могла без ведома мужа распоряжаться своей долей имущества, давать деньги в рост, покупать землю и рабов, выступать в суде по имущественным спорам в качестве свидетеля. Долги, сделанные мужем до брака, на имущество жены не распространялись; за долги, сделанные во время брака, отвечали оба супруга.

При наличии некоторых обстоятельств вступление в брак было невозможно. Запрещались, в частности, браки между восходящими и нисходящими родственниками, а также между родственниками (например, между мачехой и пасынком). Брак считался действительным только при условии оформления договора, где сторонами выступали жених и отец невесты. Согласия

самой невесты на брак не требовалось; она лишь могла в известной степени повлиять на содержание брачного договора (например, добиться отказа мужа в будущем закладывать ее за долги). Жених вносил в семью невесты вначале задаток (*библум*), а затем полную выкупную плату (*тархатум*), которая служила своеобразной компенсацией за потерю работницы. Нарушение брачного договора со стороны жениха влекло потерю им и задатка, и выкупной платы, отказ от договора со стороны тестя — уплату двойного размера этой суммы. Невеста получала от отца приданое, которое после заключения брака оставалось ее собственностью, но переходило во владение мужа; стоимость приданого обычно превосходила совокупную стоимость задатка и выкупного платежа со стороны жениха. Приданое возвращалось жене в случае смерти мужа или при разводе по вине мужа. Приданое оставалось у мужа, если развод произошел по причине предосудительного поведения жены.

При бездетности жены муж мог взять наложницу (даже если поведение жены было безупречным), а жену либо оставить в доме, либо «отвергнуть ее», но при обязательном условии возврата ей приданого. Супружеская неверность со стороны жены жестоко наказывалась (виновную бросали в воду). Муж же мог не только взять себе вторую жену, если первую постигла болезнь, но и открыто сожительствовать с рабыней, которую ему предоставляла бездетная или больная жена. Наконец, он имел право узаконить детей, рожденных от этого сожительства; такая рабыня не могла быть продана женой в другой дом, а после смерти хозяина получала свободу вместе с прижитыми детьми. Если муж, отправившийся в военный поход, попадал в плен, жена могла выйти замуж вторично, когда у нее не оставалось иных средств к сулестзозки», причем в случае возвращения мужа из плена жена должна была вернуться к нему. Вдова, оставшаяся с малолетними детьми, могла выйти замуж вторично только с разрешения суда; при этом ни она сама, ни ее второй муж не могли распоряжаться имуществом, оставшимся от первого мужа, — все оно шло в наследство детям от первого брака.

Развод для мужа был осуществим достаточно легко и беспрепятственно, хотя и требовал обоснования (бесплодие, расточительство, дурное поведение жены); жена же имела право на развод лишь при наличии серьезных причин (длящаяся измена

мужа, смена им местожительства, необоснованное обвинение жены в супружеской неверности).

Широкое распространение в вавилонской семье имела сделка усыновления. Положение усыновленных детей зависело от того, становились ли они наследниками усыновителя (это делалось с целью продления рода в бездетной семье), либо не признавались таковыми (когда речь шла только о дополнительных рабочих). В первом случае связь усыновленных с прежней семьей полностью порывалась; во втором случае усыновленный мог вернуться в свою прежнюю семью в любое время и без всяких условий. Впрочем, если речь шла об усыновлении малолетнего ребенка, «находившегося в пренебрежении», то такой воспитанник не мог быть потребован обратно по суду. Точно так же решался и вопрос о малолетнем воспитаннике, если усыновитель-ремесленник обучил его своей специальности.

Наследственное право. Главной формой наследования в Законнике Хаммурапи является *наследование по закону*. Сыновья, независимо от возраста, делили наследство в равных долях. Долю умершего сына получали его дети — внуки наследодателя, которые также делили ее поровну. Усыновленные, признанные наследниками, участвовали в наследовании на равных основаниях с законными детьми (это касалось и детей, прижитых от наложницы-рабыни, если они признаны отцом), — важно только заметить, что эти усыновленные участвовали в разделе только движимого имущества и не могли претендовать на недвижимость. Первоначально дочери призывались к наследованию лишь при отсутствии сыновей; впоследствии они были уравнены в наследственных правах со своими братьями. Доля наследства, получаемая дочерьми, предназначалась в качестве будущего приданого. Можно предполагать, что если дочери получили приданое еще при жизни отца, в разделе наследственной массы они не участвовали. При отсутствии нисходящих наследников (детей, внуков) имущество переходило к братьям умершего, а если нет и их — к братьям отца умершего. Пережившая жена получала приданое и предбрачный подарок мужа и продолжала жить в доме умершего мужа. Это имущество она не имела права продать, поскольку оно было после ее смерти предназначено в раздел детям. Если жена умирала раньше мужа, последний не имел право распоряжаться ее приданым как своей собственностью, — это при-

даное также шло в раздел детям умершей, а при их отсутствии — возвращалось в дом отца умершей.

Вместе с тем, в Законнике проявлялись элементы *наследования по завещанию*. Так, отец мог, но только с согласия суда, лишить какого-либо сына наследства за неоднократную тяжкую обиду; он мог также за счет дарения, сделанного еще при жизни, увеличить наследственную долю одного из сыновей за счет ущемления интересов других сыновей. Муж мог подарить часть своего земельного имущества (поле, сад) жене в обход прямых наследников — сыновей. Этот дар жена, оставшись вдовой, могла не пускать в общий раздел, а передать «любимому сыну». Все эти факты являются прямыми свидетельствами перехода от безусловного господства наследования по закону (которое в своем классическом виде соответствует примитивному состоянию имущественных отношений) к более или менее широкой завещательной свободе, отражающей достаточно высокий уровень развития института частной собственности.

Уголовное право. В Законнике Хаммурапи не проводилось различий между уголовным преступлением и гражданским правонарушением. Примитивный уровень юридической мысли древневавилонского периода объясняет слабое развитие проблем общей части уголовного права. В основе уголовно-правовых санкций продолжает лежать идея *талиона*, ведущая свое происхождение от первобытно-общинных представлений о справедливости и предполагающая социальное равенство людей. Применение принципа талиона исключает установление субъективной стороны преступления (умысел, неосторожность, случайность), объясняет неразработанность института соучастия, отсутствие анализа стадий преступного действия (голый умысел, покушение, совершение преступления), наличие объективного вменения (наказания без вины). В этом плане особенно характерны следующие статьи Законника: если строитель построил дом, который впоследствии рухнул, так что под его обломками погиб хозяин дома, то такой строитель подлежал немедленной смертной казни; если под обломками дома погиб сын хозяина, смертной казни подлежал сын строителя. В данных примерах примитивно понимаемая идея эквивалентного возмездия доведена до крайней степени выражения. Вместе с тем, процесс трансформации общества в классовое состояние повлек за со-

бой ревизию первобытно-общинных представлений об изначальном социальном равенстве, породил и все более усиливал классовый подход к уголовно-правовой действительности. Принцип талиона продолжал действовать в своем первоначальном качестве лишь в той сфере общественных отношений, где обоими участниками уголовно-правовой коллизии являлись полноправные жители Вавилона (авилум). Там же, где одним из участников являлся авилум, а другим — мушкенум или раб, вступали в силу иные способы разрешения конфликта. Так, авилум, выбивший глаз или сломавший кость мушкенуму, уже не наказывался тем же самым наказанием, но отделялся штрафом, хотя и значительным. Если же пострадавшим оказывался раб, виновный авилум выплачивал его хозяину половину стоимости раба. Таким образом, наряду с возмездием, пока еще остававшимся главной целью наказания (именно ей и соответствует идея талиона), возникли новые цели карательной политики — в частности, извлечение материальной выгоды.

Перечень преступлений в Законнике далеко не полный: так, почти совсем не упоминаются государственные и религиозные преступления, тогда как их существование в реальной жизни сомнений не вызывает. Очевидно, наказания за них были настолько определенными, что законодатель счел излишним говорить об этом специально.

Основную группу уголовно-правовых норм составляли преступления *против личности*. При этом ощущается определенная разница в подходе к убийствам умышленным (например, убийство женой мужа по сговору) и неумышленным (например, неудачная врачебная операция): так, сообщничество женщины в убийстве своего мужа грозило ей сожжением, тогда как лекарю, по вине которого больной лишился глаза, жизнь сохранялась, но отрубалась кисть руки. К преступлениям против личности также относились: нанесение телесных повреждений (при этом неумышленное нанесение раны в драке освобождало свободного человека от ответственности), оскорбление словом и действием, дача ложных обвинений, злостная **клевета**.

Вторая группа была представлена преступлениями против *собственности*: кража и грабеж, повреждение или уничтожение чужого имущества, мошенничество и др. Особой защитой закона пользовалась крупная дворцовая и храмовая собственность

(за преступные посягательства на нее полагалась либо смертная казнь, либо штраф в 30-кратном размере). За кражу с проломом стены преступник наказывался закапыванием в землю возле этой стены; за кражу во время пожара преступника бросали в огонь. Тягчайшим преступлением являлась кража раба, а также его укрывательство в случае бегства. Жестоким членовредительством (отсечением пальцев) наказывался цирюльник, сбивший с раба знаки его рабского состояния; лицо же, подговорившее цирюльника на такие действия, наказывалось смертью. Убийство раба компенсировалось выплатой хозяину его стоимости.

К третьей группе относились преступления *против семьи и нравственности*: кровосмешение (связь матери с сыном, отца с дочерью), супружеская неверность (только со стороны жены), изнасилование, кража ребенка, увоз замужней женщины и др. Есть также упоминания о преступлениях, которые можно отнести к *воинским* (например, мародерство) и *должностным* (например, взяточничество судьи).

В *системе наказаний* преобладала смертная казнь (она упоминается более чем в 30 случаях), применяемая в самых различных формах: утопление, сожжение, закапывание в землю, сажание на кол. Были широко распространены членовредительские наказания (отсечение руки, пальцев, обрезание уха, языка), осуществляемые, как правило, по принципу «символического талиона» (сын, ударивший отца, лишался руки; кормилица, виновная в смерти ребенка, лишалась груди; приемный сын, отрекшийся от отца, лишался языка и т. д.). Практиковались телесные наказания: избиение плетью, наложение знаков бесчестия, обращение преступников в рабство, изгнание из общины. Были широко распространены штрафы, которые вытесняли кровную месть, т. к. последняя была несовместима с интересами господствующих верхов в сложившемся государстве. Например, штраф применялся вместо смертной казни, если удавалось доказать непреднамеренность убийства в драке. Штрафы за имущественные преступления, как правило, были очень большими; они в 10—30 раз превышали стоимость похищенного, особенно если речь шла о краже царского или храмового имущества. Невыплата штрафа каралась смертью. Практиковалась коллективная штрафная ответственность общины за преступления, совершенные на ее территории, если виновный не был

найден; так, община полностью возмещала ущерб человеку, ограбленному на ее территории, а если ограбленный был убит, община выплачивала 60 сиклей серебра его родственникам.

В системе наказаний с особой наглядностью отразился классовый характер уголовного права: выбор меры наказания, степень его суровости ставились в прямую зависимость от социального положения как преступника, так и потерпевшего. Например, если у беременной женщины в результате побоев случался выкидыш, то если это была дочь авилума, виновный выплачивал 10 сиклей серебра, если дочь мушкенума — вдвое меньше (5 сиклей), если пострадавшей была рабыня — впятеро меньше (2 сикля). Когда же в результате этих побоев беременная женщина погибала, то если она была дочерью авилума — предавалась смерти дочь виновного, если дочерью мушкенума — виновный выплачивал штраф в 30 сиклей серебра, если рабыней — 20 сиклей. Аналогичным образом решалась и проблема имущественных санкций: состоятельный преступник отделялся штрафом, несостоятельный расплачивался собственной жизнью.

Судебный процесс. При Хаммурапи судебная власть жрецов была заменена судебной властью светских органов. В качестве судебных инстанций выступали органы администрации. Правители областей, рассматривавшие наиболее важные преступления и гражданские споры, действовали совместно с советом, состоявшим из 6—10 человек, куда входили представители местной знати и торгово-предпринимательских кругов. Правители городов также осуществляли правосудие, возглавляя коллегии из 4—8 старейшин. Высшая судебная власть принадлежала царю, который осуществлял ее либо лично, либо через назначенных им «царских судей». К царю можно было обратиться с апелляцией на судебные решения местной администрации; кроме того, царь обладал и правом помилования.

В основе процессуальных воззрений вавилонян лежал т. н. «принцип эквивалентности», согласно которому обвинение и контробвинение должны быть равноценными. Законник не устанавливал четких различий между уголовным и гражданским судопроизводством. К тому же сам процесс не был строго регламентирован, а строился на основе обычаев. Судоговорение производилось публично, в присутствии общины, чаще всего — на храмовой площади.

Возбуждение дела осуществлялось, как правило, частным лицом. Однако при покушениях на дворцовую или храмовую собственность инициатива в возбуждении дела могла проистекать от государственного органа. Явку обвиняемого (ответчика) в суд обеспечивал сам потерпевший (истец). Розыск и арест особо опасных преступников осуществлялись местной администрацией. Обвинение в суде поддерживало частное лицо. Общественного обвинения или чего-либо аналогичного прокуратуре не существовало.

Стороны сами собирали доказательства и предъявляли их суду. Доказательствами являлись свидетельские показания (сопровождаемые, как правило, религиозными клятвами), письменные документы (подтверждающие имущественную сделку), а также ордалии (чаще всего — испытания водой; при этом остается неясным, что именно считалось признаком виновности при погружении человека в воду — то, что он тонул, или то, что он не тонул). Отказ от испытания был равносителен признанию вины.

Процесс завершался выдачей судьей документа, который он не мог изменить. Судья, изобличенный в изменении вынесенного приговора, выплачивал штраф, равный 12-кратной стоимости иска, свергался с судейского кресла и навсегда терял право осуществлять правосудие.

Приговоры о смертной казни или членовредительстве приводились в исполнение немедленно и публично. Для укрепления силы судебного решения стороны обязывались не возбуждать вторично того же дела; обязательство оформлялось письменно. Виновный в нарушении этого обязательства выплачивал штраф, размер которого был определен заранее, либо подвергался бесчестью (сбрасыванию части волос на голове, как рабу).

Вавилонское право, которое можно рассматривать как наиболее совершенную юридическую систему в странах Древнего Востока, явилось важной ступенью в развитии правовой мысли в общечеловеческом масштабе. И хотя до настоящего времени еще никому не удалось убедительно доказать, что древневосточное право оказало непосредственное воздействие на право древних греков и древних римлян, а через них — на современное право Европы и Америки, то наличие континуитетных связей между правовыми системами древнего и современного Востока

можно констатировать со всей определенностью. Если же учесть, что под регулирующим воздействием ориенталистских правовых систем протекает жизнь большей части нынешнего населения Земли, в частности, многомиллионных представителей арабо-исламской, индо-буддийской и китайско-конфуцианской цивилизаций, то не будет большим преувеличением утверждение, что исследование истории древневосточного права, анализ его специфических особенностей и выяснение тенденций последующей эволюции имеют не исключительно лишь познавательное, научно-теоретическое, но и важнейшее практическое значение.

II. АФИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Древнегреческий мир был представлен значительным количеством государств, имевших весьма небольшие размеры по территории. На процессы становления государственности в Греции исключительно большое влияние оказали природно-географические факторы. Греция — это преимущественно горная страна, в которой равнинные ландшафты составляли не более 20 % всей территории. Таким образом, здесь было сравнительно мало земельных площадей, пригодных для сельскохозяйственного производства и требовавших, как в странах Древнего Востока, осуществления грандиозных ирригационных работ. Поэтому в Греции не существовало условий для формирования громоздких царских и храмовых хозяйств, предполагавших создание разветвленного, бюрократически организованного управленческого аппарата. Общинная форма ведения хозяйства также не получила здесь широкого распространения, и сама община была обречена на сравнительно раннее исчезновение, вследствие чего основной производственной ячейкой становилось небольшое частное хозяйство, имевшее преимущественно натуральный характер.

Многие долины имели выход к морю, благодаря которому открывалась возможность связи отдельных регионов Греции не только между собою, но и со многими другими странами. Богатые полезные ископаемые (мрамор, гранит, медь, железная руда, серебро и др.) обеспечивали условия для развития ремесленного производства. Бурный рост ремесел, особенно связанных с обработкой металла, широкое развитие торговли (преимущественно морской) способствовали интенсивному развитию приватизационных процессов, становлению рыночных форм хозяйствования.

Характерная для Греции форма государства получила наименование *полиса* (по-гречески слово *πόλις*, означает «город»),

поскольку государство состояло, как правило, из нескольких сельских поселений, объединившихся вокруг одного городского центра. Экономических предпосылок для образования крупных политических объединений не существовало. Полис представлял собой замкнутое политическое объединение сравнительно небольшого коллектива граждан, объединяемых традициями своего общего исторического происхождения, особенностями культуры, спецификой правовых систем. Формы политического устройства в различных греческих полисах отличались значительным разнообразием и частой сменяемостью: имели место аристократические, демократические, тиранические, смешанные формы.

В отличие от большинства государств Древнего Востока, в которых проживало население, принадлежавшее к различным расам и многочисленным языковым группам, население основных регионов Греции (бассейн Эгейского моря, южная часть Балканского полуострова) характеризовалось выраженной этнической однородностью. Греческая народность была представлена четырьмя основными племенными группами: ахейцы, дорийцы, ионийцы и эолийцы. И хотя каждая из этих племенных групп говорила на своем диалекте и имела некоторые особенности в материальной культуре и религиозных воззрениях, все греки четко осознавали свою этническую общность и принадлежность к единой цивилизации. Это обстоятельство сыграло чрезвычайно важную роль как в становлении греческой государственности; так и во всех последующих процессах социально-экономического и политико-правового развития рассматриваемого региона.

Среди множества древнегреческих государств (Спарта, Милет, Сиракузы, Коринф, Фивы, Аргос и др.) наибольшее внимание привлекает Афинское государство. Явившись одним из наиболее развитых государств древнего мира, оно сыграло важную роль в развитии не только европейской, но и всей мировой цивилизации, культуры и науки. Именно здесь возникла, в частности, наука государствоведения, был дан первый анализ политической власти, классифицированы формы правления и виды политических режимов.

Интерес к истории Афинского государства объясняется несколькими причинами. Во-первых, для Афин была характер-

на такая форма образования государства, когда оно возникало преимущественно под влиянием внутренних процессов развития, в результате разложения родового строя, хотя влияние внешнего фактора также не может быть полностью отброшено. Во-вторых, уникальность и неповторимость Афинского государства проявились в том, что оно достигло высшей и весьма редкой для стран древнего мира формы — демократической республики. Кроме того, исследователи, изучающие историю Афин, находятся в благоприятной ситуации: поскольку практически все этапы афинской истории получили отражение в богатых, разнообразных и достаточно достоверных источниках, процесс складывания и развития государства в Афинах может быть реконструирован с большой подробностью.

Полисный этап греческой (в т. ч. афинской) истории с точки зрения основных показателей социально-экономического, политического и культурного развития принято делить на три основных периода: 1) т. н. гомеровский период (XI—IX вв. до н. э.), характеризующийся господством родоплеменных отношений; 2) архаический период (VIII—VI вв. до н. э.), в течение которого происходит формирование полисного общества и государства; 3) классический период (V—IV вв. до н. э.), на который приходится расцвет греческой цивилизации и культуры. Основные этапы становления и дальнейшей эволюции греческой государственности в принципе совпадают с указанной периодизацией.

1. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И УПРАВЛЕНИЕ ГОМЕРОВСКОЙ ГРЕЦИИ (XI—IX ВВ. ДО Н. Э.)

Период ранней истории греческого народа, известный под наименованием гомеровского, датируется XI—IX вв. до н. э. О событиях этого времени повествуется в известных поэмах «Илиада» и «Одиссея», приписываемых слепому сказителю Гомеру (отсюда и название периода), но, вероятнее всего, являвшихся продуктом коллективного творчества. Поэмы, каждая из которых составляет 24 книги, долгое время передавались из поколения в поколение устно, но в VII—VI вв. до н. э. были записаны, причем окончательная их редакция была произведена в Афинах

в период тирании Писистрата в середине VI в. до н. э. Разумеется, указанные поэмы, считающиеся лучшими образцами эпического жанра во всемирном масштабе, являются в первую очередь литературными памятниками, в которых историческая правда соседствует с поэтическим вымыслом. Однако содержащиеся в поэмах сведения, дополняемые свидетельствами других источников, могут быть использованы для характеристики общественной организации греческих племен на рубеже II и I тысячелетий до н. э.

Основными занятиями населения в это время являются земледелие и скотоводство. В земледелии используются сложные орудия труда (например, плуг), практикуется чередование посевов на различных полях, осуществляется мелиорация (удобрения, искусственное орошение). Известную роль играют садоводство и виноградарство. Появилось ремесло; его некоторые отрасли (например, кузнечное производство) полностью отделилось от сельского хозяйства. Эпоха бронзы сменяется эпохой железа. Хозяйство в основном сохраняет натурально-замкнутый характер, торговля развита слабо: каждая семья самостоятельно производит практически все, что необходимо для повседневной жизни. Если труд пастуха, земледельца, ремесленника пользуется уважением, то занятие торговлей считается еще презренным делом. Денежной системы не существует, стоимость товара измеряется соответствующим количеством голов скота. Возникающие города играют преимущественно роль военных укреплений, а не центров ремесла и торговли.

В обществе уже отмечается значительное имущественное неравенство. Богатства (земля, скот, рабы, слитки металлов) скапливаются в руках знатной верхушки. Существуют богатые люди, владеющие несколькими земельными наделами; на другом полюсе концентрируются бедняки, бывшие общинники, потерявшие свой надел вследствие долговой кабалы и превратившиеся в бедняков-поденщиков. Бесперывные войны между племенами, процветавший морской разбой (последний вовсе не считался тогда предосудительным занятием) ведут к дальнейшему усилению материальной дифференциации, к превращению родовой- аристократии в особую замкнутую группу. Знатность и богатство превращаются в нерасторжимые понятия. Экономическое могущество знати проявляется как в условиях

мирной повседневной жизни, так и на полях сражений, поскольку только богатые люди могли приобрести полный комплект дорогостоящего вооружения, а тем более боевого коня.

Рабство уже существует, но носит патриархальный (домашний) характер; эксплуатация рабского труда еще не стала основой общественного производства. Основными источниками рабства являлись война и пиратство. Поскольку сами способы приобретения рабов были связаны с большим риском, цены на рабов были достаточно высокими. Рабы — это главным образом домашняя прислуга, челядь, иногда весьма многочисленная (в домах знатных людей исчисляемая десятками). Рабы привлекаются иногда к сельскохозяйственным (полевым, садовым) и ремесленным работам.

Население живет племенами (*филами*), подразделяемыми на *фратрии* и *роды*. Объединения нескольких племен в небольшие народности пока еще временны и неустойчивы. Между отдельными родовыми сообществами не существует никакой прочной связи; единственное, что заставляло их объединяться, — это необходимость защиты от внешней опасности. Сохраняют силу первобытно-общинные порядки и воззрения. Человек, не принадлежащий ни к какой филе или фратрии, фактически оказывается за пределами общества: будучи незащищенным религиозными и моральными нормами, он легко становится жертвой насилия и произвола. Обычай кровной мести за убийство остается общепризнанным, хотя он мог уже быть заменен выкупом, если на это соглашаются родственники убитого. Права как такового еще нет; сам термин «закон» (по-гречески *νόμος*) в поэмах Гомера не упоминается ни разу. Роль главного регулятора общественных отношений играет обычай.

Общественная организация гомеровского периода выглядит следующим образом. Постоянным органом власти внутри каждого племени являлся **совет старейшин** (*γερωνία*), составленный из представителей родовых общин. Это были не обязательно самые старшие по возрасту, но наиболее авторитетные, влиятельные и знатные представители родовой верхушки. Совет старейшин представлял данное племя в переговорах с другими племенами, вел текущие дела, принимал участие в судебной деятельности.

Для решения наиболее важных дел племени по инициативе совета созывалось **народное собрание** (ἄσφοδός). Оно представляло собой сходку всех взрослых мужчин, которые, как правило, являлись на собрания вооруженными. Теоретически на этих сходках мог высказываться каждый присутствующий; реально же ходом собрания руководили представители знати, так что простой народ в обсуждение вопросов практически не вмешивался. Роль собрания сводилась к одобрению либо отклонению решения, заранее подготовленного старейшинами. Порядок голосования не был регламентирован; решения принимались возгласами одобрения либо порицания. Естественно, что такой митинговый способ позволял представителям родоплеменной знати манипулировать волей большинства по своему усмотрению.

Главой племенной организации являлся вождь — **базилевс** (ἡγεμὼν ἄσφοδός). В его руках было военное командование, верховная судебная власть, руководство религиозным культом. Базилевс не мог действовать единолично — совещательным органом при нем выступал совет старейшин. Впрочем, мнение совета старейшин не имело для базилевса безусловно обязательного значения. В целом, в методах осуществления власти раннегреческого базилевса могут быть обнаружены некоторые деспотические черты, сближающие его с монархическими правителями Древнего Востока. Во время войны власть базилевса особенно усиливалась: он приобретал право жизни и смерти над своими подчиненными, поскольку его судебные полномочия логически вытекали из функций военачальника.

Должность базилевса была в принципе выборной. Однако уже складывалась традиция, согласно которой старший сын умершего базилевса имел преимущества при выборах; таким образом, эта должность наследственно закреплялась в одной семье.

Охарактеризованная ступень исторического развития древнегреческих племен XI—IX вв. до н. э. соответствует заключительному этапу в эволюции родоплеменного строя, когда первобытнообщинная демократия трансформируется в *военную демократию*, которая является последней формой древнего народоправства. Как уже было сказано, эта форма, пронизанная духом военной организации, включала в себя три элемента — базилевс (верховный военачальник), совет старейшин (каждый член которого является военным предводителем), народное со-

бране (каждый участник которого является воином). Власть и управление даже в этой военизированной системе продолжали сохранять общественный характер. Еще нет государства, не создано вооруженной публичной власти, отделенной от народа и противопоставленной ему. Военная власть еще как бы растворена в обществе, поскольку военная служба составляет обязанность и право каждого мужчины. Органы суда и управления также не оторвались от общества: народ (в лице народного собрания) вправе влиять на решение общих дел. В целом, общество и власть еще находятся в состоянии *синкретизма* (нерасчлененности).

Гомеровская эпоха явилась важнейшим этапом в исторической эволюции греческого народа. В памках этого периода, особенно к его окончанию (к рубежу между IX и VII вв. до н. э.) постепенно созрели экономические и социально-политические предпосылки для последующего подъема древнегреческой общественной организации на новый, более высокий уровень развития, вступив на который этот маленький, но великий народ смог через три—четыре столетия продемонстрировать остальному человечеству невиданные до сих пор образцы материальной и духовной культуры, высшие в истории древнего мира достижения социального и политического прогресса.

2. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ АФИНСКОГО ГОСУДАРСТВА В VIII—V ВВ. ДО Н. Э.

Через форму военной демократии родовая организация как бы делает попытку приспособиться к новым историческим реалиям: возрастанию экономического и политического могущества аристократии, усилению эксплуатации рабов, военному ограблению соседних народов. Однако традиции родового строя оказываются категорически несовместимыми с антагонизмами формирующегося классового общества, и военная демократия оказывается исторически преходящим явлением: она обречена на самоликвидацию и замену ее государством.

Процесс складывания государства, растянувшийся в Афинах на четыре столетия, шел объективно, независимо от воли и сознания людей. Государство было порождено процессами появления и развития частной собственности, ростом имуществен-

ного неравенства, классовым расслоением общества, обострением социальных противоречий. Деятельность великих афинских реформаторов была определена потребностями социально-экономического развития и состояла в приспособлении политико-организационных и правовых форм общественной жизни к этим объективным потребностям.

Реформы Тезея (VIII в. до н. э.). Первым шагом к образованию Афинского государства были реформы, приписываемые легендарному герою Тезею. При нем произошло объединение (по-гречески «синойкизм») четырех племен, населявших Аттику, в единый народ. Был создан центральный орган управления (совет), которому были переданы общие дела, находившиеся до этого в ведении советов старейшин отдельных племен. Местопребыванием единого совета стал город Афины, возникший в результате слияния нескольких общинных поселений и превратившийся в достаточно крупный центр ремесленного (в частности, гончарного) производства. Расположенный в 5 км от моря, защищенный от нападений пиратов, этот город смог более надежно, чем другие полисные центры, обеспечить безопасность своего населения. В новую столицу охотно переселялись богатые и знатные аристократические роды из других полисов. Местный культ богини Афины со временем приобрел характер и масштабы общеаттического культа.

Синойкизм, осуществляемый как мирными, добровольными способами, так и насильственными, принудительными средствами, явился результатом важнейших экономических и социальных процессов: ростом крупного землевладения на фоне разорения рядовых общинников, бурным развитием ремесла и торговли, колонизацией земель на побережьях Средиземного и Черного морей, изживанием старых форм управления, основанных на родоплеменной принадлежности. Деление на племена, фратрии и роды, прежде строго соблюдавшееся, утрачивало свое первостепенное значение; население перемешивалось в рамках достигнутого объединения. На первый план стали выдвигаться новые критерии деления людей — по социальному и имущественному положению, по роду занятий. Тезею приписывается деление свободного населения, независимо от их рода и племени, на *эпатридов* («благородных»), *геоморов* (земледельцев) и *демиургов* (ремесленников). Если две последние категории вме-

сте с торговцами и беднотой составили производительную часть населения, которая постепенно отстранялась от активного участия в общественных делах, то эвпатри-дам, т. е. аристократической родоплеменной верхушке, принадлежала прерогатива толкования обычного, еще не зафиксированного в письменной форме права, заведования делами религиозного культа и занятия общественных должностей. Тем самым публичная власть стала отделяться от основной массы населения, возвышаться над ним и противопоставляться ему. Традициям первобытного равенства был нанесен первый удар.

Около VIII в. до н. э. в Афинах сложилась аристократическая форма правления. Ее сущность заключалась в том, что замещение высших общественных должностей было монополизировано в рамках определенных аристократических фамилий; всем другим афинянам доступ к службам и постам был закрыт. Попытки отдельных реформаторов расширить состав правящей элиты оканчивались неудачей.

Высшими органами власти в Афинах стали архонты и ареопаг. Выборный из среды эвпатридов **архонт** (ἄρχων) заменил базилевса, должность которого была ликвидирована: базилевс как элемент родовой демократии стал нежелателен для аристократии по мере ее усиления. Первоначально архонт избирался пожизненно, затем на 10 лет. С 683 г. до н. э. число архонтов было увеличено до девяти, их стали избирать на один год. Архонты не только восприняли все бывшие функции базилевса (военные, судебные, жреческие), но и значительно расширили их за счет других отраслей, фактически взяв в свои руки все управление. Введение выборных архонтских должностей означало новый серьезный удар по родоплеменным традициям, — представляется вполне справедливым высказанное в литературе мнение, что именно с этого момента Афины становятся республикой.

Из бывшего совета старейшин вырос еще один орган публичного управления — **ареопаг**, в течение ряда столетий остававшийся строго аристократическим учреждением, никем не избираемым и ни перед кем не подотчетным. Он законодательствовал и следил за исполнением принятых законов, избирал и контролировал архонтов, руководил работой народных собраний, осуществлял судебную деятельность. Все архонты после

истечения срока их полномочий входили пожизненно в состав ареопага.

Заслуживает внимания еще один важный процесс, протекавший в Афинах, — это появление зачатков территориального деления населения. В VII в. до н. э. страна была разделена на 48 небольших территориальных округов (*навкратрий*), жители каждого из которых должны были поставить один корабль для флота, снарядить его экипаж, а также выставить двух вооруженных всадников. Деление населения по навкратриям производилось без всякого учета племенной принадлежности. Возникшие в навкратриях органы управления также не были связаны с родовой организацией; мало того, эти органы характеризовались большей демократичностью и объективно противостояли аристократическому духу центральных учреждений.

В 621 г. до н. э. в Афинах была впервые осуществлена запись норм обычного права, опиравшаяся на опыт создания писаных законов в других греческих полисах. Кодифицированные законы были выставлены на всеобщее обозрение, так что ссылка на их незнание отныне в расчет не принималась. Это были **законы Драконта**, отличавшиеся большой суровостью и ставшие символом жестокости (отсюда выражение «драконовские законы»). Они не касались вопросов государственного устройства и были целиком сосредоточены на проблемах уголовного права. Кровная месть, освященная религиозными установлениями и многовековыми традициями, по этим законам была сохранена, но одновременно были предприняты меры по облегчению участи убийцы: он был огражден от истязаний, ему предоставлялась возможность спасти свою жизнь добровольным изгнанием или выплатой штрафа. Закон проводил различие между умышленным и неосторожным убийством. Большое внимание уделялось защите имущественных интересов собственников. Самым распространенным видом наказания за большинство преступлений являлась смертная казнь. Ей подвергались не только лица, виновные в убийстве или святотатстве, но и те, которые вели праздный образ жизни, и даже те, которые были уличены в краже овощей. Среди других видов наказаний упоминались штраф ценой стоимости 20 быков, лишение прав, изгнание.

Констатируя суровость анализируемых законов, не следует, однако, объяснять ее исключительно лишь жестокостью за-

конодателя: несомненно, она соответствовала господствующим воззрениям своей эпохи, когда формирующаяся частная собственность нуждалась в самой энергичной защите от посягательств на нее со стороны старых коллективистских традиций родового строя. Законодательство Драконта объективно соответствовало интересам тех новых общественных сил, которые являлись носителями прогрессивных социально-политических тенденций. Не случайно поэтому имя Драконта пользовалось высоким уважением в последующей исторической традиции и ставилось наряду с именами других выдающихся законодателей. И хотя эти законы не изменили к лучшему положение широких масс трудящегося населения, они все-таки являлись шагом вперед в развитии традиций гражданственности и государственности, ограничивая произвол правящей аристократии.

Аристократическое правление просуществовало в Афинах до VI в. до н. э. К этому времени в стране сложилась критическая и крайне опасная обстановка. Власть родовой аристократии, стремившейся законсервировать старые порядки, присущие эпохе родового строя, вызывала солидарный протест широких слоев свободного населения, объединенного общим наименованием «*демос*», но внутренне далеко не однородного. Главную роль в составе демоса играли зажиточные слои землевладельцев, ремесленников, торговцев, стремившиеся к политической власти и оправдывавшие эти притязания своим богатством. Их опорой были средние и мелкие собственники, придававшие массовость демократическому лагерю. Положение этой массы было крайне неустойчивым; еще более сложными становились перспективы дальнейшего существования геоморов-бедняков, многие из которых попадали в долговую кабалу, а потому теряли свободу и подлежали продаже в рабство за границу. Неотложной задачей становилась консолидация всех свободных людей в единое гражданское и классовое сообщество, преодоление внутренних противоречий между ними перед лицом растущего численно класса рабов. Конечной целью назревших преобразований должно было стать укрепление пока еще слабой рабовладельческой государственности.

Решающую роль в оформлении Афинского государства сыграли **реформы Солона, начатые в 594 г. до н. э.** Избранный архонтом, Солон был наделен чрезвычайными полномочиями,

включая право изменять или отменять существующие законы. На его реформах лежит печать компромисса, поскольку он пытался примирить интересы враждующих группировок. Да и сама личность Солона как бы олицетворяла «золотую середину»: будучи знатным эвпатридом по происхождению, он сделал свое состояние на торгово-предпринимательской деятельности и поэтому был популярен среди широких слоев демоса. Солон отчетливо сознавал, что консервативная идеология и политика эвпатридов, стремившихся сохранить и упрочить отжившие родоплеменные порядки, является главным препятствием на пути экономического и культурного прогресса. Выход из сложной и взрывоопасной обстановки Солон видел прежде всего в обеспечении условий для развития экономики на путях поощрения частного предпринимательства, обеспечения интересов мелких и средних собственников, а также в упрочении государственного порядка путем привлечения к активной общественно-политической деятельности самых широких слоев свободного населения. В целом, осуществленные Солоном мероприятия по своим непосредственным результатам, а особенно по дальнейшим последствиям оказались равносильными глубокой социально-политической революции, радикально преобразовавшей как отношения собственности, так и общую систему основанных на ней политико-правовых институтов.

Законодательство Солона затронуло практически все стороны общественной жизни Афин: экономические отношения, комплекс социальных структур, систему государственных учреждений, принципы военной организации. Прежде всего Солон осуществил т. н. *сисахфию* (в переводе с греческого — «страхование бремени»), т. е. полную отмену всех существовавших долговых обязательств. Все заложенные земли возвращались их прежним владельцам, задолженность бедняков аннулировалась. Афиняне, попавшие в рабство за долги, получали свободу, а проданные за границу — выкупались за государственный счет. Самозаклад должника впредь отменялся. Отныне рабами могли быть только иноплеменники, захваченные в плен, купленные на невольничьем рынке, или их потомки, рожденные в доме господина. В дальнейшем экономические отношения в Афинах стали строиться не на кабале соплеменников, а на извлечении прибыли из труда иностранцев-рабов, вследствие чего интенсив-

ность их эксплуатации постоянно возрастала, а сама система рабовладения утрачивала свой патриархальный характер, превращаясь в рабство классического типа.

Отмена долгового рабства была тяжелым ударом по аристократии, поскольку в дореформенный период именно этим путем шел процесс формирования крупной земельной собственности эвпатридов и закабаления ими безземельных арендаторов. Осуществив сисахфию в интересах демоса, Солон все-таки не выполнил требования бедняков, стремившихся после возвращения из рабства к справедливому переделу земли; тем не менее, он установил максимальные размеры частного землевладения, чтобы воспрепятствовать будущему новому разграблению крестьянских наделов. Одновременно была санкционирована широкая завещательная свобода, в том числе и в отношении земли — этим наносился еще один удар по интересам аристократии. Солон поощрял развитие ремесла, предпринимательства, торговли (в т. ч. внешней). Был разрешен, в частности, вывоз оливкового масла за пределы Афин, приносящий большие доходы как отдельным торговцам, так и казне в целом. Одновременно вывоз зерна за границу был законодательно запрещен. Была унифицирована система мер и весов, осуществлена денежная реформа. Проводились активные меры борьбы против расточительства и непроизводительных расходов (например, запрещались пышные погребения, строительство роскошных гробниц, бесцельные жертвоприношения животных). Были приняты меры по рациональному регулированию водоснабжения в тех сельскохозяйственных районах, которые страдали от засухи. В целом, финансово-экономические мероприятия Солона закладывали прочный фундамент нового порядка, основанного на динамичном развитии всех отраслей земледелия и ремесла, на предпринимательской инициативе, предполагающей всемерное уважение прав и интересов собственника.

Не менее существенными являлись и политические реформы Солона. Важнейшей среди них была *тимократическая* (или *цензовая*) реформа, предусматривавшая деление всех свободных людей, независимо от их родоплеменной принадлежности, на 4 имущественных разряда по признаку состоятельности. Единицей измерения богатства был избран *медимн* — мера емкости, в среднем равная 52 литрам. Поскольку один медимн

зерна стоил одну драхму, этот эквивалент можно было легко перенести и на лиц, не имевших дохода с земли (купцов, ремесленников и др.). Граждане, имевшие совокупный годовой доход сухих и жидких продуктов (зерно, масло, вино и т. п.) в 500 медимнов и более (они были названы *пентакосиомедимнами* — досл. «пятисотмерниками»), были отнесены к первому разряду, в 300 медимнов (*всадники*) — ко второму, в 200 медимнов (зевгиты) — к третьему; четвертый разряд составляли бедняки (феты) с доходом менее 200 медимнов.

Принадлежность человека к тому или иному имущественному разряду определяла уровень его политических прав. Руководящие должности могли замещать только представители двух первых разрядов (должности архонтов и членов ареопага — только первого). Феты были почти полностью исключены из сферы управления: им было разрешено участвовать в народных собраниях, но выборные должности для них были недоступны. Не следует, однако, думать, что установленные Солоном имущественные разряды были вечными и неизменными, — любому гражданину было предоставлено право увеличивать свою земельную собственность (до установленного законом предела) и вследствие этого подниматься в более высокий разряд.

Имущественный ценз определял и характер воинской службы. Поскольку экипировка и содержание военнослужащего осуществлялись за его собственный счет, первые два разряда приписывались к коннице — самому привилегированному и дорогостоящему, но и наименее опасному роду войск (при этом второй разряд был обязан личной службой, а первый мог уклониться от нее различного рода поставками). Третий разряд служил в тяжелой пехоте, четвертый — в легкой пехоте и на флоте. Таким образом, на смену аристократическому принципу формирования государственных служб и старому способу отбывания воинской повинности пришел новый принцип — принцип имущественного ценза, от которого оказалась в выигрыше богатая верхушка. Правда, старое деление населения на роды, фратрии и филы не было отменено, но родовая принадлежность афинян окончательно перестала играть какую-либо общественно-значимую роль.

Солон учредил два новых государственных органа. **Совет 400** ежегодно избирался из граждан трех первых разрядов в рам-

ках четырех старых племен, по 100 человек от каждого. В функции Совета входило предварительное рассмотрение всех вопросов, которые предстояло вынести на народное собрание, управление финансовыми делами, контроль над деятельностью высших должностных лиц, представительство Афин в сношениях с другими державами. **Гелиэя**, куда могли избираться граждане всех четырех разрядов, являлась преимущественно судебным органом, но имела также полномочия и в законодательной сфере (подробнее см. об этом ниже). Названные органы должны были по замыслу Солона играть сдерживающую роль как по отношению к ареопагу (где позиции аристократии фактически оставались незыблемыми), так и к народным собраниям (где, напротив, проявлялись сильные демократические тенденции).

Следует отметить, что в результате реформ Солона начался процесс постоянного увеличения роли народных собраний. На них при все возрастающей активности демоса стали рассматриваться самые насущные государственные дела, приниматься наиболее важные законы (в том числе и те, которые были направлены против знати). С течением времени народные собрания все более превращались в высший представительный орган Афинского государства.

Кроме реформ в области государственного устройства, Солону приписывается разработка целого свода законов, регулировавших частную жизнь граждан. Этот свод заменил собой законодательство Драконта (из последнего были сохранены только установления, касающиеся убийств). Начертанные на деревянных трехгранных призмах, вращавшихся на своей оси, законы Солона были выставлены в акрополе. В своем первоначальном виде эти законы до нас не дошли, и об их содержании можно судить лишь по упоминаниям в позднейших источниках.

Таким образом, результатом деятельности Солона явился обширный комплекс государственно-правовых установлений, построенных на сочетании демократических и аристократических принципов, взаимно ограничивавших и уравновешивавших друг друга. В одном из своих поэтических произведений Солон определил главный итог своих реформ в следующих словах: «Я дал демосу столько силы, сколько нужно, не отняв у него достоинства, но и не прибавив его. Я подумал и о людях влиятельных и богатых, чтобы и они не испытали ничего неприличного. Я

встал, заслонив могучим щитом тех и других, не давая ни одним несправедливой победы». Однако глубина и радикализм солоновских замыслов, равно как их грандиозные общественно-политические последствия не встретили у большинства современников адекватной оценки. Компромиссный дух реформ не удовлетворил в полной мере ни одну из враждующих группировок, и борьба между ними продолжалась, принимая иногда очень острые формы. В Афинах сформировались три политические течения, объединившие в своих рядах некоторые знатные и богатые роды, стремившиеся к захвату власти и дальнейшему ее использованию в своих собственных корыстных целях. Поскольку республиканские основы государственного устройства Афин были еще недостаточно прочными, борьба политических течений завершилась победой одного из них, возглавляемого Писистратом (приходившегося, между прочим, родственником Солону), который в 560 г. до н. э. овладел Афинами и провозгласил установление единоличной власти (*тирании*).

Стремясь укрепить свою власть, Писистрат осуществил ряд мероприятий, рассчитанных на удовлетворение интересов различных социальных слоев. Было улучшено положение мелких земельных собственников за счет предоставления им выгодных кредитов; одновременно был установлен постоянный 10 % налог с урожая в пользу государственной казны. Поощрение морской торговли и строительства флота привлекло на сторону тирана торговцев и предпринимателей. Расширялось ремесленное производство, росла добыча драгоценных металлов; была начата чеканка государственной монеты. Массовое общественное строительство (был построен храм Афины Паллады на акрополе, начато строительство городского водопровода, городского рынка, гавани Пирей) обеспечило многих бедняков надежным заработком. Инвалидам войны устанавливались государственные пенсии. Ко двору тирана были приглашены многие деятели литературы и искусства, огромные средства отпускались на проведение различных торжеств и празднеств. Именно со времен Писистрата ведет свое начало греческое театральное искусство.

Политика Писистрата после его смерти (527 г. до н. э.) была продолжена его сыновьями Гиппием и Гиппархом. Тираническая форма правления, имевшая объективно антиаристократическую направленность, оказала в целом положительное

влияние на процесс формирования общественных и государственных институтов афинского полиса. Вместе с тем, она почти на полвека задержала развитие демократических тенденций, реально заложенных в солоновской «конституции». Когда тирания была, наконец, свергнута (в 514 г. до н. э. в результате заговора был убит Гиппарх, а в 510 г. был удален в изгнание Гиппий), аристократия попыталась взять реванш, но не достигла успеха. К власти пришла группировка богатой торгово-ремесленной прослойки, возглавляемая архонтом Клисфеном, который энергично продолжил прогрессивные преобразования, придав демократическим тенденциям необратимый характер.

Реформы Клисфена, начатые в 509 г. до н. э., окончательно ликвидировали последние остатки родового строя, еще сохранявшиеся к тому времени в Афинах. Прежде всего было установлено территориальное деление страны вместо родоплеменного. Вся территория страны была поделена на 30 частей с приблизительно равным количеством населения, названных *триттиями*. При этом 10 триттий приходились на сельскохозяйственные районы Аттики, 10 следующих — на приморскую часть, а 10 остальных — на сам город Афины. Из трех триттий, относящихся к разным регионам (одна сельскохозяйственная, одна приморская, одна городская) формировалась одна *фила*; всего фил получалось 10. Части фил (триттии) делились на демы, заменившие прежние навкрии; всего демов было около 100. В каждом деме был выборный староста (демарх), проводивший в жизнь решения демовых собраний. Смысл мероприятия состоял в том, чтобы раздробить и обессилить древние аристократические роды, перемешать их по новым территориальным филам, триттиям и демам, растворить их в массе свободного населения земледельцев, торговцев, ремесленников, матросов.

Установленное территориальное деление было положено в основу строительства новых государственных органов. Так, солоновский Совет 400, построенный на старых принципах родоплеменного представительства, был заменен **Советом 500**, состоявшим из представителей территориальных фил (подробнее о нем см. ниже). По инициативе Клисфена был учрежден и орган высшего военного руководства — *Коллегия 10 стратегов* (по одному от каждой филы); первый состав коллегии был избран че-

рез 5 (по другим сведениям через 8) лет после архонтата Клисфена (подробная характеристика этого органа дана ниже). Изменился и способ комплектования армии. Отныне каждая их 10 фил должна была сформировать батальон пехоты и подразделение конницы, а также снарядить за свой счет 5 боевых кораблей с командиром (*навархом*) и укомплектованным экипажем.

Таким образом, реформы Клисфена полностью ликвидировали всякое значение родоплеменной организации для государственного устройства Афин, положив в основу этого устройства принцип территориального деления. Процесс формирования афинского полиса в его демократическом варианте был завершен. Все основные признаки государства были уже налицо. Граждане, наделенные имущественными и политическими правами, все более активно вовлекались в управление общественными делами.

Но поскольку опасность со стороны приверженцев тиранических режимов еще не была окончательно снята, Клисфеном был введен в политическую жизнь страны еще один важный институт — *остракизм* («суд черепков», от греч. ὀστράκη — глиняный черепок), посредством которого народное собрание могло приговаривать к временному (максимально на 10 лет) изгнанию за пределы государства всякого гражданина, приобретшего слишком большое влияние и представлявшего опасность для складывающегося демократического режима. Решение об остракизме было правомочно принять только народное собрание с числом участников не менее 6 тыс. человек. Подвергнутый остракизму гражданин обязан был выполнить решение собрания в течение 10 дней; при этом гражданских прав он не лишался, его имущество конфискации не подлежало и во время отсутствия владельца оставалось в неприкосновенности. Следовательно, остракизм не являлся уголовным наказанием, — это была своеобразная превентивная мера пресечения с целью недопущения политического преступления в будущем. Первоначально направленный против аристократии, остракизм впоследствии широко применялся и в борьбе течений демократического направления. Следует добавить, что остракизм не накладывал на изгнанника печати позора или бесчестия, — напротив, он возвышал данного гражданина в глазах общественного мнения, поскольку служил доказательством его авторитета и влияния.

Случаев применения остракизма в Афинах было сравнительно немного: первый относится к 488—487 гг., последний — к 417 г. до н. э. Остракизм практиковался и в ряде Других древнегреческих государств (Аргос, Сиракузы и др.).

На вторую половину V в. до н. э. приходится заключительная серия политико-правовых реформ, имевших своей целью усовершенствование уже сложившегося государственного механизма Афинского полиса, дальнейшую демократизацию общественно-политической жизни страны. Инициаторами и проводниками этих реформ явились идеологические последователи и близкие родственники Клисфена — Эфиальт и Перикл (первый из них был племянником Клисфена, а второй приходился ему внуком).

Реформа Эфиальта (462 г. до н. э.) была направлена против ареопага, последнего оплота аристократии. Насчитывавший от 50 до 70 чел., ареопаг не избирался народом, но формировался из граждан благородного происхождения на пожизненный срок. Если до реформы ареопаг имел важные политические функции (наблюдение за деятельностью должностных лиц, возможность привлечения их к ответственности; право вето на решения народных собраний; полномочия высшего судебного учреждения), то в результате реформы эти функции были переданы другим высшим органам, а сам ареопаг был низведен на положение исключительно судебного учреждения, да и то лишь по сравнительно узкому кругу уголовных дел (подробнее см. об этом ниже). Но не следует думать, что аристократия легко сдавала свои позиции: борьба с ареопагом стоила Эфиальту жизни (он пал жертвой политического убийства).

Реформы Перикла (430-е гг. до н. э.) придали Афинскому государству заверченный вид демократической республики. Деление свободных граждан на имущественные разряды, учрежденное Солоном, утратило свое значение, и доступ к государственным должностям и службам получили все полноправные граждане Афин, включая и фетов. Для того, чтобы формальная возможность участвовать в государственной службе стала реальностью, по предложению Перикла была введена оплата *должностей*. Отныне даже бедный человек мог отдать свое время исполнению государственной службы, не заботясь о добывании пропитания ежедневным трудом. Определенную денеж-

ную сумму получал даже каждый участник народного собрания. Жалование полагалось и за военную службу; не подали вознаграждения лишь высшие военные чины (стратеги). Был установлен также т. н. *теорикон* — специальная выдача гражданам денег на посещение театра, который считался важнейшим инструментом воспитания гражданских добродетелей; практиковалась и бесплатная раздача хлеба неимущим гражданам. Идея равенства всех граждан в праве выполнять общественные функции явилась основополагающей при выборе самого способа избрания на государственные должности: этот способ стал максимально демократическим — *путем жребия* (исключения делались лишь для должностей, требовавших специальных знаний, способностей или квалификации, — например, в сфере высшего военного командования). В целом, реформы Перикла представляли собой комплекс органически связанных между собой мероприятий, взаимно дополняющих друг друга и имеющих единую конечную цель.

Время Перикла было апогеем могущества и процветания Афинского государства, высшей точкой в развитии его демократических установлении. Политическая система Афин стала образцом для других греческих полисов. «Наш государственный строй, — говорил Перикл, — не подражает чужим учреждениям: мы сами скорее служим образцом для подражания некоторым, чем подражаем другим». Однако после смерти Перикла Афины вступили в период кризиса и упадка, продолжавшегося около столетия. Причиной гибели афинской демократической государственности является не столько рабство (как это однозначно утверждала марксистская историография), сколько кризис самого полисного устройства, полностью исчерпавшего заложенные в нем прогрессивные возможности и потому оказавшегося неспособным к дальнейшему поступательному развитию. С 30-х гг. IV в. до н. э. в результате военной экспансии Македонии Афины фактически перестали быть самостоятельным государством. Во II в. до н. э. вся Греция стала провинцией Римского государства.

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ АФИН В V—IV ВВ. ДО Н. Э.

Даже в период своего наивысшего расцвета (с середины V до середины IV в. до н. э.) Афинское государство оставалось полисом. Оно в полной мере соответствовало установке Аристотеля, согласно которой «население полиса должно быть легко обозримо; также легко обозрима должна быть и его территория». Территория полиса была небольшой: расстояние от столицы до самой крайней его точки исчислялось несколькими десятками километров, так что общая площадь государства составляла примерно 2500 кв. км. Центр полиса — сам город Афины — в «век Перикла» имел площадь, не превышающую 5—6 кв. км. Государственные органы были сосредоточены в столице; органов местного самоуправления фактически не существовало. Город полностью господствовал над сельской округой как в политическом, так и в экономическом отношениях.

Высшими государственными органами в Афинах являлись: народное собрание, Совет 500, гелиэя.

Народное собрание (ἐκκλησία) созывалось первоначально один раз в месяц, а с IV в. до н. э. — четыре раза в месяц (т. е. около 40 раз в год). В экстремальных ситуациях (стихийное бедствие, нападение врага) могло быть созвано и чрезвычайное «собрание ужаса и смятения». Одно из собраний каждого месяца считалось главным: на нем проверялась деятельность должностных лиц, решались вопросы о снабжении города продовольствием и др. Главное собрание шестого месяца решало вопрос об ostracismе. Собрания проходили в театре или на городской площади. Начинались они рано утром и продолжались в течение всего светового дня. Если решение вопроса затягивалось, собрание могло быть продолжено на следующий день. Участниками собрания могли быть все полноправные граждане мужского пола старше 20 лет, внесенные в списки тех демов, где они постоянно проживали, независимо от их имущественного положения и рода занятий. Рабы, метэки (поселившиеся в Афинах иностранцы), женщины (даже свободные) политических прав не имели и потому в народных собраниях не участвовали. Естественно, что большинство на собраниях имело столичное

население, т. к. участие жителей других городов полиса (Элевсина, Марафона), а тем более (жителей сельской округи и островов Лемноса, Имброса или Скироса было затруднено.

Повестка дня собрания объявлялась заранее (не менее чем за 5 дней). Число присутствующих на собрании, как правило, было невелико (от 2—3 до 5 тыс. чел.); собрания считались правомочными при любом количестве участников. Лишь для решения вопроса об остракизме (см. об этом выше) и о предоставлении гражданства требовалось присутствие не менее 6 тыс. чел. (обеспечение такой явки уже требовало определенных усилий). За посещение собрания была установлена плата каждому из его участников — вначале в размере одного обола, затем трех (это равнялось средней заработной плате афинского ремесленника за один день). Во времена Аристотеля эта плата выросла до 6 и даже до 9 оболов (за эту последнюю цену можно было купить около 1,5 медимнов зерна).

Главная функция народных собраний — законодательство. В компетенции собрания было рассмотрение любых вопросов — от международных дел до частных просьб. Здесь принимались государственные законы, рассматривались вопросы войны и мира с иностранными державами, избирались должностные лица и заслушивались их отчеты, решались проблемы использования государственных имуществ (земель и рудников), осуществлялся контроль за воспитанием молодежи, даровались гражданские права иностранцам и т. д. Акты собрания подразделялись на законы, создающие общие нормы, и на постановления, касающиеся частных вопросов (псефизмы). В работе собрания могли принимать участие каждый из присутствующих. Автор законопроекта (а им формально мог быть любой афинский гражданин) не нес уголовную ответственность (вплоть до смертной казни, в тех случаях, когда его предложение признавалось противозаконным. Обвинение в противозаконности нового постановления (т. н. *ὑπερβολὴ πᾶσι τοῖς νόμοις*) — «жалоба на противозаконие») мог выдвинуть любой гражданин в течение целого года после принятия этого документа. Сами афиняне считали это право одним из фундаментальных устоев своей государственности, поскольку оно сводило на нет всякие попытки ревизии афинской конституции в антидемократическом духе.

Время выступления в народном собрании не ограничивалось; оратору лишь воспрещалось повторяться, уклоняться от темы, допускать оскорбительные выражения, — за эти нарушения председатель собрания мог оштрафовать выступающего на 50 драхм. Ораторское мастерство считалось одним из неотъемлемых качеств государственного деятеля. В реальной жизни главную роль в собрании играли профессиональные политики (*демагоги*), выражающие интересы правящих верхов. Обсуждение законопроекта заканчивалось голосованием путем поднятия рук (*хейротония*). По окончании подачи голосов председатель объявлял результаты голосования. Принятое решение записывалось и сдавалось на хранение в архив. Наиболее важные решения вырезались на деревянных досках или каменных плитах и выставлялись в акрополе. Закрытое голосование (посредством глиняных черепков, цветных камешков, бобов черного и белого цвета и т. п.) проводилось при вынесении судебных приговоров, а также при решении вопроса об остракизме.

Совет 500 (*βουλή*), являвшийся высшим правительственным и административным органом, избирался народным собранием путем жребия сроком на один год из числа свободных полноправных граждан-налогоплательщиков мужского пола старше 30 лет, заявивших о желании баллотироваться, по 50 чел. от каждой из 10 фил. После жеребьевки кандидаты подвергались в Совете проверке (*докимасии*), касавшейся их поведения, образа мыслей, нравственной зрелости и прав на избрание. После вступления в должность каждый член Совета приносил присягу. Начало и окончание деятельности Совета сопровождалось религиозными жертвоприношениями. Размер ежедневного жалования каждого члена Совета составлял 5—6 оболов. На время службы члены Совета освобождались от воинской повинности. Закончив срок своей службы, каждый член Совета был обязан сдать отчет о своей должностной деятельности; если признавалось, что он злоупотреблял своими правами, он мог быть исключен из Совета и арестован, а затем предан суду в общем порядке. Если же деятельность данного состава Совета встречала одобрение граждан, народное собрание могло принять постановление о награждении всей коллегии золотым венком.

Деятельность Совета 500 распространялась практически на все отрасли государственного управления. Важнейшим пол-

номочием Совета было предварительное рассмотрение дел, выносимых на народное собрание (без этого неперемennого условия ни один вопрос в собрании, кроме личных просьб отдельных граждан, не мог быть поставлен на обсуждение), а после принятия закона — проведение его в жизнь. Совет 500 имел право привлекать к ответственности должностных лиц, совершивших преступление. Он также заведовал дипломатическими сношениями (прием иностранных послов, подтверждение международных договоров и др.), осуществлял надзор над вооруженными силами, в том числе над строительством боевых кораблей, распоряжался государственными финансами (определял источники государственных доходов, ведал всеми поступлениями в казну, производил взимание государственных долгов, продажу конфискованных имуществ, отчитывался перед народным собранием за исполнение государственного бюджета и т. п.). На Совете 500 лежала забота о святилищах, об устройстве празднеств, об общественном строительстве.

Совет 500 работал ежедневно, кроме праздников и т. н. «тяжелых дней». Заседания, как правило, были открыты для публики; иногда, в случае рассмотрения важнейших государственных вопросов, устраивались закрытые заседания. С целью придания работе Совета большей оперативности весь его состав делился на 10 частей. Делегация одной филы численностью 50 чел. работала от имени совета в течение одной десятой года (что составляло от 35 до 39 дней); после этого остальные делегации поочередно сменяли друг друга по очереди, установленной в начале года путем жеребьевки. Срок административной службы одной филы назывался *пританией*, а члены ее делегации носили наименование *пританов*. Пританы ежедневно избирали из своей среды по жребию председателя — *эписгага*. Он председательствовал и в народном собрании, а также хранил государственную печать и ключи от святилищ, где располагались казна и архив. Для ведения делопроизводства при Совете 500 имелся штат секретарей и канцелярских служащих.

Гелиэя (ἡλιεῖα) — суд присяжных; термин происходит от греч. «гелиос» — солнце) состояла из 6 тыс. чел. (5 тыс. действительных судей и 1 тыс. запасных), избиравшихся ежегодно по жребию из числа граждан мужского пола старше 30 лет, как правило, отцов семейств, не отягощенных долгами и не лишен-

ных гражданской чести, по 600 чел. от филы. Перед вступлением в должность гелиасты давали клятву судить в соответствии с законами, а при их отсутствии — по беспристрастному убеждению. Заседания гелиэи проходили ежедневно, кроме праздников, «тяжелых дней» и дней народных собраний; продолжительность заседания составляла в среднем 9,5 часов (от восхода солнца до его заката). Ежедневное жалование гелиастов первоначально составляло 1—2 оболы, а после смерти Перикла было увеличено до 3 оболов.

В качестве суда второй инстанции гелиэя рассматривала жалобы на решения других судебных органов; она же была и первой инстанцией при рассмотрении наиболее важных дел (касавшихся, в частности, государственных, религиозных, должностных, тяжких уголовных преступлений), наказаниями за которые могли быть смертная казнь, конфискация имущества, лишение политических прав, объявление врагом народа и т. д.

Гелиэя разделялась по жребию на 10 коллегий (дикастерий), каждая в составе 501 члена; остальные гелиасты являлись запасными. Все дикастерии заседали одновременно, но отдельно, каждая в отдельном помещении, которые различались по номерам и окраске дверей. При решении наиболее важных дел иногда соединялись две, три или даже четыре дикастерии. Круг дел, подлежащих рассмотрению данной коллегией, определялся жребием непосредственно накануне судебного заседания, так что ни один из гелиастов не мог знать заранее, каким делом ему предстоит заниматься, — этим ограничивалась возможность воздействия на судей со стороны заинтересованных лиц. Заседания коллегий происходили публично и гласно. Голосование осуществлялось посредством камешков, опускаемых в урны.

Функции гелиэи выходили за рамки чисто судебных дел. Гелиэя была высшим органом власти афинского народа, обладавшим такими полномочиями, которые превосходили полномочия Совета 500 и народного собрания. Кандидаты на должность подвергались проверке в гелиэе и могли быть отвергнуты ею, даже если они перед этим прошли жеребьевку или получили одобрение в народном собрании. Но что особенно важно — гелиэе принадлежало право отвергать постановления народных собраний, если против такого постановления была подана уже упомянутая ранее «жалоба на противозаконие» (ὑπερβολὴ νόμων).

Если какой-либо афинский гражданин заявлял, что принятый народным собранием закон противоречит существующим государственно-правовым установлениям, а потому наносит ущерб интересам граждан, действие данного закона приостанавливалось, и одна из специальных дикастерий гелиэи проводила тщательное расследование жалобы. В случае признания жалобы справедливой опротестованный закон объявлялся недействительным, а его инициатор подвергался серьезному наказанию (крупному штрафу, изгнанию или смертной казни). Если же жалоба не подтверждалась, привлекался к судебной ответственности гражданин, возбудивший процедуру *ἑλιζία*. Таким образом, гелиэя выступала в качестве своеобразного органа конституционного контроля, способного активно влиять на законодательство в целях укрепления его демократического характера. С течением времени гелиэя присвоила себе и право утверждения международных договоров.

Таким образом, в построении высших государственных органов Афин принцип властно-отраслевой специализации (народное собрание — преимущественно законодательный орган, Совет 500 — преимущественно исполнительно-распорядительный, гелиэя — преимущественно судебный) сочетался с системой «сдержек и противовесов», так что к реализации важнейших функций государственного руководства (осуществление законодательной, исполнительной и судебной власти) в той или иной степени привлекались все три названных органа. В частности, общая схема законодательного процесса строилась таким образом, что в нем участвовали они все: законопроект рассматривался в Совете 500, обсуждался и принимался в народном собрании, но закон мог утратить силу, если получал отрицательное заключение гелиэи. Исполнительная власть также не была сосредоточена в одних руках: кроме Совета 500 ее осуществляли и некоторые другие органы государственного управления, из которых наибольшее значение имела коллегия 10 стратегов и коллегия архонтов.

Коллегия 10 стратегов, избираемая народным собранием путем открытого голосования (первоначально по одному человеку от каждой филы, а впоследствии от всего населения), была органом высшего руководства вооруженными силами. Во время войны верховное командование вручалось одному из стра-

тегов (по выбору народного собрания), в мирное время стратеги обладали равными правами. Кроме чисто военных функций (набор войска, командование воинскими формированиями, руководство пофаничными гарнизонами), стратегам могли быть поручены и другие дела, касающиеся внешней и внутренней безопасности государства (распоряжение средствами, выделяемыми на армию и флот, сбор чрезвычайных военных налогов, заключение перемирий, руководство доставкой продовольствия в Афины, председательствование в судах по делам о воинских преступлениях и т. д.). Стратеги имели право требовать созыва внеочередных народных собраний для принятия каких-либо неотложных мер. Были случаи, когда одному или нескольким стратегам в чрезвычайном порядке вручалась вся полнота власти, т. е. возможность решать все дела без согласования с народным собранием и Советом 500 (такая должность называлась *стратег-авгократор*). Да и в мирное время стратеги не давали отчетов народному собранию, а отвечали перед ним только в случае совершения уголовного преступления. Должность стратега не оплачивалась, поэтому ее могли исполнять только лица, имевшие недвижимость; необходимым условием было и состояние в браке. Кроме того, эту должность можно было занимать несколько сроков подряд. Примером может служить политическая карьера Периклэ — он замещал должность стратега свыше 15 лет (444—429 гг. до н. э.), являясь фактически главой государства.

Коллегия архонтов состояла из 9 человек и избиралась по жребию из числа кандидатов, предложенных филами. Как единое целое коллегия архонтов выступала редко (например, при проверке должностных лиц); внутри коллегии существовало распределение обязанностей. Первый архонт (*эпоним*) ведал предварительным рассмотрением жалоб и споров по семейным и наследственным делам; после передачи этих дел в суд он председательствовал при их разбирательстве. Именем первого архонта назывался очередной год афинского летоисчисления. Второй архонт (*базилевс*) ведал религиозными делами, следил за нравственностью служителей культа. Третий архонт (*полемарх*) ведал делами вольноотпущенников и метэков, рассматривал их споры с гражданами. Остальные шесть архонтов (*фесмофеты*) ведали делами гелиэии и других судов: готовили дела к слу-

шанию, проводили жеребьевку для определения состава судей, назначали день заседаний, председательствовали в дикастериях и т. д. Важнейшая обязанность фесмофетов — ежегодные доклады народному собранию о противоречиях и пробелах в действующем праве с предложениями по их устранению. Фесмофеты принимали жалобы на злоупотребления должностных лиц и ставили вопрос об их смещении.

Существовало еще множество других должностных лиц (всего, по словам Аристотеля, около 700), ведавших казной, управлявших государственным имуществом, наблюдавших за санитарным состоянием города и правилами торговли, отвечавших за нравственность граждан, обучавших молодежь военному делу и т. д. Соответствующие должностные лица были также в филах и демах. Кроме того, значительное число чиновников действовало за пределами Афин в составе различных миссий — они управляли делами обширной Афинской державы с многомиллионным населением.

Таким образом, государственный аппарат Афинского полиса был довольно многочисленным и разветвленным. Однако ему не были свойственны те черты строжайшей централизации и бюрократизма, которые составляли квалифицирующий признак древневосточных деспотий. Вся система формирования и функционирования государственных органов Афин строилась на определенных демократических принципах, важнейшими среди которых были следующие:

- выборность (открытым голосованием или по жребию),
- краткосрочность (как правило, на 1 год),
- коллегиальность (при равноправии членов коллегии),
- недопущение совмещения должностей или занятия одной должности в течение двух сроков подряд,
- обязательная проверка лиц, вступавших в должность,
- возмездность (оплата должностей, а также службы в армии или на флоте),
- подотчетность (перед Советом 500, или гелиэей, в т. ч. с представлением финансовых отчетов).

Отмеченные принципы — яркое свидетельство подлинно демократического характера республиканского строя Афинского государства. Имевшие место исключения касались только отдельных служб (например, принципы формирования и функ-

ционирования высших органов военного ведомства не соответствовали второму, третьему, четвертому и шестому из перечисленных пунктов) и принципиально не меняли общей картины.

Значительного уровня развития достигли и те органы, которые принято относить к разряду карательных.

Армия строилась на основе всеобщего ополчения. Все свободные граждане мужского пола от 18 до 60 лет считались военнообязанными. В мирное время все граждане от 18 до 20 лет были обязаны пройти военное обучение. На случай войны объявлялась мобилизация; призывные возрасты определялись народным собранием. Общая численность сухопутной армии могла достигать 30 тыс. чел. Главным родом войск была пехота — тяжелая (гоплиты) и легкая (пелтасгы). Боевым строем тяжелой пехоты являлась знаменитая фаланга — тесно сомкнутое линейное построение до 1000 чел. по фронту и от 8 до 25 шеренг в глубину. Легкая пехота располагалась впереди фаланги или на ее флангах. Конница, насчитывавшая около 1200 всадников, действовала также с опорой на флангу. Морской флот состоял из нескольких сотен (до 400) кораблей. Большинство кораблей приводилось в движение тремя рядами гребцов (отсюда название «триеры») и имело на носу таранное устройство для повреждения вражеских судов. Со второй половины V в. до н. э. в афинской армии стал усиливаться контингент наемных войск. Первоначально они использовались для охраны государственной границы, а впоследствии стали частью действующей армии.

Поскольку занятие полицейской деятельностью считалось для свободного человека унижительным и позорным делом, полицейские подразделения были составлены из рабов и метэков. Их общая численность достигала первоначально 300, а впоследствии 1200 чел. и включала конных и пеших лучников (токсотов). Полиция не только боролась с уголовными преступниками, но и следила за тайными собраниями граждан, собирала сведения об их безнравственном поведении, о фактах праздности. Кроме того, в обязанности полиции входило наблюдение за санитарным и противопожарным состоянием города, за правилами рыночной торговли, за сохранением памятников старины и достопримечательностей ландшафта. Полицейская стража, составленная из государственных рабов, охраняла порядок в народных собраниях, в судебных учреждениях, в общественных местах.

Судебная организация была представлена целым рядом органов с достаточно четко определенной компетенцией.

Уголовные преступления рассматривались несколькими судебными коллегиями. *Ареопаг* ведал делами об умышленных убийствах, нанесении ран и увечий с целью лишения жизни, поджогах и отравлениях, приведших к смерти. Судебное разбирательство в ареопаге отличалось строгой обрядностью. Дела рассматривались только в три последние дня каждого месяца, непременно ночью, под открытым небом, чтобы судьи не видели лиц убийц и не оскверняли себя присутствием под одной крышей с ними. Обвиняемый и обвинитель стояли на неотделанных камнях («камень обиды» и «камень непростения»), приносили клятвы на внутренностях животных. Приговор объявлялся на третий день; до его оглашения (после речи обвинителя) убийца мог избежать наказания, добровольно удалившись в изгнание.

Суд эфетов имел в своей компетенции дела о непредумышленном убийстве свободных граждан, о подстрекательстве к таким убийствам, а также об убийствах метэков и рабов. Кроме того, суд эфетов рассматривал дела о смерти, причиненной животными или неодушевленными предметами. *Коллегия одиннадцати* рассматривала дела о воровстве, разбое, похищении людей, других имущественных преступлениях. Она же наблюдала за приведением в исполнение приговоров, вынесенных другими судами; в ее ведении находились и тюрьмы.

Гражданские споры об имуществе решали *суд 40 мужей* (при сумме иска до 10 драхм) и *суд диэтетов* (когда иск превышал 10 драхм).

Высшей апелляционной инстанцией по делам, решенным другими судебными учреждениями, являлась *гелиэя*. Она же, как было сказано ранее, рассматривала в качестве суда первой инстанции наиболее важные уголовные и гражданские дела.

4. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ АФИНСКОГО ПРАВА

Источники права. Основным источником права в течение длительного времени оставался обычай. Толкование обычаев, приспособление их к потребностям изменяющейся жизни входило в функции ареопага. Как уже было отмечено ранее, изданные в 621 г. до н. э. законы Драконта были записью норм обыч-

ного права. Имеются свидетельства о том, что в начале VI в. до н. э. большая законотворческая работа была осуществлена Солоном, однако результаты его деятельности до нас не дошли. Лишь в период наивысшего расцвета Афинского государства (V—IV вв. до н. э.) государственно-правовая теория и судебная практика признала приоритет законов над обычаями. Отныне главным источником права стали признаваться законы, принимаемые в народных собраниях. Согласно определению Платона, закон обладает абсолютным авторитетом. «Закон, — писал Платон в одном из своих диалогов, — это то же самое, что здравый смысл, тот самый здравый смысл, который исходит от Бога и, следовательно, сам закон тоже исходит от Бога». К сожалению, подлинные тексты большинства афинских законов до наших дней не сохранились, так что об их содержании можно судить лишь на основании косвенных свидетельств.

Право собственности. Частная собственность, получившая к V—IV вв. до н. э. значительное развитие, продолжала сохранять свою генетическую связь с пожалованием, предоставляемым гражданину государством. Законодательство стремилось не допустить чрезмерной концентрации земельной собственности в руках частных владельцев. Не случайно поэтому земельные владения сохранили наименование клеров (от греч. κλῆρος — жребий) как напоминание о древних установлениях полисной земельной собственности. Характерно, что не существовало специального термина для обозначения права частной собственности, хотя судебная практика уже знала несколько специальных исков, защищавших это право. Частная собственность состоятельных граждан была обременена их обязанностью устраивать за свой счет празднества (*литургии*) для остальных граждан. Во время войны богатые собственники облагались и особым налогом, шедшим на строительство боевых кораблей (*триерархия*). До самого конца афинской истории государство сохраняло в своих руках значительную собственность (например, рудники). Аренда этих объектов собственности частными лицами допускалась лишь с согласия государственных органов.

Обязательственное право. По свидетельству Аристотеля, существовало два источника обязательств — договоры и деликты.

Обязательства из договоров (т. н. «вольные» обязательства) не предполагали непременно соблюдения строго установ-

ленной формы, хотя предпочтение отдавалось все же письменному, а не устному оформлению сделки. Договор подписывался либо обеими сторонами (при купле-продаже вещей), либо одной обязанной стороной (при займе). Личная ответственность должника по обязательствам, существовавшая до Солона, после осуществления его реформы сменилась имущественной ответственностью. Средствами обеспечения обязательств являлись *задаток, залог и поручительство*. Движимые вещи, переданные в залог кредитору, сохранялись в его владении до уплаты долга; если долг не возвращался, кредитор мог удовлетворить свои требования путем продажи заложенных вещей. Формой залога недвижимости являлась т. н. *ипотека*, при которой заложенная земля оставалась во владении и пользовании должника, но кредитор мог распорядиться этой землей при неплате долга в установленный срок.

Среди видов договоров наибольшее распространение имел договор *купли-продажи*, касавшийся как движимых, так и недвижимых вещей. Переход права собственности происходил с момента заключения договора, даже если покупная цена еще не была полностью выплачена. В связи с этим ответственность за случайную гибель вещи лежала на покупателе, так что продавец всегда сохранял право на получение полной цены вещи. Главная же обязанность продавца состояла в обеспечении гарантий покупателю против истребования вещи третьим лицом; кроме того, продавец был обязан возместить покупателю убытки, возникшие при обнаружении скрытых дефектов проданной вещи.

Договор *имущественного найма* также касался любых вещей и имел столь же неформальный характер. Этот договор обычно заключался в письменной форме. Главным условием договора было определение точного срока найма и размера наемной платы. В городах наиболее распространенным являлся наем жилых помещений и рабов; наемная плата обычно вносилась деньгами. В сельской местности, где основным видом найма являлась аренда земли, не исключалась натуральная форма оплаты арендных платежей. От договора найма отличался *договор ссуды*, предполагавший бесплатное пользование чужой вещью.

Договор *личного найма* применялся как в сельском хозяйстве (особенно на сезонных работах), так и в городах (домашние услуги, общественные работы). Особой разновидностью договора

личного найма являлся *договор подряда*, предполагавший выполнение каких-либо разовых работ, требовавших соответствующей квалификации (сооружение храма, проведение водопровода и т. п.). Впрочем, указанные договоры не получили большого распространения, поскольку наемный труд свободных людей не выдерживал конкуренции с бесплатным трудом рабов.

Напротив, самое широкое распространение в Афинах имел *договор займа*, сопровождаемый, как правило, взиманием процентов. Проценты по займам, обычно исчисляемые в размерах 18—20 в год, иногда поднимались до уровня 30. Ростовщичество обычно процветало в городах. Здесь существовала особая категория предпринимателей, специализировавшихся на кредитных операциях (т. н. *трапезиты*).

Договор поклажи предполагал не пользование переданной вещью, а именно хранение ее с условием возвращения по первому требованию хозяина.

Договор товарищества, оформляемый, как правило, в письменной форме, предполагал образование общего имущества, которое использовалось для достижения взаимовыгодной цели. При этом как доходы, так и убытки распределялись между участниками договора чаще всего пропорционально размерам внесенных ими вкладов.

Обязательства из деликтов (они именовались «невольными» обязательствами) возникали в случае совершения физическим лицом каких-либо противоправных действий, наносивших ущерб личности или имуществу других граждан. Ответственность лица возникала и в тех случаях, когда вред причинялся подвластными ему людьми (детьми, рабами). Компенсация ущерба осуществлялась в виде штрафов, которые выплачивались виновным в пользу пострадавшего. Размеры штрафов, как правило, превосходили стоимость поврежденного имущества.

Брачно-семейное право. Мораль и право трактовали проблемы брака в свете общегосударственных интересов: рост народонаселения страны рассматривался в качестве важнейшего условия ее экономического процветания и военного могущества. Уклонение от брака рассматривалось как неуважение к культу предков. Безбрачие осуждалось; холостяки могли быть даже ограничены в гражданских и политических правах.

Заботой государства было обеспечение чистоты крови и сохранение имущества в рамках отдельных родов. По этим при-

чинам существовал запрет на браки лишь между родителями и детьми, а также между единоутробными братьями и сестрами;

во всех других близких степенях родства брак не только не запрещался, но всячески поощрялся (так, брак между дядей и племянницей был самым обыкновенным явлением). Для дочерей, оставшихся единственными наследницами, брак с одним из ближайших родственников отца являлся даже обязательным.

Брачный возраст был установлен в 12 лет для невесты и в 15 лет для жениха. Брак сохранил на себе следы своего происхождения из договора купли-продажи, где невеста рассматривалась в качестве объекта сделки. Брачный договор заключался

женихом с тем родственником невесты, под опекой которого она состояла. Приданое со стороны отца невесты не являлось обязательным; если же девушку выдавал замуж ее брат, то он обязан был дать за нее приданое. Приданое переходило во владение мужа с тем непременным условием, что оно будет сохранено в целости для передачи в наследование детям, рожденным в данном браке.

По отношению к своему супругу жена занимала в семье зависимое положение. Женщины не имели политических прав, были лишены имущественной самостоятельности, были вынуждены вести затворнический образ жизни. Женщина в течение всей своей жизни считалась как бы несовершеннолетней и находилась под постоянной опекой мужчины. Опекуном незамужней женщины был ее отец, а после его смерти — старший брат или другой ближайший родственник с отцовской стороны; опекуном замужней — муж, а после его смерти — старший сын. Если женщина оставляла дом мужа, то она возвращалась под опеку отца или его ближайших родственников. По инициативе мужа развод мог произойти в любое время, без соблюдения каких-либо формальностей. В частности, муж мог отвергнуть жену, если в течение 10 лет брака она оставалась бесплодной. Застигнув свою жену на месте прелюбодеяния, муж мог безнаказанно убить ее любовника. В случае развода муж обязан был вернуть жене приданое, если причиной развода не было прелюбодеяние жены. Если же инициатива развода исходила от жены, требовалось ее письменное мотивированное заявление на имя архонта-эпонима.

В раннюю эпоху афинской истории отцовская власть в семье была очень широкой, вплоть до права жизни и смерти в отношении своих детей. Отец мог отречься от родившегося ребенка, если не признавал его своим. С согласия сельского старосты допускалось умерщвление новорожденных, признанных уродами. После реформ Солона, запретивших продажу отцом детей в рабство, родительская власть пошла на убыль, хотя дети оставались обязанными оказывать своим родителям повиновение и почтение. Отец мог наказывать детей, мог лишить наследства и даже изгнать из дома любого из своих сыновей, если они проявляли непослушание, а тем более совершали позорящие поступки. Отцовская власть над сыновьями прекращалась по достижении ими совершеннолетия (18 лет). Взрослые сыновья должны были содержать своих обедневших или нетрудоспособных родителей, — в противном случае они могли понести соответствующее наказание по суду. Однако, по законам Солона сын мог отказать своему престарелому или больному отцу в материальной помощи, если тот в свое время не обучил его ремеслу.

Наследственное право. Древнейшей формой наследования было наследование по закону. Прямыми наследниками являлись сыновья, рожденные в законном браке, которые делили наследство поровну. Дочери при наличии сыновей не являлись наследницами, но получали определенное содержание до замужества; при выдаче замуж братья были обязаны снабдить их приданым. Если прямые наследники отсутствовали, призывались родственники по боковой линии — прежде всего братья и племянники, затем дяди, двоюродные братья и т. д.

Наследование по завещанию появляется со времен Солона. Непременным условием завещания являлась свободная воля наследодателя. Несоввершеннолетние и женщины не имели права завещания. Если у завещателя не было наследников мужского пола, но имелись дочери, он должен был обеспечить их материальные интересы (например, завещать имущество человеку, который обязывался жениться на одной из дочерей и обеспечить приданым остальных ее сестер).

Уголовное право. Уголовно-правовые воззрения афинян находились под сильным воздействием пережитков первобытно-общинного строя. Длительное время сохранялись пережитки кровной мести, хотя право преследования убийцы принадлежало толь-

ко ближайшим родственникам убитого (до двоюродных братьев). В целом, убийство рассматривалось как дело, затрагивающее интересы не государства, а лишь отдельных лиц (в данном случае — родственников убитого). Поэтому считалась допустимой сделка родственников убитого с убийцей, при которой виновный мог компенсировать свое деяние выплатой вознаграждения родственникам убитого либо добровольным удалением в изгнание; в этом последнем случае обвинение вообще не возбуждалось. В тех случаях, когда обвинение в убийстве все-таки возбуждалось, оно носило исключительно частный характер.

Среди **видов преступлений** были широко представлены государственные преступления (измена родине, оскорбление богов, святотатство, обман народа, внесение противозаконных предложений в народное собрание и т. п.). Специальный закон, принятый в 410 г. до н. э., объявлял врагом народа всякого, кто посягал на демократические устои афинской государственности; виновные в этом преступлении подлежали смертной казни, а их имущество конфисковывалось. Другую обширную группу составляли *преступления против семьи и нравственности* (дурное обращение детей с родителями, супружеская измена, похищение девушки и др.). Разновидностями *преступлений против личности* являлись убийства (подразделявшиеся на умышленные, неосторожные и случайные), членовредительство, оскорбления словом и действием, злостная клевета и шантаж. Особую группу составляли *воинские преступления* (дезертирство, трусость, уклонение от воинской повинности, незаконный переход из пехоты в кавалерию). К *имущественным преступлениям* в первую очередь относились кражи, наказания, за которые различались в зависимости от того, застигнут ли вор на месте преступления или нет. В отношении ночного вора, пойманного с поличным, допускался самосуд.

Среди **видов наказаний** прежде всего должна быть названа смертная казнь, причем осужденному зачастую предоставлялось право самому избрать ее конкретный способ (для этого ему давались на выбор чаша с ядом, меч или веревка и отводился трехдневный срок для решения своей участи). За некоторые виды преступлений (разбой, грабеж) наказанием являлась продажа в рабство. Практиковались также штрафы, конфискации — так, должностные лица, уличенные во взяточничестве или хище-

нии, подвергались штрафу в десятикратном размере. Присуждая виновного к изгнанию, суд одновременно устанавливал срок, в течение которого виновный мог быть безнаказанно убит, пока еще он не покинул родину. Тягчайшим наказанием для свободного гражданина считалось лишение его политических и гражданских прав (полное или частичное), фактически уравнивавшее его с рабом. При выборе меры наказания учитывался социальный статус преступника, — отмеченное обстоятельство свидетельствует о ярко выраженном классовом характере уголовной репрессии. Принимались во внимание смягчающие и отягчающие вину обстоятельства. Уголовно-правовая теория и практика уже оперировала такими понятиями, как покушение, подстрекательство, соучастие, самооборона и т. п. Иногда наказаниям могли подвергаться животные или даже неодушевленные предметы (камни, бревна), если они являлись причиной гибели человека.

Процессуальное право. Возбуждение судебного дела могли осуществлять только полноправные граждане мужского пола; интересы женщин и несовершеннолетних представляли главы их семей или опекуны. Ответчиками же были обязаны выступать все мужчины и женщины всех сословий. Судебный процесс, независимо от его конкретных форм, имел ярко выраженный состязательный характер.

Афинское право различало две формы процесса: по государственным делам (*ὑπόδικον* — «графэ») и по частным делам (*διώξις* — «дикэ»). Основные различия между ними сводились к следующему:

1. Процесс «графэ» возбуждался в тех случаях, когда были затронуты интересы государства; процесс «дикэ» возникал вследствие нарушения чьих-либо личных интересов.

2. Процесс «графэ» мог быть начат любым полноправным гражданином, даже если это дело не касалось его лично; процесс «дикэ» мог возбудить только тот, кого данное дело касалось непосредственно.

3. При выигрыше процесса «графэ» обвинитель не получал никакой материальной выгоды, поскольку штраф с виновного поступал в государственную казну; выигрыш процесса «дикэ» был сопряжен с материальной выгодой для истца.

4. Истец, возбуждавший процесс «графэ», был обязан довести его до конца, — в противном случае ему угрожал штраф в 1000 драхм; процесс «дикэ» мог быть остановлен истцом на любой стадии, за что он не нес никакой ответственности.

5. Начиная процесс «графэ», истец не был обязан вносить судебную пошлину; при процессе «дикэ» судебная пошлина с истца взималась в обязательном порядке.

Следует, однако, отметить, что в реальной жизни государственный и частный процессы не были строго разграничены, и от самого истца зависел выбор конкретной процессуальной формы. Материальные и моральные выгоды, которые мог приобрести обвинитель в случае выигрыша процесса, способствовали возникновению многочисленного контингента профессиональных ябедников, т. н. *сикофантов*, которые злоупотребляли правом каждого афинянина защищать государственные интересы и благосостояние отдельных граждан. Эти сутяжники и клеветники, стремившиеся нагреть руки на чужих невзгодах, пользовались всеобщим осуждением и презрением.

Ход судебного процесса как государственного, так и частного, начинался с вызова обвиняемого или ответчика в суд. Вызов осуществлялся самим обвинителем (истцом) в присутствии свидетелей; в случае неявки ответчика дело рассматривалось заочно, с неблагоприятными для ответчика последствиями. Должностное лицо, на имя которого была подана письменная жалоба, прежде всего устанавливало основательность этой жалобы, после чего производило предварительное расследование (*анакризис*). В ходе анакризиса заслушивались и записывались показания свидетелей, изучались вещественные доказательства, письменные документы и т. п. Женщины, несовершеннолетние и близкие родственники сторон не допускались к даче показаний. Допросы рабов производились только под пыткой и в присутствии сторон.

Все материалы, собранные в ходе предварительного расследования, заключались в специальные сосуды (глиняные или металлические) и опечатывались, — в дальнейшем, в ходе судебного разбирательства, можно было ссылаться исключительно только на эти материалы.

После завершения анакризиса назначался день судебного заседания. Оно открывалось оглашением жалобы обвинителя

(истца) и возражений противоположной стороны. Затем обе стороны произносили речи (в частных делах по две, в государственных — по одной); для произнесения речей стороны имели равное время, которое измерялось водяными часами (*клепсидрами*). И хотя адвокатуры в полном смысле этого слова в Афинах не существовало, сторонам не воспрещалось прибегать к помощи квалифицированных специалистов — знатоков права и риторов; впрочем, эту помощь предпочитали все-таки не афишировать.

По окончании судебного разбирательства (без предварительного совещания между собой) выносили решение о виновности путем тайного голосования с использованием цветных камешков; при этом судьи обладали значительной свободой в определении преступного или непроступного характера совершенного деяния. Если голоса судей распределялись поровну, обвиняемый считался оправданным, — это предоставляло ему право возбудить новый иск против ложного обвинения. Если же судьи признавали его виновным, производилось второе тайное голосование, по результатам которого определялась конкретная мера наказания; эта мера (в случае отсутствия прямого указания о ней в законе) могла быть предложена как обвинителем (истцом), так и обвиняемым (ответчиком).

Неудовлетворенные решениями или приговорами нижестоящих судов стороны могли апеллировать к гелиэе. Вердикты гелиэи являлись, как правило, окончательными и не подлежали пересмотру или отмене.

Глубоко продуманная система и тщательно организованная процедура судебного процесса фактически исключала грубые ошибки в решении уголовных дел и гражданских тяжб, случаи злоупотребления и произвола в деятельности правозащитных учреждений. Даже противники афинской демократии были вынуждены признавать их высокую объективность и компетентность. Причины этого достойного и заслуживающего внимания явления следует усматривать в активном участии основной массы свободного населения в отправлении правосудия, в общем уважении к праву как элементу политической культуры каждого афинского гражданина.

С точки зрения политического устройства Афинское государство в период своего расцвета было самым прогрессивным среди всех стран древнего мира. По форме правления это была демократическая республика с ярко выраженными элементами правового государства, где всем свободным гражданам была предоставлена возможность участвовать в законодательном процессе, отправлении правосудия, управленческой деятельности.

Важнейшим достижением политической мысли Древней Греции была выработка самого понятия «гражданин». В отличие от бесправного «подданного» в древневосточных деспотиях афинский гражданин обладал некоторыми неотъемлемыми правами, важнейшими среди которых являлось право на личную свободу и независимость, право на обладание земельным участком, полученным из полисного фонда, а также на государственное вспомоществование, право на военную службу, право на участие в государственных делах и общественных празднествах своего полиса, право на защиту закона. Обладание этими правами было сопряжено и с неуклонным выполнением гражданских обязанностей (касающихся законопослушания, несения налоговых тягот и выполнения литургий, отправления религиозного культа и др.). Гармоничное сочетание прав и обязанностей придавало свободному жителю афинского полиса высокий статус гражданина.

Подсчитано, что к работе государственного аппарата привлекалось одновременно не менее 20 тыс. чел.; максимальное же число полноправных граждан не превышало 40 тыс. чел. Если учесть, что государственные органы функционировали на принципах ежегодной сменяемости, недопустимости совмещения должностей и невозможности замещать должность два срока подряд (см. об этом выше), то получалось, что в течение жизни каждый гражданин Афин имел возможность по несколько раз исполнять руководящие должности не только на уровне дэма и филы, но и занимать самые высокие государственные посты; не менее двух раз в жизни быть членом Совета 500, с интервалом в 2—3 года заседать в гелиэе и т. д.

Отдавая должное демократическим принципам государственного устройства Афин, нельзя, вместе с тем, считать их высшим идеалом, применимым для всех времен и народов. Широкие демократические права и свободы распространялись

здесь лишь на полноправных граждан, так что за пределами этого круга оставалась масса населения, включающая не только рабов, вольноотпущенников, метэков, но и всех женщин, даже свободных, которые хотя и считались гражданками, в политической жизни участия не принимали. Если учесть, что общая численность населения Афин достигала 250—300 тыс. чел., то приходится констатировать, что демократия в этом государстве даже в период своего наивысшего расцвета всегда оставалась демократией меньшинства, базирующейся на рабовладельческой социально-экономической системе и основанной на эксплуатации подавляющего большинства населения, лишенного не только гражданских прав, но зачастую и человеческого достоинства.

III. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ДРЕВНЕГО РИМА

Согласно историческому преданию, город Рим был основан в 753 г. до н. э. Возникнув первоначально как небольшой полис (не более 10 кв. км. по площади и с 10 тыс. чел. населения), Рим с течением времени стал центром громадной мировой державы, владения которой были расположены на трех материках (Европа, Азия, Африка), а население превысило 60 млн чел. Римская держава была самым крупным рабовладельческим государством древнего мира, где рабство прошло все ступени развития — от патриархального до классического. Естественно, что не оставался неизменным и государственный строй. Обычно выделяют три периода в его развитии:

- 1) VIII — VI вв. до н. э. — период возникновения государства («царский период»),
- 2) 509 — 27 гг. до н. э. — период республики,
- 3) 27 г. до н. э. — 476 г. н. э. — период империи, подразделяемый, в свою очередь, на два этапа — принципат и доминат, рубежом между которыми является III в. н. э.

На заключительном этапе своей истории Римская империя была разделена на две части — Западную и Восточную. Западная Римская империя прекратила свое существование в 476 г. Восточная Римская империя (Византия) просуществовала еще почти тысячелетие и погибла в результате турецкого завоевания в 1453 г.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

В середине VIII в. до н. э. три племени (латины, сабины, этруски), обитавшие в долине реки Тибр, объединились в еди-

ную общину (*civitas*), центром которой стал город Рим. Расположенный на холмах, удобных для обороны, этот город приобрел роль важного военного пункта. Довольно рано проявились преимущества Рима и как перспективного экономического центра — он находился на перекрестке торговых путей, связывавших Италию с Грецией и Востоком. В окрестностях Рима развивалось скотоводство и земледелие; древнейшим источником дохода римской общины являлись соляные промыслы.

Коренное население, составлявшее первоначальную римскую общину, носило наименование *патрициев* (*patricii*) и представляло собою категорию полноправных римских граждан, причастных к управлению общественными делами. В древнейший период римской истории отмечается наличие всех признаков родоплеменного строя. Низшей ячейкой общества являлся род (*gens*), члены которого считали себя происходящими от одного предка. Главой рода являлся наиболее авторитетный, уважаемый представитель знатного семейства, избираемый общим собранием рода. Каждый член рода являлся совладельцем земельного фонда (*ager publicus*), мог претендовать на свою долю при разделе родового имущества, пользовался защитой и помощью со стороны сородичей, участвовал в решении общих дел и отправлении общего культа. Между родами существовали различия: наиболее могущественные роды считались «старшими». Внутри самих родов формировалась наследственная аристократия, распоряжавшаяся родовым имуществом (в т. ч. землей) и возвышавшаяся над своими сородичами.

Общее число патрицианских родов составляло 300. Каждые 10 родов объединялись в *курию*, каждые 10 курий — в *трибу*, всего было, следовательно, 30 курий и 3 трибы. Такая стройность, имеющая явный отпечаток искусственной упорядоченности, преследовала, очевидно, военные цели. Древнейшая римская дружина, состоявшая из 3000 пехотинцев и 300 всадников, набиралась по 100 человек пехоты и 10 всадников от каждой курии.

Органы управления Рима в древнейший период его истории характеризуются наличием трех основных элементов, обычно свойственными т. н. периоду военной демократии. Верховную власть в римской общине олицетворял **царь** (*rex*). Эта должность замещалась путем выборов, в которых участвовали полноправные

граждане, собранные по куриям. Главными прерогативами рекса являлись верховное управление (имевшее целью обеспечение внутреннего порядка, охрану «традиций и нравов отцов»), высшее военное командование (включая организацию ополчения, с правом назначения нижестоящих военачальников), судебные полномочия (вплоть до права жизни и смерти), функции верховного жреца (включающие руководство общественными священнодействиями и жертвоприношениями). Повеления рекса, обязательные для исполнения всеми членами общины, действовали только в течение жизни данного правителя; с его смертью указанные повеления переставали быть обязательными. Для более эффективного осуществления своих полномочий реке мог назначать себе помощников (в первую очередь, по военным делам). При царе имелась военная дружина, включавшая в себя пешие и конные подразделения; наиболее привилегированным являлось подразделение вооруженных телохранителей, составлявших собственную лейб-гвардию рекса. Символами царской власти были золотая корона, пурпурная туника, расшитая золотом, скипетр с орлом, трон из слоновой кости. Власть рекса была пожизненной, но не наследственной. Согласно историческим свидетельствам, всего в Риме сменилось семь рексов.

В качестве совещательного органа при рексе выступал **сенат** (от лат. *senex* — старец, старейшина), первоначально включавший в свой состав всех родовых старейшин. По мере ослабления роли родовых традиций сенат стал назначаться рексом из представителей патрицианского сословия без учета их конкретной родовой принадлежности; об избрании новых членов сената обязательно информировалось народное собрание. Право созыва сената и председательствования на его заседаниях принадлежало рексу. Постановления сената, касавшиеся наиболее важных вопросов общественного управления (объявление войны и заключение мира, предоставление гражданства, отправление религиозного культа и др.), обычно должны были приниматься рексом во внимание, но не имели для него императивного характера. Сенат также рассматривал некоторые уголовные дела. Значительно возростала роль этого органа в условиях войны или серьезных внутренних потрясений. Однако своего максимального объема власть сената достигала в случае смер-

ти рекса, когда возникал период междуцарствия (*interregnum*). В этих случаях сенат избирал из своей среды 10 человек, которые по очереди, в течение 5 дней каждый, управляли государством, пока не определялась кандидатура нового рекса. Намеченная кандидатура предварительно обсуждалась в сенате, а затем представлялась народному собранию. Решение народного собрания об избрании нового царя также подлежало утверждению в сенате. Естественно, что сенат был заинтересован в продлении срока междуцарствия, поскольку в этот период вся реальная власть сосредоточивалась в его руках.

Народные собрания (комиции) являлись формой участия взрослых (способных носить оружие) полноправных граждан в решении дел общественной важности; древнейшими видами народных собраний были собрания по куриям (*comitia curiata*). Созыв народного собрания осуществлялся по инициативе рекса, который и вносил туда свои предложения; помимо воли рекса народное собрание состояться не могло. Предложения рекса обсуждению в народных собраниях не подлежали — они либо принимались, либо отвергались путем открытой и устной подачи голосов. О какой-либо строго установленной компетенции народных собраний говорить не приходится. Вероятно, в санкции народных собраний нуждались наиболее важные законы, существенно затрагивавшие общественный интерес. Как уже было сказано ранее, народное собрание избирало нового царя и осуществляло обряд его вступления в должность, в т. ч. облечения высшей религиозной властью (т. н. *аугурация*). Кроме того, народные собрания утверждали даты религиозного календаря, определяли размер и порядок взимания средств на нужды культа, контролировали прием новых членов в патрицианское сословие, санкционировали некоторые важнейшие частно-правовые акты (завешание, усыновление, выход женщины из рода в связи с замужеством и др.). Мнение народных собраний было существенным и для принятия решений в области внешней политики (объявление войны, заключение мира и т. п.). Решение народного собрания (*lex*) имело силу закона, действие которого не было ограничено временем — оно могло быть отменено лишь другим законом, принятым по той же процедуре.

Строгая внутренняя организация римской общины, ее военизированный характер имели своей целью консолидировать

общину перед лицом все возрастающей массы пришлого населения. Ограниченность исходного земельного фонда, других материальных ресурсов вынуждала патрициат замкнуть общину под своим главенством, решительно препятствовать расширению ее социальных рамок.

На другом полюсе родовой организации формировалась категория зависимых людей — *клиентов*. Происхождение этой категории остается неясным. Вероятно, это обедневшие члены «младших» родов, а также завоеванные или пришлые жители других местностей, включенные в римскую общину. Лишенные политических и гражданских прав, хотя и лично свободные, они могли существовать лишь благодаря покровительству коренных римских граждан (*патронов*), которые защищали клиентов перед третьими лицами. Клиент получал родовое имя патрона и выделенный ему земельный участок; за это он нес повинности в пользу своего покровителя, сопровождал его в военном походе, оказывал ему материальные и личные услуги.

Узы, связывавшие клиента и патрона, передавались по наследству. Они считались нерушимыми, поскольку освящались религией и закреплялись в законодательстве.

Вся масса населения Рима, оставленная за пределами родовой организации, получила наименование *плебеев* (*plebei*, *plebs*). Эта категория складывалась из двух основных источников. Одна часть — это добровольные пришельцы, привлеченные торгово-предпринимательскими интересами; вторая часть была переселена насильственным путем в результате войн Рима против соседних народов. В дальнейшем плебс пополнялся за счет выходцев из первоначальной римской *civitas*, порывавших с ней связь вследствие разорения. Плебеи были лично свободны, обладали собственностью, имущественными правами, занимались ремеслами и торговлей, привлекались к военной службе (правда, во вспомогательных войсках), могли самостоятельно осуществлять судебные иски и нести юридическую ответственность. Многочисленные жалобы плебеев на тяжесть долговых обязательств перед патрициями свидетельствуют о том, что юридические отношения между этими сословиями были не только возможны, но и имели широчайшее распространение. Одним словом, в области частных гражданских отношений плебеи были равноправны с патрициями. В сфере же политических отноше-

ний статус указанных сословий был диаметрально противоположным: плебеи не обладали никакими политическими правами и потому были полностью лишены возможности участвовать в решении общинных дел (в частности, в разделе *ager publicus*, хотя плебеи, привлекаемые к военной службе, самым непосредственным образом содействовали его приращению). Проникнуть в ряды патрицианской общины с помощью брака плебеям также было воспрещено.

Не следует думать, «то плебс представлял собою однородную массу. Внутри него укреплялась торгово-ремесленная верхушка, постепенно овладевавшая важными позициями в экономике Рима. С другой стороны, росла численность плебеев-бедняков, которые в случае социальных конфликтов могли активно оказаться союзниками рабов.

Главное требование плебеев состояло в том, чтобы получить доступ к разделу *ager publicus*, поскольку земельная теснота для плебеев становилась все более невыносимой. Решить же эту экономическую задачу плебеи могли лишь при условии доступа к государственным должностям. Таким образом, экономические и политические требования плебеев были тесно связаны и взаимно обусловлены. Борьба плебеев с патрициями стала главным содержанием общественно-политической жизни, а потому — главной пружиной ранней римской истории. Эта борьба, растянувшаяся на несколько столетий, принимала временами очень острые формы, неоднократно ставя страну на грань гражданской войны. Борьба закончилась победой плебеев: патрицианская родовая община была насильственно разрушена, а на ее обломках образовалось государство, в котором со временем окончательно растворились и патрициат, и плебс.

Реформа, приведшая к образованию Римского государства, связывается с именем предпоследнего (шестого) рекса **Сервия Туллия** и условно датируется VI в. до н. э. Как время проведения этой реформы, так и ее авторство вызывает у многих исследователей серьезные сомнения. Весьма вероятно, что реформа не явилась итогом одномоментного государственно-правового мероприятия, но представляет собою результат целого комплекса разновременно произошедших изменений.

Как уже было отмечено выше, система управления древнейшего римского общества базировалась на принципах родо-

вой организации и была рассчитана только на коренных членов римской общины — патрициев. Позднейшие переселенцы-плебеи, не входившие в систему патрицианских родовых связей, тем самым были полностью исключены из общественно-политической жизни. Не принимая участия в решении общественных дел, они не несли в полном объеме и общегражданских обязанностей, прежде всего, военной и податной. Такое положение могло быть терпимым до тех пор, пока преобладающим большинством оставались патриции, а удельный вес плебейского элемента в общей массе населения и в сфере экономических отношений был невелик. Однако по мере того, как плебеи стали играть все большую роль в повседневной жизни древнеримского общества, их изолированное положение за рамками римской общины превращалось во все большую общественно-политическую аномалию. Упорное стремление плебеев проникнуть в рамки римской общины с течением времени стало встречать обратную позитивную реакцию со стороны самих патрициев, стремившихся разделить с плебсом тяготы военной и податной повинностей в пользу единого для них отечества.

По реформе, приписываемой Сервию Туллию, вместо старого принципа родовой принадлежности в основу общественного устройства Рима были положены два новых принципа — имущественный и территориальный.

Все население (как патриции, так и плебеи) была поделено на 5 разрядов (классов); в основу деления был положен критерий имущественной состоятельности. К первому разряду были отнесены те граждане, которые владели имуществом в 100 тыс. ассов (один асе, или сестерций, представлял собой медную монету весом 327,5 грамма) или земельным участком площадью свыше 20 югеров (один югер был равен одной четверти гектара). Имущество граждан второго разряда было оценено в 75 тыс. ассов (15-20 югеров земли), третьего — в 50 тыс. ассов (10—15 югеров земли), четвертого — 25 тыс. ассов (5—10 югеров земли), пятого — 11 тыс. ассов (менее 5 югеров земли).

Каждый имущественный разряд обязан был выставлять определенное количество военных подразделений — *центурий* (от лат. *centum* — сотня); центурия, следовательно, была в первую очередь военной, но одновременно политической и податной единицей. Первый разряд выставлял 80 центурий, второй, тре-

тий и четвертый — по 20, пятый — 30; таким образом, всего насчитывалось 170 классных центурий. С учетом внеклассных центурий (18 центурий выставляли т. н. *всадники*, к числу которых относились самые богатые патриции; кроме того, было 2 центурии ремесленников, 2 центурии музыкантов и 1 центурия т. н. *пролетариев*, т. е. лиц, принадлежавших к неимущему и неподатному сословию) их общее количество составляло 193. Во вновь возникших народных собраниях по центуриям (*comitia centuriata* — см. о них ниже) каждая центурия имела один голос. Благодаря этому обстоятельству большинство было заранее обеспечено за наиболее состоятельными гражданами: всадники и граждане первого разряда составляли в сумме 98 центурий, т. е. уже больше половины от 193. При их единодушии мнение граждан остальных разрядов уже не имело практического значения и поэтому их голоса даже не всегда подсчитывались.

Общепризнано, что центурии являлись военными отрядами приблизительно одинаковой численности (хотя и не обязательно равными именно сотне человек). Тот факт, что наибольшее количество центурий выставлялось гражданами одного только первого разряда, делает неизбежным вывод о том, что в рассматриваемую эпоху большинство населения Рима владели земельными участками, превышающими 20 югеров. Соотношение имущественных разрядов между собою достаточно объективно отражает тогдашнюю землевладельческую статистику.

Каждые 5 лет производилась новая оценка (*census*) имущества граждан и осуществлялось их перераспределение по эрядам и центуриям. Вся эта работа завершалась торжественным религиозным обрядом, сопровождаемым очистительными жертвоприношениями.

Вторая часть реформы Сервия Туллия заключалась в делении всего населения (без учета патрицианского или плебейского происхождения) на территориальные округа — т. н. *трибы* (*tribus*). Всего было учреждено 4 городских и 17 сельских триб. Во главе трибы стоял выборный староста (*tribunus aerarius*); его главная обязанность заключалась в сборе податей и налогов. В народных собраниях, которые стали созываться по трибам (трибутные комиции) каждая триба также имела один голос.

Реформа Сервия Туллия, выведшая плебеев из состояния общественной изоляции и включившая их в состав «римского

народа», решила задачу консолидации всего свободного населения Рима в единый господствующий класс, противостоящий классу рабов. Положение плебеев в результате этой реформы изменилось самым радикальным образом: включившись в несение воинской повинности, они стали полноправными участниками центуриатных народных собраний. Правда, первоначально голоса плебеев, сосредоточенных преимущественно в низших разрядах, безоговорочно подавлялись голосами граждан первого разряда, где на первых порах преобладали патриции. Но поскольку членство в первом разряде определялось не происхождением, а степенью состоятельности, путь в него не был закрыт и плебеем. Став признанными членами римского общественного союза, плебеи приняли на себя и тяготы податного обложения. Выплачиваемая в те времена римскими гражданами подать (именовавшаяся *tributus* или *tributum*) еще не имела характера постоянного налога, а по своему смыслу являлась, скорее, разновидностью временного принудительного жима, размер и срок выплаты которого определялся рексом по мере надобности.

Финансовое оздоровление Рима явилось весьма существенным, но далеко не единственным итогом анализируемой) реформы. Пожалуй, еще более важным ее последствием явилось значительное увеличение военной мощи складывающегося государства, поскольку контингент военнообязанных в Риме увеличился (за счет плебеев) сразу в несколько раз. Отныне все граждане в соответствии со своим имущественным цензом стали привлекаться к активной военной службе: всадники выставляли конные центурии, граждане первого, второго и третьего разрядов — центурии тяжеловооруженной пехоты, граждане четвертого и пятого разрядов — центурии легковооруженной пехоты. Половина от общего числа центурий комплектовалась из возрастного контингента от 17 до 45 лет. Эти центурии (т. н. «центурии молодых» — *centuriae juniorum*) представляли собой армию более чем в 8 тыс. чел. пехоты и 1800 чел. кавалерии. Граждане от 46 до 60 лет несли гарнизонную службу; эти «центурии пожилых» (*centuriae seniorum*) составляли вторую половину от общего числа центурий. Центурии объединялись в *легионы*, которыми командовали *военные трибуны*. Каждый гражданин являлся на воинскую службу со своим вооружением, снаряжением и продовольствием. Боевые лошади для всадников поставлялись государством; стоимость

этих лошадей оплачивалась лицами, не подлежащими призыву на воинскую службу (например, вдовами и самостоятельными несовершеннолетними). Дважды в год (весной и осенью) на Марсовом поле производилось общее построение войска по центуриям. Создав армию, значительно превышающую военный потенциал соседних народов, Рим открыл эпоху широкой внешнеполитической экспансии, обеспечившей ему через несколько веков полное господство в Средиземноморье.

В результате реформ Сервия Туллия военная демократия, каковой являлась по существу «эпоха царей», сменилась подлинной государственной организацией, в рамках которой прежние различия между патрициями и плебеями утратили свой изначальный принципиальный смысл. Поэтому в течение V—III вв. до н. э. идет процесс дальнейшего уравнивания в правах патрициата и плебса, а в его ходе окончательно ликвидируются остатки родового строя.

Ликвидация царской власти и замена ее властью двух избираемых магистратов (консулов) сама по себе не внесла существенных позитивных перемен в положение плебеев, — напротив, она даже ухудшила положение плебса, поскольку вновь созданная система магистратов находилась под полным патрицианским контролем.

Поэтому общая стратегическая линия плебейского движений на первых порах заключалась в стремлении достичь юридического ограничения власти формирующегося консулата. Уже в 509 г. до н. э. был принят закон Валерия, согласно которому смертный приговор, вынесенный консулом, мог быть обжалован в народном собрании (центуриатных комициях). Та же тенденция прослеживается и в законе 454 г. до н. э., установившем максимальный размер имущественного штрафа, налагаемого консулом, — этот размер был эквивалентен стоимости 30 быков и 2 овец (3020 ассов). Двумя указанными установлениями были очерчены пределы консульских полномочий в отношении личности и имущества любого римского гражданина, в том числе и плебея.

Первые успехи в борьбе против произвола патрицианских магистратов убедили плебеев в необходимости сплочения и в выработке более решительных форм борьбы. В 494 г. до н. э. значительная часть плебеев, доведенная до отчаяния экономичес-

ким гнетом и юридическим бесправием, осуществила т. н. первую сецессию — она покинула Рим и ушла на Священную гору с намерением основать там свой город. Патриции были вынуждены пойти на уступки и заключить с плебеями клятвенный договор. Главным пунктом этого договора было учреждение должности народного трибуна, призванного защищать интересы плебеев (см. о нем ниже). Создав свою собственную сословную организацию, руководимую избираемыми из своей среды народными трибунами, плебеи добились следующего крупного успеха — издания ок. 450 г. до н. э. Законов XII таблиц, первого писаного свода законов римской общины, существенно ограничившего произвол патрицианских судей (подробно см. об этом ниже). После этого политическая тактика плебеев резко меняется: отказавшись от оборонительных методов борьбы, они переходят в решительное наступление, добиваясь реального равноправия с патрициями в решении важнейших государственных дел. В 445 г. до н. э. плебейский трибун Канулей проводит закон о снятии запретов на браки между патрициями и плебеями. Помимо большого морального эффекта, закон Канулея имел и важнейшие политические последствия: снимая с патрициев запрет на вступление в «правильный», освященный религией брак, этот закон уничтожал все религиозные препятствия для занятия плебеями высших государственных должностей. Первой магистратурой, куда получили доступ плебеи, была должность квесторов (421 г. до н. э.). В 367 г. до н. э. закон Лициния и Секстия установил, что один из двух консулов должен непременно избираться из плебеев. Другой закон, принятый по инициативе этих же народных трибунов, фактически уравнивал патрициев и плебеев в праве пользования *ager publicus*. Под 350 г. до н. э. упоминается первый плебейский цензор, под 337 г. до н. э. — первый плебейский претор. В 326 г. до н. э. законом Петелия была отменена долговая кабала, от которой страдали в первую очередь плебеи. Отныне должник отвечал перед кредитором только имуществом, а не собственной жизнью и свободой; рабами могли стать только иноплеменники. По закону 300 г. до н. э. плебеи получили доступ к важнейшим жреческим должностям — не менее половины коллегий понтификов и авгуров должны были состоять из представителей плебейского сословия. Наконец, в 287 г. до н. э. законом Гортензия постановления плебейс-

ких трибутных комиций (*плебесциты*) стали такими же обязательными для всех граждан государства (в том числе и патрициев), как и решения центуриатных комиций. С принятием этого акта завершающего длительную борьбу патрициата и плебса, всякая юридическая грань между этими некогда различными сословиями была окончательно стерта.

Победа плебеев, выразившаяся в достижении ими полного равноправия с патрициями, способствовала сплочению римского народа, повышению морального духа его войска и в конечном счете — к укреплению социальной базы формирующейся республиканской государственности. Однако эта победа не привела к демократизации государственного строя Рима — он сохранял аристократическую форму. Развитие и совершенствование системы магистратур имело, в частности, и то последствие, что занятие этих должностей с течением времени становилось привилегией сравнительно немногочисленной группы отдельных семей, в которых потомки шли по стопам своих предшественников, так что политическая карьера становилась своеобразной семейной традицией. После достижения политического равноправия всех римских граждан, безотносительно их прежней социальной принадлежности, указанная традиция смогла складываться как в бывших патрицианских, так и в бывших плебейских семьях. Естественно, что общность складывающихся интересов сближала их между собой, подталкивала к более тесной консолидации. В результате стала складываться особая общественная группа из представителей объединенной патрицианско-плебейской служилой аристократии, получившая наименование *нобилитета* (*nobiles*). Поскольку, с одной стороны, служебная карьера предполагала в качестве своего неперемennого условия значительную имущественную состоятельность, а с другой стороны, существовало законодательное запрещение государственным должностным лицам заниматься торговой и предпринимательской деятельностью, в ряды нобилитета могли проникать главным образом представители крупной землевладельческой знати. Монополизировав государственную службу в своих руках, эта социальная группировка не только не посягала на аристократические тенденции, отчетливо проявившиеся в эпоху становления римской государственности, но и обеспечила укрепление и развитие этих аристократических традиций на протяжении всей ее последующей истории.

2. РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Период республики. В 509 г. до н. э. последний из рексов по имени Тарквиний Гордый был свергнут и изгнан. Государственный строй Рима принял форму республики, существовавшей на протяжении последующих пяти столетий. Принято считать, что период республики являлся центральным периодом римской истории, в течение которого Рим из небольшой общины превратился в мощное, громадное по территории государство со сложной общественно-политической структурой. В отличие от Афинского государства, сложившегося в форме демократической республики, Римское государство должно быть охарактеризовано как аристократическая республика, и этот аристократический характер воплощался как в составе правительственных структур, так и в способах их формирования и функционирования, в их взаимоотношениях друг с другом.

Центральными государственными органами в Риме являлись народные собрания, сенат, магистратура. Исторически они выросли из полисной организации раннего Рима, характеризовались достаточной полнотой и рациональностью.

Народные собрания олицетворяли традиции полисной демократии, воплощали идею верховной власти народа. Право участия в собраниях имели все римские граждане, обладавшие правом подачи голоса (*jus suffragii*), независимо от их местонахождения — в Риме или за его пределами. Народные собрания являлись той организационной формой народного волеизъявления, которая придавала принимаемым на них решениям общеобязательную силу. Техническим наименованием народных собраний был термин комиции (*comitia*). Комиции могли состояться лишь в определенные дни (таких дней в году было 184) и должны были заканчиваться до захода солнца. Инициатива созыва комиций принадлежала только государственным должностным лицам (магистратам). День проведения собрания и вопросы, выносимые на его рассмотрение, объявлялись заранее. Если предполагалось принятие какого-либо нового закона, его текст публиковался за несколько дней до собрания. Также заблаговременно оглашались имена кандидатов, которых предстояло избрать на должность. Накануне собрания разрешалось проведение сходов (*contiones*), где производилась агитация за или про-

тив предлагаемого решения. Повестка дня, объявленная заранее, на самом собрании изменена быть не могла. Дискуссия на собраниях не производилась, вносить поправки в предложенный законопроект не разрешалось. После оглашения законопроекта и необходимой мотивировки предлагаемого решения сразу осуществлялось открытое голосование (по принципу «да — нет»). В период поздней республики (по закону Габиния 139 г. до н. э.) было введено тайное голосование с использованием табличек, на которых имелись надписи, выражающие согласие или несогласие. Каждый участник собрания имел один голос. Подсчитывались голоса отдельных подразделений (центурий, триб, курий), внутри которых решения принимались большинством их членов. Если за предложение высказывалось более половины всех подразделений, голосование прекращалось досрочно. Решения собрания оформлялись соответствующими записями. Подлинники этих документов хранились в государственном архиве. Тексты принятых законов вырезались на деревянных или металлических досках и выставлялись на всеобщее обозрение. Законы получали имена тех государственных деятелей, по инициативе которых они были приняты.

В отличие от Афин, римские народные собрания (комиции) были представлены не одним универсальным видом, а тремя параллельно действовавшими вариантами. *Центуриатные* комиции, ведущие свое начало с реформы Сервия Туллия, в республиканский период считались наиболее важными (а потому именовались «высшими комициями»); их компетенция не была формально ограничена. Количество центурий, первоначально равное 193, к концу III в. до н. э. увеличилось почти вдвое — до 373 (каждый из пяти разрядов граждан стал выставлять равное количество центурий — по 70). Как уже указывалось выше, центуриатные комиции по своему генетическому происхождению были собранием войска; в момент своего становления политическая организация базировалась на военной и совпадала с ней. Позднее эта связь была постепенно утрачена: военная организация стала базироваться на иных основаниях, а центуриатные комиции приобрели исключительно политический характер, стали подлинно государственными органами. Местом проведения собраний было Марсово поле, за городской стеной; для охраны собрания выставлялся особый гарнизон. На центуриатных комициях принимались новые законы, избирались высшие должностные лица (консулы, преторы, цензоры),

решались вопросы войны, мира и заключения международных договоров, осуществлялся суд по наиболее тяжким уголовным преступлениям (за которые, в частности, полагалась смертная казнь или телесное наказание), предоставлялось римское гражданство. *Трибунные* комиции, возникшие после 449 г. до н. э. и проводившиеся по территориальным округам (число последних к 241 г. до н. э. достигло максимальной цифры 35), вели свое происхождение от плебейских сходок. Они отличались большей демократичностью по сравнению с центуриатными комициями, но первоначально считались собраниями более низкого разряда (так, они обладали правом избрания только низших должностных лиц и могли решать лишь те уголовные дела, наказания по которым были связаны с денежными штрафами). По закону Валерия и Горация 449 г. до н. э. постановления трибунных комиции утверждались сенатом. После принятия закона Гортензия 287 г. до н. э. роль трибунных комиции значительно возросла: их постановления стали общеобязательными для всех граждан, а не только для плебеев. *Куриатные комиции*, являвшиеся в свое время древнейшими собраниями римского народа, после реформы Сервия Туллия утратили свое универсальное значение и зачастую сводились к мероприятиям лишь формального характера. Так, магистрат, избранный в другом собрании, должен был затем получить поддержку в куриатных комициях и пройти обряд вступления в должность; кроме того, здесь принимались акты частно-правового характера, касающиеся вопросов брака, усыновлений, завещаний, споров о наследстве. Снижение роли куриатных комиции в конце концов привело к тому, что они постепенно были заменены собраниями 30 представителей (в лице *ликторов*) — по одному от каждой курии — и трех жрецов-авгуров во главе с верховным понтификом.

Следует признать, что римские комиции не были наделены той полнотой государственной власти, которой обладали народные собрания в Афинах. Важным является и то обстоятельство, что рядовой гражданин Рима не обладал правом законодательной инициативы. Кроме того, реальный политический вес комиции с течением времени неуклонно падал. Согласно древним установлениям, сенат должен был подчиняться решениям центуриатных комиции. Однако на практике соотношение сил между этими органами было обратным. Обвинив комиции в нарушении фор-

мальностей, сенат мог признать их постановления недействительными. Находясь под этой постоянной угрозой, комиции предпочитали не конфликтовать с сенатом и обычно следовали его предначертаниям. Только судебные решения народных собраний были для сената неприкосновенными.

Сенат был высшим постоянно действующим органом власти и в значительной степени — органом непосредственного управления. Важное значение сената отражалось в известной формуле государственного устройства; «Сенат и народ римский» (*Senatus Populusque Romanus*, сокращенно *S.P.Q.R.*) — этой формулой открывались важнейшие государственные документы. Численность сената традиционно определялась в 300 чел. (по числу изначальных римских родов), хотя при Сулле она доходила до 600, а при Цезаре — до 900 чел. Сенаторы избирались особыми должностными лицами (вначале консулами, затем цензорами) из числа граждан, обладавших благородством происхождения и высоким имущественным цензом, а также занимавших ранее какую-либо высшую государственную должность. По мере развертывания борьбы плебеев за уравнивание в правах с патрициями представители плебейского сословия стали постепенно проникать в состав сената; первое достоверное упоминание сенатора-плебея относится к 400 г. до н. э. Закон Овиния 312 г. до н. э. уравнил в правах представителей патрицианского и плебейского сословий в сенате. Эта норма имела принципиально важное значение: она знаменовала превращение сената из оплота патрицианской аристократии в орган, выражающий интересы объединенной патрицианско-плебейской знати (нобилитета). По этому же закону право формирования сената переходило из рук консулов в руки цензоров. Вследствие этого сенат стал формироваться не на один год, как это было раньше (в соответствии со сроками консульских полномочий), а на целое пятилетие. Составляя список сенаторов, цензор вносил туда прежде всего тех лиц, которые ранее занимали магистратские должности, т. е. в свое время получили доверие со стороны комиций. Место того или иного сенатора в общем списке определялось рангом той должности, которую он занимал до избрания в сенат. В соответствии с этим сенаторы оказывались распределенными по соответствующим реестрам — консульский, преторский, цензорский и т. д., — от этого зависела очередность их выступлений в

сенате. Сенатор, стоявший во главе общего списка, именовался «первым сенатором» (*princeps senates*; об эволюции этой должности в послереспубликанский период см. подробно далее). Можно предполагать, что в составе сената были лица, обладавшие лишь совещательным голосом: они могли участвовать в прениях, но в голосовании участия не принимали. Каждые пять лет списки сенаторов пересматривались, но лишь в крайне редких случаях прежние сенаторы оказывались исключенными из новых списков. Таким образом, должность сенатора являлась фактически пожизненной.

Право созывать заседания сената и председательствовать на них имели высшие должностные лица республики — консулы или преторы, а впоследствии (с IV в. до н. э.) народные трибуны. Дни заседаний сената не могли совпадать с комициями. Местом заседания обыкновенно служили храмы. Заседания обычно происходили при открытых дверях, но могли проводиться и закрытые заседания. В зале заседаний сенаторы размещались на специальных скамьях; высшие магистраты занимали свои особые кресла. Председательствующий занимал возвышенное место. После соответствующего доклада (причем доклады по религиозным вопросам предшествовали всем остальным) могло быть проведено его обсуждение. Сенаторы высказывали свои мнения в порядке той очередности, в которой их имена располагались в общем сенаторском списке; регламента для выступления сенатора не существовало. Если мнения разделялись, производилось голосование путем перехода согласных на одну сторону зала заседаний, несогласных — на другую. Принималось то решение, за которое высказалось большинство участников заседания и которое было одобрено председательствующим. Протокол заседания сената первоначально велся должностным лицом, внесшим предложение; впоследствии акты сената оформлялись особыми секретарями, работавшими под надзором редакционной комиссии из числа сенаторов. Документы сената первоначально хранились в храме Цереры, а впоследствии — в государственном архиве при храме Сатурна.

Сенаторы имели внешние знаки отличия (гладкий золотой перстень с печаткой, носимый на правой руке; высокую кожаную обувь, прикрепляемую к ноге черными ремнями и украшенную серебряным полумесяцем; белую тунику с широкой

пурпурной вертикальной полосой спереди). В цирке и театре сенаторы занимали особые почетные места, располагаясь впереди всех других сословий. Личность и жилище сенатора находились под охраной. Вместе с тем, должность сенатора налагала и ряд ограничений. Так, по закону Клавдия 218 г. до н. э. ограничивались возможности сенаторов заниматься торгово-финансовой и предпринимательской деятельностью. Кроме того, им воспрещалось выезжать за пределы Рима без специального разрешения. Имущественные споры сенаторов также могли рассматривать только столичные учреждения.

Компетенция сената была очень широкой. Все законопроекты, выносимые на рассмотрение народных собраний, надлежало заранее обсудить в сенате. Кандидаты, выдвигаемые на высшие должности, проходили предварительное утверждение в сенате. Когда в стране складывалась чрезвычайная ситуация, сенат мог установить временную военную диктатуру (см. об этом ниже).

Помимо указанных полномочий в области законодательства и в избрании должностных лиц, сенат располагал компетенцией в области *административной* (управление провинциями, надзор за полицией, меры в области общественной безопасности), *судебной* (назначение судебных коллегий, дача указаний о расследовании дел об измене, заговоре, злонамеренном убийстве), *финансовой* (составление государственного бюджета и контроль за его исполнением, распределение денежных сумм между отдельными магистратами, установление размеров налогов и контрибуций, распоряжение казной, чеканка монеты), *внешнеполитической* (руководство дипломатической службой, заключение международных договоров), *военной* (решение вопроса о наборе и роспуске армии, установление призывного контингента, распределение командного состава по армиям и провинциям), *религиозной* (назначение празднеств и общественных молебствий, постройка храмов, санкция культа новых богов) и др.

Формально сенат не был законодательным органом (таким являлись народные собрания), и его решения, направленные на толкование законов с точки зрения их соответствия интересам Рима, именовались *сенатус-консулами* (т. е. советами, рекомендациями сената). Фактически же эти решения играли роль нормативных актов, а сам сенат, будучи единственным постоян-

но действующим конституционным учреждением, с точки зрения его консервативного состава, порядка формирования, принципов функционирования, политической ориентации стал всевластным органом, стержнем всей государственной системы, оплотом политической мощи аристократии.

Обобщающим термином *магистратура* обозначалась вся совокупность высших должностных лиц республики, ее магистратов. Исторические истоки магистратуры восходят к двум первым консулам, избранным после изгнания последнего рекса. На этих двух избранников прежняя царская власть была перенесена в полном объеме, вследствие чего этим первым магистратам был автоматически делегирован ореол «государственного величества». По мере того, как с течением времени количество магистратов непрерывно увеличивалось, происходило перераспределение изначального объема государственной власти между возрастающим числом должностных лиц. Однако до самого конца республиканского периода в глазах общественного мнения эти лица продолжали оставаться носителями высшей государственной власти. По справедливому замечанию Р. Иеринга, народ видел в лице соответствующего магистрата не своего слугу (*minister*), а своего руководителя (*magister*). После вступления в должность магистрат получал право осуществлять свои функциональные обязанности по своему свободному усмотрению, — в тех, однако, пределах, которые очерчены законом. В соответствии с этим общим подходом отправление магистратской должности рассматривалось не как обычная служба, компенсируемая материальным вознаграждением, а как почетная обязанность (*honor*), приобретаемая выборным путем и исполняемая безвозмездно. Малейшее посягательство на честь и достоинство должностных лиц (не говоря уже о покушениях на их здоровье и жизнь) квалифицировалось как тягчайшее государственное преступление.

В период ранней республики на любую магистратскую должность мог претендовать всякий полноправный и добродетельный гражданин Рима, располагавший достаточными материальными средствами для безвозмездного исполнения своих функциональных обязанностей. Однако во второй половине республиканского периода стала постепенно складываться система существенных ограничений в реализации гражданами своего

пассивного избирательного права. Все нормы, изданные на этот счет, были систематизированы в законе Виллия 180 г. до н. э., основные положения которого состояли в следующем. Во-первых, была установлена строгая иерархия магистратских должностей: квестор, эдил, претор, консул; при этом занятие вышестоящей должности было невозможно без прохождения предыдущей. Во-вторых, существенным нововведением было определение минимального возраста для занятия низшей магистратуры: кандидат, претендующий на должность квестора, должен был предварительно отбыть воинскую повинность, продолжительность которой была установлена в 10 лет (поскольку служба в армии начиналась с 17 лет, квестором можно было стать лишь по достижении 27-летнего возраста). Наконец, законом Виллия был предписан обязательный двухлетний промежуток между сложением с себя одной должности и избранием на другую.

К концу республиканского периода обязательное прохождение военной службы перестало играть роль основополагающего критерия будущей политической карьеры. Это произошло вследствие существенного видоизменения порядка комплектования вооруженных сил: к началу I в. до н. э. армия стала строиться на кадровой, профессиональной основе, к армейской службе стал привлекаться довольно ограниченный социальный контингент, так что отбывание воинской повинности всеми без исключения римскими гражданами перестало быть актуальным. Закон Корнелия Суллы о магистратах, принятый в 81 г. до н. э., определял уже не опосредованные, а конкретные возрастные критерии для занятия государственных должностей: для квестуры 30 лет, для претуры 40 лет, для консулата 42 года. Кроме того, этот закон устанавливал обязательный 10-летний перерыв между переизбранием на одну и ту же магистратскую должность. Совмещение магистратур запрещалось.

Лицо, претендующее на занятие той или иной должности, должно было лично выдвинуть свою кандидатуру. Оно заявляло об этом магистрату, которому предстояло председательствовать в народном собрании, где эта должность будет избираться. Имя претендента на должность выставлялось на форуме на всеобщее обозрение. В дни, предшествовавшие собранию, претендент имел право на проведение предвыборной агитации (*ambitus*): облачив-

шись в тогу ослепительной белизны (*toga Candida*, отсюда общеизвестный термин «кандидат»), он в сопровождении друзей и клиентов появлялся в общественных местах, стремясь своими речами завоевать благосклонность избирателей. Вполне вероятно, что в ходе подобной агитации могли допускаться и злоупотребления (например, подкупы), — по крайней мере, существовал ряд специальных законов, запрещающих недобросовестные методы предвыборной борьбы (санкцией за такие нарушения являлось 10-летнее изгнание). Никаким специальным испытаниям кандидат не подвергался. Выборы магистратов осуществлялись на соответствующих комициях, но после избрания магистрат от комиций никак не зависел. Следовательно, по отношению к народу, который с точки зрения теории рассматривался носителем государственного суверенитета, магистрат в течение своего должностного года сохранял полную самостоятельность и независимость. Вступление в должность и сдача ее сопровождались соответствующими присягами и клятвами. Магистраты имели внешние знаки отличия (особую одежду, специальные кресла, почетные места на общественных празднествах). После истечения срока полномочий магистраты получали место в сенате и право на пожизненное ношение почетной одежды.

Главными принципами, на которых строилась система магистратур, являлись: выборность (в комициях), краткосрочность (как правило, один год; исключения касались лишь цензоров), недопустимость совмещения должностей, коллегиальность (с правом вето каждого члена коллегии, вплоть до возможности наложить вето на решение своего коллеги по магистратуре), безвозмездность (отсутствие оплаты должностей), последующая ответственность (за свои служебные действия магистрат — кроме диктаторов, цензоров и народных трибунов — отвечал после сдачи полномочий перед народным собранием; последнее могло привлечь его к уголовной ответственности за злоупотребления, допущенные при отправлении должности). В отличие от Афин, в Риме действовал принцип иерархии: вышестоящий магистрат обладал правом отмены решений нижестоящего магистрата (т. н. право *интерцессии* — *jus intercessionis*). Право интерцессии служило цели взаимного контроля различных государственных служб; кроме того, оно могло выступить в качестве мощного сдерживающего фактора на пути абсолютистских устремлений отдельных магистратов.

Система магистратур находилась под фактическим контролем сената: именно сенат определял реальный объем полномочий того или иного магистрата, оказывал ему финансовую поддержку, обеспечивал его продвижение по службе и т. д.

С точки зрения условий своего функционирования магистраты подразделялись на *постоянные* (ординарные) и *чрезвычайные* (экстраординарные). По объему полномочий магистраты могли быть *высшими* и *низшими*. Как правило, высший магистрат обладал совокупностью прав, обозначаемых термином *чтрепит*», куда входила высшая военная власть, право заключать перемирие с неприятелем, созывать сенат и народные собрания, издавать общеадминистративные распоряжения и принуждать к их исполнению, судить и выносить приговоры (вплоть до смертной казни). Внешним знаком империума была секира, воткнутая в дикторский пучок прутьев. Примерами *высших ординарных магистратов*, обладавших империумом, могут служить консулы и преторы.

Консулы — высшие должностные лица республики, избиравшиеся по два человека сроком на 1 год. Государственные акты обозначались их именами и датировались годом их консульства (при этом первенство имени определялось жребием). Первые консулы, избранные в 509 г. до н. э. после изгнания последнего царя, были наделены всем объемом бывших царских полномочий, за исключением лишь жреческих обязанностей. Позднее, с возрастанием роли народных собраний и сената, с передачей часть функций государственного управления другим, вновь создаваемым магистратурам, власть консулов ограничивалась и их роль ослаблялась. Но и с учетом указанных изъятий консулы на протяжении всего республиканского периода сохраняли за собою большой объем прав и полномочий, сосредоточенных в двух основных сферах — военной и гражданской. В *военной сфере* они осуществляли набор армии и назначение командного состава, направляли деятельность органов военной юстиции, возглавляли хозяйственную и интендантскую службы армии, предводительствовали войсками на поле боя. Как носители *гражданской власти*, консулы созывали сенат и народные собрания, председательствовали на них, вынося на их обсуждение соответствующие законопроекты. На них же лежала обязанность проведения в жизнь решений сената и народных

собраний, а также обеспечение мер общественной безопасности. Велика была роль консулов в избрании должностных лиц. По отношению ко всем остальным ординарным магистратам консулы обладали правом вмешательства (*интерцессии*), принимавшей форму запрета (вето), но непосредственно руководить деятельностью других магистратов консулы не могли.

После отмены старого решения новое решение должно было приниматься тем же магистратом. Свои обязанности консулы выполняли поочередно (в черте города чаще всего помесечно, причем первым начинал исполнение обязанностей старший по возрасту). Во время войны один из консулов обычно отправлялся в поход, а другой оставался в городе; в случае, если они оба выезжали к войску, каждый из них командовал половиной армии. Когда война велась на несколько фронтов, консулы делили армию по регионам, где каждый действовал самостоятельно. Если консул отправлялся с войском в очень удаленный регион, а годичный срок его полномочий заканчивался, сенат мог оставить его в данном регионе вместе с войском, присвоив ему ранг проконсула. Во время военного похода власть консула не имела ограничений: каждый солдат приносил консулу личную присягу, и нарушение этой присяги влекло за собою самую жестокую кару. Смертный приговор, вынесенный консулом за пределами города Рима, обжалованию не подлежал; приговор, вынесенный в черте города, мог быть обжалован в центуриатных комициях. Если рассматривать консульство в плане общей исторической перспективы, то главная тенденция его исторической эволюции состояла в постепенном ограничении в пользу других магистратур.

Преторы первоначально являлись ближайшими помощниками и заместителями консулов в осуществлении правоохранительной и судебной функций; впоследствии претора превратилась в самостоятельную и чрезвычайно ответственную сферу государственной деятельности, связанную преимущественно с отправлением правосудия. Главной причиной учреждения должности претора было то обстоятельство, что консулы, являвшиеся в первую очередь военачальниками, были вынуждены проводить большую часть своего служебного времени за пределами столицы. Между тем, их постоянное отсутствие негативно сказывалось на общем состоянии правопорядка в Риме. Поэто-

му в 366 г. до н. э. судебные полномочия были изъяты из рук консулов и вручены особому магистрату, каковым и стал претор, рассматривавшийся на первых порах в качестве «младшего коллеги» консулов. С течением времени объем судебных дел, находящихся в ведении претора, неуклонно возрастал. Постоянно увеличивался и приток в Рим чужеземцев (перегринов), возрастала их роль в гражданском обороте. Поэтому с 242 г. до н. э. стали ежегодно избираться по два претора, первый из которых (*praetor urbanus*) ведал судебными делами римских граждан, а другой (*praetor peregrinus*) рассматривал тяжбы чужеземцев между собою или их споры с римскими гражданами. Несколько позднее были учреждены 4 претуры для управления Сицилией, Сардинией и двумя областями в Испании. С дальнейшим ростом числа провинций, управляемых преторами, и с учреждением в середине II в. до н. э. постоянных уголовных судов, работавших под председательством, преторов, коллегия преторов имела тенденцию к постоянному росту своей численности, достигнув, наконец, при Цезаре максимальной цифры 16 человек. Распределение обязанностей между преторами осуществлялось путем жребия. Вступая в должность, каждый претор оглашал свой эдикт, где формулировал основные принципы, которыми он обязывался руководствоваться в своей дальнейшей деятельности. Эти преторские эдикты, не отменяя действие старых законов, могли формулировать новые нормы гражданского права (подробнее см. об этом ниже).

Другие римские магистраты, не наделенные империумом, обладали правами, совокупность которых обозначалась термином «*potestas*». Эти магистраты могли издавать распоряжения и налагать штрафы за их неисполнение. Примерами ординарных магистратов потестарного типа являлись:

Цензоры — два должностных лица, избираемых каждое пятилетие на срок не более 18 месяцев (затем их полномочия переходили к другим магистратам). Цензоры действовали только вдвоем; если один выбывал, другой сразу же складывал свои полномочия. Главная функция цензоров — производство всеобщей переписи (*census*) и дальнейшее распределение граждан по трибам и центуриям; целью такой переписи являлось установление гражданских (в том числе податных) обязанностей различных категорий римского населения. Определение ценза

осуществлялось при личном участии главы семьи и под присягой. Уклонение от явки на перепись строго наказывалось (вплоть до смертной казни). В связи с общей переписью цензоры осуществляли и пересмотр списка сенаторов (согласно закону Овиния 312 г. до н. э.). Из этих основополагающих функций со временем развивалась и укрепилась еще одна немаловажная функция цензоров — надзор за общественной нравственностью. Следя за поведением граждан в общественной и семейной жизни, цензоры могли выносить порицания за недостойные поступки (клятвопреступление, непочтение к родителям, дурное воспитание детей) и под этим предлогом переводить граждан в более низкие разряды, а опороченных сенаторов не включать в новые списки на следующее пятилетие. Определенными полномочиями обладали цензоры и в финансово-бюджетной сфере (распределение подрядов на общественные работы, главным образом по сооружению дорог и водопроводов; сдача в аренду государственных земель; отдача на откуп налогов и т. д.). Должность цензора, впервые учрежденная в 443 г. до н. э., первоначально стояла ниже консульства и претуры, поскольку она не была сопряжена с наличием империиума. Однако с самого начала эта должность имела специфическое отличие от всех других ординарных магистратур: она ни допускала права интерцессии никакого государственного органа и ни одного, даже высшего магистрата, так что в решения цензора мог вмешаться только его коллега. Поэтому с течением времени, вследствие своей важной политической роли и высокой нравственной значимости, а самое главное, в силу фактической безапелляционности своих действий, эта магистратура приобрела значение высшей государственной должности: на нее смотрели как на вершину служебной карьеры.

Квесторы первоначально являлись общими помощниками консулов по осуществлению уголовного судопроизводства, занимаясь, в частности, вопросами предварительного следствия. Когда во второй половине республики уголовный суд окончательно перешел в руки народных собраний, уголовная юрисдикция квесторов фактически сошла на нет, и их функции сосредоточились целиком и полностью в сфере государственного казначейства. В зависимости от места своей деятельности различались три основные группы квесторов: *городские* (заведовавшие государственным казначейством и государственным архи-

вом), *провинциальные* (прикомандированные к военачальникам и ведавшие финансовым управлением армий, выдачей жалования, распределением военной добычи) и *италийские* (отвечавшие за своевременное поступление в римскую казну сборов и налогов, которыми облагалось население провинций, а также за правильным выставлением в римскую армию союзнических военных контингентов). С ростом числа провинций количество квесторов постоянно возрастало — при Цезаре оно достигло 40 человек. Свои обязанности они распределяли между собою по жребию. Квестура рассматривалась как первая ступень политической карьеры, открывавшая перспективу дальнейшего занятия более высоких должностей.

Эдилы — двухчленная магистратура, ведавшая делами по преимуществу полицейскими в пределах самого города Рима и на расстоянии одной мили вокруг городских стен. В частности, они осуществляли наблюдение за сохранностью, чистотой и противопожарным состоянием городских построек, улиц и площадей, за соблюдением мер общественного порядка и спокойствия, за бесперебойным снабжением города продовольствием, за соблюдением правил рыночной торговли, в том числе за правильностью мер и весов. Кроме того: в обязанности эдилов входила организация общественных празднеств и игр. Занятие указанной должности было сопряжено с большими финансовыми расходами, в том числе и из собственных средств. Поэтому на должность эдилов могли претендовать только весьма зажиточные люди. С другой стороны, находясь в повседневном и наиболее плотном контакте с городскими массами, эдилы располагали большими возможностями, чем другие магистраты, для завоевания известности и популярности среди этих масс.

Особое место в системе ординарных магистратур занимали *народные трибуны*, избираемые только из плебеев, в количестве сначала 2, потом 5, а затем 10 чел. Учрежденная в 494 г. до н. э., эта должность была предназначена для защиты плебеев от патрицианского произвола. Собственной позитивной сферы деятельности народный трибун не имел, но в процессе оказания помощи обратившемуся к нему плебею (а впоследствии любому гражданину вообще) он обладал правом протеста на распоряжения всех магистратов (кроме диктатора и цензора), а также на постановления сената и решения народных собраний. Этот протест, впрочем,

ограничивался только временем пребывания данного трибуна в должности и не распространялся автоматически на период деятельности его преемников. Народный трибун мог также арестовать любого римского гражданина и подвергнуть его публичному допросу, наложить на него денежный штраф, а в исключительных случаях — даже приговорить к смертной казни (сбрасывание с Тарпейской скалы). Кроме того, народный трибун имел право созывать плебейские собрания и председательствовать на них, добиваясь принятия своих предложений. Властные полномочия трибуна действовали только в черте города, не распространяясь далее одной мили за черту городских стен. Личность народного трибуна являлась неприкосновенной: всякий, кто посягал на его жизнь, подлежал смертной казни. Народный трибун не нес ответственности за свои действия; отменить его решение могло лишь единогласное постановление остальных народных трибунов. Чтобы быть всегда доступным для каждого, кто желал к нему обратиться, народный трибун не имел права покидать пределы Рима, а дверь его дома была открыта днем и ночью. Не входя официально в систему государственных магистратур и не обладая империумом, народный трибуна (особенно после закона Гортензия 287 г. до н. э.) оказывал не меньшее влияние на законодательство, чем консулат и претора. В период поздней республики власть народных трибунов пошла на убыль. Сулла пытался возродить прерогативы народного трибуна, но эта цель не была достигнута. В период принципата трибунские полномочия и атрибуты (в частности, принцип неприкосновенности) стали важнейшей составной частью императорской власти.

Остальные, более мелкие ординарные магистратуры, распределенные по пяти коллегиям, носили общее наименование «двадцать шесть мужей» (по общему числу их членов). Из них трое занимались расследованиями на месте преступлений и приведением в исполнение смертных приговоров, трое **других** контролировали чеканку монеты, шесть человек следили за содержанием улиц и дорог внутри города и за его пределами, четверо посылались за пределы государства в качестве наместников, десять остальных составляли коллегия для разбора некоторых гражданских дел.

Самым показательным примером *экстраординарной магистратуры* может служить *диктатор*. Он являлся высшим долж-

ностным лицом, облеченным неограниченной законодательной, исполнительной, судебной и военной властью (*summum imperium*). Диктатор назначался с согласия сената на срок не более 6 месяцев в условиях наивысшей опасности для государства — внутренней или внешней. Цель назначения была строго определенной: либо для ведения войны, либо для подавления мятежа. Как только эта цель оказывалась достигнутой, диктатор немедленно слагал свои полномочия. При назначении диктатора прекращалась деятельность ординарных магистратур — все остальные должностные лица теряли свою самостоятельность, ставились в подчинение диктатору и действовали по его указанию (исключение составляли лишь народные трибуны, но и последние теряли право интерцессии по отношению к действиям диктатора). Немедленно по вступлении в должность диктатор избирал себе помощника — начальника конницы (*magister equitum*), который в случае необходимости мог его заменить. Диктатура конституционного типа возникла в IV в. до н. э.; последняя из них датируется 202 г. до н. э. Позднейшие диктатуры I в. до н. э. (Суллы, Цезаря) уже имели качественно иной характер и знаменовали переход к монархии. В 44 г. до н. э., после гибели Цезаря, диктатура была исключена из перечня магистратур.

При каждом магистрате состоял его личный совет (*consilium*), который, впрочем, не имел никакого официального значения. Кроме того, все должностные лица имели в своем распоряжении положенное им по штату определенное число низших служащих (*apparitores*), расходы по содержанию которых несла государственная казна; когда происходила смена магистрата, весь этот штат переходил в распоряжение нового руководителя. Главную роль среди низших служащих играли *ликторы*, выполнявшие функции охраны и почетного сопровождения. Вооруженные фасциями (пучками прутьев, перевязанными ремнями, с воткнутыми в них секирами), ликторы в общественных местах шли впереди должностного лица, раздвигая толпу и исполняя даваемые им распоряжения (например, по задержанию правонарушителей и наказанию их). Количество ликторов зависело от ранга магистрата: так, претор имел 6 ликторов, консул — 12, диктатор — 24. Кроме ликторов, магистрату придавались посыльные, глашатаи, секретари, делопроизводители, счетоводы и т. д. Для выполнения поруче-

ний, считавшимися унижительными для свободного человека, привлекались государственные рабы.

Управление Италией. По мере развития военной экспансии Рима против италийских общин, расположенных на территории Апеннинского полуострова, стала постепенно складываться довольно пестрая картина самых различных форм и методов управления завоеванными территориями. Сначала эмпирически, а затем вполне сознательно в практику такого управления внедрялся принцип целенаправленного и планомерного разъединения интересов своих противников, — принцип, выраженный впоследствии в знаменитой формуле «разделяй и властвуй» (*divide et impera*). При этом широкое разнообразие форм юридических отношений, устанавливаемых между Римом и италийскими общинами, не оставалось неизменным, — эти формы часто менялись, переходя из одного состояния в другое. Такая гибкая политика делала практически невозможным или, по крайней мере, значительно затрудняла процесс объединения италийских общин в их борьбе против общей опасности, которую для них представлял Рим.

В конце концов из всего меняющегося разнообразия форм римского господства в Италии с наибольшей определенностью выявились следующие основные. В наиболее привилегированное положение были поставлены *общины, непосредственно включенные в состав Римского государства*. Население этих общин получало права римских граждан в полном объеме и приписывалось к соответствующим административно-территориальным округам — уже упоминаемым ранее трибам; именно по этой причине общее количество триб к середине III в. до н. э. возросло почти вдвое по сравнению с исходной цифрой. Вторую группу составляли т. н. *муниципальные общины*. Населявшие их жители обладали полной гражданской правоспособностью, но не наделялись политическими правами (в частности, они не могли быть избранными на римские магистратские должности). Вместе с тем, они могли привлекаться к несению военной службы в составе особых воинских контингентов. Внутренняя автономия муниципальных общин также имела некоторые ограничения, поскольку эти общины управлялись присылаемым из Рима должностным лицом (префектом). К третьей, самой многочисленной группе относились *общины, сохранившие свою фор-*

мальную политическую самостоятельность. Их отношения с Римом оформлялись особым договором международно-правового характера (*foedus*), поэтому сами эти общины именовались союзными или федератскими (*civitates foederatae*). Условия договора, как правило, не касались внутривнутриполитических вопросов, вследствие чего союзные общины обладали внутренней автономией: самостоятельно строили свою систему органов управления, сохраняли собственное гражданство. Но поскольку главным условием союзного договора являлось признание верховной власти Рима, на общины накладывались ограничения в вопросах внешней политики, значительно сковывающие их международную инициативу: они впредь утрачивали право самостоятельно, без согласия Рима заключать мирные или военные соглашения с другими государствами. Федератские общины были обязаны оказывать военную помощь Риму в любых условиях ведения им не только оборонительной, но и наступательной войны; при этом воинские контингенты федератов, разумеется, поступали в полное распоряжение римского военного командования. На мирных жителей этих общин распространялся статус чужеземцев (палатринов), поэтому во время пребывания на собственно римской территории они пользовались защитой соответствующего законодательства и покровительством особого магистрата, о котором упоминалось ранее — палатринского претора. Наконец, четвертую группу составляли те общины, которые потерпели военное поражение в борьбе с Римом и сдались на милость победителя, вследствие чего полностью утрачивали всякую внутреннюю самостоятельность. В этих общинах фактически устанавливался оккупационный режим: жители рассматривались в качестве военнопленных, а потому обращались в рабов; общинные земли включались в государственный земельный фонд и подлежали разделу между римскими гражданами. В дальнейшем такие общины, управляемые присланными из Рима наместниками, были обязаны выплачивать в государственную казну ежегодные сборы и подати в денежном или материальном выражении.

Политика разъединения интересов населения италийских общин успешно применялась римским государственным руководством на протяжении длительного времени. Однако, к на-

чалу I в. до н. э. итальяским общинам удалось объединиться в борьбе против Рима.

Восставшие общины создали свой союз (под наименованием «Италия»), сформировали высший орган власти («Совет пятисот»), начали чеканку собственной монеты. Численность их объединенного войска превысила 200 тыс. чел. Осознав серьезность сложившегося положения, Рим был вынужден пойти на уступки. В 89 г. до н. э. всему свободному населению Италии были предоставлены права римского гражданства. Однако, эти новые граждане приписывались не ко всем 35, а лишь к 8 определенным трибам, — тем самым их социально-политическое влияние в трибутных комициях существенно урезалось.

Таким образом, в результате т. н. «союзнической войны» 90—88 гг. до н. э. вся территория Апеннинского полуострова стала территорией Рима, а все проживающее здесь население было уравнено в своих политических и гражданских правах. Итальянские города получали статус *муниципий*, предусматривавший достаточно широкую автономию в решении местных внутренних проблем, хотя и под некоторым контролирующим влиянием Рима. По закону Юлия Цезаря 45 г. до н. э. во всех муниципиях устанавливалась единообразная система управления, в основу которой были положены традиционные принципы политической организации Рима. Высшим органом муниципии являлось *народное собрание* всех граждан данной общины, построенное на принципах куриального представительства. Оно решало наиболее важные вопросы, затрагивающие интересы всех граждан данной муниципии. Кроме того, в каждом городе существовал муниципальный *сенат* численностью 100 человек с функциями, аналогичными римскому сенату. Существовала и система муниципальных *магистратур*. Ее возглавляли два должностных лица, избираемые ежегодно на муниципальных народных собраниях; компетенция этих лиц сочетала преторские и цензорские функции. Из других муниципальных магистратов имеются упоминания о квесторах и эдилах.

Управление провинциями (так именовались захваченные Римом территории за пределами Италии; к концу республиканского периода их было 12) строилось на совершенно иных принципах. На этих территориях фактически действовал режим военной оккупации: все завоеванные здесь владения считались собственнос-

тью римского народа. Провинциальные земли включались в государственный фонд и подлежали разделу между римскими гражданами. Подавляющее большинство местного населения обращалось в рабство. Те немногие местные жители, которые оставались формально свободным, переводились в статус peregrini. Они уже не являлись юридическими собственниками ранее принадлежавшей им земли, а рассматривались в качестве арендаторов, — за право пользования этой землей они облагались тяжелыми ежегодными налогами и поборами в пользу государства. Участие местного населения в устройстве своих повседневных дел было сведено до минимума — в лучшем случае оно допускалось лишь к раскладке податей между отдельными общинами. Во главе провинции ставился правитель, назначенный римским сенатом из числа лиц, отслуживших ранее в ранге консулов или преторов, и потому носящий теперь наименование *проконсула* или *пропретора*. Этот правитель обладал империумом, т. е. всей полнотой военной, административной, судебной, полицейской и фискальной власти над местным населением, в том числе и над римскими гражданами, проживавшими в данной провинции. Под его командованием находился воинский гарнизон, размещенный в провинции; на содержание его администрации отпускались необходимые финансовые средства. Провинция делилась на округа, которые правитель периодически объезжал, решая на месте все возникающие вопросы. В отдаленные места направлялись доверенные лица правителя, которые действовали от его имени. Оперативное управление провинцией осуществлялось путем издания провинциальных эдиктов. Нормативной базой деятельности правителя являлся особый закон, разработанный специально для данной провинции, с учетом местных особенностей,десятью легатами, назначенными сенатом; в разработке закона обычно принимал участие и военачальник, под командованием которого провинция была завоевана. Срок службы правителя провинции обычно ограничивался одним годом, по истечении которого предусматривался его отчет перед сенатом. Следует, однако, признать, что контроль за деятельностью провинциальных правителей со стороны центральных органов был весьма призрачным. В силу указанного обстоятельства, а также вследствие общего взгляда на провинции как на полную собственность римского народа, управление этими территориями сопровождалось вопиющими зло-

употреблениями и самих правителей, и частных предпринимателей, осуществлявших эксплуатацию местных людских и природных богатств.

К концу рассматриваемого периода республиканские учреждения, сложившиеся как органы управления полисом, окончательно себя исчерпали. Со все большей отчетливостью стали проявляться те негативные черты, которые были изначально свойственны римскому государственному устройству. Народные собрания, основанные на принципе личного и непосредственного представительства, могли более или менее успешно играть роль высших государственных органов, пока Римское государство совпадало с городом Римом. Но когда это государство превратилось в громадную мировую державу, территория которой простиралась от Британских островов до Африки и от Гибралтара до Персидского залива, а все его свободное население получило права римского гражданства, волеизъявление одних только столичных жителей уже не могло адекватно отражать мнение всего населения государства. Идея же политического представительства так и осталась недоступной античному государственно-правовому мышлению.

Не менее уязвимой перед лицом времени оказалась и система римских магистратур. Принцип независимости и самостоятельности в отправлении государственной службы, лежавший в основе этой системы, содержал в себе потенциальную опасность использования государственно-правовых рычагов управления для достижения личных корыстных целей. Принцип краткосрочности магистратской должности постепенно превращался во все более значительный тормоз совершенствования отдельных отраслей управления: ни один стратегически мыслящий реформатор, даже если он обладал максимальной государственной волей и энергией, не был в состоянии реализовать свои новаторские программы за столь короткий срок. Право вмешательства высших магистратов в деятельность низших, равно как и недостаточно четкая разграниченность их компетенции, вносили дополнительные сложности а процесс функционирования отдельных управленческих структур. Не следует упускать из виду и еще одну особенность римской магистратуры: как уже было сказано ранее, от кандидата на должность не требовалось никакой специальной подготовки, так что в течение своей служебной карьеры любой римский гражданин мог пройти путь от квестора и адила до претора и консула, задерживаясь на каждой

из этих ступеней не более года. Между тем, каждая из этих должностей требовала специальной технической подготовки — только при ее наличии общество могло ожидать от должностного лица надлежащего выполнения своих обязанностей. Конечно, когда речь шла об участии в управлении делами небольшой территориальной общины, каковой являлся Рим в ранний период своей истории, система магистратур могла функционировать достаточно эффективно, успешно справляясь с весьма несложными задачами в сфере общественного самоуправления. Однако стремительный территориальный рост Римского государства, его выход сначала за пределы Лациума, а впоследствии и всего Апеннинского полуострова, последующее завоевание обширнейших провинций на территории трех континентов выдвинули перед системой магистратур управленческие задачи такой степени сложности, которые оказались для нее непосильными. Сложный комплекс причин экономического, социального и политического характера настоятельно требовал радикальных изменений во всей системе властных структур. Последнее столетие республиканского периода охарактеризовано многочисленными попытками выйти из создавшегося кризисного положения путем установления диктаторских режимов с чрезвычайными полномочиями — единоличных (Сулла, Цезарь) или коллегиальных (первый и второй триумvirаты). Так называемое «восстановление республики», провозглашенное Октавианом Августом в 27 г. до н. э., отнюдь не означало возвращение к прошлому, — напротив, оно открыло качественно новый период в развитии римской государственности.

Период империи. Как уже говорилось ранее, период империи подразделялся, в свою очередь, на два этапа — принципат (до III в. н. э.) и доминат (IV—V вв. н. э.).

Принципат являлся переходным периодом от республики к абсолютной монархии. На первых порах основные устои государственного строя, свойственные республиканской эпохе, остаются без существенных внешних изменений. Официальная идеология по-прежнему строится на признании идеи народного суверенитета, продолжают созываться народные собрания, функционирует сенат, действует система магистратур. Но под этими внешними формами происходит глубокое внутреннее перерождение государственной системы, так что к концу периода принципата республика окончательно превращается в абсолютную монархию,

и правление императора Диоклетиана (284—305 гг.) открывает этот заключительный период эволюции римской государственности.

Название периода принципата происходит от титула **принцепса**. Как указывалось ранее, в период республики термином «*princeps senatus*» именовался сенатор, чье имя стояло первым в общем списке сенаторов. В рассматриваемый же период так именовалось лицо, стоявшее во главе Римского государства. Эту должность впервые занял Октавиан, власть которого основывалась на соединении магистратур (как известно, в период республики совмещение должностей было строго воспрещено). В 36 г. до н. э. Октавиан был избран пожизненным трибуном, в 31 г. — консулом, в 29 г. — цензором. Всего в течение жизни он избирался цензором 3 раза, консулом — 13 раз, трибуном — 37 раз. В 28 г. ему был присвоен упомянутый титул «*princeps senatus*». а в 27 г. он был облечен высшей властью (*imperium*) и принял имя Августа («Возвышенный», «Священный»). Это имя, ставшее нарицательным, впоследствии присваивалось сенатом всем позднейшим принципсам и императорам (а также их супругам). С формальной точки зрения принцепс являлся только высшим республиканским магистратом, правда, экстраординарным, т. е. наделенным чрезвычайной властью и осуществлявшим свои функции пожизненно (в связи с этим некоторые исследователи именуют время принципата *периодом республиканской империи*). Обладая высшей государственной властью, император-принцепс имел право командовать армиями, объявлять войну и заключать мир, подписывать международные договоры, управлять провинциями, содержать собственную гвардию, осуществлять высший суд, распоряжаться государственным земельным фондом, толковать действующие законы и принимать акты, имеющие силу новых законов. Как цензор, он имел право формировать сенат из своих сторонников; как трибун, он обладал правом вето на постановления сената и решения других магистратур, правом ареста любого гражданина. Кроме того, Октавиан получил звание верховного жреца.

Власть императора-принцепса первоначально не была наследственной, и формально нового принцепса избирал сенат. Но поскольку предшествующий принцепс еще при жизни называл своего преемника (обычно сына — родного или приемно-

го), сенат был заранее связан этим указанием. К тому же большое воздействие на выбор сената оказывала армия, особенно преторианская гвардия, расквартированная в столице. Преемники Октавиана Августа постепенно усиливали позиции императора, прежде всего в сфере законодательства, хотя им первоначально приходилось преодолевать сопротивление республиканских традиций. Наконец, в начале III в. н. э. знаменитым римским юристом Ульпианом была выработана формула: «Что решил принцепс, то имеет силу закона».

Фигура императора как бы замкнула эволюцию государственного строя Рима, представленного его тремя основными периодами: период царей — период республики — период империи. И если система республиканской магистратуры явилась результатом дробления некогда единой власти рекса между представителями отдельных государственных служб, то полномочия принцепса складывались в процессе их обратной концентрации.

С течением времени принцепс стал главой разветвленного бюрократического аппарата, в котором чиновники, рассматривавшиеся как уполномоченные императора, занимали свои должности по его личному назначению. Никакому избранию (а следовательно, и общественному контролю) эти чиновники не подлежали. Чиновники высшего ранга составляли совет (*consilium principis*), который первоначально не имел никакого юридического значения, но со времени императора Адриана (117—138 гг.) приобрел характер официального государственного учреждения. Впрочем, рекомендации консилиума для принцепса вовсе не являлись обязательными. Особо доверенным лицом, стоявшим во главе императорских чиновников, являлся *префект претория* (*praefectus praetorio*) — командующий императорской гвардией. Ему обычно поручались дела, подлежащие личному суду принцепса, — из этой практики постепенно выросла верховная уголовная юрисдикция префекта претория над всей Италией. Среди других высших должностных лиц могут быть названы чиновники, возглавлявшие римскую городскую полицию, отвечавшие за противопожарную безопасность столицы, курирующие поставки продовольствия в Рим, а также другие многочисленные *curatores*, действовавшие в различных ведомствах. Все нити управления сходились в императорский дворец, где функционировала канцелярия, подразделявшаяся на отделы (юридический, финансовый и

др.). Действовал аппарат тайной полиции; система слежки охватывала все сферы общественной и частной жизни граждан.

Кроме чиновничества, вторую прочную опору принцепса составляла армия, организованная на постоянной основе, на принципе найма (срок службы составлял 20—30 лет) и расквартированная в пограничных провинциях. Ее численность достигала 300 тыс. чел. В столице размещалась императорская гвардия. Армия была опорой императора, символом его могущества. Однако она была способна временами стать и самостоятельной силой, и тогда императоры оказывались ее заложниками. Неоднократно случались периоды, когда императоры свержались армией чуть ли не ежегодно.

Содержание административного и военного аппарата принцепса осуществлялось из его собственной казны — фиска (*fiscus*). Поступления в фиск ими за счет налогов, как прямых (провинциальный, подушный и др.), так и косвенных (на наследство, на отпуск рабов и т. д.). За расходование этих средств принцепс ни перед кем не отчитывался. В связи с этим роль общегосударственной казны (*aerarium*), находившейся в ведении сената, резко упала. Были случаи, когда сенат был вынужден брать займы деньги у принцепса. Право чеканки монеты принадлежало как сенату, так и императору.

В положении государственных органов, сохранявшихся в формально неизменном виде со времен республики, происходили, тем не менее, существенные внутренние изменения.

Народные собрания (из всех их видов дольше других существовали трибунные) пришли в упадок, созывались все реже, хотя и сохраняли некоторое формальное значение. Их роль чаще всего ограничивалась лишь утверждением предложений императора или сената. В связи с этим авторитет народных собраний резко снизился, упала их посещаемость. На участников собраний оказывался нажим путем подкупа и угроз. Волеизъявление граждан становилось объектом политических манипуляций, тем более что существенно преобразился сам состав народных собраний: большинство в них стало принадлежать деморализованным маргинальным элементам, вытесненным из своих родных мест и стекавшимся в столицу в надежде на праздность и бесплатные хлебные раздачи. Изменился и порядок голосования: судьба законопроекта определялась не коли-

чеством поданных голосов, а громкостью т. н. аккламаций — ответственных возгласов одобрения предложенных решений. К концу I в. н. э. народные собрания окончательно перестали играть роль законодательных органов: последний из комициальных законов датируется 98 г. Внешнеполитические функции народных собраний перестали исполняться еще в середине I в. до н. э. Выборы магистратов на комициях эпизодически упоминаются до III в. н. э., хотя уже в I в. существовала практика избрания должностных лиц сенатом. Уголовная юрисдикция также была постепенно изъята из ведения народных собраний, — она перешла к принцепсу и сенату.

Сенат сохранял свои формальные полномочия и даже расширил их в законодательной и судебной сферах, поскольку в руки сената перешли все права и функции, принадлежавшие ранее народным собраниям. Поэтому начиная с I в. н. э. решения сената (т. н. сенатус-консульты) получили официальную силу закона. Получив статус единственного законодательного органа, сенат наравне с императором стал носителем государственного суверенитета. С формальной точки зрения сенат стоял даже выше принцепса, ибо последний получал свою власть именно из рук сената. Однако фактическое соотношение этих органов определялось тем, что реальной властью обладал именно принцепс, а сенат низводился на положение органа, лишь утверждавшего его предложения. Были резко ограничены финансовые полномочия сената; практически полностью были утрачены его права в области внешнеполитической и военной. Сохранялись лишь некоторые права сената по контролю над культом, по выбору магистратов, по управлению сенатскими провинциями.

Периоды мирного сосуществования принцепса и сената сменялись периодами ожесточенной конфронтации между ними. Это соперничество двух высших государственных органов являлось отражением объективного конфликта двух исторических государственно-правовых традиций — республиканской и монархической, первую из которых олицетворял сенат, а вторую — принцепс. Потенциальные и реальные преимущества в этой борьбе были явно на стороне принцепса. Поскольку, как уже было указано ранее, в полномочия принцепса входили и трибунские прерогативы, он мог отменять все неудобные ему постановления сената. Обладая цензорскими полномочиями,

принцепсы прибегали к «чисткам» сената, сопровождавшимся физическим уничтожением оппозиции. В целом, если на первых порах между принцепсом и сенатом существовало своеобразное динамическое равновесие (что дает основание некоторым исследователям усматривать в государственном строе раннего принципата элементы двоевластия и характеризовать его термином диархия), то вторая половина периода принципата прошла под знаком прогрессирующего нарастания абсолютистских тенденций в институте императорской власти, что привело в конечном счете к замене диархии монархией. Влияние этих тенденций на сенат было двояким: с одной стороны, шел процесс все более значительного оттеснения сената на задний план, утраты его прерогатив и полномочий в пользу императора; с другой стороны, наблюдалось коренное внутреннее перерождение самого сената, изживания в нем духа и традиций республиканизма, носителем которых он объективно являлся на протяжении многих предшествующих столетий.

Магистратура сохранялась, но магистраты уже были резко ограничены в компетенции и лишены реальной власти. Как уже было отмечено, наиболее значимые магистратские полномочия перешли непосредственно к принцепсу. В связи с этим консулы лишились своей основополагающей прерогативы — функций верховного военного командования; их роль чаще всего ограничивалась председательствованием в сенате. Цензоры утратили право распределения граждан по имущественным разрядам, поскольку такая градация уже потеряла всякую социальную значимость. Комплектование сената, как уже было отмечено ранее, стало делом рук самого принцепса — эта практика получила законодательное оформление в эдикте императора Домициана, согласно которому эти бывшие цензорские полномочия стали неотъемлемой частью императорской власти. Полномочия эдилов были ограничены лишь контролем за рыночной торговлей, полномочия квесторов — некоторыми второстепенными функциями в сфере органов казначейства. Сравнительно больший объем полномочий сохранили в своих руках преторы — они по-прежнему возглавляли систему органов, осуществлявших гражданскую и уголовную юрисдикцию. Однако, несмотря на некоторые исключения, основополагающей тенденцией в общей эволюции системы магистратур являлась тенденция их

деградации и упадка. Само занятие этих формально выборных должностей в подавляющем большинстве случаев могло произойти лишь с соизволения императора. Да и сам факт приобретения магистратской должности еще отнюдь не означал автоматического доступа к реальной власти: от активного участия в управлении магистраты все более и более оттеснялись невыборными чиновниками, назначенными лично императором и только ему подчиненными.

Управление Италией продолжало основываться на принципах муниципального самоуправления. Но и здесь отчетливо проявлялись тенденции, свойственные развитию центрального государственного аппарата. Прекратили свое существование муниципальные народные собрания, — их функции перешли к муниципальным сенатам. Основные магистратские должности продолжали сохраняться, но их компетенция постоянно сужалась за счет расширения прав т. н. *curatores rei publicae* — специальных контролеров, присланных из столицы. Первоначально эти чиновники были призваны блюсти интересы императорской казны, но впоследствии их контролирующие функции были распространены фактически на все сферы муниципального управления.

Произошли изменения и в **управлении провинциями**. Уже при Октавиане Августе появилось их деление на императорские и сенатские. Начиная с 11 г. до н. э. все вновь образуемые провинции являлись только императорскими, вследствие чего первоначальное количество сенатских провинций оставалось неизменным, тогда как количество императорских провинций постоянно возрастало. Императорскими провинциями управляли наместники с титулом легатов (*legati Caesaris pro praetore*), назначаемые принцепсом и ответственные только перед ним. Финансовыми делами в этих провинциях заведовали прокураторы; доходы с императорских провинций не подлежали контролю сената и шли непосредственно в фиск. Во главе сенатских провинций ставились пропреторы или пропреторы, избиравшиеся по жребию из числа сенаторов. Финансовые поступления из сенатских провинций шли в государственную казну, контролируемую сенатом. Императорские провинции превосходили сенатские и по численности, и по богатству. К III в. власть императора распространилась на все провинции, вследствие чего их деление на две категории исчезло. Неза-

висимо от своего официального титула, правитель провинции сосредоточивал в своих руках высшую полицейскую, судебную и финансовую власть. По сравнению с республиканским периодом положение в провинциях характеризовалось большей упорядоченностью. Предпринимались меры по обеспечению общественной безопасности, развитию местного хозяйства, строительству городов и путей сообщения.

Доминат. К началу IV в. государственный строй Рима приобрел форму абсолютной монархии, при которой вся полнота власти оказалась сосредоточенной в руках одного лица, а другие государственные органы (комиции, сенат, магистратура) окончательно утратили какое бы то ни было реальное значение.

Главой Римской империи являлся *император*. Власть императора была пожизненной, но формально не являлась наследственной, поскольку династического характера она не приобрела. Мало того, «магистратское» происхождение должности императора формально сохраняло за сенатом право его смещения. Как «магистрат», император мог и сам добровольно отказаться от власти (в качестве редчайшего примера такого рода можно указать на отречение императора Диоклетиана, проведшего последнее десятилетие своей жизни на положении частного лица). Престол передавался наследнику, на которого еще при своей жизни указывал император (обычно это был его сын, другой близкий родственник либо усыновленный). С целью гарантии перехода власти именно к данному наследнику император заблаговременно провозглашал его своим соправителем, и это обстоятельство превращало процесс избрания сенатом нового императора в пустую формальность. В титулатуру императора входило неофициальное наименование *dominus* (господин) — отсюда и название абсолютистского этапа в периоде империи. Тем самым подчеркивалось, что император уже не является принцепсом, т. е. «первым среди равных», признающим, хотя бы формально, верховный суверенитет народа, — отныне он владыка «Божьей милостью», стоящий выше всякого закона, а бывшие граждане (*cives*) превращаются в его подданных (*subjecti*). Под влиянием восточных традиций особа императора окружалась пышным придворным церемониалом. Внешними знаками его отличия являлся плащ красного цвета, вышитая золотом

красная тога, на голове — лавровый венок, впоследствии золотая диадема. Почетный эскорт императора осуществляли от 12 до 24 ликторов. В его распоряжении была и личная гвардия (*praetoriani milites*). Преступления против императорской особы являлись одними из тяжчайших государственных преступлений, чаще всего каравшихся смертной казнью. Начиная с Юлия Цезаря, большинство императоров после их смерти причислялись к лику богов (лишь немногие наиболее одиозные правители типа Калигулы или Нерона не были удостоены такой чести). Имена императоров упоминались в публичных молитвах, изображения чеканились на монетах, а бюсты и статуи размещались в общественных местах.

Наиболее важные полномочия императора располагались в трех сферах власти: военной, гражданской и религиозной (культурной).

Военная власть (*imperium*) вручалась ему сенатом. Являясь верховным главнокомандующим, император производил набор войска, назначал командный состав, руководил боевыми операциями. Весь состав вооруженных сил (включая как столичные, так и провинциальные контингенты) приносил ему личную присягу. Именно военные прерогативы, являясь важнейшими среди всех других императорских полномочий, наделяли их носителя титулом *imperator*, и этот титул как в формально-символическом, так и в практическом смысле предопределял все остальные. *Гражданская власть* императора определялась сосредоточением в его руках функций важнейших магистратов — консула, цензора, трибуна. Осуществляя указанные функции, император принимал участие в законодательстве, с одной стороны, руководя сенатом и комициями, с другой стороны, обладая правом издания собственных общеобязательных распоряжений (эдиктов, декретов, конституций и т. п.). Весьма активной была его роль в осуществлении правосудия, в выборах магистратов, в управлении провинциями, в определении экономической и бюджетной политики. Власть императора в религиозной сфере определялась его положением верховного жреца (*Pontifex Maximus*) и участием в деятельности всех других важнейших жреческих коллегий. В этом качестве он осуществлял верховный надзор за культом и заведование имуществом всех религиозных конгрегаций.

Установление абсолютной монархии сопровождалось окончательным падением роли **сената**, полным подчинением его императору. Особенно ярко это проявилось после перенесения императором Константином) в 330 г. столицы империи из Рима в Константинополь, когда в этом заново построенном городе был основан новый сенат, который начал функционировать наряду с римским. Возникновение двух параллельно действующих сенатов отнюдь не означало восстановления прерогатив этих старинных государственных учреждений, — напротив, это знаменовало их окончательную капитуляцию перед лицом всемогущего монарха. В целом, этим некогда могущественным корпорациям была уготована судьба быть низведенными на положение обычных городских советов, не имеющих права подниматься до решения дел общегосударственного масштаба — в лучшем случае до их сведения доводилось содержание новых законов, издаваемых императором. Иногда, в соответствии со старой традицией, им поручалось рассмотрение некоторых уголовных дел. Принадлежавшее же сенату юридическое право избрания нового императора, как уже было сказано ранее, обычно сводилось лишь к формальному санкционированию предложенной кандидатуры.

Магистратские должности, хотя и продолжали сохраняться как реликты далекого республиканского прошлого, окончательно перестали играть роль органов государственного управления и выродились в систему почетных титулов и званий, чаще всего совершенно не связанных с исполнением каких-либо конкретных обязанностей.

В центральном управлении, возглавляемом императором, вся реальная власть была сосредоточена в руках чиновничьего аппарата, представлявшего собой сложный бюрократический механизм, централизованный и иерархически организованный. Чиновники получали внешние знаки отличия (определенную форму одежды) и особые привилегии (в частности, право на пенсию). Все должности четко делились на три вида: придворные, гражданские и военные; во всех трех ветвях оформляется строго регламентированная иерархическая лестница, каждой ступени которой соответствует особый титул и определенный размер жалования. Высшие чиновники составляли **государственный совет** при императоре (*consistorium*). По предложению императо-

ра этот совет обсуждал вопросы законодательного, судебного и административного характера. Заседания совета происходили, как правило, тайно; весьма характерно, что члены совета уже не имели права сидеть в присутствии императора. При императорском дворе сложился разветвленный штат придворных чиновников (*dignitates patatinae*), которые фактически образовали аппарат центрального государственного управления, своеобразный кабинет министров. Возглавлялся этот кабинет заведующим императорским дворцом, игравшим роль министра двора. Наибольшим влиянием среди членов кабинета пользовались: начальник личной канцелярии императора, председатель консистория, заведующий императорской казной и др. Далее следовал ряд чиновников, осуществлявших управление обеими столицами — Римом и Константинополем. Во главе каждого из этих городов стоял городской *префект* (*praefectus urbi*), подчиненный лично императору. Префект, являясь градоначальником и городским судьей, был наделен широкими функциями по охране общественного порядка; ему подчинялись полицейские когорты. При Диоклетиане произошла централизация полиции под руководством *начальника канцелярии*. Функции органа государственной безопасности выполняла преторианская гвардия, возглавляемая префектом претория. Особый чиновник (*praefectus annonae*) ведал снабжением Рима продовольствием и фуражом. Все названные чиновники обычно назначались из представителей сенаторской знати, но получали содержание непосредственно из императорской казны.

Идеологической опорой императорской власти стало христианство, провозглашенное в 337 г. государственной религией. Органами церковного управления являлись епископы, избираемые религиозными общинами. Епископы заведовали церковными имуществами, а также обладали некоторой судебной властью над своими прихожанами в делах, связанных с религиозными правонарушениями. С течением времени церковь стала оказывать все более возрастающее воздействие не только на государственное управление, но и на систему права.

Местное управление. К концу III в. стало ясно, что управление громадной империей из единого центра представляет большие сложности и не является достаточно эффективным. С целью укрепления центральной власти император Диоклетиан

в 286 г. провел реформу по разделению империи на две части — Восточную (Onens) и Западную (Occidens); управление одной из этих частей он сохранил за собой, а во вторую назначил своего соправителя Максимиана. По мысли Диоклетиана, такое разделение не должно было означать распада единой империи на два самостоятельных государства: обе половины империи продолжали рассматриваться как две ее неразрывные составные части, причем на каждую из них в полном объеме распространялась единая система законодательства. С юридической точки зрения оба императора являлись как бы равноправными коллегами, каковыми были в эпоху ранней республики два консула, пришедшие в свое время на смену древним рексам. При преемниках Диоклетиана деление империи на две половины в основном продолжало сохраняться, если не считать отдельные кратковременные промежутки, когда единство империи формально восстанавливалось. Основанием Константинополя в качестве второй столицы император Константин I фактически завершил реформу, начатую Диоклетианом. Ход объективных процессов социально-экономического и политического развития неизбежно вел к нарастанию центробежных тенденций, к обособлению двух частей некогда целостной империи. Завершающей датой существования единого Римского государства принято считать 395 г., когда после кратковременного воссоединения его обеих частей, достигнутого при императоре Феодосии I, последовало их полное и окончательное разъединение.

Согласно упомянутой выше административно-территориальной реформе Диоклетиана, каждая из двух половин империи, в свою очередь, подразделялась на две *префектуры*: Восточная — на Восточную (Фракия, Малая Азия и Египет) и Илирийскую (Балканский полуостров); Западная — на Италийскую (Италия и Африка) и Галльскую (Галлия и Испания). Во главе каждой из префектур стоял правитель с титулом *praefectus praetono*. Префектуры делились на *диоцезы*, возглавляемые викариями; всего диоцезов было вначале 12, а впоследствии 15. В состав каждого из диоцезов входило несколько *провинций* (максимально до 16). Провинции, учрежденные при Диоклетиане, уже не совпадали территориально и этнически с прежними историческими регионами, каковыми они являлись в период республики. Отныне они являлись основными базовы-

ми элементами нового административно-территориального деления империи, а их правители, именуемые ректорами, обладали административной и судебной властью в первой инстанции. Своеобразной формой участия провинциалов в общественной жизни являлись т. н. *провинциальные съезды* (*consilia provinciarum*). Они были наделены правом обращения к императору с петициями, где могли быть сформулированы жалобы на злоупотребления правительственных чиновников; впрочем, как свидетельствовала повседневная практика, в большинстве случаев эти жалобы оставались без удовлетворения. Самой низшей единицей административно-территориального деления империи являлись *общины* (*civitates*). Органами самоуправления в общинах являлись местные сенаты и выборные магистраты. Их главная обязанность состояла в контроле за выполнением возложенных на общину государственных повинностей — налоговой, рекрутской и др. Надзор за деятельностью органов общинного самоуправления осуществляли особую правительственные чиновники, наделенные судебными полномочиями.

Империя в двух ее вариантах (принципат и доминат) оказалась той государственной формой, которая на протяжении еще пяти столетий после краха республиканской системы обеспечила политическое господство римской рабовладельческой аристократии. Но и эта форма оказалась исторически преходящей. Свержение в 476 г. последнего императора Западной Римской империи ознаменовало конец более чем тысячелетнего существования Римского государства. Символично, что и первый, и последний правитель Рима по иронии судьбы носил од. но и то же имя — Ромул.

3. ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ РИМСКОГО ПРАВА

В многочисленных исследованиях, посвященных истории римского права, обосновываются различные периоды и этапы его тысячелетнего развития. Наиболее обоснованной (но, разумеется, отнюдь не единственно возможной) представляется следующая периодизация:

- древнейший период (VI—III вв. до н. э.), в течение которого римское право представляет еще архаическую национальную, замкнутую в рамках полиса систему, отличающуюся примитивностью и неразвитостью;

- классический период (III в. до н. э. — III в. н. э.), к концу которого римское право приобретает высшую форму разработанности и совершенства;

- постклассический период (IV—VI вв. н. э.), в течение которого завершается систематизация римского права, воплощенная в «Corpus juris civilis» Юстиниана.

Раннее римское право носило название *квиритского* (jus Quiritium) по наименованию древнейшего племени квиритов. В более позднее время эта правовая система, распространявшаяся исключительно лишь на римских граждан, получила название *гражданского права* (jus civile), чем подчеркивалось ее происхождение из правовых традиций римской общины (civitas). Наибольшее влияние традиции гражданского права оказали на последующее развитие институтов семейного и наследственного права, испытывавших сравнительно слабое воздействие других, более поздних правовых систем. Законодательство классического и постклассического периодов рассматривало jus civile в качестве древнейшего компонента в общей структуре римского права.

Наряду с указанной первой системой постепенно оформилась и другая система — *право преторское* (или гонорарное) — jus pretonum (или jus honorarium). Эта система была вызвана к жизни усложнением социальной структуры римского общества, развитием торгового и предпринимательского оборота. Она отличалась от системы гражданского права большей гибкостью, менее строгим формализмом, лучшей приспособленностью к изменявшимся условиям общественно-политической жизни. Разработка этой системы явилась заслугой судебных магистратов, главным образом преторов (подробнее см. об этом ниже). Во второй четверти I в. н. э. (при императоре Адриане) была осуществлена кодификация преторского права. После этого усилился процесс сближения между собой систем гражданского и преторского права, который через несколько столетий, уже в постклассический период, завершился, наконец, их полным слиянием.

Параллельно с двумя названными системами шло формирование и третьей правовой системы — *право народов* (*jus gentium*). Как уже было отмечено выше, цивильное право распространялось только на римских граждан и потому являлось их привилегией. Однако, во второй половине республиканского периода, когда Рим превратился в мировую державу, становилась все более настоятельной необходимость распространения правовой защиты и на peregrinos, т. е. лиц, не являвшихся римлянами по рождению. В 242 г. до н. э. была создана особая магистратура — peregrinus praetor, который получил право путем издания собственных эдиктов регулировать взаимоотношения римлян с peregrini и peregrinos между собою. Деятельность peregrinus praetor и явилась главным источником формирования системы *jus gentium*, рассматриваемого с самого начала как права универсального, вбирающего в себя и институты национально- римского права, и правовые традиции других народов, вовлеченных в общественно-политическую жизнь Римского государства. В своем законотворчестве peregrinus praetor не был связан нормами цивильного права — он действовал, опираясь на принципы, диктуемые самой природой человека, соображениями общей пользы и справедливости. Отличаясь максимальной гибкостью, динамичностью, право народов стало самым оригинальным, самым современным компонентом в общей структуре римского права, оказав существенное воздействие на другие его части, в том числе и на цивильное право. Изданием в 212 г. н. э. эдикта Каракаллы, согласно которому права римских граждан были распространены на всех жителей империи, была ли ликвидирована потребность в существовании *jus gentium* как особой правовой системы. Однако это уже не угрожало возникновением какой-то лакуны в едином правовом пространстве Рима, поскольку к этому времени все наиболее ценное из материального содержания *jus gentium* было инкорпорировано в собственно римское право.

4. РАЗВИТИЕ ИСТОЧНИКОВ РИМСКОГО ПРАВА

Древнейший период. Самым ранним источником римского права, первоначальной формой его образования и существования являлись «обычаи предков» (*more majorum*), не отделяемые на первых порах от религиозных обрядов и правил нравственности.

Обычаями регулировалась повседневная жизнь общины, порядок ведения хозяйства, взаимоотношения супругов и членов семьи. С возникновением государства обычаи обобщаются в систему норм неписаного обычного права. Складывается представление о различии между велениями властей (*jus*) и велениями богов (*fas*); проявляется прогрессирующая тенденция ослабления религиозного характера права. В исторической традиции имеются также упоминания и о втором источнике права, каковыми являются *законы*, издаваемые римскими царями (*leges regiae*). Так, по свидетельству Дионисия Галикарнасского, греческого историка второй половины I в. до н. э., римский реке Сервий Туллий собрал около 50 законов, изданных как им самим, так и его предшественниками, и вынес их на утверждение народного собрания. О законодательстве первых рек-сов, касающихся, в частности, брачно-семейных отношений, свидетельствует и Плутарх. Мало того, позднейшие римские юристы упоминают и о древнейших систематизациях царских законов. Однако достоверность этих сообщений при нынешнем состоянии наших знаний о ранней римской истории нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Начало республиканского периода было ознаменовано важнейшим событием в истории римского правотворчества: около 450 г. до н. э. был издан первый писанный кодекс, получивший наименование *Законов XII таблиц* (*Leges XII tabularum*). Инициатива кодификации исходила от плебеев, требовавших фиксации действующего права в строгой письменной форме. В этом случае была бы пресечена возможность злоупотреблений, допускаемых патрицианскими магистратами в процессе правоприменения. По преданию, составление кодекса было поручено комиссии из 10 человек, вошедших в историю под наименованием децемвиров, которым была передана вся полнота власти: на 451 г. не было произведено избрание ни одного магистрата, в т. ч. и плебейских трибунов. Законы, разработанные децемвирами, были утверждены народным собранием. Действие этих законов отныне распространялось на всех римских граждан независимо от их происхождения — патрицианского или плебейского: по свидетельству знаменитого римского историка Тита Ливия главным нововведением децемвиров было уравнивание в правах плебеев с патрициями, что имело своим последствием укрепление экономических позиций плебса. Хотя в самом тек-

сте Законов XII таблиц имеются ссылки на греческое право (в частности, на законодательство Солона), его влияние на первый кодекс древнего Рима нельзя признать значительным. Мы имеем здесь дело преимущественно с записью судебных казусов, фиксирующих действие норм национально-римского обычного права, восходящего, в свою очередь, к традициям ранней общины. Вместе с тем, можно отметить и некоторые изменения, осуществленные децемвирами в процессе систематизации древнейшего гражданского права: так, был несколько смягчен ранее существовавший суровый характер исполнения долговых обязательств. Впрочем, эти изменения не могли иметь сколь угодно радикального характера, поскольку сам факт составления кодекса явился результатом социального компромисса. Хотя процесс правоприменения еще не был полностью освобожден от соблюдения ритуальных действий, общий светский характер данного кодекса сомнений не вызывает.

Начертанные на 12 досках-таблицах (отсюда и название кодекса), Законы XII таблиц были выставлены на столичном форуме на всеобщее обозрение, чтобы никто не мог отговариваться их незнанием. Изучение законов входило в школьные программы: еще во времена Цицерона дети разучивали их наизусть. Подлинные 12 таблиц в их натуральном виде до нас не сохранились: по преданию, они погибли в 390 г. до н. э. во время нашествия галлов. Однако их содержание известно по многочисленным отрывкам (свыше 100), которые сохранились в комментариях классических римских юристов либо в виде точных цитат, либо в свободном пересказе. Поэтому ученые нового и новейшего времени, начиная с XVI в., приложили много усилий, чтобы реконструировать канонический текст анализируемых законов с достаточной полнотой и точностью.

Законы XII таблиц получили высокую оценку позднейших римских юристов. Они явились основным источником гражданского права на протяжении трех последующих столетий. При этом дальнейшее развитие права пошло двумя основными путями. Одним из них был путь *интерпретации*, т. е. практического толкования норм, содержащихся в Законах XII таблиц. Исключительным правом на толкование законов (равно как и монополией на юридические знания вообще) вплоть до конца IV в. до н. э. обладали понтифики — члены особой жреческой коллегии, учреждение которой приписывается рексу Нуме Пом-

пилию, царствовавшему на рубеже VIII и VII столетий. Обстоятельства возникновения этой коллегии, равно как и само ее наименование («понтифики» в дословном переводе означает «мостостроители»), остаются неясными. Несомненным, однако, является то, что эта коллегия специализировалась на выработке правил и приемов интерпретации права, фиксации юридических прецедентов. Деятельность понтификов носила сугубо практический характер: они давали юридические консультации магистратам, судьям, участникам процессов. Согласно преданию, около 305 г. до н. э. некий Клавдий Флавий, сын вольноотпущенника, похитил и обнародовал книги исковых формул и комментарии к законам, спрятанные до этого в секретных архивах понтификов. Несколько позднее он предал гласности календарь присутственных и неприсутственных дней в суде, также хранившийся понтификами в глубокой тайне. В благодарность за это народ избрал К. Флавия в магистратуру эдильов (304 г. до н. э.). Даже если это предание не вполне соответствует действительности, обнародование понтификальных записей имело важнейшие последствия: одновременно с ликвидацией юридической монополии жрецов открывались перспективы возникновения светской юриспруденции.

Другим путем развития гражданского права после издания Законов XII таблиц являлась *законотворческая деятельность*. При этом роль закона как источника права в республиканском Риме значительно возросла. Механизм принятия законов предполагал скоординированную деятельность трех государственных органов. Законодательная инициатива проистекала от высшего магистрата, который разрабатывал письменный проект закона. Созванное этим магистратом народное собрание не имело права обсуждать проект, но должно было принять или отвергнуть его целиком. Наконец, прошедший через комиции закон подлежал ратификации со стороны сената. Акты, принятые в соответствии с указанной процедурой, носили наименование *испрошенных законов* (*teges rogatae*). Важнейшие законы выставлялись на форуме, а их копии, согласно закону Лициния Юния, сдавались на хранение в государственный архив. К концу республиканского периода законодательная функция народных собраний постепенно сошла на нет; в последний раз комиции выступили в качестве законодательного органа в конце I в. н. э.

Классический период. Среди важнейших источников римского права в рассматриваемый период должны быть названы *эдикты магистратов*, в частности, эдикты преторов, явившиеся основой охарактеризованной выше системы преторского (или гонорарного) права. Главная причина активизации законодательской деятельности магистратов, особенно ярко проявившейся со II в. до н. э., состояла в том, что нормы гражданского права все более и более отставали от потребностей социально-экономического развития. Процесс ликвидации пробелов в праве путем принятия новых законов народным собранием оказывался весьма долгим и сложным. Гораздо оперативнее эти коллизии можно было разрешить путем вмешательства высшего магистрата — консула или претора. Опираясь на свою практически неограниченную административную власть (*imperium*), консулы и преторы прибегали к изданию приказов (*интердиктов*), которые защищали законные интересы граждан, не урегулированные действующим гражданским правом. Когда предметом внимания высших магистратов становились однообразные или сходные гражданско-правовые отношения, издаваемые по ним *интердикты* приобретали типовой характер. Вследствие этого магистрат получал возможность не только прогнозировать собственные возможные решения, но и заранее оповещать о них граждан. Постепенно сложилась практика, согласно которой при вступлении в должность претор формулировал в своем эдикте основные принципы будущей политики в области судопроизводства, обязательные для него на время службы. Последующий претор, как правило, сохранял главное содержание эдикта своего предшественника, но одновременно вносил в него новые положения, отбрасывая устаревшие. Таким образом постепенно накапливалась обширная совокупность преторских норм, переходящих из эдикта в эдикт. Формирующаяся система преторского права постоянно сталкивалась с системой гражданского права; складывался тот дуализм правовых систем, который являлся характерной чертой римского праворазвития. В условиях этого дуализма открывалась возможность выбора тех юридических решений, которые лучше соответствовали реальным жизненным ситуациям.

В эпоху принципата преторский эдикт продолжал ставиться наравне с нормами гражданского права, однако сами преторы в

условиях возрастающего могущества императорской власти становились все менее самостоятельными в своей законотворческой деятельности. Усилилась тенденция копирования претором эдикта своего предшественника, вследствие чего содержание эдикта практически оставалось неизменным. В 125—138 гг. н. э. комиссия под председательством юриста Сальвия Юлиана обобщила весь накопившийся к тому времени материал деятельности преторов в рамках единого документа, которому было дано наименование «вечного эдикта» (*edictum perpetuum*). Поскольку решением сената этому эдикту придавалась обязательная сила на будущее, а право его дополнения было оставлено лишь за императором, это означало фактическое прекращение дальнейшей преторской деятельности в сфере законотворчества.

В условиях, когда законодательная функция народных собраний пришла в упадок, роль законов стали играть постановления сената, хотя они и сохраняли традиционное наименование *сенатус-консультов*. С I до середины III в. н. э. сенатус-консульты являлись основной формой законодательства. Поскольку сенат не имел законодательной инициативы, его постановления принимались по предложению императора, вносимому в устной или письменной форме. Императорские предложения (*orationes*) не могли быть оставлены сенатом без внимания, но подлежали беспрекословному утверждению. Вследствие этого некоторые позднейшие юристы были склонны считать сами эти императорские *orationes* особым источником права.

Когда к концу III в. сенат практически утратил свою законодательную компетенцию, отчетливо проявилась тенденция к расширению законодательных полномочий императора, рассматриваемых как одно из проявлений его божественной сущности. Акты, издаваемые императорской властью, не имели никаких пространственных ограничений и действовали на всей территории государства. Они носили общее наименование *конституций* и традиционно подразделялись на четыре вида: *эдикты* (общие распоряжения, по форме аналогичные актам прежних республиканских магистратов), *декреты* (решения, вынесенные по поступившим в императорскую канцелярию судебным делам), *рескрипты* (ответы на запросы частных либо должностных лиц по поводу толкования или применения права), *мандаты* (инструкции правителям провинций по вопросам суда и управле-

ния). Если императорский указ даровал привилегии какому-либо лицу или целой корпорации, он носил название *прагматической санкции*.

Юридическая сила указанных разновидностей конституций первоначально была различной. Эдикты и мандаты рассматривались в свете прерогатив императора как одного из высших магистратов; поэтому данные акты включались в сферу норм преторского права и формально теряли силу в случае смерти издавшего их императора. Рескрипты и декреты квалифицировались как акты толкования действующих законов и потому не утрачивали юридическую силу вследствие смены императора. В зависимости от того, нормы какой системы права подвергались в них интерпретации, рескрипты и декреты могли действовать в сфере и преторского, и гражданского права. С течением времени различия в силе императорских конституций сглаживались. Начиная со времени императора Адриана все императорские акты были унифицированы по своей юридической силе, а охватываемая ими сфера правового регулирования стала практически неограниченной.

Специфическим, своеобразным фактором праворазвития во второй половине республиканского периода становится светская юриспруденция. *Деятельность римских юристов*, явившаяся важнейшим источником права, способствовала приданию римской правовой системе той высшей степени совершенства, которую она достигла на классической стадии. Быстрое развитие светской юриспруденции может быть объяснено некоторыми существенными обстоятельствами. С одной стороны, строжайший формализм гражданского права вызывал необходимость появления особой группы его профессиональных комментаторов и интерпретаторов, способных оказать квалифицированную юридическую помощь лицам, вовлеченным в сферу правоотношений. С другой стороны, сами принципы построения и функционирования государственных органов, открывавшие перед каждым гражданином перспективу личного участия в процессе правотворчества, а через систему магистратур — пребывания в роли правоприменителя, объективно способствовали массовому распространению правовых знаний. высокому престижу юридического образования.

Светская юриспруденция ведет свое начало с середины III в. до н. э., когда плебейский понтифик Тиберий Корунканий впервые придал правовым консультациям публичный характер. Деятельность юристов республиканского периода, согласно свидетельству Цицерона, осуществлялась в трех основных формах: выработка наилучших формул для различных юридических актов, ответы на запросы частных лиц относительно неясностей в действующем праве, советы по процессуальному ведению конкретного дела. Результаты своей практической деятельности юристы обобщали в научных исследованиях. Древнейшим из таких трудов является сочинение Секста Элия Пета, состоящее из трех частей, первая из которых включала текст Законов XII таблиц, вторая представляла комментарий к ним, а третья была сборником исковых формул. Из других ранних юристов известны двое, носящие имя Катона, двое с именем Элия, пять человек с именем Муция, — можно предполагать, что занятие юриспруденцией в некоторых семьях становилось семейной традицией. В период принципата круг юристов стал значительно расширяться за счет выходцев из провинций, особенно восточных.

Параллельно развивалась и система юридического образования. Первоначально в ней превалировало практическое обучение, не исключавшее, однако, и дачу необходимых теоретических консультаций. Позднее появились постоянные училища, распространившиеся со временем далеко за пределы Рима. Наибольшей известностью пользовались провинциальные учебные заведения в Берите (нынешний Бейрут), Александрии (в Египте), Цезарее (на территории современного Израиля). Обучение основывалось на специальных пособиях, важнейшими среди которых являлись т. н. *институции*, систематически и в сжатой форме охватывающие основные отрасли римского права. Типичным примером учебника юриспруденции являются Институции Гая (середина II в. н. э.). Указанное сочинение дошло до нас в более или менее полном виде — оно было обнаружено известным немецким историком Б.Г. Нибуром в 1816 г. в библиотеке Веронского собора. Институции Гая представляют собой элементарное изложение основ гражданского права, как гражданского, так и преторского; особую ценность сочинению придают обширные исторические экскурсы. Предложенная Гаем классификация всего правового материала на четыре книги (о

лицах, о вещах, об обязательствах, об исках) получила наименование институционной системы, оказавшей впоследствии сильное влияние на дальнейшее развитие права. Сочинение Гая, неизвестное классическим юристам (ни один из них Институций даже не упоминает), пользовалось чрезвычайным уважением в постклассический период — не случайно именно оно было положено в основу Институций юстиниановского свода.

Постклассический период. На рубеже II и III вв. н. э. классическая юриспруденция достигает кульминационного пункта своего развития, но одновременно проявляются и симптомы ее приближающегося упадка. Установление режима абсолютной монархии ограничивало возможности творческого научного поиска, сужало самостоятельность юристов и в области практической деятельности. Было законодательно ограничено число классических авторов, труды которых продолжали рассматриваться в качестве источников права. В 426 г. н. э. был издан «Закон о цитировании», который признал обязательную юридическую силу сочинений лишь пяти юристов — Папиниана, Павла, Ульпиана, Модестина и Гая. Судьи должны были руководствоваться тем мнением, с которым были согласны большинство из этих авторов. В случае равенства голосов решающим было мнение Папиниана, автора более 50 научных трудов, чей авторитет признавался высшим и непререкаемым; если мнение Папиниана по данному вопросу отсутствовало, судья мог принять решение по своему усмотрению, но, разумеется, в рамках действующего права.

Главные изменения в праве постклассического периода касались не его содержания (оно сохранялось практически неизменным), а его формы. Поскольку в потоке императорского законодательства окончательно стерлись все ранее проявлявшиеся различия между нормами трех традиционных систем права (*jus civile*, *jus praetorium*, *jus gentium*), открылась возможность проведения работ по упорядочению сложившейся единой правовой системы. Особенно успешно такие кодификационные работы осуществлялись в Восточно-Римской империи (Византии). Здесь в конце III — начале IV вв. были составлены два частных сборника. Первый из них, известный под наименованием кодекса Грегориана (295 г.), включал в себя императорские конституции, принятые на протяжении 196—295 гг. Кодекс делил-

ся на 14 книг, которые, в свою очередь, подразделялись на титулы; внутри этих титулов конституции приводились в подлинном тексте и в хронологической последовательности. Указанный кодекс, пользовавшийся официальным признанием и авторитетом на протяжении последующих двух столетий, получил очень широкое распространение. Между 314 и 324 гг. он был дополнен т. н. кодексом Гермогениана в составе одной книги, подразделенной на титулы, куда вошли конституции, изданные в течение тридцатилетия, разделявшего два названных кодекса. В феврале 438 г. был опубликован первый официальный свод императорских конституций — Кодекс Феодосия, изданный по распоряжению этого византийского императора, состоявший из 16 книг. В него были включены акты, принятые после издания кодекса Гермогениана и сохранявшие еще силу во времена Феодосия.

Опыт частных и официальных компиляций III—V вв. был использован при осуществлении всеобъемлющей кодификации, проведенной в VI в. по распоряжению византийского императора Юстиниана (527—565 гг.). Этот император отводил праву важнейшую роль, рассматривая его в качестве одного из устоев безопасности и могущества государства. Задуманная им кодификация была призвана приспособить право к изменяющимся общественным условиям, укрепить порядок в стране, возвысить императорскую власть. Колоссальный труд по составлению Свода был поручен комиссии под председательством видного юриста Трибониана. Главная задача комиссии состояла в том, чтобы объединить два потока правотворчества — законодательную деятельность императоров и труды классических юристов — в единое собрание нормативных актов, пригодных для практического применения. Работа была выполнена в несколько приемов и в сравнительно короткий срок — с 529 по 534 год.

В структурном отношении Свод подразделялся на несколько частей. Центральную, самую обширную и наиболее ценную часть Свода составляют *Дигесты* (или *Пандекты*). Они были подготовлены комиссией в составе 15 человек, куда были включены 4 профессора (Теофил, Кратин, Дорофей и Анатолий), представлявшие Константинопольскую и Беритскую академии, и 11 адвокатов. Комиссия собрала 1570 сочинений 39 классических авторов (живших с I в. до н. э. по IV в. н. э.), сделала извлечения

из их трудов, попутно устранив все разногласия и отбросив анахронизмы, внесла многочисленные изменения (*интерполяции*) в цитируемые тексты, а затем расположила отредактированный материал в определенном систематическом порядке. Всего в Дигестах 7 частей и 50 книг, подразделяемых на 432 титула и 9123 фрагмента с указанием имени каждого юриста и названия его сочинения. Основное внимание в Дигестах обращено на отрасли римского частного права; одному только наследственному праву отведено не менее четверти из общего числа всех имеющихся извлечений. Государственному праву посвящена одна книга Дигест, уголовному и процессуальному — три. В Дигестах освещен и ряд вопросов, относящихся к международному праву (организация дипломатической службы, юридический статус иностранцев, правила ведения войны и др.). Дигесты были опубликованы 16 декабря 533 г. и через две недели введены в действие. Пользование старыми источниками было воспрещено; одновременно воспрещалось и комментирование новых Дигест. За разъяснениями всех возникающих коллизий можно было обращаться только к императору.

Одновременно с работой над Дигестами два профессора права (Теофил и Дорофей) подготовили официальный элементарный курс гражданского права, предназначенный для студентов юридических учебных заведений. Основанный на более раннем классическом учебнике Гая, этот курс имел такое же наименование — *Институции* — и традиционное деление на 4 книги. Первая книга была посвящена характеристике права в целом и правовому положению лиц, проблемам брака, опекуна и попечительства; вторая — вещам и вещному праву; третья — наследованию без завещания, а также обязательствам, вытекающим из договоров; четвертая — деликтам и различным видам исков. В ноябре 533 г. особым указом Юстиниана, адресованным «юношеству, любящему законы», Институции были санкционированы, причем им была придана та же сила, что и остальным частям Свода: на них могли ссылаться судьи при вынесении решения.

Кодекс Юстиниана, подготовленный комиссией в составе 10 человек, вышел первым (не дошедшим до нас) изданием в апреле 529 г. и вторым — в ноябре 534 г. Он состоял из 12 книг, содержащих 4,6 тыс. конституций римских императоров, самая ранняя

из которых (конституция Адриана) датируется 117 г. н. э., а самая поздняя (конституция самого Юстиниана) — 4 ноября 534 г.

I книга Кодекса содержала конституции, касающиеся главным образом норм церковного права, а также юридического статуса различных императорских чиновников. Книги со II по VIII характеризовали проблемы частного права, книга IX — нормы уголовного права, а книги с X по XII содержали различного рода административные установления. Книги делились на титулы, внутри которых конституции располагались в хронологической последовательности. Каждая из этих конституций называла имя издавшего ее императора, имя должностного лица, которому она была адресована, а также дату издания, обозначенную именами избранных на данный год консулов. Конституции публиковались на языке оригинала: подавляющее большинство из них — на латинском языке, меньшая же часть, принадлежащая императорам Византии, — на греческом. После издания Кодекса Юстиниана пользование старыми собраниями (кодексами Грегориана, Гермогениана и Феодосия) было запрещено.

Все названные части юстиниановского Свода были объединены общим замыслом и составляли единое целое, хотя первоначально не имели обобщающего наименования. Лишь в XII в. позднейшие интерпретаторы дали этому Своду название «*Corpus juris civilis*», которое в настоящее время является общеупотребительным. Тогда же в Свод стали включать и четвертую часть — *Новеллы*, т. е. императорские акты, изданные Юстинианом после второй редакции кодекса (534 г.) до конца своей жизни. В большинстве новелл решались проблемы государственного и церковного управления, но некоторые из них регулировали и гражданско-правовые отношения (преимущественно из области семейного и наследственного права). Эти новеллы собирались, систематизировались и издавались при преемниках Юстиниана. Всего известно 3 сборника новелл, отличавшихся друг от друга по объему (в самом малом из них содержится 122 новеллы, в самом большом — 168). Все эти сборники были составлены частными компиляторами и потому не имели официального характера.

В своем полном виде юстиниановский кодекс до нас не дошел, и мы имеем дело с рукописями, содержащими отдель-

ные его части. Самая ранняя рукопись Институций относится к IX в., Дигест — к VI—VII вв., Кодекса — к VIII в. Первые печатные издания Свода, очищенные от глосс (т. е. комментариев средневековых ученых), стали появляться в XV в. Так, немецкий ученый-правовед Грегориус Халоандер (научный псевдоним Грегора Мельтцера) предпринял издание отдельных его частей — Дигест и Институций в 1529 г., Кодекса в 1530 г., Новелл в 1531 г. В 1583 г. французский ученый Дионисий Готофред (научный псевдоним, которым пользовался Дени Годфруа) осуществил первое полное издание Свода, предпослав ему общее наименование *Corpus juris civilis*. Начиная с этого времени Свод стал объектом изучения многих историков-правоведов, осуществивших тщательное очищение его текста от искажений, внесенных позднейшими переписчиками.

В кодификации Юстиниана весь тысячелетний путь развития римской юридической мысли воплотился в завершенной компактной форме. «Теперь римская империя могла погибнуть, — писал немецкий историк права Р. Зомм, — римское право было приведено в такое состояние, что могло пережить создавшее его государство».

5. РИМСКОЕ ПРАВО ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРИОДА (VI—III вв. до н. э.)

Основным памятником права рассматриваемого периода являлись **Законы XII таблиц** — первый систематизированный письменный свод, воплотивший в себе основные отрасли и институты гражданского права. Законы XII таблиц фактически являются сводом кратких общеобязательных правил по регулированию семейных, имущественных, процессуальных, уголовно-правовых отношений. Они несут на себе отпечаток религиозного влияния, а потому следы ритуальности и обрядности. Право было пронизано строжайшим формализмом, предусматривающим использование установленных словесных формул, четко определенных действий — это было важно для запечатления в памяти присутствующих совершаемого акта в условиях неразвитости письменного делопроизводства. Но формализм права имел и более дальний прицел: он способствовал

поддержанию в обществе традиционного правопорядка, служил целям стабилизации сложившегося уклада жизни. Юридическая техника Законов XII таблиц пока еще далека от совершенства (что вполне объясняется древностью памятника), но уже проявлено стремление придать правовым нормам четкость, определенность и однозначность.

Наиболее полную разработку в Законах XII таблиц получила сфера имущественных отношений. Основополагающим понятием гражданского права являлось понятие «вещь» (*res*). Под вещью понимался любой объект собственности. Юридическая связь лица с вещью охватывалась понятием **вещного права**. Вещное право имело характер абсолютного права: оно было адресовано всем и в случае нарушения защищалось от всех. Основным видом вещного права являлось **право собственности**, которое понималось как предоставление собственнику неограниченной власти над вещью. Впрочем, часть вещей (*res extra commercium*) была изъята из гражданского оборота — сюда относились вещи общего пользования (текущая вода, воздух, море, общественные дороги и т. п.), а также некоторые другие (яды, запрещенные книги, предметы религиозного культа, могилы, городские стены). Государственный земельный фонд (*ager publicus*), который также составлял общественную собственность, подлежал распределению между гражданами; право отдельного гражданина на землю ограничивалось лишь простым владением. Аграрный закон, проведенный народными трибунами Гаем Лицинием Столоном и Луцием Секстием Латераном в 367 г. до н. э., установил максимум землевладения в одних руках — 500 югеров (около 125 га); этим же законом устанавливалась максимальная норма владения скота — не более 100 голов крупного и не более 500 голов мелкого.

Все вещи, которые могли быть объектами имущественных сделок, делились на две категории. К первой категории (*манципируемые вещи* — *res mancipi*) относились наиболее важные из вещей, но не по номинальной стоимости, а по степени общественной значимости: земля в Италии, тягловый скот, рабы, постройки. Ко второй категории (*неманципируемые вещи* — *res pes mancipi*) относились все остальные вещи, способные находиться в индивидуальном обладании.

Разница между двумя категориями вещей проявлялась в момент их отчуждения. Вещи первой категории отчуждались с соблюдением сложной и торжественной процедуры, которая именовалась *манципацией*. Требовалось, чтобы при совершении сделки присутствовали не менее пяти свидетелей и весовщик (весодержатель). Если отчуждение выражалось в акте купли-продажи, покупатель, произнеся строго установленную словесную формулу, бросал на весы определенное количество меди (обряд возник еще до появления чеканных монет). Свидетели своим присутствием как бы санкционировали переход вещи от одного владельца к другому. Следует подчеркнуть, что к вещам первого разряда относились те, которые дольше находились в общественной собственности. Вещи второго разряда, которые стали объектами частной собственности раньше, отчуждались без каких-либо формальностей путем простой их передачи (*традиции*).

С появлением чеканных денег внутреннее содержание манципации претерпело изменения. Поскольку платеж денег, как правило, стал происходить вне этого акта, манципация все более приобретала характер формальной процедуры, которой можно было воспользоваться и для совершения других действий — например, актов дарения, завещания, усыновления, установления власти над женой и т. п. Законы XII таблиц санкционировали возможность включать в словесную формулу манципации различные добавления, что усиливало универсальность этого акта, облегчало возможность его использования далеко за пределами первоначальной сферы.

Помимо манципации как основного способа приобретения вещных прав, уже в древнейший период был известен еще один способ приобретения вещи в собственность — в силу длительного добросовестного владения ею (*usucapio*). Срок приобретательной давности для движимых вещей определялся в один год, для движимых вещей он увеличивался до двух лет. Данное правило не распространялось на краденые вещи — Законы XII таблиц содержали специальный запрет на этот счет.

Кроме права собственности были возможны и вещные права ограниченного содержания или права на чужую вещь. Конкретным воплощением таких прав являлись **сервитуты**, т. е. зафиксированные в обычае или законе и строго ограниченные права одного лица пользоваться вещью, принадлежащей друго-

му лицу. Сервитуты были вызваны к жизни развитием частнособственнических отношений, необходимостью справедливого регулирования взаимоотношений собственников (или владельцев) смежных земельных участков. В силу их особой хозяйственной значимости сервитуты относились к категории манципируемых вещей. Примерами сервитутов, упоминаемых в Законах XII таблиц, могут быть названы следующие: разрешение владельцу земельного участка собирать желуди, упавшие с дерева, растущего на участке соседа; предписание хозяину сада обрезать кроны своих деревьев, чтобы их тень не причиняла вреда расположенному рядом владению; обеспечение владельцу земельного участка права проведения дороги через чужой смежный участок.

Обязательственное право. Согласно определению позднейшего римского права, обязательство (*obligatio*) есть такое юридическое отношение между двумя лицами, в силу которого одно из них (*кредитор*) имеет право требовать от другого (*должника*) исполнения чего-либо в свою пользу. Понятие обязательства в древнейшую эпоху было чрезвычайно широким: римляне полагали, что любые отношения между людьми могут порождать обязательства. Но в отличие от вещного права, как права абсолютного, обязательственное право являлось правом относительным. Обязательственное требование адресовалось не ко всем, а к одному лицу — должнику: только это лицо могло нарушить права кредитора (например, путем неуплаты долга), и потому только против одного лишь этого лица могла понадобиться судебная защита.

По Законам XII таблиц имелось два источника обязательств: договоры (*контракты*, имущественные сделки) и деликты (правонарушения, противоправные действия).

Договоры были еще весьма немногочисленны. При этом особое значение имело не соглашение само по себе, а форма, в которую это соглашение должно было вылиться. Строжайший формализм — неперемненное условие древнейших контрактов; именно форма обеспечивала юридическое существование еще не устоявшегося содержания ранних договоров. Сделки заключались публично, с произнесением строго установленных словесных формул, с осуществлением определенных ритуальных действий. Без соблюдения этих условий сделка не имела юридической силы: ни прав, ни обязанностей она не порожда-

ла. Заслуживает быть отмеченной и вторая особенность древнейшего обязательственного соглашения: оно не предполагало равноправия сторон, вступивших в договор, а потому правом требования обладал только кредитор, тогда как на ответчика возлагались лишь обязанности.

С точки зрения формы заключения договоров древнейшим контрактом являлась *стипуляция* (stipulatio) или спомсия (sponsio), т. е. словесное обещание выполнить какое-либо действие, сформулированное в виде ответа должника на вопрос кредитора. По мнению большинства ученых, стипуляция вела свое происхождение от древних религиозных клятв, но в рассматриваемую эпоху уже утратила свой сакральный характер. Стипуляция могла включать в себя различные обязательственные отношения, но все они являлись строго односторонними: юридический статус кредитора, с одной стороны, и должника, с другой стороны, не подлежал изменению ни при каких условиях. Следует также подчеркнуть абстрактный характер стипуляционных обязательств: принимался во внимание лишь сам факт их возникновения, тогда как на причины, приведшие к стипуляции, стороны ссылаться не могли. Наконец, квалифицирующим признаком данного рода обязательств являлась их строжайшая конкретность: выполнению подлежали именно те и только те из них, которые прямо упомянуты в вопросе кредитора и ответе должника. Хотя Законы XII таблиц не содержат прямых указаний на то, какие именно вещи могли быть объектами стипуляционных обязательств, можно предполагать, что стипуляция распространялась лишь на неманципируемые вещи. Благодаря исключительной простоте и максимальной гибкости своей формы стипуляция получила широчайшее распространение: действительно, практически любое взаимоотношение сторон могло быть облечено в форму вопроса и ответа. Важным было и то, что простота возникновения стипуляционных обязательств сочеталась с простотой их доказывания в суде: для обоснования законности иска было достаточно доказать сам факт наличия стипуляции. В стипуляционных обязательствах было возможно (хотя и не обязательно) участие третьих лиц — поручителей; они несли ответственность своим имуществом в случае неплатежеспособности должника.

Касаясь содержания договоров, следует отметить, что в Законах XII таблиц наиболее детально регламентирован *нексум* (*nexum*) — договор займа, связанный с самозакладом должника. Данный договор оформлялся с соблюдением манципации (5 свидетелей, весовщик, словесные формулы); аналогичная процедура требовалась и при ликвидации соглашения. Простая уплата долга еще не освобождала должника: в древнейшем цивильном праве действовал принцип, согласно которому правовое соглашение могло быть отменено лишь обратной (противоположной) формой. Заключенный с соблюдением ритуальной, торжественной формы, в присутствии свидетелей, этот договор приобретал характер общеизвестности и бесспорности, а потому наделялся максимальной исполнительной силой. Должник, не выполнивший обязательств, подвергался процедуре «наложения руки», предусмотренной условиями договора. Вызванный в суд, ответчик обязывался вернуть истцу долг. Если этого не происходило и не находилось никого, кто мог бы, «сбросив руку» истца с ответчика, взять ответственность на себя, кредитор уводил должника в свой дом. Пока должник содержался в доме кредитора (иногда в оковах), он трижды выводился в базарные дни на рынок, где во всеуслышание объявлялся размер его долга, — это делалось в предположении, что могли найтись лица, пожелавшие его выкупить. По истечении 60 дней должник полностью передавался в руки кредитора: последний мог либо продать его в рабство за Тибр (оставлять вчерашнего гражданина в качестве раба в пределах Рима было нежелательным из соображений государственной безопасности), либо лишить его жизни. Если кредиторов было несколько, они имели право рассечь убитого должника на части пропорционально размерам своих требований; возможная ошибка в определении таких пропорций не ставилась им в вину. Приведенное описание нексума свидетельствует о его глубокой древности, когда кредитор мог осуществить фактическую месть за неуплату долга. Хотя подробная регламентация нексума в Законах XII таблиц привела к некоторому упорядочению процедур оформления долгового рабства, она не принесла несостоятельным должникам облегчения их участи. Долговой вопрос оставался злободневным на протяжении многих последующих десятилетий. Широкое движение за отмену долгового рабства увенчалось принятием закона Пе-

теля. Принятый в 326 (по другим данным — в 313) г. до н. э., этот закон отменил долговое рабство: отныне должник отвечал перед кредитором не собственной жизнью, а только своим имуществом.

Кроме договора займа, Законам XII таблиц были известны и другие договоры: *купли-продажи* (посредством которого одна сторона — продавец — обязывалась предоставить другой стороне вещь, а другая сторона — покупатель — обязывалась уплатить продавцу за проданную вещь определенную денежную цену); *хранения* или *поклажи* (по которому одна сторона передавала другой стороне вещь для безвозмездного хранения; в случае гибели вещи хранитель отвечал ее двойной стоимостью), *товарищества* (согласно которому несколько лиц объединялись для достижения дозволенной законом хозяйственной цели, распределяя прибыли и убытки в предусмотренных договором долях).

Деликты в большинстве случаев еще не имели общественно-значимого содержания: они рассматривались как посягательства на интересы частного лица (*detictum privatum*) и потому ставили правонарушителя в положение должника по отношению к потерпевшему. Есть основания предполагать, что в ранний период римской истории деликты давали основания потерпевшему осуществить расправу над лицом, причинившим ему вред; при этом сама возможность неограниченной расправы санкционировалась как нормами обычного права, так и принципами общественной морали. В эпоху действия Законов XII таблиц деликт компенсировался уже не расправой, а штрафом, причем конкретный размер штрафа устанавливался государством.

Все частные деликты условно делились на две группы: личностные и имущественные. К *личностным деликтам* Законы XII таблиц относили три вида посягательств: членовредительство (компенсируемое по принципу талиона), телесные повреждения (за которые обидчик выплачивал штраф в 300 ассов), другие виды физической обиды — побои, оскорбления действием и т. п. (за них полагался штраф в 25 ассов). Среди имущественных деликтов наиболее подробно регламентировано воровство (*furtum*). Ночной вор мог быть убит на месте; то же относилось и к дневному вору, застигнутому с оружием в руках. В других случаях вор, захваченный на месте, подвергался бичеванию, а за-

тем мог быть передан потерпевшему в рабство. Вор-раб после бичевания сбрасывался с Тарпейской скалы. Кража без поличного наказывалась двойной стоимостью похищенного. Обязанность обнаружения, преследования и поимки преступника возлагалась на самого потерпевшего. В связи с этим потерпевшему предоставлялось право на производство обыска в доме подозреваемого. В более раннюю эпоху процедура обыска обставлялась как сложный ритуал: обыскивающий входил в дом обнаженным, имея лишь повязку вокруг бедер, а его руки должны быть заняты сосудом. Впрочем, Законы XII таблиц знают и простой обыск, производимый, однако, при обязательном присутствии свидетелей. За краденую вещь, обнаруженную при обыске, хозяин дома выплачивал штраф в трехкратном размере стоимости вещи. Если эта вещь была куплена им у третьего лица, он мог взыскать этот штраф с продавца краденной вещи. В Законах XII таблиц имеются свидетельства еще об одной разновидности имущественных деликтов: повреждение или уничтожение чужих вещей. Так, преднамеренный поджог строений или собранного в скирды хлеба влек за собой наказание смертью. Серьезная травма, причиненная рабу, компенсировалась выплатой 150 ассов хозяину раба. За злостную порубку чужих деревьев выплачивался штраф в размере 25 ассов за каждое дерево.

Семейное право. Римская семья (*familia*) была организацией хозяйственной и общественной. Именно благодаря принадлежности к той или иной семье, а через нее — к тому или иному роду, член римской общины приобретал статус гражданина. Семья в древнем Риме была строго патриархальной, замкнутой и изолированной от внешнего мира организацией. Главой семьи, представлявшим ее перед государством, был домовладыка (*pater familias*), имевший неограниченную власть над всеми ее членами, вплоть до наказания их смертью и продажи в рабство. Все семейное имущество являлось коллективной семейной собственностью, но распоряжался им только домовладыка, и ни один из членов семьи (включая взрослых сыновей, независимо от их общественного положения) не мог совершать имущественные сделки без его согласия; обязательства, принятые на себя членами семьи, на домовладыку не распространялись.

Характер семьи определял и характер древнеримского родства. Единство семьи создавалось не единством кровнородственной связи, а единством власти домовладыки. Поэтому все лица, изначально находившиеся под властью домовладыки или заново подпадавшие под эту власть, являлись членами семьи, т. е. «своими»; лица же, выходявшие из-под этой власти, превращались в «чужих». Все лица, проживающие «под одной крышей» с домовладыкой, именовались *агнатами*; агнатическое родство являлось, таким образом, «юридическим родством». В число подвластных домовладыке лиц входили жена (при форме брака *сум ману*), неотдалившиеся сыновья вместе с их женами и детьми, незамужние дочери. Среди агнатов существовало разделение по степеням родства; в основу деления было положено число рождений, отделявших того или иного агната от домовладыки. Так, по отношению к домовладыке сын признавался агнатом первой степени, братья и внуки — агнатами второй степени, племянник — агнатом третьей степени и т.д.

Все другие кровные родственники домовладыки и членов его семьи, не проживавшие вместе с домовладыкой, именовались *когнатами*. Две указанные линии родства не совпадали между собой, но существовала возможность перехода из одной линии в другую; кроме того, часть членов семьи могла состоять в родстве одновременно по обеим линиям. Важно также подчеркнуть, что во всех случаях родственная связь определялась только по мужской линии. После смерти домовладыки возглавляемое им агнатическое единство распадалось на несколько новых семей, возглавляемых взрослыми сыновьями умершего; они же устанавливали опеку над своей овдовевшей матерью. Если какой-либо из освободившихся сыновей еще не имел своей семьи, он, тем не менее, также обладал статусом домовладыки и мог реализовать его при создании семьи в будущем. Юридическая связь между вновь возникшими семьями не порывалась — она продолжала сохраняться и на протяжении следующих поколений, пока была жива память о единстве происхождения. Родство являлось определяющим критерием гражданского статуса лица — в первую очередь, его наследственных прав. При распределении имущества умершего домовладыки гражданское право брало в расчет только агнатическое родство. С переходом любого агната в разряд когнатов (дочь, вышедшая замуж в дру-

гую семью; сын, отделившийся от отца) его право на семейное имущество полностью утрачивалось.

Для действительности брака было необходимо соблюдение некоторых условий: достижение брачного возраста (для жениха не менее 14 лет, для невесты 12 лет), принадлежность брачующихся к одному сословию (после 445 г. до н. э. по закону Канулея браки между патрициями и плебеями были разрешены), отсутствие близкого родства (как по когнатической, так и по агнатической линиям), согласие самих брачующихся и глав их семей.

Законам XII таблиц известны две формы брака. Древнейшей, патриархальной формой являлся брак с *властью мужа* (*cum manu mariti*). Он мог заключаться в трех основных формах: путем совершения торжественного религиозного обряда, путем покупки жены у домовладыки или опекуна в форме манципации, а также путем санкционирования фактического брачного сожительства, продолжавшегося не менее года (в последнем случае имело место приложение к семейным отношениям гражданско-правового института давности владения). Брак в форме *cum manu* предполагал полное господство мужа в семье, когда жена как в личном, так и в имущественном отношении подпадала под его неограниченную власть; юридически она находилась на положении дочери своего супруга, а всякие агнатические связи ее с прежней семьей полностью порывались. Все имущество, которым обладала жена до брака и которое она приобретала после брака, переходило в безраздельное распоряжение мужа. Муж мог вытребовать свою жену от всякого третьего лица, включая родителей; он мог продать ее в рабство; он обладал в отношении жены неограниченным правом наказания. Все эти номинальные права мужа, разумеется, корректировались в реальной жизни общепринятыми нормами морали, соображениями практической пользы. По сообщениям римских историков, еще со времен Ромула существовал запрет на продажу жены, а выбор меры наказания жены за ее прегрешения муж должен был согласовать с членами ее старой семьи.

Второй формой брака был брак *без власти мужа* (*sine manu mariti*), который фактически означал простое сожительство, предполагающее раздельную собственность супругов; при этом жена сохраняла свои агнатические связи с семьей отца. Ни на

личность, ни на имущество жены власть мужа не распространялась. Жена полностью сохраняла свой добрачный юридический статус. Никакого согласия на владение, пользование и распоряжение собственным имуществом у своего мужа она не была обязана испрашивать, равно как и отчитываться перед ним за свои гражданско-правовые действия. С целью обеспечения имущественной независимости супругов уже древнейшее цивильное право запрещало дарения между ними, тогда как другие сделки (купля-продажа, заем, поручительство) признавались законными. Исторически происхождение брака *sine manu* остается неясным — большинство исследователей ищут его истоки в фактических брачных союзах представителей патрицианского и плебейского сословий, возникавших до принятия закона Канулея. Во всяком случае, только признание юридической силы брака *sine manu* знаменовало возникновение брачно-семейного права в качестве особой отрасли *jus civile*, регулирующей взаимоотношения супругов как самостоятельных личностей, ибо до тех пор, пока брак существовал только в форме *cum manu*, семейные отношения оставались, по существу, лишь разновидностью вещных отношений. О неустоявшемся характере брака *sine manu* свидетельствует требование его ежегодного продления; если же он длился без перерыва в течение года, он автоматически перерастал в брак *cum manu*, в результате чего жена утрачивала имущественную самостоятельность, которая, собственно, и составляла высшую цель брака *sine manu*.

Возможность расторжения брака зависела от его формы: брак *cum manu* мог быть расторгнут только по одностороннему желанию мужа; при этом желание жены полностью игнорировалось. Брак *sine manu* мог быть расторгнут либо по взаимному согласию супругов, либо по инициативе любого из них; при этом объяснения причин развода совершенно не требовалось.

Поскольку обе указанные формы брака признавались юридически законными, дети, рожденные в любой из форм брака, также считались законными: они входили в семью со статусом агнатов со всеми вытекающими последствиями, и издержки на их содержание целиком лежали на муже. С целью оказания помощи мужу в несении общесемейных расходов жена приносила в семью приданое, которое первоначально переходило в полную и окончательную собственность мужа. Впоследствии ин-

ститут приданого был подвергнут правовой регламентации: если брак прекращался смертью жены, приданое по общему правилу оставалось мужу; если брак прекращался смертью мужа, приданое либо полностью возвращалось вдове, либо делилось между нею и ее отцом. Если брак прекращался разводом по инициативе мужа или по его вине, приданое возвращалось; если виновницей развода была жена (например, вследствие своего недостойного поведения), приданое оставалось мужу.

Отношения между родителями и детьми строились на принципиально различных основаниях. Власть матери над детьми практически отсутствовала: при форме брака *cum manu* статус матери был низведен до положения сестры своих детей; при браке *sine manu* мать даже не состояла в агнатическом родстве со своими детьми, юридически являясь для них чужой. Отец же, независимо от формы брака, обладал по отношению к детям неограниченной властью, вплоть до лишения жизни (*jus vitae ac necis*). По признанию античных авторов, более сильной отцовской власти не знал ни один из известных им народов: она превышала власть господина над рабами. С течением времени, однако, эта власть имела тенденцию к ослаблению. Так, по свидетельству Дионисия Галикарнасского, еще Ромулом было запрещено отцу убивать детей, достигших трехлетнего возраста. Исключения касались только тех случаев, когда ребенок был уродом; при этом сам факт уродства должен быть удостоверен пятью свидетелями. В Законах XII таблиц была сохранена норма, разрешающая отцу умертвлять ребенка, если его уродство не вызывает сомнений.

По общему правилу, отцовская власть являлась пожизненной — она прекращалась лишь смертью отца, и только вследствие этого юридического факта сыновья приобретали имущественную правоспособность (что, впрочем, не препятствовало им еще до этого приобрести политическую правоспособность — участвовать в работе народных собраний, быть военными и т. п.). Для снятия возможных коллизий между политическим и гражданско-правовым статусом совершеннолетних сыновей законодательство XII таблиц уже предусматривало возможность досрочного прекращения отцовской власти над ними по инициативе самого отца. Для этого была установлена процедура эмансипации, которая являлась противоположностью ман-

циации. Суть ее состояла в том, что отец осуществлял фиктивную продажу сына в рабство третьему лицу (обычно родственнику или надежному другу), а оно отпускало этого формально приобретенного раба на волю; при этом и продажа, и отпускание должны были совершиться троекратно. После этого «проданный» сын приобретал личную свободу и мог становиться домовладыкой новой семьи. Но поскольку с переходом в разряд когнатов он утрачивал право претендовать на отцовское наследство, отец заранее мог наделить его частью имущества, обычно путем дарения.

Наследственное право. Поскольку имущество семьи считалось коллективной собственностью его членов, после смерти домовладыки оно должно было перейти к его ближайшим родственникам. На первых порах наследование имело характер объективного процесса, который не мог быть отменен или изменен волеизъявлением частного лица. Естественными наследниками являлись те лица, которые были ближе к покойному в порядке патриархального родства. Тот древний обычай, согласно которому очередность призвания к наследованию определялась самим порядком родства, имел характер природного закона, не зависящего от частной воли. Поэтому он именовался *наследованием по закону*. Его реализация осуществлялась с учетом деления наследников на несколько разрядов. Наследниками *первого разряда* являлись те лица, которые находились под непосредственной властью умершего: неотделенные сыновья и незамужние дочери, дети ранее умерших сыновей и дочерей (т. е. внуки домовладыки), жена в браке *sum manu*, усыновленные. При этом жена, дети и усыновленные делили имущество поровну. Если же в разделе участвовали внуки от ранее умершего сына, они все вместе, сколько бы их не было, получали ту долю, которую получил бы их отец, если бы был жив, а затем делили эту долю также поровну между собой. При отсутствии наследников первого разряда призывались наследники *второго разряда*: ими являлись братья и сестры умершего, а также его мать, если она состояла с отцом умершего в браке *sum manu*. Все эти лица по отношению к умершему являлись, как уже было сказано, агнатами второй степени. В случае отсутствия агнатов второй степени к наследованию призывались агнаты третьей, четвертой и последующих степеней, с тем, однако, ограничением, что жен-

щины далее сестры от наследования отстранялись. Наследники второй и последующих степеней делили наследство внутри своей очереди поголовно. Если агнат, до которого дошла очередь наследования, отказывался принять наследство, призыв агнатов последующих степеней не производился: такое имущество признавалось выморочным, и им мог завладеть любой полноправный гражданин. *Третий разряд* наследников составляли сородичи умершего — они могли призываться к наследованию в случае отсутствия агнатов всех степеней,

По мере дальнейшего развития гражданско-правовых отношений, вслед за расширяющимся правом домовладыки распорядиться своим имуществом при жизни, возникает и укрепляется его право распорядиться им и на случай смерти. Другими словами, получает развитие свобода завещания; вследствие этого наряду с наследованием по закону складывается новый вид наследования — *наследование по завещанию*, которое довольно скоро выходит на первое место по частоте применения. В Законах XII таблиц оба эти вида получают правовую регламентацию, что предполагает их параллельное существование в рамках одного исторического периода. Однако в конкретном акте наследования они сочетаться не могут: наследование по завещанию непременно исключает наследование по закону. Даже если в завещании сказано, что данным лицам завещана только половина имущества, другая половина также перейдет к ним, ибо упоминание в завещании одних лиц абсолютно исключает претензии на наследство лиц неупомянутых. Правда, эти жесткие правила сложились в более позднюю эпоху, и полная свобода завещаний по Законам XII таблиц подвергается сомнению, но уже в этом кодексе предусмотрены случаи замены наследника по закону наследником по указанию завещателя.

Завещание могло выступать в нескольких формах. Древнейшей формой было устное завещание, оглашенное в куриатных комициях, специально созываемых для этой цели два раза в год — 24 марта и 24 мая. Первоначально участники комиций, вероятно, имели право отклонить волю завещателя; впоследствии они это право утратили, и санкция комиций стала чисто формальной. Другой формой завещания было оглашение воли наследодателя перед строем войска в условиях военного похода — в данном случае боевой строй был простой заменой мирных комиций. Как видим, главным условием устного завещания были

его публичность и гласность: воля завещателя должна была стать известной всем. Письменная форма завещания, позволявшая избегать не всегда удобной для наследодателя гласности, сложилась позднее. В завещании было возможно не только назвать имя наследника, но и сделать какие-то дополнительные распоряжения (назначить опекунов жене или несовершеннолетним детям, отпустить на волю рабов и т. д.).

Можно предполагать, что завещание первоначально допускалось только в тех случаях, когда у домовладыки не было детей. Если же они были, то назначение наследником постороннего лица должно быть основательно мотивировано (например, предосудительным поведением детей) — только в этом случае оно могло получить санкцию народного собрания. При этом требовалось, чтобы сыновья, лишаемые наследства, были названы поименно; остальные члены семьи могли быть названы в общей фразе, — без этого завещание было недействительным. Рождение нового законного наследника (сына, внука), произошедшее после совершения завещания, первоначально делало это завещание недействительным; впоследствии эта коллизия была законодательно отрегулирована.

На агната, получившего имущество в порядке наследования, переходили все права и обязанности наследодателя. В том числе наследник приобретал права кредитора по отношению к должникам домовладыки и обязанности должника по отношению к его кредиторам. По Законам XII таблиц долги умершего распределялись между наследниками соразмерно полученным ими долям наследства; этот же принцип соблюдался и в противоположной ситуации, т. е. при взимании старых долгов в пользу новых наследников.

Уголовное право. В Законах XII таблиц не установлено четкой границы между частным деликтом, регулируемым нормами обязательственного права, и т. н. публичным деликтом (*delictum publicum*), за совершение которого виновный привлекался к уголовно-правовой ответственности. Конкретное решение вопроса о разграничении частных и публичных деликтов принадлежало высшим магистратам республики; критерием деления выступала степень общественной опасности рассматриваемого деяния. Строго говоря, уголовного права как самостоятельной отрасли права во времена Законов XII таблиц еще не существо-

вало. Еще не было точного определения того, что следует понимать под преступлением; не была упорядочена по целям и видам система наказаний. Руководствуясь обычаями, исторической традицией и соображениями «общего блага», магистраты обладали правом широкого усмотрения как при квалификации деяния, так и при выборе меры наказания за него. Степень наказания зависела не только от характера преступления, но и от общественного положения виновного. Решение магистрата могло быть оспорено в народном собрании, постановления которого уже являлись окончательными.

К числу *государственных преступлений* относились измена родине, призыв врага или оказание ему помощи; наказанием за эти деяния являлась смертная казнь. *Преступлениями против общественного порядка и спокойствия* являлись ночные сборища (особенно с оружием в руках). Видимо, в ракурсе политической борьбы следует рассматривать запрет на сочинение и распевание песен, содержащих клевету на другое лицо или опозорение его (за это полагалась смертная казнь). Как *должностные преступления*, также караемые смертью, можно квалифицировать взяточничество судьи или посредника. Встречаются упоминания о *клевете и лжесвидетельстве*. Жестоко карались *имущественные преступления*: смертной казнью наказывались потрава, тайное уничтожение или ночной сбор урожая «с обработанного плугом поля», а также поджог строений или сложенных около дома скирд хлеба, если виновный совершил эти действия преднамеренно. Смягчающими обстоятельствами при этом были несовершеннолетие преступники (по усмотрению претора они подвергались бичеванию или возмещали двойную стоимость уничтоженного имущества) и непреднамеренность деяний (в форме случайности или неосторожности) — тогда виновный обязывался возместить ущерб, а в случае несостоятельности подвергался более легкому, чем смертная казнь, наказанию. В целом же вопросы вины и ответственности не получили еще детальной разработки.

Умышленное убийство свободного человека в Законах XII таблиц не упоминалось, но есть основания полагать, что оно также наказывалось смертью.

Смертная казнь могла выступать в различных формах — от простых (повешение, утопление) до особо мучительных (сажа-

ние на кол, сожжение). Преступнику предоставлялось право избежать смертной казни путем добровольного удаления в изгнание (с потерей всех политических и имущественных прав). В отношении преступника, добровольно удалившегося в изгнание, действовал «запрет воды и огня»: если этот преступник возвращался на родину без специального разрешения, он мог быть безнаказанно убит любым членом общины. В качестве наказаний использовались также штрафы и конфискации, ограничения гражданского статуса, лишение права на погребение, религиозные санкции. Рабы, совершившие преступление, наказывались с наибольшей жестокостью и изощренностью: избивались бичами, приговаривались к пожизненным каторжным работам в оковах, подвергались распятию на кресте и т. п.

Процессуальное право. В Законах XII таблиц имеются упоминания о древнейшем гражданском процессе, который имел наименование *легисакционного* (сам этот термин обозначал, что дело будет рассматриваться «законным образом», без применения насилия и произвола). Процесс состоял из двух стадий. Цель первой стадии (производство *in jure*) заключалась в рассмотрении прав истца и юридической оценке представленных документов и материалов. На второй стадии (производство *in iudicio*) производилось рассмотрение судебного дела по существу.

Первая стадия процесса начиналась с подачи истцом заявления магистрату (чаще всего — претору). Содержание иска доводилось также до сведения ответчика. Обязательным условием для открытия процесса являлось личное присутствие на нем как истца, так и ответчика. Поскольку государственные органы не осуществляли вызов ответчика в суд, обеспечить его явку был обязан сам истец, в том числе с применением силы. Если неявка ответчика вызывалась объективными обстоятельствами (преклонный возраст, болезнь), истец должен был предоставить ему выючное животное, а если пожелает, то и транспортное средство. Кроме того, стороны могли договориться об удобном для себя дне судебного разбирательства; при этом обещание ответчика явиться в суд должно быть подкреплено поручительством другого лица. Неявка ответчика в суд влекла за собою не только проигрыш дела, но и значительное денежное взыскание.

Если речь шла о какой-то спорной вещи, эта вещь (или ее часть) также доставлялась в суд (например, когда спор шел из-за участка земли, в суд доставлялся кусок земли, взятый именно с этого участка). На первой стадии процесса стороны в присутствии претора осуществляли некоторые ритуальные действия, символизирующие борьбу за спорную вещь; при этом требовалось произнесение строго установленных словесных формул, малейшее нарушение которых влекло за собой проигрыш процесса. В случае признания ответчиком правильности иска или в случае примирения сторон дело могло закончиться уже на этой первой стадии. Если этого не происходило, обеими сторонами вносились денежные залоги, величина которых доходила до половины иска (стороне, проигравшей дело, залог не возвращался; залоговые суммы первоначально шли в кассу понтификов, а позже в государственную казну). Первая стадия процесса заканчивалась торжественным обращением сторон к присутствующим быть свидетелями всего произошедшего. Таким образом, на первой стадии не производилось ни рассмотрения дела, ни вынесения решения; роль претора заключалась в установлении законности претензий истца и в удостоверении сделанных сторонами заявлений.

Во второй стадии, которая, как правило, происходила на третий день после первой, дело рассматривалось судьей (*arbiter*), которого назначал претор с согласия сторон. В качестве судьи мог выступить любой римский гражданин, поскольку знание законов являлось обязательным для всех; впрочем, этому назначенному судье не возбранялось пользоваться советами специалистов, сведущих в юриспруденции. Передача окончательного разбора дела в руки частного лица должна была гарантировать беспристрастность судебного решения. Процесс во второй стадии уже был свободен от формальностей — здесь преобладал принцип свободной оценки доказательств. В качестве доказательств использовались показания свидетелей, различные документы, религиозные клятвы и т. д. Никто не имел права уклониться от дачи свидетельских показаний — в противном случае он не мог в будущем приглашать свидетелей по своим делам. Если одна из сторон до полудня не являлась на суд без уважительных причин, дело решалось в пользу присутствующей стороны. Решение объявлялось устно и в присутствии сторон, при-

чем обоснование его мотивов не являлось обязательным. Вынесенное решение было окончательным и обжалованию не подлежало. До его оглашения дело могло закончиться примирением сторон.

Подробных сведений о порядке судопроизводства по уголовным делам в источниках не имеется. Можно предполагать, что уголовный процесс имел инквизиционный характер. В период республики правом вынесения смертных приговоров и присуждения телесных наказаний были наделены высшие магистраты. Если такие приговоры были вынесены в черте города Рима или не далее одной мили от городской стены, они могли быть обжалованы в центуриатных комициях. Приговор, вынесенный консулом в условиях военного похода, обжалованию не подлежал; также безапелляционными были все решения диктатора. Правом присуждать граждан к штрафам обладали все магистраты; обжаловать их решения можно было лишь в тех случаях, когда назначенный штраф превышал установленный размер. Если на решение магистрата была подана апелляция, наказание не исполнялось до тех пор, пока в народном собрании не заканчивалось голосование по данному вопросу. Не дожидаясь конца голосования, обвиняемый мог заявить о своем решении удалиться в изгнание; с этого момента дело считалось прекращенным.

6. РИМСКОЕ ПРАВО КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА (Ш В. ДО Н. Э.—Ш В. Н. Э.)

Существенным достижением римского права классического периода явилось учение о делении гражданского права на публичное и частное, — это деление стало основополагающим во всей последующей истории развития права. Согласно мнению Ульпиана, *публичное право* относилось к положению римского государства как единого целого; оно включало в себя результаты деятельности жрецов и принципы функционирования государственных органов. Публичное право отражало отношения власти-подчинения и потому носило императивный характер. Частное *право* относилось к пользе отдельных лиц. Оно предполагало формальное равенство участвующих в правоотноше-

нии сторон; государственное вмешательство в эти отношения происходило лишь по инициативе одной из сторон.

Хотя по утверждениям римских юристов публичное право, выражающее «общественный интерес», должно занимать первостепенное положение в общей правовой системе, наиболее детальную разработку в классический период получили отрасли частного права. Избавляясь от жесткого формализма, свойственного праву в предшествующую эпоху, частное право классического периода достигло высокого уровня как с содержательной стороны, так и с точки зрения юридической техники. Именно частное право Рима, пережившее свое возрождение в период феодализма, было положено впоследствии в основу формировавшихся буржуазных правовых систем, которые с известными модификациями, порожденными реалиями современной эпохи, сохраняют свою жизненную силу вплоть до настоящего времени.

Вещное право. Классификация вещей осуществлялась с учетом их деления на манципируемые и неманципируемые (кстати, это прежде принципиальное различие постепенно утрачивало былое значение), движимые и недвижимые, делимые и неделимые, родовые (заменимые) и индивидуально-определенные (незаменимые). Главным объектом собственности по-прежнему оставалась земля. Аграрный закон 111 г. до н. э. установил, что земли, некогда полученные из *ager publicus*, больше не подлежали разделу. Тем самым принцип частной собственности на землю победил окончательно. Само понятие собственности, понимаемое как наиболее полное, неограниченное и абсолютное господство над вещью, обогатилось новым содержанием: оно стало включать право владения, право пользования, право распоряжения, право на плоды или доходы, которые приносит вещь, право на истребование вещи от третьих лиц.

Квиригская форма собственности, распространяемая на италийские земли и все движимые вещи, продолжала рассматриваться в качестве основной. Однако, постоянное расширение круга потенциальных собственников, равно как и круга объектов собственности, привело к возникновению новых видов собственности. Так, в рамках преторского права сложилась *bonитарная собственность*, первоначально возникавшая в тех случаях, когда невозможность соблюдения всех формальностей не

позволяла приобретателю вещи стать ее собственником по квинтитскому праву (например, когда манципируемая вещь приобреталась не путем манципации, а путем традиции). Имущественные права неримских граждан (в первую очередь перегринов) первоначально регулировались нормами права их родины. Впоследствии в рамках права народов перегрины получили возможность участвовать в некоторых сделках с римскими гражданами. Это не означало, однако, включения перегринов в круг субъектов гражданского права; складывавшаяся в результате таких сделок *собственность перегринов* рассматривалась как особый вид собственности. Во II в. н. э. окончательно оформилась в качестве самостоятельного вида земельной собственности *провинциальная собственность*. Ее отличительная особенность состояла в том, что с провинциальных земель взимались особые платежи в пользу казны; кроме того, собственники таких земель в сфере частного оборота должны были руководствоваться нормами не гражданского права, а права народов. С течением времени различия между указанными видами собственности стали постепенно сглаживаться, а в период домината окончательно сформировался единый вид собственности, предусматривающий унифицированную систему ее субъектов и объектов. Именно это обобщающее понятие собственности и было впоследствии заимствовано буржуазным правом.

Среди способов приобретения вещей, известных раннему римскому праву, *традиция* все больше оттесняла *манципацию*; в юстиниановском Своде единственным способом перенесения права собственности по договору осталась традиция. Получил всестороннюю разработку и такой способ, как *оккупация*, под которой подразумевался захват вещей, принадлежавших всем (например, путем охоты или рыболовства), или вещей, брошенных прежним владельцем. Что касается *военной добычи*, то она принадлежала государству; солдаты получали в собственность лишь часть добычи, предоставлявшуюся им полководцами. Регулировались и вопросы, возникавшие при нахождении *кладов*: как правило, половина клада принадлежала нашедшему его, а вторая половина — владельцу земли, где найден клад. Но если находчик производил поиски клада без разрешения владельца участка, то найденный клад полностью принадлежал этому владельцу. Способом возникновения собственности было и *соеди-*

нение вещей (так, строение, возведенное кем бы то ни было на чужом земельном участке, являлось собственностью хозяина этого участка).

Получил развитие институт *приобретательской давности*, согласно которому лицо становилось собственником вещи в силу того, что оно провладело данной вещью в течение определенного времени. Срок владения исчислялся одним годом в отношении движимых вещей и двумя годами в отношении недвижимости (кроме земли, римские юристы относили к недвижимости и постройки). Если первоначально не требовалось ни законного основания владения, ни добросовестности владельца, то в рассматриваемый период эти условия стали обязательными для возникновения собственности по давности. Непременным условием стала и непрерывность срока владения. Приобретательная давность применялась только в отношении италийских земель и распространялась только на римских граждан. В отношении же провинциальных земель действовал институт т. н. *погасительной давности*. В юстиниановском Своде институты приобретательной и погасительной давности были объединены. Необходимый срок владения для приобретения по давности движимых вещей был установлен в три года, недвижимых вещей — в 10, 20 и даже 30 лет, в зависимости от конкретных обстоятельств.

Основной формой защиты прав частного собственника стал *виндикационный иск*. Виндикация понималась как требование невладельца собственника возвратить ему вещь, находящуюся в данный момент в руках владеющего несобственника. Если истинный собственник доказывал свое право на вещь, оказавшуюся у третьего лица, эта вещь возвращалась ему независимо от того, как она попала к последнему владельцу. Возвращая вещь, ответчик был обязан выполнить ряд дополнительных обязательств: уплатить за ухудшение вещи, выдать все доходы, полученные от этой вещи, и т. д.

В классическом римском праве *институт владения* выделился из института собственности и превратился в самостоятельный вид вещного права. Владение (*possessio*) понималось как фактическое обладание вещью, соединенное с явно выраженной волей лица владеть этой вещью. В свете этого определения собственность и владение могли совпадать между собой.

Но владение могло существовать и без всякой связи с правом собственности (например, лицо, приобретшее краденую вещь, становилось лишь владельцем этой вещи, тогда как право собственности на нее сохранялось за реальным собственником). Именно с учетом этого обстоятельства римские юристы утверждали, что собственность не имеет ничего общего с владением: последнее обладает самодостаточной сущностью и является самостоятельным правоотношением, охраняемым законом. Защита владения осуществлялась преторским правом, и инструментами такой защиты являлись т. н. *интердикты*, подразделяемые на несколько видов: интердикты, направленные на удержание реально существующего владения; интердикты о возвращении насильственно или тайно утраченного владения; интердикты об установлении владения впервые.

Кроме рассмотренных правоотношений собственности и владения, получил дальнейшее развитие и существовавший ранее вид вещного права, известный под наименованием сервитутов. К древнейшим видам земельных сервитутов добавились *городские сервитуты*, применявшиеся в отношении застроенных участков. Примерами городских сервитутов являлись: право делать крышу или навес, проникающие в чужое воздушное пространство; право опирать балки на чужие стены; право пристраивать постройку к чужой стене; право стока дождевой воды; право проведения через чужой участок канала для нечистот; право требовать, чтобы возводимые на соседнем участке строения не закрывали вид на природный ландшафт и т. п. Получили регламентацию и *личные сервигугы*, означавшие пожизненное право пользоваться чужой вещью. Вариантом личного сервитута было право пожизненного проживания в чужом доме или в его части. Защита сервитутов в преторском праве осуществлялась путем соответствующих интердиктов, сходных с владельческими.

Обязательственное право. Согласно определению Гая, всякое обязательство возникало либо из договора (контракта), либо из деликта. При этом под контрактом понимался договор, признанный гражданским правом и обеспеченный правовой защитой; деликтом являлось всякое противоправное действие, причиняющее вред.

Главным источником обязательств являлся *договор (контракт)*, заключенный на основе добровольного соглашения сто-

рон, без какого-либо насилия над контрагентом. Содержание договора должно было соответствовать существующим правовым нормам. Форма договора могла быть письменной или устной. Признавалась законной возможность заключения договора не только самими контрагентами, но и их представителями. Допускалось присоединение к договору новых лиц, вплоть до полной замены первоначальных участников договора другими лицами (*новация*). Неисполнение обязательств по контракту давало право кредитору обратиться в государственные органы, чтобы последние предприняли принудительные меры в отношении должника (например, осуществили принудительное изъятие у него спорной вещи или заставили его возместить убытки); для возникновения этой ответственности необходимо было в судебном порядке установить наличие вины (в форме умысла). Принцип личной ответственности, претя в обязательственном праве древнейшей эпохи, в классический период был полностью вытеснен принципом той ответственности.

В рассматриваемый период все контракты делились на четыре группы; основанием деления служила специфика момента. *Вербальными контрактами* (от лат. *verbum* — слово) назывались договоры, обязывающая сила которых возникала вследствие произнесения определенной словесной формулы. В классический период они постепенно освобождались от того жесткого формализма, который был свойствен древней стипуляции, но оставались наиболее консервативными среди всех видов договоров. Юридическая природа *литеральных контрактов* (от лат. *littera* — буква) заключалась в том, что в данном случае обязательства возникали не из простого соглашения сторон, а из той письменной формы, в которую это соглашение было облечено. *Реальные контракты* (от лат. *res* — вещь) порождали возникновение обязательств с того момента, когда вещь, составлявшая предмет договора, передавалась одним контрагентом другому. Древнейшим видом реального контракта был заем (*mutuum*), согласно которому кредитор предоставлял должнику определенное количество денег или других заменимых вещей (зерно, масло, вино и т. п.) при том условии, что через определенное время эти вещи будут возвращены той же мерой, весом или счетом. Заем мог быть как беспроцентным, так и процентным; именно в этой последней форме осуществлялись ро-

стовщические операции. Другими примерами реальных контрактов были договоры ссуды (предоставление определенного имущества во временное безвозмездное пользование) и поклажи (при котором хранение имущества также осуществлялось безвозмездно). *Консенсуальные контракты* (от лат. consensus — согласие) являлись наиболее поздними и наименее формальными; их юридическая сила вытекала из самого факта соглашения. Примерами консенсуальных контрактов могут служить договоры купли-продажи, найма (с вариантами — наем вещей, наем рабочей силы, подряд), товарищества и поручения.

Основными средствами обеспечения обязательств являлись залог и поручительство. Единого термина для обозначения *залога* в римском праве не существовало. В наиболее общем виде залог представлял собой обеспечение прав кредитора путем предоставления ему какой-либо вещи должника. При залоге должник не терял права собственности на заложенную вещь, и кредитор, являясь ее временным владельцем, обязан был возвратить вещь после уплаты долга. В том случае, когда должник не возвращал долг в установленный срок, кредитор получал право реализации (продажи) заложенной вещи; при этом кредитор не имел права купить эту вещь для себя. Если кредитору удавалось реализовать вещь по цене, превышающей ее стоимость, образовавшийся излишек должен быть передан должнику. Если, напротив, цена продажи заложенной вещи не покрывала долга, то все недостающее взыскивалось с остального имущества должника. Особым видом залога являлась *ипотека*, при которой заложенная вещь оставалась у должника, но он не мог впредь распоряжаться ею без согласия кредитора. Так, считались находящимися в ипотеке орудия труда арендатора, мебель квартиросъемщика. Наиболее распространенной формой ипотеки стал залог земли. Продолжая трудиться на своей заложенной земле, должник накапливал средства для выплаты долга. Если же долг остался невыплаченным, земля переходила в собственность кредитора. *Поручительство* заключалось в даче гарантий кредитору выполнения обязательств должником со стороны третьего лица. В этом случае возможности кредитора по удовлетворению своих требований существенно увеличивались: наряду с должником перед ним отвечал и поручитель. В числе средств, стимулирующих выполнение обязательств, предусматривались задаток и неустойка. *Задаток* имел целью подтвердить и подкрепить факт

заключения договора. Если обе стороны выполняли условия договора, сумма задатка зачислялась в счет платежа. При нарушении договора задаток приобретал определенные штрафные функции: так, законодательством Юстиниана было предусмотрено, что если неисполнение договора происходило по вине покупателя, он терял свой задаток, если по вине продавца — он был обязан возвратить задаток в двойном размере. *Неустойкой* называлось обязательство, принимаемое на себя должником в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договора; она выражалась в определенной денежной сумме, заранее предусмотренной условиями договора.

Значительные изменения происходили в системе *обязательств из деликтов*. Наиболее тяжкие личностные и имущественные деликты (телесные повреждения, кражи, грабежи) переходили из разряда частных правонарушений в преступления, наказуемые уголовно-правовом порядке. Остальные гражданские правонарушения, приобретшие форму чистого имущественного деликта, стали дифференцироваться в зависимости от их тяжести. При определении размеров штрафных санкций стала более полно учитываться субъективная сторона правонарушения (умысел, неосторожность, случайность). Штраф, как правило, значительно превосходил стоимость вещи. Так, ущерб за уничтожение скота и рабов возмещался с учетом их наивысшей стоимости за последний год. В преторском праве был установлен ряд новых видов частных деликтов — обман (мошенничество) и угроза; последняя предусматривала возмещение ущерба в четырехкратном размере. Однако, римское право даже на высшем этапе своего развития так и не разработало общего и единого понятия деликта.

Семейное право. Господствующей формой брака стал брак *sine manu*. Согласие брачующихся стало обязательным условием заключения брака. Имущественная самостоятельность жены расширялась. Брак легко расторгался по взаимному согласию супругов либо по требованию одного из них. Был широко распространен *конкубинат* — юридически неоформленное сожительство мужчины и женщины. В условиях всеобщего падения нравов в период принципата император Август издал ряд законов, направленных на укрепление семьи, повышение рождаемости, усиление ответственности родителей за воспитание детей. Была установлена уголовная ответственность за прелюбодеяния; при

этом наказанию подвергались не только непосредственные виновники, но и их попустители (например, отец виновной жены). Мужчины в возрасте от 25 до 60 лет и женщины от 20 до 50 лет были обязаны состоять в браке и иметь детей. Лица, не состоявшие в браке, не получали наследства по завещаниям; супруги, не имевшие детей, могли получать такое наследство лишь в половинном размере. Женщина считалась бездетной, если имела менее трех детей (вольноотпущенница — даже четырех). Хотя официальных препятствий для вступления во второй брак по прекращении первого не имелось, проявилось стремление ограничить имущественные интересы детей от первого брака. Вдова, вступавшая во второй брак, должна была соблюсти т. н. «траурный год», который определялся в 10 календарных месяцев.

Подробной регламентации был подвергнут институт приданого. *Его* собственником являлся муж, но он должен был использовать приданое строго по назначению — для устройства совместной жизни, а не в корыстных целях. Опека над взрослыми женщинами постепенно исчезала; дееспособность мужчины и женщины практически уравнивалась. Власть отца над детьми ослабевала: убийство детей стало уголовно наказуемым. Процедура освобождения сына из-под власти отца значительно упрощалась. На имущество сына, приобретенное на войне или на государственной службе, власть отца не распространялась. Внебрачные дети получили право на наследство; облегчался порядок их усыновления.

Наследственное право. Основная тенденция развития этой отрасли — постепенный переход от наследования в рамках агнатического родства к наследованию по линии когнатических (кровнородственных) связей. Круг наследников значительно расширился — вплоть до шестого (иногда даже седьмого) колена кровного родства. При отсутствии кровных родственников могли наследовать пережившие супруги. Дети наследовали не только после отца, но и после матери.

Свобода наследования по завещанию была ограничена кругом необходимых наследников, которых нельзя было игнорировать. Ближайший наследник, обойденный в завещании, мог потребовать по крайней мере одну четверть имущества, которое он имел бы при наследовании без завещания. Основной формой завещания стала письменная форма, скрепленная печатью не менее семи свидетелей.

Уголовное право. В отличие от отраслей частного права, данная отрасль по-прежнему оставалась некодифицированной (лишь в юстиниановском своде она была подвергнута некоторой систематизации), что предоставляло высшим магистратам, а впоследствии императору и его сановникам, право широкого усмотрения при квалификации преступных деяний и при определении наказаний за них. Общая часть уголовного права не получила детальной проработки, хотя уже проводилось различие между преступлением *умышленным* и *неосторожным*: по мнению классического юриста Павла, «следует наказывать намерение лица, а не самое действие». Учитывалось состояние *необходимой обороны*; делались попытки проанализировать институт соучастия; существовала градация *стадий преступного действия*.

Уголовное право было распространено на всю территорию Римского государства, и под его действие подпадали все категории населения, включая рабов и перегринов. Уголовно-правовые нормы носили ярко выраженный классовый характер, исключающий принцип равенства субъектов перед уголовным законом. Особой репрессивностью отличались нормы, направленные против рабов; так, все рабы, находившиеся в доме в момент убийства господина, подлежали уничтожению.

Система наказаний основывалась на принципе неопределенности: конкретный вид и размер наказания зависел от усмотрения судей. Смертная казнь полагалась за более чем 30 видов преступлений. Главной целью наказания стало уже не возмездие, а устрашение, и потому на первый план вышли такие наказания, которые были рассчитаны на причинение виновному максимальных физических страданий. Наказания рабов и простолудинов были особенно мучительными: распятие на кресте (известно, что после подавления восстания Спартака было распято свыше 6000 рабов), растерзание дикими зверями или хищными рыбами, закапывание в землю, сожжение, сбрасывание со скалы. Для представителей высших сословий и военнотружущих смертная казнь применялась в форме отсечения головы мечом. Кроме смертной казни, в качестве наказаний применялись ссылка и высылка (навсегда или на срок), каторжные работы (иногда пожизненные, что означало переход в рабское состояние), отдача в гладиаторы, телесные наказания (розгами, бичами и палками — так могли наказываться только рабы и

представители низших сословий), штрафы и конфискации (служившие цели пополнения государственной казны).

Виды преступлений. С периода гражданских войн (I в. до н. э.) репрессивная функция государства резко усилилась. В связи с этим расширился круг деяний, подпадавших под уголовно-правовую санкцию. Так, к известным ранее государственным преступлениям при диктаторе К. Сулле было добавлено «оскорбление величия римского народа», под которым, по общему замыслу, понималось деяние, направленное не против республиканских устоев, а против императорской власти. Широта и неопределенность этой формулировки позволяла подвести под данный состав любое проявление оппозиционности: вооруженное восстание, подстрекательство войска к мятежу, убийство должностного лица, непризнание религиозного культа императора и т. д. Дела по таким составам могли быть возбуждены даже после смерти обвиняемого (с целью осуществить репрессии против его родственников или сторонников и в надежде возможных имущественных конфискации). Наказуемыми были подлоги документов (рабы наказывались смертью, а свободные — ссылкой), подкупы судей, вымогательство, взяточничество и казнокрадство (чиновники наказывались смертью, а все остальные — ссылкой), фальшивомонетничество и лжесвидетельство, участие в запрещенных сборищах и объединениях, спекуляция зерном и неуплата налогов. Возросло число религиозных преступлений. В связи с переходом к профессиональной армии получили детальную регламентацию воинские преступления (измена в форме перехода на сторону врага или разглашения военной тайны, уклонение от призыва, дезертирство, неисполнение приказа, оставление оружия и др.). Специфическим наказанием в армии, имеющим цель поднятие дисциплины, являлась т. н. *децимация* — смертная казнь каждого десятого воина по жребию, без учета его конкретной вины.

Убийство свободного человека наказывалось смертью. Особо преследовались тайные и наемные убийцы, а также изготовители и продавцы ядов. Сурово каралось отцеубийство: виновный и его сообщники подвергались сечению до крови, затем зашивались в мешок вместе с собакой, петухом, змеей и обезьяной, после чего бросались в воду. Расширился круг преступлений

против семьи и нравственности. Сюда относились прелюбодеяние, многоженство (многомужество), мужеложство и др.

Хищения государственного, императорского или церковного имущества наказывались гораздо строже (вплоть до смертной казни), чем кража у частных лиц. Последняя могла быть явной (с поличным) — тогда она наказывалась штрафом в четверном размере против стоимости похищенного — и тайной (без поличного), при которой штраф устанавливался в двойном размере.

Процессуальное право. Известный по Законам XII таблиц легисакционный процесс, применявшийся для рассмотрения гражданских дел, со второй половины II в. до н. э. стал постепенно заменяться *формулярным процессом*. В нем сохранялись две стадии, но основной становилась первая стадия, где действовал претор. Выступавшие перед ним стороны могли излагать дело без каких-либо формальностей; задача юридического оформления претензий сторон отныне возлагалась полностью на претора. Первоочередная функция претора состояла в решении вопроса о справедливости иска. Признание иска необоснованным означало остановку процесса и, следовательно, лишение истца его гражданских прав. Если же претор признавал иск, он излагал юридическую сущность спора в особой записке (формуле), которая вручалась присяжному судье, назначенному вести дело во второй стадии. Тем самым исход дела фактически уже был предreshен, ибо судья должен был действовать в строгом соответствии с преторской формулой.

В некоторых случаях претор, ссылаясь на необходимость действовать быстро, решал дело уже на первой стадии. Из этой практики постепенно родилась новая форма процесса — экстраординарный *процесс*, который в эпоху империи стал основным, а после 294 г. н. э. — единственным. Экстраординарный процесс строился не на прежнем принципе соглашения сторон, а на началах власти; решение было уже не мнением третейского судьи, а властным приказом носителя государственных полномочий. Деления на две стадии в экстраординарном процессе не существовало; все дело рассматривало по поручению императора одно лицо (городской префект в Риме, правитель провинции, муниципальный магистрат и т. п.). Оно устанавливало обоснованность иска, оценивало фактическую сто-

рону дела, заслушивало ответчика и постановляло решение. При этом судья имел право широкого судебного усмотрения: в случае пробела в праве он мог действовать на основе судебной практики или консультации адвоката. В экстраординарном процессе значительно возрастала роль государственных органов: они брали на себя вызов ответчика в суд и исполнение судебного решения. Вводились судебные пошлины; судопроизводство стало письменным. На решение нижестоящего суда могла быть принесена апелляция в вышестоящий. Последний пересматривал дело в полном объеме по существу. Высшей апелляционной инстанцией являлся император. Повторный проигрыш дела грозил истцу крупным штрафом.

Процесс по уголовным делам характеризовался тем, что народные собрания, являвшиеся в республиканский период носителями высшей уголовно-правовой власти, постепенно утрачивали свои судебные функции. Со II в. до н. э. для рассмотрения отдельных видов преступлений (вымогательство, разбой, отравление и др.) стали формироваться т. н. «постоянные суды» численностью 300 и более человек, избираемые на один год первоначально только из сенаторов, а с I в. до н. э. — также из всадников и состоятельных граждан. Из этих постоянных судов для рассмотрения каждого конкретного дела избиралась по жребию коллегия судей в количестве 30—40 чел.; при жеребьевке присутствовали обвиняемый и обвинитель. Возглавлял коллегию особый претор. Обвинение поддерживалось частным лицом, но с разрешения претора; это же лицо было обязано собирать доказательства и отыскивать свидетелей. Судопроизводство было устным; приговор выносился по большинству голосов судей. Если же не находилось никого, кто готов был выступить обвинителем, преступление оставалось безнаказанным.

В период империи уголовная юрисдикция полностью сосредоточилась в руках императора, который и являлся высшей апелляционной инстанцией. Уголовные дела вели уже не коллегии, а императорские чиновники, которые соединяли в себе функции следователя, обвинителя и судьи. Процесс носил ярко выраженный инквизиционный характер. Применялась пытка как подозреваемых, так и свидетелей; от нее были освобождены только высшие сословия и военнослужащие. В качестве доказательств вины использовались доносы и материалы неглас-

ного наблюдения. Публичное судопроизводство сменилось тайным. Обвиняемый утрачивал процессуальные гарантии, в т. ч. право на защиту. Поскольку римский суд (как уголовный, так и гражданский) не был отделен от администрации, объективность и беспристрастность судебного разбирательства были исключены изначально. Жизнь народов нового и новейшего времени, явившись одним из самых высших достижений человеческой цивилизации. По словам одного из ведущих современных ученых-правоведов М. Казера, «римское право есть, прежде всего в передаче его крупнейшими классическими юристами, исторический памятник высшей ценности». Незыблемыми основами римского права являлись свобода личности, свобода собственности, свобода договоров и завещаний. Важнейшее достоинство римского права — его абстрактность, приспособленность к регулированию отношений любых частных собственников, независимо от их национальной принадлежности, местности и времени проживания. Именно универсальный, «всесветский» характер римского права обеспечил ему столь широкое распространение по всему миру во времени и пространстве. Кроме того, римское право превосходило все существовавшие до него системы степенью разработанности правовых понятий и институтов, четкостью формулировок, совершенством юридической техники. Недаром римское право воспринималось позднейшими поколениями в качестве «писаного разума». В эпоху феодализма, начиная с XII века, оно пережило второе рождение путем его восприятия (рецепции) государствами Западной Европы. Впоследствии оно явилось основным источником формирующихся буржуазных правовых систем. Знаменитый Гражданский кодекс Франции 1804 г. («Кодекс Наполеона») в значительной степени базировался на структуре, принципах и институтах, разработанных классическим римским правом. Эти же компоненты явились основополагающими для Германского гражданского уложения 1900 г.

В современном мире живой интерес к римскому праву объясняется не только познавательными, но и сугубо утилитарными целями. Интеграционные процессы, набирающие силу в современных международных отношениях, требуют создания наднациональной правовой платформы, роль которой могло бы с успехом сыграть римское право. Именно к нему, как к универ-

сальному инструменту регулирования общественных отношений, привлечено в настоящее время внимание международной юридической общественности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО СРЕДНИХ ВЕКОВ (Франция, Англия, Германия)

ВВЕДЕНИЕ

Содержание понятий «средние века» и «феодализм». Термин «средние века» (лат. *medii aevi*; отсюда название исторической дисциплины, изучающий период средневековья — *медиевистика*) был впервые введен в науку итальянскими историками-гуманистами XV—XVI вв. (Л. Бруни, Л. Валла, Ф. Бьондо и др.). Под этим термином они понимали промежуток времени, отделявший их эпоху от периода античности. В XVII в. германский историк Й. Келлер установил место средневековья в общей периодизации всемирной истории, поместив его в промежуток между античностью и новым временем. К первоначальной оценке средневековья как времени упадка грамотности, образованности, общей культуры учеными-просветителями XVIII в. были добавлены такие пейоративные критерии, как засилие религиозного догматизма, господство суеверий и мракобесия, подавление духовных и умственных порывов человека.

Историография XIX в. существенно скорректировала представление о средневековье как периоде исключительно лишь «темных веков» — оценка этого этапа всемирной истории стала более объективной. В конце концов утвердилось понимание средневековья как особого закономерного этапа в общем развитии человеческого общества. Его хронологические параметры стали условно определяться приблизительно двенадцатью столетиями, размещаемыми в промежутке между временем падения Западной Римской империи (476 г.) и начальными событиями Английской буржуазной революции XVII века. При этом следует заметить, что если начальная точка периода является к настоящему времени общепризнанной, то конечная его грань распространяется различными исследователями на достаточно продолжительный период — от XVI до XVIII столетия.

Еще с конца XVIII в. термин «средние века» стал отождествляться с термином «феодализм». Под последним понимался

период господства феодальной (или ленной) системы политико-правовых отношений, сложившихся в эпоху средних веков, в первую очередь, внутри класса земельных собственников. Историческая наука второй половины XIX в., испытавшая серьезное воздействие позитивистской философии, существенно обогатила и углубила понимание феодализма, добавив к его политическим и юридическим характеристикам также экономические, социальные и культурологические показатели. Тем самым были подготовлены необходимые условия для структурного (или системного) анализа всей совокупности общественных явлений на определенных этапах развития человеческой цивилизации. Важнейшим инструментом такого анализа стал термин *формация*, активно воспринятый марксистской методологией. Марксистский исторический материализм стал рассматривать феодализм как особую классово антагонистическую формацию, характеризующую качественно новым (по сравнению с рабовладельческим и первобытнообщинным строем) способом производства и специфическими формами эксплуатации трудящихся масс. Строгая детерминированность марксистского подхода к историческим явлениям, его схематизм и максимальная политизированность, одностороннее увлечение экономическими и социальными феноменами при одновременном игнорировании всех остальных проявлений человеческого бытия наносили ущерб комплексному восприятию исторического процесса, способствовали построению идеологизированных, абстрактно-теоретических, умозрительных конструкций, зачастую оторванных от подлинных явлений реальной жизни.

Историография XX века, находившаяся за пределами влияния марксизма, развивала понимание феодализма как сложного и многогранного системного цивилизационного явления. Это явление характеризуется обширным комплексом межличностных связей, причем не только объективных, вырастающих из сферы хозяйствования, но и субъективных, рождаемых в глубинах человеческого сознания, поскольку всякая производственная деятельность является результатом сознательного человеческого творчества. Вследствие этого объективные законы общественного развития никогда не проявляются столь односторонне и однопланово, как это предписывалось им марксистскими схемами, — в этом смысле марксистский «детерми-

низм», усиленно декларируемый его адептами, фактически перерастал в такую махровую телеологию, которая показалась бы чрезмерной даже самым ревностным приверженцам принципа «конечных причин». В действительной жизни общественное развитие, в значительной мере определяемое человеческим сознанием, никогда не было однолинейным и равноускоренным, — оно всегда являлось результатом выбора из нескольких возможных вариантов, причем различные стороны общественного процесса (экономика, социальные отношения, культура, идеология, право и др.) обладали существенно разными ритмами, темпами, а зачастую и направлениями своей эволюции. Что же касается еще одного важнейшего критерия, по которому марксистская методология осуществляла членение единого исторического процесса на особые общественно-экономические формации, — способов и форм эксплуатации правящими верхами непосредственных производителей, — то этот критерий должен быть, на наш взгляд, заменен на свою противоположность: исторические разновидности общественных систем, само существование которых отрицать невозможно, должны сопоставляться между собой не по уровню эксплуатации, а по критерию человеческой свободы, измеряемой тем объемом прав личности, которым она реально обладает на данном этапе общественной эволюции.

В современной отечественной и зарубежной историографии формационный подход к явлениям прошлого не признается единственным. Однако, по нашему мнению, он представляется наиболее обоснованным. Понятие формации, являясь важнейшей категорией структурно-системного анализа исторического процесса, позволяет охватить все стороны общественной жизни в их органической взаимосвязи. Важно только постоянно помнить, что такое обобщающее понятие, как «феодализм» (наряду с понятиями «первобытнообщинный строй», «античность», «новое время» и т.п.), имеет условный, конвенциональный характер, поскольку оно относится к абстрактно-логической сфере познания и не является отражением каких-либо конкретно-исторических событий или фактов. Поэтому степень его соответствия исторической реальности может быть различной, — в зависимости от специфики самой этой реальности.

Основы общественного строя феодализма. Главным объектом собственности в эпоху феодализма являлась земля. Правом собственности на землю монопольно обладал класс феодалов. Непосредственное хозяйственное использование земли осуществлялось мелкими держателями — крестьянами, которые за предоставление им земельного надела были обязаны феодалу различными видами *ренты* (отрабочной, натуральной или денежной). Чаще всего все эти три вида ренты находились в сочетании друг с другом, но все же на определенных этапах развития феодализма один из этих видов являлся приоритетным. Первоначально ведущей формой ренты является отрабочная (в виде *барщины*), затем — рента продуктами (в виде *натурального оброка*), а еще позднее — *денежная рента*. Материальным условием отработки или выплаты ренты являлось наличие у крестьянина в собственности жилого помещения, крупного и мелкого скота, орудий труда и необходимого производственного инвентаря. Хозяйственная самостоятельность крестьянина придавала его обязанностям выплачивать ренту феодалу в известной степени альтернативный характер. Политической же гарантией получения феодалом причитающейся ему ренты являлось наличие системы *внеэкономического принуждения*, т. е. возможности прямого насилия над личностью производителя со стороны как всего класса феодалов, так и отдельных его представителей, — без этого насилия у феодалов не существовало других возможностей реализовать свое право земельной собственности. Конкретные формы, способы и приемы внеэкономического принуждения могли быть самыми различными, зависящими как от стадийных, так и от национально-культурных факторов, но их неперенное наличие (неважно, в каком именно реальном масштабе) определяет один из самых показательных, квалифицирующих признаков системы феодализма.

Наличие фактора внеэкономического принуждения, обеспечивавшего реализацию права феодальной собственности, воплощалось в еще одну характерную черту организации средневекового общества — *соединение земельной собственности с политической властью*. Как известно, наличие феномена власти-собственности можно обнаружить еще в общественно-политической системе древневосточных деспотий, о чем было

подробно сказано в соответствующем разделе первой части нашего лекционного курса. Но принципиальное отличие этих феноменов, проявившихся на совершенно разных этапах исторического развития в двух радикально различных регионах человеческой цивилизации, состояло в том, что если в странах Древнего Востока основополагающим, приоритетным элементом связки «власть-собственность» являлся ее первый компонент, то в средневековой Европе дело обстоит диаметрально противоположным образом: здесь комплекс элементов политической власти являлся вторичным и производным от института собственности. Однако, будучи порожденной собственностью и опосредованной ею, политическая власть в условиях феодализма приобретала свойства относительной самостоятельности и самодостаточности, возможности активного воздействия на собственность как в ракурсе ее пространственного приумножения, так и в плане внутреннего институционального укрепления. Именно политическая власть в ее различных объемах (верховный, региональный или местный уровни) и конкретных проявлениях (военная, финансовая, административная, судебная сферы) являлась инструментом осуществления внеэкономического принуждения, а в конечном счете — условием реализации феодалами их монопольного права земельной собственности.

Поскольку в период средневековья господствующий класс феодалов не представлял собой монолитного единства и был разделен на многочисленные прослойки, различавшиеся уровнем состоятельности и благородства происхождения, принадлежавшая этому классу земельная собственность не могла не приобрести характера *условности и иерархической соподчиненности*. Между крупнейшими феодальными собственниками (герцогами, графами) и непосредственными производителями (крестьянами) располагалось несколько прослоек средних и мелких феодалов (бароны, виконты, маркизы, рыцари и др.), вследствие чего один и тот же земельный участок оказывался в условной собственности сразу нескольких номинальных или реальных хозяев, находившихся между собою в состоянии определенной политико-правовой субординации (т. н. отношения *сюзеренитета — вассалитета*, подробная характеристика которых будет дана ниже).

Западноевропейский феодализм знал несколько исторических форм земельной собственности. Первой из них являлся *аллод* — безусловная свободно отчуждаемая индивидуально-семейная собственность, возникшая в эпоху раннего феодализма (в государстве франков — в VI веке) под сильным влиянием традиций позднеримской частной собственности на землю. Именно аллодиальная форма способствовала первому кардинальному расколу массы некогда свободных, полноправных в имущественном и политико-правовом отношении общинников, определила перспективу последующего противостояния крупной земельной собственности крестьянскому держанию. В первой половине VIII в. во Франкском государстве возник т. н. *бенефиций* — условное срочное (чаще пожизненное) земельное пожалование за выполнение административной или военной службы. Бенефициальные земли раздавались от имени короля вместе с сидящими на них крестьянами. Бенефиций являлся исходной основой построения т. н. «феодальной лестницы», первоначальным инструментом организации иерархической структуры господствующего класса. Наконец, на смену бенефицию пришел *феод* (или *лен*) — условная наследственная форма земельной собственности, существовавшая внутри господствующего класса и предусматривавшая несение *вассалом* в пользу *сеньора* определенной службы (чаще военной и придворной), а также выплату первым в пользу второго установленных денежных платежей. Поскольку в условиях развитого феодализма действовал принцип *субинфеодации*, т. е. передачи «основным» вассалом части собственных прав и обязанностей своим вассалам более низкого ранга, над одним и тем же земельным владением воздвигалась упомянутая ранее вертикальная структура, состоявшая из нескольких носителей владельческих прав, находившихся между собой в определенных договорно-правовых отношениях.

Иерархическая структура феодальной земельной собственности была единственно возможной формой консолидации отдельных нетрудящихся индивидов в целостный господствующий класс, формой слияния интересов отдельных его представителей в единую классовую волю. Путем взаимных уступок друг другу части своих собственнических и владельческих прав, путем взаимного делегирования определенного объема поли-

тических полномочий и даже личных свобод различные контингенты господствующего класса пытались снять потенциальную угрозу противоречий, которые объективно могли возникнуть в их среде, и тем самым обеспечивали условия для успешного противостояния всего феодального класса в целом классу непосредственных производителей. Только при условии консолидации в единую иерархически организованную структуру феодалы могли реализовать свой высший материальный интерес, заключающийся в извлечении ренты из принадлежавших им земельных богатств.

В условиях феодализма, как и в других известных в истории ранних людских общностях, где человек был бессилен перед природными стихиями, а его личность не имела развитых гарантий своей правовой защищенности от общественных опасностей, его естественной, даже не всегда осознаваемой реакцией было стремление компенсировать свою индивидуальную слабость силой коллектива, с которым его объединяли кровно-родственные связи либо интересы социального или производственного характера. Вследствие этого феодальная собственность неизбежно приобретала еще одну специфическую особенность — ярко выраженный *корпоративный характер*. Типичными примерами феодальных корпораций являлись крестьянская *община* в деревне, ремесленные *цеха* и купеческие *гильдии* в городах. В широком смысле слова корпорацией являлась и вся организационная структура господствующего класса, в которой роль связующих стержней играли вассально-ленные отношения. С помощью указанных корпоративных объединений участники общественных (в частности, производственных) отношений имели возможность реализовать свои собственнические права. При этом нельзя упускать из виду двойственный характер средневековых корпораций: предоставляя своим членам необходимую защиту их имущественных и личностных прав в процессе реального противостояния другим социальным силам, корпорация одновременно требовала от них существенных ограничений собственной индивидуальности, строгого подчинения единым для всех регламентам и уставам, нивелирования индивидуальных проявлений до общеприемлемого уровня, ибо только в таком усредненном, обобщенном и систематизированном виде единое волеизъявление членов данной

корпорации могло быть противопоставлено требованиям других корпораций с надеждой быть услышанным и принятым во внимание.

Отмеченные особенности феодальной собственности (ее монополизация в руках одного класса; особый способ ее реализации — с помощью непосредственных держателей при помощи механизмов внеэкономического принуждения; ее условный, иерархически-структурированный и корпоративный характер) определили и специфику социальной организации средневекового общества, в котором классовое деление органически дополнялось и корректировалось сословным делением.

Как известно, понятие «класс» относится к экономическим категориям; оно определяет, прежде всего, место данной социальной группы в сфере производства. Средневековому обществу было присуще деление всего населения на два противоположных, но тесно связанных между собой класса — земельных собственников и зависимого трудящегося крестьянства. «Сословие» — это понятие из сферы юридических категорий. Сословия представляли собой особые социальные группы, обладавшие закрепленными в обычае или законе правами и обязанностями, передаваемыми по наследству. И хотя сословная организация общества находилась в тесной связи с его классовой структурой, сословное и классовое деление отнюдь не совпадали друг с другом. Так, в рамках господствующего класса существовали два сословия — *духовенство* и *дворянство*. Особую социальную группировку составило *городское сословие*, сумевшее приобрести более высокий юридический статус, чем основная масса крестьянства, но оказавшееся не в состоянии уравниваться в правах с двумя первыми привилегированными сословиями и потому признанное официальной идеологией в качестве промежуточного «*третьего сословия*».

Сословная система в условиях феодализма отличалась большей динамичностью, большими вариационными возможностями, чем система классовая. Изменение юридического статуса лица являлось не только теоретически возможным, но и реально достижимым, — мало того, такое изменение могло произойти неоднократно в течение одной человеческой жизни. Особенно подвижной была грань между двумя привилегированными сословиями. Шла также постоянная «подпитка» го-

родского сословия за счет неисчерпаемого резерва крестьян. В принципе не были закрыты и законные пути проникновения представителей «неблагородного» третьего сословия в «благородные» сословные структуры.

Корпоративизм собственности и сословное деление общества были присущи не только периоду феодализма, но и другим, еще более ранним этапам развития человеческого общества. Однако именно в эпоху средневековья и особенно в Западной Европе эти элементы общественного строя получили свое наиболее полное структурно-организационное и правовое оформление. Приобретая в процессе становления институтов феодализма все большую определенность, они подвергались возрастающей по остроте критике со стороны представителей просветительской идеологии нового времени. Затем, в ходе буржуазных революций XVII—XVIII веков, указанные элементы одними из первых были подвергнуты самому решительному разрушению и самому радикальному уничтожению, так что новая капиталистическая общественная система стала формироваться на их диаметральных противоположностях — неограниченной индивидуальной собственности и полной, освобожденной от всяких сословных ограничений свободе личности.

Политическая организация феодального общества. В период средневековья в странах Западной Европы основной формой правления являлась *монархия*. В качестве редкого исключения встречались и *республиканские* формы правления (города-государства Италии и Германии). Однако указанные патрицианские республики не являлись крупными национальными общностями — они были вызваны к жизни особыми политико-экономическими обстоятельствами, сложившимися, как правило, в условиях феодальной раздробленности. Просуществовав сравнительно непродолжительное время, хотя и оставив значительный след в экономической, политико-правовой и культурной жизни средневековья, они с течением времени были постепенно поглощены более мощными монархическими государственными образованиями.

Феодальное общество и государство прошли в своем развитии несколько этапов. Им соответствовали четыре сменявших одна другую историко-государственные формы. Первые государства эпохи феодализма, в рамках которых шли процес-

сы формирования классов и сословий феодального общества, складывались его основные государственные и правовые институты, имели форму *раннефеодальной монархии*. Пришедшая ей на смену государственная форма, характеризовавшаяся крайней степенью экономической и политической децентрализации, именуется *сеньориальной (или ленной) монархией*. На период преодоления феодальной раздробленности, становления национальных государств, усиления королевской власти, опиравшейся на поддержку сословий, приходится период *сословно-представительной монархии*. В эпоху позднего средневековья, когда шел интенсивный процесс разложения феодального строя и формировались элементы новой капиталистической системы, когда королевская власть, используя сложившийся в обществе баланс двух основных социальных сил (буржуазии и дворянства), получила возможность осуществлять неограниченное политическое господство, феодальное государство приобрело форму *абсолютной монархии*. Крушение абсолютизма, произошедшее в ходе буржуазных революций, открыло эпоху политического господства буржуазии, которая стала осуществлять строительство новой общественной системы на качественно иных, чем это было присуще феодализму, политико-правовых основах.

В наиболее четком виде все названные формы феодального государства проявились во Франции. Поэтому в процессе дальнейшего изложения настоящего лекционного курса государственно-правовой истории французского феодализма уделяется приоритетное внимание. Тем не менее, соответствующий материал по истории средневекового государства в Англии и в Германии, хотя он и преподносится преимущественно в сравнительном и сопоставительном ракурсе, также излагается с достаточной степенью подробности, поскольку он обладает не меньшей познавательной ценностью.

I. РАННЕФЕОДАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ

1. РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ФРАНКОВ

Типичным примером раннефеодальной монархии являлось Франкское государство, существовавшее с VI по IX вв. Оно сложилось на территории бывшей римской провинции Галлии (современная Бельгия и Северная Франция). Король салических (приморских) франков из рода Меровингов по имени Хлодвиг (481—511 гг.; это имя в переводе означает «Отважный в бою») в 486 г. наголову разбил войско суассонского наместника Сиагрия, размещенное в Галлии; при этом часть римлян перешла на сторону франков. Завоевав в течение последующих двадцати лет северную и юго-западную части Галлии, Хлодвиг явился основателем обширного государства, простиравшегося от среднего течения Рейна на востоке до Пиренейских гор на западе. Важнейшим политическим шагом Хлодвиг явилось принятие им и его ближайшими политическими и военными сподвижниками христианства (496 г.). При сыновьях Хлодвиг Франкское государство было еще более увеличено за счет присоединения Бургундии (534 г.) и Прованса (536 г.). Королевство франков просуществовало значительно дольше, чем все другие варварские государства континентальной Европы. Спустя два с половиной столетия, достигнув при Карле Великом своего наивысшего могущества и своих максимальных территориальных размеров, Франкская империя явилась прародиной целого ряда современных западноевропейских государств — Франции, Германии, Италии, Австрии, Швейцарии, Бельгии и др.

Большинство германских племен, населявших Западную Европу (в том числе и франки), миновали в своем развитии

стадию рабовладения и перешли к феодальному обществу непосредственно в результате разложения первобытно-общинного строя. Поэтому экономические и социальные отношения франкского общества характеризовались многоукладностью, т. е. сочетанием элементов родоплеменных, общинных, рабовладельческих и феодальных отношений. А поскольку раннефеодальная монархия франков являлась исторически первой формой их государственности, она несла на себе отпечаток общинной организации, испытывала сильное влияние традиций родоплеменной демократии.

Общественный строй. Первый период в развитии франкского общества (с конца V по VII в., так называемый «Долгий Шестой век») характеризовался сохранением еще достаточно прочных родовых связей. Согласно свидетельствам Салической правды, основного памятника права франков рассматриваемого периода (его подробная характеристика будет дана ниже), ближайшие родственники «до шестого колена» (до третьего поколения по нашему счету) составляли тесный союз, все члены которого были обязаны оказывать взаимную помощь друг другу, в частности, выступать в суде в качестве соприсяжников с целью защиты личностных и имущественных прав своих сородичей. С другой стороны, в случае убийства свободного франка его родственники могли претендовать на причитавшуюся им определенную долю штрафа за убийство (*вергельда*). Во времена Салической правды личность еще не была отделена от коллектива, и правоспособность человека определялась его родовой и общинной принадлежностью.

Однако уже та же Салическая правда содержит информацию о набиравшем силу процессе разложения родовых связей, шедшем под влиянием имущественной дифференциации. Глава LVIII («О горсти земли») рассматривала случай, когда некоторые обедневшие сородичи оказывались не в состоянии выплачивать свою часть судебных штрафов, в связи с чем возрастала доля платежей, возлагаемых на более состоятельных родственников. Естественно, что последние проявляли стремление выйти из родового союза и тем самым освободиться от обременительных расходов. Отвечая их интересам, глава LX Салической правды предусматривала процедуру отказа от родства. Реализация этой процедуры имела своим следствием ут-

рату и преимуществ, которые приносил данному человеку статус члена родового сообщества, и тягот, которые этот статус на него возлагал. В случае смерти человека, отказавшегося от родства, его имущество не поступало в родственный раздел, но полностью переходило в казну.

Основная масса земли в завоеванной Галлии принадлежала свободным франкским крестьянам, объединенным в общины. Община сохраняла собственность на землю, но пахотные участки, распределяемые по жребию, находились во владении отдельных семей, и переделы этих участков уже не производились. Что касается приусадебных участков, жилых и хозяйственных построек, инвентаря и домашнего скота, то на них уже была установлена частная собственность. В целом, община у франков обладала гораздо более скромными административно-управленческими полномочиями по сравнению с теми, которыми была наделена аналогичная структура в условиях древневосточных общественно-политических систем.

Органом общественного самоуправления во франкской общине было *собрание* всех ее членов, обычно проводимое под открытым небом. На собрании решались вопросы землепользования, рассматривались жалобы, вершился суд. Выборным главой общины являлся *староста*. Общинники считались равноправными и могли рассчитывать на защиту и взаимопомощь со стороны остальных членов общины. Однако во франкском обществе VI—VII вв. уже существовало значительное социально-правовое неравенство, послужившее исходной базой для возникновения и быстрого нарастания имущественного неравенства. Оформилась категория полусвободных людей — *литов*, занимавших промежуточное правовое положение между свободными франками и рабами. Литы обладали имущественными правами, могли выступать от своего имени в суде, привлекались к участию в военных походах (правда, во вспомогательных службах). Вместе с тем, литы находились в материальной зависимости от своего господина (в качестве последнего мог выступать любой свободный франк), которому они должны были оказывать личное почтение. Если покровитель предоставлял литу свободу, он оставлял имущество лита у себя.

Во франкском обществе существовали и *рабы*, полностью лишенные личной свободы и имущественных прав. Развитию

рабства способствовали завоевательные войны V—VI и последующих веков. Как и в других, более ранних обществах (например, в странах Древнего Востока) плен в результате войны являлся основным источником увеличения массы рабов. Впоследствии источники рабства стали более разнообразными. Так, рабом мог стать несостоятельный должник, прежде принадлежавший к свободному населению. В рабство мог быть обращен преступник, оказавшийся не в состоянии выплатить штраф за убийство.

Будучи достаточно широко распространенным, рабский труд не стал, однако, основой общественного производства, как это имело место в античных государствах. Рабы использовались в качестве домашней прислуги, ухаживали за скотом; наиболее искусные из них занимались ремеслом (кузнечным, ювелирным, ткацким и т. д.). Однако в основной отрасли — сельском хозяйстве — рабы отнюдь не являлись главной рабочей силой. Наказания рабов за различные виды противоправных деяний были примерно такими же, как и наказания литов. Естественно, что эти наказания были существенно строже, чем те, которые были предназначены для свободных франков.

На другом полюсе общественной организации формировалось привилегированное *служилое сословие*, куда вливалась старая родовая знать, дружинники короля, его сподвижники и чиновники. Различия между указанными социальными категориями особенно ярко выражались в системе денежных штрафов за убийство их представителей. Согласно Салической правде, жизнь свободного франка-общинника оценивалась в 200 солидов, королевского чиновника, находившегося на военной или государственной службе, — в 600 солидов, лита — в 100 солидов, раба — в 30—35 солидов (один солид в то время был эквивалентен стоимости годовалого быка).

Рост имущественного неравенства подталкивался завоевательными войнами VI—VII вв., от которых в первую очередь выигрывала военная и служилая знать, окружавшая короля. В результате войн в собственность знати перешла основная масса земель, среди которых были и целинные массивы, и высокодоходные поместья, принадлежавшие ранее галло-римской землевладельческой аристократии. Кроме того, в руках приближенных франкского короля сосредоточилась основная масса военной добычи как в виде движимого имущества (деньги,

драгоценности, одежда, утварь, произведения искусства и т.п.), так и в виде скота и рабов. Интерес франкской знати пока еще состоял в поддержке своего короля, в обеспечении его авторитета и могущества, ибо от этих обстоятельств зависело благополучие королевских сподвижников и приближенных.

С VI в. процесс феодализации франкского общества шел все более убыстряющимся темпом. Складывавшиеся феодальные отношения явились результатом взаимодействия общинных традиций германских племен с институтами классической частной собственности, господствовавшими в римской Галлии к моменту экспансии франков на ее территорию. Сосуществование столь разнохарактерных, даже диаметрально противоположных правовых систем в рамках единой социально-политической организации не могло не вылиться в объективный процесс поиска вариантов их возможного комбинирования. Своеобразный синтез составлявших их отдельных элементов имел следствием возникновение качественно нового, еще неизвестного в истории варианта общественных отношений, которые принято именовать феодальными. Исходный системообразующий элемент новой общественной организации — пахотный земельный участок, обрабатываемый трудом непосредственного производителя, — со временем перешел в полное распоряжение этого производителя с правом передачи наследникам по мужской линии, т. е. превратился в *аллод*. Последний представлял собой свободную от родовых и общинных ограничений земельную собственность, хотя и не вполне аналогичную полной частной собственности по римскому праву. Эдиктом короля Хильперика (561—584 гг.), внука Хлодвиги, было установлено, что после смерти землевладельца его надел мог быть передан не только сыновьям (как это было в свое время установлено главой LIX Салической правды), но и дочерям, братьям и сестрам, а не «соседям» (т. е. общине). В дальнейшем аллоды стали объектами завещаний, дарений, а затем и купли-продажи, и эти принципиальные изменения в способах отчуждения земельной собственности вели к углублению социальной дифференциации внутри общины, к ее фактическому разложению.

Таким образом, община, являвшаяся главным носителем старых традиций имущественного коллективизма, постепенно утрачивала верховную собственность на основное обществен-

ное богатство — пахотную землю, а все остальные некогда принадлежавшие ей земли (луга, леса, пустоши и другие угодья) подвергались разграблению королем и знатью. Сама по себе община сохранилась, но ее характер радикально изменился: уже к концу VI в. она превратилась в территориальное объединение индивидуальных семей, владеющих аллодами. В рамках этой территориальной общины (*марки*) и завершилось окончательное разложение родоплеменного строя.

Возникновение аллода привело к концентрации земельных богатств в руках крупных собственников, стоявших за пределами общины, а также к превращению верхушки общинников в мелких вотчинников и к массовому обезземеливанию рядовых общинников. Уже в VII в. стали складываться феодальные вотчины (*сеньории*), где примерно одна третья часть земли составляла собственность феодала — *домен* (от лат. dominus — господин), а остальная передавалась крестьянам на праве держания при условии несения ими повинностей в пользу своего господина (*сеньора*). Вотчина со временем превратилась в главный социальный и хозяйственный организм феодального общества. Она не ликвидировала крестьянскую общину, но как бы надстроилась над ней, подавив своим управленческим и судебным аппаратом исходные, с самого начала весьма слабые административно-юридические функции общины, но сохранив за последней некоторые чисто хозяйственно-регулятивные рычаги, направлявшие в определенное русло повседневную жизнь средневекового крестьянина.

В феодальной деревне господствовала натуральная форма хозяйства, при которой общественного разделения труда между ремеслом и сельским хозяйством практически не существовало. Впрочем, это вовсе не исключало существования денежного обращения, элементов торгового обмена между вотчинами и деревнями, особенно в более поздний (каролингский) период франкской истории. На рынках (и даже ярмарках) продавалось то, что нельзя или трудно было произвести в вотчине (соль, вино, предметы вооружения и воинского снаряжения и т. п.). В незначительном объеме существовала и внешняя торговля, покрывавшая индивидуальные потребности отдельных феодалов в предметах роскоши, драгоценностях, пряностях и др. Однако указанные торговые связи не были эффективными и

регулярными в такой степени, чтобы сколько-нибудь существенно скорректировать преимущественно натуральный характер раннефеодальной экономики.

Охарактеризованные выше процессы феодализации франкского общества наиболее интенсивно протекали в северо-восточной части страны, где переход к новым общественным отношениям происходил в результате синтеза первобытно-общинных традиций франков с позднеантичной политико-правовой системой галло-римского общества. Институты крупной земельной собственности Галлии, построенные на традициях римского права, легли в основу формирующейся аллодиальной собственности франкской знати. VII век прошел под знаком постепенной унификации крупного землевладения галло-римской и франкской аристократии; этот процесс шел параллельно со смешиванием и слиянием двух названных этно-социальных категорий. Аналогичные процессы затрагивали и все остальные прослойки населения в рамках заложенного Хлодвигом политико-территориального единства.

Таким образом, формирующиеся феодальные отношения явились результатом синтеза двух разлагавшихся укладов, носителями которых первоначально являлись победители и побежденные. В южной Галлии, где масштабы франкской экспансии были в свое время не столь значительными, старые рабовладельческие порядки, сложившиеся в предшествующие века римской колонизации, оставались более прочными, и потому процесс их трансформации в феодальную систему оказался более замедленным. Условной границей между франкским Севером и галло-римским Югом была река Луара. Различия между двумя указанными регионами, порожденные двумя различными один от другого путями становления феодализма, заметно ощущались на протяжении многих последующих столетий франкской, а затем и французской истории.

VIII—IX вв., составившие особый период в развитии Франкского государства, характеризовались серьезным по своим социально-политическим последствиям *аграрным переворотом*, суть которого состояла, во-первых, в переходе основной массы земли в собственность крупных землевладельцев франкского и галло-римского происхождения, и, во-вторых, в концентрации в их руках все большего объема политической власти.

Эти объективно происходившие в обществе процессы стали оказывать негативное воздействие на положение королевской власти, вследствие чего власть последних королей из династии Меровингов в значительной степени ослабла, а государство оказалось на грани распада и гибели. Дело в том, что рост крупного частного землевладения объективно сопровождался постепенным истощением земельных ресурсов короны. И поскольку, как уже об этом было сказано ранее, важнейшим принципом феодальной системы являлось неразрывное единство земельной собственности с политической властью, вместе с сокращением объема королевских земель шел нарастающий процесс ослабления политического могущества короля, утраты им своих некогда обширных прерогатив в пользу земельных магнатов. Возник и стал прогрессировать тот присущий феодализму феномен *диффузии политической власти*, который с наибольшей четкостью проявился в период следующей исторической формы феодального государства — сеньориальной (ленной) монархии.

Если последние Меровинги, правившие страной лишь номинально, фактически полностью смирились с ситуацией и не проявили стремления вмешаться в ход неблагоприятных для них общественно-политических процессов (за что они и получили от потомков прозвище «ленивых королей»), то короли новой династии Каролингов (официально эта династия установилась с 751 г., но представители этой фамилии, занимая высшие государственные должности, обладали реальной властью задолго до указанного рубежа) осуществили ряд мероприятий, направленных на установление новых взаимоотношений между земельными магнатами и королевской властью. Типичным примером такой политики являлась реформа, начатая майордомом Карлом Мартеллом и продолженная его преемниками.

Бенефициальная реформа Карла Мартелла и ее последствия.

При Карле Мартелле (его прозвище в переводе означает «Молот»), который в 715—741 гг. являлся главой королевской администрации и фактически правителем государства при нескольких франкских королях, была начата, а его сыном и внуком продолжена реформа, получившая наименование *бенефициальной*. Путем конфискаций владений своих политических противников, подавленных после усмирения внутренней сму-

ты в стране, вследствие частичной секуляризации церковной собственности, а также в результате захватов новых земель, осуществляемых в ходе завоевательных войн против соседних племен и народов, Карл Мартелл смог образовать значительный по размерам земельный фонд, из которого стали раздаваться участки верным правительству феодалам, но не в полную собственность, как это было при «ленивых королях», а в пожизненное держание — *бенефиций* (от лат. *beneficium* — знак милости, благодеяния, услуги) с условием несения службы (чаще всего конной военной) в пользу короля. Объем выполняемой службы зависел от размеров бенефиция и возраста бенефициария. Бенефициарий не только являлся на военную службу лично, но и приводил с собой определенное количество воинов. Земля передавалась в бенефиций вместе с сидящими на ней крестьянами, которые отныне несли повинности (барщину или оброк) в пользу бенефициария. Передача бенефиция оформлялась договором, скрепленным клятвой верности. Согласно договору король становился *сеньором* (*сюзереном*) бенефициария, а последний — *вассалом* короля (термин «вассал» происходит от галльского *gwas*, что первоначально означало «домашний слуга»). В случае смерти жалователя бенефиций возвращался его наследнику; если умирал получатель бенефиция, а его наследник желал продолжить пользоваться бенефицием, требовалось новое переоформление договора. Отказ от службы, нарушение верности королю или разорение хозяйства бенефициария приводили к потере бенефиция.

Бенефициальная реформа, задуманная с непосредственной целью реорганизации вооруженных сил королевства, имела гораздо более значительные последствия, затронувшие всю систему социально-политических связей в стране. Форма взаимоотношений, построенная на принципах сюзеренитета-вассалитета, стала устанавливаться не только между королем и крупными земельными собственниками, но и внутри господствующего класса, между феодалами более высокого и более низкого ранга. Таким образом, вассально-ленные отношения договорного характера, опиравшиеся на особые принципы политико-правовой субординации, пронизали весь господствующий класс феодалов сверху донизу. С одной стороны, они явились отражением иерархической структуры феодальной земельной собственнос-

ти, с другой стороны, они продемонстрировали реальное распределение политической власти в государстве.

Что касается отношений королевской власти с церковью, заметно обострившихся в результате секуляризационных мероприятий Карла Мартелла (хотя следует подчеркнуть, что церковь не смогла оказать им действенного сопротивления и даже формально одобрила их), то эти отношения были окончательно урегулированы при его сыне и преемнике — майордоме Пипине Коротком, занимавшем эту должность в 741—768 гг. Новый майордом установил, что розданные в бенефиции бывшие церковные земли будут юридически оставаться церковной собственностью, и получившие их бенефициарии будут отчислять в пользу церкви установленные платежи. Однако обязанность этих бенефициариев нести военную службу в качестве вассалов короля оставалась неизменной, и церковь не могла востребовать у них свою землю без высочайшего соизволения. Достижение такого компромисса означало окончательное примирение королевской власти с церковными иерархами, и их взаимовыгодный союз продолжался на всем протяжении царствования Каролингской династии.

Воспользовавшись ситуацией, Пипин Короткий заручился и мощной поддержкой папского престола. Испытывая большие трудности в войне с лангобардами и надеясь на будущую помощь со стороны христианских правителей Франкского государства, римский папа санкционировал присвоение Пипином королевского титула. В 751 г. Пипин сверг с престола последнего меровингского короля Хильдерика III, заключил его в монастырь и на собрании высших светских и духовных магнатов в г. Суассоне («Ассамблея всех франков») добился провозглашения себя новым королем. В благодарность за помощь со стороны папы Пипин силой оружия принудил лангобардского короля Айстульфа очистить ряд территорий в Средней Италии с центром в Риме и передать эти земли в личное владение папе Стефану II. Таким образом, в 756 г. было положено начало тысячелетнему существованию т. н. *Папской области* — теократического государства, историческим преемником которого является современный Ватикан.

Сыграв при Карле Мартелле и Пипине Коротком роль мощного консолидирующего фактора, значительно усиливше-

го центральную власть за счет укрепления ее социальной базы (показателем этого стали крупные военные успехи первых Каролингов), бенефициальная реформа с течением времени привела к прямо противоположным результатам: она не только не воспрепятствовала распаду единого государства на отдельные части, но даже содействовала усилению центробежных тенденций. Власть бенефициариев внутри своих владений была безграничной, и как только они добились превращения своих поместий в наследственное владение (*феод* или *лен*), их зависимость от королевской власти окончательно исчезла. Многие земельные магнаты успели обзавестись собственными вассалами, опираясь на которых они чувствовали себя в полной безопасности и не нуждались в поддержке со стороны короля. Поскольку хозяйство в то время носило преимущественно натуральный характер и регулярные рыночные связи практически отсутствовали, не существовало никаких экономических рычагов, опираясь на которые королевская власть могла бы противостоять сепаратизму отдельных феодалов, суверенизации их власти.

Серьезные изменения происходили и внутри класса зависимого крестьянства, затрагивая как материальное положение, так и правовой статус этой самой многочисленной социальной группы. Обезземеливание крестьянства приобрело массовые масштабы, а непосильная военная служба, уклонение от которой влекло за собой громадные штрафы (стоимостью в 20 быков), обременительные налоги и поборы в пользу государства, прямое насилие знати и чиновников довершали разорение свободных франков. За потерей земли следовала утрата личной свободы крестьянина. Однако важно подчеркнуть, что интерес феодалов заключался отнюдь не в том, чтобы согнать крестьянина с земли, а, наоборот, в том, чтобы как можно более тесно прикрепить его к земле, — для феодалов это был единственно возможный способ реализации их права собственности на землю.

Маломощный или обезземеленный крестьянин вынужден был искать «покровительства» (лат. *mundium*) со стороны «сильных», окончательно теряя свою самостоятельность и независимость. Акт вступления под личное покровительство назывался *коммендацией* (от лат. *commendo* — препоручать, верить, передавать). Коммендация являлась дополнительным резервом

усиления экономического и политического влияния крупных вотчинников на все большую массу трудящегося населения, вырываемого из прежних родовых сообществ и под давлением материальных обстоятельств переходившего в принципиально иной правовой статус.

Договоры покровительства раньше всего стали возникать во взаимоотношениях крестьян с духовными феодалами (монастырями и церковью). Наряду с прямым насилием церковь стремилась воздействовать на религиозные чувства крестьян, внушить им мысль о том, что дарения в пользу церкви, переход под ее покровительство будут способствовать очищению душ паствы от земных грехов, явятся гарантией их будущего блаженства в потустороннем мире. Люди, отдавшие под покровительство церкви, ставились в некоторое «привилегированное» положение по сравнению с теми, кто находился в зависимости от светских господ. Специфической чертой договоров покровительства, в которых контрагентом крестьянина выступала религиозная конгрегация, являлся длительный срок реализации таких договоров. На первых порах коммендируемые крестьяне могли сохранять свою личную свободу и владельческие права на земельные участки, но сам факт приобретения ими нового статуса покровительствуемых субъектов сковывал их хозяйственную и личную инициативу, и чаще всего исход дела был таков, что через несколько поколений прежде свободные крестьяне окончательно превращались в крепостных (*сервов*).

Более жесткую обязательную силу имел договор *прекария* (от лат. *precarium* — то, что дано во временное пользование), поскольку он был сопряжен с обязательной передачей земли (иногда неоднократно) из рук одних владельцев в руки других. Прекарии, составные элементы которого были заимствованы из позднего римского права, первоначально могли выступать в трех вариантах. Первый вариант — «прекарий данный» (*precaria data*) — представлял собой разновидность договора имущественного найма (аренды земли), когда безземельный или малоземельный крестьянин получал от земельного собственника участок во временное и условное пользование. Вторым вариантом — «прекарий предоставленный» (*precaria oblata*) — являлся разновидностью залога земли в счет будущей оплаты долга. Он состоял в том, что кредитор брал в залог землю у

должника, а затем возвращал ему его же землю, но при этом обременял новоиспеченного держателя некоторыми обязывающими условиями. Еще более сложным являлся третий вариант прекария — «прекарий с вознаграждением» (*präcaria remuneratoria*), — по которому будущий прекарист вначале уступал свой земельный участок более могущественному собственнику (чаще всего это делалось не добровольно, а в связи с крайне тяжелым положением прекариста), а затем получал его назад с некоторым приращением, но уже со статусом условного держания. «Прибавки» к дарениям обычно давались из еще не освоенных или залежных земель, так что прекарист способствовал фактическому увеличению пахотных владений крупного собственника.

Независимо от своей конкретной разновидности и несмотря на свою внешнюю форму «добровольного договора», прекарий во всех случаях был инструментом превращения прежде свободных общинников-аллодистов в вассально-зависимых крестьян. Условия прекария были очень различными: они колебались от обязательства выплачивать небольшой *чинш* (денежный платеж в несколько денариев) до уплаты большого натурального оброка и несения барщины (обычно от 2 дней до 2—3 недель в году). Прекаристы, обладающие *präcaria oblata*, в некоторых случаях имели право его выкупа. Прекарий мог быть в любое время изъят землевладельцем из рук временного держателя; кроме того, условия прекария могли быть изменены в неблагоприятную для прекариста и выгодную для земельного собственника сторону (например, в сторону увеличения денежных платежей). Но, с другой стороны, землевладелец-сеньор был обязан защищать своего прекариста в суде в случае возникновения имущественных претензий к последнему со стороны третьих лиц.

Прекарные отношения могли возникать не только между земельными собственниками и крестьянами, но и внутри господствующего класса. Так, прекарстами церкви могли стать феодалы любого ранга, члены королевской семьи и даже сами короли. Для представителей феодальных слоев прекарий создавал отношения, близкие к бенефицию, — характерно, что в некоторых средневековых документах сами термины *präcaria* и *beneficium* часто смешиваются. Так, церковные земли, нахо-

дившиеся в руках бенефициариев короля согласно компромиссу, достигнутому Пипином Коротким с церковными властями (см. об этом выше), фактически образовали четвертую разновидность прекария, получившего официальное наименование «прекария по королевскому распоряжению» (*precaria verbo regis*).

Таким образом, в течение VIII в. вассально-ленные отношения стали безраздельно господствующими как внутри эксплуататорского класса, так и во взаимоотношениях его с классом зависимого крестьянства. Было установлено, что каждый крестьянин (даже свободный) должен иметь своего сеньора из числа феодалов, — окончательно это требование было закреплено Мерсенским капитулярием короля Карла Лысого, изданным в 847 г. Более ранний капитулярный король Карла Великого, относящийся к 787 г., запрещал принимать под покровительство любого человека, самовольно оставившего своего прежнего сеньора. Для крестьян это означало запрет на переход из одного феодального поместья в другое.

Наступление феодалов на имущественные и личные права крестьянства отнюдь не происходило бесконфликтно. Сопротивление крестьянства приобретало иногда довольно острые формы. Так, в период правления Карла Великого имело место крестьянское восстание в деревне Сельт, принадлежавшей реймской церкви. Карл лично подавил это восстание, а его руководителей предал смертной казни. Крупное крестьянское восстание (т. н. движение «Стеллинга») произошло в Саксонии в 841—842 гг.; в его ходе крестьяне изгнали своих господ и по сообщениям современных источников «стали жить по старине». Серьезные выступления имели место в 848 и 866 гг. во владениях майнцского епископа. Феодалы, связанные между собою узами вассально-ленных отношений, основанными на принципах взаимопомощи, оказывались в состоянии подавлять подобные социальные конфликты собственными силами, даже не прибегая к помощи королевской власти. Однако такие конфликты не проходили бесследно: сопротивление крестьянства заставляло феодалов идти на документальную фиксацию крестьянских повинностей, вследствие чего произвол сеньоров в отношении крестьян вводился в некие «законные» рамки, а потому в определенной степени ограничивался.

К середине IX в. свободное крестьянство во Франкском государстве практически полностью исчезло. Сеньоры присвоили себе право суда и управления в отношении зависимых от них крестьян, привлекали их на военную службу, собирали с них налоги. Таким образом, экономическое закабаление крестьян воплощалось в политическое господство феодалов над ними: между государством и простолюдином встал сеньор, взявший на себя многие функции государственной власти.

Тенденции развития государственного строя. Завоевание Галлии привело к трансформации органов родового строя франков в государственные органы. Создание нового государственного аппарата диктовалось необходимостью эффективного управления захваченными территориями, их защиты от враждебных соседей, обеспечения «внутреннего мира» между завоевателями, являвшимися меньшинством во вновь созданном государстве, и завоеванными, в несколько раз превосходившими франков по численности (согласно статистическим подсчетам, в Северо-Восточной Галлии франки численно уступали галло-римлянам в соотношении 1:10). Власть франкского вождя-военачальника, которой обладал Хлодвиг до завоевания Галлии, достаточно быстро, в течение жизни одного поколения, превратилась в *королевскую власть*. Свое положение единоличного правителя, чей авторитет должен был признаваться непрерываемым, Хлодвиг укреплял всеми возможными и доступными ему способами и методами, не останавливаясь даже перед физическим уничтожением своих реальных или потенциальных конкурентов. После крещения в 496 г. важнейшей опорой власти первого франкского монарха стала христианская церковь. С помощью религиозной идеологии, опираясь на церковные организационные структуры, Хлодвиг получил возможность обосновывать и оправдывать свои завоевательные планы стремлением распространить христианское вероучение на все новые и новые племена и народы, пребывавшие доселе в духовной темноте. Таким образом, институционализация королевской власти происходила в условиях существенного расширения и радикального укрепления ее прерогатив. К традиционным функциям раннефеодального монарха как верховного военачальника, высшего администратора и судьи присоединилась функция конфессионального главы своих подданных, правомочного не

только распоряжаться их имуществом, но и выступать в роли их духовного пастыря. Следует к этому добавить, что фактом принятия христианства Хлодвиг обеспечил себе поддержку со стороны галло-римской знати, которая отныне под властью христианского монарха чувствовала себя более комфортно и уверенно. С другой стороны, и христианизированная варварская знать стала идти на более тесный контакт с галло-римской аристократией: устанавливала с нею родственные связи, подражала ее образу жизни, начинала участвовать в ее политических интригах, так что к началу VIII в. постепенно сомкнулась с ней. Этнические и социальные различия в среде господствующего класса, объединенного общим религиозным мировоззрением, если и не исчезли полностью, то в значительной степени сгладились.

Став фактически государственной религией, христианство усилило идеологическое воздействие на население. Период социально-политической нестабильности, крутой ломки старых традиционных связей и отношений, переживаемый франкским обществом в V—VI столетиях, создавал исключительно благоприятные условия для активной экспансии церковной идеологии в общественное сознание. Следствием указанных процессов явилось значительное укрепление управленческих структур церкви — местных приходов, епископских кафедр, храмов, монастырей, других религиозных конгрегаций. Начался процесс стремительного возрастания доходов церкви как за счет пожертвований простых мирян, так и пожалований правителей; особенно интенсивно увеличивались церковные земельные богатства. Естественно, что возрастающее идеологическое и экономическое могущество церкви стало основой для выдвижения ею своих властных притязаний. Представители высшего церковного клира продвигались в состав правительственных структур, члены епархиальных управлений претендовали на участие в органах местной администрации. С другой стороны, проявлялась тенденция все более активного вмешательства короля в церковные дела. Еще Хлодвиг добился от Орлеанского церковного собора 511 г. принятия особого постановления, согласно которому рукоположение мирянина в духовный сан не могло произойти без соответствующего королевского разреше-

ния. Орлеанский церковный собор 549 г. предоставил королю право контролировать назначение епископов.

После смерти Хлодвиг, обеспечившего свою власть мощной церковной поддержкой, между его наследниками развернулась ожесточенная борьба за приоритет, продолжавшаяся в течение целого столетия. Государство неоднократно распадалось на несколько частей (Нейстрия, Австразия, Бургундия, Аквитания), пока, наконец, во второй половине VII в. не наступил период стабилизации. Он характеризовался достаточно сильной центральной властью, и этот факт объясняется несколькими причинами. Существенным фактором являлось наличие в руках короля значительного земельного фонда, из которого он производил пожалования своим приближенным в полную, свободно отчуждаемую (аллодиальную) собственность. Основой этого фонда в свое время стали земли императорского фиска, которые были присвоены первыми франкскими королями по праву захвата военной добычи; впоследствии к этому фонду были присоединены все свободные земли, формально считавшиеся общим достоянием всего народа. Господствующий класс имел объективную заинтересованность в силе королевской власти, поскольку обогащающаяся франкская знать была еще не в состоянии без опоры на королевские административно-управленческие структуры осуществлять непосредственную эксплуатацию производительной части населения, ликвидировать племенной сепаратизм и традиции общинного самоуправления, поддерживать стабильный порядок внутри недавно завоеванной страны. От короля зависело и распределение военной добычи — существенного компонента богатства и социального престижа правящих верхов. Следовательно, как внутренние (экономические), так и внешнеполитические (военные) факторы объективно способствовали консолидации господствующего класса вокруг короля.

Если предписания первых Меровингов касались лишь сравнительно небольшого круга государственных дел (преимущественно военных и судебных), то уже к VII в. законодательная функция короля по любым вопросам стала практически неограниченной. Идеология и практика государственной власти складывалась под сильным влиянием римских политических установлений императорского периода. Именно отсюда (и к тому же

под сильным воздействием христианской идеологии) была заимствована идея о священном характере королевской власти. Соппротивление королевским распоряжениям каралось высокими штрафами и тяжелыми телесными наказаниями (в частности, ослеплением). Обычно за любое действие «во вред королю» накладывался штраф в 60 солидов (т. н. *королевский банн*), который мог быть удвоен, утроен и даже удесятерен. При Каролингах его размер мог достигать колоссальной суммы в 1200 солидов. Согласно общей формулировке капитуляриев, королевский банн применялся в случае совершения преступлений против церкви, грабежей, насилий, поджогов, отказов от выполнения воинской повинности. Действия против короля квалифицировались как «оскорбление величества» и рассматривались как тягчайшее преступление, заслуживающее одновременно и государственной, и религиозной санкции. Всякое возмущение оценивалось как действие «против бога, святой церкви и государства». Штраф королевского банна обычно накладывался с формулировкой «именем бога и нашей державной властью».

Юридическим выражением всеобщего подданства являлась присяга королю. При вступлении на престол король принимал присягу у своих придворных. Все население (и свободное, и несвободное), начиная с 12-летнего возраста и до глубокой старости («пока могут явиться на собрание и выполнять возлагаемые присягой обязанности»), должно было присягнуть либо лично королю при объезде им территории страны, либо принести эту присягу через посредство графов и королевских посланцев. Формула присяги содержала обязательство о сохранении верности королю «до конца жизни». Нередко присяга приносилась на мощах святых. Духовенство и монашество приносило присягу через свои высшестоящие структуры. При «ленивых королях» присяга постепенно вышла из употребления, но Карл Великий восстановил ее в первоначальном виде. Вскоре после принятия им императорского титула (800 г.) он обязал все население принести ему новую присягу, на этот раз как императору. Уклонявшихся от присяги брали под стражу и требовали за них поручительства со стороны благонадежных лиц; обо всех этих случаях докладывалось королю.

Власть короля являлась наследственной в рамках династии. Резиденцией королевского двора еще со времен Хлодвиг (с 497 г.) был избран Париж.

Все нити государственного управления сосредоточивались в королевском дворце. Дворцовые слуги короля (*министерии*), управлявшие отдельными отраслями королевского хозяйства, являлись одновременно и государственными должностными лицами. На первых порах не проводилось различий между государственным и личным королевским имуществом; общегосударственные вопросы решались через призму интересов королевского дома. Сфера компетенции министериев не была строго разграничена, так что одним и тем же лицам могли быть поручены дела по выполнению самых различных функций (военных, финансовых, судебных, административных и др.). Соподчинение и взаимодействие министериев не было отлажено; организация делопроизводства также еще была далека от совершенства. Вознаграждение министериев осуществлялось за счет земельных пожалований, определенной части сборов с населения, доли в сумме судебных штрафов и т. д.

Главным управителем дворца являлся *майордом* (лат. *maior domus* — старший господин) или *палатный мэр*. Он замещал короля в его отсутствие (когда король проводил много времени в военных походах и ему было трудно управлять страной «из седла»), издавал общеобязательные распоряжения, осуществлял суд, руководил войском, направлял работу центральной и местной администрации. В случае малолетства короля майордом был его воспитателем и фактически правителем государства. Первоначально майордом назначался королем, а затем стал избираться знатью. С конца VII в. должность майордома стала наследственной внутри богатого и знатного австразийского рода Пипинидов, представитель которого Пипин Геристальский занял эту должность в 687 г. К данному роду принадлежал и упомянутый выше Карл Мартелл, который фактически самостоятельно правил страной. Его сын Пипин Короткий, как уже было сказано ранее, в 751 г. основал новую династию Каролингов. При ней должность майордома была упразднена.

Другими важными фигурами в центральном аппарате управления Франкского государства являлись: *дворцовый граф* (юридический советник короля, следивший за исполнением судебных решений и приговоров), *референдарий* (хранитель государственной печати, глава королевской канцелярии, через которую шло государственное делопроизводство), *камерарий*

(хранитель дворцового имущества, ведавший поступлениями в государственную казну). При Каролингах усилилось проникновение на высшие государственные должности лиц духовного звания. Появилась должность *архикапеллана*, возглавлявшего все дворцовое духовенство и являвшегося неперменным членом королевского совета. В его ведение перешла дворцовая канцелярия, и его ближайший помощник — *канцлер* — в IX в. заменил референдаря. В военном ведомстве важную роль играл *маршал*, ведавший вначале королевской конюшней (и потому называемый «конюшым графом» — *comes stabuli*), а впоследствии командовавший королевской конницей.

Главным показателем могущества королевской власти, непосредственной опорой короля являлась *дружина*, содержавшаяся за счет налоговых поступлений и военной добычи. Вступая в дружину, воины давали королю клятву в верности и преданной службе; они пользовались особым покровительством короля и обычно жили непосредственно при дворе. Не располагавшие земельной собственностью и материально зависимые от короля, дружинники были его прочной опорой и послушным орудием как в военных походах, так и при подавлении народных выступлений.

Именно из числа дружинников (*антрустионов*) чаще всего формировались кадры центральной и местной администрации. Государственный аппарат пополнялся и за счет знатных представителей романизированного галльского населения, которое лучше, чем окружение короля, было знакомо с местными языками, нравами и обычаями, а также имело относительно более высокий уровень общего образования и культуры.

В VIII—IX вв. шедшие в стране процессы феодализации способствовали нараставшему ослаблению королевской власти, утрате ею относительной самостоятельности. Параллельно с этим шел процесс усиления политических позиций феодальной знати, которая стала претендовать на непосредственное участие в государственном управлении. Возросла роль *совета при короле*, состоявшего из крупных светских и духовных феодалов, — именно с согласия совета принимались серьезные государственные решения (заключение международных договоров, назначение должностных лиц центральной и местной администрации, земельные пожалования и т.п.). Также вместе

с советом король рассматривал наиболее тяжкие уголовные преступления и гражданские правонарушения. Важнейшие общеполитические вопросы (в первую очередь, церковные) решались на *феодалных съездах*, которые проводились одновременно с периодическими смотрами войска. Эти смотры созывались весной, вначале в марте («мартовские поля» — *campi martii*), а затем — при Каролингах — в мае («майские поля»); на этих «весенних полях» крупные и знатные земельные собственники имели максимально широкое представительство. На созываемых иногда аналогичных «осенних полях» феодальная знать была представлена в более узком составе.

Аграрный переворот VIII в., основные черты которого были обрисованы выше, вызвал к жизни действие новых государственно-правовых тенденций. Оформление экономической самостоятельности крупных земельных собственников сопровождалась диффузией центральной политической власти, некогда сосредоточенной в руках монарха. Было положено начало формированию той специфической черты административной системы феодализма, которая связана с институционализацией органов *вотчинного управления*. Государство было вынуждено признать и санкционировать фактический переход политической власти в руки земельных магнатов в форме особых пожалований, именуемых *иммунитетами* (от лат. *immunitas* — неприкосновенность, освобождение от чего-либо). Впервые иммунитетные пожалования появились еще при Меровингах, но особое их распространение относится к каролингскому периоду, когда развернулась массовая выдача светским и духовным феодалам от имени короля особых *иммунитетных грамот*, ставивших их обладателей в независимое положение от местной администрации. Королевские должностные лица (*judices publici* — *графы, сотники* и их помощники) не имели права вступать на территорию, владелец которой располагал иммунитетной грамотой, производить здесь сбор налогов, осуществлять воинский набор, решать судебные дела, осуществлять мероприятия полицейского характера. Все эти функции данный владделец отныне осуществлял самостоятельно и суверенно, с помощью своих должностных лиц (*judices privati*), и не в пользу короля, а в своих собственных интересах. Обладатель иммунитетной грамоты осуществлял юрисдикцию по земельным спорам и мелким уголовным преступлениям, взимал в

свою пользу налоги, судебные штрафы и другие денежные сборы, возглавлял ополчение, созываемое в пределах иммунитетного административно-территориального округа. Высший уголовный суд в большинстве случаев оставался в руках графов как представителей королевской власти, хотя и здесь иногда существовали иммунитетные изъятия,

Практика раздачи иммунитетных грамот, как правило, лишь придавала юридическое оформление уже фактически сложившейся системе политико-правовой зависимости трудового сельского населения, проживавшего во владениях сеньоров-вотчинников. Наделенный судебными, финансовыми и военными полномочиями, иммунитет обладал всеми необходимыми рычагами внеэкономического принуждения в отношении не только зависимых, но и пока еще лично свободных крестьян. Вместе с тем иммунитет способствовал усилению независимости феодалов от центральной власти.

Характерно, что королевская власть первоначально не видела в распространении иммунитетных отношений никаких угроз для себя. Карл Великий, самый могущественный из франкских монархов, за годы своего правления роздал больше иммунитетных грамот, чем все его предшественники и преемники из династии Каролингов. Он рассматривал землевладельцев-иммунитов как своих уполномоченных по осуществлению судебно-административной, фискальной и полицейской власти на местах и возлагал на них ответственность за поддержание правопорядка в своих вотчинах. Однако использование королевской властью сил, потенциально враждебных государственному единству, могло иметь только временный успех. Ослабление центральной власти, произошедшее после смерти Карла Великого, привело эти силы в такое движение, что процесс грядущей политической децентрализации некогда целостного и, казалось бы, прочного государства становился лишь вопросом времени.

Местное управление. В период, синхронный времени возникновения Салической правды, в организации системы местного самоуправления еще были достаточно выражены элементы первобытно-общинной организации. Основная масса свободного населения была объединена в общинах (*марках*), которые были построены уже не на принципах родовой связи, а пред-

ставляли образец общины территориальной (или соседской). Община продолжала играть важную роль в организации общественной жизни свободных франков, в частности, в разрешении судебных дел. Члены общины несли коллективную ответственность за убийство, произошедшее на территории их проживания. Институт соприсяжничества, на котором основывался древнейший судебный процесс, также уходил корнями в общинные традиции. Марки объединялись в более крупные территориальные административные единицы — *сотни*. Это название было заимствовано из обозначения прежних подразделений племен (вспомним аналогичную трансформацию понятий «фила» у древних греков и «триба» у древних римлян). В сотнях созывались *сотенные собрания* (*malus*), в которых участвовали все полноправные свободные жители сотни мужского пола. Главное предназначение собраний состояло в том, чтобы на основе традиционной, веками сложившейся процедуры решать подавляющую массу возникавших в реальной жизни судебных дел. Сотенные собрания избирали из своей среды главу сотни — *тунгина*, председательствовавшего при рассмотрении судебных дел, и *7 рахинбургов* («выносящих приговор»). Естественно, что на эти выборные должности проникали самые состоятельные и наиболее авторитетные люди, которым население сотни могло доверить решение своей судьбы. Вместе с тем, истец имел право требовать от рахинбургов справедливого решения. Если же рахинбурги нарушали закон, они тут же, на судебном собрании, могли быть наказаны высоким штрафом. Тунгин вместе с рахинбургами представлял свою сотню в ее взаимоотношениях с выборными органами других сотен.

Королевская власть, заинтересованная в укреплении своего престижа не только на общегосударственном, но и на местном уровнях, вступила в борьбу с выборными органами общинного представительства, стремясь поставить их под свой контроль, перестроить местные органы на принципах не родового и племенного, а административно-территориального управления. Эта грандиозная организационная перестройка была завершена лишь через два века после Хлодвига. Проводниками королевской политики на местах являлись особые должностные лица (*сацебароны*, а впоследствии *графы*), наделенные полицейскими и фискальными функциями и имевшие в своем

распоряжении воинские отряды. При всех своих широких полномочиях раннемеровингские сацебароны и графы оставались всего лишь слугами короля, свободно им назначаемыми и смещаемыми. Нередкими были и случаи их административного наказания. На первых порах эти должностные лица сравнительно редко посещали сотенные собрания, являясь в них только тогда, когда нужно было собрать причитающиеся королю судебные штрафы и пошлины. Характерно, что Салическая правда, препятствуя самоуправству королевских посланцев, ограничивала число сацебаронов, участвующих в общинном собрании, только тремя лицами.

С течением времени вмешательство короля во внутриобщинные дела, осуществляемое с помощью указанных должностных лиц, постоянно усиливалось. Право созыва сотенных собраний и председательствования на них постепенно перешло в руки графов, так что тунгины были превращены в их помощников. Еще позже (уже при Каролингах) сотенные собрания утратили право избрания рахинбургов; вместо них королевские посланцы стали назначать членов сотенных судов (*скабинов*) из числа местных землевладельцев. Скабины состояли на королевской службе и отправляли правосудие под председательством графа. Участие свободных жителей сотни в заседаниях судов перестало быть обязательным, — соответствующее распоряжение было отдано Карлом Великим.

В сложившемся виде система административно-территориального деления Франкского государства стала выглядеть следующим образом. Вся страна делилась на *графства*, графства — на территориальные округа (*паги*), включавшие в свой состав несколько *сотен* (от 2 до 12). Несколько графств составляли *герцогство*, образуемое обычно в пограничных местностях, так что герцоги помимо тех полномочий, которыми они обладали по аналогии с графами, дополнительно отвечали за охрану определенного (иногда весьма значительного) участка государственной границы.

В начале VII в. наметилась тенденция превращения графов и герцогов из королевских должностных лиц в крупных земельных магнатов. Согласно ст. 12 эдикта 614 г., изданного королем Хлотарем II, впредь запрещалось назначение на должности графов и герцогов лиц, не являвшихся местными землевладельца-

ми. В 673 г. эта статья была подтверждена королем Хильпериком II. Власть герцогов и графов имела тенденцию к постоянному усилению. Кьерсийский капитулярий короля Карла Лысого (877 г.) официально признал наследственность графской должности; эта должность могла быть вверена лишь крупнейшим земельным собственникам графства. Закрепив за собой принадлежавшие им земельные площади, графы и герцоги составили прослойку могущественных местных феодалов, окруженных многочисленными вассалами. В ходе процесса феодализации и сеньоризации государственных служб должности графов и герцогов превратились в наследственные почетные титулы феодальной знати, а их носители стали собственниками обширных доменов, формально состоявшими в вассальном подчинении монарху как верховному сеньору, но приобретшими фактическую независимость от королевской власти. В свою очередь, мелкие и средние феодалы, становясь вассалами более крупных, оказывались связанными с последними гораздо более прочными узами, чем с королем. Структура вассальных связей, дополняемая системой иммунитета, накладывалась на общий комплекс местных административно-политических органов и корректировала их функционирование мощным влиянием фактора межличностных отношений. Это влияние, заметно ощущаемое и на общегосударственном уровне, было особенно существенным в деятельности управленческих структур местного и регионального масштаба.

Финансовая система, государственные повинности. Франкские короли, установив свою власть над Галлией, первоначально сохранили ту налоговую систему, которая существовала здесь в момент завоевания. С местного населения продолжали взиматься прямые и косвенные налоги (*tributum*), установленные в период римского владычества. В частности, поземельный и подушный налоги выплачивало как свободное, так и несвободное население (за рабов — *сервов* — налоги выплачивали их господа).

Уже во второй половине VI в. налогом (вероятнее всего, поземельным) стали облагаться и свободные франки. И хотя размер этого налога был более низким, чем тот, который был установлен для галло-римлян, он вызывал недовольство свободного населения, которое неоднократно восставало и зачастую даже добивалось временного успеха в этой борьбе.

Имели место случаи, когда налогообложению подвергалась и церковь. Так, в 780 г. Карлом Великим был установлен особый сбор в помощь бедным: каждый епископ и аббат соразмерно своим доходам должен был выплачивать налог (максимально до 5 солидов) и сверх того — бесплатно кормить из своих средств от одного до четырех нищих.

Кроме выплаты прямых налогов (что являлось пока еще непривычным новшеством), население было обязано преподносить королю «подарки» (*donum*), — эта традиция, напротив, восходила к обычаям глубокой старины. Средства на эти подарки собирались со всего населения, а сами подарки вручались королю представителями знати и должностными лицами. Подарки могли быть регулярными, ежегодными (они обычно вручались во время военных смотров — «мартовских полей») или экстренными, разовыми, приуроченными к каким-либо торжествам в королевской семье. «Подарки» от частных лиц чаще всего принимали вид взятки; без них нельзя было рассчитывать на получение какой-либо должности. После Карла Великого покупка государственных и церковных должностей была фактически легализована.

Когда лично король или его служащие совершали поездки по стране, население было обязано оказывать им «гостеприимство», предоставляя им постой и кормление. Отказ в «гостеприимстве» наказывался высоким штрафом. Отправляясь в поездку, должностное лицо получало в королевской канцелярии специальные документы — «листы на кормление» (*tractoria*), в которых указывалось, какие именно продукты и в каком количестве должны быть предоставлены королевскому посланцу.

На население страны также возлагалось безвозмездное выполнение гужевой (транспортной) и трудовой (в частности, строительной) повинностей (*servitium*). При Каролингах всеобщей повинностью стала церковная десятина, которую вносили все лица, принявшие христианскую веру. Десятина поступала со всех земель, в том числе и с королевских поместий.

Помимо прямых налогов, продолжала сохраняться позднеримская система косвенных налогов. Существовали многочисленные пошлыны, взимаемые с продаваемых и перевозимых товаров. При Каролингах все пошлыны стали делиться на три группы: рыночные, дорожные и береговые (за провоз по водным путям). Обычный размер этих пошлын исчислялся в одну

десятью стоимостями товара. Чаще всего пошлины взимались в натуральном виде. Особой разновидностью пошлины была пошлина с т. н. *монетариев* — лиц, которые занимались чеканкой монеты.

Источниками пополнения государственной казны являлись также поступления с личных (домениальных) владений короля, конфискованные и выморочные имущества, а также те части вергельда, которые шли королю, если у убитого отсутствовали родственники. Значительное место в государственных доходах занимали военная добыча и средства, поступавшие в виде контрибуции с покоренных народов. По свидетельствам исторических источников, особенно много драгоценностей, золота и серебра принесли завоевательные походы Карла Великого.

Эволюция вооруженных сил. В первые века франкской монархии вооруженные силы еще не были отделены от народа. Они имели вид *народного ополчения*, в котором свободные франки составляли основное ядро. В основу организационного построения войска были положены принципы общинной и сотенной организаций: каждая сотня насчитывала столько дворов, сколько было необходимо для того, чтобы выставить 100 бойцов. Общины представляли в ополчение воинов согласно исходящей от короля разнарядке; за сбор ополчения в пагах несли ответственность местные графы, которые им и командовали. Ополчение формировалось на основе родоплеменных связей; был силен дух воинского братства и равенства перед лицом вождя-военачальника. Оружие и обмундирование приобреталось каждым воином за его собственный счет; выступая в поход, каждый воин должен был принести с собой запас продовольствия на три месяца и одежды на шесть месяцев. Ежегодно в марте устраивались военные смотры, на которые воины-франки являлись в полном вооружении; эти военные смотры заменили собой первоначальные народные собрания, ведущие свое происхождение из древней племенной организации. Места смотра (названные выше «мартовские поля») определялись королем. За неисправность оружия или плохое качество снаряжения накладывались строгие взыскания. По сообщению хрониста Григория Турского, во время смотра Хлодвиг лично убил одного из воинов, обвинив его в пренебрежении к оружию (на

самом же деле причиной убийства послужило несогласие этого воина передать королю больше военной добычи, чем это было положено по жребию). После проверки боевой готовности, распределения военной добычи и подношения подарков королю воины информировались о королевских решениях. По ряду важнейших вопросов король советовался с ополчением. Так, принятие христианства Хлодвигом произошло лишь после того, как он заручился одобрением ополчения. Одновременно с Хлодвигом крестились 3 тысячи его воинов.

При сыновьях Хлодвиги участие в ополчении стало обязанностью не только франков, но всех жителей королевства, включая галло-римское население, не входившее в категории рабов и полусвободных. После реформы Карла Мартелла роль народного ополчения стала постепенно падать. Основным родом войск становилась рыцарская конница, составленная из бенефициариев. Имущественная состоятельность бенефициариев позволяла им приобретать более качественное защитное (щиты, шлемы, кольчуги) и наступательное (большие луки, арбалеты) вооружение. Конница стала возрастать численно по отношению к пехотным контингентам. Именно конница сыграла роль главной ударной силы в решающем сражении под г. Пуатье (732 г.), в котором победа войск Карла Мартелла предотвратила завоевание арабами не только Франкского королевства (в 720 г. они уже начали проникновение в Южную Галлию), но и всей Европы.

Хотя по общему правилу военная служба бенефициариев являлась обязательной, и за личную неявку они утрачивали бенефиций, для них существовало множество возможностей избавиться от участия в походе «на законном основании». От военной службы было освобождено все духовенство; аббаты и епископы (или их заместители) являлись только тогда, когда они посылали на войну своих вассалов. Граф имел право оставить дома четырех вооруженных воинов для охраны своего семейства и имущества. Отдельные вассалы короля могли получить специальное разрешение вообще не являться в поход под видом охраны их семейного очага.

Делая ставку на конное войско бенефициариев, Каролинги не отказывались и от старого крестьянского ополчения. Реформы, проведенные Карлом Великим в области военной органи-

зации, преследовали цель обеспечить исполнение крестьянами их обязательной воинской повинности. Ответственность за созыв ополчения, вооружение и снаряжение воинов возлагалась на графов, которые могли применять к уклоняющимся от военной службы упомянутый выше королевский банн в 60 солидов. Но чтобы не допустить окончательного разорения военно-обязанных крестьян, Карл установил, что этот штраф мог быть дифференцирован в зависимости от их состоятельности (так, например, крестьянин, располагавший недвижимостью в 120 солидов, платил банн сполна, а тот, чье имущество оценивалось в 20 солидов, штрафовался лишь на 5 солидов).

Между тем, никакие угрозы не могли заставить разорявшееся крестьянство исправно нести воинскую службу, поскольку она оказывалась выше их сил. По подсчетам известного историка военного искусства Г. Дельбрюка, к середине VIII в. стоимость вооружения и снаряжения одного всадника была эквивалентна стоимости стада коров в 45 голов (так, стоимость лат равнялась стоимости 12 коров, боевого коня — также 12 коров, меча с ножнами — 7 коров, шлема — 6 коров, щита — 2 коров). В этих условиях государственная власть должна была пересмотреть традиционный порядок личного несения военной службы, введя новый критерий: отныне следовало выставлять вооруженного воина уже не от одного, а от нескольких земельных наделов. Впервые это правило было установлено капитулярием 807 г., а в следующем, 808 г. было издано общее постановление о порядке набора войск на всей территории страны. Впредь самостоятельно нести военную службу могли лишь владельцы четырех тягловых наделов (*мансов*). Владельцы меньшего количества мансов должны были объединяться для выставления определенного числа солдат (так, владельцы двух мансов вдвоем выставляли одного солдата). О воинской службе людей, не имевших наделов, больше не упоминалось вообще. Следовательно, основа старой народной военной организации была окончательно ликвидирована. Возобладал типичный для феодализма принцип «разделения труда»: крестьянин трудится на земле, а феодал сражается на войне.

По своему составу, способам комплектования, порядку подбора командных кадров рыцарское конное войско являлось типично феодальным. Сам термин «рыцарь» (франц. *chevalier*),

помимо своего военного значения («конник»), приобрел специфически социальное звучание, обозначив принадлежность его носителя к привилегированному сословию. При Карле Великом военные смотры стали созываться уже не в марте, а в мае и потому стали именоваться «майскими полями». Но дело не ограничивалось лишь сменой наименования: если прежние «мартовские поля» были фактически смотром народного ополчения, то «майские поля» являлись съездами королевских бенефициариев-рыцарей. По мере развития системы сюзеренитета-вассалитета рыцари становились важнейшей составной частью господствующего класса, обязанной несением военной службы своему сеньору и сделавшей войну своим единственным профессиональным занятием. Таким образом, к концу существования Франкского государства военная функция, неразрывно связанная с земельной собственностью, будучи постепенно изъятой из рук трудящегося населения, оказалась полностью монополизированной феодалами, и хотя она официально рассматривалась как общественная обязанность, фактически же она превратилась в важнейшую социально-престижную привилегию.

Основные черты права франков по Салической правде. Важнейшим источником права в условиях раннефеодальной монархии являлись так называемые *варварские правды*, т. е. кодификации, содержавшие запись обычного права германских племен, а также образцы судебных решений данной эпохи. Представляя собой запись действующих правовых норм, варварские правды содержали материал, не вполне адекватный старинным обычаям. Составители правд фиксировали далеко не все из этих обычаев, а только те, которые чаще всего затрагивались преступлениями и правонарушениями; кроме того, они вносили в систему древних обычаев добавления и изменения, отражавшие новые общественно-политические реалии. На территории Франкского государства действовали несколько варварских правд (Салическая, Рипуарская, Вестготская, Аллеманская, Саксонская, Тюрингская и др.). Большую роль играли также *акты королевской власти*, которые являлись вначале дополнениями к правдам, а впоследствии оформлялись в качестве самостоятельных документов — *капитуляриев* (название происходит от лат. capitulum — глава, раздел книги), получив-

ших особое распространение в эпоху Каролингов и приобретших свою классическую форму на рубеже VIII и IX веков (только за годы правления Карла Великого было издано около 200 капитуляриев). По более поздней классификации капитулярии делились на три группы: капитулярии, дополнявшие законы или правды (*capitula legibus addenda*), капитулярии «сами по себе», т. е. самостоятельные (*capitula per se scribenda*), и капитулярии, предназначенные для королевских посланцев (*capitula missorum*). Первый систематизированный сборник капитуляриев, составленный частным лицом, появился в 827 г. К источникам права следует относить и упомянутые выше *иммунитетные грамоты*, а также утверждаемые королем образцы документов (*формулы-грамоты*), с помощью которых оформлялись имущественные сделки. В этих формулах в абстрактной форме, без упоминания конкретных имен, дат, географических названий (их предстояло вписывать при реальном оформлении сделки) излагалось только само существо дела: отчуждение земельного участка, освобождение раба и т.п.

Свое влияние на развитие правовой системы раннего феодализма оказывала и церковь. Именно во многом благодаря церкви (а также королевскому законодательству) в правовую систему франков проникали *институты римского права*, на первых порах существенно упрощенные и вульгаризированные по сравнению с их классическими образцами.

Несмотря на достаточно широкий круг имеющихся источников, основную информацию для анализа специфики раннефеодального права можно почерпнуть из варварских правд. Особую ценность представляет самая ранняя из них — *Салическая правда* (*Салический закон* — *Lex Salica*), записанная на обиходной латыни во времена Хлодвиг (конец V — начало VI вв.) и отразившая начальные этапы становления раннефеодального государства и права у франков. Сохранилось предание, что текст Салической правды был составлен путем опроса старейших представителей четырех регионов королевства относительно древнейших обычаев франков в целях «приверженности к справедливости и сохранения благочестия», — иного пути создания документа просто не существовало. Первоначальный текст Салической правды до нас не дошел; наиболее древ-

ние ее рукописные списки датируются эпохой Пипина Короткого и Карла Великого (не ранее середины VIII века).

Салическая правда представляла собой не свод законов Франкского королевства, а судебник, предназначенный для непосредственного практического применения. Судебному контролю подлежали прежде всего преступления, причиненные личности или имуществу свободных франков и совершенные в большинстве своем людьми, равными им по правовому статусу. Значительное внимание уделено также обязательствам, возникающим в сфере имущественных и наследственных прав; подробно регламентированы взаимные права и обязанности субъектов брачно-семейных отношений. Многие статьи судебного кодекса касаются порядка организации судопроизводства и осуществления правосудия.

Салическая правда относилась к тому периоду развития франкского общества, когда элементы родоплеменной организации еще не были изжиты, а институты частной собственности не утвердились повсеместно и окончательно. К тому же хозяйственная жизнь и проблемы правового положения аборигенного галло-римского населения (а оно, как было отмечено ранее, составляло подавляющее большинство населения Франкского королевства) отражены в рассматриваемом документе весьма поверхностно: известно, что распоряжением Хлодвиг делал в отношении галло-римлян рассматривались по нормам т. н. Кодекса Алариха — одной из кодификаций Вестготского государства. Но если учитывать те дополнения, которые вносились в Салическую правду на протяжении VI—IX вв. текущим законодательством франкских королей, и рассматривать все эти свидетельства в сочетании с другими источниками (в том числе и более поздними), открывается возможность воссоздать достаточно полную картину эволюции родоплеменного строя франков к политико-правовой организации феодального общества.

Влияние римского права на Салическую правду не было значительным и обнаруживалось главным образом во внешних чертах (преимущественно в использовании латинской терминологии). Салическая правда не пронизана духом юридической абстракции, свойственным римскому классическому праву. Ее главное содержание — это записи конкретных судебных случаев (казусов), решения по которым в силу многократной повто-

ряемости в течение длительного времени стали основополагающими образцами для последующей судебной практики. Но поскольку все многообразие реальных жизненных ситуаций невозможно охватить никаким, даже самым детализированным судебником, становится вполне объяснимой мозаичность, фрагментарность изложения материала в Салической правде, отсутствие его четкой логической структуры, что порождает, с одной стороны, неоправданную повторяемость отдельных сюжетов, а с другой стороны — неполноту и пробелы в освещении многих других важных положений. Казуистичность изложения материала исключала выработку и формулирование обобщающих понятий, таких как понятия преступления и наказания, понятия вины, умысла, неосторожности и т.п.

Характернейшая черта варварских правд (и Салической в том числе) состоит в их строгом формализме. Процедура реализации правовой нормы представлялась франкам не менее существенной, чем реальное бытие самой этой нормы. Каждое правовое действие, непременно публичное, облекалось в формализованный ритуальный обряд, предполагавший строгую последовательность действий, использование словесных клише, употребление предметов-символов (горсть земли, ветка дерева и т.д.), — обряд, даже незначительное отступление от которого грозит свести на нет содержательную сущность нормы. Важно помнить, что в условиях почти полной неграмотности подавляющего большинства населения публичность и ритуальность процессуальных действий были единственными гарантиями соблюдения правовой нормы как самими участниками процесса, так и его очевидцами.

Регулирование имущественных отношений. Основным занятием франков в VI в. являлось земледелие, организуемое, чаще всего, по двухпольной системе, сменившей более раннюю переложную систему; в ряде мест уже применялся трехпольный севооборот. Помимо зерновых культур (рожь, пшеница, овес, ячмень) выращивались бобовые культуры и лен. Главным орудием труда в земледелии стал плуг с железным лемехом. Были известны некоторые приемы мелиорации посевных участков (удобрение, боронование, прополка и др.). Были широко распространены огородничество, садоводство, виноградарство. Наряду с земледелием активно развивалось скотоводство, в том числе разведение рабочего (тяглового) скота — лошадей, бы-

ков, мулов, ослов. Особое развитие получило свиноводство; выращивалась также домашняя птица, разводились пчелы, вылавливалась рыба, был известен охотничий промысел. Экономический прогресс являлся не только следствием естественных процессов развития франкского общества, но и заимствования достижений римской агротехники, использования опыта организации хозяйства в галло-римских поместьях.

Хотя самого понятия собственности Салическая правда еще не знала, движимое имущество подразделялось на «свое» (*suus*) и «чужое» (*alienus*). При этом «свои» движимые вещи уже могли отчуждаться совершенно свободно. Имелось сложившееся представление о том, что «свое» имущество должно быть прочно защищено от преступных посягательств. Большинство норм Салической правды посвящено тщательной регламентации краж крупного и мелкого скота, домашней птицы, пчел, транспортных средств и т. п. Поскольку скот рассматривался в качестве некоего мерила богатства и благосостояния, стоимость головы скота могла служить эквивалентом при денежных расчетах.

Наиболее важным, вечным и неуничтожимым объектом собственности являлась земля. Касаясь поземельных отношений, Салическая правда проводила различие между объектами землевладения и землепользования. *Приусадебные участки* уже полностью перешли в частную собственность отдельных семей — больших (патриархальных), обычно включавших близких родственников трех поколений, или малых (индивидуальных), представленных супружеской парой с детьми. Сурово наказывалась не только кража домашнего имущества, но и сам факт проникновения на территорию усадьбы (*виллы*), а также разрушение или уничтожение изгороди. Если же совершено разбойное нападение с уничтожением собак и увозом имущества, виновный выплачивал штраф, равный вергельду за убийство свободного человека (200 солидов). Все, кто принимали участие в шайке или присоединились к ней впоследствии, выплачивали по 62,5 солида.

Пахотные наделы, судя по всему, уже перешли в частное владение отдельных семей, и практикуемые ранее их переделы уже не производились. Нарушение границ пахотного надела каралось штрафом, равно как и проезд по нему без согласия хозяина (3 солида). Строже наказывалась запашка чужого поля

(15 солидов), очень серьезно — его самовольный засев (45 солидов). Однако община сохраняла ряд прав на пахотные наделы, уже перешедшие в индивидуальное владение. Об этом свидетельствует т. н. «система открытых полей», особенно широко распространенная на севере страны: когда урожай был собран, все изгороди снимались, и пахотные наделы превращались в общее пастбище. На все время от уборки до новых всходов поля были открыты для свободного по ним проезда. Такой же правовой режим был установлен и для луговых наделов после сенокоса, и для земель, находившихся под паром. В целом, «система открытых полей» была связана с чересполосицей и принудительным севооборотом для всех членов общины.

О купле-продаже пахотной земли в Салической правде не упоминалось ни разу. Институт наследования земли находился в стадии становления. Согласно статьям LIX главы Салической правды («Об аллодах») землю могли наследовать только прямые наследники по мужской линии; женское потомство исключалось из претендентов на наследование земли. Основная идея подобных ограничений — стремление сохранить земельную собственность в рамках данного рода. Если прямых мужских наследников не оказывалось, земля оставалась в роду наследодателя, тогда как движимое имущество могли наследовать и дочери.

Земли, не входившие в приусадебное хозяйство (леса, неподеленные луга, дороги, пустоши, болота), еще сохранялись в общем владении, и каждый член общины имел равную долю в пользовании этими угодьями. Традиции общинного землевладения зафиксированы и теми статьями Салической правды (глава XLV «О переселенцах»), которые запрещали чужаку переселяться на территорию общины, если хотя бы один общинник воспротивится этому. Если пришелец все же поселялся на территории общины самовольно, протестующий мог добиться его изгнания в судебном порядке. Существовали, однако, и изъятия из этого правила. Если в течение одного года и одного дня чужак фактически проживал в общине при молчаливом согласии его членов, то по истечении этого срока в силу действия института приобретательной давности земельное владение чужака получало правовую защиту. Кроме того, община не могла воспрепятствовать переселению тех чужаков, которые предъяв-

ляли разрешительную грамоту, выданную королем, — протестующий против такого переселения наказывался штрафом в 200 солидов.

Обязательственное право. Основным источником обязательств являлись договоры. По причине слабого развития товарно-денежных отношений, преимущественно натуральному способу хозяйствования система договоров отличалась значительной простотой. Общие условия действительности договоров еще не являлись предметом регламентации, однако презюмировались добровольность вступления в договор и добросовестность владения вещью — объектом договора. Как отмечено выше, признавалась приобретательная давность, определяемая одногодичным сроком добросовестного владения. Нарушение договора влекло за собою не только имущественную, но и личную ответственность, причем иногда не только персональную, но и семейную.

В Салической правде упомянуты договоры *мены, купли-продажи, хранения, ссуды, залога* (напомним, что объектами договоров могли быть только движимые вещи). Как это свойственно всем ранним памятникам права, наиболее детально был регламентирован договор *займа*. Характерно, что долгового рабства договор займа уже не порождал. Кредитор мог взыскивать долг, минуя суд, явившись в дом должника в присутствии свидетелей. Если долг не возвращался, кредитор мог вызвать должника в суд. При каждой неявке (до трех раз) с должника взыскивался возрастающий штраф. Кредитор мог прибегнуть к помощи графа и рахинбургов, которые были вправе конфисковать соответствующую часть имущества должника. В этих случаях одна треть долга шла в пользу графа.

Существовал особый договор дарения — *аффатомия*, который предусматривал обеспечение интересов третьего лица. Согласно условиям такого договора, собственник передавал свое имущество или его часть какому-нибудь доверенному лицу, которое не состояло с дарителем в родственных связях. По истечению одного года это доверенное лицо должно было передать порученное ему имущество кому-либо из наследников дарителя, о чем участники сделки договаривались заранее. Аффатомия совершалась публично в сотенном собрании под председательством тунгина, с соблюдением строгого ритуала, с клятвенным подтверждением сделки не менее чем тремя свидете-

лями. Через договор аффатомии утверждался институт наследования по завещанию, изначально неизвестный обычному праву франков. Следует подчеркнуть, что аффатомия могла распространяться лишь на благоприобретенное (но не родовое) имущество и касаться только движимых вещей.

Салической правде известны и обязательства из причинения вреда — например, упомянутая ранее потрава поля, вызванная либо нерадением пастуха, либо враждебным замыслом самого хозяина. В этом втором случае виновный должен был возместить убытки и выплатить штраф в 30 солидов. Но одновременно пострадавшему воспрещалось самовольно захватывать, уничтожать или калечить чужой скот, застигнутый на потравленном поле.

Брачно-семейные отношения. Как правило, франкская семья была довольно широкой по своему составу: в нее, помимо нисходящих родственников, входили и родственники по боковой линии вместе с их женами и детьми. Патриархальный характер франкской семьи предполагал наличие власти отца в семье, хотя эта власть и не была столь сильной, как в Древнем Риме. Она, скорее, напоминала опеку отца над членами своей семьи, причем эта опека была пожизненной для жены и дочерей, а на сына она распространялась лишь до достижения последним 12-летнего возраста.

Древние обычаи установления брака путем покупки жены, а тем более путем ее похищения (умыкания) уже ушли в прошлое. Вместо выкупной платы в Салической правде фигурирует т. н. «утренний дар» (компенсация за лишение невесты невинности) в форме вещей или денег. Условиями заключения брака являлись согласие родителей и отсутствие близкого родства (либо свойства). Браку предшествовал сговор между главами семей жениха и невесты. Если брак был «неправильным», он объявлялся недействительным, а дети, рожденные в этом браке, признавались незаконнорожденными.

Браки свободных с рабами влекли утрату личной свободы: так, в соответствии с 1-м капитулярием к Салической правде, женщина, вступившая в брак с рабом, объявлялась вне закона, ее имущество подлежало конфискации, а сама она могла быть безнаказанно убита своими родственниками. Раба, вступившего в брак со свободной женщиной, подвергали мучи-

тельной казни через колесование. Простое сожительство свободного с рабыней наказывалось штрафом в 15 солидов.

Были предусмотрены высокие штрафы за похищение женщины, за сожительство с замужней женщиной (45 солидов), за увод чужой невесты (15 солидов в пользу обманутого жениха) или жены (200 солидов в пользу пострадавшего мужа). Королевский раб или лит, похитившие свободную женщину с целью вступления с ней в брак, наказывались смертной казнью.

Вдова, хотя она и не находилась под опекой со стороны старших мужских родичей, была ограничена в праве повторно выйти замуж: разрешение на этот брак следовало получить через суд при условии выплаты определенной суммы (*geirpus*) родственникам умершего мужа; в противном случае ее новый муж оштрафовывался на 63 солида.

Приданым, а также имуществом, полученным от мужа в качестве «утреннего дара», женщина могла пользоваться при жизни по своему усмотрению. Однако продать или подарить приданое она не могла — после ее смерти это имущество шло детям. В случае повторного брака часть приданого передавалась родственникам первого мужа, а при их отсутствии — казне.

О разводах в Салической правде не упомянуто. Вероятно, они все-таки существовали (поскольку такая практика соответствовала древним правовым обычаям германских племен), но затем (уже в VIII веке) были отменены по требованию церкви. Капитулярный Пипина Короткого (744 г.), подтвержденный Карлом Великим (789 г.), устанавливал нерасторжимость церковного брака, поскольку такой брак относился к разряду религиозных таинств. К началу IX в. была установлена обязательность заключения брака путем религиозного обряда.

Уголовное право. Под преступлением Салическая правда понимала обиду или вред, причиненные имуществу или личности человека, а также нарушение «королевского мира», поддержание которого было более важной целью Салической правды, чем осуществление государственной репрессии. В соответствии с этим главной целью наказаний являлось материальное возмещение обиды или вреда в виде т. н. *композиций* и штрафов за нарушение «королевского мира». В свою очередь, композиции преследовали цель предотвратить кровную месть, равно как и другие проявления вражды и междоусобиц между от-

дельными семьями, родами и родовыми объединениями. Кроме того, композиция являлась своеобразной материальной компенсацией морального ущерба, нанесенного чести и достоинству потерпевшего.

Композиции, как правило, выплачивались лично потерпевшему либо его ближайшим родственникам; лишь в редких случаях на часть этой композиции могло претендовать должностное лицо (например, граф, если он отдавал распоряжение о конфискации имущества виновного). Штраф за убийство (*вергельд*, буквально «цена человека») выплачивался половинными долями в два адреса: сыновьям убитого и его ближайшим родственникам по линии отца или матери. При отсутствии второго адресата эта половина вергельда поступала в казну (ст. 1—2 главы LXII «О випе за убийство»).

Проблемы общей части уголовного права не были разработаны сколько-нибудь подробно. Однако уже учитывались форма вины — умысел и неосторожность; естественно, что злой умысел значительно увеличивал наказание. Различались и стадии преступного действия — голый умысел, покушение, совершенное преступление. Есть информация об элементах института соучастия; имеется понимание о наличии обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность. Вместе с тем, названные сюжеты еще не получили детальной проработки. Поэтому в Салической правде можно встретить и элементы объективного вменения (например, наказывались даже те лица, которые случайно присутствовали на месте насилия над женщиной, но могли даже и не знать об этом), и такие несообразности, как более тяжкое наказание подстрекателя к краже (правда, с помощью подкупа), чем непосредственного исполнителя этого преступления.

Основное внимание среди видов преступлений Салическая правда уделяет преступлениям против личности. Наиболее подробно регламентировано убийство, вергельд за которое зависел от социального положения, пола и возраста убитого. Жизнь свободного франка оценивалась вергельдом в 200 солидов. Если был убит человек, состоящий на королевской службе, вергельд увеличивался втрое; если к тому же такое убийство было совершено скопищем в собственном доме должностного лица, убийца присуждался к максимальному — девяти-

кратному — вергельду (ст. 1 главы XLII «О человекоубийстве скопищем»). За убийство графа полагался вергельд в 600 солидов; правда, если этот граф происходил из полусвободных (литов) или королевских рабов, вергельд сокращался до 300 солидов. Тройной вергельд выплачивался также за убийство мальчика до 10 лет, а также за убийство взрослого, сопровождаемое попытками сокрытия трупа. Существовала строгая ответственность за убийство представителей духовенства — так, жизнь епископа оценивалась в 900 солидов. Жизнь римлянина или полусвободного (лита) оценивалась гораздо меньшим вергельдом, чем убийство свободного франка; убийство раба компенсировалось возмещением его рыночной стоимости. Если вина за убийство раба возлагалась также на раба, то раб-убийца становился собственностью сразу обоих рабовладельцев. Если свободный человек был убит рабом или литом, то их хозяин выплачивал половину вергельда, и кроме того убийца выдавался головой родственникам убитого в качестве компенсации за вторую половину вергельда.

Типичная особенность всех варварских правд (в том числе и Салической правды) — усиленная охрана жизни, чести и достоинства свободной женщины. Тройной вергельд полагался за убийство женщины, находившейся в детородном возрасте: на такую женщину смотрели как на потенциальную мать будущего воина. Состояние беременности увеличивало штраф за убийство женщины до 700 солидов. Если же женщина утрачивала способность рожать детей, выплачивался обычный вергельд в 200 солидов (глава XXIV «Об убийстве мальчиков»).

Детально регламентирована шкала штрафов за телесные повреждения, побои и увечья. Фактически каждый внешний орган человеческого тела (глаз, ухо, нос, рука, нога, половые органы) представлен в денежном выражении — от 9 солидов (отсечение четвертого пальца на руке) до 200 солидов (последний штраф, равный вергельду, полагался за кастрацию свободного человека). В 100 солидов оценивалось лишение языка, приводившее к потере речи; такой же высокий штраф полагался за повреждение одновременно нескольких органов или частей тела. Характерно, что стоимость пальцев на руке являлась неодинаковой; дороже всех (в 50 солидов) оценивался большой палец, несколько дешевле (в 35 солидов) — указа-

тельный палец, «которым натягивают лук» (глава XXIX «О нанесении увечий»).

Размеры штрафов за оскорбления словом или действием свидетельствуют о высоком понимании ценности человеческой чести и достоинства (глава XXX «Об оскорблении словами»). Наиболее серьезным оскорблением для мужчины считались обвинения его в том, что он является доносчиком и лжецом (штраф в 15 солидов), для женщины — обвинения ее в аморальном поведении (штраф 45 солидов).

Как уже отмечалось ранее, максимально подробно были регламентированы имущественные преступления: кражи, грабежи, разбойные нападения. Кражи подразделялись на простые и квалифицированные. Штрафы за имущественные преступления в десятки раз превосходили стоимость похищенного. Бралось в расчет и обстоятельства дела (кража в доме или вне дома, кража со взломом или с подделкой ключа и т. д.), и статус преступника (свободный или раб), и количество и качество похищенного (одно животное или несколько, взрослая свинья или поросенок и т. п.), и принадлежность объекта имущественных посягательств, — так, за кражу королевского быка размер штрафа возрастал вдвое. Упоминалось также о краже свободных людей (глава XIII) и краже рабов (глава X); говорилось о порче и уничтожении чужого имущества (главы IX, XII, XIV и др.).

Салическая правда знала и преступления против нравственности (так, каралось не только насилие над свободной девушкой, оцениваемое в одну треть вергельда, но и сожителство с ней «по доброй воле», за что полагался штраф в 45 солидов). Упоминаются также должностные преступления — например, мздоимство графа, когда он «осмелился взять что-нибудь сверх законного» при взыскании долга с несостоятельного должника; данное преступление каралось смертью, если граф оказывался не в состоянии «выкупить себя за столько, за сколько следует». Можно предполагать и наличие воинских преступлений (например, дезертирства). Характерно, что за одно только незаконное обвинение в дезертирстве клеветник был обязан выплатить штраф (ст. 6 главы XXX «Об оскорблении словами»).

Среди видов наказаний на первое место выдвигались штрафы. Денежный штраф (в частности, вергельд) был санкционированным способом превентивного откупа от возможной мести

со стороны обиженного или его родственников; в других, более простых случаях штраф, выплачиваемый виновным, был средством предотвратить возможный самосуд со стороны потерпевшего. Некоторые статьи Салической правды специально оговаривали запрет самосуда — например, было недопустимо захватить или покалечить чужой скот, совершивший потраву поля (глава IX «О вреде, причиненном ниве или какому-либо огороженному месту»). Замена кровной мести и самосуда денежным штрафом была объективно необходима франкам в условиях их относительной малочисленности по сравнению с массой покоренного или коренного населения римской Галлии.

Выплата штрафов за имущественные преступления, как правило, сопровождалась и возмещением убытков (главы XI, XII и др.). При нанесении увечий преступник, кроме выплаты штрафа, должен был возместить и расходы на лечение (глава XVII «О ранах»).

Был известен и такой вид наказания, как изгнание из общины. Традиции родоплеменного сознания франков основывались на представлении о том, что существовала неразрывная связь личности и коллектива, о том, что правоспособность человека определялась его принадлежностью к семье, роду, общине. Находясь в полной зависимости от коллектива, человек, с другой стороны, был вправе рассчитывать на его помощь и поддержку: коллектив объективно брал на себя долю ответственности за правонарушение, совершаемое его членом. В этих условиях отторжение коллективом той или иной личности сводило ее социальный статус практически до нулевого уровня: человек оказывался вне закона, и даже его жена и родители могли быть наказаны за предоставление ему крова и пропитания.

Случаи применения смертной казни к свободным были достаточно редки (смертью карались взятка, поджог, неявка в суд без уважительной причины). Гораздо чаще смертной казнью через повешение и колесование наказывались рабы; рабы также подвергались и телесным наказаниям — избиениям плетью, кастрированию и т. п. (глава XL «Если раб будет обвинен в воровстве»).

Судебный процесс. Раннефеодальное судопроизводство еще не знало сложившегося порядка защиты личных и имуществен-

ных интересов человека органами публичной власти. Процесс по Салической правде имел обвинительно-состязательный характер. Основная задача суда сводилась к организации такого состязания, а в конце — к констатации победы одной из сторон. Судебное дело возбуждалось по инициативе потерпевшей стороны; процесс целиком строился на началах частного обвинения. Отыскание украденных вещей, вызов в суд ответчика и свидетелей должен был производить сам истец. Вместе с тем, Салическая правда вооружалась угрозой штрафа (в 12 солидов) в отношении ответчиков и свидетелей, если их неявка в суд происходила по неуважительной причине. Уважительными причинами неявки в суд считались: пребывание на королевской службе, болезнь, смерть родственников, стихийные бедствия (например, пожар в доме). Если ответчик не являлся в суд после третьего вызова, он должен был предстать перед королем, и тот объявлял его вне своей защиты, как нарушителя мира, — это было равносильно объявлению ответчика вне закона.

Предварительного расследования не существовало. Суд ограничивался теми доказательствами, которые предъявляли стороны. Главным видом судебных доказательств считались показания свидетелей, сопровождаемые религиозными клятвами или клятвами на обнаженном оружии. Лица, отказавшиеся от дачи показаний или допустившие лжесвидетельство, подвергались штрафу и объявлялись вне закона, — в этом случае их имущество подлежало конфискации, а сами они оказывались в состоянии полного и всестороннего бойкота со стороны общества.

Если свидетелей не было, прибегали к условно-объективным доказательствам: привлекались соприсяжники из числа родственников, соседей, друзей в количестве 6, 12 и более (максимально до 72) человек. Их главное предназначение состояло в том, чтобы коллективной клятвой, присоединившись к клятве одного из участников процесса, оказать ему помощь, защитить его от обвинений, исходя не из обстоятельств дела, которых они могли и не знать, а из благонравия и добропорядочности защищаемого, его честности и неопороченной репутации. Институт соприсяжничества уходил в глубь старой родовой организации германских племен. Свидетельства соприсяжников производились по строго установленной торжественной форме, отступления от которой хотя бы одного из соприсяжников влекли утрату доказательной силы всего показания и

в конечном счете — проигрыш дела; сами же соприсяжники, допустившие ошибку, подвергались штрафу. Распад родовых связей, обеднение основной массы крестьянства ослабляли роль института соприсяжничества для представителей низов общества. Зато для богатых и знатных сеньоров, окруженных верными им вассалами, этот старинный правовой институт сохранял свою значительную эффективность.

На третьем месте по доказательной силе стояли *ордали* («божьи суды», т. е. обращения к сверхъестественным силам), заключавшиеся в испытании кипящей водой в котелке, куда опускалась рука обвиняемого и где она держалась, пока производилась строго установленная сакраментальная формула. Применялись и испытания огнем, раскаленным железом, водой (когда подозреваемого бросали в реку) и т. д. Если раны, полученные вследствие таких испытаний, плохо заживали, это служило аргументом в пользу признания испытуемого виновным. От такого испытания можно было откупиться, внося определенную сумму, величина которой зависела от размеров предполагаемого штрафа, если дело будет проиграно, — так, например, если сумма штрафа определялась в 35 солидов, выкуп составлял 6 солидов (глава LIII «О выкупе руки от котелка»). Естественно, что подобное допущение создавало преимущества для состоятельных участников процесса по сравнению с бедняками.

При отсутствии более сильных доказательств прибегали к другим видам доказывания, например, к жребию. Информация, содержащаяся в Салической правде, позволяет предполагать и возможность доказательств вины посредством судебных поединков (поединок назначался во всех случаях, когда ответчик обвинял истца в намеренной лжи). Выходить на поединок следовало лично; только женщины и старики могли выставить наймита. Побежденный или убитый на поединке считался виновным и подлежал наказанию. По мере усиления процессов общественной дифференциации поединки между представителями различных социальных слоев становились невозможными. К рабам, являвшимся ответчиками, могла применяться пытка. Если хозяин раба троекратно отказывался выдать его суду, вся вина и вся ответственность за преступление перекладывалась на этого хозяина.

В случае, если лицо, проигравшее дело, отказывалось выполнить решение суда добровольно, ответственность за выполнение судебного решения возлагалась на графа и его помощников. Лица, препятствовавшие судебно-исполнительной деятельности графа, сурово наказывались.

Заключительный период истории Франкского государства.

Наивысшего блеска и могущества Франкское государство достигло при Карле Великом (768—814 гг.). Вступив на престол в 26 лет и совершив в течение своего царствования 53 военных похода, он объединил под своим господством почти все христианские земли Западной Европы, от Барселоны на юго-западе до границ современной Польши на востоке, от Ютландского полуострова на севере до Рима на юге. И если походы против лангобардов, арабов, баварцев, словенцев, аваров и некоторых других народов были непродолжительными, то, например, война против саксов длилась свыше 30 лет (с 772 г. по 804 г.) и явилась самой длительной и тяжелой во всей франкской истории. В конце концов, Франкское государство превзошло по военной мощи всех своих соседей, и его внешняя безопасность была полностью обеспечена.

Завоевывая авторитет в глазах церкви и ее высшего понтифика, Карл проявил себя самым ревностным защитником чистоты христианской веры. Когда в результате интриг римской знати папа Лев III был вынужден покинуть свою резиденцию, Карл укрыл его при своем дворе, а позднее предпринял поход на Рим в защиту папы. Усилия Карла не пропали даром: 25 декабря 800 г., в первый день Рождества Христова, он получил от папы титул императора Священной Римской империи. Этим символическим актом была подчеркнута преемственность между властью франкских королей и прерогативами римских императоров. Самому же Карлу эта интронизация была нужна для укрепления его внутреннего положения в феодальной иерархии и повышения международного авторитета на фоне других европейских государей. Существенным было также то, что подчинив себе церковную столицу Запада — Рим, Карл мог претендовать на руководство церковью и на господство над всеми христианскими народами Западной Европы. Идея цезарепапизма (т. е. подчинения церкви главе государства) стала важнейшим принципом государственной политики как самого Карла, так

и его преемника — Людовика Благочестивого. «Дело короля — управлять церковью и защищать ее, а дело папы — за нее молиться», — говорил Карл папе Льву III. Руководствуясь этой формулой, Карл созывал церковные соборы (как это делали византийские императоры Константин I и Юстиниан I), распоряжался епископами и аббатами как своими служащими, а церковными землями — как собственным фондом. На прелатов церкви возлагалось исполнение государственных административных функций.

Получение Карлом императорского титула вызвало, однако, его острый конфликт с Византией, правители которой считали себя единственными законными наследниками власти римских императоров. Лишь в 812 г. императоры Византии с определенными оговорками вынуждены были признать императорский титул франкского короля.

Приобретение Карлом императорского титула не означало, однако, превращения его власти в абсолютную. Как уже было показано выше, к IX в. реальная политическая власть сосредоточилась в руках местных светских и духовных правителей, так что на долю императора оставалась лишь определенная часть из общего реестра государственных полномочий. Наиболее значительными были функции императора как «охранителя мира» внутри страны и гаранта внешней безопасности государства. Формально он продолжал оставаться и высшей апелляционной инстанцией, хотя основная масса судебных дел уже окончательно решалась местными судебными органами или на уровне графов.

Обрисованная выше диффузия политической власти, окончательно оформившаяся к концу периода раннефеодальной монархии, нашла свое воплощение в построении и принципах функционирования центральной и местной администрации.

Королевский двор при Карле Великом состоял уже не из прежних дружинников и «королевских сотрапезников», а из его личных вассалов. Длительное время Карл не имел постоянной столицы, и его резиденция часто меняла свое месторасположение. Лишь в самом конце своего правления Карл избрал своей резиденцией город Аахен (современный город Ахен в германской земле Северный Рейн-Вестфалия).

Двор оставался одновременно и высшим государственным учреждением, и органом управления королевскими домениальными владениями. Королевский двор значительно разросся; в нем проявилась известная управленческая специализация. Наряду с *министериалами*, составлявшими основной штат центрального управления, при дворе состояло множество других лиц военного, штатского и духовного звания, распределенных по соответствующим рангам.

Элементом центральной государственной структуры являлся *королевский совет*, состоявший из высших сановников двора и некоторых представителей провинциальной светской и духовной аристократии. В полномочиях совета было решение всех дел, относящихся к благу короля и всего королевства. С согласия совета Карл издавал указы (*капитулярии*) по всем вопросам общественно-политической жизни страны, которые были общеобязательными для исполнения на всей ее территории. Если Карл еще обладал достаточными возможностями контролировать деятельность совета, то после его смерти совет фактически диктовал свою волю преемникам первого императора.

Регулярно собирались также государственные *совещания знати*, созываемые обычно дважды в год — весной и осенью. На весеннее собрание (обычно в мае) должна была в обязательном порядке являться вся знать государства. Здесь решались наиболее важные дела, которые были предварительно обсуждены королем в кругу своих ближайших сподвижников; принятые решения, оформленные в виде королевских капитуляриев, приобретали силу закона. Здесь же обычно королю вручались упомянутые ранее ежегодные «подарки». Осенние собрания были более узкими по своему составу; принимаемые на них решения считались предварительными и зачастую даже не оглашались. Обычно совещания проводились в королевском дворце и продолжались в течение 2—3 дней. Подсчитано, что Карл Великий за годы своего правления провел 35 таких совещаний.

Местная администрация была представлена как светскими (*графы*), так и духовными (*епископы*) правителями. Графы, превратившиеся при «ленивых королях» в наследственных владетелей графств, вновь были возвращены в положение королевских уполномоченных. Карл стремился ослабить связь графов с местными землевладельцами, часто смешал графов и наказывал их за служебные злоупотребления. Система графс-

ких округов (их общее количество достигало 700) была фактически воссоздана заново. Однако эта политика проводилась весьма непоследовательно. Кроме того, развернувшиеся в стране процессы суверенизации власти шли в разрез с королевскими намерениями. После смерти Карла графская должность вновь стала наследственной. Подобные же тенденции обнаруживались в эволюции подчиненных графам должностных лиц — *вицеграфов, викариев и центенариев*.

Герцогская власть при Карле была почти повсеместно упразднена, а прежние герцогские функции были переданы т. н. *маркграфам*, должность которых была учреждена Карлом для управления *марками* — крупными пограничными административными округами, созданными с военными целями. Маркграфы располагали более широкими полномочиями, чем обыкновенные графы, — в частности, постоянной военной властью, необходимой для обеспечения безопасности границ государства. Следует, однако, сказать, что ликвидация наследственных герцогств при Каролингах также оказалась лишь временной мерой, как и в отношении графств.

Связующим звеном между императором и органами местной власти являлись т. н. «*государевы посланцы*» (*missi dominici, pincii*), действовавшие, как правило, попарно, в составе одного светского и одного духовного лица. В течение года они объезжали несколько графств, контролируя хозяйственную деятельность королевских поместий, взимание налогов и других финансовых поступлений, осуществление правосудия (с этой целью они принимали к своему рассмотрению апелляционные жалобы на решения местных судов по наиболее тяжким преступлениям), правильность отправления религиозных обрядов и т. д. Неподчинение распоряжениям «государевых посланцев» со стороны местных светских и церковных властей влекло наказание виновных крупными штрафами. Подобная система контроля со стороны центра над местными управленческими структурами могла быть вполне эффективной до тех пор, пока обладал достаточной силой тот импульс, который приводил ее в движение. Ослабление же властного потенциала этого импульса приводило весь сложно настроенный механизм в полную негодность, поскольку ни на какие другие варианты повышения своей энергетической мощности он изначально не был рассчитан. После

Людовика Благочестивого упоминаний о королевских посланцах в документах того времени больше не встречается.

К концу длительного правления первого императора в стране происходило прогрессирующее нарастание центробежных тенденций. Империя Карла Великого представляла собою не монолитное единство, а конгломерат многочисленных народов и народностей, не имевший никаких других связующих механизмов, кроме военной силы. Государство постоянно потрясалось межплеменными и межклановыми распрями, мятежами, военными конфликтами. Лишь авторитет и могущество самого Карла поддерживали в стране относительный внутренний порядок. Современников и потомков восхищала сама личность этого незаурядного государственного деятеля — бесстрашного воина и искусного дипломата, энергичного администратора и щедрого покровителя античного наследия — литературы, наук и искусств. Сам Карл для своего времени был весьма образованным человеком, умевшим читать по-гречески и по-латыни (но, вместе с тем, так и не научившимся писать даже на родном языке).

Вскоре после смерти Карла Великого его империя перестала существовать как единое целое. Сын и преемник Карла по имени Людовик Благочестивый (814—840 гг.) уже в 817 г. разделил империю между своими сыновьями, сохранив за собой лишь номинальную верховную власть. Однако этот раздел не удовлетворил наследников, следствием чего стали многочисленные интриги и смуты, конфликты и войны. Наконец, в 843 г., уже после смерти Людовика Благочестивого его сыновья (внуки Карла Великого) на съезде в городе Вердене заключили договор о новом разделе империи. В принципе империя должна была разделиться на три примерно равные части, но эта задача оказалась очень непростой: по свидетельству современника, 120 советников, готовивших трактат, не всегда имели точное представление о размерах и границах империи.

Земли к западу от рек Шельды, Мааса и Роны, составившие Западно-Франкское королевство, получил младший сын Людовика Благочестивого — Карл Лысый. Земли Западно-Франкского королевства составили основную территорию будущей Франции. Проживавшее здесь население пользовалось главным

образом романскими диалектами, на основе которых впоследствии сформировался французский язык.

Земли к востоку от Рейна и к северу от Альп достались среднему из братьев — Людовику Немецкому. Первоначально эта страна носила наименование Восточно-Франкского королевства; она явилась исходным территориальным ядром будущей Германии.

Старший сын Людовика Благочестивого — Лотарь, сохранив императорский титул, получил Италию и широкую полосу земель вдоль рек Рейна и Роны, разделявшую два вышеназванных королевства. Владения Лотаря в еще большей степени, чем владения его братьев, являлись искусственным конгломератом совершенно неоднородных политических и этнических образований.

Таким образом, Верденский договор, завершивший период существования первой формы феодального государства, положил начало истории трех будущих стран Европы — Франции, Германии и Италии. Три более поздние государственные формы, следовавшие за раннефеодальной монархией, сменяли друг друга уже в рамках этих вновь образованных национально-политических объединений.

2. АНГЛОСАКСОНСКАЯ РАННЕФЕОДАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ

Массовое проникновение на остров Британию германских племен англов, саксов, ютов, фризов и др., живших на Ютландском полуострове и в нижнем течении Рейна и Эльбы, началось с V века, после ухода из Британии римских легионов, когда остров остался фактически полностью беззащитным. Завоевание Британии, продолжавшееся около 150 лет, сопровождалось массовым уничтожением или насильственной ассимиляцией местных кельтских племен, либо их оттеснением на окраины (в Каледонию — нынешнюю Шотландию, в современные Уэльс и Корнуэлл), где они облагались тяжелой данью. Завоевательные войны ускорили процесс разложения первобытнообщинного строя у англосаксов, однако по сравнению с регионами континентальной Европы этот процесс отличался крайне замедленными темпами. Романизация Брита-

нии, осуществляемая в I—V вв., главным образом коснулась лишь городов и отнюдь не достигла того уровня, который она имела в Галлии; к тому же эти достаточно слабые следы романизации подверглись двухкратному уничтожению — вначале кельтами, когда они временно овладели Британией после ухода римлян, а затем англосаксонскими завоевателями, когда они сменили здесь кельтское господство. Поэтому синтез германских и романских элементов, характерный для Галлии, здесь практически не имел места; феодальная система вырастала из недр англосаксонской родоплеменной организации в результате ее собственной внутренней эволюции.

На территории острова Британия первоначально возникло не менее 15 племенных англосаксонских княжеств, а впоследствии образовалось семь варварских королевств: *Кент*, расположенный на крайнем юго-востоке, основанный ютами; *Уэссекс*, *Суссекс* и *Эссекс* — в южной и юго-восточной части острова, основанные саксами; *Восточная Англия* — на востоке, *Нортумбрия* — на севере и *Мерсия* — в центре острова, основанные главным образом англами. Время сосуществования и соперничества этих королевств условно называют *«гептархией»* (семицарствием, семидержавием). В рамках этих королевств и начали разворачиваться феодализационные процессы, завершившиеся уже в объединенной Англии в IX—XI вв.

Социальная структура общества. Основную массу населения англосаксонских государств составляли свободные крестьяне общинники — *кэрлы*, владевшие довольно крупными участками земли (*гайдами*). Кэрлы обладали всей полнотой имущественных и политических прав — они могли участвовать в народном собрании, в органах местного самоуправления, обладали правом ношения оружия и службы в народном ополчении. Вместе с тем, уже самые ранние источники англосаксонского периода свидетельствуют, что кэрлы несли в пользу государства определенные повинности: они безвозмездно предоставляли в пользу короля, когда он находился в данной местности, все необходимые продовольственные и фуражные средства, а также были обязаны выполнять трудовую повинность по строительству и ремонту оборонительных сооружений и мостов. В отличие от соседской общины-марки, характерной для франков, в Англии преобладал большесемейная община,

состоявшая, как правило, из одной большой патриархальной семьи. При расселении англосаксов в Британии каждая семья получила надел в одну гайду, равный 120 акрам (около 50 га). Земля, находившаяся в совместном пользовании всей семьи, не могла быть продана, завещана, передана по женской линии, — процесс превращения земли в аллод задерживался фактом ее принадлежности всему семейному коллективу.

Вместе с тем, уже самые ранние англосаксонские правды свидетельствуют о том, что в обществе существовало выраженное социальное неравенство. На одном полюсе формировалась родовая знать (*эрлы*), выделившаяся из массы рядовых общинников и имевшая тенденцию к превращению в крупных землевладельцев (имеются основания предполагать, что эрлы владели земельными участками, в два раза превышающими участки кэрлов). Согласно ранним англосаксонским правдам (начало VII в.), вергельд эрла (400 шиллингов) был в два раза выше, чем вергельд кэрла (200 шиллингов); к концу VII в. вергельд эрла вырос еще в полтора раза. На противоположном полюсе группировались слуги-рабы, в основном из числа покоренного кельтского населения. Рабом мог стать и свободный человек, попавший в долговую кабалу. Раб не имел земельного надела, не мог выступать от своего имени в суде; рабское состояние было наследственным. За убийство раба вергельд не выплачивался; хозяину лишь возмещалась стоимость убитого. Полусвободные люди (*лэты* или *уили*), вергельд которых составлял от 60 до 80 шиллингов, не имели собственной земли и были вынуждены работать на своих господ, выплачивая оброк и выполняя барщинные повинности.

С конца VII в. в англосаксонских государствах приобрели силу процессы феодализации. Основную роль в этих процессах сыграла королевская власть, а главными инструментами формирования феодальной собственности являлись либо прямые королевские земельные пожалования дружинникам и церковным конгрегациям (начало христианизации англосаксов относится к 597 г.), либо — как переходная ступень — предоставления права «кормления» с определенных участков королевских владений. Такие пожалования оформлялись специальными грамотами, а земля, доходы с которых жаловались частным лицам, носила наименование «*бокленд*». Право получения дохо-

дов с земли довольно быстро перерастало в право распоряжения ею, так что с появлением бокленда процесс возникновения крупной феодальной земельной собственности стал лишь вопросом времени.

Крупные землевладельцы первоначально носили наименование *глафордов*, впоследствии — *лордов*. На их землях трудились в основном массы рабов и полусвободных людей, тогда как общинники-кэрлы длительное время сохраняли личную свободу, хотя и вынуждены были переходить под покровительство глафордов, которые «ставили их под свою соку» (т. е. под свой патронат). Королевская власть не только не препятствовала, а, наоборот, содействовала утверждению иммунитетных привилегий глафордов, пытаясь использовать их как своих уполномоченных по поддержанию общественного порядка на местах и мобилизации зависимого населения на строгое и точное выполнение государственных повинностей. В X в. (около 930 г.) было установлено, что все люди, лишенные земельной собственности, должны были в обязательном порядке перейти под покровительство глафордов (стать их *сокменами*), и прежде чем обращаться в королевский суд, эти люди должны были пытаться найти решения своих дел в суде глафорда. Если по истечении установленного срока ограниченный в правоспособности человек не находил себе покровителя (даже с помощью своих родственников), он считался правонарушителем, и всякий мог его безнаказанно лишить жизни, как разбойника и вора. За убийство таких людей виновные подвергались штрафу.

Следует специально подчеркнуть, что в англосаксонских королевствах не нашла своего применения система прекарных отношений, пережившая подлинный расцвет во Франкском государстве. Что же касается роли англосаксонской церкви в развитии феодализационных процессов, то эта роль была отнюдь не меньшей, чем в королевстве франков. Христианская церковь освящала своим авторитетом королевскую власть; в благодарность за это короли щедро раздавали бокленды духовным феодалам — епископам и монастырям, предоставляли право духовным прелатам участвовать в светских органах управления. Английское духовенство во главе с архиепископом Кентерберийским было более независимым от папской власти, чем церковные организации континентальных стран. Осно-

вой могущества церкви являлись ее земельные богатства: к XI в. церкви принадлежало не менее одной трети обрабатываемых территорий. Вместе с тем, духовные лица не были освобождены от общегосударственных налогов и повинностей.

Начиная с VII в. в англосаксонских королевствах наметился процесс формирования особого военного сословия — *тэнов*, пришедших на смену прежним королевским дружинникам — *гезитам*. Первоначально тэном мог стать человек любого происхождения (из эрлов, кэрлов, ремесленников, даже вольноотпущенников), если он получил от короля или другого господина земельный участок площадью 5 гайд. К XI в. тэны оформились в особое замкнутое военное сословие. Они имели участок земли, право на владение которым было оформлено специальным королевским актом, и несли в отношении короля три основные повинности: участие в военных походах, в строительстве военных укреплений и в починке мостов. Кроме того, для отдельных представителей военно-служилого сословия могли быть введены по приказу короля и другие службы: снаряжение судов, охрана побережья и др. Тэны являлись аналогией франкских и германских конных рыцарей, оттеснивших на второй план пешее крестьянское ополчение (*фирд*). Крестьянство, оставшееся за пределами военно-служилого сословия, переходило в состав зависимого населения.

В X и начале XI вв. в Англии (особенно на юге страны) складывались крупные феодальные вотчины (*маноры*), в которых трудились различные категории зависимого крестьянства: *генинты*, потомки свободных кэрлов, обладавшие значительными земельными наделами (*виргатами* — до 30 акров), положение которых было наиболее свободным, *гебуры*, владельцы средних наделов (до 7 акров), выполнявшие наиболее тяжелые повинности в виде барщины (до трех дней в неделю в течение всего года), и *котсетли* — держатели мелких наделов (до 5 акров), близкие к гебурам по своему правовому положению.

Тем не менее, к моменту нормандского завоевания Англии (1066 г.) процессы феодализации англосаксонского общества были еще далеко не завершены: господствующий класс еще не приобрел окончательно сложившуюся вассально-ленную структуру, а среди трудящегося населения была еще весьма значительна прослойка свободного крестьянства.

Эволюция государственного строя. Государственная организация ранних англосаксонских королевств отличалась большой архаичностью. Короли VI—VII вв. по-прежнему оставались скорее племенными вождями, чем носителями государственной власти. На местах длительное время эффективно функционировали органы самоуправления. Несколько поселений составляли *округ*, в масштабе которого созывались народные собрания. Округа объединялись в *сотни*, и свободные жители этих территорий также сходились на сотенные собрания. Еще более крупными территориальными единицами являлись графства (*ширы* или *скиры*), которые также имели свои народные собрания (*моты* или *гемоты*). Не исключено, что в рамках целых королевств в ранний период также могли существовать общенародные собрания воинов (типа мартовских полей у франков), но источники не содержат о них прямых указаний.

Между властителями отдельных варварских королевств, возникших на территории Британии, развернулось острое соперничество за верховную власть над всей страной. В конце VI — начале VII в. ведущая роль среди всех королевств принадлежала Кенту, с середины VII в. — Нортумбрии, в VIII в. — Мерсии, с начала IX в. — Уэссексу. Король Уэссекса Эдберт в 829 г. объединил под своей властью все англосаксонские королевства. Большинство последних превратились в провинции Уэссекса, но некоторые из них продолжали иметь собственных королей. Необходимость государственной централизации стала необходимой и возможной в связи с развитием феодализационных процессов. Мощной консолидирующей силой стала и военная опасность, носителями которой являлись норманнские викинги, угрожавшие северо-западным регионам Англии, и датчане, оказывавшие военное давление с востока. В этих условиях именно Уэссекс, расположенный на юго-западе Британии и потому наиболее защищенный от внешней экспансии, сыграл роль естественного объединительного центра. Современное название объединенной страны — Англия — стало употребляться со второй половины X в.

Юридическое положение короля (*кинга*) в объединенном государстве находилось в соответствии с основными принципами государственной организации в форме раннефеодальной монархии. Сохранялось отношение к королю прежде всего как

к верховному военному предводителю. Хотя монархическая власть была в принципе наследственной в рамках правящей династии, существовал порядок замещения престола, требовавший согласия высшего государственного совета, и это согласие мог получить далеко не каждый наследник престола. В ранних коронационных грамотах о королях говорилось, что они были «избраны и подняты» (в этой формуле запечатлелось воспоминание о древней традиции, когда вновь избранных королей поднимали на щите). После объединения страны положение королевской власти упрочилось. Если раньше вергельд за убийство короля варварского государства был равен вергельду за убийство архиепископа (он исчислялся в 7200 шиллингов, причем определенная его часть шла в пользу всего населения королевства), то два столетия спустя личность короля объединенного государства стала считаться священной и неприкосновенной, так что за посягательство на нее полагалась смертная казнь. Появилось понятие измены королю, совершенно неизвестное древним англосаксонским обычаям. За королем закрепилась prerogative верховной собственности на землю; он располагал обширным собственным доменом. Общеобязательное для всех королевское право было распространено на всю страну, а прежние королевства были превращены в административно-территориальные округа единого государственного целого. Король признавался высшим охранителем общественного правопорядка, поэтому судопроизводство во всех инстанциях осуществлялось от его имени, а часть налагаемых на правонарушителей штрафов шла в его пользу. Король получил монопольное право на чеканку монеты, на взимание налогов (в частности, т. н. «датских денег» — прямого поземельного налога на военные нужды) и пошлин, на военную службу в свою пользу со стороны свободных военнообязанных категорий населения. Население страны было обязано предоставлять королю постой и кормление. В распоряжении короля была вооруженная сила в лице дружины, которую он содержал на свои личные средства и потому мог использовать в собственных интересах. Королевский двор превратился в центр управления страной, а королевские приближенные приобрели статус государственных должностных лиц.

Роль высшего государственного органа стал играть т. н. *уитенагемот* («совет мудрых») — наименование, которое не употреблялось ни в документах, изданных этим органом, ни в королевских хартиях; это наименование было впервые использовано и тем самым введено в историю автором англосаксонской летописи XI века. В состав уитенагемота входил сам король и некоторые члены его семьи (например, жена и сыновья), представители высшего духовенства, наиболее могущественные земельные собственники, в т. ч. «королевские тэны» — прямые вассалы короля, державшие его земли. На заседания уитенагемота приглашались также короли Шотландии и Уэльса и выборные представители от города Лондона. Общее число членов уитенагемота колебалось от 30 до 100 человек. В целом, это было аристократическое собрание, в котором прениями руководили духовные лица. Созывался уитенагемот регулярно, не реже одного раза в год, обычно в дни празднеств Пасхи, Троицы или Рождества. Все важнейшие государственные решения король принимал «с совета и согласия» уитенагемота; даже королевские грамоты о пожалованиях земли скреплялись подписями членов названного совета. На заседаниях этого органа происходило избрание и низложение королей, назначение высших должностных лиц, а иногда и епископов, издание новых и отмена старых законов, решение вопросов войны и мира, набора армии и строительства флота. Совет был правомочен рассматривать важнейшие судебные дела; в него можно было принести апелляцию на решения судов графств. Наконец, совет мог заниматься решением чисто канонических, конфессиональных проблем, поскольку церковь и государство были практически неразделимы. Между королем и членами уитенагемота могли возникать разногласия, однако не было ни одного случая принятия советом какого-либо решения вопреки королевской воле.

Местное управление продолжало строиться на традиционных принципах самоуправления. Наиболее крупными единицами являлись графства, представлявшие собою либо территорию первоначального поселения племени, либо вновь учрежденный судебно-административный округ. В середине X в. общее количество графств составляло 32. Деление на графства было произведено с учетом потребностей обороны страны от внеш-

ней опасности. Центрами графств были определены, как правило, укрепленные города, в которых в случае военной опасности могло укрываться население графства. Главой графства являлся *элдормен* — должность, которая вела свое происхождение из института племенных вождей и назначение на которую король осуществлял с согласия уитенагемота. Элдормен собирал ополчение округа и командовал им, следил за поддержанием общественного порядка в округе, участвовал в заседаниях королевского совета. По мере укрепления королевской власти элдормен стал постепенно терять свои полномочия в пользу королевского *шерифа*, который являлся довольно близкой аналогией франкскому графу: он заведовал королевскими именными в графстве, отвечал за своевременное поступление в казну налогов и пошлин, осуществлял судебные и полицейские функции. Два раза в год под председательством элдормена (а позже шерифа) происходили собрания, в которых участвовала светская и духовная знать графства, а также представители свободного населения общин (священник, староста и 4 крестьянина от каждой общины). Собрания были призваны обсуждать местные дела, заслушивать и принимать к сведению королевские распоряжения, производить раскладку налогов, контролировать созыв ополчения, осуществлять суд по уголовным преступлениям и гражданским правонарушениям.

Графства делились на более мелкие судебно-административные единицы — сотни; число сотен в одном графстве колебалось от 4 (на севере страны) до 64 (в южных регионах). Примерно раз в месяц в сотнях созывались собрания, на которых были представлены сотенный старшина и крупные землевладельцы данной местности, а также по 6 представителей от каждой из сельских общин. Для данных лиц посещение собраний было обязательным, и за неявку виновные подвергались штрафу. Наряду с судебными делами сотенные собрания занимались раскладкой фискальных повинностей, оформляли различные юридические акты, в том числе связанные с отношениями собственности. С укреплением центральной и местной королевской администрации роль сотенных собраний постепенно падала. Сами собрания теряли свой демократический характер, поскольку главную роль в них стала брать на себя особая коллегия из двенадцати лиц (т. н. «старших тэнов»).

Свое самоуправление имели и низшие звенья англосаксонской административной системы — общины. Здесь действовали сельские сходы (*галимоты*), решавшие вопросы повседневной хозяйственной жизни (организация севооборота, порядок выпаса скота и др.). Кроме того, здесь могли рассматриваться мелкие проступки и присуждаться штрафы за них, разбирались гражданские тяжбы, приводились в исполнение решения высших инстанций. Во главе общины стоял избранный на общем сходе сельский староста (*герефа*).

Таким образом, развитие и общественного, и государственного строя раннефеодальной Англии в основных своих чертах не имело принципиальных отличий от аналогичных процессов, разворачивавшихся в раннефеодальной монархии франков. Возможно, что англосаксонскую государственную систему ожидала та же участь, которая постигла империю Карла Великого, когда на смену государственному единству пришел политический партикуляризм. Однако произошедшее во второй половине XI века нормандское завоевание Англии внесло радикальные коррективы в систему сложившихся к тому времени общественных отношений и предопределило особый путь всего последующего развития английской государственности.

3. РАННЕФЕОДАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ В ГЕРМАНИИ

Как уже было сказано ранее, политическое обособление восточных территорий бывшей единой империи франков началось в результате ее разделов между потомками Карла Великого. В этническом отношении Восточно-Франкское королевство являлось достаточно однородным: его демографическую основу составляли германские племенные общности, из которых впоследствии сформировалась немецкая народность. С XI в. стало употребляться самоназвание населения этих территорий — «тевтоны» (*Teutschen*), от которого происходит и современное название страны — *Deutschland*. Вместе с тем, на территории Германии проживало много представителей славянских племен, особенно по обеим сторонам реки Эльбы и в регионах, ныне входящих в территорию Австрии. После захвата в X—XII вв. земель к востоку от Эльбы славянское население в Германии значительно увеличилось и по численности, вероятно, лишь немного ус-

тупало немецкому. Впоследствии это население было насильственно христианизировано и ассимилировано. В южных и западных областях государства (Лотарингия, Эльзас) преобладающим было романское население. В целом, население германских земель с 900 по 1200 год увеличилось в 4 раза.

Отличительной особенностью экономического и социального развития германских земель было то, что процессы феодализации шли здесь гораздо более замедленными темпами, чем в землях к западу от Рейна. Еще сохраняла свою значительную силу старая племенная организация. Самые крупные и влиятельные германские герцогства — Саксония и Бавария — являлись типичными примерами таких племенных объединений, во главе которых стояли герцоги из местной землевладельческой знати. Такой же характер общественной организации был свойствен и Франконскому герцогству, сложившемуся по течению реки Майн. Что касается герцогства Лотарингия, то оно представляло собой не племенное, а искусственное политическое объединение, где отсутствовала единая этническая основа, а основная масса населения говорила к тому же не на германском, а на романском диалектах. Наиболее архаичной была общественная организация племен фризов, проживавших вдоль побережья Северного моря и на близлежащих островах (т. н. Фрисландия). Внося значительный вклад в развитие мореходства и морской торговли, эти племена фактически не участвовали в политической жизни Восточно-Франкского королевства.

Специфика сословной структуры и вассально-ленной иерархии. В XI—XII вв. в Германии шел процесс формирования основных классов-сословий феодального общества. Он характеризовался более быстрыми темпами на юге и особенно на западе страны (в Лотарингии), где развитие общественно-политических отношений приближалось к западно-франкскому образцу. Напротив, в восточных и северных регионах дифференциация общества по имущественным и социальным показателям была выражена в гораздо меньшей степени.

Феодальные сословия в своем окончательном виде оформились в XII в. Крупные земельные магнаты, державшие земли непосредственно от короля, составили сословие *имперских князей* (*Fürsten*). С 1180 г. это сословие являлось замкнутым и закрытым для проникновения в его состав представителей других со-

циальных группировок. Первоначально светских имперских князей было всего 20 (в т. ч. 12 герцогов, 3 пфальцграфа, 3 маркграфа, 1 ландграф и 1 граф). Количество церковных имперских князей было примерно в два раза больше. Названные элементы консолидировались в сплоченную социальную корпорацию: заключая браки только между собою, они стремились не допустить перехода их земельной собственности в руки других семейств.

Вторую ступень феодальной иерархии занимало сословие «свободных господ». В его состав вошла прежняя служилая знать в лице графов, т. н. *фогтов* (светских должностных лиц, осуществлявших судебную-административную власть в церковных учреждениях) и других крупных аллодистов.

Все остальные феодалы были отнесены к сословию *рыцарей*. Эта самая массовая группировка, состоявшая в основном из владельцев небольших и небогатых вотчин, первоначально могла пополняться и за счет верхушки свободного крестьянства. Военная реформа короля Генриха I Птицелова (919—936 гг.), вызванная необходимостью противостоять натиску кочевников-мадьяр (венгров), открывала возможность проникать в ряды рыцарского сословия любым категориям свободных людей, способным нести конную военную службу. Однако в конце XII в. (согласно указу императора Фридриха I Барбароссы) было запрещено вступать в рыцари представителям крестьянского сословия и лицам духовного звания; тем самым было завершено формирование замкнутого рыцарского сословия, монополизировавшего в своих руках военную функцию. Звание рыцаря стало наследственным, даже если его обладатель не располагал земельным наделом. Идеология рыцарства превозносила военную профессию в качестве единственного дела, достойного благородных людей; труд земледельца, ремесленника или торговца третировался как презренное занятие.

Внутри господствующего класса, представленного тремя названными сословиями, шла постоянная борьба за распределение и перераспределение феодальной собственности и неразрывно связанной с ней политической власти. Кроме того, эти сословия занимали отнюдь не одинаковую позицию по отношению к королю. Имперские князья объективно не были заинтересованы в сильной центральной власти: они являлись носителями сепаратистских тенденций, инициаторами ограни-

чения власти короля (императора) в свою пользу. Напротив, мелкие и средние феодалы отчетливо сознавали, что их благополучие всецело зависит от успехов центральной власти, а потому были самой надежной опорой короля в борьбе с его политическими противниками.

Феодалная иерархия в Германии была окончательно оформлена во второй половине XII в. Формой военной (а в широком смысле слова — и государственной) организации немецких феодалов стало деление всего дворянства и духовенства на особые ранги («военные щиты» — Heerschilden). Так, согласно т. н. Швабскому зеркалу (сборнику обычного права, составленного частным лицом между 1273 и 1282 гг.), в начале XIII в. существовало семь «щитов». Первый из них принадлежал королю, второй и третий — духовным и светским магнатам, являвшимся прямыми вассалами самого короля (архиепископам, епископам, аббатам и светским имперским князьям). Четвертый щит держали вассалы князей — графы, пятый — «свободные господа», т. е. вассалы графов и князей, получившие рыцарское звание по выслуге. В шестом ранге состояли вассалы этих «свободных господ», а седьмым рангом обладали вассалы феодалов шестого ранга — низшие слои рыцарского сословия, которые назывались «однощитными рыцарями».

Крестьянство подразделялось на две категории — свободное и феодално-зависимое. *Лично свободное* крестьянство было представлено, в свою очередь, также двумя группировками. Одна из них (т. н. *чиншевики*) — это держатели господской земли, обязанные выплатой *чинша* (от лат. *census* — денежный или продуктовый оброк). Часть чиншевиков могла передавать свое держание по наследству, другая часть была этого права лишена, но в обоих этих случаях размер чинша был строго фиксирован. Вторую группировку лично свободного крестьянства составляли *арендаторы*, получавшие землю во временную обработку (иногда только на один сезон). Несмотря на юридическую свободу, чиншевики и арендаторы находились в состоянии материальной зависимости от земельных собственников, землями которых они были вынуждены пользоваться.

Остальная, подавляющая масса германского крестьянства, именуемая *сервами* (холопами), находилась не только в материальной, экономической, но и в личной зависимости от класса

феодалов. Крепостные, проживавшие на землях фиска и в собственном королевских владениях (*fiscalini*), сохраняли свой юридический статус, даже если они перешли во владения церкви и частных феодалов. Определенными преимуществами на фоне остальной массы крепостного крестьянства обладали церковные крепостные (*ecclesiastici*). Таким образом, конкретные формы юридической зависимости были достаточно многообразными, и это являлось свидетельством незавершенности процесса окончательного закрепощения крестьянства. Интенсивно начавшись в конце IX в., этот процесс в основном завершился в XI в., хотя в некоторых регионах Германии (в частности, во Фрисландии) крестьянская свобода исчезла только в XIII в.

В XI—XII вв. началось складывание и *сословия горожан (бюргеров)* — особой социальной группы свободного населения, занятого в ремесленном производстве, предпринимательстве и торговле. До этого времени население городов, большинство из которых являлось епископскими, практически не отличалось по своему правовому статусу от зависимого сельского населения. Оно несло в пользу своих сеньоров различные повинности и выплачивало чинш; ремесленники, состоявшие в городских цехах, несли трудовые повинности. Поселившиеся в городе холопы не освобождались от личной зависимости своим господам, которых они покинули. Лишь в конце XII в. города королевского домена, некоторые епископские центры и ограниченное число вотчинных городов стали пользоваться особыми городскими правами и некоторой автономией. Городское население продолжало выплачивать определенные налоги и выполнять некоторые повинности (например, военную и строительную), но стало считаться лично свободным.

Развитие государственного строя. Период раннефеодальной монархии в Германии датируется X—XII вв. В это время Германия представляла собой единое в политическом отношении, более сплоченное, чем соседние страны, государство с относительно сильной королевской властью. В значительной степени этот факт объяснялся указанными выше замедленными процессами феодализации, а вследствие этого — относительной слабостью системы вотчинной администрации и длительное время сохранившей свое значение системой централизованной государственной эксплуатации значительных масс населения. Вне-

шняя угроза (со стороны викингов-норманнов, но особенно — со стороны кочевников-мадьяр) послужила также одной из побудительных причин поддержания единства германских герцогств в рамках единого государства. Правда, нанеся решительное поражение венграм в сражении на реке Лехе близ города Аугсбурга (955 г.), германский король Оттон I на несколько веков снял внешнюю опасность для своей страны. Это создало возможность для осуществления агрессивных планов самих германских властителей против соседних народов.

Первоначально на престоле Восточно-Франкского королевства, возникшего в 843 г. по условиям Верденского договора, находились правители из династии Капетингов. Один из восточно—франкских королей — Карл III (867—888 гг.) — некоторое время занимал и престол Западно-Франкского королевства. После смерти последнего государя Восточно-Франкского королевства из династии Каролингов (им был Людовик Дитя) германским королем был избран франконский герцог Конрад I (911—918 гг.). Его избрание вызвало сопротивление большинства других герцогов, и Конраду I так и не удалось добиться признания своего господства над всей территорией страны. После его смерти королями Германии были почти одновременно провозглашены два наиболее влиятельных правителя — герцоги Баварии и Саксонии. В развернувшейся между ними борьбе победу одержал саксонский герцог Генрих, получивший прозвище Птицелова (по преданию, весть об избрании Генриха королем застала его тогда, когда он занимался охотой на птиц). С установления Саксонской династии (919 г.) принято вести отсчет собственно германской истории.

Сын Генриха I — Оттон I Великий (936—973 гг.) — совершил поход в Италию под формальным предлогом восстановления на престоле свергнутого римлянами папы Иоанна XII. Поход завершился успешно, и в знак благодарности папа возложил на Оттона I императорскую корону (962 г.). Тем самым была формально восстановлена империя Карла Великого. Германские короли стали считать себя преемниками римских императоров, а их государство получило наименование «Священной Римской империи германской нации» (*Heiliges Romisches Reich deutscher Nation* — это название официально употреблялось до начала XIX в.). Германские короли выступали

с претензиями на владычество над всем миром. Особенно четко эта политико-правовая доктрина была сформулирована во времена императора Фридриха I Барбароссы (1152—1190 гг.), когда юристы болонской школы (т. н. легисты), опираясь на традиции римского государственного права, стремились дать теоретико-юридическое обоснование этим претензиям.

Королевская власть в Германии, обладавшая значительными материальными ресурсами и пользовавшаяся поддержкой широких слоев внутри господствующего класса, выступала олицетворением и поборником государственного единства страны. Однако должность короля была выборной; порядок этих выборов не был четко установлен, так что иногда в процедуре выборов участвовали не только феодалы, но и простое население. Начиная с Оттона I, короли добились права назначать себе преемников из числа своих сыновей, и эти назначенные лица являлись основными кандидатами на выборах, имея значительное преимущество перед остальными претендентами.

В целом, после приобретения императорского титула германские короли значительно усилили свою власть внутри страны и свой авторитет на международной арене. Усилению позиций королевской власти способствовала серия мероприятий первого императора в отношении церкви — мероприятий, получивших наименование «оттоновских привилегий». Если Генрих I основную свою опору видел в светской знати, то Оттон I и его преемники рассматривали в качестве главного средства управления страной церковные административно-управленческие структуры. Духовные феодалы были поставлены в подчинение исключительно королевской власти. Кроме того, на землях, принадлежавших отдельным светским магнатам (герцогам), учреждались особые церковные округа (епископства), которые король облагал налогами в свою пользу и власти которых находились в непосредственном подчинении королю. Духовенство было обязано поставлять королю военные отряды, снабжая их продовольствием; кроме того, продовольствием из средств церкви обеспечивался и сам король, и его свита. Взамен этого король широко практиковал назначение духовенства на государственные должности как в общегосударственном масштабе, так и на уровне герцогств и графств. Оттон I активно вмешивался во внутрицерковные дела, осуществлял назна-

чения на епископские должности (каноническое избрание при этом не отменялось, но превращалось в простую формальность), присвоил себе право распоряжаться частью церковных доходов. Эти доходы постоянно возрастали, поскольку церковное имущество, в отличие от светского, не подлежало дроблению между наследниками. Осуществление политики «оттоновских привилегий» имело своим следствием фактическое превращение императора в главу германской церковной организации.

Политика Оттона I в отношении собственной церкви сочеталась с его притязаниями на управление всей католической церковной организацией в глобальном масштабе. Став императором, он признал власть папы над Папской областью, но добился от него принесения вассальной присяги. Начиная с этого времени, германские императоры стали контролировать избрание пап, смещать их по своему произволу, навязывать им свою политику как в светских, так и в собственно канонических делах. Лишь в конце XI в. усилившееся папство сначала добилося независимости от германских королей, а потом обеспечило и свое верховенство над ними.

Система высших государственных органов Германии в период раннефеодальной монархии рисуется в следующих основных чертах. Глава государства — *король* (с 962 г. *император*) — обладал высшей законодательной властью. Если в X—XI вв. эта прерогатива королевской власти воплотилась в незначительном количестве нормативных актов, то в XII в. королевское законодательство значительно расширилось. Наибольшее количество изданных королем законов было посвящено регулированию взаимоотношений между светской и церковной властью, а также отношений между крупными феодалами. Так, императором Фридрихом II (1212—1250 гг.) были изданы две конституции, регулировавшие права духовных (1220 г.) и светских (1232 г.) феодалов.

Юридически за королем оставались прерогативы верховного судьи. Он мог изъять любое дело из любой судебной инстанции и рассмотреть его по существу. Кроме того, королю могла быть принесена апелляция на противозаконное решение любого судебного органа. В действительности же судебная власть короля не имела столь всеобщего и неограниченного характера, поскольку реально она распространялась лишь на узкий

круг его собственных вассалов. Мало того, король был не свободен в своих поступках: еще при избрании на престол он приносил присягу в том, что будет соблюдать законы и осуществлять справедливое правосудие, и если он совершал какие-либо противозаконные или преступные действия, он отвечал перед судом высшей феодальной знати.

Судебная власть короля была неразрывно связана с его полицейско-административными функциями. Он мог подвергать своих подданных штрафам или административным взысканиям за преступные действия против монархии и церкви, а должностных лиц — привлекать к ответственности за служебные злоупотребления и упущения. Штраф королевского банна мог колебаться в пределах от 2 до 1000 фунтов золота. За нарушение верности королю размер штрафа исчислялся 300 фунтами. За невыполнение королевских распоряжений должностное лицо рисковало потерей «королевской милости», что влекло за собой изъятие лена и лишение должности.

Верховное государственное руководство было сосредоточено в рамках королевского двора. Наиболее видными сановниками являлись: *канцлер*, игравший роль первого министра, *дворецкий (пфальцграф)*, ведавший дворцовыми делами, *маршал*, командовавший войсками, *королевский меченосец*, возглавлявший службу безопасности, и др. Высшие государственные должности становились наследственными и возлагались на наиболее могущественных и влиятельных светских и духовных имперских князей. Многие другие сановники не имели определенных служебных полномочий, но выступали в роли советников, без консультаций с которыми король не принимал никаких ответственных решений. С начала XI в. это совещательное учреждение оформилось в самостоятельный орган — *королевский совет*.

Большую роль в политической жизни страны играли *собрания феодалов*, в которых участвовали церковные и светские князья, непосредственные королевские вассалы. Собрания созывались по инициативе короля и работали под его председательством. В периоды междоусобиц собрания приобретали силу суверенного органа. Поскольку столицы государства тогда не существовало, местом собрания мог стать любой имперский или епископский город (имел место даже случай, когда импе-

ратор Оттон III избирал своей столицей Рим). Собрания созывались обычно один раз в год и чаще всего приурочивались к пасхальным праздникам. В компетенции собраний было решение наиболее важных вопросов общегосударственного значения: проблемы законодательства, войны и мира, престолонаследия; рассмотрение некоторых судебных дел; улаживание конфликтов между королем и знатью и споров, возникавших внутри феодального класса; назначение на высшие государственные должности и предоставление ленов; ведение переговоров с папским престолом и др. По мере развития и оживления городской жизни в съездах феодалов стали принимать участие представители имперских городов, находившихся в непосредственном управлении главы государства. Для решения чисто конфессиональных проблем церковные князья собирались на специальные заседания, и тогда эти заседания приобретали характер синодальных собраний.

Финансовая система раннефеодальной Германии строилась на тех же принципах, что и в империи франков. Важнейшим источником доходов короля служило его доменальное землевладение. Свободное население страны выплачивало государственные налоги. Право сбора таких налогов передавалось королевской властью церковным и светским феодалам. Особые королевские налоги, вносимые продуктами земледелия и ремесла, серебром и рабами, платило славянское население, покоренное в ходе «натиска на Восток». Агрессивная политика германских правителей, осуществляемая против соседних государств (Италии, Чехии, Дании, Венгрии и др.), пополняла королевскую казну поступлениями в виде различных контрибуций и даней. Известную долю государственных доходов составляли торговые пошлины (их насчитывалось свыше 20), а также королевские регалии (монетная, горная, соляная, пивная).

Вооруженные силы Германии к концу рассматриваемого периода строились на феодальных началах. Король, наделенный как верховный сеньор функциями верховного главнокомандующего, мог требовать исполнения военной службы от имперских князей и населения имперских городов. Число воинов, которых должны были приводить светские и духовные феодалы, устанавливалось королем. Отказ от несения военной службы рассматривался как «оскорбление величества». В мирное время войска

располагались в феодальных владениях и состояли под командованием соответствующих феодалов. Главным родом войск в составе вооруженных сил являлась рыцарская кавалерия. По свидетельству документов второй половины X в., до трех четвертей тяжелой конницы приводили с собой духовные имперские князья — епископы и аббаты. В случае нападения на страну могло быть созвано крестьянское ополчение.

В XII в. начался процесс разложения системы королевского управления страной как на общеимперском, так и на региональном уровнях. Реальная политическая власть постепенно переходила в руки имперских князей. Территориальные княжества все больше превращались в замкнутые политические образования, располагавшие почти полным государственным суверенитетом и лишь в слабой степени подчинявшиеся верховной власти императоров. Как экономические, так и политические условия обеспечивали благоприятную обстановку для нарастания сепаратистских тенденций. Ослабленная королевская власть оказалась не в силах противодействовать феодальному партикуляризму. В конце XI в. высшая государственная власть стала основываться на принципах избирательной монархии. Феодалы, не участвовавшие в выборах короля, считали себя свободными от подчинения ему. Начиная с XIII века некогда единая страна вступила в затяжной период политической разобщенности, продолжавшийся до второй половины XIX века.

II. СЕНЬОРИАЛЬНАЯ (ЛЕННАЯ) МОНАРХИЯ

1. СЕНЬОРИАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ ВО ФРАНЦИИ

Французское (Западно-Франкское) королевство, выделившееся из Франкской империи по условиям Верденского договора 843 г., вначале не порывало связей с остальными частями распавшейся империи. Короли трех вновь образованных государств, связанные династическими узами (все они принадлежали к одной семье Каролингов), периодически собирались на съезды и принимали общие решения по вопросам сохранения мира и безопасности границ. Эти решения, оформленные в виде капитуляриев, имели силу государственных законов во всех трех королевствах. Последним эпизодом государственного единства было провозглашение французским королем Карла III Толстого, который к тому времени уже имел короны германского короля и римского императора (885 г.). Через два года государственное единство Франции и Германии было порвано окончательно.

Став самостоятельным королевством, Франция (это название — *Regnum Franciae* — стало впервые встречаться в документах X в.) оставалась единым государством лишь номинально, поскольку процесс его распада продолжался. К концу IX в. на территории королевства существовало 29 самостоятельных владений, а через столетие их число возросло до 55 (владения 7 герцогов, 44 графов, 1 маркиза и 3 виконтов). Это были вотчинно-сеньориальные образования, основой которых стали прежние каролингские судебно-административные округа. Наиболее крупными владениями были герцогства Нормандия, Бретань, Аквитания, Гасконь, Бургундия, графства Фландрия, Тулуза, Шампань, Пикардия, Анжу, Турень, Мэн, Пуату и др.

В свою очередь, каждое из этих владений дробилось на еще более мелкие, вследствие чего единство страны было окончательно подорвано, а его внешнеполитическое положение существенно ослаблено. Франция представляла собой рыхлый конгломерат нескольких десятков крупных владений, номинально объединенных весьма слабыми ленными связями, восходящими к верховному сюзерену, которым продолжал признаваться король. Страна не была однородной и в этническом отношении: ее население не чувствовало свою принадлежность к единой народности. Не существовало даже единого общенационального языка, хотя уже шел процесс сближения на единой семантической и фонетической основе двух основных диалектов — северофранцузского и южнофранцузского (или провансальского).

Общественный строй. В IX—XI вв. феодальные отношения во Франции стали безраздельно господствующими. Установилась монопольная собственность феодалов на землю. Продолжился процесс дробления крупных феодальных сеньорий, вследствие чего происходило все новое и новое перераспределение земельной собственности. Уже к середине IX в. практически полностью исчезало свободное крестьянское землевладение. Складывавшаяся правовая система феодализма строилась на принципах сословного неравенства: она открыто провозглашала привилегии для одних и ограничения и запреты для других членов общества.

Господствующий класс оформился в единую политическую и военную систему, построенную на принципах иерархического соподчинения (система *сюзеренитета— вассалитета*). Главой и вершиной этой системы считался король. Высший слой феодального класса составляли *герцоги, маркграфы и графы*. Их владения, именуемые «большими сеньориями» (*grandes seigneuries*), представляли территориальные политические образования с выраженными государственными признаками. Юридически владельцы «больших сеньорий» признавались вассалами самого короля (*tenentes in capite*), но многие из них считали себя равными королю (*пэрами*) и фактически от него не зависели. Они имели право заключать соглашения между собой и с иностранными государями (причем делали это нередко в ущерб интересам короля), вели войны между собой и

против своего коронованного сюзерена; они обладали правом чеканки монеты с собственным изображением, отправления правосудия, налогообложения и законодательства (издания ордонансов) в пределах своих территориальных владений. Таким образом, «большие сеньории» являлись подлинными государствами в рамках номинально существующего французского государства. В каждой из этих сеньорий существовал собственный аппарат власти, иногда даже более совершенный, чем у короля.

Вассалами герцогов и графов были *бароны, виконты, вицеграфы*, составлявшие вторую ступень феодальной лестницы. На третьей ступени располагались представители низшего слоя феодального класса, именуемые *рыцарями (шевалье)*, которые выступали сеньорами по отношению к крестьянам. Таким образом, каждый феодал занимал строго определенное положение в обществе: он был вассалом по отношению к вышестоящему феодалу и сюзереном (сеньором) по отношению к нижестоящему. Поэтому один из основополагающих принципов феодализма «нет земли без господина» органически дополнялся принципом «нет человека без сеньора».

Связь между сюзереном и вассалом устанавливалась публично, посредством тщательно разработанного и торжественного обряда, включающего *оммаж* (когда нижестоящий феодал приносил религиозную клятву верности и провозглашался «человеком» вышестоящего) и *инвеституру* (символическое вручение сеньором вассалу меча, копья или рыцарской перчатки, знаменующее получение земельного надела — *феода* или *фьефа*). Естественно, что вассальный договор не предполагал равенства его участников, а строился на принципе верховенства сеньора и зависимости вассала. Установленные таким образом отношения вначале являлись строго персональными и были рассчитаны на срок жизни сторон, но впоследствии стали обязательными и для их потомков. Поэтому уже в XI в. феодал, приобретший форму родового поместья, стал основной и повсеместно распространенной формой феодальной земельной собственности.

Вассальный договор четко фиксировал обязательства сторон по отношению друг к другу. Сеньор, предоставивший своему вассалу феодал, обязывался обеспечить защиту личности вас-

сала и неприкосновенность его земельного владения от всевозможных враждебных посягательств. Он должен был выступать посредником в спорах между собою своих вассалов; именно к нему обращались те, кто пострадал от незаконных действий вассалов. Обязанности же вассала по отношению к сеньору, основанные на принципе верности ему, прежде всего включали в себя ежегодную военную службу (в XI веке — в течение шести недель в году). Вассал не мог вступать в союзы с врагами своего господина, был обязан участвовать в обороне владений сеньора и в других его военных предприятиях. При этом ленное право фактически не проводило различий между военными предприятиями межгосударственного и внутригосударственного характера, так что вассал был обязан участвовать как в кампаниях своих сеньоров за пределами собственной страны, так и во внутренних междоусобицах. Кроме того, вассал был обязан являться ко двору сеньора по его вызову, принимать участие в суде сеньора (если подсудимым являлся вассал равного ему ранга), в сеньориальном совете (курии), в различных придворных церемониях, оказывать денежную помощь сеньору в случаях его выкупа из плена, выдачи замуж старшей дочери, посвящения в рыцари старшего сына. Сеньор имел право взыскивать со своего вассала *рельеф* — особый сбор, взимаемый при переходе имения вассала к его наследнику. Продажа феода могла произойти лишь с согласия сеньора и при условии выплаты ему пошрины в размере тройной суммы годового дохода. Замки вассала были открыты для сеньора в любое время, так что сам сеньор и его свита во время объезда владений или охоты пользовались правом постоя и полного содержания в имении вассала в течение определенного срока. Интерес каждого сеньора заключался в том, чтобы иметь как можно больше вассалов — именно это являлось показателем его могущества. Поэтому сеньор любого ранга стремился сохранить в непосредственной собственности лишь родовое имение (центром которого обычно была крепость — замок), а остальные земли раздать во владение своим вассалам, привязав их к себе обязательством нести службу.

Отношения внутри феодального класса при всей кажущейся их простоте оказывались, тем не менее, чрезвычайно запутанными, поскольку один и тот же феодал мог вступать в

ленные отношения сразу к нескольким сеньорам, даже и по другую сторону государственных границ (кстати, в те времена весьма условных), так что разобраться в сложившейся системе вассально-ленных отношений зачастую оказывались неспособными даже сами ее участники. Дело осложнялось еще и тем обстоятельством, что во Франции действовало правило «вассал моего вассала — не мой вассал», и потому каждый феодал служил только своему непосредственному сеньору, от которого он держал фьеф, вследствие чего отношения внутри феодального класса оставались децентрализованными. Из этого принципа, в частности, следовало, что королю подчинялись только его непосредственные вассалы, получившие лично от него землю внутри домениального владения. Основная масса господствующего класса не считала себя связанной с королем обязанностью нести ему службу: у каждого из феодалов был свой собственный сеньор, и ответственность только перед ним заслоняла понимание общегосударственного интереса.

Юридический механизм разрешения споров между сеньорами и вассалами (в суде сеньора) был весьма неэффективен хотя бы уже в силу своей априорной необъективности. Поэтому вассалы, располагавшие, как правило, собственными вооруженными силами, предпочитали решать возникающие споры не силой закона, а силой оружия. При столкновении между прямыми сеньорами, если у вассала их было несколько, вассал имел право соблюдать нейтралитет или оказывать помощь одному из сеньоров (обычно тому, которому он раньше принес ленную присягу), временно приостановив связи с другими, но не порывая с ними окончательно. Существовали и некоторые другие обстоятельства, когда вассал мог посчитать себя свободным от клятвы верности сеньору, сохранив за собой феод. Тогда он приобретал право вместе со своими землями перейти к другому сеньору, разорвав старый договор (при этом процедура разрыва вассальных отношений была обратна инвеституре) и оформив новый. В целом, система вассально-ленных отношений отнюдь не исключала, а наоборот, открывала самый широкий простор для анархии, беззакония, реализации права сильного («кулачное право»), непрерывных феодальных войн.

В XII в. иерархическая структура господствующего класса приобрела окончательный вид. Доступ новых лиц в класс фео-

далов все более ограничивался; складывались предпосылки для формирования замкнутого дворянского сословия.

Особым сословием внутри господствующего класса являлось *духовенство*. В XI в. вся территория Франции делилась на 10 церковных метрополий (во главе с архиепископами) и 75 округов (во главе с епископами). Поскольку статус иерархов католической церкви не был наследственным (священнослужители давали обет безбрачия и официального потомства не имели), кадры духовенства в основном формировались из числа светских феодалов. Поэтому церковная организация полностью вросла в социальную структуру общества, а церковные иерархи органически слились с различными прослойками феодалов, заняв соответствующие ступени феодальной лестницы (так, епископы и аббаты крупнейших монастырей приравнивались к графам и герцогам). Несмотря на определенные противоречия, существовавшие между светскими и духовными феодалами, их общие интересы явно преобладали. Поэтому обе эти группировки господствующего класса выступали как единое целое во взаимоотношениях с остальными общественными группами — крестьянством и городским населением.

Класс *эксплуатируемого крестьянства* делился на ряд слоев. Их правовое положение определялось местными нормами обычного феодального права (*кутюмами*). Основную массу крестьян составляли *сервы*, ведущие происхождение от прежних рабов, а также бывшие свободные, насильственно обращенные в состояние серважа или оказавшиеся в нем вследствие материальной нужды. Сервы считались простой принадлежностью земли. Их дееспособность была резко ограничена: они не могли заключать гражданско-правовые сделки, предъявлять иски, выступать свидетелями в суде. Но в отличие от рабов сервы имели свое хозяйство, собственные орудия труда и могли распорядиться частью урожая, остававшейся от уплат сеньору и церкви. Сервы выполняли барщину (обычно 3 дня в неделю), выплачивали подушный налог (*шеваж*), десятину в пользу церкви, особый прямой денежный налог (*талья*), ежегодный натуральный оброк, несли другие повинности (в том числе так называемые *баналитеты*). Последние вытекали из монополии феодала на земельную собственность и заключались в обязанности крестьянина выплачивать пошлины за проезд по господ-

ским дорогам и мостам, молоть зерно только на мельнице сеньора, печь хлеб только в его пекарне, изготавливать вино только в его винодельне. Освободиться от этой повинности крестьянин мог только тогда, когда он отдавал часть производимой им продукции в пользу сеньора. Чаще всего перечисленные повинности серва не были фиксированными (они регулировались лишь в самом общем виде названными выше кутюмами), и сеньор обладал властью над имуществом и личностью серва, включая право продажи с землей или без земли, но обязательно со всей семьей. Сеньоры имели полную административную и судебную власть над своими сервами, и апелляция на эти действия была в принципе невозможна. Серв не мог жениться без согласия сеньора; сеньор пользовался в отношении серва «правом первой ночи». Разрешение на вступление в брак достигалось единовременной выплатой сервом т. н. *формарьяжа* (брачной подати). Состояние серважа передавалось по наследству. Имущество умершего серва должно было по общему правилу переходить к сеньору, однако оно обычно передавалось наследникам за установленный взнос (т. н. «право мертвой руки» — лат. *manus mortua*, франц. *менморт*); в качестве взноса шла лучшая голова скота или какая-либо другая ценная вещь из крестьянского хозяйства. В случае бегства серва (а общегосударственного сыска беглых не существовало) его имущество конфисковывалось сеньором.

Другая, меньшая часть крестьян — *вилланы* — считалась лично свободной. Повинности вилланов не были связаны с их личным статусом, а вытекали из факта держания небольшого по размерам земельного участка (*парцеллы*), полученного от феодала, и были фиксированы по срокам (барщина — 8-10 дней в году) или по размерам (*талья* установленного предела, *чинш* — денежная арендная плата, *шампар* — часть урожая, обычно каждый 4-5-й сноп). До XII в. вилланы выплачивали и шеваж, но он рассматривался не как проявление личной зависимости виллана от сеньора, но как оказание чести вилланом сеньору. При переходе земельного держания виллана к его наследникам последние платили господину особый взнос — *рельеф*. Менморт и формарьяж на вилланов не распространялись. При условии выполнения вилланом всех возложенных на него повинностей сеньор не имел права отнять у него земельный

надел. Виллан даже мог продать свой надел другому лицу, — разумеется, вместе со всеми возложенными на него денежными и натуральными повинностями.

Крестьянское хозяйство имело ярко выраженный натуральный характер. Все необходимое для повседневной жизни крестьяне производили сами, прибегая в случае необходимости к услугам специалистов-ремесленников, находившихся на содержании общины, — кузнецов, ткачей, гончаров и др. Этой продукцией, производимой в рамках общин, довольствовалась и основная масса феодалов. Стабильных торговых связей между различными регионами страны еще не существовало; внешняя (в т. ч. заморская) торговля была призвана удовлетворять не столько необходимые потребности, сколько прихоти наиболее богатых людей (в драгоценностях, восточных пряностях, экзотических фруктах, винах и т. п.).

Специфический правовой статус имело *городское население*. Первоначально правовое положение горожан в принципе не отличалось от положения остальной массы феодально-зависимого сельского населения. Однако в XI—XII вв., в ходе борьбы городов за освобождение от власти феодалов, на земле которых они были расположены (эта борьба могла происходить как в насильственных, так и в мирных формах), города добились самоуправления (путем создания т. н. *городских коммун*). Города получали особые хартии вольностей, на основании которых их жители приобретали личную свободу; данные сеньорами, эти хартии скреплялись королем. Первым городом, получившим коммунальную хартию в 1077 г., был город Камбре (во Фландрии). Для защиты своих интересов города создавали свои вооруженные силы в виде городского ополчения. Но даже если города оставались под сеньориальной юрисдикцией короля или крупных земельных магнатов, повинности горожан в пользу сеньора строго фиксировались, а принудительные работы (типа барщины), равно как и баналитеты, вообще отменялись. Города становились центрами ремесла и торговли, средоточием денежных богатств, важнейшим финансовым и военным союзником королей в будущей борьбе за объединение страны. Города поддерживали королевскую власть, поскольку они нуждались в сильном центральном правительстве, способном оградить их от притеснений отдельных феодальных сеньо-

ров, обеспечить безопасность торговых путей. Города оказывали помощь королевской власти денежными средствами и предоставляли в его распоряжение собственные вооруженные силы. Весьма характерно, что королевская власть, борясь против городских коммун внутри собственного домена, всячески поддерживала и поощряла коммунальное движение на территориях других феодальных владений. Особенно энергично эту политику проводил король Филипп II Август (1180—1223 гг.).

Нельзя, однако, полагать, что добившиеся самоуправления города составляли какие-то инородные общественные организации в рамках единой феодальной системы. Они не превратились в самостоятельные государственные образования, а заняли место средних сеньорий под верховенством короля или другого крупного сеньора. Их отношения с феодальными суверенами выражались в нормах ленной зависимости. Город в лице своих «лучших людей» фактически вступал с верховным сеньором (если им не являлся непосредственно король) в договорные отношения. Характерная для феодального строя социальная иерархия распространялась и на городское население: оно расслоилось на богатых купцов-ростовщиков, состоятельных владельцев мастерских, рядовых ремесленников и городской плебс. Сословно-корпоративный характер собственности, типичный для феодализма, находил свое специфическое воплощение в системе *цехов* и *гильдий*, в рамках которых было организовано ремесленное производство и торговое предпринимательство.

Крупнейшим городом Франции начиная с XII в. становится Париж, окончательно получивший статус государственной столицы. Его население превысило 70 тыс. чел. Париж стал важнейшим центром культуры и образования: здесь возник один из старейших европейских университетов. В связи с развитием ремесел быстро росло число парижских цехов (к началу XIV в. их количество достигло 350). Росла и торговля Парижа, особенно по реке Сене; эта торговля находилась в руках гильдии т. н. «речных купцов». Именитые горожане Парижа привлекались королями к государственному управлению (в частности, к управлению казной и сборам налогов).

Развитие государственного строя. Период IX—XII вв., характеризующийся состоянием политической децентрализации, сопряженной с территориальной разобщенностью отдельных

частей страны, был отмечен значительным упадком королевской власти. В условиях феодального строя, когда политическая власть являлась атрибутом земельной собственности, реальной властью обладал тот, кто владел более крупным доменом и имел под своим сюзеренитетом большее количество вассалов. Поскольку королевский домен значительно уменьшился и по своим размерам уступал многим феодальным владениям (например, герцогствам Нормандия или Бургундия, графствам Фландрия или Шампань), король утратил свое бывшее могущество. В результате территориальной раздробленности государственная власть была как бы расщеплена между королем и другими феодалами, связанными сеньориально-вассальными отношениями. Именно такое состояние политической власти, основанной на принципах сюзеренитета-вассалитета, составляет суть государственной формы, именуемой сеньориальной монархией.

Частноправовой характер политической власти соответствовал высшим интересам господствующего класса: в условиях слабости центральной власти отдельные феодалы оказались в состоянии осуществлять государственные функции непосредственно и с гораздо большим эффектом. Король, хотя формально и считался вершиной всей феодальной лестницы, рассматривался крупными феодалами только как «первый среди равных» (*primus inter pares*). Власть короля фактически распространялась лишь на его собственный домен (в междуречьи Сены, Марны и Уазы, с городами Парижем и Орлеаном), да и здесь ему приходилось преодолевать сопротивление его прямых вассалов и парижского епископа. Впрочем, и сами первые Капетинги не гнушались никакими средствами, чтобы получить какую-либо материальную выгоду. Известно, что в свое время король Филипп I (1060—1108 гг.) приказал ограбить итальянских купцов, проезжавших по его владениям, чем вызвал гневное осуждение папы Григория VII. Длительное время Капетинги не имели постоянной столицы. Переезжая со своим двором, с его архивами и государственной печатью с места на место в пределах своего домена, они чаще всего задерживались в Орлеане, а с конца X в. — в Париже. Надолго останавливаясь в монастырях и епископствах, пользуясь своим правом на постой и

кормление, короли фактически содержали себя и весь свой двор за счет этого «гостеприимства».

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что сеньориальную монархию нельзя рассматривать только в негативном аспекте, исключительно лишь как проявление упадка и регресса. Через этот закономерный этап неизбежно должно было пройти французское общество, чтобы накопившийся в нем за эти столетия административно-управленческий опыт, апробированный в рамках отдельных сеньорий, впоследствии, когда для этого созрели необходимые социально-политические условия, смог быть реализован в общенациональных масштабах, в новых, более высоких по уровню политико-правовой организации государственных формах.

IX—X вв. были временем наибольшей слабости королевской власти. После низложения короля Карла III Толстого (887 г.) королевский престол стал замещаться путем избирательной процедуры, хотя и с соблюдением династического принципа. В 987 г., со смертью короля Людовика V Ленивого, династия французских Каролингов прекратила свое существование. Избранный новым королем граф Парижский (из рода Робертинов) Гуго Капет положил начало династии Капетингов, которая правила Францией с перерывами до 1848 г. При Капетингах будущий преемник короля стал избираться и короноваться еще при жизни своего предшественника; когда этот предшественник умирал, процедура коронации его преемника производилась вторично. В выборах короля участвовали его прямые вассалы и высшие иерархи французской (галликанской) церкви. Избирательная процедура и коронация обычно совершались в старинном городе Реймсе под руководством реймского архиепископа. Обычно среди присутствующих был и папский легат, дававший формальное согласие на избрание короля от имени папы. Участвовавшие в процедуре крупные королевские вассалы опрашивались персонально, в соответствии с их рангами. Остальные присутствующие выражали свое согласие ответственными восклицаниями.

Избирательный характер королевской власти первоначально не вызывал удивлений у современников и отнюдь не ставил под сомнение неземного, сверхъестественного характера этой власти: даже самые крупные и влиятельные феодальные пра-

вители признавали, что власть короля является уникальной по самой своей природе, — она совершенно иная, чем их собственная власть. Именно потому, что королевская власть уподоблялась священству, она, следуя вышеозначенной логике, и не должна была быть наследственной: царствовать должен был не тот, кто был ближе к умершему королю по крови, а тот, кто был лучшим из переживших его подданных по своим морально-волевым качествам. Однако впоследствии, с конца XII в., эта теория подверглась существенной трансформации: со времени Филиппа II Августа принцип выборности короля был все-таки заменен передачей трона по наследству (только по мужской линии). Избирательная процедура хотя и сохранялась еще некоторое время, но имела только формальное значение. Со времени царствования короля Людовика VIII (1223—1226 гг.) принцип наследственности королевской власти утвердился окончательно: трон стал переходить по наследству в порядке старшинства (с исключением наследниц-женщин) в рамках династии Капетингов.

Характерно, что даже в период максимального упадка королевской власти необходимость самого ее существования никем не ставилась под сомнение. Монархия олицетворяла ту административно-управленческую систему, которая представляла для господствующего феодального класса высший политический интерес. Поэтому в рассматриваемый период за королем продолжали сохраняться некоторые традиционные prerogatives главы государства: верховное командование, законодательство, высшая юрисдикция. Король обладал статусом верховного сеньора, которому его вассалы должны были приносить присягу верности. И хотя сомнительно, чтобы присяга приносилась вассалами при восшествии на престол каждого нового короля, но когда этого требовали обстоятельства, королю в такой присяге обычно не отказывали.

Обязанность короля перед его подданными выражалась в формуле: охранять мир и спокойствие внутри и вовне государства. Однако короли в течение длительного времени не имели реальных возможностей осуществлять эти полномочия, поскольку обладали весьма ограниченными военными и финансовыми ресурсами. Даже для наведения порядка в своих собственных владениях Капетингам понадобилось около 100 лет. Эту политику впервые стал осуществлять король Людовик VI (1108—

1137 гг.), который разрушал замки своих непокорных вассалов либо занимал их владения своими военными гарнизонами. Ему удалось восстановить безопасное сообщение между двумя наиболее крупными городами домена — Парижем и Орлеаном. Политику наведения порядка в собственном домене еще более энергично продолжил Людовик VII (1137—1180 гг.).

Что касается общегосударственного законодательства (издание актов в традиционной форме капитуляриев), то с середины IX в. до второй половины XII в. оно практически полностью прекратилось. По крайней мере, от этого времени не имеется ни одного законодательного акта, имевшего силу на всей территории страны. Так, из 172 хартий, изданных королем Филиппом I, 170 документов относились к делам его собственного домена.

Положение стало меняться лишь с изменением общей социально-экономической ситуации в стране, когда в XII в. процесс политической децентрализации прекратился и стала постепенно набирать силу противоположная тенденция. В ее основе лежали развитие товарно-денежных отношений, рост городов, налаживание экономических связей между различными частями страны, укрепление блока социальных сил, заинтересованных в преодолении феодальной раздробленности. Опираясь на эти новые тенденции, короли возглавили борьбу за централизацию. Первые реформы были проведены в рамках королевского домена, а затем им был придан общегосударственный масштаб. С середины XII в. короли стали более активно осуществлять свои прерогативы верховного суверена. Государство перестало считаться личной собственностью короля. Оно уже не могло быть разделено между наследниками или передано во владение отдельным частным лицам. Королевская власть постепенно утрачивала свою патримониальную основу и приобретала тенденцию к превращению во власть, имеющую публично-правовой характер. В частности, была возобновлена практика издания королем законодательных актов, которые после утверждения их Большим советом (собрание наиболее крупных феодалов королевства) становились общеобязательными для исполнения на всей территории страны. В XIII в. было установлено правило, согласно которому обязанность выполнять королевские распоряжения распространялась не только на тех

феодалов, которые присягнули этим документам при их принятии, но и на тех феодалов, которые отсутствовали при присяге. В общественное сознание усиленно внедрялась мысль о священном характере королевских prerogatives.

Существенными для положения королевской власти являлись ее особые отношения с церковью. Если первые Капетинги значительно уступали некоторым герцогам и графам по богатству своего домена или по могуществу своих вооруженных сил, то по степени влияния на церковную организацию короли превосходили всех остальных самых сильных феодалов. Сеньориальные права церковных прелатов считались регалиями, предоставленными им государственной властью; отсутствие наследования церковных должностей поддерживало жизнеспособность этой традиции. Теоретически считаясь покровителями церковных организаций на всей территории страны, первые Капетинги реально господствовали лишь над некоторыми из них. Так, на рубеже X—XI вв. короли контролировали 4 архиепископских и 20 епископских епархий, а также около 50 аббатств; в 4 монастырях король сам был формально аббатом. Во всех этих церковных организациях король мог назначать своих кандидатов, а потому надеяться на финансовую и военную помощь с их стороны в борьбе со своими политическими противниками. Кроме материальной помощи, церковь оказывала содействие королям своей религиозно-моральной поддержкой, рассчитывая, разумеется, на взаимность. Из рядов церковных прелатов выдвигались многие выдающиеся государственные деятели. Так, при Людовике VII исключительным влиянием при королевском дворе пользовался аббат Сугерий, представитель патристически настроенной части французского духовенства, заинтересованной в укреплении королевской власти, в пресечении разгула феодальной анархии в стране.

Центральное государственное управление в период сеньориальной монархии в основном продолжало строиться на принципах дворцово-вотчинной системы, сочетавшихся с принципами вассально-ленных отношений. В качестве центра управления со времен Каролингов сохранялся *королевский двор*, состоявший из ближайших родственников короля (королева-супруга, королева-мать, братья, сыновья), ближайших советников из числа епископов и светских магнатов, а также большого

штата дворцовых слуг (*министерялов*). Королевский двор фактически являлся двором крупного феодального сеньора, и главной задачей двора являлось обслуживание особы монарха. Четкого распределения обязанностей между сановниками не существовало; названия должностей сохранялись, как правило, с франкских времен. Главную роль в королевской администрации играл *сенешал*, должность которого замещалась представителями крупнейших феодальных фамилий. Сенешал возглавлял все дворцовые службы, обладал военными полномочиями, скреплял своей подписью государственные документы. В 1192 г. король Филипп II Август упразднил эту должность, прекрыв один из каналов давления на себя со стороны знати. Функции военного командования стал осуществлять *коннетабль*, в подчинении последнего состоял *маршал*. Королевский казначей (*камерарий*) ведал казной и архивами. *Канцлер* готовил для короля государственные акты, давал ему юридические консультации, ведал королевской печатью; к нему после 1192 г. перешли все бывшие функции сенешала. На указанные высшие должности, замещавшиеся первоначально светской и духовной знатью, с XIII в. стали назначаться представители средних и мелких феодалов, горожане, а также специалисты юридического профиля, знатоки законов, финансов и администрации — т. н. *легисты* («законники»).

Возрастала роль *королевской курии* (*Великого совета*) — постоянно действующего собрания прямых королевских вассалов, созываемого для решения вопросов законодательных, военных, финансовых, судебных, религиозных и др. Курия ни в коем случае не может рассматриваться как представительный орган — король приглашал в нее только тех, в ком он нуждался. К тому же на приглашения короля откликались далеко не все феодалы, а лишь те, которые имели в этом личный интерес. Основное предназначение курии заключалось в том, чтобы заниматься делами домена. Поэтому курия должна рассматриваться прежде всего как ленно-сеньориальный орган короля. Под председательством короля курия разбирала споры между королевскими вассалами, а также конфликты между вассалами и королем. Компетенция курии распространялась и на внешнюю политику, а также на дела, связанные с обороной государства. Чтобы начать войну, король должен был заручиться

поддержкой своих вассалов, поскольку собственных вооруженных сил у него было недостаточно. С XIII в. на заседания королевской курии стали все более активно привлекаться легисты, способные придать необходимое правовое оформление принимаемым решениям. Опираясь на принципы римского государственного права, легисты стремились обосновать идею о том, что именно король является носителем верховного государственного суверенитета.

Местное управление строилось вначале в рамках собственно королевского домена. Здесь в середине XI в. была учреждена должность *прево*, который назначался королем для управления специальным округом — *превотством*. Будучи не вассалами, а служащими короля, прево осуществляли в рамках своих округов фискальные, судебные, военные, полицейские, управленческие функции; их помощниками были *майоры* (в городах) и *сержанты* (в деревнях). Как правило, прево назначались на 3 года, причем король сохранял неограниченное право их отзывать. Число превотств постоянно росло: за период с 1179 г. по 1285 г. оно увеличилось с 41 до 80. В конце XII в. превотства стали объединяться в более крупные единицы (*бальяжи*) во главе с *бальи* — королевским чиновником, обычно подбираемым из сословия мелких феодалов. Первоначально должность бальи была временной и осуществлялась в порядке инспектирования, но впоследствии стала постоянной. Бальи контролировал административную деятельность прево, следил за точным и неуклонным исполнением королевских распоряжений, отвечал за комплектование в рамках бальяжа военных формирований. Число бальяжей постоянно увеличивалось по мере роста королевского домена. Бальи (как и прево) жалования не получали, а кормились за счет тех доходов, которые взимались в пользу короля. Впоследствии, особенно в приграничных районах, стали создаваться *сенешальства* — еще более крупные округа, чем бальяжи. В первой четверти XIII в., после смерти короля Филиппа II Августа, во Франции насчитывалось 20 бальяжей и 5 сенешальств. Важнейшей функцией бальи и сенешалов было осуществление правосудия от имени короля при рассмотрении наиболее серьезных уголовных дел (т. н. «королевские случаи») и наиболее крупных имущественных споров, затрагивающих интересы знати. Их суд являлся второй инстанцией над судом

прево, на решения которого бальи и сенешалы принимали апелляции. По мере укрепления своего влияния бальи и сенешалы стали все активнее вмешиваться в осуществление правосудия в рамках вотчинных судов, решения которых раньше были окончательными, а с течением времени перестали считаться таковыми.

В лице прево, бальи и сенешалов была создана полностью подконтрольная королю система местной администрации, значительно укрепившая положение королевской власти, в частности, ее финансовую базу. Апробировав эту систему в рамках собственного домена и убедившись в ее эффективности, короли впоследствии распространяли ее на новые территории по мере их присоединения к своему домену.

Судоустройство и судопроизводство в период сеньориальной монархии наиболее полно воплощало все специфические признаки средневековой юстиции. Основополагающий ее принцип состоял в том, что свободный человек мог быть осужден только «судом равных». Это означало, что подсудность лица определялась той ступенью социальной иерархии, которую данное лицо занимало. Так, судьба королевского вассала могла быть решена только людьми, равными ему по правовому статусу, т. е. членами королевской курии. Суд над вассалом более низкого ранга осуществляли равные ему вассалы в рамках сеньориальных судов, под председательством сюзерена этих вассалов.

Несвободное население проходило процедуру судебного разбирательства в рамках вотчинных судов. Распределение судебных полномочий внутри господствующих сословий происходило по условиям феодальных договоров. Существовали понятия «высшей юстиции» и «низшей юстиции». К компетенции первой относилось рассмотрение преступлений, наказаниями за которые являлась смертная казнь; к компетенции второй — менее тяжкие преступления. Однако в повседневной жизни объем реальных судебных прав данного сеньора-вотчинника стоял в прямой зависимости от его военного могущества, так что границы между судебным наказанием и внесудебной расправой были весьма неопределенными и очень подвижными.

В условиях феодальной системы судебная власть находилась в неразрывном единстве с властью административной: правосудие осуществлялось должностными лицами, обладавшими управленческими полномочиями, вследствие чего судеб-

но-процедурные мероприятия чаще всего имели характер административно-распорядительных действий. Судебные органы не сложились в обособленную организационную структуру и не были сведены в единую систему.

Значительными судебными полномочиями была наделена церковь. Разумеется, церковные власти осуществляли правосудие внутри своих сеньориальных владений согласно общим принципам вассально-ленной организации. Но сверх этого в исключительном ведении церковных судов состояли дела определенной персональной и предметной подсудности в отношении лиц, не состоявших с данной церковной конгрегацией в вассальных отношениях. Исключительному ведению церковных судов подлежали преступления, совершенные священнослужителями, а также и светскими лицами, но связанными с церковью служебными делами. Только в церковных судах рассматривались такие деяния и клириков, и мирян, которые относились к разряду церковных преступлений (ереси, магия, колдовство, святотатство и др.) или были квалифицированы как «греховное» поведение (преступления против семьи и нравственности, лжесвидетельство и т.п.). Следует заметить, что церковные суды выработали более совершенную процедуру судебного разбирательства, чем светские, и потому церковная юрисдикция успешно конкурировала со светской, постоянно расширяя зоны своего влияния на все новые социальные категории населения феодального общества.

Реформы Людовика IX. Укрепление королевской власти вносило существенные изменения в систему феодальной иерархии. Опираясь на самоуправляющиеся города, используя противоречия внутри группировки крупных феодалов и привлекая на свою сторону их вассалов, короли стали добиваться такого положения, что эти вассалы переходили в непосредственную зависимость от королевской власти, принося ей личную присягу на верность (этот процесс носит наименование *иммедиатизации*). Традиционный принцип французского феодализма «нет земли без сеньора» стал толковаться в том смысле, что вся территория, кому бы она ни принадлежала, находится под сеньориальной властью короля, и всякий владелец фьефа (как и любой другой свободный земельный собственник) обязан выполнением в пользу короля некоторых повинностей. К кон-

цу царствования Филиппа II Августа число феодальных владений, полностью независимых от короны, значительно сократилось. Сам королевский домен при Филиппе II вырос не менее чем в 4 раза. А то обстоятельство, что личные владения короля во многих местах далеко вклинивались во владения крупных феодалов, предоставляло королю возможность все более активно вмешиваться в их дела, а в будущем — безболезненно поглощать эти владения разраставшимся доменом.

Показателем роста могущества и авторитета королевской власти на заключительном этапе сеньориальной монархии во Франции явились реформы короля Людовика IX Святого (1226—1270 гг.). Деятельность этого правителя была направлена на установление общего королевского права на всей территории королевства, на замену сеньориальной юрисдикции королевской, на ликвидацию внутренней анархии и утверждение всеобщего мира.

В 1254—1256 гг. Людовик IX издал ряд указов, касавшихся прав и обязанностей сенешалов, бальи и прево. При вступлении в должность они были обязаны приносить торжественную присягу, в которой клялись уважать местные кутюмы, охранять интересы короля, не допускать взяточничества и других служебных злоупотреблений. Им запрещалось приобретать земли в пределах своих округов. По всем важнейшим вопросам они должны были советоваться с местной знатью и представителями городов.

Наиболее важными являлись три реформы Людовика IX — военная, судебная и монетная (денежная).

Военная реформа состояла в создании наемной армии и городской стражи (*милиции*), подчиненных лично королю. Это позволило оттеснить на второй план рыцарское ополчение, основанное на принципах вассальной службы, достаточно благонадежное в классовом смысле (когда оно использовалось против угнетенных низов), но весьма аморфное в плане внутренней организации и дисциплины. Именно на наемников и милицию стал опираться король в борьбе с сепаратизмом крупных феодалов. В королевском домене частные войны (а также дуэли и турниры) между прямыми вассалами короля были запрещены (1258 г.); все их споры рассматривались только в судебном порядке и решались мирным путем. На территории ос-

тальной страны, во владениях других сеньоров устанавливались т. н. «40 дней короля». Феодалы, решившие начать войну между собой, в течение этого срока могли обратиться к королю с просьбой о рассмотрении их спора; при этом с них взималась солидная судебная пошлина. Если примирение не удавалось, военные действия могли начаться, — следовательно, правило «40 дней» не прекращало феодальных войн полностью, но хотя бы вводило их в определенные правовые рамки, уменьшало причиняемый ими вред.

Судебная реформа заключалась в том, что в 1260 г. из состава королевской курии выделилась особая судебная палата под названием *Парижский парламент*. Он собирался на сессии 4 раза в год для решения наиболее важных судебных дел (т. н. «королевские случаи» — убийство, разбой, фальшивомонетничество, незаконный захват земли и т.п.), изъятых из юрисдикции отдельных феодалов. Ордалии и судебные поединки в королевском суде были воспрещены; в судопроизводство усиленно внедрялся новый судебный процесс — инквизиционный. В Парижский парламент можно было принести апелляцию на решение любого суда; старинное правило, согласно которому недовольная решением сторона могла вызвать на поединок судью, было отменено. Тем самым подрывались основы сеньориальных судов, закладывались принципы общегосударственной юстиции. Большинство мест в Парламенте имели легисты — выпускники юридических факультетов университетов, активные сторонники королевской власти. Рассмотрение дел в Парламенте осуществлялось на принципах и нормах римского права. На первых порах короли сами участвовали в работе Парижского парламента, но впоследствии, убедившись в его авторитете и в эффективности его деятельности, сочли возможным прекратить его посещения.

Монетная реформа имела своей целью упорядочение денежного обращения в стране. Поскольку первоначально некоторые крупные феодалы и отдельные города имели право чеканить собственную монету (число сеньоров, обладавших монетной регалией, достигало 40), монетный курс устанавливался абсолютно произвольно, и это вносило полный хаос в торговый оборот. Людовик IX ввел в обращение новую доброкачественную монету, с высоким содержанием золота и серебра,

которая стала вытеснять остальные деньги и вскоре стала единственным платежным средством для всего государства как во внутренней торговле, так и во внешней. Естественно, что такое нововведение благоприятно отразилось не только на королевской казне, но и на общем развитии финансового и торгового предпринимательства во всей стране. Существенно возросли королевские доходы, в связи с чем возникла необходимость усовершенствования финансового ведомства. С этой целью из королевской курии выделилась специальная Счетная палата, штат которой в основном стал комплектоваться из числа парижских буржуа.

Укрепление власти Людовика IX внутри страны способствовало его высокому международному авторитету. Реализуя идеал «христианнейшего государя», он провозгласил целями своей внутренней и внешней политики мир и справедливость. Именно ему было поручено возглавлять объединенные вооруженные силы европейских государств во время VII и VIII крестовых походов против «неверных». Правда, здесь он потерпел ряд неудач и в 1250 г. попал в плен к египетскому султану, откуда был освобожден за громадный выкуп. Во время VIII крестового похода в Тунис он скончался от чумы. В 1297 г. католическая церковь причислила его к лику святых.

Реформы Людовика IX способствовали территориальному объединению страны, сплочению вокруг короля основной массы средних и мелких феодалов, городского торгово-ремесленного населения. К концу XIII в. королевский домен стал самым крупным феодальным владением Франции, а король — самым могущественным из всех сеньоров. Обладая достаточной силой, чтобы принуждать своих вассалов к повиновению, король объективно превращался в реального носителя все большего объема государственной власти. Юридическая доктрина того времени утверждала, что король является единым сюзереном всех городов и верховным господином всех свободных людей. Все это способствовало складыванию предпосылок для перерастания французской сеньориальной монархии в новую государственно-правовую форму.

2. СЕНЬОРИАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ В АНГЛИИ

Нормандское завоевание. К середине XI в. в Англии уже господствовали феодальные порядки, но процесс окончательной феодализации общества еще не был завершен. Значительная часть крестьянства оставалась свободной, феодальная вотчина не представляла собой единственную форму хозяйствования, а господствующий класс еще не выстроился в ту иерархическую структуру, которая была свойственна ему во Франции или в Германии.

Во второй половине XI в. Англия подверглась нормандскому завоеванию. Нормандское герцогство, возникшее на территории северо-восточной Франции еще в начале X в., отличалось от других феодальных владений более сильной концентрацией власти. Нормандский герцог располагал значительным войском; его пешие лучники считались самыми подготовленными, а конница — самой боеспособной в Европе. Под неограниченным контролем герцога находилась и нормандская церковь. Нормандские феодалы не обладали правом ведения частных войн и вступления в соглашения с иностранными государствами; они были лишены также права чеканки собственной монеты.

С 40-х гг. XI в. правителем Нормандии являлся герцог Вильгельм Незаконнорожденный, которого сложившаяся в герцогстве внутрисполитическая обстановка подталкивала к овладению английским престолом. Смерть английского короля Эдуарда Исповедника (1042—1066 гг.), который в свое время был воспитан при нормандском дворе, дала Вильгельму непосредственный повод к вмешательству в английские дела; эти притязания были поддержаны римским папой Александром II. Осенью 1066 г. Вильгельм собрал под своим предводительством значительную массу французских и итальянских рыцарей, снарядил войско, основу которого составляла тяжеловооруженная конница, и форсировав Ла-Манш (для этого были использованы 700 крупных транспортных кораблей), высадился на южном побережье Англии. Против Вильгельма выступил избранный уитенагемотом англосаксонский король Гарольд, располагавший лишь небольшой дружиной и наспех собранным крестьянским ополчением. В решающей битве при Гастингсе

(14 октября 1066 г.) англосаксонское войско было разбито, сам Гарольд погиб в бою. Нормандский герцог двинулся на Лондон и здесь принял корону англосаксонских королей, возложенную на него архиепископом Йоркским. Бывший нормандский герцог стал новым королем Англии под именем Вильгельма I (1066—1087 гг.), впоследствии получившим прозвище Завоевателя.

Нормандское вторжение встретило решительный солидарный отпор всего местного населения Британии. Особенно крупные народные выступления, возглавляемые представителями местной знати, произошли на севере и северо-востоке страны в 1069 и 1071 гг. Вильгельм, получив юридические права короля англосаксов, стал рассматривать участников антинормандских выступлений как мятежников, поднявшихся против законной власти, а потому заслуживающих самых жестоких мер подавления. Борясь с выступлениями, продолжавшимися в течение многих лет, Вильгельм осуществлял почти поголовное уничтожение крупной местной знати, даруя жизнь и сохраняя поместья лишь мелким феодалам — *тэнам*, которые переходили на службу завоевателям. Массовые конфискации земель сопровождались их передачей в руки нормандских *баронов* (так стали называться в завоеванной Англии крупные земельные собственники). Значительные массивы земель получали также средние и мелкие нормандские феодалы, которые по континентальному образцу стали называться *рыцарями*; нормальный размер рыцарского лена исчислялся в 400—600 акров. Общее число нормандских завоевателей, осевших в Англии после 1066 г., составляло около 20 тыс. чел.

При этом король, пропустив в ходе конфискаций через свои руки практически весь земельный фонд страны, объявил себя его верховным собственником. Вследствие этого как крупные землевладельцы (бароны), так и мелкие (рыцари), независимо от своей национальной принадлежности, получали землю в держание непосредственно от короля и становились его личными вассалами, принеся ему присягу верности (общая присяга всех ленников страны была принята Вильгельмом I в 1086 г. в городе Солсбери). Принцип «вассал моего вассала — не мой вассал», характерный для континента, в Англии не действовал. Здесь вся иерархическая структура господствующего

класса была замкнута на короле, в пользу которого феодалы не только несли военную службу (в течение 40 дней в году, представляя определенное количество воинов), но и обязаны были выплатой денежных взносов. Собственный королевский домен был самым крупным из всех феодальных владений, — он включал в себя не менее 1 тысячи вотчин (маноров) и составлял одну седьмую (около 15 %) всех обрабатываемых земель Англии. Кроме того, значительная часть лесов превращалась в королевские охотничьи заповедники, в которых местным жителям запрещалось под страхом сурового наказания (выкалывание глаз) вылавливать дичь, собирать топливо, заготавливать строительные лесоматериалы. Заботясь о собственном домене, королевская власть одновременно стремилась к тому, чтобы земельные владения других феодальных собственников были разбросаны по различным областям страны и не составляли единых компактных массивов. Так, владения 130 крупных королевских вассалов были расположены в 2—5 графствах, 29 вассалов — в 6—10 графствах, 12 вассалов — в 11—21 графстве. Исключения не составляли и братья короля: 793 манора одного из них были расположены в 20 графствах, 439 маноров другого — в 17 графствах. Разбросанность баронских владений, а также частые случаи их обратных изъятий королем служили препятствием превращения баронов в независимых властителей. Все это привело к значительной централизации государственной власти и препятствовало возникновению сепаратистских тенденций. В целом, английские феодалы не достигли той степени независимости и того уровня имущественных прав, которыми располагали феодалы во Франции или в Германии. По крайней мере, судебные прерогативы английских королей всегда оставались реальными, поскольку они опирались на королевскую монополию верховного земельного собственника. Вследствие этих отмеченных особенностей процессы феодальной раздробленности в Англии не получили столь яркого проявления, какое они имели в континентальной Европе.

Общественный строй. Основные черты общественного строя Англии после нормандского завоевания могут быть описаны на основе результатов всеобщей переписи населения и земель, произведенной в 1083—1086 г. Перепись, охватившая 34 графства, преследовала две основные цели: во-первых, дать

королю точные сведения о размерах владений и доходах феодалов, чтобы требовать с них соответствующей военной службы; во-вторых, получить исходные данные для обложения всего населения государственным денежным налогом (постоянным поземельным сбором стали прежние экстраординарные «датские деньги»). Результаты переписи были собраны в т. н. «Книгу страшного суда» (Domesday book), которая с большой точностью отразила социально-экономическую и политическую ситуацию в стране на трех основных хронологических рубежах: накануне нормандского завоевания, непосредственно в момент этого завоевания и двадцать лет спустя после него. Сам факт осуществления столь грандиозной переписи являлся ярким свидетельством силы центральной власти, слаженности в деятельности ее высших и местных структур. Ни в каком другом государстве Европы того времени подобное мероприятие не могло бы быть осуществлено.

Согласно данным Книги страшного суда, население страны составляло 1,5 млн. человек; из них в деревне проживало 95 % всех жителей. Непосредственно от короля держали свои земли около 1400 крупных светских и духовных феодалов, принадлежавших к числу нормандской знати. От этих последних зависели 7900 более мелких держателей, среди которых были и представители англосаксонского населения. Основной хозяйственной единицей почти повсеместно стала феодальная вотчина (*манор*), поставившая под свой контроль крестьянскую общину. Манор в течение XI—XII вв. в основном сохранял свой натуральный характер. Владелец манора традиционно именовался *лордом*.

Основную часть зависимого крестьянства (108,5 тыс. чел.; в это число входили лишь главы крестьянских семей) составляли т. н. *вилланы*, имевшие полный надел земли (одну четверть прежней гайды, т. н. *виргату* — 30 акров) или его часть, а также свою долю в общинных выпасах и лугах. Они наследственно держали свои наделы от лорда и потому выполняли в его пользу барщину, несли натуральные и денежные повинности. Существовали и т. н. *бордарии* (82 тыс. чел.), земельный надел которых был в 2—4 раза меньше, чем у вилланов. Категория *коттариес* (*коттеров*), насчитывавшая 6800 чел., была представлена держателями мелких участков (2—3 акра), которые были вынужде-

ны искать дополнительные средства к существованию (нанимались в пастухи, выполняли кузнечные и плотницкие работы). Самую низшую прослойку зависимых крестьян составляли *сервы* (25 тыс. чел.), не имевшие земельных наделов.

Кроме зависимого крестьянства, в Англии даже и после нормандского завоевания сохранилась прослойка лично свободного крестьянства (*сокменов* и *liberi homines*), общей численностью 35 тыс. чел., которые, несмотря на статус личной свободы, состояли под юрисдикцией лорда и выплачивали в его пользу небольшие денежные платежи, а также несли некоторые другие повинности.

На протяжении XII в. шел процесс слияния всех этих разрозненных крестьянских прослоек в единую категорию вилланов. Одновременно происходила унификация их повинностей — барщины (до 3 дней в неделю), денежного и натурального оброка. Появлялись и другие формы повинностей, близкие к менморту и баналитетам, которые существовали в континентальной Европе. Увеличивались и церковные поборы, в первую очередь, десятина.

Городское население составляло около 5 % от общей массы подданных английского короля. В XI—XII вв. усиливалась экономическая роль городов как центров ремесла и торговли. Формирующееся сословие горожан повело борьбу за приобретение прав самоуправления. Однако эта борьба осложнялась тем обстоятельством, что большинство городов были расположены в пределах королевского домена и состояли в вассальной зависимости непосредственно от самого короля. Имея перед собой столь могущественного сеньора, города не могли рассчитывать на приобретение автономии по образцу французских коммун. Они должны были довольствоваться лишь отдельными политическими и финансовыми привилегиями и незначительными элементами самоуправления, дарованными королевскими хартиями. Если же города располагались на землях частных сеньоров, они, как правило, приобретали элементы самоуправления путем выплаты этим сеньорам ежегодной фиксированной денежной суммы (т. н. *фирмы*).

Принципы и эволюция государственной организации. Нормандское завоевание превратило Англию в сплоченное государство во главе с сильной монархической властью, превосходившей по

могуществу королевскую власть в любой другой стране континентальной Европы. Это определялось обширностью королевского домена, невозможностью концентрации земельной собственности феодалов в компактные владения, замкнутостью на короле всей вассально-ленной системы, политической слабостью городов, системой общегосударственных налогов, дававших королю значительные финансовые ресурсы. Непрерывавшееся сопротивление местного населения также подталкивало нормандскую верхушку сплотиться вокруг короля.

Уже Вильгельмом I была создан сильный центральный аппарат, состоявший исключительно из нормандской светской и духовной знати, который взял под свой контроль и органы территориального управления. Достигнутая за два десятилетия правления Вильгельма Завоевателя государственная централизация, максимально возможная в условиях господства ленной системы, была поставлена под угрозу после его смерти (особенно в годы правления его крайне непопулярного сына — Вильгельма II Рыжего), когда крупные феодалы выступили против усилившейся королевской власти, обвиняя ее в злоупотреблениях своими сеньориальными правами. Лишь ценой серьезных уступок баронам (им была дарована первая Хартия вольностей) следующий король Генрих I (1100—1135 гг.) смог достичь умиротворения страны и провести ряд серьезных преобразований в системе высших и местных органов власти и управления.

Из королевской курии, в состав которой входили родственники и приближенные короля, высшие должностные лица, крупные светские и духовные феодалы (так что общая численность курии могла исчисляться сотнями человек), был выделен *Великий совет*, который созывался трижды в год (на Рождество, Пасху и Троицу) и был предназначен для того, чтобы давать королю советы по важнейшим государственным вопросам, а также заслушивать королевские решения и распоряжения. Обязательной силы рекомендации Великого совета для короля не имели, но король был заинтересован в функционировании этого органа, через который он осуществлял контроль над политическими взглядами феодальной верхушки. Другая часть королевской курии (т. н. *Малая курия*) занималась решением конкретных дел по осуществлению судебно-админис-

тративных и финансовых функций. В состав Малой курии входили по должности высшие сановники и служащие двора (*главный юстициарий*, являвшийся первым помощником короля, даже его заместителем на время пребывания за пределами страны; *канцлер* — обыкновенно духовная особа, которая из частного секретаря короля превратилась в секретаря государственного; *коннетабль*, *маршал* и др.), а также специально приглашенные лица из числа светской и духовной знати. Малая курия работала, как правило, под председательством короля. Она рассматривала судебные дела, затрагивавшие интересы короля, споры между прямыми королевскими вассалами, принимала апелляции на решения судов в графствах, контролировала деятельность местной юстиции и администрации. Последняя из названных функций осуществлялась путем разъездов членов курии по стране; для встречи этих разъездных судей местный шериф созывал общее собрание графства. Особым подразделением Малой курии стала Счетная палата (*«Палата шахматной доски»*), ведавшая королевскими финансами и возглавляемая *казначеем*. Палата имела два отделения — Отчетное и Приемное. Члены обоих отделений заседали в полном составе два раза в год (в пасхальные дни и в день архангела Михаила) и контролировали финансовую деятельность королевских служащих на местах.

Структура местных органов строилась с учетом деления страны на графства. Управляли графствами от имени короля специальные должностные лица — *шерифы*, назначаемые из числа придворной знати, а иногда — из высшего церковного клира. Должность шерифа давала его обладателю графский титул. Хотя этот титул постепенно превращался в наследственный, он каждый раз заново подтверждался лично королем; при этом графу вручался особый меч и предоставлялось право на получение одной трети от всех доходов, взимаемых с данного графства. Чтобы воспрепятствовать превращению графов в независимых князей, им воспрещалось иметь собственные вотчины в своем должностном округе.

Шерифы как представители короля в графствах, ответственные за исполнение распоряжений высших правительственных структур, обладали всей полнотой власти в пределах введенных им округов, а потому располагали соответствующим

управленческим аппаратом. Среди всех обширных функций шерифа на первом месте по значению стояли фискальные функции. Не случайно поэтому кандидатуры шерифов предлагались казначейством. Органом, контролирующим их финансовую деятельность, была упомянутая выше Палата шахматной доски (в свою очередь, очень часто сами шерифы занимали должности в этой Палате). Кроме того, большое внимание шериф уделял судебной деятельности. Под его председательством работал суд графства, собиравшийся на заседания ежемесячно; время от времени практиковались и выездные сессии этого суда. В суд графства можно было принести апелляцию на решения сотенных и манориальных судов. Шерифу принадлежала и полицейская власть в графстве: он обеспечивал общественную безопасность (в частности, охранение т. н. «королевского мира»), руководил розыском, преследованием и задержанием преступников, накладывал штрафы на виновных. Наконец, шериф продолжал осуществлять и военные функции, отвечая за сбор феодального ополчения, за обеспечение его вооружением и провиантом, за оборону графства, за снаряжение военных кораблей и т.п.

Низшей судебно-административной единицей страны была сотня, во главе которой стоял *бейлиф*, полностью подчиненный шерифу в осуществлении своих фискальных и судебно-полицейских полномочий. В рамках сотни действовал сотенный суд, возглавляемый бейлифом; сфера деятельности сотенных судов постоянно сокращалась за счет расширения манориальной юрисдикции. Сотня составлялась из сельских общин, во главе которых стояли старосты — *констебли*, отвечавшие за соблюдение общественного порядка и безопасности на территории общины.

Некоторые крупные города Англии имели статус графств. К их числу относился и Лондон, мэр которого, избираемый городским патрициатом, имел права шерифа, превышающие права обычных провинциальных шерифов. Отдельные районы Лондона обладали юридическим статусом сотен.

Реформы Генриха II Плантагенета (1154—1189 гг.). Последовавшие после смерти Генриха I династические смуты на некоторое время затормозили укрепление монархической власти в Англии. Страна была ввергнута в анархию, аналогии кото-

рой не знала предшествующая история страны. Однако с воцарением Генриха II политика государственной централизации была не только продолжена, но и значительно усилена. Главной социальной опорой реформаторской деятельности Генриха II являлись рыцарство и городское население, которые имели практически общие хозяйственные и политические интересы. Политика Генриха II соответствовала настроениям широких народных масс, которые видели в ее осуществлении прочный залог своей безопасности. Опираясь на помощь и поддержку этих социальных сил, в полной мере используя свои большие финансовые ресурсы, Генрих II энергично подавил анархию в стране, распустил отряды мятежных феодалов, приказал разрушить незаконно сооруженные ими замки и другие укрепления (общее число таких «незаконнорожденных» сооружений достигало 1115) и приступил к проведению реформ, результатом которых явилось такое усиление государственной власти и правительственной централизации, которая в ту эпоху была совершенно недосяжима в странах континентальной Европы.

Наиболее существенным мероприятием Генриха II явилась *судебная реформа*, направленная на укрепление государственной юрисдикции за счет ограничения судебно-административной власти крупных феодальных собственников. При этом важно подчеркнуть, что господство феодального класса над крепостным и зависимым населением практически не ограничивалось, — наоборот, оно даже упрочивалось в связи с упрочением феодальной собственности на землю. Подавляющего большинства населения страны — лично зависимого крестьянства — эта реформа никак не коснулась. Королевские суды не имели права принимать имущественные иски вилланов против своих господ (некоторые исключения допускались лишь при возбуждении уголовных дел), так что весь смысл судебной реформы состоял в расширении государственной юрисдикции исключительно лишь над свободными людьми.

Путем издания соответствующих судебных распоряжений (т. н. *ассизов*, которые являлись скорее правилами для практического применения, чем нормативными актами), король изъясил из сеньориальной юрисдикции все уголовные дела, а также значительное количество гражданских тяжб, связанных с земельной собственностью и ленным владением. По этим катего-

риям дел услугами королевских судов, проистекавших от королевской курии, могли пользоваться все свободные люди, в т. ч. и представители знати, заплатив за это соответствующую сумму и купив тем самым специальное распоряжение королевской канцелярии — т. н. *приказ о праве*. Впрочем, все они сохраняли по-прежнему право обращаться и в манориальные суды, и в суды сотен и графств, так что пользование услугами королевских судов рассматривалось не как обязанность свободных людей, но как оказанное им «благоденствие».

Верховным судебным органом в масштабах всего государства стала *Королевская курия* (Curia Regis), представленная пятью юристами, назначаемых постоянно с 1175 г., из которых трое были светскими лицами, а двое принадлежали к духовному званию. Резиденцией королевского суда стало Вестминстерское аббатство в Лондоне. Несколько позже (в начале XIII в.) королевская курия разделилась на две палаты — Суд общих тяжб (Court of Common Pleas), координировавший деятельность всех судебных органов, и Суд королевской скамьи (Court of King's Bench), специализировавшийся на рассмотрении уголовных дел и разборе апелляций; этот суд был в распоряжении короля и постоянно находился при его особе. Суд общих тяжб состоял из профессиональных юристов (впоследствии — докторов права) и был наделен широкой компетенцией, касавшейся преимущественно исков о защите земельных владений. Он мог заседать без непрямого участия короля и потому не был обязан постоянно следовать за королем при его переездах по стране и выездах за пределы Англии.

Во второй половине XII в. окончательно оформился институт разъездных судей. Королевские судьи стали ежегодно выезжать на места, чтобы там рассматривать дела, затрагивающие интересы короны. В 1166 г. были назначены два первых судьи для объезда графств; в 1176 г. их было уже до трех десятков, а графства были объединены в 6 разъездных округов. Суд происходил обычно в собрании графства в присутствии всех свободных лиц, обязанных посещать эти собрания. Разъездные судьи, наделенные чрезвычайными полномочиями (причем не только узко судебными, но и административными и финансовыми), разбирали иски, расследовали злоупотребления местной администрации, производили арест преступников.

Королевский суд был привлекателен еще и по причине чисто процессуального характера. Как известно, рассмотрение дел в сотенных судах осуществлялось с соблюдением архаических процедур, при которых способы доказательств вины в уголовных делах основывались на клятвах и ордалиях, а имущественные тяжбы зависели от результатов судебных поединков. Фактически здесь совершенно отсутствовало рассмотрение по существу доводов сторон, не производилось изучения вещественных доказательств, свидетельских показаний и других данных, имевших целью раскрытие истины. Судоговорение представляло по существу ритуальное священнодействие, предполагавшее точное и неуклонное соблюдение определенных обрядов, словесных формул, использование предметов-символов и т.п. Роль суда в сотенной инстанции в сущности сводилась к регулированию всей этой процедуры и к произнесению приговора применительно к тому результату, который получился после выполнения всех установленных обрядов.

Процесс, применяемый в королевском суде, был основан на инквизиционных началах и предполагал использование института присяжных обвинителей. Согласно двум ассизам (Кларендонской 1166 г. и Норгемптонской 1176 г.), в каждом графстве и каждой сотне судебное расследование производилось через посредство 12 полноправных людей (не исключая и феодалов-сеньоров) от каждой сотни и 4 полноправных людей от каждой сельской общины. Эти люди приносили перед шерифом присягу, что будут говорить правду о том, имеется ли в их сотне или деревне человек, подозреваемый в разбое или убийстве, в укрывательстве убийц и грабителей, в фальшивомонетничестве, фальсификации документов или поджогах. Лица, арестованные по представлению присяжных, подлежали суду, который производился на собрании графства под председательством королевского судьи и поэтому рассматривался как выездное заседание королевской курии. Если вина преступников была доказана (а для этого было достаточно единодушия в своих показаниях всех 12 присяжных), все их движимое имущество конфисковывалось в пользу казны, а сами они подлежали смертной казни. В случае недостаточности улик подозреваемые были обязаны в течение 8 дней покинуть пределы Англии. Вернуться на родину

они могли лишь по разрешению короля; если же они это делали самовольно, они подлежали аресту.

Дальнейшая эволюция суда присяжных, основы которого закладывались ассизами Гериха II, заключалась в том, что те 12 лиц, которые прежде сами являлись либо непосредственными свидетелями юридических фактов, либо имели о них достоверные сведения, постепенно дистанцировались от своего первоначального статуса и превращались в судей, которые выносили приговор (вердикт) на основании данных, сообщаемых другими сведущими людьми. За подозреваемыми же закреплялось право требовать пересмотра обвинения с помощью нового состава присяжных.

Составной частью общей программы по реформированию судебной системы явилась попытка Гериха II ограничить значительно расширившуюся в годы смуты юрисдикцию церковных судов. В 1164 г. он издал т. н. Кларендонские постановления (в составе 16 статей), согласно которым король признавался верховным судьей по делам, рассматриваемым церковными судами. Все споры по поводу церковных назначений должны были решаться в королевском суде. На решения, вынесенные королевскими судами, запрещалось приносить апелляцию папе без уведомления короля. Король мог вмешиваться в выборы церковью своих верховных иерархов; выбранный иерарх обязан был принести королю вассальную присягу. Без согласия короля ни один из его вассалов или чиновников не мог быть отлучен от церкви.

Кларендонские постановления были опротестованы архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом, который являлся последовательным выразителем интересов английской церкви, не желавшей поступаться ничем в интересах государства, считавшей себя властью, не подчиненной государству, а равной ему и даже превосходящей его. В свое время, будучи еще светским лицом, Томас Бекет носил титул канцлера, пользовался большим влиянием при дворе Генриха II и именно по настоянию последнего был избран архиепископом (1162 г.). В ходе развернувшейся в дальнейшем ожесточенной борьбы между королем и высшей церковной властью Томас Бекет был убит четырьмя рыцарями, принадлежавшими к королевскому двору (1170 г.). Прямая вина в этих событиях самого Генриха II

не была доказана, но причастность его к убийству не вызывала сомнений. В дело вмешался римский папа, заставивший короля под угрозой отлучения от церкви принести публичное покаяние. Генрих II был вынужден отказаться от реализации Кларендонских постановлений (1172 г.), так что вопрос о границах церковной юрисдикции остался нерешенным. Церковный суд сохранил свои широкие права, в т. ч. и по ряду составов светской юрисдикции (прелюбодеяние, лжесвидетельство с присягой, ростовщичество и т.п.). Однако ленная зависимость церковных прелатов от короля не только не была поколеблена, но даже еще более упрочилась.

Важным следствием мероприятий Генриха II по реформированию судебной системы явилась выработка основ т. н. *общего права* (common law) и постепенного распространения его по территории всей страны. Вместо пестрого многообразия местных норм и обычаев, применявшихся в сеньориальных судах, судебных органах сотен и графств, формировались общие правовые нормы, доступные пониманию каждого и потому распространяемые на всех подданных королевства. Факт одинаковой защиты королевским общим правом любого свободного держания (*фригольда*) объективно сближал между собою экономические и политические интересы конкретных свободных держателей (мелких рыцарей, горожан, свободных крестьян), сглаживая юридические различия между ними и одновременно противопоставляя названные социальные группировки зависимому населению, остававшемуся под манориальной юрисдикцией. Решающее значение для создания общего права имела деятельность названного выше Суда общих тяжб. Большую роль в обеспечении правового единства страны сыграло королевское законодательство, имевшее общеобязательный характер, а также то важнейшее положение, что королевские суды обладали монопольным правом на принятие образцов судебных решений, обязательных для всех нижестоящих судов. Благодаря этим обстоятельствам процесс преодоления правового партикуляризма в Англии стал проходить гораздо более быстрыми темпами, чем в континентальной Европе.

Существенным направлением реформаторской деятельности Генриха II явилась *реорганизация вооруженных сил*. Феодалное войско, выставяемое королевским вассалами, которое в

1166 г. насчитывало всего 6.400 воинов, оказывалось недостаточным для ведения широких военных акций, предпринимаемых на континенте, где король являлся сеньором целого ряда герцогств и графств, находившихся в напряженных отношениях с соседними владениями. Феодалные ополчения зависели от тех магнатов, которые ими командовали; для их использования за пределами страны король был вынужден испрашивать согласия магнатов. Кроме того, такую армию было трудно использовать для подавления феодалных мятежей. В целом, военная организация длительное время оставалась той сферой, в которой зависимость короля от феодалов была максимально высокой. Поэтому политика, имевшая своей конечной целью обеспечение необратимой государственной централизации, не могла не затронуть системы организации вооруженных сил, основанной на вассально-ленных началах.

При Генрихе II утвердилось правило, согласно которому непосредственная военная повинность вассалов могла быть заменена выплатой т. н. *щитовых денег* — особого сбора, который взимался с рыцарей каждый раз, когда предпринималась военная кампания. Став регулярными, эти некогда разовые сборы фактически превратились в специальный поземельный налог, которым облагались рыцарские лены. На средства, образующиеся из этих щитовых денег, король стал вербовать наемников, для которых военная служба превращалась в профессиональное занятие. Наемные контингенты, будучи независимыми от феодалных ополчений баронов, превращались в полностью подчиненные королю воинские формирования, которые король мог применять по своему собственному усмотрению.

Одновременно Генрихом II были предприняты меры по возрождению пришедшего в упадок народного ополчения. В 1181 г. была издана ассиза «О вооружении», обязавшая каждого свободного человека (феодала, крестьянина, горожанина) обзавестись вооружением сообразно с имеющимися средствами. Тот, кто держал рыцарские лены, должен был иметь столько металлических панцирей, шлемов, щитов и копий, сколько ленов у него было. Любой свободный мирянин, имевший доход в 16 марок, был обязан приобрести панцирь, шлем, щит и копье; человек с доходом в 10 марок — кольчугу, легкий шлем и копье. Каждому горожанину и свободному общиннику над-

лежало иметь подбитый шерстью кожаный нагрудник, легкий шлем и копье. Люди всех названных категорий должны были принести клятву верности королю и постоянно хранить у себя установленное вооружение, не имея права никаким способом отчуждать его. После смерти владельца названного вооружения все оно должно было перейти к его наследнику. По первому приказу короля все вооруженные люди должны были являться в установленные пункты сбора и быть готовыми выступить в поход. Распределение всех свободных людей по имущественным разрядам должны были осуществить разъездные судьи с учетом сведений, сообщенных присяжными. Этой же ассизой запрещалось осуществлять экспорт кораблей и строевого леса.

Возрождая старинное народное ополчение (*фирд*), король получал в свое распоряжение вооруженную силу, отличавшуюся от феодальных ополчений двумя важными с общегосударственной точки зрения достоинствами: во-первых, командовал этими контингентами не местный магнат, а шериф графства, т. е. должностное лицо, состоявшее на службе короля; во-вторых, на эти ополчения не распространялся ленный обычай об обязательной 40-дневной военной службе сеньору, так что король мог призвать этих людей в любое время и на какой угодно срок.

К концу XII в., через полвека после начала реформ, Англия подошла со значительно упрочившейся королевской властью, с государственным аппаратом, строившимся на принципах бюрократизации и профессионализации, с реорганизованной судебной системой, с укрепившимися вооруженными силами, с оздоровленными финансами. При этом чрезвычайно важно подчеркнуть, что если централизация власти первых нормандских королей достигалась в основном за счет максимальной мобилизации своих частно-правовых прерогатив, проистекавших из принесенной короне присяги верности ее вассалами, то в характере королевской власти второй половины XII в. все более просматривались публичные начала, освобождаемые от сеньориальных и патримониальных оболочек. Это, однако, вовсе не означало, что английское общество встало на путь бесконфликтного развития. Напротив, развернувшаяся на рубеже XII—XIII вв. борьба крупных земельных магнатов, подержанных рыцарством и горожанами, с королевской властью приобрела масштаб солидарного общенационального движе-

ния и потому явилась причиной перехода страны к новому этапу ее национальной государственности.

3. СЕНЬОРИАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ В ГЕРМАНИИ

Характеристика общественно-политического развития. В середине XI в. система раннефеодальной государственности в Германии достигла своего наивысшего расцвета. Вторым королем из новой (Франконской) династии Генрих III (1039—1056 гг.) осуществлял твердое руководство государственной и церковной организацией страны. Он самовластно распоряжался папским престолом, смещая и назначая верховных понтификов по своему усмотрению. Однако уже к концу его царствования проявились симптомы кризиса императорской власти, которые проявились в полной мере в период полувекового царствования Генриха IV (1056—1106 гг.).

Причины этого кризиса коренились в глубоких социальных и политических сдвигах, происходивших в Германии. Племенные герцогства (Бавария, Саксония, Алеманния, Франкония и др.), как уже указывалось ранее, представляли собой политические образования, оформившиеся раньше, чем успело сложиться само Германское государство. С распадом империи Карла Великого герцоги, опираясь на свои земельные богатства и на авторитет среди местной знати, полностью восстановили суверенитет над своими территориями. Попытки королей Саксонской династии установить свой контроль над герцогствами имели лишь частичный успех. Со временем наиболее могущественные герцогства (а также графства, являвшиеся их частями) превращались в территориальные княжества, независимые от королевской власти. Король обладал лишь формальным верховным сюзеренитетом по отношению к главам названных территориальных образований, тогда как последние располагали полнотой законодательной, судебной-административной, фискальной и военной власти в пределах своих владений.

Для превращения крупного церковного и светского магната во владетельного князя требовалось два основных условия: во-первых, сконцентрировать судебную-административные и властные полномочия по отношению к местным жителям исключительно лишь в собственных руках, изъяв эти полномочия из рук более мелких вотчинников; во-вторых, присвоить

себе высшие государственные прерогативы, которые осуществлялись до этого на данной территории органами королевской власти. Естественно, что достигнуть этих целей владельцы князья могли лишь в условиях слабости центральной государственной власти, ее неспособности противодействовать сепаратистским устремлениям магнатов.

Анализ экономических и политических факторов, под влиянием которых шло развитие Германии в XII—XIII вв., показывает, что складывавшаяся здесь ситуация благоприятствовала возникновению и укреплению центробежных тенденций, ведущих страну к политической децентрализации. Экономические связи складывались в Германии в рамках отдельных областей, вокруг региональных хозяйственных центров, — здесь не возникло единого общенационального экономического центра по образцу Парижа или Лондона. Развитие города Германии ориентировались на внешнеэкономические связи и не интересовались развитием рынка в масштабе страны, складывание которого могло бы привести к экономическому и политическому объединению. Остальные, более мелкие города были заинтересованы лишь в местной, локальной централизации. Это обстоятельство играло на руку князьям, способствовало увеличению их доходов за счет развития местного торгового и ремесленного предпринимательства. Таким образом, союз королевской власти и городов, столь свойственный Франции, в Германии не сформировался. Что касается мелкого рыцарства, то в условиях неразвитости королевского домена и частой смены королевских династий оно также в основном поддерживало не короля, а территориальных князей. Отсутствие серьезной внешнеполитической опасности со стороны сопредельных государств не способствовало внутригосударственной консолидации, не обязывало князей поступаться своей властью в пользу единого военного руководителя, роль которого при постоянной военной угрозе играл бы король. Организация завоевательных походов в Италию и на восток, постоянная забота об общеимперской короне стали помехой единства самой Германии, поскольку они отвлекали внимание германских королей от решения внутригосударственных проблем. В целом, агрессивная внешняя политика страны не только не укрепляла авторитет и влияние королевской власти внутри страны, но, на-

оборот, способствовала нарастанию княжеского партикуляризма. Близорукая политика королей, стремившихся сокрушить одни группировки феодальных властителей за счет иммунитетных уступок другим, в конечном счете оборачивалась своими пагубными последствиями: поощряемые королями магнаты, укрепив свои позиции, со временем предавали своих благодетелей и вливались в единый фронт противников сильной центральной власти.

Эволюция королевской (императорской) власти. Последним периодом, когда королевская власть еще обладала возможностями держать князей в подчинении, было правление императора Фридриха I Барбароссы (1152—1190 гг.) из династии Штауфенов. Он полагал, что княжества могут сыграть роль основного связующего звена единой государственной системы. Стремясь ослабить власть наиболее могущественных князей, Фридрих I проводил политику их дробления на более мелкие единицы, но с тем же объемом государственной власти, как и в крупных княжествах, — по всей видимости, он считал, что лучше иметь дело с десятком мелких, чем с несколькими крупными княжествами. Однако эта политика, имевшая целью усилить зависимость княжеств от императорской короны, себя не оправдала, — напротив, она объективно способствовала укреплению территориальных княжеств, их полному и окончательному обособлению.

При внуке Фридриха I императоре Фридрихе II (1212—1250 гг.) духовные и светские князья добились юридического закрепления за собой высших государственных прав. Изданное в 1220 г. «Соглашение с князьями церкви» подтвердило наличие в руках духовных прелатов некоторых важнейших прерогатив, которые они уже раньше официально получили от королевской власти или узурпировали собственными силами. За церковными князьями было закреплено право чеканить собственную монету, собирать пошлыны, учреждать новые города. Они имели право требовать возвращения зависимых от них людей, искавших убежища в городах других властителей. Император давал обещание осуществлять официальное государственное преследование людей, отлученных от церкви.

Еще более значительные привилегии были предоставлены как церковным, так и светским князьям постановлениями

1231—1232 гг., получившими наименование «Статут на благо князьям». Согласно этому документу император отказывался от своего права основывать новые города и учреждать новые монетные дворы, — эти прежние прерогативы императорской короны окончательно переходили в руки имперских князей. Князьям официально предоставлялось право осуществлять от своего имени высшую юрисдикцию в своих владениях, чем окончательно разрушалось формально существовавшее судебно-административное единство империи. Правда, некоторое время за королевским судом сохранялось право принимать апелляции на решения княжеских судов, но довольно скоро и это последнее препятствие на пути неограниченной судебной власти князей было ликвидировано.

С прекращением династии Штауфенов (1254 г.) в Германии наступило двадцатилетнее «междоусобице», в течение которого общегосударственная власть практически прекратила осуществлять свои функции и в стране сложилась обстановка полной анархии с неограниченным господством «кулачного права». Только в 1273 г. четверо наиболее влиятельных имперских князей избрали на императорский престол нового короля — Рудольфа I Габсбургского, происходившего из рода второстепенных князей. С этих пор избирательный принцип замещения королевского (императорского) престола в Германии стал безраздельно господствующим. Избрание императора осуществлялось узкой коллегией князей (*курфюрстов*), которые при осуществлении избирательной процедуры могли не учитывать права наследников умерших императоров. Следовательно, на императорском престоле мог оказаться представитель любого княжеского рода. Лишь после 1438 г. императорский титул окончательно закрепился за родом Габсбургов. Но даже и после этого времени говорить о праве наследования императорского престола можно лишь весьма условно, — скорее, речь может идти лишь о праве на избрание, которое могло быть обеспечено только в результате значительных усилий (в первую очередь, с помощью денежных стимулов).

После периода «междоусобицы» королевская (императорская) власть потеряла значение суверенного общегосударственного органа. Коллегия курфюрстов, оформившаяся в XIII в. и состоявшая из семи наиболее влиятельных светских и духов-

ных князей, избирала и отстраняла императоров, а также осуществляла некоторые другие функции верховной государственной власти. Хотя император номинально сохранял за собой функции верховного судьи, реальное осуществление этой власти встречало серьезные препятствия, хотя бы потому, что имперский суд (*Kammersgericht*) состоял из имперских князей либо их представителей. Император фактически потерял право облагать своих подданных налогами и другими финансовыми поборами; незначительные поступления в государственную казну шли лишь от имперских городов. Подчинение императора курфюрстам порвало его связи с папским престолом и привело к утрате власти над церковью, вследствие чего император перестал наделять епископов и аббатов церковными полномочиями. В целом, императорская власть сводилась лишь к определенной координации военной и внешнеполитической деятельности крупных магнатов.

В еще большей степени, чем законодательства, процесс разложения императорской власти коснулся исполнительной сферы. Германские императоры не смогли вырастить себе опору в лице центральной и местной бюрократии; здесь практически отсутствовал профессиональный чиновнический аппарат, которым располагали короли Франции и Англии на заключительных этапах сеньориальной монархии. Строго говоря, в Германии существовал лишь непосредственный глава исполнительной власти — сам император, тогда как общеимперского судебно-административно-финансового аппарата не существовало.

Организация управления в территориальных княжествах.

В своем сложившемся виде германские княжества представляли собой замкнутые политические комплексы, обладавшие обособленной территорией, население которых в поземельном и личном отношениях находилось в подданстве у князя. Концентрация политической власти внутри отдельных княжеств достигалась за счет перевода вассально-ленных отношений между князем и более мелкими феодалами в разряд публично-правовых отношений. Пользуясь бессилием императорской власти, территориальные князья избавились от всякого контроля сверху и фактически приобрели полный государственный суверенитет. Со времени «междоусобиц» императорская власть вообще перестала предпринимать попытки установления ад-

министративного контроля над территориальными княжествами. Княжества все более внутренне сплачивались и консолидировались как самостоятельные государственные образования на основе местных экономических и политических связей.

Высшими органами территориального княжества являлись наследственный князь и земское собрание (*ландтаг*). Центром управления являлся *княжеский двор*. Существовала единая система управления сначала с помощью *министерялов*, а затем княжеских чиновников. Высшие сановники и советники составляли *Княжеский совет* (*Hofrat*), в котором возрастала роль профессиональных юристов, знатоков римского государственного права, обосновывавших неограниченный характер княжеской власти.

Важнейшим условием централизации управления в княжествах было наличие в руках князей необходимых финансовых средств. Эти средства складывались из двух основных источников: доходов с личных княжеских доменов (оброки, чинши, барщины) и финансовых повинностей в виде налогов и сборов, взимаемых с местного населения. Прямой налог с имущества был введен в XIII в. Значительные доходы княжеской казне приносили пошлины и акцизы, поступления от различных регалий (в первую очередь, монетной), судебные штрафы, конфискованные по суду или выморочные имущества. Князья располагали собственным фискальным аппаратом, который зачастую действовал более эффективно, чем императорский.

В пределах своих владений князья обладали неограниченной судебной властью. Высшая юрисдикция изымалась из ведения вотчинных судов; в компетенции последних оставались в основном лишь дела, связанные с имущественными спорами крестьян между собою. Основной формой процесса в княжеских судах являлось инквизиционное судопроизводство, оставившее простолюдия без всякой правовой защиты и потому вызывавшее недовольство и сопротивление со стороны подавляющей массы населения княжеств.

Важнейшей опорой княжеской власти являлось постоянное войско, основанное на принципах наемничества. В качестве профессиональных наемников выступали бывшие княжеские ленники. Второй составной частью вооруженных сил являлось ополчение, в которое на основе всеобщей воинской повинности призывалось крестьянское и городское население.

Централизация политической власти в княжествах сопровождалась установлением господства князей над местной церковной организацией. На основе соглашений (*конкордатов*), заключаемых с папским престолом, князья приобретали полномочия назначать на церковные должности своих ставленников, а также право верховной собственности на церковно-монастырские земли в пределах своих территориальных владений.

Возникновение земских собраний (*ландтагов*) засвидетельствовано уже в источниках первой половины XIII в. Ландтаги являлись периодически созываемыми представительствами дворянства, духовенства и городского населения. Однако окончательное оформление ландтагов как сословно-представительных учреждений пришлось на последующий период развития германской государственности.

Организация политической власти в городах. В XIII—XIV вв. произошло окончательное разграничение германских городов на *имперские* и *земские*. К имперским городам относились те, которые в свое время входили в состав королевского домена (Аугсбург, Ахен, Любек и др.), а также те прежние епископские центры, которые добились статуса «вольных имперских городов» (Майнц, Кельн, Страсбург, Магдебург и др.). Имперские города обладали почти той же самостоятельностью, что и территориальные княжества. Они подчинялись только верховной власти императора, будучи обязанными выставлять в его распоряжение ограниченные воинские контингенты, выплачивать в королевскую казну имперский налог, обеспечивать императора постом и кормлением во время его пребывания в городе, — только в этом последнем случае, находясь непосредственно в городе, император мог осуществлять в его пределах верховную власть. Во всех остальных случаях высшая законодательная и исполнительная власть в городе принадлежала *городскому совету* и *магистрату*. Городской совет делился на комиссии, ведавшие отдельными отраслями городского хозяйства и управления. Магистрат, возглавляемый одним или несколькими выборными (или назначенными советом) *бургомистрами*, являлся органом исполнительной власти. Город чеканил собственную монету, распоряжался городским рыночным хозяйством, облагал население налогами, осуществлял над ним высшую юрисдикцию, возводил военные укрепления и оборони-

тельные сооружения, содержал городскую стражу и контингенты по охране общественного порядка. Некоторые имперские города (Нюрнберг, Гамбург, Бремен и др.) подчинили себе целые области и превратились в достаточно крупные территориальные образования.

Так называемые земские города, расположенные на землях, принадлежавших владетельным князьям, также в ряде случаев добились почти полной независимости, заключив с князьями соответствующие договорные соглашения. Отдельным земским городам также удавалось распространить свою власть на часть княжеской территории.

В самоуправляемых городах реальной политической властью обладал городской патрициат, представлявший интересы купечества, финансовой олигархии и земельных магнатов. Именно из его среды формировались органы местного самоуправления. Основная масса городского населения, несшего на своих плечах налоговый гнет и воинскую повинность, была лишена права участвовать в управлении городом. Такое положение приводило к неоднократным выступлениям городского плебса против засилия патрициата (т. н. «цеховые революции»), которые, как правило, не приводили к радикальной смене форм городского самоуправления.

Подводя общий итог процессам государственно-правового развития Германии в рассматриваемую эпоху, следует еще раз подчеркнуть, что в отличие от большинства западноевропейских государств, вставших в XIII—XIV вв. на путь политической централизации в общегосударственном масштабе, Германия, наоборот, шла по пути территориального дробления, утраты того государственного единства, которое было достигнуто на стадии раннефеодальной монархии. В ней не существовало тех стимулов к объединению страны, которые имели место во Франции или в Англии; политическое преобладание получили не те силы, которые стремились к государственному единению, а те, которые являлись носителями идей децентрализации и местного сепаратизма. Императорская власть, основные интересы которой чаще всего находились за пределами собственного государства, не смогла парализовать эти тенденции, сплотив вокруг себя прогрессивные элементы страны. Утратив контроль над ситуацией, императорская власть потеряла

всякое влияние на развивавшиеся в стране общественно-политические процессы и деградировала до положения послушного орудия в руках могущественных владетельных князей. Осознав недостижимость возвращения себе прерогатив высшей государственной власти, императоры полностью переключились на проблемы собственного домена, стремясь по крайней мере сравняться по могуществу с отдельными территориальными князьями. Вследствие этих обстоятельств территориальная и политическая раздробленность Германии по сравнению с другими европейскими странами оказалась выраженной в максимальной степени. На ее преодоление потребовалось несколько столетий, и этот процесс оказался завершенным уже за пределами хронологических рамок феодальной эпохи.

III. СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ

1. СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ ВО ФРАНЦИИ

Тенденции социально-экономического развития. Данная форма средневекового государства во Франции пришлась на XIV—XVI вв., когда страна переживала значительные перемены в экономике и в социальных отношениях. Бурно развивались города, в первую очередь, на юге страны (Марсель, Бордо, Тулуза и др.), значительно возросла численность и политическая активность городского населения, развивались ремесла и торговля, особенно после крестовых походов, разрушалась натурально-хозяйственная замкнутость, укреплялись экономические и этнические связи между различными регионами королевства. Экономические процессы (складывание национального рынка) шли параллельно со сплочением населения в единую культурно-территориальную общность — народность.

В связи со специализацией сельскохозяйственного и ремесленного производства, ростом товарности крестьянского хозяйства и развитием на этой основе товарно-денежных отношений происходила значительная трансформация традиционных форм хозяйствования, изменялись формы эксплуатации непосредственных производителей. Происходили существенные изменения в экономическом и правовом положении крестьянства. Расширение рыночных связей вызывало у феодалов потребность увеличивать поборы с крестьян в денежной форме. Поэтому набирала силу тенденция замены барщины и оброка денежной рентой, именуемой *чиншем* или *цензом*. К XIV в. во Франции исчез серваж и основной формой крестьянского землевладения стала *цензива*. Держатели цензивы — *цензитари* —

ежегодно выплачивали феодалу строго фиксированный (но в целом по стране постоянно возрастающий) денежный ценз. Крестьянин уже не был привязан к земле: он мог менять местожительство и профессию, в т. ч. уходить в город. Цензива передавалась по наследству и могла даже продаваться (при условии, что новый владелец будет нести те же повинности). Свобода пользования цензивой ускорила процесс расслоения крестьянства, возникновения в деревне значительной массы безземельных наемных работников.

Следствием указанных процессов явилось почти повсеместное освобождение крестьян от крепостной зависимости, приобретение ими личной свободы. Раскрепощение крестьян не было оформлено каким-либо единым правительственным актом, но приобрело характер достаточно длительного исторического процесса. Имели место эпизоды, когда инициатива отпуска на волю крестьян-сервов исходила непосредственно от короля, — в этом случае последний, по сути дела, осуществлял выгодное для себя финансовое мероприятие. Так, в 1246 г. Людовик IX Святой освободил от серважа за выкуп одновременно всех жителей королевского селения Вилла Нова (вблизи Парижа). Ордонанс короля Людовика X от 3 июня 1315 г. предоставил свободу от крепостной зависимости сервам двух королевских бальяжей при условии внесения ими непомерно высоких выкупных платежей. Выкупные платежи освобождали крестьян только от личной зависимости; поземельные же их повинности в пользу своих сеньоров оставались в прежнем виде. Важно подчеркнуть, что от освобождения крестьян в первую очередь выигрывала именно королевская власть: став лично свободными, крестьяне переходили под королевскую юрисдикцию и увеличивали контингент государственных налогоплательщиков.

Впрочем, и другие феодалы не только не противодействовали освобождению крестьян, но даже иногда побуждали их выкупать свою свободу, тем самым поощряя их хозяйственную инициативу и надеясь на увеличение своих доходов. В целом, освобождение от крепостной зависимости вовсе не означало улучшения положения крестьян: напротив, поборы с них возросли, и норма эксплуатации значительно увеличилась. Дополнительные экономические трудности, которые принесла Столетняя война с Англией (Франции потребовалось на менее 30

лет, чтобы преодолеть урон, нанесенный войной), вызвали обострение классовой борьбы, проявившейся в городских восстаниях (восстание в Париже, 1356—1358 гг.) и мощной крестьянской войне (т. н. Жакерия, 1358 г.), в которой, по свидетельству хронистов, участвовало до 100 тыс. чел.

Внутри господствующего класса феодалов произошли значительные перераспределения земельной собственности. Усилившаяся королевская власть повела наступление против мятежной олигархии: воспользовавшись ситуацией войны, она осуществила массовые конфискации земель крупных феодалов, передав эти земли своим активным сторонникам из числа средних и мелких феодалов.

Оформление сословного строя. В рассматриваемый период произошло размежевание всех слоев французского общества на три части, а затем консолидация каждой из этих частей в отдельное *сословие*, т. е. социальную группу, обладавшую закрепленными в обычае или законе наследственными правами, обязанностями и привилегиями. Институционализация трех сословий не означала ликвидацию той иерархической структуры господствующего феодального класса, которая была характерна для предыдущих стадий развития феодального общества и государства. Вместе с тем, оформление сословного строя сопровождалось определенным перераспределением прав и привилегий как внутри класса феодалов, так и между этим классом в целом, с одной стороны, и королевской властью, с другой. Путем делегирования королю некоторой части своих прежних сеньориальных привилегий господствующий класс обеспечивал условия для решения королевской властью важнейшей общенациональной задачи — создания сильного централизованного государства, способного эффективно решать как внутренние, так и внешнеполитические проблемы. Закрепление за определенными сословиями юридически строго определенного объема обязанностей, прав и привилегий было значительным шагом вперед в установлении общественного согласия, в ликвидации базы для возникновения внутринациональных конфликтов, выливавшихся до этого в междоусобные вооруженные столкновения. Тем самым открывалась возможность для выработки новых механизмов мирного регулирования общественных отношений.

Первым сословием во Франции считалось *духовенство*. Его консолидация в привилегированную, элитную часть французского общества произошла в значительной степени в результате кардинальных успехов, достигнутых королевской властью в борьбе с главой римско-католической церкви. Последний был вынужден признать, что французское духовенство, будучи органической составной частью своей нации, должно жить по законам собственного королевства, а не на основе нормативов, проистекающих извне, от папского престола. Утверждение этого принципиальной важности положения одновременно сопровождалось ограничением некоторых прерогатив национальной церкви, противоречивших идее верховенства королевской власти. Кроме того, королевская власть проводила политику, направленную на ограничение круга королевских подданных, подпадавших под церковную юрисдикцию.

Важнейшей сословной привилегией духовенства являлось его право на получение *десятины*. Как известно, обязательное взимание десятины было установлено еще во Франкской империи со времен Карла Великого (с 779 г.). Существовало несколько разновидностей десятин — «большая десятина» (с урожая зерновых и виноградных культур), «малая десятина» (с урожая огородных и технических культур) и «десятина крови» (со скота и продуктов животноводства). Основная тяжесть десятины лежала на крестьянстве. Помимо десятины, духовенство обладало правом на взимание различных пожертвований в пользу церкви. Со своей стороны, само духовенство было освобождено от выплаты всех налогов, от несения любых государственных повинностей и выполнения различных служб (последнее, однако, вовсе не исключало, что отдельные представители духовенства могли привлекаться к выполнению важных государственных поручений, выступать в качестве королевских советников, занимать ответственные посты в государственном аппарате). Привилегией духовенства являлся и его судебный иммунитет.

Дворянство признавалось вторым сословием, хотя по своей социальной роли и по своему политическому значению оно превосходило духовенство. К середине XIII в. общая численность дворянства составляла 50 тыс. чел. (2 % всего населения страны). Дворянское сословие объединяло в своих рядах все

прослойки и группировки светских феодалов, которые некогда являлись вассалами короля, а ныне рассматривались как его подданные. Дворянство представляло собою наследственное сословие, проникновение в которое лиц неблагородного происхождения (зажиточных крестьян, верхушки городского населения) было вначале возможно, хотя и значительно затруднено. Влиться в ряды второго сословия указанные представители крестьянства и горожан могли вследствие скупки земель у разорившихся дворян. Впоследствии и эта возможность была закрыта, поскольку покупка простолюдином феодального поместья перестала автоматически приносить его новому обладателю дворянский титул. Тем самым был завершен процесс консолидации дворянского сословия, превращение его в замкнутую социально-правовую группировку, отделенную резкими, непроходимыми границами от остальных категорий населения. С тех пор дух феодальной кастовости, сословной исключительности оказался присущим дворянскому сословию в максимальной степени. Главная привилегия дворянства заключалась в монопольной собственности на землю с передачей по наследству всех имущественных и рентных прав. Дворяне обладали привилегиями на внешние регалии (титулы, звания, оружие, одежда), обладали судебным и налоговым иммунитетом. Их единственная обязанность (но одновременно и привилегия) состояла в несении военной службы королю, а не персонально своему вышестоящему сеньору.

Дворянское сословие (впрочем, как и духовенство) было далеко не однородным. Высшая титулованная знать (графы, герцоги, маркизы, виконты и др.) являлась основным поставщиком кадров на высшие государственные должности и в командный состав вооруженных сил. Некоторые представители этой части дворянского сословия еще не освободились от сепаратистских настроений и иногда находились в оппозиции к королевской власти. Основная же масса мелкого и среднего дворянства, вынужденная довольствоваться существующим положением, объективно превратилась в надежную опору королевской власти в осуществлении политики государственной централизации.

Увеличивающееся численно городское население, а также освобождающееся от крепостной зависимости крестьянство,

составлявшие основную производительную часть общества, консолидировались в *третье сословие* (tiers état). По своему составу третье сословие было весьма пестрым: в его правовые рамки оказались включенными самые широкие слои «неблагородных» категорий населения — от безземельных сельских арендаторов до формирующейся буржуазии. Единственным критерием, объединяющим третье сословие (разумеется, кроме статуса личной свободы), была обязанность выплаты государственных податей и налогов, поскольку именно третье сословие и только оно было единственным податным сословием в стране. Никаких особых личных и имущественных прав и привилегий третье сословие не имело; официальная идеология всячески подчеркивала именно «низкое», «неблагородное» его происхождение. Представители третьего сословия не имели никаких гарантий защиты своих личных и имущественных прав как со стороны представителей королевской администрации, так и членов двух других привилегированных сословий. Третье сословие еще не осознало свое общенациональное единство, не выработало какой-либо объединяющей общественно-политической программы. В отличие от двух первых сословий, третье сословие не строило систему внутренних отношений на принципах равенства прав своих членов. Следовательно, по всем рассмотренным показателям третье сословие было наименее политически консолидированным и юридически конституированным. Между тем, именно это сословие, составлявшее подавляющее большинство (свыше 90 %) населения страны, своими людскими и финансовыми ресурсами обеспечивало нормальное функционирование всего общественного организма. Признавая социальную значимость и экономический вес третьего сословия, духовенство и дворянство были вынуждены допустить его к участию в политической жизни страны, выделив ему соответствующее место в органах сословного представительства.

Сословное деление общества было не только оформлено юридически, но и получило соответствующее идеологическое обоснование. Согласно религиозной доктрине, христианское общество должно состоять из трех групп, одна из которых «молится за всех» (духовенство), вторая «защищает всех» (дворянство), а третья «работает на всех» (крестьяне и ремесленники).

Возвышение королевской власти. В начале XIV в. сеньориальная монархия во Франции сменилась новой формой государства — *сословно-представительной монархией*. Эта новая государственно-правовая форма, более высокая и прогрессивная по сравнению с сеньориальной монархией, пришлось на период, когда королевская власть, осуществляя политику государственной централизации, значительно укрепила свои позиции за счет изъятия государственных функций из рук отдельных феодальных властителей. Усиление королевской власти было вызвано целым рядом объективных внутривполитических и внешнеполитических причин. Во-первых, произошло укрепление социально-экономической основы союза королевской власти с городами, — союза, который начал складываться еще в предыдущую эпоху. Численный рост городского населения, дальнейшая концентрация в городах значительных денежных богатств позволила городам оказывать монархии регулярную помощь в виде воинских контингентов и финансовых средств. Во-вторых, вокруг короля сплотилась подавляющая часть господствующего класса в лице мелкого и среднего дворянства. Эти категории видели в короле единственную гарантию сохранения своего привилегированного положения перед лицом растущего сопротивления крестьянства, подавить которое они были не способны силами своих собственных феодально-ленных рыцарских ополчений. Притягательным моментом для дворянства была и возможность получить дополнительные источники доходов в виде государственных должностей в армии и в административно-управленческом аппарате. Наконец, государственной централизации объективно содействовали и внешнеполитические факторы, в частности, военная угроза со стороны других европейских держав, — в этих условиях именно королевская власть оказывалась символом национального единства, центром сосредоточения общегосударственных интересов.

К началу XIV в. под властью французских королей было объединено свыше 75 % всей территории страны. После присоединения Филиппом IV Красивым (1285—1314 гг.) графства Шампани, игравшего большую роль в международной торговле, и королевства Наварра, расположенного за Пиренеями, за пределами королевского домена оставались только четыре наиболее крупных вассальных владения — герцогство Бретань, графство Фландрия, герцогство Бургундия и герцогство Гиень. Фи-

липп IV затратил большие усилия на завоевание Фландрии, но ему удалось овладеть только южной частью этой территории. Воссоединение остальных территорий Франции в единое государство должно было стать заботой последующих монархов.

Увеличение королевского домена сопровождалось не только расширением полномочий монархии, но и приобретением ею нового политического содержания. Приоритетный сеньориальный статус короля, которым он обладал на стадии ленной монархии, сменился статусом исключительным, имеющим публично-правовой характер; он базировался уже не на вассально-ленных отношениях, а на отношениях всеобщего и безусловного подданства короне. В XV в. безраздельно победил принцип целостности и неделимости королевства, так что отдельные представители королевской семьи больше не могли претендовать на выделение в их владение какой-либо части государственной территории. Дома членов королевской фамилии (принцев) были полностью подчинены двору короля и поставлены на службу последнему. Престол стал наследственным в рамках существующей династии, причем (согласно древним установлениям Салической правды) исключительно лишь по мужской линии, со строгим соблюдением принципа старшинства, по достижении 14-летнего возраста и при отсутствии отклонений по линии душевного здоровья. В XVI в. к этим критериям было присоединено обязательное требование принадлежности к католическому вероисповеданию.

Сеньориальная же власть отдельных феодалов утрачивала свой политический характер. Феодалам было запрещено взимать налоги в свою пользу: так, распоряжением короля Карла VII (1422—1461 гг.) был отменен сбор сеньориальной подати (талы) отдельными феодальными магнатами. Одновременно было запрещено установление новых косвенных налогов в пользу сеньоров. Король Людовик XI (1461—1483 гг.) лишил права феодалов чеканить собственную монету под угрозой наказания за фальшивомонетничество; отныне на территории всей страны имела хождение только единственная королевская монета.

Феодалы постепенно лишались права содержать войсковые формирования и вести частные войны; король приобрел право наказания своих подданных за незаконное ношение оружия. На владения феодалов распространилось общегосударствен-

ное законодательство, существенно ограничивался их судебный иммунитет. Парижский парламент в XIV в. получил право апелляционного пересмотра любых дел, решенных в судах феодалов. Тем самым был окончательно ликвидирован принцип суверенности сеньориальной юрисдикции. За королем закреплялось исключительное право на освобождение подданных от уголовной ответственности, право помилования и смягчения наказаний.

В процессе усиления королевской власти оказывалось неизбежным ее столкновение с папским престолом. Хотя французские короли никогда не признавали законность притязаний верховных римских понтификов на мировое господство, они длительное время избегали прямой конфронтации с папами, не чувствуя за собой общенациональной поддержки. Однако на рубеже XIII—XIV вв. ситуация изменилась, и король Филипп IV Красивый осознал себя вполне способным на решительные действия. Непосредственным предлогом конфликта послужила налоговая политика Филиппа IV: готовясь к войне с Фландрией, он потребовал от французского духовенства соответствующих денежных субсидий на содержание королевского войска. В 1296 г. римский папа Бонифаций VIII запретил светской власти взимать поборы с французской церкви, а духовенству разрешил отказываться от их уплаты без своего разрешения. В качестве ответной меры Филипп IV запретил вывоз из Франции золота и серебра, что прекратило поступления в папскую казну денег от французского духовенства. Своей буллой 1301 г. Бонифаций VIII пригрозил французскому королю отлучением от церкви. Заручившись поддержкой Генеральных штатов (1302 г., — см. об этом ниже), Филипп IV не пожалел денег на то, чтобы активизировать противников папы в самом Риме. После смерти Бонифация VIII под давлением Филиппа IV новым папой был избран представитель французского духовенства, архиепископ Бордоский, принявший имя Климента V (1305 г.). В 1309 г. новый папа перенес свою резиденцию из Рима во французский город Авиньон (на реке Рона). Т. н. «Авиньонское пленение пап», когда они находились под полным контролем французского королевского двора, продолжалось около 70 лет (до 1378 г.).

Решительная победа, достигнутая королевской властью над папством, неуклонное возрастание ее авторитета как внутри страны, так и за рубежами Франции активизировали деятельность законоведов-легистов в плане разработки целого ряда государственно-правовых доктрин, утверждавших идею королевского суверенитета. Легисты доказывали приоритет светской власти над церковной, подчиненный характер сеньориальной власти феодалов по отношению к публично-правовым прерогативам короля, полную независимость главы французского государства в международных отношениях. Основопологающим мотивом новой политической доктрины французской монархии явился принцип, сформулированный в 1303 г. легистом Гийомом де Плэсианом, согласно которому король Франции является императором в своем королевстве, а потому имманентно наделен независимым положением и неограниченными правами. Согласно акту Карла V (1372 г.) король являлся защитником публичного мира в стране, а окружавшая его знать должна была выполнять роль его слуг в реализации королевским прерогатив. Король провозглашался единственным источником закона, и вследствие этого при принятии общеобязательных для исполнения всеми его подданными законодательных актов (указов или *ордонансов*) он не нуждался в совете и согласии ни своих вассалов, ни королевской курии; исправление или изменение этих документов могло быть осуществлено только самим королем. Признавались неоспоримыми и права короля на осуществление высшего правосудия в стране: он мог принять к собственному рассмотрению любое судебное дело либо поручить его разбирательство кому-либо из своих подданных. Наконец, исключительно одному лишь королю принадлежало право определять сословный статус своих подданных, в частности, жаловать права дворянства.

Однако в рассматриваемый период королевская власть еще не была и не могла быть абсолютной. Законодательная власть короля была ограничена существованием т. н. «фундаментальных законов» королевства, касающихся в первую очередь основополагающих принципов престолонаследия, доменальных прав, конфессиональных проблем. Эти фундаментальные законы не были исключительно лишь плодом теоретических изысканий легистов: будучи зафиксированными в королевском за-

конодательстве, решениях церковных конгрегаций, судебной практике, а также закрепленными в общественном сознании, они составляли реально действовавшее публичное право королевства. Об окончательной ликвидации феодальной раздробленности также еще говорить было преждевременно. Даже в пределах достигнутого территориального объединения вплоть до XVI в. продолжали проявляться существенные различия между двумя главными регионами страны — Севером и Югом. Южный регион, примыкающий к Средиземноморью, превосходил Север по своему хозяйственному и культурному развитию, однако централизация власти и унификация государственного аппарата на Юге были выражены в заметно меньшей степени, чем на Севере. За пределами объединенных под главенством короля территорий еще оставались некоторые крупные феодальные владения, в частности, герцогство Бургундия, правители которой неоднократно вступали в военные конфликты со своими верховными сюзеренами — французскими королями. Для того, чтобы завершить объединение страны и разрушение государственной системы, построенной на фундаменте сеньориально-вассальных отношений, монархия нуждалась в опоре на те общественно-политические силы, которые готовы были ценой соответствующих уступок в свою пользу поддержать централизаторскую политику королевской власти. Консолидировавшиеся к началу XIV в. феодальные сословия могли объективно сыграть роль такой опоры, — именно к ним непосредственно, через головы правителей крупных феодальных сеньорий, могла обратиться королевская власть за денежной, военной и политической поддержкой. Сословия также усматривали выгоды для себя в союзе с королем, и политическим выражением такого союза, построенного на взаимном компромиссе, явились органы общенационального сословного представительства, возникшие в рассматриваемый период как в центре (*Генеральные штаты*), так и на местах (*провинциальные штаты*).

Высшие органы сословного представительства. Появлению новых государственных органов, олицетворявших форму сословно-представительной монархии, предшествовала практика созыва расширенных заседаний королевской курии, имевших место в период XII—XIII вв., когда для участия в этих заседаниях могли быть приглашены представители духовенства,

феодалных сеньоров, городских муниципалитетов. Целью указанных ассамблей являлось стремление королей заручиться поддержкой сословий в политике, направленной против знати. Однако начальной точкой новой государственной формы является созыв первого общекоролевского собрания сословий — *Генеральных штатов*, произошедший в 1302 г. по инициативе короля Филиппа IV Красивого (само название «Генеральные штаты» — *Etats generaux* — закрепилось за этим органом значительно позже). Важно подчеркнуть, что созыв Генеральных штатов производился королем уже не как феодальным сеньором, а как главой государства. При этом сословия были созваны не по их требованию, не под их давлением, а по собственной инициативе короля, — в этом смысле путь возникновения высшего сословно-представительного учреждения во Франции был более типичен для Европы, чем тот путь, которым прошла Англия (см. об этом ниже).

Филипп IV решил на созыв этого представительного органа в сложной внутренней и внешнеполитической обстановке. В 1302 г. французская армия потерпела сокрушительное поражение во Фландрии (битва при Куртре). Требовались новые финансовые поступления в казну, но попытки короля ввести прямой налог на имущество или доходы населения (в т. ч. и привилегированного) вызвало серьезное недовольство некоторых светских и церковных феодалов, обострило социальную напряженность в стране. Эта напряженность усиливалась кризисными явлениями в экономике (в частности, неурожаями), а также затянувшимся конфликтом королевского престола с римским папой Бонифацием VIII. Именно разрешение этого конфликта и являлось главным поводом созыва сословно-представительной ассамблеи. По большому счету, речь шла о судьбе суверенитета французского государства.

На собрание, открывшееся 10 апреля 1302 г., были приглашены представители всех трех сословий — духовенства, дворянства (в частности, все прямые ленники короля, в т. ч. и владельцы неприсоединенных территорий) и горожан (последние были представлены делегациями по два-три депутата от каждого крупного города всех сенешальств и баляжей королевства). Заседания проходили в недавно отстроенном Соборе Парижской Богоматери. Обратившись к сословиям за советом

и поддержкой, Филипп IV столкнулся с оппозицией части привилегированных сословий (особенно духовенства), а также горожан (в основном из южных регионов страны). Тем не менее, король смог мобилизовать своих сторонников (в первую очередь, из числа представителей третьего сословия) и добиться в целом желательных для себя результатов, — это вдохновило его на энергичные действия по преодолению сложившихся трудностей. Позитивный опыт первых Генеральных штатов способствовал тому, что в будущем к их помощи Филипп IV прибегал еще четырежды (в 1303, 1308, 1312 и 1314 гг.). Последующие короли стали практиковать созывы Генеральных штатов также достаточно часто (во второй половине XIV в. — чуть ли не ежегодно).

Какая-либо периодичность созыва Генеральных штатов не была установлена — все зависело от инициативы короля, который действовал в соответствии с обстоятельствами и собственными политическими соображениями. Нормы представительства от отдельных сословий определялись каждый раз заново — предыдущие созывы не могли играть роли прецедента. Принцип выборности длительное время не был единственным способом формирования Генеральных штатов: он был реализован лишь к концу XV в., а до этого сословия комплектовали свое представительство на самых различных основаниях. Титулованная знать (не ниже барона или графа), высший церковный клир (архиепископы, епископы, аббаты крупнейших монастырей), а также привилегированные корпорации и университеты, как правило, получали индивидуальные приглашения; приглашенная светская знать и церковные прелаты могли не являться сами, а прислать своих заместителей. Мелкое и среднее дворянство, а также низший церковный клир должны были выбирать депутатов двух привилегированных сословий из своей среды в соответствии с разрядами, направляемыми по бальяжам. От третьего сословия избирались исключительно лишь представители городской аристократии (патрицианско-бюргерской верхушки), обычно по 2—3 человека от города (чаще всего это были мэры и члены городского совета — *эшеваны*); имели место и случаи, когда представители городов назначались королевскими чиновниками. В среднем, около 15 % от общего состава Генеральных штатов представляли профессиональные

юристы-легисты, закончившие университетский курс юриспруденции, важнейшей составной частью которого было римское право; в своей основной массе легисты избирались от горожан, но иногда и от двух первых сословий. Крестьянство в Генеральных штатах было вообще не представлено: считалось, что интересы крестьян выражают их духовные и светские пастыри (т. е. депутаты первого и второго сословий). Таким образом, Генеральные штаты отнюдь не являлись народным представительством: их классовая сущность проявлялась с полной очевидностью. Если к тому же учесть, что голосования проводились по сословиям, и каждое из них имело по одному голосу, то можно прийти к заключению, что и практическая деятельность этого форума, который декларировался как орган общенационального представительства, также имела ярко выраженный классовый характер: в Генеральных штатах было полностью гарантировано принятие таких решений, которые отвечали в первую очередь интересам правящих верхов — духовенства и дворянства.

Местом созыва Генеральных штатов был, как правило, Париж, но иногда и другие города — Тур, Орлеан, Компьень. Продолжительность заседаний колебалась от 1—3 дней до нескольких месяцев. Иногда сословия расходились, не приняв никакого решения. Имели место эпизоды уклонения от участия в Генеральных штатах, их бойкота (особенно часто — со стороны депутатов, избранных от провинций Южной Франции). Был и случай, когда объявленное правительством собрание сословий вообще не состоялось.

Обсуждение вопросов производилось каждым сословием отдельно в рамках своей палаты; случаи совместных заседаний, когда Генеральные штаты выступали в качестве единой коллегии, были чрезвычайно редкими (они имели место, например, в 1413 и 1484 гг.). Депутаты Генеральных штатов были наделены императивным мандатом: их позиция по тому или иному обсуждаемому вопросу была predeterminedена наказами, которые они получили от избирателей. По возвращении с заседания Генеральных штатов депутаты были обязаны отчитаться перед своими избирателями.

Если в процессе дебатов по вопросам, вынесенным на рассмотрение Генеральных штатов, выяснялось, что позиции

депутатов всех трех сословий совпадали, общего голосования по обсуждаемым вопросам вообще не проводилось. При расхождении позиций производилось голосование по сословиям. Согласовав позиции своих депутатов внутри собственного представительства, каждое сословие подавало единый голос «за» или «против». Поскольку в окончательном итоге всего голосов сословий было только три, возможные результаты заключительного голосования исчерпывались чаще всего двумя вариантами — 2:1 или 3:0. Впрочем, находясь в позиции объективного противостояния третьему сословию, духовенство и дворянство, ревностно отстаивая свои привилегии, зачастую не могли выработать общей политической линии и потому принимали взаимопротиворечившие решения.

Повестка дня предстоящего заседания Генеральных штатов заранее определялась королем и не могла быть изменена депутатами. Таким образом, работа Генеральных штатов сводилась к высказыванию мнений депутатов по тем или иным королевским предложениям. Обычно это были вопросы военного характера (особенно в обстановке т. н. Столетней войны с Англией, длившейся с перерывами с 1337 по 1453 г.), а также вопросы, связанные с внутринациональными религиозными конфликтами (они рассматривались в 1560, 1576, 1588, 1593 гг.). Согласие Генеральных штатов требовалось при подписании ряда международных договоров. Так, в 1359 г. на обсуждение Генеральных штатов был вынесен вопрос о вынужденном мире с Англией; характерно, что сословия отвергли условия этого мира. В 1420 г. Генеральные штаты отклонили условия еще одного мирного договора. Иногда причиной созыва Генеральных штатов являлось рассмотрение проблем престолонаследия. Король мог запросить мнение общенационального представительства и по поводу некоторых важнейших законодательных актов, хотя в принципе законодательные prerogatives короля не нуждались в каком-либо подтверждении. Но чаще всего причиной созыва Генеральных штатов была необходимость получить согласие на введение нового налога, который в случае утверждения королевской инициативы мог взиматься в течение всего следующего года. Традиция испрашивать у сословий разрешения на новые налоги и сборы утвердилась со времени царствования Филиппа VI (1328—1350 гг.) — первого

короля из новой династии Валуа. Утверждение новых налогов, как правило, происходило достаточно легко: поскольку духовенство и дворянство обладали налоговым иммунитетом, их согласия на обложение налогом третьего сословия короли добивались без особого труда, и даже если третье сословие возражало, его один голос подавлялся двумя голосами привилегированных сословий.

В большинстве случаев высший орган сословного представительства поддерживал королевские инициативы. Однако имели место и случаи, когда Генеральные штаты проявляли стремление усилить свои позиции и на этой почве вступали в открытый конфликт с королевской властью. Поражения, которые терпела Франция на начальных этапах Столетней войны, значительно ослабили позиции королевской власти и создали благоприятные условия для усиления политического веса Генеральных штатов. Так, наиболее решительную позицию Генеральные штаты заняли в 1356—1357 гг., в момент, когда король Иоанн II Добрый оказался в английском плену после поражения французской армии при Пуатье. Поскольку казна была пуста, а сумма выкупа короля была определена англичанами в 3 млн. золотых экю, наследник престола (дофин), будущий король Карл V Мудрый, созвал в октябре 1356 г. Генеральные штаты. Депутаты, среди которых наибольшую активность проявили представители третьего сословия (из общего количества 800 депутатов на их долю приходилось 400 мест), попытались радикально изменить порядок управления страной, взяв верховную власть в свои руки. Они потребовали отставки и предания суду членов королевского совета и ряда высших должностных лиц. Из числа депутатов была сформирована комиссия в составе 28 человек (4 прелата, 12 дворян и 12 горожан), которые должны были контролировать решение всех вопросов, связанных с армией, а также с назначениями на должности в государственном аппарате. Только при этих условиях духовенство и дворянство соглашались передать в королевскую казну до 15 % своих доходов, а горожане — выставить с каждой сотни домов по одному вооруженному рыцарю.

Отказ дофина Карла выполнить решения Генеральных штатов привел к выступлению городского населения столицы под предводительством главы муниципалитета — купеческого стар-

шины Этьена Марсея. Новое собрание депутатов Генеральных штатов, созванное вопреки запрету дофина в марте 1357 г., выработало программу радикальных реформ, известную под наименованием «Великого мартовского ордонанса». Согласно этому проекту, Генеральные штаты должны были превратиться в регулярно действующий орган, созываемый на сессии три раза в год без санкции короля; его решения должны были считаться окончательными и вступать в силу, не требуя королевского одобрения. Этот орган, помимо расширения своих законодательных функций, должен был получить право формирования центральных органов управления; ему должно было принадлежать исключительное право на установление новых налогов, а также право контроля за сбором и расходованием финансовых средств. Однако намеченная программа не была реализована, в первую очередь, вследствие саботажа двух первых сословий, представители которых отказались выплачивать налоги и вообще участвовать в работе Генеральных штатов. Возник раскол и в третьем сословии: представители провинциальных городов отказали в поддержке столичным депутатам. Подавив восстание в Париже и разгромив крестьянское восстание — Жакерию (1358 г.), дофин Карл овладел ситуацией и отказался от выполнения условий Великого мартовского ордонанса.

Еще раз значительная активизация политической роли Генеральных штатов произошла в начале XV в., в обстановке междоусобной борьбы двух правящих кланов (бургундцев и арманьяков), оспаривавших власть при слабоумном короле Карле VI (1380—1422 гг.). Созыв Генеральных штатов 1413 г. произошел по настоянию университетской корпорации; большинство мест в собрании получило третье сословие (в основном, представители Парижа). Решение собрания, одобренное королем, получило наименование Кабошьянского ордонанса, в котором содержалась программа умеренных реформ в финансовой и судебной областях. Этот документ, состоявший из 258 статей, требовал прекращения междоусобиц, снижения налогов и упорядочения их взимания. В ордонансе также провозглашался принцип выборности чиновников судебно-административного ведомства, было зафиксировано требование их регулярной отчетности перед центральной администрацией и местными властями. Однако провозглашенный принцип выборно-

сти проводился очень непоследовательно, поскольку допускалось назначение служащих, иногда с участием представителей Генеральных штатов. Ряд статей Кабошньенского ордонанса защищал интересы крестьян от произвола их сеньоров. Впрочем, большинство новелл ордонанса так и остались не реализованными, а сам документ был отменен, когда одна из клик (арманияки) добилась победы над другой.

События 1356—1358 и 1413 гг., равно как и последующая история деятельности Генеральных штатов показали, что наиболее динамичной частью в составе этого органа было третье сословие. Когда в экстремальных условиях третьему сословию удавалось завоевывать лидирующие позиции в Генеральных штатах, а первые два сословия как бы оказывались у него в заложниках и вынуждены были (чаще всего, не по своей свободной воле) поддерживать его предложения, политический вес сословно-представительного учреждения резко возрастал. Да и в обычных условиях именно благодаря представительству третьего сословия Генеральные штаты обладали известной самостоятельностью по отношению к королевской власти. Свое несогласие с деятельностью королевской администрации Генеральные штаты могли выражать в виде протестов, жалоб, ходатайств и просьб. Им дозволялись критические высказывания в адрес отдельных должностных лиц; они могли выступать перед королем с мотивированными предложениями по совершенствованию административного и финансового управления. Король был вправе прислушаться к мнению Генеральных штатов, но эти рекомендации для короля вовсе не являлись императивными. Известное противостояние третьего сословия двум другим привилегированным сословиям потенциально укрепляло позиции короля, который в этих случаях брал на себя функции арбитра в их спорах. Разногласия в позициях сословий давали возможность королю лавировать, сохранять свободу действий, не считаться с мнением Генеральных штатов или даже вовсе обходиться без них, — последнее, впрочем, не вызывало никакого общественного беспокойства. Имели место периоды, когда Генеральные штаты не созывались в течение длительного времени, иногда по несколько десятилетий (например, с 1484 по 1560 гг.).

В целом, деятельность Генеральных штатов объективно содействовала росту авторитета и политического влияния королевской власти. Когда тот или иной акт короля получал поддержку Генеральных штатов, считалось, что он санкционирован всей нацией в целом, и авторитет такого акта оказывался максимально высоким. Поскольку на Генеральных штатах были представлены и владельцы неприсоединенных территорий, принятые решения были обязательными и для них. В этом смысле Генеральные штаты являлись своеобразным феодальным конгрессом, вырабатывавшим по инициативе короля важнейшие принципы государственной политики. Именно в период сословно-представительной монархии королевская власть стала приобретать тот ореол выразительницы общенациональных интересов, который был присвоен ей официальной доктриной в последующий период развития французской государственности — в период абсолютизма.

По мере укрепления позиций королевской власти роль сословно-представительных учреждений стала падать. По своему своему смыслу эти учреждения являлись закономерным атрибутом определенной исторической эпохи, когда состояние феодальной раздробленности сменялось политической сплоченностью. С точки зрения правящих верхов Генеральные штаты выполнили свое предназначение, обеспечив носителя верховной государственной власти постоянными источниками доходов, необходимыми для создания и поддержания боеготовности наемной армии и функционирования разветвленного бюрократического аппарата управления. Людовик XI, фактически правивший уже абсолютистскими методами, созывал Генеральные штаты только один раз (в 1468 г.). После его смерти и вступления на престол Карла VIII (1483—1498 гг.) была предпринята последняя попытка возродить общенациональное сословное представительство. Выборы в Генеральные штаты 1484 г. прошли по всем багьям страны; в ряде случаев на эти избирательные собрания приглашались даже представители крестьян. Когда ассамблея приступила к работе, было постановлено проводить заседания штатов не по сословиям, а по секциям, отражающим территориальное деление страны; решения должны были приниматься путем поименного голосования. В целом, сословия заняли независимую позицию по отношению

к правительству. В высказываниях ряда депутатов звучали идеи верховенства власти сословий как общенационального представительства над королевской властью. В заключительном документе, принятом на собрании, содержались требования уменьшить налоги, упразднить талью, распустить наемные войска, приступить к систематизации кутюмного права и т.п. Депутаты разошлись, поверив обещанию правительства быть вновь собранными через два года. Однако новые штаты были созданы лишь через 14 лет, а предъявленные правительству требования так и остались невыполненными.

В XVI в. Генеральные штаты созывались уже очень редко; на весь XVII в. пришелся только один случай их созыва. Королевская власть стала все чаще созывать собрания т. н. *нотаблей* (знатных, именитых подданных), которые были ей более послушны. Первое собрание нотаблей произошло еще в 1314 г. и в дальнейшем они действовали параллельно с Генеральными штатами. Нотабли назначались королем из лиц высшей светской и церковной знати, ответственных государственных чиновников, профессоров богословия, юристов и наиболее влиятельных представителей третьего сословия. Эти собрания имели чисто совещательные функции и по своему юридическому статусу не имели аналогий с Генеральными штатами. К их созыву короли прибегали тогда, когда они желали заслушать мнение представителей нации, но не допустить проявления против себя каких-либо оппозиционных настроений, на что были способны Генеральные штаты, но от чего нотабли были практически полностью гарантированы.

Провинциальные штаты. Наряду с Генеральными штатами во Франции существовали сословно-представительные учреждения в масштабе отдельных провинций (Прованс, Фландрия, Нормандия и др.). Исторически они вырастали из сеньориальных курий крупных королевских ленников. Иногда они возникали даже раньше, чем оформилось представительство сословий в центре: так, в Беарне (на юго-западе Франции) это учреждение стало формироваться уже в XII в. Названия этих собраний вначале были неустоявшимися («консилиум», «парламент», «люди трех сословий» и т.п.), и лишь в XVI в. за ними закрепилось официальное наименование «провинциальные штаты». Уже к концу XIV в. существовало свыше 20 местных

сословно-представительных учреждений; в XV в. они имелись практически в каждой из провинций.

Статус провинциальных штатов вырабатывался самостоятельно в каждой отдельной области. Их состав, структура, порядок работы и полномочия строились по образцу Генеральных штатов (но, разумеется, с корректировкой на масштаб региона). Каких-либо организационных связей с общенациональными Генеральными штатами местные сословно-представительные учреждения не имели.

Главная функция провинциальных штатов заключалась в санкционировании сбора королевских налогов в пределах данной области. Как правило, местные сословия стояли на той точке зрения, согласно которой налоги в королевскую казну могли выплачиваться только с их официально выраженного согласия. На этой почве имели место неоднократные столкновения провинциальных штатов с центральным правительством; иногда местные сословия не признавали решений Генеральных штатов и отказывали королю в исполнении его финансовых распоряжений. Провинциальные штаты занимались также распределением налогового обложения, контролировали осуществление общественных работ (строительство дорог, общественных зданий, мостов, каналов и др.).

Королевская власть первоначально рассматривала провинциальные штаты в качестве своих союзников в борьбе против сепаратизма местной аристократии. Однако она все чаще сталкивалась с такой ситуацией, когда провинциальные штаты (особенно в Нормандии, Лангедоке и др.), подпадая под влияние местной феодальной элиты, сами оказывались зараженными сепаратистскими настроениями. Поэтому уже с середины XV в. королевская власть встала на путь планомерного ограничения роли местных сословно-представительных учреждений с перспективой их последующей ликвидации. Раньше всего это удалось осуществить в отношении провинциальных штатов Центральной Франции, где финансовые функции перешли в руки королевских чиновников и специально назначенных лиц. В других регионах страны (особенно на Юге) провинциальные штаты, благодаря своим сильным финансовым полномочиям, продолжали эффективно функционировать даже тогда, когда об-

шенациональное сословно-представительное учреждение уже окончательно сошло со сцены.

Органы центрального управления. Центральное управление в период сословно-представительной монархии развивалось из прежней системы управления королевским домом. Суть происходящих здесь перемен состояла в перерастании дворцово-вотчинной системы управления в общегосударственную, что сопровождалось превращением личных слуг короля в государственных чиновников. Утвердился принцип независимости королевских распоряжений от мнения его советников. Прежние домениальные должности утратили свое значение и превратились в придворные титулы. Назначение на государственные должности стало происходить, как правило, пожизненно, вследствие чего должности приобретали новый вид особого феодального пожалования, с тенденцией превращения этого пожалования в наследственное. Именно в рамках рассматриваемого периода начался процесс формирования особой социальной прослойки — «дворянства мантии», представители которой приобретали дворянский титул за исполнение не военной, а гражданской службы.

Из всех должностных лиц предшествующей эпохи единственным, кто не только сохранил, но и укрепил свои позиции, был *канцлер*. Эта должность была восстановлена в 1316 г. (на протяжении почти 90 лет до этого она была вакантной). Канцлер превратился в ближайшего королевского помощника: он по-прежнему возглавлял королевскую канцелярию, являлся хранителем государственной печати, составлял проекты важнейших нормативных актов (ордонансов и эдиктов), от имени короля назначал чиновников на судебные должности, председательствовал в королевской курии в случае отсутствия короля. Канцлер представлял корону в Генеральных штатах и в дипломатических отношениях.

Кадры центрального управленческого аппарата, построенного на бюрократических началах, комплектовались в основном из незнатных, но образованных дворян, которые своим возвышением были обязаны лично королю. По этой причине такие чиновники являлись наиболее решительными сторонниками королевской власти, проводниками политики государственной централизации. Нуждаясь в деньгах, короли поощря-

ли практику продажи должностей, что облегчало проникновение в государственный аппарат зажиточных горожан и других лиц неблагородного происхождения, которые впоследствии могли выслуживать дворянские титулы. С их помощью короли имели возможность отеснить аристократическую знать, проявлявшую сепаратистские настроения, от основных рычагов государственного управления.

Органом принятия важнейших государственно-политических решений являлся *Большой совет*, функционировавший с 1316 по 1497 г. В его состав входили 24 представителя высшей светской и духовной знати, а также назначенные королем легисты, способные оказать властям квалифицированную юридическую помощь. Совет собирался на ежемесячные заседания и принимал решения, имевшие для короля исключительно рекомендательный характер; состав совета мог меняться в зависимости от характера обсуждаемых законодательных и административных мероприятий. По мере усиления королевской власти и институционализации Генеральных штатов роль Большого совета постепенно падала. Уже с начала XIV в. монархи стремились ограничить круг деятельности Совета рассмотрением дел из сферы королевской юрисдикции. После 1497 г. Совет превратился исключительно лишь в учреждение юстиции с персоналом из числа королевских чиновников. Еще до этого короли охотнее прибегали к услугам более узкого *Тайного совета* в составе лиц, назначенных непосредственно королем.

Местное управление. Система органов местного управления не была единообразной по всей стране. Во вновь присоединенных территориях (особенно если они вошли в состав королевства на основе соответствующих договоров) зачастую сохранялась старая система, построенная на основе местных кутюмов, которую центральная власть обязывалась соблюдать. Королям не сразу удавалось провести в местные структуры своих личных представителей, а тем более обеспечить их преобладающее влияние. Управление присоединенными территориями чаще всего продолжало осуществляться на первых порах местными сеньорами, которые с большой неохотой расставались со своими традиционными привилегиями. Тем не менее, монархия настойчиво, неуклонно и целенаправленно формировала подконтрольные ей низовые управленческие структуры,

и этот процесс, несмотря на его замедленные темпы, имел поступательный и необратимый характер.

Система превоств, бальяжей и сенешальств, сложившаяся в свое время в рамках королевского домена, подверглась серьезной перестройке. Прево и бальи постепенно теряли некоторые из своих прежних функций, в частности, военную, что было связано с падением роли местных феодальных ополчений; ограничивались также их финансовые и административные полномочия. Что касается судебных дел, то бальи поручали их ведение особым должностным лицам, именуемым *лейтенантами*. С 1498 г. назначение лейтенантов стало прерогативой королевской власти. Назначенные в бальяж, королевские лейтенанты фактически заменяли бальи, приобретая не только судебные и военные, но и другие административно-управленческие полномочия.

Несколько бальяжей объединялись в более крупные административные округа, которые с конца XV в. стали именоваться *провинциями*. Для управления провинциями направлялись должностные лица, именуемые *генерал-лейтенантами* и назначаемые из числа высшего титулованного дворянства (включая принцев крови). Они являлись представителями новой централизованной администрации, которым были делегированы все права короля в пределах определенного для них административного округа, а потому были правомочны издавать обязательные распоряжения, осуществлять помилование, разверстывать подати. Сроки пребывания в должности и объем полномочий генерал-лейтенантов постоянно увеличивались. К началу XVI в. число таких «губернаторств» достигло 11.

Централизация государственной власти затронула и организацию *управления городами*. Короли прибегали к лишению многих городов статуса самоуправляемых коммун, изымали у городских муниципалитетов ранее выданные хартии. Городская юрисдикция ограничивалась параллельно с ограничением юрисдикции сеньориальной. Представители королевской администрации на местах, под видом установления контроля и борьбы со злоупотреблениями, не только активно вмешивались в повседневную деятельность городских муниципалитетов, но и стремились регламентировать саму процедуру выборов муниципальных органов (городских советов и пожизненно избирае-

мых городских голов — *мэров*). На заседаниях городских советов, как правило, председательствовал королевский чиновник. К концу рассматриваемого периода большинство городов, формально сохранявших элементы самоуправления, фактически были поставлены под контроль королевской власти: их магистраты оказались включенными в общую систему местного судебного-административного устройства.

Организация финансового управления. В связи с объединением страны и распространением государственной юрисдикции на все население страны государственные доходы значительно возросли. Тем не менее, королевская власть испытывала необходимость в дальнейшей стабилизации финансовой базы и значительном возрастании финансовых поступлений в казну, особенно в связи с громадными расходами на военные нужды во время Столетней войны.

До XIV в. основные поступления в казну шли из королевского домена и из источников, связанных с реализацией верховных сеньориальных прав короля (т. н. «обычные доходы»). Домениальные доходы складывались из судебных пошлин и штрафов, из конфискованного по суду и безнаследного (выморочного) имущества, из сборов, взимаемых при совершении различных юридических актов, из доходов от королевской монетной регалии. Последние из указанных доходов представляли для королей особую важность. При этом короли не гнушались порчей монеты, стремясь увеличить финансовые потоки за счет выпуска неполноценных (с уменьшенным золотым содержанием) денег. Особенно широко такая практика была распространена в годы правления Филиппа IV Красивого, за что он получил у своих современников и потомков прозвище «короля-фальшивомонетчика». Для увеличения «обычных» доходов короли, используя свои традиционные сеньориальные права, оказывали свое «покровительство» городскому населению, особенно банкирам и ростовщикам еврейского происхождения, а в оплату за такое покровительство подвергали эти группы финансовых собственников различным поборам и конфискациям. Очень часто финансовую подоплеку имели действия королей как «защитников веры»: реализуя эти свои prerogatives, короли осуществляли конфискации имущества еретиков. Большой общественный резонанс имела конфискация имущества духов-

но-рыцарского ордена Тамплиеров, одного из самых могущественных феодальных собственников и самого крупного европейского банкира того времени, осуществленная Филиппом IV по приговору церковного суда (1307 г.). Значительные финансовые возможности открывала замена военной службы денежным взносом. Это давало основания королям требовать выплаты военных налогов теми категориями населения, которые не были обременены обязанностью непосредственной воинской службы (крестьянство, духовенство и др.). Денежное выражение военного взноса было определено Филиппом IV в размере одной десятой от общей суммы доходов; оценка доходности имущества производилась королевскими чиновниками на основании показания соседей.

Начиная с XIV в. главным источником доходов королевской казны становятся «необычные» (нерегулярные) государственные налоги, формально распространяемые на всех подданных королевства и уже не связанные с прежней системой сеньориально-вассальных отношений. Наиболее динамичной была система *косвенных налогов* (пошлин и акцизов). Теоретически косвенные налоги являлись всеобщими, однако на практике основная их тяжесть возлагалась на плечи трудящегося населения. Высшие сословия имели возможность избавиться от таких налогов: в угоду им было установлено, что с продуктов, «произведенных в собственных владениях», пошлины и акцизы могут не взиматься. Филиппом IV был введен ряд новых пошлин на продукты питания — зерно, вино и т. д. Наиболее тяжелым являлся налог на соль — т. н. *габель* (la gabelle du sel), которая стала взиматься регулярно с 1383 г. Для того, чтобы доходы по соляному налогу не уменьшались, государство установило монополию на производство и продажу этого продукта, а также минимальную норму его семейного потребления, и государственные чиновники зорко следили за тем, чтобы ни одна семья не смогла уклониться от установленной нормы.

Основным видом *прямого налога* являлась *талья*. Ее должно было выплачивать все трудящееся население королевства. В большинстве регионов Северной и Средней Франции талья имела вид подушного налога (taille personnelle); на юге (Лангедок, Гиень и др.) она выплачивалась с земельной собственности. Размер тальи в целом по стране не был унифицирован;

некоторые провинции (Фландрия, Бретань) вообще не направляли в казну никаких налоговых сумм. С 1439 г. королевская талья стала постоянным, ежегодно взимаемым налогом, предназначенным для содержания армии (характерно, что это решение было принято Генеральными штатами, созванными не в Париже, а в Орлеане, причем в собрании участвовали только депутаты от Северной Франции, к тому же недостаточно полно представленные). Отныне взимание тальи уже не требовало санкции Генеральных штатов; королю было предоставлено право ее постоянного увеличения. Постоянный рост тальи (так, за 22 года правления Людовика XI она увеличилась в три раза) делал этот налог особенно ненавистным третьему сословию, являвшемуся ее единственным плательщиком.

Деление налогов на «обычные» и «необычные» вызвало существование двух параллельно действовавших систем органов финансового управления. «Обычными» поступлениями ведала т. н. *Счетная камера*, выделившаяся из состава королевской курии. Она сложилась еще в XIII в. и в рассматриваемый период состояла из 30 чиновников, половина из которых являлась светскими, а вторая половина — лицами духовного звания; возглавлялась Счетная камера двумя президентами — светским и духовным. Деятельность палаты находилась под надзором *королевского контролера*.

Сбор «необычных» доходов осуществлялся в рамках особых финансовых округов (*генеральств*, на которые была разделена территория королевства). Во главе этих округов были поставлены *генералы финансов*, наделенные соответствующими административно-налоговыми полномочиями. Первоначально генералы финансов избирались Генеральными штатами, но со времени царствования Карла V (1364—1380 гг.) они стали назначаться королем. Генералы финансов руководили своими округами из столицы, отвечая главным образом за сбор королевской тальи; на местах их представляли помощники (*элю*), ведавшие в основном сбором косвенных налогов и акцизов. Независимость генералов финансов от Счетной палаты существовала на протяжении всего XV в. Лишь в XVI в. была введена должность *сюринтенданта*, который стал координировать деятельность всех финансовых органов. Возглавляемый им *Совет по финансам* занимался составлением государственного бюджета

и контролировал его исполнение. В 1523 г. в результате радикальной реорганизации органов финансового управления была создана единая государственная казна. Ее возглавил *казначей*, подчинявшийся только королю.

Организация вооруженных сил. Важнейшим показателем централизации французского государства на стадии сословно-представительной монархии явилось создание сильной армии, которая подчинялась непосредственно и исключительно лишь королю и не зависела от военных сил местных феодальных сеньйоров. Она могла формироваться двумя основными способами — путем привлечения на военную службу контингентов наемников (в т. ч. и иностранных) и путем рекрутских наборов. В обоих случаях необходимым условием жизнеспособности такой военной организации было наличие в руках короля значительных финансовых средств. Как уже было показано ранее, оздоровление финансовой системы, начавшееся в XIV в., создавало благоприятные условия для реорганизации национальных вооруженных сил.

В результате важнейших общественно-политических процессов, происходивших во французском обществе рассматриваемого периода, была создана новая социальная база комплектования королевской армии. Значительные военные контингенты смогли поставлять города; освобождавшееся от крепостной зависимости крестьянство также стало активно привлекаться к исполнению воинской повинности. На изменение характера военной организации повлияли и процессы, протекавшие в ее материально-технической базе. Развитие огнестрельного оружия привело к тому, что в XIII—XIV вв. конное рыцарское войско утратило свое первостепенное значение и в качестве основного рода войск вновь выдвинулась пехота. Большое развитие получил новый род войск — артиллерия, без применения которой стало невозможно овладевать крупными, хорошо укрепленными городами. Само собой разумеется, что развитие артиллерии было совершенно невозможно в рамках старой феодально-рыцарской системы.

Уже в XIV в. наемное войско французского короля превосходило по численности ленные феодальные контингенты. В период Столетней войны короли стали прибегать к найму воинских частей, которые формировались отдельными военачаль-

никами-кондотьерами. Эти военачальники вербовали под свое командование солдат и офицеров, с которыми расплачивались либо деньгами, полученными от правительства, либо определенной частью военной добычи, захваченной в ходе боевых действий. Отряды наемников, наводнившие страну, вызывали у местного населения не меньший страх, чем английские оккупанты. Поэтому в 1445 г., когда Столетняя война уже близилась к завершению, Карл VII издал ордонанс о создании постоянного конного войска из числа местных уроженцев. Всего было сформировано 15 воинских формирований, получивших наименование «ордонансовых рот» (или «отрядов приказа»). Каждая ордонансовая рота состояла из 100 копий; каждое копье включало в свой состав 6 человек: одного *жандарма* (конного латника-рыцаря), одного *кутильера* (легковооруженного конника, прислуживающего жандарму), одного *пажа* (среди которых могли быть и подростки) и трех *аршиеров* (конных лучников). Таким образом, общая численность всего конного войска исчислялась в 9 тыс. чел. Ордонансовые роты не являлись национальным французским войском, поскольку в их составе было много иностранных наемников (швейцарцев, шотландцев, испанцев, немцев). Все они получали денежное содержание по контракту (из средств установленной в 1439 г. королевской тальи) и натуральное довольствие из местных средств городов или сельских приходов, где они были расквартированы. Жалование этих военнослужащих не было одинаковым: так, жандарм получал в два раза больше, чем лучник, кутильер меньше лучника, а паж меньше кутильера.

В 1448 г. правительство приступило к организации пехотного войска, формируемого на основе всеобщей воинской повинности. Каждые 50 дворов должны были выставить и вооружить одного пехотинца, который должен был по воскресеньям упражняться в стрельбе из лука или арбалета и несколько раз в год являться на военный смотр. В мирное время он и его семья освобождались от уплаты подушного налога, а в военное время каждый «вольный стрелок» получал ежемесячное денежное содержание. Общая численность пехотных контингентов устанавливалась в 16 тыс. человек. Они сводились в роты по 500 чел. в каждой; во главе каждой роты стоял капитан, приносивший королю клятву верности.

Организация сухопутной армии из названных «вольных стрелков» себя не оправдала: находясь в своих хозяйствах, они были слабо связаны друг с другом, что не способствовало их качественной военной подготовке. Конные же ордонансовые роты, внутренняя организация которых претерпевала в дальнейшем существенные изменения, просуществовали во Франции в течение длительного времени.

Еще в правление Филиппа IV в составе вооруженных сил был создан военный флот в количестве 50 боевых кораблей. Флот состоял под командованием *адмирала*, который обладал судебными полномочиями не только над своих непосредственными подчиненными, но и в отношении населения близлежащего морского побережья, где этот флот базировался.

Верховное военное командование вооруженными силами государства окончательно сосредоточилось в руках короля: принцип личной военной службы со стороны всего дворянства непосредственно королю окончательно утвердился в период Столетней войны. Отдельным феодалам было запрещено набирать собственные наемные отряды, сооружать военные укрепления, отправляться на войну за пределы Франции. Высшей военной должностью была должность *коннетабля*, которому подчинялись *маршалы* отдельных воинских формирований. Офицерские должности в армии замещались преимущественно лицами дворянского происхождения. Назначение офицеров, их перемещение по службе и увольнение в отставку являлись исключительной компетенцией правительства.

Судебная система еще не превратилась в самостоятельную отрасль управления, хотя уже наметилась определенная тенденция отделения судебных органов от административных. С наибольшей наглядностью эта тенденция проявлялась на уровне высших судебных учреждений (например, Парижского парламента), но не действовала в судах местного значения. Судебная власть в государстве проистекала от короля. Королевская юрисдикция вытесняла сеньориальную и значительно ограничивала церковную. В течение XIII—XIV вв. из ведения вотчинных судов была изъята вся уголовная юрисдикция, а компетенция по гражданским искам была ограничена главным образом делами, связанными с держанием земли. Обоснование расширения королевской юрисдикции нашло в сформулированных легистами принципов «превентивного права» и «королевских

случаев». Согласно первому из этих принципов королевский суд обладал правом затребовать к своему рассмотрению любое дело из сеньориального суда еще до того, как оно будет рассмотрено сеньором, — этим создавалась возможность значительного сокращения сферы сеньориальной судебной юрисдикции. Согласно второму принципу все дела, затрагивающие интересы короны, а также относящиеся к вопросам охраны общественного спокойствия и мира, составляли исключительную компетенцию королевских судов, так что от их рассмотрения сеньориальные суды отстранялись полностью.

Церковный суд в значительной степени утратил черты сеньориальной юстиции и превратился в специальный суд по делам особой предметной и персональной подсудности. Сложилось несколько инстанций церковных судов. Низшую инстанцию олицетворяли специальные уполномоченные епископа (*официалы*); второй инстанцией был суд архиепископа, третьей — суд кардинала. Высшей судебной инстанцией по делам канонического характера был суд римской курии. Подсудность церковных судов постоянно сокращалась в пользу королевской юрисдикции. Уже Филипп II Август лишил епископов и аббатов права суда по делам о клятвопреступлении светского характера, изъял из ведения церковных судов дела о ленах, лишил церковь права опекать вдов и стариков. В дальнейшем шло значительное ограничение церковной юрисдикции в основной области ее компетенции — области брачно-семейных отношений. В ведении церковных судов в основном оставались дела о религиозных преступлениях, но королевская власть присвоила себе право вмешательства и в эту сферу, неоднократно организуя масштабные процессы над еретиками. Было значительно урезано право церковного убежища. Королевская власть строго следила за деятельностью церковных судов, применяя и в их отношении принцип «превентивного права», равно как и право на разбор апелляций.

В окончательном виде сложившаяся система королевских судов приобрела следующую структуру. Низший уровень был представлен *судом прево*, рассматривавшим мелкие уголовные и гражданские дела, в которых сторонами являлись представители непривилегированных сословий. Аналогией суда прево в городах являлись суды городов, на неприсоединенных терри-

ториях — превотальные суды владетелей данных территорий. Среднюю ступень представлял *суд бальи*, который рассматривал более серьезные дела уголовного и гражданского характера, затрагивавшие интересы дворянского сословия. С XV в. бальяжные суды работали под председательством *лейтенанта*. Аналогией суда бальи, функционировавшего на основной территории страны, был *суд сенешалов* в регионах Юга.

В качестве высшего специализированного судебного учреждения королевства окончательно утвердился *Парижский парламент*. Он мог выступать судом первой инстанции при рассмотрении дел *пэров королевства* — наиболее знатных вассалов короны (к концу XV в. число пэров достигало 26), а также особо важных уголовных и гражданских дел (в частности, по «королевским случаям»), изъятых из нижестоящих судов в порядке превенции. Кроме того, Парижский парламент был апелляционной инстанцией по отношению ко всем другим королевским судам: действуя в этом качестве, он мог пересматривать решения и приговоры всех нижестоящих судов по существу, с новой проверкой всех ранее рассмотренных или вновь представленных доказательств.

Судьи Парламента первоначально назначались королем преимущественно из лиц, принадлежавших к светской и церковной знати. Включаемые в его состав легисты на первых порах играли роль советников и юрисконсультов, но позднее также могли быть назначены на должности судей. В связи с этим феодальная знать оказалась оттесненной с руководящих позиций в Парламенте, вследствие чего он все более утрачивал генетические связи с королевской курией и превращался в одно из бюрократических учреждений централизованного государства с фиксированным числом членов (около 100 чел.). В 1319 г. прелатам церкви было запрещено участвовать в работе Парламента. К концу XIV в. принцип выборности был распространен на всех советников Парламента. В начале XV в. на смену принципа выборности пришел порядок кооптации: члены Парламента сами определяли нескольких кандидатов на должность, а затем один из них окончательно утверждался королем. Таким же порядком стал избираться и президент Парламента (эта должность известна с 1366 г.). Получила распространение практика продажи парламентских должностей. С 1467 г. должности членов Парламента стали пожизненными. Усложнилась орга-

низационная структура Парламента: помимо основной палаты — Большой (или Судебной), существовало несколько следственных палат и палат прошений. Конкретное ведение процессов в Парламенте осуществлялось особыми королевскими чиновниками — *прокураторами* и *адвокатами*. В XV в. Парламент получил право участвовать в назначении этих должностных лиц, предлагая королю соответствующие кандидатуры. Участие короля в заседаниях Парламента не являлось обязательным; впрочем, если он проявлял такую инициативу, ему не могло быть отказано.

Не ограничиваясь чисто судебскими функциями, Парижский парламент в первой половине XIV в., воспользовавшись временным ослаблением королевской власти, приобрел право регистрации королевских ордонансов и других актов, а с 1350 г. такая регистрация была вменена ему в обязанность. Отныне все нижестоящие судебные учреждения при вынесении своих решений могли руководствоваться только зарегистрированными королевскими актами. Такая процедура, внешне имевшая чисто технический характер, на самом деле открывала перед Парламентом перспективу активного вмешательства в текущий законодательный процесс путем торможения введения в силу новых актов центральной власти. Признав, что новый акт содержит юридические неточности или в силу несоответствия общему духу законодательства страны имеет «антизаконный» характер, Парламент мог заявить адресованное правительству мотивированное возражение (*ремонстрацию*) и отказать такому акту в регистрации. Ремонстрация могла быть преодолена только личным участием короля в заседании Парламента.

Впрочем, в большинстве случаев Парижский парламент занимал по отношению к правительству лояльную позицию. Общий положительный баланс его взаимоотношений с монархией был учтен при создании *местных парламентов*, которые либо учреждались заново во вновь присоединенных провинциях, либо преобразовывались из учреждений, традиционно существовавших в старых. Всего сложилось до 20 местных парламентов, которые рассматривали наиболее серьезные (на уровне провинций) уголовные и гражданские дела, а также осуществляли постоянный судебный контроль над прево, бальи и

сенешалами. Правом ремонстрации провинциальные парламенты наделены не были.

Судопроизводство в королевских делах всех инстанций носило главным образом инквизиционный характер, предполагавший отказ от публичности и гласности. Материалы допросов оформлялись письменно. Проявилась тенденция выделения предварительного следствия в особую стадию судебного процесса. В XIV в. возник новый специальный орган уголовного преследования и обвинения — *прокуратура*. Она вела свое происхождение из группы особо доверенных лиц короля (*прокураторов*), имевших своей задачей следить за соблюдением интересов короля в деятельности судов любого уровня — общегосударственных или местных. Впоследствии эти наблюдательные функции были дополнены обязанностью прокураторов поддерживать обвинение при рассмотрении любых дел, которые прямо или косвенно затрагивали интересы короны, отождествляемые с общегосударственными интересами.

Заключительным этапом сословно-представительной монархии во Франции являлось царствование Людовика XI (1461—1483 гг.). Он энергично продолжил политику своих предшественников, направленную на ликвидацию политических основ феодализма, на окончательное преодоление территориального и сословного сепаратизма. В начале правления Людовика XI основным противником монархии продолжала оставаться Бургундия, сплотившая вокруг себя ряд прилегающих феодальных владений и возглавившая государственное объединение («Великую Лотарингию»), которое не уступало по величине территории Французскому королевству. Поражение от французских войск и гибель бургундского герцога Карла Смелого в сражении при Нанси (1477 г.) привели к распаду возглавляемого им политического союза. Вхождение герцогства Бургундского в состав Франции в основном завершило процесс национального объединения страны. В состав королевства в 1481 г. был включен Прованс с крупным средиземноморским портом Марселем. Преемником Людовика XI Карлом VIII в 1491 г. было присоединено и герцогство Бретань; это событие принято считать датой окончательного политического объединения территории Франции.

В XVI в. Франция вступила крупнейшим по территории и количеству населения централизованным государством Европы. Территориальная разобщенность отдельных частей королевства была полностью ликвидирована, а законодательство, юрисдикция и податная система короля безоговорочно распространялись на всю страну. Вместе с экономическим и политическим объединением страны шло формирование общего языка, складывание единой национальной культуры. В государственно-правовой организации страны все отчетливее проявились предпосылки для перерастания сословно-представительной монархии в монархию абсолютную.

2. СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ В АНГЛИИ

Особенности сословной структуры. К началу XIII в. *бароны*, составлявшие высшую прослойку господствующего класса Англии, были связаны в пользу своего верховного суверена — короля — значительными финансовыми и личными обязательствами, невыполнение которых могло повлечь конфискацию баронских земельных владений в пользу государственной казны. Феодалная знать Англии не смогла превратиться в замкнутое наследственное сословие князей, обладавших самостоятельными территориальными владениями. Иммунитетные права баронов, и без того достаточно ограниченные, к тому же могли быть оспорены в судебном порядке (на основании Глостерского статута 1278 г.). В целом, высший дворянский титул в Англии давал его обладателю гораздо меньше привилегий, чем те, которыми обладало дворянство в странах континентальной Европы. Однако политический вес крупных земельных магнатов, несмотря на их малочисленность, был весьма значительным. Борясь за его дальнейшее увеличение, бароны объективно сталкивались с королевской властью, которая располагала максимально высокой для системы вассально-ленных отношений степенью централизации. Именно в конфронтации монархии с баронами заключался основной социально-политический конфликт рассматриваемого периода, — конфликт, определивший общее направление эволюции английской государственности от сеньориальной к сословно-представительной монархии. Бли-

жайшими союзниками баронов в борьбе с королем выступали высшие прелаты церкви — архиепископы, епископы, аббаты крупных монастырей.

Опорой королевской власти в ее конфликте с высшей светской и духовной знатью объективно выступали прослойки *средних и мелких феодалов*, составлявшие до 75 % от общей массы господствующего класса. Обладая сравнительно небольшими земельными наделами, они стремились извлечь из них максимум доходов путем совершенствования форм хозяйствования, применения самых прибыльных его форм. Поместья мелких и средних феодалов имели тесную связь с рынком, в них преобладала денежная рента, кое-где применялся наемный труд. И в экономическом, и в политическом смысле эта часть господствующего класса являлась носителем прогрессивных тенденций. Из ее рядов формировались кадры государственных служащих, являвшихся ревностными сторонниками государственной централизации. Вместе с тем, среднее и мелкое дворянство стремилось добиться сокращения налогов и поборов в казну, ограничения произвола местной королевской администрации.

Условия экономической жизни сближали интересы среднего и особенно мелкого дворянства с интересами верхушки *крестьянства и горожан*. Разбогатевшие крестьяне-фригольдеры имели возможность приобрести рыцарское земельное владение и по достижении 20 (впоследствии 40) фунтов стерлингов годового дохода влиться в низшие слои феодалов. Напротив, система майората выталкивала младших дворянских сыновей из категории землевладельцев, заставляла их вливаться в ряды других социальных условий — духовенства и горожан. В целом, английское дворянство было гораздо более подвижным и менее замкнутым, чем дворянство Франции или Германии. Учитывая это обстоятельство, государственное законодательство не проводило принципиальных различий между дворянскими и недворянскими элементами в среде мелких земельных собственников.

Что касается основной массы крестьянского населения (*вилланов*), то оно, продолжая выполнять сеньориальные повинности в пользу своих вотчинников, одновременно привлекалось и к выполнению государственных повинностей — нало-

говой и военной, а также частично вовлекалось в королевскую юрисдикцию.

Городское население, как и на континенте, объективно являлось носителем централизационных тенденций. Наиболее значительные города пользовались самоуправлением; их число к началу XIII в. составляло около 80, а на протяжении столетия возросло еще на 113. Однако раннее развитие в Англии сильной центральной власти обусловило большую зависимость городов от короля, чем это имело место во Франции и Германии. Правительство контролировало избрание городских должностных лиц, располагало правом отнять у городов их привилегии. Недовольство горожан вызывал постоянный рост налогов, размер которых определялся совершенно произвольно. В самих городах углублялось имущественное расслоение, препятствовавшее выработке единой политической линии городского сословия. В целом, в последующих общественно-политических событиях, развернувшихся в XIII в., городское население Англии сыграло существенно меньшую роль, чем та, которая выпала на долю соответствующей социальной категории во Франции.

Таким образом, в начале XIII в. в Англии сложились предпосылки для перехода к новой государственной форме — сословно-представительной монархии. Однако в отличие от Франции, где инициативу реализации этой новой формы взяла на себя королевская власть, английские короли не проявляли готовность привлекать сословия к решению важнейших общественно-политических вопросов. Это объяснялось тем обстоятельством, что проблема политического объединения страны, столь жизненно необходимая для Франции, в Англии вообще не стояла в повестке дня (как известно, в период сеньориальной монархии Англия практически избежала состояния феодальной раздробленности). Усиление государственной централизации также не составляло актуальную политическую проблему, поскольку уровень этой централизации был достаточно высоким и в период господства ленной системы. Поэтому доступ английских сословий к активному участию в политической жизни был достигнут не вследствие добровольного волеизъявления королевской власти, а путем энергичных усилий со стороны самих этих сословий, в ходе острых социально-политических конфликтов, принимавших даже форму гражданской

войны. Инициативу борьбы с королевской властью взяли на себя верхи господствующего класса — бароны и высший церковный клир. В отличие от баронских выступлений XI — XII вв., имевших характер обычных феодальных мятежей, общественно-политические движения XIII в. осуществлялись силами широкого общенационального фронта, объединившего в своих рядах не только крупных земельных магнатов, но и прослойки среднего и мелкого дворянства, а также верхушечные категории крестьянского и городского населения. В общем итоге сложившаяся в Англии сословно-представительная система знаменовала собой политическую победу сословий над королевской властью.

Великая хартия вольностей 1215 г. Принятие этого важнейшего документа, являвшегося первым в конституционно-правовой истории Англии, явилось следствием острого общественно-политического конфликта между королем и возглавленным высшей светской и духовной знатью широким антикоролевским фронтом, сложившимся в годы правления Иоанна Безземельного (1199—1216 гг.). Поводом для выступления против этого крайне непопулярного правителя послужили его финансовые вымогательства, вызвавшие массовое недовольство всех феодалов, духовенства и влиятельных городских кругов (подсчитано, что за годы своего правления Иоанн 20 раз прибегал к различным денежным поборам со своих подданных). Провалом закончилась авантюристическая политика Иоанна во Франции, где он был вынужден в 1202—1204 гг. уступить Филиппу II Августу ряд принадлежавших английской короне территорий (Нормандию, Мэн, Анжу, Турень), а спустя десятилетие (1214 г.) вместе со своими германскими союзниками потерпел жестокое военное поражение при Бувине (во Фландрии). Конфликт Иоанна с могущественным папой Иннокентием III по вопросу о кандидатуре на пост архиепископа Кентерберийского завершился в 1213 г. унижительным признанием вассальной зависимости английской короны от папского престола и обязанностью выплачивать ежегодно 1000 фунтов стерлингов в пользу римской курии. В этой экстремальной ситуации бароны всего королевства, заручившись поддержкой высшего духовенства, отреклись от вассальной верности своему монарху, вооружились и двинулись против Иоанна. Солидар-

ность с баронами выразили рыцари и городской патрициат Лондона. 15 июня 1215 г. Иоанну были предъявлены статьи Великой хартии вольностей, к которой он был вынужден приложить свою печать. Достигнув победы над королевской властью, оппозиционные силы закрепили эту победу особым договором, который связал короля с остальным обществом некоторыми отныне и навсегда неуничтожимыми обязательствами.

Великая хартия вольностей (лат. Magna Charta Libertatum, англ. The Great Charter) включала 63 статьи, весьма различных по содержанию и не сведенных в какую-то логическую систему. Образцом для ее составителей явились предшествующие хартии вольностей, издаваемые со времен Генриха I, но по своему содержанию она была гораздо шире своих более ранних аналогов. Общий смысл анализируемого документа состоял не столько в провозглашении свобод, сколько в закреплении привилегий, предоставляемых участникам антикоролевской оппозиции, — баронской олигархии, светским и церковным феодалам, верхушке городского патрициата, — которые совместными усилиями ограничили королевский произвол и тем самым способствовали укреплению английской национальной государственности.

Ст. 1 Хартии подтверждала существовавшие ранее привилегии и свободы церкви и всего духовенства, гарантировала их права и вольности, в частности, свободу церковных выборов.

Центральное место в документе занимают статьи, ограждавшие привилегии баронов как непосредственных держателей короны и в соответствии с этим ограничивавшие произвол короля в реализации им своих сеньориальных прав. Баронские лены объявлялись свободно наследуемыми владениями. В случае смерти барона его совершеннолетний наследник принимал на себя все ленные права и обязанности, выплатив в пользу короля обычный рельеф, который не должен был превышать 100 фунтов; размер рельефа за рыцарский лен не должен был превышать 100 шиллингов (ст. 2). Несколько следующих статей Хартии (с 3 по 8) решали вопросы, связанные с опекой над несовершеннолетними королевскими вассалами, а также с имущественными правами наследниц и вдов королевских держателей. Ст. 12 устанавливала границы королевского произвола в реализации обязанности баронов оказывать королю экстра-

ординарную финансовую помощь. Последняя могла быть затребована королем лишь в трех случаях: при выкупе короля из плена, при возведении в рыцари его старшего сына и при выдаче замуж первым браком его старшей дочери. Подчеркнув, что указанная денежная помощь должна быть умеренной, Хартия присоединила к потенциальным плательщикам этих денег и жителей города Лондона. Решение вопроса о выплате всех остальных денежных сборов, кроме трех вышеперечисленных, а также об обложении т. н. «щитовыми деньгами» должен был решать особый «Совет королевства». Из перечня его участников, содержащегося в ст. 14, следовало, что данный совет фактически представлял собой прототип будущей палаты лордов. И хотя в указанном составе «Совет королевства» никогда не собирался, принципы его формирования, заложенные в Хартии, оказались вновь востребованными через несколько десятилетий при формировании английского парламента.

Через призму баронских интересов были преломлены и требования Хартии об ограничении королевского произвола в осуществлении судебной и полицейско-административной власти. Ст. 17 провозгласила, что процесс отправления правосудия должен быть отделен от самой личности короля: общие тяжбы должны разбираться и решаться в одном определенном раз и навсегда месте (конкретно — в Вестминстере), а не следовать за королем. В ст. 18 и 19 постановлялось, что расследование споров о земле, производимое с участием разъездных судей, будет впредь осуществляться только в тех графствах, где лежат эти земли. Налагаемые королем штрафы должны были соответствовать тяжести проступка и не должны быть настолько чрезмерными, чтобы привести наказуемого к разорению (ст. 20). При этом графы и бароны могли быть оштрафованы только с согласия пэров, т. е. лиц, равных им в сословном отношении (ст. 21), — основной смысл статьи состоял в ослаблении судебных прерогатив короны, поскольку высшая феодальная знать изымалась из-под юрисдикции королевских судов, где действовал институт присяжных заседателей. В ст. 23 проводился принцип отделения судебной власти от административной; согласно ст. 45 на должности судей, а также шерифов, констеблей и бейлифов впредь должны были назначаться только лица, «сведущие в праве и имеющие желание его применять». В ст. 34 про-

возглашалось восстановление некоторых сеньориальных прав баронов, ущемленных в результате расширения королевской юрисдикции: в частности, воспрещалась практика приказов, выданных монархом, о перенесении исков о собственности из курии барона в королевскую курию; тем самым ограничивалось вмешательство короля в споры крупных магнатов с их вассалами по поводу земельной собственности. В ст. 38 королевским чиновникам воспрещалось привлекать кого-либо к судебной ответственности по одному лишь устному заявлению без свидетелей, заслуживающих доверия. Ст. 40 запрещала взыскивать с участников судебных процессов произвольные и непропорциональные судебные пошлины.

Но особую важность приобрела ст. 39, на основании которой «ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен ... иначе как по законному приговору его пэров и по закону страны». Оградив в первую очередь интересы все тех же баронов (поскольку понятие «свободный человек» в эпоху составления Хартии распространялось в первую очередь только на прямых королевских вассалов), эта ставшая знаменитой статья впоследствии приобрела более общее звучание. В XIV и последующих столетиях она неоднократно редактировалась парламентом, приобретая характер общей нормы, гарантирующей всех свободных людей от административного произвола. В XVII в. идеи этой статьи послужили теоретической основой документа, известного под наименованием Habeas Corpus Act.

Интересы союзников баронов по антикоролевской коалиции — рыцарей и горожан — были отражены в Хартии в гораздо меньшей степени. Так, непосредственно положения рыцарей касались лишь немногие статьи: один из пунктов указанной выше ст. 2, устанавливавший максимальный размер рыцарского рельефа; ст. 16, предписывавшая требовать с держателя рыцарского лена только тех служб, которые с них следуют, но не более обычного предела; ст. 60, декларировавшая, что все взаимоотношения, установленные между королем и его прямыми вассалами, распространялись и на взаимоотношения баронов с их вассалами. Важными для горожан являлись ст. 12 (в одном из пунктов которой столице страны придавался ста-

тус непосредственного вассала короля) и ст.13 (подтверждавшая древние вольности и свободы Лондона и других городов и портов). В ст. 35 устанавливалось единообразие мер и весов на всей территории страны — необходимое условие для нормального функционирования ремесленного производства и торговли. В ст. 41 всем иностранным купцам предоставлялось право свободного въезда в Англию, свободного проживания в ней и свободного передвижения по ее территории. Купцы не должны были подвергаться никаким несправедливым поборам, но уплачивали лишь установленные обычаями старинные пошлины; некоторые ограничения, не наносящие, однако, ущерба здоровью и имуществу этих торговых людей, предусматривались лишь на период войны. Данная мера, хотя и способствовала развитию внешней торговли, была отрицательно воспринята горожанами, поскольку ущемляла их торговые монополии.

Что касается основной массы населения страны — вилланов, то Хартия их интересы вообще не затронула, еще раз подчerkнув их полное бесправие.

Не будучи уверенными в том, что королевская власть будет строго соблюдать достигнутое соглашение, авторы Хартии оставили за собой право защищать свой суверенитет с помощью вооруженной силы. Так, согласно ст. 61 бароны могли создать специальную комиссию в составе 25 своих представителей для того, чтобы «всеми силами» охранять мир и вольности, пожалованные королем и сформулированные в Хартии. Когда хотя бы одно из положений документа оказывалось нарушенным по вине короля, его юстициария или любого другого чиновника, комиссия выбирала из своего состава четырех человек, которые делали королю соответствующее представление и обращались с просьбой немедленно исправить допущенные злоупотребления. Если в течение 40 дней после этого заявления король или его юстициарий не исполняют требуемого, все 25 баронов «вместе с общиной всей земли» должны будут принудить короля восстановить нарушенные права, используя для этого все возможные средства (такие как захват королевских замков, земель и других владений). Неприкосновенными при этом должны оставаться личность короля, его супруги и его детей. Все подданные короля обязаны были поддержать баронов в их действиях. Король не только не мог воспрепятствовать

этому, но, наоборот, собственным приказом обязан был заставить всех подчиняться распоряжениям баронов. Решения в «Комитете 25» должны были приниматься большинством голосов присутствующих членов. Со своей стороны, все члены комитета должны были принести присягу, что будут добросовестно исполнять возложенные на них обязанности.

Содержание Великой хартии вольностей свидетельствует, что этот документ отразил соотношение общественно-политических сил, сложившихся в Англии в начале XIII в., когда феодальная аристократия одержала временную победу над королем. Подписание Хартии было для Иоанна Безземельного единственным выходом из того тяжелого и унижительного положения, в которое он был поставлен энергичными действиями вооруженной коалиции. Однако в конце 1215 г. римский папа Иннокентий III, возмущенный действиями баронов, объявил Хартию не имеющей силы, освободил Иоанна от выполнения ее условий и отлучил от церкви всех участников антикоролевского выступления. И хотя в последующем королевская власть была вынуждена неоднократно подтверждать положения Хартии (подсчитано, что за период 1215—1422 гг. последовало 37 ее подтверждений), ей удалось со временем добиться изъятия из документа более 20 статей, в первую очередь, т. н. «конституционных» (в частности, ст. 12, 14 и 61), которые особенно умаляли престиж короны.

Принципы реорганизации политической системы, провозглашенные в Хартии, нашли свое реальное воплощение в создании т. н. Большого совета королевства, состоявшего из представителей светской и духовной знати и наделенного совещательными функциями. И хотя в документах той эпохи он все чаще стал именоваться «Парламентом», он, строго говоря, пока еще не являлся ни сословным, ни представительным органом. Англии предстояло пережить еще один острейший общественно-политический кризис, прежде чем произошло конституирование парламента в подлинное сословно-представительное учреждение.

Становление английского парламента. К концу 50-х гг. XIII в. политика Генриха III (1216—1272 гг.) вызвала складывание в стране еще более широкого антикоролевского фронта, чем это имело место в момент принятия Великой хартии вольностей.

Общие требования сводились к ликвидации засилия иностранцев при королевском дворе, к ограничению налогового гнета, к прекращению авантюристических внешнеполитических акций. В качестве политического центра оппозиции выступал Большой совет. Представлявший преимущественно интересы баронов, Совет пользовался поддержкой самых широких общественных кругов.

Поводом для открытого выступления баронов послужил созыв Большого совета в апреле 1258 г., на котором король выступил с требованием сбора громадной финансовой суммы, предназначенной для выплаты папской курии; эта сумма была эквивалентна одной трети доходов от всей движимой и недвижимой собственности в целом по стране. Заявив самый решительный отказ, бароны мобилизовали свои вооруженные силы (достигшие, по сведениям современников, 60 тыс. чел.) и предъявили королю требования, оформленные в виде петиции из 29 пунктов (т. н. Оксфордские провизии). Одновременно был избран комитет баронов, состоявший из 24 чел., который немедленно приступил к реорганизации государственного управления.

Многие иностранцы были вынуждены покинуть страну, а их земельные и недвижимые имущества были конфискованы. При короле создавался особый совет из 15 членов, который фактически брал в свои руки высшую исполнительную власть. Для решения важнейших государственных вопросов три раза в год (6 октября, 3 февраля и 3 июня) должен был созываться Большой совет (парламент), составленный из 27 человек — указанных выше 15 членов из состава постоянного королевского совета и 12 специально избранных представителей баронов. Решения Большого совета являлись обязательными для «всей общины страны». Высшие сановники королевства (канцлер, юстициарий, казначей и др.), а также шерифы графств должны были назначаться на один год, и по истечении этого срока должны были отчитаться за свою деятельность перед королем и «Советом 15».

Как видно из содержания Оксфордских провизий, они имели своей целью установления баронской олигархии, предусмотренной Великой хартией вольностей, но остававшейся не реализованной. Под давлением широких общественных кру-

гов в 1259 г. в дополнение к Оксфордским провизиям были изданы Вестминстерские провизии, отразившие интересы союзников баронов по антикоролевской коалиции, в частности, мелких феодалов. Их представители проникали в центральные правительственные структуры, поскольку в состав королевского совета вводилось несколько рыцарей. Но особенно значительным было укрепление позиций мелких феодалов в системе местного управления. В каждом графстве создавалась комиссия из четырех рыцарей, являвшихся местными уроженцами. Эта комиссия следила за деятельностью шерифа и всей королевской и вотчинной администрации, обладая правом направлять в высший суд страны представления на допущенные злоупотребления. Должность шерифа, до этого назначаемого королем, становилась выборной и отчетной, а исполнение службы ограничивалось одним годом; шерифы должны были получать соответствующее денежное содержание.

Однако и на этот раз победа оппозиции над королем не была достигнута, поскольку в самом лагере оппозиционных сил произошел раскол. Играя на этих противоречиях, а также опираясь на поддержку извне (в частности, со стороны французского короля Людовика IX), Генрих III отказался от выполнения достигнутых соглашений. В этих условиях наиболее решительные его противники, возглавляемые графом Симоном де Монфором (который приходился королю сводным братом), встали на путь вооруженной борьбы с королевской властью. 14 мая 1264 г. в битве при Льюисе королевская армия была разбита, а сам король вместе с наследным принцем Эдуардом был взят в плен. Став фактически военным диктатором Англии, Симон де Монфор от имени короля созвал в январе 1265 г. собрание сословий, которому было предназначено стать первым сословно-представительным учреждением Англии — парламентом в собственном смысле этого государственно-правового понятия.

В парламенте 1265 г. все сословные элементы английского общества были представлены с максимальной полнотой, не имевшей аналогий с собраниями предшествующих десятилетий. Заседания парламента продолжались в течение двух месяцев. Затем в рядах оппозиции произошел новый раскол. Симон де Монфор и его сторонники потерпели поражение в битве

при Ившеме (4 августа 1265 г.). Ордонансом Генриха III от 1266 г., одобренным и баронами, в стране был формально восстановлен порядок, существовавший до выступления баронов в 1258 г. Однако король не мог не считаться с теми изменениями в расстановке политических сил, которые произошли в ходе гражданской войны. Поэтому продолжалась практика созыва парламентов как в последующие годы правления Генриха III, так и после вступления на престол Эдуарда I (1272—1307 гг.). Именно при нем в 1295 г. был созван т. н. «образцовый (модельный) парламент», названный так по полноте своего представительства. Из числа духовенства на него были приглашены оба архиепископа (Кентерберийский и Йоркский), высший церковный клир, 67 аббатов, главы рыцарско-монашеских орденов, представители от церковно-административных округов. Высшее дворянство было представлено 41 бароном и 7 графами. Кроме того, было избрано по 2 рыцаря от каждого графства и по 2 горожанина от каждого (имевшего на это право) города. Общая численность «образцового парламента» составляла около 360 чел.

Порядок комплектования парламента и его внутренняя структура складывались постепенно, в течение длительного времени. В 1312 г. было установлено, что созывы парламента должны производиться ежегодно, — эта норма, впрочем, никогда строго не выполнялась, несмотря на ее подтверждение в 1330 г. Сессии парламента были рассчитаны на несколько недель. Первоначально парламент заседал в виде единой коллегии, без разделения ее на отдельные палаты. Однако различия, существовавшие в способах комплектования представительства различных сословий, были настолько существенными, что деление парламента на две палаты оказалось неизбежным, — это и произошло к середине XIV в.

Верхнюю палату — *палату лордов* (the House of Lords) — составляли светские и церковные магнаты, которые получали индивидуальные приглашения от имени короля. Из общего количества высшей знати (таковых насчитывалось около 200 человек) приглашалась примерно одна треть. Группа церковных прелатов (архиепископы, епископы, аббаты) в составе палаты лордов составляла более 50 чел. К XV в. главным принципом комплектования верхней палаты стал наследственный

принцип. Палата лордов проводила свои заседания под председательством лорда-канцлера.

В состав нижней палаты — *палаты общин* (the House of Commons), которая организационно оформилась в 1339 г., — входили выборные представители от графств и городов. Жители графства, представленные в основном рыцарями и свободными землевладельцами недворянского происхождения (для последних в 1430 г. был установлен имущественный ценз в 40 шиллингов годового дохода), собирались на избирательные собрания, в которых, как правило, участвовали и шерифы. Число участников собрания было обычно невелико (иногда менее 10 чел.). От каждого графства в парламент избиралось по 2 человека; эти избранные лица должны были обязательно принадлежать к сословию рыцарей и ни в коем случае не могли быть крестьянами. Поскольку в конце XIII в. территория страны разделялась на 37 графств, число рыцарей в нижней палате составляло 74. За каждый день их пребывания в парламенте они получали из средств графства по 4 шиллинга.

Принципы *представительства от городов* оставались неопределенными в течение особенно длительного времени. При этом далеко не все города страны направляли в парламент своих депутатов: обычно этим правом пользовались только главные города графств и другие наиболее значительные центры, в большинстве своем из числа тех, которые были расположены на территории изначального королевского домена. В разное время в парламенте были представлены 180 городов королевства (из общего числа имевшихся в конце XIII в. 280 городских поселений), но регулярно посылали своих депутатов около 100 городов, так что общая численность представителей сословия горожан в парламенте не превышала 200 чел. За свое депутатство они получали по 2 шиллинга в день из городских средств. Их избрание производилось либо на заседаниях должностных лиц муниципалитетов (*олдерменов*), либо на собраниях с участием верхушки городского населения. Чаще всего избранными оказывались мэры городов, члены муниципалитетов и другие наиболее влиятельные представители городской олигархии. Широкие слои горожан от этих избирательных кампаний были отстранены.

Рыцарское и городское сословия, представленные совместно в рамках единой палаты общин, с течением времени ста-

ли оказывать все возрастающее влияние на государственные дела. В организационном смысле палата общин не зависела от палаты лордов — она заседала отдельно под руководством избираемого самой палатой председателя (*спикера*), через которого и доводила до короля свои решения; возникновение должности спикера относится к 1376—1377 гг. Руководящая роль в складывающемся блоке социальных сил, представленных в нижней палате, безоговорочно принадлежала рыцарству; роль городского элемента в составе английского высшего сословно-представительного учреждения в период XIII—XIV вв. по сравнению с его французским аналогом была гораздо менее значительной.

Духовенство как отдельное сословие в парламенте представлено не было и потому особой палаты оно не составляло. Высшее духовенство, получавшее индивидуальные приглашения, заседало вместе с баронами в палате лордов; представители низшего церковного клира могли быть избраны в палату общин. В Англии сложилась традиция созыва особых собраний духовенства (*конвокаций*), на которых помимо решения канонических проблем могли рассматриваться и вопросы общеполитического (в т. ч. финансового) характера.

Среди главных функций парламента на первый план выступала *функция финансовая*. Основной побудительной причиной, вынуждавшей королей созывать парламента, являлась именно необходимость изыскания финансовых средств для пополнения государственной казны. В 1297 г. Эдуард I был принужден к изданию особого статута «О неразрешении налогов», согласно которому король обязывался не собирать со своих подданных никаких налогов, пособий и сборов без общего согласия духовенства и светских магнатов, рыцарей, горожан и других свободных людей королевства, представленных в парламенте. Однако на первых порах компетенция парламента в финансовой сфере была весьма ограниченной. К началу XIV в. с санкции парламента взималось не более одной четверти всех налоговых поступлений в казну; остальные 75 % денежных сборов (например, такие как «щитовые деньги», многие косвенные акцизы и пошлины) устанавливались королем самостоятельно. При этом основная тяжесть налогов приходилась на низшие слои общества (в первую очередь, на городское насе-

ление), тогда как знать имела возможность исключить из обложения наиболее ценные объекты своей собственности.

Однако в течение XIV в. активность парламента в осуществлении налоговой политики существенно возросла. Статут 1340 г. категорически запретил под каким бы то ни было предлогом взимание всех прямых налогов без разрешения парламента. Статутами 1362 и 1371 гг. это правило было распространено и на косвенные налоги. С 1379 г. парламент получил право указывать прямое предназначение устанавливаемых им субсидий, а вследствие этого — право контролировать расходование этих средств, требуя от правительства представления соответствующих отчетов. С 1406 г. парламент получил право формировать специальные комиссии для заслушивания этих отчетов. При этом следует подчеркнуть, что из двух палат парламента основными финансово-контрольными функциями была наделена именно нижняя палата — этот принцип окончательно утвердился с 1407 г. Что касается обложения налогами доходов духовенства, то церковные конвокации, обладавшие компетенцией в решении этих вопросов, в принципе действовали в соответствии с теми правилами, которые палата общин определяла в отношении мирян. И хотя об установлении полной финансовой ответственности правительства перед парламентом (в частности, перед палатой общин) говорить было еще преждевременно, тенденция постоянного расширения и укрепления финансовых prerogatives парламента проявлялась с полной очевидностью.

Давая свое согласие на установление новых налогов, парламент закрепил за собой право на обращение к королю с петициями, в которых формулировались предложения по совершенствованию управления страной. Из этой практики, в которой главная роль принадлежала также нижней палате, вначале оформилось право парламентской *законодательной инициативы*, а впоследствии — право на *участие в законодательной деятельности*. Ходатайства парламента о запрете нарушения старых законов или об издании новых оформлялись в виде законопроектов (*биллей*), а когда последние получали поддержку короля, они приобретали силу общеобязательных нормативных актов. В период наибольшего усиления парламента (к середине XV в.) было установлено правило, согласно которому все законы, издаваемые в государстве, должны быть приняты с

согласия короля и обеих палат парламента. В государственно-правовой теории возникло деление законодательных актов на *статуты*, т. е. королевские акты, изданные «с совета и согласия» обеих палат парламента и потому обладавшие высшей юридической силой, и *ордонансы*, которые король мог издавать с согласия одной лишь палаты лордов или членов королевского совета, вследствие чего данные указы должны были играть по отношению к статутам второстепенную, подчиненную роль — их предназначение состояло в том, чтобы регулировать отдельные детали законов, проведенных через парламент. С 1377 г. было установлено, что ни один статут и ни один ордонанс не могут быть изданы по петиции, исходящей от духовенства, без согласия палаты общин; окончательное закрепление участия палаты общин в законодательстве произошло в 1382 г. Однако на практике королевская власть стремилась ограничить законодательные prerogatives парламента: используя неурегулированность законодательной процедуры, короли часто придавали изданным ими самостоятельным нормативным актам высшую юридическую силу. Развернувшаяся на этой почве длительная политическая борьба завершилась лишь в 1539 г., уже в эпоху абсолютизма, когда ордонансы были приравнены к статутам с точки зрения их юридической силы.

Право парламентского контроля над должностными лицами в системе центральных органов управления оформилось с конца XIV в. в процедуру, которая носила техническое наименование *импичмента*. Согласно этой процедуре нижняя палата парламента приобрела право возбуждать перед палатой лордов обвинение в злоупотреблении властью против того или иного лица, занимавшего высокую государственную должность. Палата лордов, выступая в данном случае в качестве высшего суда страны, должна была путем голосования принять по этому ходатайству соответствующее решение. Первый случай применения импичмента имел место в 1376 г., когда нижняя палата выдвинула обвинение в финансовых злоупотреблениях королевского камергера лорда Латимера и его сообщников. В дальнейшем эта процедура применялась довольно часто как по инициативе парламента, так и по инициативе короны, — последняя прибегала к ней для расправы со своими политическими противниками из числа знати.

Парламент в целом, в составе обеих своих палат, также мог быть привлечен к решению некоторых судебных дел. Хотя высшая судебная власть в государстве принадлежала королю, он иногда перекладывал на парламент решение некоторых щекотливых судебных вопросов. Так поступил, например, Эдуард I, фактически вынудивший парламент вынести смертный приговор руководителям восстания в Уэльсе (1282—1284 гг.). Вскоре после этого (1301 г.) Уэльс был окончательно присоединен к Англии и передан в качестве лена сыну короля (с тех пор наименование «принц Уэльский» стало титулом наследника английского престола).

Примером деятельности парламента как судебного органа являлась и распространившаяся в XV в. практика принятия т. н. «актов (или биллей) об опале», когда специальным решением парламента отдельное лицо присуждалось за государственную измену к смерти или иному наказанию без специального разбирательства и без соблюдения каких-либо иных судебных формальностей, — по этому последнему признаку процедура принятия биллей об опале коренным образом отличалась от процедуры импичмента. Поскольку в данном случае в качестве приговора выступал законодательный акт, его сила была абсолютной; никакой инстанции для обжалования подобного акта не было предусмотрено. Лицо, подвергнутое опале, могло быть обвинено в деянии, которое в текущем уголовном законодательстве до сих пор не было причислено к разряду преступлений. Наказание, к которому приговаривался обвиняемый, также могло быть «изобретено» заново и расходиться с традиционными принципами и нормами «обычного права».

При решении судебных дел парламентом основная роль принадлежала не палате общин, а палате лордов. Кроме рассмотрения уже названных выше дел, связанных с импичментом, палата лордов обладала исключительным правом осуществлять суд над своими членами, а со временем также стала высшей судебной инстанцией, призванной исправлять юридические ошибки более низких судебных инстанций.

Имели место и случаи, когда парламент по инициативе правительства привлекался к обсуждению некоторых внешнеполитических вопросов, чаще всего касавшиеся военных конфликтов с Шотландией. Как правило, парламент подтверждал

сюзеренитет английской короны над Шотландией, поддерживал военные акции королей против этой страны, выступал против вмешательства в ее дела со стороны Франции и папской курии. Однако попытка Эдуарда I установить прямое английское правление в Шотландии вызвала в этой стране всеобщее восстание. В 1328 г. Англия была вынуждена официально признать независимость Шотландии.

Возникновение и последующее конституирование парламентского строя в Англии явилось закономерным следствием ее социально-экономического и государственно-правового развития, общей эволюции политической системы феодализма. Парламент (особенно его нижняя палата) явился выразителем общенациональных интересов, носителем прогрессивных тенденций, способствовавших дальнейшей государственной централизации страны. Сословная непримиримость, политический ригоризм, кардинальное различие идеологических установок отдельных прослоек общества, которые были свойственны в целом общественно-политическим системам и в частности сословно-представительным учреждениям Франции и Германии, для Англии не были характерны: здесь отношения сотрудничества между сословиями явно преобладали над отношениями их соперничества. Особенно это относилось к взаимоотношениям основной массы английского дворянства с буржуазными элементами городского населения. Процесс их слияния в единый общенациональный организм имел своими важнейшими последствиями упрочение политической консолидации названных сословий перед лицом королевской власти, ускоренную институционализацию органа их сословного представительства, превращение парламента в инструмент известного ограничения прерогатив короны, введение государственной административной системы в правовые рамки, максимально возможные в условиях феодальной эпохи.

Исходной теоретико-правовой основой английского парламентаризма может считаться принцип, сформулированный в акте Эдуарда I, регламентировавшим созыв «образцового парламента» 1295 г.: «то, что касается всех, должно быть и принято всеми» (формула, заимствованная из Кодекса Юстиниана). С самого начала парламент стал представительством тех социально-дееспособных сил английской нации, которые реально

несли общественные повинности и потому были правомочны принимать ответственные государственные решения, в первую очередь обязывающие их самих. Преимущества парламентской системы, органично сочетавшей в себе три важнейших принципа общественной и государственной организации — монархический, аристократический и в определенном смысле слова демократический, были со временем по достоинству оценены и самой королевской властью, вследствие чего отношения конфронтации между короной и парламентом, преобладавшие на первоначальных этапах, впоследствии сменились отношениями конвенциональности и тесного взаимодействия.

Органы центрального и местного управления. Возникновение парламента внесло известные коррективы в систему ранее существовавших органов власти и управления как в центре, так и на местах. *Большой совет*, составленный из светских и церковных магнатов и высших государственных сановников, стал созываться все менее регулярно и к середине XIV в. практически прекратил свое существование, будучи окончательно вытесненным парламентом. Наоборот, возросла активность *Королевского совета*, которому был придан статус постоянно действующего высшего исполнительного органа государства. В его состав были включены наиболее ответственные должностные лица: лорд-канцлер, королевский камергер, лорд-казначей, юстициарий (до ликвидации этой должности в 1322 г.) и др., а также представители придворной знати, судьи королевских судов, советники из числа специалистов по отдельным отраслям управления. Члены совета приносили королю специальную присягу, что будут давать добрые советы, защищать интересы короля, честно творить правосудие и не принимать от кого-либо подарков. В полномочия совета входила подача королю рекомендаций по вопросам законодательства, войны и мира, внешней политики; в отдельных случаях совет мог выступить как орган чрезвычайной юстиции. Сосуществование парламента и Королевского совета содержало в себе постоянную угрозу возникновения коллизий между ними. Как правило, преимущество в этих коллизиях было на стороне парламента, и компетенция Королевского совета имела тенденцию к снижению.

Укреплялось положение высших судебных органов королевства, продолжалась и углублялась их дальнейшая специали-

зация. Высшие суды «общего права» были представлены тремя учреждениями, из которых *Суд казначейства* (Палата шахматной доски — Court of the Exchequer) занимался рассмотрением дел, связанных с доходами государственной казны, *Суд королевской скамьи* (Court of King's Bench) специализировался на уголовных делах, а *Суд общих тяжб* (Court of Common Pleas) разбирал гражданские иски.

Возрастающее значение приобретал *Суд лорда-канцлера* (Court of Chancery), все более выделявшийся из общей системы высших судов. Появление этого суда было вызвано необходимостью рассмотрения таких дел, по которым отношения сторон не были урегулированы в законодательстве и которые вследствие этого не попадали под юрисдикцию судов общего права. Лорд-канцлер имел полномочия рассматривать такие дела, руководствуясь соображениями справедливости. С деятельностью этого суда связано возникновение особой разновидности правовых норм («права справедливости»), равно как и новых форм судебного процесса.

Обычно два раза в год судьи высших судов совершали объезды графств, чтобы на месте решать дела, превышающие юрисдикцию мировых судей, а также те гражданские тяжбы, которые были отнесены к компетенции королевских судов. При этом разъездные судьи уже не выполняли каких-либо иных королевских поручений (фискального, административного, полицейского и т. п. характера), которые выходили за рамки чисто судебных полномочий. Для встречи разъездных судей уже не созывались полные собрания графства из представителей сотен, деревень и городов; признавалось достаточным, чтобы графство было представлено коллегией обвинительных присяжных.

Представителями королевской администрации на местах продолжали оставаться *шерифы* в графствах и *бейлифы* (помощники шерифов) в сотнях. Появились также новые должности *коронеров*, в обязанности которых входило наблюдение за правильным отправлением правосудия по самым серьезным уголовным делам, подлежащим исключительно королевской юрисдикции, и *констеблей*, наделенных полицейскими полномочиями. Старинная судебная организация графств приходила в упадок. Функции прежних собраний графств с течением времени стали переходить в руки новых учреждений, которые первоначаль-

чально назывались «стражами мира», а впоследствии (с 1360 г.) получили наименование *мировых судей*. Укрепление института мировых судей и постоянное расширение их компетенции было связано со стремлением господствующих верхов более энергично подавлять выступления эксплуатируемых масс в условиях обострения классовой борьбы. Порядок назначения мировых судей лордом-канцлером от имени короля окончательно утвердился со времени царствования Ричарда II (1377—1399 гг.), тогда же было определено и их количество — по 8 на каждое графство. Статутом 1388 г. было установлено, что мировые судьи должны собираться на сессии 4 раза в год («четвертные сессии»). На этих сессиях с участием обвинительных присяжных рассматривались уголовные дела (кроме убийств, государственной измены и некоторых других особо тяжких преступлений, которые превышали компетенцию мировых судей и потому передавались королевским судьям во время их объездов графств). Процедура рассмотрения гражданских правонарушений мировыми судьями была упрощена и ускорена, — для этого участия присяжных не требовалось. Помимо чисто судебных функций, мировые судьи обладали широкими полицейскими (подавление бунтов, арест преступников и т. п.) и административными полномочиями (начиная от контроля над ценами на рынках и кончая определением размеров заработной платы и осуществлением мероприятий, направленных против нищеты). С 1494 г. они получили право контроля над деятельностью шерифа. В целом, юридическое положение мировых судей было аналогично тому, которым обладали по отношению к центральной власти королевские судьи, отправляемые в разъезды по графствам. В более широком смысле мировые судьи возглавляли низшую ступень государственной организации местного масштаба.

На должность мировых судей могли назначаться лишь состоятельные люди: так, согласно статуту 1439 г. имущественный ценз для занятия этой должности определялся в 20 фунтов стерлингов годового дохода. Право увольнения мировых судей ставило их в прочное подчинение органам центральной королевской администрации. Должность мирового судьи не оплачивалась; лишь в период пребывания на четвертных сессиях мировые судьи получали содержание в размере 4 шиллингов в день.

Расширение государственной юрисдикции имело своей обратной стороной постоянное сужение сферы вотчинно-сеньориальной судебной власти. При Эдуарде I было организовано два расследования с целью выяснения законности использования феодалами своих судебных прав. Оказалось, что к 1274 г. в стране существовало около 2 тыс. лордов, обладавших средней и низшей юрисдикцией. Согласно Глостерскому статуту 1278 г. единственным законным основанием для осуществления сеньориальной юрисдикции признавалась лишь специальная иммунитетная грамота, выданная королем. Многие феодалы, обвиненные в узурпации прав короны, были не только лишены судебных привилегий, но и подвергнуты серьезным наказаниям, вплоть до конфискации их земельных владений. В XIV в. иммунитетные привилегии феодалов были практически полностью ликвидированы, а юрисдикция мировых судей поглотила местную феодальную юрисдикцию. Королевская власть претендовала на ограничение юрисдикции и церковных судов, но в этом отношении ей удалось достичь гораздо меньших успехов.

Организация вооруженных сил. В связи с разложением ленной системы и распространением королевской юрисдикции на все возрастающую массу свободного населения создавались условия для комплектования вооруженных сил на принципах всеобщей воинской повинности. Согласно Винчестерскому статуту, изданному в годы правления Эдуарда I, военнообязанным считалось все мужское население в возрасте от 15 до 60 лет. В соответствии со своим имущественным состоянием все военнообязанные должны были запастись соответствующим вооружением и снаряжением. Основным родом войск становилась пехота, которая по численности в 5—8 раз превосходила конницу; национальным оружием английского войска признавался лук. Дважды в год ополчение созывалось на военные смотры, которыми командовали специальные правительственные комиссары. Обязательная военная служба обычно ограничивалась пределами страны. Для заграничных походов организовывалось наемное войско; при этом конница, как правило, комплектовалась из дворян, пехота — из свободных крестьян и горожан. Во время Столетней войны английские экспедиционные корпуса во Франции достигали нескольких десятков тысяч человек. Так, осада

французской крепости Кале в 1346 г. осуществлялась силами английского войска, насчитывавшего свыше 32 тыс. чел., из которых на долю кавалерии приходилось лишь 2,5 тыс.

Воинские контингенты, выставаемые королевскими вассалами на принципах ленных повинностей, составляли незначительную часть в общей массе вооруженных сил страны. Приходила в упадок и система частных дружин, которыми располагали отдельные феодалы на стадии сеньориальной монархии.

Завершающий этап сословно-представительной монархии.

Укрепление парламентской системы объективно способствовало усилению монархии, росту ее авторитета и политического влияния. При активном содействии парламента происходила быстрая трансформация королевских прерогатив из ленно-сеньориальных в публично-правовые. Устанавливались отношения всеобщего и прямого подданства короне. Преступления против королевской власти стали квалифицироваться как государственная измена. С начала XIV в. проявилась тенденция освобождения короны из-под власти папского престола. В 1353 г. Эдуард III отказался от выплаты папе ежегодного сбора в 1 тыс. фунтов стерлингов, установленного со времен Иоанна Безземельного. В 1366 г. парламент постановил, что Англия не является папским леном, а английский король — папским вассалом.

Вместе с тем, вплоть до середины XV в. в стране оставались социальные слои, которые энергично противодействовали абсолютизации королевской власти. К ним относилась высшая гербовая знать, зачастую состоявшая в родственных связях с королевской фамилией. Широко представленная в палате лордов, эта знать пыталась превратить весь парламент в орудие своей антикоролевской политики. В XIV—XV вв. имели место несколько организованных парламентом государственных переворотов, в том числе низложения королей (Эдуарда II в 1327 г. и Ричарда II в 1399 г.), а также случаи смещения неугодных правительств, создания регентских советов, опекавших малолетних или малоспособных королей.

В 50—80-х гг. XV в. произошло событие, кардинально ослабившее позиции высшей титулованной знати и фактически расчитившее почву для установления в Англии абсолютистской формы правления. Речь идет о крупномасштабной феодальной междоусобице, вошедшей в историю под названием «вой-

ны Алой и Белой роз» (1455—1485 гг.). В кровопролитной войне столкнулись две группировки, возглавляемые родственными кланами Ланкастеров и Йорков. За Ланкастеров стояло большинство крупных феодалов севера страны, располагавших значительной вооруженной силой. Йорки имели поддержку среди крупных феодалов экономически более развитого юга, широких слоев рыцарства и городской буржуазии. Впрочем, в течение войны многие феодалы неоднократно меняли свою ориентацию, переходя из лагеря в лагерь и используя войну для целей грабежа, наживы и усиления своей самостоятельности.

Результатом междоусобицы явилась гибель многих десятков и сотен представителей старой феодальной знати, в том числе до 80 принцев крови. Террор сопровождался конфискациями крупной земельной собственности, ее дроблением и перераспределением между новыми владельцами. В итоге основная масса земли сосредоточивалась в руках среднего дворянства, городской буржуазии, верхушки крестьянства. Общие материальные интересы этих слоев сближали их между собою, нивелировали их в правовом отношении, способствовали выработке их единой политической линии, объективно направленной на поддержку королевской власти. Соотношение сил в парламенте явно изменилось в пользу палаты общин; складывавшийся в ней блок буржуазии и т. н. нового дворянства (*джентри*) оказывал все более ощутимое воздействие на общественно-политическую жизнь страны. Утвердившаяся с 1485 г. на королевском престоле новая династия Тюдоров получила возможности для более свободного политического маневрирования, конечная цель которого состояла в утверждении абсолютистских методов государственного руководства.

3. СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ В ГЕРМАНИИ

Особенности сословной структуры. К началу XIV в. Германия являлась одним из крупнейших по территории и по числу населения (13—15 млн. чел.) государством Европы. Однако общественно-политическое развитие страны отличалось существенным своеобразием: если в большинстве государств Европы того времени проявлялись процессы территориального сплочения и

политической централизации, то Германия шла по пути дальнейшего дробления, распадаясь на все возрастающее количество экономически и политически разобщенных регионов.

К рассматриваемому периоду завершился процесс трансформации бывших «щитов» вассально-ленной иерархии в сословную структуру. При этом отличительная особенность Германии заключалась в том, что основные сословия так и остались неконсолидированными в общеимперском масштабе, но сохраняли состояние аморфности и значительной внутренней дифференцированности. Высшую ступень в сословной структуре составляли т. н. *имперские чины*, выросшие из рядов прямых королевских вассалов и включавшие в свой состав имперских князей, имперских рыцарей и представителей имперских городов. Руководящие позиции в составе этой группировки занимала немногочисленная группа светских и духовных феодалов, участвовавшая в выборах императоров, — т. н. *курфюрсты* (в переводе с немецкого «князья-избиратели»). Низшие слои господствующего феодального класса были представлены *рыцарями*. Эта категория все более утрачивала свою социально-значимую роль как основы вооруженных сил; кризис крепостнической системы также отрицательно сказывался на материальном положении рыцарства. Промежуточная ступень между крупными и мелкими феодалами, представленная в других государствах Европы многочисленным средним дворянством, в Германии практически не существовала, вследствие чего между князьями и рыцарством зияла незаполненная социальная пропасть.

Подобные же радикальные различия проявлялись внутри сословия *духовенства*: если высшие представители церковного клира сливались с имперскими князьями (в частности, были представлены и в коллегии курфюрстов), то условия жизни низших слоев клириков иногда не отличались от положения трудящихся масс.

Городское население было представлено тремя различными группами: *городским патрициатом*, державшим в своих руках все муниципальное управление; *бюргерством*, в состав которого входили в основном цеховые мастера; *городским плебсом*, объединявшим трудящиеся низы (в том числе и растущую прослойку люмпен-пролетариата).

Положение основной массы населения — *крестьянства* — определялось уровнем экономического развития различных регионов страны. Относительно более лучшим оно было в восточных (заэльбских) землях, где крестьяне дольше сохраняли за собой значительные земельные наделы и экономическую самостоятельность. Однако с конца XV в. и здесь стало формироваться крупное феодальное землевладение, которое повело наступление на собственность и личную свободу крестьян.

Положение императорской власти. Фактическая утрата императорской властью всех основных государственно-правовых прерогатив, произошедшая еще в конце периода сеньориальной монархии, была юридически закреплена в т. н. «*Золотой буллы*», изданной в 1356 г. германским императором Карлом IV (1347—1378 гг.), одновременно являвшимся и королем Богемии (Чехии). По существу, Золотая булла не устанавливала впервые никаких новых принципов — она лишь придавала юридическое оформление тем правилам, которые уже давно существовали в реальной действительности.

Согласно этому документу управление Германской империей осуществляла оформившаяся еще в XIII в. коллегия курфюрстов, состоявшая из 7 человек и включавшая в свой состав 3 духовных (архиепископы Майнцский, Кельнский и Трирский) и 4 светских лиц (маркграф Бранденбургский, король Чешский, герцог Саксонский и пфальцграф Рейнский). Курфюрсты избирали и смещали императора, являвшегося символом верховной государственной власти в стране. При этом курфюрсты были совершенно свободны в своем выборе, поскольку интересы прямых наследников предшествующего императора могли не приниматься в расчет. Еще за несколько лет до принятия Золотой буллы установилось правило, что в папском утверждении вновь избранный император не нуждается.

Золотая булла разработала подробную процедуру созыва избирательных собраний курфюрстов. Инициатива созыва принадлежала архиепископу Майнцскому. Как только императорский престол оказывался вакантным, этот церковный прелат письменно приглашал всех остальных курфюрстов собраться в городе Франкфурте-на-Майне. Если по каким-то причинам приглашения оказывались нерассланными, курфюрсты сами обязаны были собраться в данном городе в течение трех меся-

цев с момента освобождения престола. Избирательное заседание, проходившее под председательством Майнцского архиепископа, должно было продолжаться в течение месяца. Избрание императора производилось простым большинством голосов (достаточно было четырех голосов из семи). Если в течение месяца курфюрсты не приходили к соглашению, их дальнейшая работа проводилась в условиях сокращения положенного им рациона питания: они должны были перейти на питание «лишь хлебом и водою и никоим образом не выезжать из города» (этот принцип был заимствован из процедуры, применяемой при избрании римских пап).

Первым шагом вновь избранного императора должно было стать издание специального документа, где содержалось подтверждение курфюрстам «всех их привилегий, грамот и прав, вольностей, пожалований, старинных обычаев, а также почетных санов и всего, что они от империи получили и чем обладали вплоть до дня выборов». Позднее, в XVI в. эти документы получили наименование «избирательных капитуляций» и стали важнейшим элементом государственного права Германии. Вся дальнейшая деятельность императора должна была происходить в тесном сотрудничестве с коллегией князей-избирателей, которая превращалась в постоянно действующий орган государственного управления. Курфюрсты должны были ежегодно собираться на свои совещания, где им надлежало вместе с императором рассматривать важнейшие общеполитические вопросы, относящиеся «к общей пользе и благу». В случае нарушения императором своих избирательных обещаний решением коллегии курфюрстов он мог быть осужден и смещен с престола.

Согласно Золотой булле князя-избирателя обладали статусом суверенных правителей, равных императору. Территории курфюршеств являлись неделимыми владениями, передаваемыми по наследству. Курфюрсты сохраняли за собой узурпированные ими у королевской власти регалии, в первую очередь, горную и монетную. Они обладали правом высшей юрисдикции в своих владениях, правом на ведение частных войн с другими феодалами. Политическая самостоятельность курфюрстов не имела правовых ограничений, кроме запрета на ведение войн и заключение мира с иностранными державами (эта prerogative сохранялась за императором). С учетом этих обсто-

ательств форма государственного устройства Германии рассматриваемого периода может быть определена как специфический вариант конфедеративного объединения. С точки зрения формы правления Германская империя соединяла в себе монархический и олигархический принципы: формально существовавшая выборная монархия сочеталась с фактическим правлением князей-курфюрстов.

Специфика органов общеимперского представительства. К XIII в. относится возникновение органа общеимперского представительства, который вначале имел неустоявшееся наименование (в документах он фигурирует под различными латинскими терминами — *Conventus generalis*, *Curia generalis* и т. п.), а с 1495 г. стал называться *рейхстагом* (нем. *Reichstag* — «имперское собрание» или «имперский сейм»). Коренное отличие германского общеимперского представительства от сословно-представительных учреждений Франции и Англии состояло в том, что если в последних были представлены основные категории населения этих стран, способные донести до центральной власти господствовавшие в обществе идеи, то рейхстаг был составлен из элементов, входивших в состав названных выше «имперских чинов», неправомочных даже в минимальной степени явиться выразителем настроений и чаяний своего народа. Поэтому ни само возникновение рейхстага, ни его последующее конституирование в общеимперской системе управления не повлекло за собой каких-либо радикальных изменений в государственном строе Германии, адекватных тем переменам, которые принесло возникновение парламента в Англии или Генеральных штатов во Франции. Да и само определение государственной формы Германии XIII и последующих веков как сословно-представительной монархии может быть дано лишь со значительной долей условности. Рейхстаг являлся не столько представительством сословий, сколько представительством отдельных политических единиц, из которых складывался конгломерат Священной Римской империи германской нации.

В своем оформившемся к XIV веку виде германский рейхстаг состоял из трех отдельных *курий* — курии курфюрстов, курии имперских князей и курии имперских городов. Из названных куриальных подразделений решающую роль играла курия князей (в ее состав входили также графы и некоторые

другие «свободные господа»). Курфюрсты неохотно собирались на заседания рейхстага и даже не всегда посылали туда своих представителей. Городская курия не играла самостоятельной роли и обычно следовала в русле политики князей. Имперское рыцарство не имело своего представительства в рейхстаге. Духовенство также не составляло самостоятельной курии; отдельные прелаты представляли себя лично, входя в состав первой и второй курий со статусом курфюрстов или имперских князей.

Рейхстаг собирался по инициативе императора обычно дважды в год (весной и осенью), но иногда и значительно реже. Письменные приглашения от имени императора рассылались заблаговременно (обычно за 6 недель). Участие в заседаниях рейхстага считалось обязанностью имперских чинов, за уклонение от которой виновный уже в XIII в. наказывался значительным штрафом; освобождение от этой обязанности или лишение права присутствия на рейхстаге могло быть осуществлено только лично императором. Постоянного местопребывания у рейхстага не было. Каждый первый рейхстаг вновь избранный король был обязан созывать в Нюрнберге; в дальнейшем собрания чаще всего происходили во Франкфурте-на-Майне. Каждая курия заседала отдельно и принимала решения большинством голосов. Затем на общем собрании курий под председательством императора происходило согласование позиций всех имперских чинов. Для законной силы постановления рейхстага требовалось согласие всех трех коллегий, а также санкция императора. Однако, если две высших палаты приходили к единому мнению, противодействие представителей имперских городов уже могло не приниматься в расчет.

Компетенция рейхстага не была законодательно регламентирована. Император обращался к нему, когда возникала необходимость обсудить какие-либо военные, внешнеполитические, территориальные, правовые или финансовые вопросы. В отличие от финансовых прерогатив других европейских сословно-представительных учреждений, финансовые полномочия германского рейхстага были весьма ограниченными, поскольку общегосударственное налоговое обложение практически отсутствовало.

Хотя рейхстаг обладал законодательной инициативой, его постановления не обладали общеобязательной силой и имели

в основном рекомендательный характер. Акты, принятые после обсуждения в императорском совете и утвержденные рейхстагом, оформлялись в виде императорских указов.

История германского рейхстага свидетельствует, что за весь период своего существования он так и не смог конституироваться в компетентный орган, способный оказывать сколько-нибудь значительное воздействие на общегосударственные дела. Его известное сходство с влиятельными сословно-представительными органами других европейских государств распространялось лишь на некоторые внешние атрибуты сопоставляемых учреждений, но отнюдь не на их содержательные, сущностные компоненты. Политическое возвышение французских Генеральных штатов и английского парламента объективно продвигало королевскую власть на все более сильные позиции; падение их роли произошло тогда, когда процесс абсолютизации королевской власти мог уже идти дальше автономно, не нуждаясь в подпитке извне. Германский же рейхстаг и на этапе своего укрепления, и тем более на стадии последующей деградации так и не смог стать фактором, способным хоть как-то скорректировать процесс идущего с нарастающим темпом упадка императорской власти. В политической линии имперских чинов, представленных в рейхстаге, региональные интересы всегда имели приоритет над интересами общеимперскими. В силу своей социальной нерепрезентативности и политической несамодостаточности рейхстаг стал орудием в руках высшей феодальной знати и оказался неспособным обеспечить условия для возвышения императорской власти, преодоления территориальной разобщенности германских земель, создания централизованного государства, складывания единой нации, т. е. реализовать в масштабах Германии ту историческую миссию, которую была призвана выполнить сословно-представительная монархия в общей эволюции государственно-правовой системы феодального строя.

Сословно-представительные учреждения в княжествах.

Самые ранние упоминания о сословно-представительных учреждениях в княжествах (земствах или *ландтагах*) относятся к первой половине XIII в. Они выросли из созываемых князьями совещательных органов, в которых обычно были представлены местное дворянство, духовенство, верхушка городского насе-

ления. В церковных княжествах роль сословно-представительных учреждений играли духовные капитулы.

В XIV в. составными элементами ландтагов являлись, как правило, четыре курии — курия господ (включающая графов и «свободных господ» — *фрайгеров*), курия прелатов (куда входило высшее духовенство), курия рыцарей и курия земских городов. В ландтагах некоторых германских регионов (Тироль, Швейцария, Баден и др.) существовала и пятая курия — крестьянская. В противоположность рейхстагу как общеимперскому представительству, местные ландтаги по своей структуре стояли ближе к соответствующим европейским аналогам (в частности, к Генеральным штатам во Франции). Более полно представляя земские интересы, ландтаги располагали большими возможностями для взаимодействия с местными правителями в решении вопросов в масштабе отдельных княжеств. В целом, сословно-представительная монархия как форма феодального государства проявилась в Германии гораздо более наглядно в масштабе отдельных княжеств, чем на общеимперском уровне.

Роль ландтагов была особенно значительной на протяжении XV в. Князья обращались к ним по всем важнейшим вопросам политической жизни, включая законодательство, правосудие, церковные дела, военно-организационные и полицейско-охранные проблемы, династические споры и т. п. Ландтаги могли оказать влияние на формирование княжеских советов и на назначение княжеских чиновников. Однако по аналогии с другими органами сословного представительства ландтаги обладали особенно сильными полномочиями в решении налоговых дел. На этой почве происходили их постоянные столкновения с князьями, стремившимися не упустить из своих рук отвоеванные у императоров финансовые прерогативы. Князья, опасаясь оказаться в постоянной политической зависимости от сословий, всячески поощряли соперничество между сословиями. В целом, борьба ландтагов с князьями не только не способствовала централизации императорской власти в общегосударственном масштабе, но, наоборот, усиливала и углубляла центробежные процессы, консервировала политическую разобщенность отдельных германских земель.

Провал попыток общеимперских реформ. Хотя общая линия развития Германии по пути политической дезинтеграции

в XIV—XV вв. определилась достаточно определенно, в стране оставались силы, объективно заинтересованные в достижении государственного единства. В первую очередь, носителями идей общеимперской централизации являлись достаточно широкие и влиятельные слои бюргерства, которым реализация этой идеи принесла бы особенно ощутимые материальные выгоды. Их союзником могло выступить имперское рыцарство, для которого ликвидация княжеского сепаратизма открывала бы прямой доступ к влиянию на общеимперские дела. Названные потенциальные партнеры рассматривали друг друга через призму исключительно меркантильных интересов: бюргерство рассчитывало прежде всего на военную поддержку рыцарства, рыцарство оценивало бюргерство с точки зрения его финансовых возможностей. Следует, однако, отметить, что в плане длительной исторической перспективы союз бюргерства и рыцарства не мог оказаться устойчивым, поскольку каждый из партнеров рассчитывал на то, что в условиях достижения государственной централизации именно он поставит императорскую власть под свой монопольный политический контроль. Что касается князей, то их позиция по отношению к государственной централизации в принципе была отрицательной. Однако в обстановке растущей социальной напряженности, а также в условиях усилившейся внешней опасности (в частности, в период т. н. гуситских войн) идеи укрепления внутреннего мира в стране смогли получить временную поддержку и со стороны самых ярых противников единства Германии.

Первый проект реформ был предложен императором Сигизмундом (1410—1437 гг.), который одновременно занимал престолы в Венгрии и Чехии. Однако реформы не нашли солидарной поддержки в обществе и потому не были реализованы. Не имела успеха и попытка реформ, предпринятая при императоре Фридрихе III (1452—1493 гг.); удалось лишь на пять лет установить внутренний мир в стране, а также учредить имперский суд, наделенный ограниченными полномочиями.

Более радикальные меры были предложены Вормским рейхстагом 1495 г. Князья, объединившиеся вокруг майнцского архиепископа Бертольда, потребовали от императора Максимилиана I (1493—1519 гг.) отказаться от проведения пагубной внешней политики, которая отвечала не столько общеимперс-

ким интересам, сколько собственным династическим интересам клана Габсбургов. Были выдвинуты требования провозглашения «вечного земского мира» (т. е. прекращение внутренних вооруженных междоусобиц с целью посягательства на установленные права и привилегии), гарантировать который были призваны вновь создаваемые органы общеимперского управления и суда. Высший орган управления (Reichsregiment) должен был состоять из двух десятков лиц и возглавляться назначенным императором президентом. Этому органу планировалось предоставить широкие права в налоговой и финансовой сферах. Император Максимилиан не согласился с созданием этого органа, который был бы полностью от него независимым. Что же касается Общеимперского палатного суда (Reichskammergericht), под юрисдикцию которого подпадали все имперские чины, то такой суд был создан. Он формировался рейхстагом из числа 14 лиц, предложенных курфюрстами и князьями, и из 2 лиц, предложенных городами; председатель суда назначался императором. Деятельность суда основывалась в первую очередь на нормах римского права, и лишь при отсутствии соответствующих римских норм разрешалось пользоваться традиционными германскими правовыми установлениями. Решения суда проводились в жизнь особыми блюстителями порядка из числа князей (их было 10 на всю страну), которым вверялись соответствующие вооруженные контингенты. Общая численность вооруженных сил, находившихся под централизованным командованием, определялась в 4 тыс. конницы и 20 тыс. пехоты. С целью финансового обеспечения вновь создаваемых органов, а также общеимперских вооруженных сил Вормсский рейхстаг ввел единый подоходный налог (т. н. «имперский пфенниг»). Этот налог основной своей тяжестью падал на имперские города, поскольку князья стремились всячески уклониться от налогообложения. «Имперский пфенниг» должен был собираться и вноситься в казну местными властями, так как никакого общегосударственного фискального аппарата не существовало.

Определенный успех в деле политической централизации страны, достигнутый на Вормском рейхстаге, оказался временным и неустойчивым. На Аугсбургском рейхстаге 1500 г. было принято предложение императора о замене регулярных созы-

вов рейхстага ежегодными собраниями имперского совета (*рейхсрата*), в который входили представители курфюрстов, князей, имперских городов и домениальных владений Габсбургов. Впрочем, и этот орган оказался нежизненным и вскоре перестал функционировать. Постепенно прекратил свое существование и имперский палатный суд. Перестал взиматься «имперский пфенниг». Остались без финансового обеспечения и пришли в упадок общеимперские вооруженные силы; вербовка солдат в общеимперскую армию без согласия князей была воспрещена. Германские императоры окончательно убедились в том, что их уступки в пользу рейхстага идут не на пользу общенациональным интересам, а способствуют все большему усилению княжеского сепаратизма. Поэтому императоры фактически полностью отказались от дальнейшего сотрудничества с рейхстагом и полностью сосредоточили свои интересы на собственных домениальных владениях. Отход императоров от решения общенациональных задач обеспечил полный простор действию партикуляристских тенденций. Власть князей внутри отдельных территориальных образований стала неограниченной; под их контроль стала подпадать даже местная церковная организация. Процессы политической дезинтеграции, временно замедлившиеся в конце XV в., в следующем столетии приобрели новую силу и необратимый характер.

IV. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ

1. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ ВО ФРАНЦИИ

Тенденции социально-экономического развития. Абсолютная монархия, явившаяся последней по времени формой французского феодального государства, существовала в этой стране на протяжении почти трех столетий: ее возникновение датируется началом XVI в., а конец связан с первыми шагами Великой буржуазной революции 1789—1794 гг. Переход к новой государственной форме произошел в особых исторических условиях, когда в социально-экономической системе и политико-правовых структурах французского общества проявились радикальные изменения, связанные с зарождением элементов капиталистического способа производства. Хотя в целом капиталистическое развитие Франции шло более замедленными темпами, чем в Англии и в ряде других стран Западной Европы, можно говорить о заметных успехах в обеспечении экономического единства страны, о складывании на этой основе внутреннего рынка.

Французское королевство являлось самым густонаселенным государством Европы: в конце XV в. число его жителей исчислялось 14—15 млн. чел., в середине XVII в. — 16—18 млн., к началу буржуазной революции — 26 млн. чел. В деревне проживало 85—90 % от общей массы населения страны. Французское крестьянство страдало от малоземелья. Техническая оснащенность сельского хозяйства оставалась крайне низкой. Крестьянство в своей основной массе (до 90 % от его общей численности) уже стало лично свободным, но не обладавшим собственной землей. Основной фигурой во французской деревне стал мелкий наследственный держатель на феодальном праве, с достаточно широкими правами распоряжения своим земельным участком, вплоть до его продажи без предварительного

согласия сеньора, с тем, однако, условием, что приобретатель этого держания будет нести в пользу сеньора все традиционные повинности, предусмотренные старинными обычаями. Многие феодальные формы личной зависимости крестьян от своих сеньоров (формарьяж, «право первой ночи», «право мертовой руки» и т. п.) были уже практически изжиты. Почти повсеместно произошло освобождение крестьянства от барщинных работ, и основной формой феодальной зависимости стал денежный *ценз*, который имел тенденцию к постоянному повышению. Продолжали сохраняться многие *баналитеты*. Общее число поборов, взимаемых с крестьян в пользу сеньоров (так называемых *пэажей*), составляло от 5 до 7 тысяч в целом по стране. К поборам, налагаемым светскими сеньорами, добавлялась *десятина*, идущая в пользу церкви (она обычно отнимала от одной двенадцатой до одной пятнадцатой части урожая). Усилился процесс социального расслоения крестьянства: параллельно с выделением из его состава разбогатевшей верхушки формировался слой безземельных арендаторов-испольщиков. В деревню интенсивно проникал ростовщический капитал; большое распространение получила *ипотека*, т. е. дача ссуд под залог земли. Многие крестьянские земельные держания оказывались заложенными и перезаложенными по несколько раз. Так как ипотека могла распространяться на несколько поколений или даже являлась наследственной, она внешне приобретала вид феодального ценза и потому именовалась *сверхцензом*. Однако принципиальное отличие сверхценза от других феодальных платежей состояло в том, что он шел не сеньору, а лицу, выдавшему ссуду, — таковым мог оказаться и представитель городской буржуазии, и местный крестьянский богатей.

Для городской экономики в XVI—XVII вв. была характерна определяющая роль торговли. Крупные капиталы, складывавшиеся в период первоначального накопления, находили свое приложение в первую очередь именно в этой сфере. Хотя по сравнению с Италией, Голландией, Англией, странами Пиренейского полуострова Франция имела менее развитую морскую торговлю, открытие Америки и путей в страны Леванта и Индию придали новое развитие французским портовым городам Атлантического побережья и Средиземноморья. Город Лион со времен Людовика XI стал крупным центром не только внут-

ренной, но и международной торгово-предпринимательской деятельности; через него проходило от одной трети до половины всего французского импорта. Правительство, заинтересованное в увеличении своих доходов, проводило политику поощрения и покровительства торговле. За период с 1489 по 1515 г. было санкционировано открытие и восстановление около 400 ярмарок и рынков. Шло строительство новых дорог, расчищались фарватеры рек, обеспечивалась безопасность торговых путей. Вводилось единообразие в систему мер веса и длины, проводились мероприятия по унификации денежной системы.

С течением времени важнейшей сферой приложения капиталов становилось производство, а основной формой его организации — мануфактура. Развивались новые отрасли производства — горнодобывающие и металлургические промыслы, выделка стекла, фаянса, фарфора, предметов роскоши. Складывалась специализация отдельных регионов страны в производстве определенных товаров, что еще более стимулировало развитие торговых связей между ними. Однако то обстоятельство, что подъем раннекапиталистической промышленности происходил преимущественно на окраинах страны, а столица оставалась в стороне от этих процессов, формирование национального рынка шло замедленными темпами.

Первым королем, открыто провозгласившим принципы покровительства национальной экономике (т. н. политику *меркантилизма*), был Генрих IV (1594—1610 гг.). Он содействовал открытию многих привилегированных мануфактур, установлению справедливой системы таможенных отношений с Голландией и Англией, развитию промышленного шпионажа. Во времена Ришелье открытие новых мануфактур производилось на основании специальных королевских распоряжений. Ришелье уделял большое внимание развитию морской торговли (именно он стал в 1628 г. главой вновь образованного морского министерства), субсидированию крупных купеческих кампаний, основанию заморских колоний.

Раннекапиталистический меркантилизм являлся не столько целостной социально-экономической теорией, сколько суммой практических рекомендаций. В их основе лежало представление о том, что основным мерилom национального богатства является как можно более крупный запас в казне драго-

ценных металлов; методом достижения этой цели считалось максимально активное государственное вмешательство в хозяйственную жизнь. Своей высшей точки развития политика меркантилизма достигла в 60—70 годы XVII в., когда правительство возглавлял Ж.-Б. Кольбер. Он начал свою деятельность с упорядочения финансовой системы, после чего обратил главное внимание на развитие торговли: отменил внутренние таможи, повысил пошлины на импортные товары, запретил вывоз сырья из Франции. С целью создания новых рынков сбыта основывались колонии в Индии, Африке, Северной Америке. Создавались благоприятные условия для деятельности монопольных внешнеторговых кампаний (Ост-Индская, Вест-Индская, Левантийская и др.); шло активное строительство военного и торгового флота. В области промышленности основывались крупные централизованные мануфактуры, имевшие статус королевских (суконные, ковровые, стекольные и др.). В целом, деятельность Кольбера создавала благоприятные условия для дальнейшего развития капиталистических отношений. Однако многие его проекты, не имевшие достаточно прочного социально-экономического обоснования (например, в области сельского хозяйства, цехового ремесленного производства) так и остались нереализованными.

Эволюция сословной структуры. Феодалные отношения, которые оставались безраздельно господствующими, оказывали тормозящее воздействие на новые общественные явления. Особенно сильное препятствие на пути капиталистического развития представляла собой в высшей степени консервативная сословная структура, построенная на принципах политического и правового неравенства субъектов как участников общественных отношений. Несмотря на периодическую сменяемость конкретных государственных форм, политическая система феодализма на всем протяжении существования этой формации (в том числе и в период абсолютной монархии) неизменно сохраняла свою сословную сущность в качестве одного из основных системообразующих элементов.

Сословная организация французского общества продолжала сохранять свою традиционную трехкомпонентную структуру, оформившуюся на этапе сословно-представительной монархии. Однако внутри трех старых сословий под воздействием

набиравших темпы процессов капиталистического развития происходили серьезные изменения, складывались возможности для все новых и новых размежеваний, комбинаций и перегруппировок общественно-политических сил, открывавших перспективы дальнейшего экономического и государственно-правового прогресса.

Первым сословием французского общества по-прежнему оставалось *духовенство*. Составляя менее 1 % от общей численности населения страны, духовенство владело 20 % всех обрабатываемых земель; этому сословию принадлежало также и другое движимое и недвижимое имущество. Принадлежность к сословию определялась указом 1695 г., устанавливавшим обязательность непосредственного отправления какой-либо церковной должности. Духовенство оставалось незамкнутым сословием: оно было открыто для пополнения представителями двух остальных сословий. Внутри духовенства существовали резкие различия и противоречия между двумя его полюсами — высшим клиром (включавшим не более 6 тыс. чел.) и сельскими приходскими священниками (их насчитывалось до 90 тыс. чел.). Однако в тех случаях, когда определенные социальные силы посягали на общие интересы духовенства, все его группировки отставляли в сторону свои внутренние противоречия и выступали единым фронтом в защиту своих традиционных сословных привилегий — налоговых, юрисдикционных, служилых и др. Так, духовенство было освобождено от уплаты всех прямых и части косвенных налогов, — мало того, оно само обладало правом на налогообложение в свою пользу (примером последнего может служить ранее упоминаемая десятина). Продолжал сохранять свою силу и судебный иммунитет духовенства, хотя он был и существенно ограничен в пользу королевских судов, особенно по категории уголовных дел. Еще с конца XI в. лица духовного звания были освобождены от военной службы, замененной для них особыми денежными сборами.

В рассматриваемый период продолжался процесс оформления французской национальной церкви в ее т. н. *галликанском* варианте. Как уже было сказано ранее, еще Филиппу IV Красивому удалось достичь решающих успехов в борьбе с папским престолом, в укреплении королевской власти над национальным духовенством. В 1385 г. решением Парижского парла-

мента и церковного синода были резко ограничены возможности вмешательства папы в дела французской церкви, значительно уменьшены финансовые поступления из Франции в папскую казну. Окончательное оформление галликанской церкви произошло в соответствии с Прагматической санкцией короля Карла VII, изданной 7 июля 1438 г. в гор. Бурже. Действуя в русле т. н. соборного движения, имевшего в то время общеевропейский характер, Прагматическая санкция провозгласила верховенство Вселенских соборов над римским папой. Что же касается вопросов внутреннего устройства собственно французской церкви, то документом был установлен принцип выборности епископов и аббатов церковными капитулами и монастырскими общинами; при этом за королем и сеньорами закреплялось право рекомендовать кандидатов на эти должности. Папа был лишен права на раздачу церковных бенефициев; со своей стороны, вновь назначенные епископы и аббаты освобождались от выплаты единовременных взносов за получение этих бенефициев (*аннатов*). Было запрещено обращаться к суду папской курии с апелляциями до окончательного прохождения соответствующих дел через все светские судебные инстанции.

Прагматическая санкция 1438 г. действовала почти 80 лет, вплоть до заключения Болонского конкордата, подписанного в 1516 г. королем Франциском I и римским папой Львом X. Наиболее жесткие положения Прагматической санкции были несколько смягчены. Так, Болонский конкордат обходил молчанием вопрос о соотношении власти папы и Вселенских соборов; восстанавливалась выплата некоторых аннатов (их окончательная отмена произошла лишь в период Великой французской революции); вновь подтверждалось право римской курии как высшей инстанции в системе церковных судов. С другой стороны, король получил фактически неограниченное право назначения на высшие церковные должности внутри страны (правда, с последующим их утверждением папой, но это утверждение имело чисто формальный характер). Король мог подолгу не замещать освободившиеся вакансии, а доходы с церковных бенефициев брать в пользу казны. Он имел право соединять несколько бенефициев в один и жаловать его своим приближенным. Таким образом, галликанская церковь все орга-

нижнее вращалась с политическими структурами раннего абсолютизма, все более превращалась в государственное учреждение, а ее доходы становились средством вознаграждения дворянства, поскольку именно и исключительно из числа дворян формировался высший церковный клир. Поставив церковь под свой контроль, королевская власть во многом содействовала процессу сближения политических интересов двух привилегированных сословий, преодолению тех различий и противоречий, которые изначально существовали между ними. Особенно это касалось высших слоев светского и духовного сословий. Дворянская знать получила легальную возможность проникновения на высшие церковные должности; в свою очередь, многие церковные иерархи, включаясь в правительственные структуры, получили возможность замещения высших, а иногда и самых ответственных государственных постов (примерами могут служить политические карьеры кардиналов Ришелье и Мазарини).

На долю второго сословия французского общества — *дворянства* — приходилось менее 3 % населения страны (около 400 тыс. чел.) и до 80 % земельных богатств (в эту последнюю цифру включались личные владения монарха и членов королевской семьи). Дворянство сохраняло за собой ряд важнейших сословных привилегий (монопольное право на владение феодальными поместьями; право на титулы, гербы, звания, пенсии, ношение оружия; преимущественное право на занятие высших придворных, государственных и церковных должностей, на университетское и военное образование и т. д.). Дворянство было освобождено от выплаты личных государственных налогов (например, талей) и выполнения личных повинностей; в судах в отношении дворян не применялись позорящие наказания. Впрочем, некоторые традиционные сословные привилегии в период абсолютизма были дворянством утрачены. Так, при Ришелье дворянам было запрещено иметь укрепленные замки и вооруженные свиты, под угрозой смертной казни запрещались дуэли (эдикты от 1626 г.). Дворянский титул мог быть и утрачен вследствие занятия «неблагородными» делами (например, ремеслом или розничной торговлей), а также вследствие совершения бесчестных проступков.

Замкнутый, кастовый характер дворянского сословия приобрел свой окончательный вид и правовое оформление: принадлежность к дворянскому сословию подтверждалась наличием соответствующих юридических документов. Подавляющее большинство дворянского сословия составляло потомственное дворянство («*дворянство шпаги*»; дословно «люди шпаги» — *gens d'eepee*). Однако королю принадлежало право пожалования дворянского титула в индивидуальном порядке и лицам недворянского происхождения. Наиболее распространенным основанием для выдачи соответствующего королевского акта являлась покупка дворянских земель, а также должностей в государственном аппарате; естественно, что финансовыми средствами для этого располагали главным образом буржуазные элементы из состава городского населения. Такого рода сделки рассматривались обладателями финансовых средств как весьма выгодное помещение капиталов: государственное жалование и другие льготы чиновничьей службы играли роль своеобразных «процентов» по вкладу; кроме того, вхождение в состав дворянства освобождало бывшего представителя третьего сословия от многих податных обязанностей. Особой интенсивностью процесс обновления дворянства отличался в XVI в. Естественно, что старая родовая знать, предки которой носили дворянский титул в течение многих столетий, с нескрываемым презрением относилась к подобным скороспелым «выскачкам». Однако королевская власть, подталкиваемая постоянной нехваткой денег в казне, не только не препятствовала указанному процессу, но даже всячески содействовала ему. В 1579 г. было официально запрещено *аноблирование* (т. е. приобретение дворянского титула) только по факту приобретения дворянского поместья; отныне обязательным условием официального приобщения ко второму сословию стало получение королевского патента. Впрочем, число лиц, приобретших дворянский титул вследствие покупки государственной должности (т. н. «*дворянство мантии*»; дословно «люди мантии» — *gens de robe*) никогда не было значительным. К тому же эта прослойка сокращалась за счет возможности перехода ее представителей в состав дворянства шпаги: так, дети «мещан во дворянстве», отслужившие в армии в течение 25 лет, приобретали потомственное дворянство. К концу периода абсолютизма (к середине XVIII в.)

численность дворянства мантии в целом по стране не превышала 4 тыс. чел.

Внутри *третьего сословия*, на долю которого приходилось до 96 % населения страны, изменения были наиболее существенными. Важнейшим социальным последствием развития капиталистических отношений, но одновременно и фактором, дающим дальнейший толчок к такому развитию, явилось формирование в рамках третьего сословия двух новых классов — буржуазии и пролетариата. *Буржуазия* вырастала в первую очередь из аристократической верхушки городского населения (финансистов, торговцев, цеховых мастеров, городской интеллигенции), зажиточных слоев крестьянства, части дворянства, которая использовала новые капиталистические методы хозяйствования. *Пролетариат* рекрутировался главным образом из прослоек городского плебса (ремесленников, поденщиков, чернорабочих, люмпенов), а также разоряющегося крестьянства.

Социальная база и классовая сущность абсолютизма. Формирующиеся новые классы стремились к самоопределению, к выбору своего места в общественной структуре. Возникали новые очаги социальной напряженности, неизвестные эпохе классического феодализма. Следует со всей определенностью подчеркнуть, что на ранних этапах абсолютизма противоречия между буржуазией и пролетариатом еще не доросли до уровня антагонистических. Гораздо большая социально-политическая напряженность существовала в это время между дворянством и буржуазией. Кризис феодальной системы сопровождался упадком экономической мощи дворянства. Выход из кризисной ситуации дворянство усматривало в двух основных направлениях: во-первых, в усилении натиска на крестьянство путем увеличения ценза и других земельных поборов; во-вторых, в усиленном проникновении к рычагам непосредственного государственного управления путем овладения высшими правительственными должностями. Однако движение в первом направлении не могло не вызывать отчаянного сопротивления крестьянства; второе же было сопряжено с острой междоусобной борьбой между различными группировками внутри самого сословия дворянства, — борьбой, принимавшей иногда формы настоящих гражданских войн.

Несмотря на то, что основные рычаги оперативного руководства национальной экономикой по мере укрепления капиталистических отношений все более и более сосредоточивались в руках буржуазии, безраздельной монополией на политическую (в том числе государственную) власть продолжало обладать дворянство. В обществе складывалось положение, когда два соперничающих класса оказывались в состоянии временного баланса и своеобразного динамического равновесия: политическая мощь и экономическое бессилие дворянства уравновешивались экономическим могуществом и политическим бесправием буржуазии. Находясь в состоянии конфронтации, оба эти класса вместе с тем нуждались друг в друге, так что равновесие их борьбы было одновременно и равновесием их сотрудничества.

Больше всего от этого равновесия выигрывала королевская власть, которая приобретала практически неограниченные возможности для собственного усиления. Именно к ней устремлялись надежды дворянства (а в более широком масштабе — обоих привилегированных сословий) в стремлении преодолеть экономические трудности и сохранить свою монополию на власть перед лицом возрастающих политических претензий буржуазных элементов третьего сословия. Но также именно к ней вынуждены были апеллировать и эти буржуазные элементы, объективно отражавшие общенациональные интересы по наведению в стране твердого общественного порядка и спокойствия, нарушаемого междоусобицами феодальных кланов. Разумеется, глобальные политические симпатии королевской власти продолжали оставаться на стороне привилегированных сословий, и именно их интересы абсолютистская власть продолжала выражать в первоочередном порядке и в максимально выраженном виде. Вместе с тем, способствуя решению назревших общенациональных задач, короли объективно поощряли промышленное, торговое и финансовое предпринимательство, происходившее под непосредственным руководством буржуазных элементов. Вследствие этого королевская власть получала возможность использовать в своих собственных интересах динамичность молодой буржуазии, ее способности, грамотность, предприимчивость, новизну и прогрессивность ее проектов. Не следует при этом забывать, что буржуазия продолжала интере-

совать королей и с чисто утилитарной точки зрения: обладавшая значительными денежными богатствами, буржуазия была всегда наготове в случае необходимости кредитовать казну добровольными или принудительными вкладами.

Неограниченная королевская власть в форме абсолютной монархии была исторически обязана своим укреплением именно этим равновесием сил дворянства и буржуазии, когда ни одна из временно сбалансированных составляющих еще не могла гарантированно доминировать над другой. Как уже было отмечено, в укреплении королевской власти объективно оказывались заинтересованными обе стороны, и короли в полной мере использовали благоприятную ситуацию, чтобы, играя роль над-классового арбитра, выразителя общенациональных интересов, прочно взять в свои руки все важнейшие рычаги государственного руководства обществом.

Положение королевской власти. Историю французского абсолютизма принято начинать с Франциска I (1515—1547 гг.). При его преемниках Франция оказалась ввергнутой в период т. н. «религиозных войн», продолжавшихся до самого конца XVI в.; стабилизация произошла лишь с воцарением Генриха IV. Окончательное утверждение абсолютной монархии связано с деятельностью кардинала Ришелье, который в течение почти 20 лет (1624—1642 гг.) занимал должность первого министра при короле Людовике XIII (1610—1643 гг.). Своего полного расцвета абсолютизм достиг в годы продолжительного царствования «короля-солнца» Людовика XIV (1643—1715 гг.).

Характернейшая черта абсолютной монархии заключалась в неограниченной власти короля, которую он больше не делил ни с каким другим государственным органом. Преодолев сопротивление феодальной олигархии, добившись окончательного территориально-политического объединения страны, подчинив своей власти национальную церковь, король перестал нуждаться в поддержке сословно-представительных учреждений. Уже в XVI в. политическое влияние Генеральных штатов фактически сошло на нет. Они утратили роль выразителя общенациональных интересов и стали орудием в руках противоборствующих политических сил. Примером может служить деятельность Генеральных штатов, созданных в декабре 1560 г. с целью предотвращения религиозных войн. Увлечшись бесплодными

политическими дискуссиями, Штаты так и не смогли решить поставленные перед ними задачи, а потому были вскоре распущены за ненадобностью. Последний созыв Генеральных штатов имел место в октябре 1614 г. Большинство в этих Штатах получили представители «дворянства мантии» и городской буржуазии. Наученные горьким опытом предшествующих смут, делегаты не поддержали притязания феодальной олигархии на ограничение прав короны. В собрании 1614 г. в полную силу прозвучали идеи о божественном характере королевской власти, о ее верховном неограниченном суверенитете. В следующий раз Генеральные штаты были созваны только через 175 лет. Дольше сохраняли свое значение провинциальные штаты, которые в некоторых провинциях (Бретань, Лангедок, Прованс, Бургундия и др.) функционировали и во второй половине XVII в. Иногда, при необходимости обсуждения некоторых государственных (в частности, финансовых) вопросов короли продолжали прибегать к созыву т. н. «собрания нотаблей» (*assemblée des notables*), депутаты которых не избирались сословиями, а назначались королем. Последний созыв нотаблей произошел в 1788 г.

На протяжении XVI—XVII вв. известную самостоятельность по отношению к королевской власти проявлял Парижский парламент. В его составе преобладали представители оппозиционно настроенной феодальной знати, которые пытались использовать принадлежавшее Парламенту право ремонстрации как средство воздействия на короля. Эти попытки были парализованы последовательным ограничением парламентских привилегий. Согласно эдикту 1641 г. Парламент мог делать представления только по тем делам, которые специально для этого к нему направлялись; дела, касавшиеся организации правительственных учреждений и государственного управления, в Парламенте вообще не должны были рассматриваться. В отдельные напряженные периоды Тридцатилетней войны Ришелье временно запрещал подачу любых письменных ремонстраций. Во времена т. н. Фронды роль Парламента снова возросла, но с началом самостоятельного правления Людовика XIV наступление на права Парламента было продолжено. Так, в 1661 г. Парламенту было запрещено ставить под сомнение решения Государственного совета; тем самым Парламенту было указано на

его второстепенное место по сравнению с высшими правительственными учреждениями. В 1667 г. было установлено, что ремонстрация могла быть заявлена лишь в течение недельного срока после представления королевского акта на регистрацию; одновременно Парламенту было запрещено давать собственную интерпретацию королевских актов. В 1673 г. была прекращена практика повторных ремонстраций: если король отказывался признать решение Парламента, последний не мог вновь возвращаться к этому вопросу. В 1688 г. Людовик XIV собственноручно изъясил из парламентских архивов неугодные ему ремонстрационные документы. Таким образом, к концу XVII в. практика опротестования Парламентом королевских актов была практически полностью прекращена. Однако после смерти Людовика XIV Парламенту удалось частично восстановить свои традиционные прерогативы, и на протяжении XVIII в. парламентская оппозиция еще неоднократно проявляла себя.

В период абсолютизма король уже не считался первым сеньором среди равных ему, но рассматривался как суверенный государь по отношению ко всем своим подданным; последние были обязаны своему властителю беспрекословным послушанием. Признавалось только единоличное правление; идея соправительства была полностью отвергнута как теорией, так и государственной практикой. Наследование престола осуществлялось по принципу, вытекающему из титула LIX Салической правды и отстраняющего женщин от престолонаследия. При отсутствии прямого наследника право на престол передавалось в боковую линию королевской фамилии; передача престола усыновленному не допускалась. В случае малолетства законного наследника в качестве временной меры допускалось регентство, — примером его может служить 8-летнее правление герцога Филиппа Орлеанского в первые годы официального царствования Людовика XV.

Абсолютный монарх стал единственным источником законодательства (по формуле: «чего хочет король, того желает закон») и не нуждался даже в мотивировке принимаемых решений; в конце документа было достаточно знаменитой фразы: «ибо такова наша воля» (*car tel est notre plaisir*). Король обладал высшей административной властью, правом назначения на все государственные должности. Он являлся главой во-

оруженных сил государства, осуществлял верховное военное командование; в его личном распоряжении находились гвардейские части, насчитывавшие несколько тысяч человек. Ему принадлежала высшая юрисдикция; от его имени осуществлялось все правосудие в стране. Король устанавливал и взимал налоги, бесконтрольно распоряжался государственными финансами, являлся верховным собственником всего имущества своих подданных, всех материальных ресурсов своего королевства. Король определял внешнеполитическую линию своей страны, осуществлял руководство дипломатической службой. Наконец, как уже указывалось выше, король фактически полностью взял в свои руки церковное управление.

Таким образом, объем суверенных прав короля не подлежал никакому ограничению. Известная формула, приписываемая Людовику XIV («Государство — это я!»), содержала в себе идею полного слияния государственного суверенитета с личностью короля. При этом существовало понимание, что власть короля основывается на божественном праве. Поэтому особа короля рассматривалась как священная, а в его титулатуру включалась формула: «король божьей милостью». Вместе с тем, абсолютная власть монарха отнюдь не отождествлялась в сознании современников с деспотизмом и произволом. Юридическим ограничением власти монарха считалось наличие в королевстве традиционных фундаментальных законов, которые рассматривались в качестве «непоколебимых и ненарушимых». К числу важнейших из них относились: династическое наследие по нисходящей линии, законность правления, безответственность короны, нераздельность королевства, его внешняя независимость и др. Еще в «Политическом завещании» Ришелье была проведена идея о том, что всевластие и всемогущество короля не являются самоцелью. Они представляют собой лишь средство достижения высшей цели абсолютизма — обеспечение «общественного блага» (*salut publique*). Естественно, что трактовка этого последнего понятия осуществлялась и самим Ришелье, и его позднейшими адептами с отчетливо выраженных классовых позиций. Всякая, даже самая незначительная попытка противостоять правительству, занять по отношению к нему положение оппозиции расценивалась ими как заговор против общественной безопасности. В борьбе с такого рода заговора-

ми, полагал Ришелье, государственная власть была вправе использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства.

Центральные органы управления. В период абсолютной монархии *центральный государственный аппарат* состоял из большого количества различных организационных подразделений (советов, служб, управлений, бюро и т. п.), не имевших четкой и стабильной структуры. Разграничение должностей не было налажено, — напротив, повседневная практика шла по линии их многократного совмещения (известно, например, что Ришелье совмещал до 32 должностей). Чиновничье-бюрократический аппарат подвергался постоянным реорганизациям, происходившим по инициативе короля, зачастую под влиянием каких-либо временных и конъюнктурных соображений. Тем не менее, эффективность работы этого аппарата, как правило, оставалась низкой.

Старые государственные должности в своем большинстве либо ликвидировались, либо выродились в простые *синекуры* («должности без забот»), которые приносили их обладателям титулы, оклады и пенсии, но не были сопряжены с выполнением конкретных обязанностей. В середине XVI в. такой наследственной придворной службой синекурного характера было охвачено около 1,5 тыс. представителей знатнейших семей королевства; в последней четверти XVIII в. за счет пенсий двора содержалось около 4 тыс. вельмож. На фоне ликвидации или ограничения функций многих ранее влиятельных должностей сохраняла и даже усиливала свое значение лишь должность *канцлера*, являвшегося министром юстиции, первым юридическим советником короля и его личным представителем в Королевском совете. Выполнение поручений по отдельным сферам управления (дела военные, морские и колониальные, иностранные, внутренние, религиозные) поручалось *государственным секретарям*. Возникновение этой должности относится к 1547 г.; первоначальное число государственных секретарей равнялось четырем, а назначались они, как правило, из лиц незнатного происхождения, но обладавших знаниями и образованием. На первых порах эта должность имела временный и вспомогательный характер; со временем ее роль значительно возросла. При Генрихе IV государственные секретари стали привлекаться к участию в королевском совете, при Людовике

XIV они превратились в наиболее доверенных королевских чиновников в ранге министров. В XVIII в. появились должности заместителей государственных секретарей; под их контролем находились бюро, подразделяемые на секции, со штатом чиновников и технического персонала, специализированного по соответствующим отраслям управления.

Во второй половине XVII в. большие полномочия приобрел *генеральный контролер финансов*, в ведении которого находились вопросы торговли, промышленности, общественных работ, путей сообщения и т. п. Генеральный контролер финансов считался первым министром. При Людовике XIV эту должность начиная с 1665 г. в течение почти 20 лет занимал уже упомянутый ранее Ж.-Б. Кольбер, выходец из провинциальной купеческой семьи. Опираясь на многочисленный, иерархически организованный аппарат (в нем насчитывалось до 38 бюро), Кольбер осуществлял не только управление финансово-экономической сферой страны, не только оперативное руководство всей центральной и местной королевской администрацией, но и фактический контроль над законодательным процессом. Вне сферы его ведения фактически оставались лишь военные и иностранные дела.

При короле традиционно действовала система специализированных совещательных органов. После того, как в марте 1661 г. начался период личного правления Людовика XIV, эта система была подвергнута реформированию. Наиболее важную роль играл *Верховный* (или *Узкий*) *совет*, состоявший из самых доверенных лиц, ведавших вопросами экономики, военными и иностранными делами. Существовали также *Совет по вопросам финансов*, изыскивавший новые источники доходов; *Совет депеш*, куда поступали сведения с мест о состоянии внутреннего управления; *Военный совет*, обсуждавший дела по вопросам его компетенции; *Тайный совет*, принимавший кассации по некоторым судебным делам; *Совет по делам церкви* и др. Указанные специализированные советы считались секциями единого *Государственного совета*. Правом быть членом Государственного совета обладали лица, получившие патент государственного советника либо занявшие соответствующий пост в центральном государственном аппарате.

В целом, государственный аппарат представлял собой сложную, громоздкую, разбухшую систему органов, одни из которых сохранились еще с эпохи сословно-представительной монархии, а другие были созданы заново для решения задач абсолютизма. Поскольку строительство государственного аппарата шло в течение длительного времени и не было скоординировано каким-либо единым организационным началом, возникало много излишних либо параллельно действующих структур, которые не имели четко очерченной компетенции и зачастую дублировали друг друга. В период раннего абсолютизма рост государственного аппарата шел нарастающими темпами. Если к началу XVI в. на государственной службе состояло 8 тыс. чиновников, то во времена Ришелье в государственном аппарате работало 46 тыс. чел. (т. е. каждый четырехсотый житель королевства был чиновником). Поскольку большинство государственных должностей подлежало продаже (эта практика стала вполне легальной с 1522 г.), лица, приобретшие должность за деньги, чувствовали себя полностью независимыми и неподконтрольными, — угроза увольнения со службы для них не существовала. Доказать же в судебном порядке факт должностного преступления было чрезвычайно сложно. Наибольшее количество продажных должностей первоначально существовало в финансовой, а впоследствии — в судебной сферах. Начиная с 1604 г. был установлен принцип передачи должностей по наследству при условии внесения в казну особого сбора (*полеты*); тем самым собственность на должности была закреплена окончательно. Другие страны тоже знали практику продажи государственных должностей и закрепления их по наследству, но только во Франции эта система приобрела глобальный характер и имела глубокие политические последствия. Указанный способ комплектования административного аппарата, равно как и изначально присущие ему организационные и функциональные изъяны, способствовали внедрению в управленческую практику многочисленных и неискоренимых проявлений волокиты, коррупции, финансовых злоупотреблений, должностных преступлений, которые на заключительных этапах абсолютизма приобрели поистине небывалые масштабы.

Местное управление. Система органов управления на местах длительное время оставалась еще более консервативной,

чем в центре. Не существовало никакого единообразия в принципах деления страны на отдельные административно-территориальные единицы — их границы складывались произвольно, уходя своими историческими корнями в старую феодальную структуру. Создаваемые заново местные специализированные службы (судебные, финансовые, военные, полицейские и др.) зачастую сами не имели четкого представления о пределах распространения своих полномочий, что отрицательно сказывалось на результатах их деятельности. Местные власти, проявляя свойственный им сепаратизм, недостаточно адекватно реагировали на управленческие импульсы, проистекавшие из центра. Естественно, что по мере своего укрепления абсолютизм проявлял все более настойчивое стремление поставить периферийные управленческие структуры под свой полный контроль. Задачей королевской власти являлась окончательная ликвидация местного сепаратизма, формирование единообразной системы административно-территориальных единиц, полностью лишенных автономии и жестко подчиненных центру.

В течение XVI в. роль проводников королевской политики на местах была возложена на *губернаторов*, которые подразделялись на старших (возглавлявших провинции) и младших (которые управляли более мелкими областями, отдельными городами и замками). Губернаторы ведали военной администрацией и обороной, осуществляли контроль над всеми сферами провинциальной и муниципальной жизни. На губернаторские должности могли назначаться самые знатные лица королевства — принцы крови, герцоги, министры, маршалы. Пользуясь своим личным влиянием при дворе, они, с одной стороны, могли содействовать политическим и служебным карьерам представителей провинциальной знати; с другой стороны, они могли отстаивать перед королем интересы и привилегии своих провинций. На первых порах губернаторы достаточно успешно справлялись с ролью проводников государственной централизации, преодолевая сопротивление местных оппозиционных сил в лице провинциальных штатов и парламентов. Однако постепенная монополизация губернаторской должности отдельными знатными дворянскими фамилиями привела к ослаблению контроля над нею со стороны центральных властей. Действия губернаторов зачастую пошли вразрез с политикой правитель-

ства, и из бывших ревностных сторонников королевской власти губернаторы превратились в ее явных или скрытых оппонентов.

Эффективным инструментом противодействия местному сепаратизму стала система комиссаров, направляемых из центра со специальными поручениями. С 1535 г. получила распространения практика рассылки на места чиновников центральных ведомств (чаще всего судебных), первоначально носивших наименование «*мастеров прошений*» (*maitres des requetes*). Наделенные широкими финансовыми, административными и судебными функциями, эти комиссары имели полномочия вмешиваться в деятельность соответствующих местных властей. Миссия мастеров прошений рассматривалась как временное поручение; выполнив свои контрольные функции, они были обязаны представить отчет правительству (конкретно — первому министру). Во второй половине XVI в. эти прежние комиссары получили титул «*интендантов полиции, суда и финансов*» и из временных контролеров превратились в постоянных администраторов. Их растущее влияние вызвало недовольство местного дворянства, и правительство было вынуждено пойти на некоторое свертывание их деятельности; в первые годы правления Людовика XIV такая должность на несколько лет была вообще упразднена. Восстановленная в 1653 г., должность интендантов приобрела авторитарный характер; главными формами их деятельности являлись административные, а не судебные способы принятия решений. Интенданты ставились во главе специально учрежденных округов и имели практически неограниченные полномочия — в первую очередь, финансовые, но также и организационно-хозяйственные, судебные, военные, полицейские и др.; они также обладали правом верховного надзора над всеми должностными лицами своего округа. При Людовике XIV по всей стране действовало 45 интендантов; при каждом из них функционировал небольшой штат личных секретарей и информаторов. Должность интенданта не могла быть куплена, а потому не была пожизненной и наследственной. Интенданты, как правило, назначались из лиц незнатного происхождения и получали достаточно скромное жалование. Всемогущество интендантов сочеталось с их полной зависимостью от короля и первого министра, каковым являлся генеральный контролер фи-

нансов. Добросовестное выполнение своих обязанностей было для интендантов вопросом служебной карьеры: продемонстрировав свои деловые качества и личную преданность королю и первому министру, они могли рассчитывать на приобретение патента государственного советника и переход в центральные правительственные учреждения. Именно интенданты имели основную заслугу в деле окончательной ликвидации самовластия местных административно-управленческих структур. Проявляясь до самых заключительных этапов абсолютизма, должность интендантов была упразднена лишь в годы Великой буржуазной революции.

В условиях усиления государственной централизации перестраивалась и система *городского управления*. Эдикт 1692 г. установил, что городские власти (мэры, муниципальные советники) уже не избирались населением, а назначались из центра (после покупки этими лицами соответствующей должности). За городами было сохранено право откупаться от назначаемых лиц, но при условии внесения ими в казну значительной денежной суммы.

Финансовая система. По мере своего укрепления абсолютизм нуждался в постоянном росте своих доходов — этого требовала увеличивающаяся армия и разбухавший государственный аппарат. Если в годы правления Людовика XII (1498—1515 гг.) налоговые сборы в среднем исчислялись 3 млн. ливров в год (что эквивалентно 70 тоннам серебра), то в середине XVI в. ежегодный сбор составил 13,5 млн. ливров (209 тонн серебра). В 1607 г. в казну поступил 31 млн. ливров (345 тонн серебра), а через 30 лет, в обстановке Тридцатилетней войны, правительство собирало 90—100 ливров в год (более 1 тысячи тонн серебра).

В период расцвета абсолютизма налоговая система Франции строилась на сочетании прямых и косвенных налогов. Основную массу поступлений в казну приносили прямые налоги. Важнейший из них — *талья* (налог с недвижимости или с валового дохода) — фактически превратился в крестьянский налог, поскольку привилегированные сословия от него освобождались, а города откупались за сравнительно небольшие суммы. В последние 8 лет правления Ришелье, совпавшие с самым напряженным периодом Тридцатилетней войны, размер талей

вырос почти в 9 раз (с 5,7 млн. до 48,2 млн. ливров). Поскольку крестьянство оказывалось уже не в состоянии выплачивать талью, после окончания войны была предпринята попытка ее уменьшения как в абсолютном выражении, так и в ее доле в общей массе государственных доходов.

В 1695 г. в качестве временной меры была введена т. н. *капитация* — подушный подоходный налог на военные цели. Принципиальная новизна капитации состояла в том, что этот налог первоначально планировалось взимать со всех сословий, в том числе и с привилегированных (даже с членов королевской фамилии). Капитация раскладывалась в соответствии с делением всего населения на 22 разряда, принадлежность к которым определялась размером доходов, приносимых профессией или состоянием (от 1 ливра до 9 тыс. ливров). Отмененная в 1698 г., капитация была вновь восстановлена в 1701 г. и с тех пор стала постоянной. Принцип пропорциональности во взимании этого налога так никогда и не был достигнут: самое привилегированное сословие — духовенство — от капитации было освобождено, для дворянства были созданы различные налоговые льготы, так что основным плательщиком капитации вновь оказалось третье сословие.

С 1710 г. был введен еще один налог — *королевская десятина*, взимаемая с реальных доходов подданных всех сословий; размер этих доходов определялся в соответствии со специально заполняемыми налоговыми декларациями. По замыслу инициаторов этого нововведения, десятина должна была заменить все ранее существовавшие налоги и явиться единым пропорциональным подоходным налогом. Однако новый налог был просто прибавлен ко всем старым, по величине практически уравнившись с капитацией и вполнину уступив талье; неравномерность обложения, хотя и несколько смягченная, отнюдь не была устранена. Уже со следующего года духовенству удалось освободиться от выплаты этого нового налога ценой некоторого увеличения своих «добровольных» пожертвований в казну; многим городам и целым провинциям также удалось от него откупиться. В 1717 г. королевская десятина была отменена, но впоследствии, в связи с участием Франции в войнах, вводилась еще дважды на сравнительно непродолжительные сроки. В 1749 г. взамен ее была введена *королевская двадцатина*

(5 %-й налог со всего дохода), которая стала взиматься постоянно. В 1756 г. была введена вторая, а в 1760 г. — третья двадцатина, так что доходы оказались обложенными 15 % — ным налогом.

Среди косвенных налогов наибольшую прибыль казне приносили *эд* (налог на продажу вина) и *габель* (налог на продажу соли); цена на соль обычно была в 10—15 раз выше ее действительной стоимости. Казна пополнялась также за счет продажи должностей (каждые 10—12 лет создавалось до 40 тыс. должностей, подлежащих продаже; подсчитано, например, что за годы правления Людовика XIV было продано должностей на сумму 500 млн. ливров), таможенных и внешнеторговых пошлин, сборов с купеческих гильдий и ремесленных цехов, государственных монополий (почтовой, табачной и др.). Широко практиковались принудительные королевские займы, которые брались у крупных финансистов под залог налоговых поступлений. Средством обогащения казны являлись и конфискации имущества по приговору судебных органов. Так, после осуждения бывшего генерального контролера финансов Н. Фуке (1664 г.) стоимость его конфискованного имущества составила около 100 млн. ливров.

Налоговое бремя распределялось по стране крайне неравномерно. Наибольшие поступления в казну давали центральные и северо-восточные провинции. Конкретные размеры налогов, а также формы их взимания в целом по стране не были унифицированы. Широкое распространение получила система *откупов*, по которой государство за определенную плату передавало право сбора налогов частным лицам (откупщикам). Существовало несколько вариантов откупов: *генеральные* (когда право на сбор всех налогов предоставлялось откупщику со всей территории страны), *региональные* (когда это право имело территориальные ограничения), *специальные* (когда на откуп отдавались только отдельные виды налогов) и др. Охарактеризованная система открывала большие возможности для обогащения откупщиков, поскольку реально собранная ими сумма налогов могла в несколько раз превышать денежные средства, внесенные в казну. Так, в годы регентства Филиппа Орлеанского из 750 млн. ливров податей и налогов, выплаченных населением, в казну попало только 250 млн. ливров. Естественно,

что от негативных сторон системы откупов в первую очередь страдали непосредственные налогоплательщики из числа третьего сословия, у которых налоги и поборы поглощали до двух третей от общего количества доходов. В помощь откупщикам придавались воинские подразделения; сама процедура сбора налогов приобретала характер военной кампании, сопровождавшейся расстрелами, арестами и экзекуциями. Усиление налогового гнета, а также злоупотребления, чинимые откупщиками и официальными властями, были факторами, игравшими роль мощных детонаторов общественного недовольства и социальных конфликтов.

Судебная система продолжала оставаться сложной и запутанной. Характерной чертой этой системы являлось не до конца изжитое соединение судебной деятельности с административной. Королевская юрисдикция, хотя и значительно расширившаяся, продолжала сосуществовать со старыми элементами сеньориальной юстиции. Определенную самостоятельность сохраняли и церковные суды, хотя их персональная и предметная подсудность была существенно ограничена. Продолжали действовать специализированные трибуналы: коммерческие, банковские, военные, адмиралтейские и др. Чиновники, даже самого низкого ранга, были выведены из-под юрисдикции общих судов — их дела рассматривала вышестоящая должностная администрация.

Основным элементом системы королевских судов были суды в масштабе баляжей и сенешальств; таких судов насчитывалось около сотни по всей стране. Низший элемент королевских судов в масштабе превоств уже в значительной степени себя изжил. Выше баляжей стояли *парламенты*, относившиеся к числу верховных королевских судов. Во второй половине XVII в. общее число парламентов по стране составляло 14. Важнейшую роль из них играл *Парижский парламент*, распространявший свою юрисдикцию примерно на одну треть территории и на половину населения королевства. В XVIII в. в составе Парижского парламента насчитывалось 10 департаментов, в которых состояли 210 профессиональных судей-советников, а также значительное число советников-адвокатов. За королем сохранялось право изъятия любого дела из ведения Парижского парламента и рассмотрения его в королевском совете.

При королевских судах существовала *прокуратура* и *адвокатура*; первая из них (с функциями государственного обвинения) оформилась в самостоятельную организационную структуру в XVI в. При Парижском парламенте существовали должности Генерального прокурора и Генерального адвоката. *Следствие* начинает появляться и признаваться законом также не ранее XVI в.; оно подразделялось на предварительное и судебное.

Судебная практика абсолютизма демонстрировала полное пренебрежение принципами законности и правопорядка. Основополагающей уголовно-правовой идеей являлась презумпция виновности. Вследствие этого главная цель судебного разбирательства состояла не в установлении истины, а в расправе над лицами, представшими перед судом. Особенно это относилось к делам, затрагивающим интересы государства: здесь, по мысли Ришелье, вообще не требовалось доказательств вины, — их вполне могли заменять «основательные догадки», возникавшие в сознании правоприменителя.

Организация вооруженных сил. Одним из наиболее показательных атрибутов абсолютизма являлась постоянная армия, которая приобрела значительную численность и оформленную организационную структуру. Вплоть до середины XVII в. преобладающим типом военной организации оставались наемные контингенты т. н. *кондотьеров* — предводителей военных отрядов в званиях полковников и капитанов, находившихся на службе у короля. Кондотьеры получали (а иногда и покупали) разрешение на вербовку военных отрядов, в которых имелись и конные, и пехотные подразделения. Дисциплина в этих отрядах была весьма низкой: она поддерживалась лишь личной преданностью военнослужащих своим командирам. Общая численность всех вооруженных сил страны к началу XVII в. исчислялась 25—30 тыс. чел.; лишь в период Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) она выросла в 3—4 раза. Тогда же были предприняты попытки покончить с традициями кондотьерства путем передачи управления вооруженными силами в руки гражданских чиновников — государственных секретарей и армейских интендантов.

Серьезная перестройка вооруженных сил произошла в годы царствования Людовика XIV. Постоянное участие в войнах требовало возрастания численности армии (с 72 тыс. в 1667 г. до

300 тыс. в 1710 г.). Контингенты иностранных наемников (немцев, швейцарцев, испанцев и др.) перестали играть сколько-нибудь существенную роль. Армия стала комплектоваться в основном за счет вербовки рекрутов из числа местных уроженцев, преимущественно деклассированных элементов города и деревни. Возрастание этой категории в общей массе населения страны (в связи с углубляющимся кризисом феодальной системы) вызывало тревогу правящих кругов; вовлекая эту взрывоопасную массу в состав вооруженных сил, подчиняя ее армейской дисциплине, правительство одновременно решало сразу несколько важных для себя задач. Вербовка солдат, сопровождаемая, как правило, обманом и принуждением, осуществлялась по-прежнему на основе частного предпринимательства отдельными капитанами и полковниками, приобретшими королевские патенты. В 1668—1672 гг. военным министром Ф. Лувуа был проведен ряд мероприятий, направленных на общее реформирование всей системы вооруженных сил. Была усовершенствована система вербовки, упорядочена выплата жалования военнослужащим, предприняты меры по укреплению армейской дисциплины, сокращены иностранные наемные контингенты, сформирован Генеральный штаб, упорядочено прохождение военной службы, введена особая форма для каждого полка. Кроме должностей полковника и капитана, которые по-прежнему продавались, была установлена система непродажных должностей (лейтенант, майор, подполковник, бригадир). Крупные государственные военные мануфактуры через систему арсеналов и провиантских складов снабжали армию лучшими образцами вооружения и снаряжения (так, впервые в Европе французская армия перешла на использование курковых ружей со штыком вместо прежних фитильных мушкетов и копий).

В 1688 г. были организованы новые воинские части полурегулярного характера — т. н. *королевская милиция*. Эти части строились на основе принципа воинской повинности и комплектовались из деревенской молодежи. В мирное время милиция несла гарнизонную и караульную службу, а в случае войны являлась важным источником пополнения регулярной армии. Комплектование милиции и руководство ею было возложено на провинциальных интендантов.

Формируемый военно-морской флот строился на принципах принудительного набора. Начиная с 1669 г. было установлено, что все мужское население страны, проживавшее на морском побережье, обязано было по очереди служить в течение года на кораблях военного флота. Уклонение от этой службы, а также наем на иностранные суда (даже торговые) квалифицировались как государственное преступление. Усилиями Кольбера к 1677 г. была создана национальная кораблестроительная промышленность; Франция стала располагать флотом, насчитывавшим более 300 кораблей.

Опираясь на свою самую мощную в Европе военную организацию, Франция проводила активную экспансионистскую политику (в целом, достаточно успешную). Однако внешний блеск армии не мог скрыть процветавшего в ней жестокого антагонизма между рядовым составом и офицерским корпусом. Командные посты в армии могли замещаться только представителями дворянства, причем преимущественно той его части, которая обладала потомственным титулом. Эдиктом 1781 г. было установлено, что лицо, претендующее на офицерскую должность, должно было документально подтвердить свое потомственное дворянство вплоть до 4-го колена (это правило соблюдалось и при приеме в военные учебные заведения). Тем самым были существенно ущемлены интересы служилого дворянства, которое, как показывала повседневная армейская практика, было способно поставлять в армию наиболее подготовленные и квалифицированные офицерские кадры. Основная масса офицеров из числа потомственных дворян стремилась всячески уклониться от службы. Подсчитано, например, что накануне революции из 35 тыс. офицеров непосредственно в войсках находилось лишь 9 тысяч.

Полиция. Франция была первой страной Европы, где была сформирована регулярная профессиональная полиция. Естественно, что ее строительство началось со столицы. Здесь в 1666 г. по совету Кольбера была учреждена специальная комиссия под председательством канцлера Сегюра, которая преложила королю проект реформ, относившихся к благоустройству и общественной безопасности Парижа. Реализуя предложения комиссии, Людовик XIV своим эдиктом от 15 марта 1667 г. учредил должность *генерал-лейтенанта полиции* с широчайшими

полномочиями по обеспечению общественного порядка, спокойствия и безопасности в столице и в целом по стране. Генерал-лейтенант полиции имел в своем распоряжении бюро, насчитывавшее 42 чиновника, 48 полицейских инспекторов — по одному в каждом городском квартале, определенное число полицейских комиссаров, а также 60 наблюдателей общественной безопасности. Ему подчинялась вооруженная стража, представленная как пешими (около 900 чел.), так и конными (свыше 100 чел.) отрядами; кроме того, в его ведение была передана крепость Бастилия с ее 42 одиночными камерами.

Генерал-лейтенант полиции имел право ежедневного доклада лично королю. В своей деятельности он должен был руководствоваться полицейскими правилами и регламентами, изданными правительством. Со своей стороны, он наделялся правом издания собственных распоряжений, имевших подзаконный характер; в случаях, не предусмотренных законом, он имел широкие возможности самостоятельного усмотрения. При этом генерал-лейтенант полиции обладал и некоторыми судебными функциями по делам малых тяжб, выступая в качестве мирового посредника, действующего от имени короля. Пределы Парижа не ограничивали компетенцию генерал-лейтенанта полиции с пространственной точки зрения: он имел право преследования и ареста преступников в границах всего королевства. Так были заложены основные принципы построения полицейских органов, предварительно очерчены их полномочия и намечены направления дальнейшей деятельности, определены взаимоотношения полиции с другими властными и административно-управленческими структурами. К сказанному можно добавить, что должность генерал-лейтенанта полиции была отнесена к числу тех, которые подлежали продаже. Известно, например, что в январе 1697 г. она была продана за 250 тыс. ливров.

Версальский эдикт октября 1699 г. продолжил дальнейшее строительство полицейской системы в общегосударственном масштабе. Согласно этому документу в каждом городе и сельском округе, где уже до этого имелись представители королевской юрисдикции, учреждалась должность генерал-лейтенанта полиции (в ранге королевского советника), аналогичная должности руководителя столичной полиции. Новая долж-

ность также была включена в реестр подлежащих купле и продаже; предполагалось, что это должно принести казне доход в размере 4 млн. ливров. В качестве помощников местных генерал-лейтенантов действовали полицейские комиссары.

Функции полицейских властей имели тенденцию к постоянному расширению, так что со временем под их контроль были поставлены все проявления общественной и личной жизни королевских подданных. Устанавливалась цензура книг и спектаклей; под строгим надзором находилась учрежденная в 1631 г. первая газета (*Gazette de France*). Строго контролировалось открытие новых типографий. Подлежала просмотру частная корреспонденция (отцом-основателем полицейской перлюстрации считается Ришелье). Наряду с полицией общей безопасности формировались структуры политической полиции, расширялась сеть тайных осведомителей (т. н. *мушардов*).

Полиция обладала практически неограниченным правом на арест, в том числе и с использованием т. н. «приказов в запечатанных конвертах» (*lettres de cachet*). Последние представляли собой бланк документа, дающего право на арест, который был уже скреплен подписями и печатью, так что оставалось только вписать в него соответствующее имя. Такие бланки можно было приобрести за деньги (в среднем за 25 ливров). И хотя формально эти документы являлись лишь средством задержания преступника до передачи его в руки органов правосудия, «временное» задержание зачастую перерастало в весьма длительное, иногда пожизненное, без доказательств вины и обоснования наказания. Подсчитано, что при Ришелье было использовано не менее 50 тыс. подобных «тайных приказов». Несмотря на всеобщее недовольство такой практикой, означавшей уничтожение самого принципа личной безопасности, она имела широкое распространение вплоть до конца абсолютистского режима. Лишь специальный декрет Учредительного собрания от 13 марта 1790 г. положил конец этому вопиющему беззаконию.

Кризис абсолютной монархии. Французский абсолютизм, со всеми его материальными и идеологическими атрибутами, представлял собой классический образец неограниченной монархии. На ранних стадиях формирования капиталистических отношений он сыграл свою прогрессивную историческую роль, завершив решение важнейших общенациональных задач (окон-

чательное территориальное объединение страны, формирование единой французской нации, обеспечение экономического прогресса, совершенствование административно-управленческой системы). Однако с течением времени абсолютизм постепенно исчерпывал свои исходные прогрессивные потенции и все более определенно превращался в тормоз общественного развития.

К середине XVIII в. абсолютная монархия вступила в полосу кризиса, который постепенно приобретал всеобъемлющий, системный характер. Правительство было вынуждено искать спасения в экономических и административных преобразованиях, проводимых министрами-реформаторами А. Тюрго, Ж. Неккером, Ш. Калонном и др. в годы правления последнего из абсолютистских монархов Людовика XVI (1774—1792 гг.). Однако эти реформы характеризовались непоследовательностью и не имели четко выраженной социальной направленности. Вследствие этого они не встретили требуемой поддержки ни со стороны общества, ни со стороны правящих верхов. Оставаясь до конца последовательным выразителем политической воли дворянского класса, абсолютизм объективно не мог стать защитником интересов новых общественных сил, возглавляемых буржуазией. Чтобы подобная метаморфоза оказалась хотя бы теоретически возможной, абсолютизму пришлось бы радикально изменить свою классовую сущность — само собой разумеется, что подобный вариант развития событий был изначально исключен. Напротив, по мере дальнейшего кризиса феодальной системы, сопровождавшегося разложением феодальной государственно-правовой организации, политика королевской власти становилась все более реакционной: абсолютизм взял на себя задачу спасения обреченного историей феодального строя, основанного на иерархической системе собственности и порожденной ею сословной структуре общества. Поскольку решить эту задачу королевская власть даже в условиях максимальной мобилизации всех своих материальных ресурсов была не в состоянии, абсолютная монархия оказалась такой же преходящей государственной формой, как и все предыдущие. Но только если более ранние исторические разновидности французской монархии мирно и преемственно эволюционизировали в рамках феодального строя, ликвидация

абсолютизма, произведенная насильственным, революционным путем, одновременно ознаменовала приобретение французской государственностью принципиально новой классовой сущности.

2. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ В АНГЛИИ

Особенности социально-экономического развития. В XV в. английский феодализм вступил в новую фазу развития, и в течение XVI в. страна пережила столь радикальную перемену общественных отношений, которую в то время не испытала ни одна другая страна Европы. Старое манориальное хозяйство, основанное на барщинном способе эксплуатации крестьянства, пришло в упадок. Деревня стала основной сферой проникновения капитала; произошедший здесь аграрный переворот, основанный на экспроприации крестьянства, создал условия для бурного роста капиталистических отношений. Специфической особенностью Англии являлось то, что капитализм в ней имел преимущественно не городское, а деревенское происхождение; это обстоятельство наложило существенный отпечаток на весь дальнейший ход социально-экономического и политико-правового развития страны.

В правовом положении основной массы населения — крестьянства — произошли значительные перемены. В течение XV в. крепостное право было почти повсеместно уничтожено, и крестьяне добились личной свободы (как правило, в результате выкупа барщинных повинностей). Отношения между крестьянством и феодалами стали строиться на договорных началах. Основную массу населения английской деревни в XV в. составляли так называемые *копигольдеры* (от англ. *copyhold* — держание по копии), так как документом на держание надела служила для них выписка (или копия) из протокола решения манориального суда. Копия вручалась крестьянину после уплаты денежного взноса (*вступного файла*) и принесения присяги лорду; в документе фиксировались размеры денежной ренты, размеры земельного участка и срок держания. Сохранявшимся показателем прежнего несвободного состояния копигольдеров была невозможность их обращения за правовой защитой в королевские суды: до рубежа XV—XVI вв. суды общего права рас-

смаатривали дела только свободных держателей и отклоняли иски, связанные с копигольдом. Только в XVII в. суды общего права стали признавать манориальные обычаи, но это новшество не способствовало укреплению правового положения копигольдеров — напротив, судебная практика пошла по пути закрепления их зависимого положения по отношению к лордам и противопоставления копигольда свободному земельному держанию.

В целом, лорды не только сохранили возможность подерживать феодально-зависимый статус копигольдеров, но и усиливать давление на них. При этом механизмы давления могли быть столь же многовариантными, сколь разнообразными могли оказаться их последствия. Так, в графствах западной и юго-западной Англии экспроприация крестьянства осуществлялась в основном «мирными» средствами, в рамках манориального права. Основным (хотя и скрытым) методом экспроприации являлось здесь многократное увеличение вступных файлов за оформление феодального держания: в течение XVI—XVII вв. они выросли в десятки раз и явились основным источником обогащения лордов, компенсирующими их потери от перевода крестьян на денежную ренту. Поскольку копигольдерское держание имело срочный (а не наследственный) характер, возможность увеличения вступных файлов открывалась перед лордом при каждом истечении срока действия старой манориальной копии. В условиях возникавшей конкуренции новую копию мог получить только наиболее состоятельный крестьянин, тогда как перед его неудачливыми конкурентами открывалась перспектива быть отброшенными в разряд безземельных батраков.

В центральных и восточных графствах Англии основным рычагом экспроприации сельских производителей стали т. н. *огораживания* — методы прямого насильственного лишения крестьян их земельных держаний. В первой половине XVI в. в связи с резким возрастанием спроса на шерсть овцеводство в этих регионах стало вытеснять земледелие. Расширяя пастбища, феодалы начали захватывать пахотные земли, сгоняя с них арендаторов. Это привело к обнищанию значительной части сельского населения, которое стало покидать свои деревни. Города переполнились бродягами и нищими: так, в начале XVII

в. четверть населения Лондона составляли деклассированные элементы. Массовая пауперизация населения стала важнейшей социальной проблемой и потому не могла не привлечь внимания правительства. Короли из династии Тюдоров (1485—1603 гг.), руководствуясь в первую очередь военно-фискальными интересами (в обычных условиях именно крестьянство являлось основным налогоплательщиком и поставляло в армию воинские контингенты), осуществили ряд законодательных мероприятий, направленных против бродяжничества и нищеты (т. н. *кровавое законодательство*), которые, однако, не смогли существенно повлиять на характер и направление происходивших в стране социально-экономических процессов.

Вторую категорию крестьянского населения Англии составляли свободные держатели — *фригольдеры*. Земля, находившаяся в их владении, фактически составляла их собственность; размеры денежной ренты, выплачиваемой фригольдерами, были, как правило, весьма невелики. Фригольдеры пользовались правовой защитой королевских судов; в отличие от копигольдеров они обладали правом выборов в парламент.

Названные категории крестьянского населения не представляли собой две внутренне единые массы. Каждая из них, в свою очередь, расслаивалась по признаку состоятельности. Размеры земельных владений крестьян колебались от 3—5 акров до 250—300 акров. Поляризация деревни вела к размыванию социального ядра крестьянства — его средних слоев (*йоменри*); она являлась первым симптомом будущего аграрного переворота, который впоследствии привел к исчезновению английского крестьянства как класса. Наиболее зажиточные крестьяне из обеих категорий располагали возможностями эксплуатировать наемный труд, скупать земли разоряющихся крестьян, арендовать участки помещичьих земель. Для них не был закрыт и путь проникновения в ряды дворянского сословия. В целом, каналы «подпитки» дворянства за счет неблагородных социальных элементов в Англии были гораздо более свободными в юридическом смысле, чем во Франции.

Что касается непосредственно дворянства, то в его составе все более четко выделялись две категории. Одна из них, получившая наименование «старого дворянства», была ориентирована на сохранение традиционных форм хозяйствования,

построенных на барщинных формах эксплуатации крепостного крестьянства. Группировка «старого дворянства» возглавлялась титулованными аристократическими родами, ведущими свое происхождение из прежней англосаксонской знати и уцелевшими во время войны Алой и Белой роз. Их объективными союзниками оказывались широкие слои старого рыцарства, т. е. тех средних и мелких представителей феодального сословия, которые в предшествующие времена кормились за счет службы при дворах и в вооруженных свитах крупных земельных магнатов. «Старое дворянство» не смогло приспособиться к тем радикальным переменам, которые происходили в позднефеодальной экономике. Вынужденные раздавать свои земли в аренду крестьянам, они впредь могли существовать только на те средства, которые шли в их пользу в виде денежной ренты. Но поскольку рента была фиксированной, ее произвольное повышение оказывалось невозможным; размер же получаемых «старым дворянством» доходов не соответствовал его возрастающим запросам. Неумеренное стремление к роскоши и показному благополучию приводило аристократию к необходимости продавать свои родовые владения. Так, за период 1556—1602 гг. из 40 семейств пэров 13 семейств потеряли до половины, а 25 — до четверти своих наследственных маноров. Аристократия, в течение веков не задумывавшаяся над проблемами своих доходов, психологически не могла снизойти до того, чтобы заняться повышением рентабельности своих хозяйств. Единственным легальным выходом из этой кризисной ситуации было для нее проникновение в ряды получателей централизованной ренты, завоевание права на участие в распределении государственных доходов, собранных в казну в виде налогов. Поэтому борьба за овладение короной или хотя бы за приближение к трону с целью расхищения государственной казны являлась главной задачей различных противоборствующих феодальных группировок. Впрочем, сохраняли свое значение и различные нелегальные методы обогащения старой знати в виде участия в военных походах на континент либо в прямых вооруженных грабежах богатых соседей по имени или проезжих купцов. Естественно, что подобная ориентация «старого дворянства», отвечавшая корыстным претензиям обреченных на гибель социальных группировок, находилась в полном противоречии с общенаци-

ональными потребностями экономического и политико-правового развития.

Носителем прогрессивных тенденций в рядах дворянского сословия являлась его другая категория, т. н. «новое дворянство» — *джентри* (gentry). Социальной базой джентри явились слои среднего и мелкого дворянства, оказавшиеся способными учесть новую социально-экономическую ситуацию и перестроить свое хозяйство на принципах эксплуатации наемного труда. Ряды джентри постоянно пополнялись за счет обогатившихся крестьян-фригольдеров, а также городских торговцев и владельцев мануфактур, одновременно приобретших и земельную собственность. Именно земельные владения «нового дворянства» являлись образцовыми хозяйствами того времени: здесь совершенствовалась система земледелия, производилась мелиорация почвы, выращивались новые культуры, осваивались новые деревенские промыслы. Доходность таких хозяйств постоянно возрастала, шел процесс укрепления их постоянных связей с рынком. По сведениям одного из сочинений, датированного 1600 г., доходы джентри в три раза превышали доходы высшей знати, епископов и зажиточных крестьян, вместе взятых. В XVII в. количество семей джентри исчислялось уже несколькими тысячами. Социальный вес «нового дворянства» в английском обществе имел тенденцию к неуклонному повышению; намечались перспективы будущего политического сотрудничества джентри с городской буржуазией вследствие идентичности их экономических интересов.

Процессы, происходившие в аграрном секторе экономики, сопровождались интенсивным ростом промышленного производства. Как уже было отмечено ранее, особенностью английского варианта генезиса капитализма являлось то, что не только сельскохозяйственное, но и промышленное производство было локализовано преимущественно в деревне: деревня привлекала интересы предпринимателей потому, что в ней не существовало свойственного городу цехового режима, который стеснял производство и ограничивал конкуренцию. Особенно быстрыми темпами развивалось изготовление сукна, которое в XVI в. являлось не только самым высококачественным, но и самым дешевым в Европе. В начале XVII в. до 90 % английского экспорта составляли сукно и шерсть. Увеличивалось производ-

ство шелковых и хлопчатобумажных тканей, кожаных и скобяных изделий. Возрастала потребность в добыче каменного угля, железной руды, цветных металлов. Высокого уровня развития достигло кораблестроение: во второй половине XVI в. торговый флот Англии насчитывал 6,5 тыс. судов.

Сферой приложения капиталов являлась и торговля — как внутренняя, так и внешняя. Лондон превращался в международный центр торговли и кредита: здесь стал создаваться крупный порт, а в 1568 г. была открыта биржа. При поддержке правительства разворачивалась деятельность купеческих кампаний — Московской (1554 г.), Балтийской (1579 г.), Левантийской (1581 г.), Гвинейской (1588 г.), Ост-Индской (1600 г.) и др. С начала XVII в. правительство встало на путь основания заокеанских колоний. В 1607 г. была основана первая колония Англии в Северной Америке, названная Виргинией в честь «королевы-девы» (the Virgin Queen) Елизаветы I.

Таким образом, происходившие в стране процессы экономического развития выводили на арену новые социальные силы, способствовали возникновению новых комбинаций их политических интересов. Общественные слои, связанные с развитием новых форм производства в деревне и городе, были объективно заинтересованы в централизации государственной власти. Они были способны поддержать королевскую власть в ее стремлении укрепить государственно-правовые институты, значительно ослабленные в период феодальных междоусобиц конца XV в. Итогом общественно-политического развития страны явилось складывание в годы правления Тюдоров новой государственной формы — абсолютной монархии в ее специфическом национальном варианте, имевшем существенные отличия от аналогичных континентальных образцов.

Взаимоотношения короля и парламента. Правление первых королей династии Тюдоров было посвящено преодолению тех губительных последствий, которые принесла государственным институтам Англии кровопролитная война Алой и Белой роз. Генрих VII (1485—1509 гг.) санкционировал роспуск военных дружин крупных земельных магнатов, приказал разрушить их замки, монополизировал право короны на использование артиллерии, подавил феодальные мятежи, физически уничтожил наиболее видных представителей аристократической зна-

ти, которые по праву крови могли заявить о своих претензиях на королевский трон. В 1488 г. Генрих VII добился принятия парламентом «Билля о государственной измене», на основании которого было осуждено 8 тыс. человек, подозреваемых в заговорах и мятежах. Взамен старой аристократии, оттесняемой с политической арены, Генрих VII энергично выдвигал верных себе людей из числа т. н. «тюдоровской аристократии», даруя своим приверженцам титулы и предоставляя им должности в государственном аппарате. Проведенные массовые конфискации земельной собственности и движимого имущества мятежников значительно укрепили финансовое положение короны, обеспечили ее независимость от сословно-представительных учреждений. Увеличились размеры королевского поместья, возросло количество получаемых с него доходов. Была существенно ограничена юрисдикция манориальных судов за счет расширения компетенции королевских судебно-административных учреждений. Усилия королевской власти, направленные на политическую стабилизацию, на установление в стране мира и спокойствия, нашли поддержку со стороны подавляющей массы среднего и мелкого дворянства, заинтересованного в преодолении феодальной анархии, а также городского населения, имевшего интересы в торгово-предпринимательской сфере.

Сын и преемник первого Тюдора, король Генрих VIII (1509—1547 гг.) уделил особое внимание установлению суверенитета королевской власти над теми территориями страны, которые либо сохраняли элементы государственной самостоятельности еще со времен сословно-представительной монархии, либо узурпировали ее в период феодальных междоусобиц. Так, после подавления восстания 1537 г. пять наиболее удаленных северных графств были поставлены под полный контроль короны: местные лорды были лишены судебных прерогатив и финансовых иммунитетов, на эти территории была распространена общенглийская административная система, а управление было передано специальному органу — Совету Севера. По этой же схеме в 1536—1542 гг. было преобразовано и управление Уэльсом, возглавляемое также соответствующим Советом.

Правление Генриха VIII ознаменовалось оформлением основных институтов английского абсолютизма. Происходило теоретическое обоснование политической доктрины королевского суверенитета, предполагавшей сосредоточение в руках

верховного правителя основных законодательных, административных и судебных государственных полномочий. Власть монарха провозглашалась божественной по своему происхождению; сам король рассматривался в качестве наместника Бога на земле.

Однако реальная политическая действительность Англии состояла в том, что установление здесь абсолютистской формы правления не сопровождалось, как в других европейских странах, ликвидацией или умалением роли высшего органа сословного представительства. Хотя в XVI в. полномочия парламента были значительно урезаны по сравнению с периодом расцвета его влияния, пришедшегося на два предыдущих столетия, парламент при Тюдорах продолжал обладать статусом одного из высших государственных органов. Сохранение парламента в качестве важнейшего элемента политической системы, его эффективное и плодотворное сотрудничество с монархией (хотя и в условиях доминирующего влияния короны) составляли главную специфическую особенность английского варианта абсолютизма. В условиях значительных перемен, произошедших в социальной структуре Англии в XVI в., парламент (в первую очередь, его нижняя палата) стал представительством тех общественных сил, которые объективно поддерживали политику первых Тюдоров. Новое дворянство и буржуазия, объединенные общими экономическими и политическими интересами, направляли парламентскую деятельность не по пути оппозиции, а по пути лояльной поддержки основных направлений законодательной и административной деятельности центральных правительственных учреждений. В связи с этим парламент выступал не противовесом, а опорой королевской власти, и Тюдоры успешно использовали эту уникальную ситуацию для укрепления своих верховных государственных полномочий.

Сознавая свою зависимость от короны, парламент иногда был вынужден принимать решения, ущемлявшие его собственные прерогативы. Так, в 1539 г. Генрих VIII добился утверждения парламентом права на издание королем особых указов (т. н. *прокламаций*), которые имели силу закона и приравнивались к *статутам* (последние, в соответствии с предшествовавшей государственно-правовой практикой, являлись нормативными актами высшей юридической силы, издаваемыми королем «с совета и согласия» парламента). Поскольку для издания про-

кламаций парламентской санкции не требовалось, первые Тюдоры стремились созывать представительство сословий как можно реже. И хотя в 1547 г. парламенту удалось настоять на отмене акта 1539 г., приоритет короля над парламентом продолжал сохраняться.

В качестве своеобразной компенсации за уступки в законодательной сфере были оставлены непререкаемыми финансовые полномочия парламента. В частности, без согласия парламента король не мог ни вводить новые налоги, ни собирать ранее установленные. Именно на этой почве столкновения двух высших государственных органов происходили наиболее часто, а сопротивление парламента королевской власти оказывалось особенно эффективным. Без участия парламента по традиции не решались и некоторые вопросы из сферы государственного права, касавшиеся, например, порядка замещения престола: так, престолонаследие всех пяти монархов из династии Тюдоров было основано на специальных парламентских актах (напомним, кстати, что Генрих VII, Мария I и Елизавета I не имели бесспорных прав на престол, и парламентское признание было необходимо им для того, чтобы спокойно чувствовать себя на троне). Именно парламентское законодательство явилось юридической базой церковной Реформации. В определенной мере сохранялось и право контроля парламента над органами государственного управления. В целом, в политической доктрине английского абсолютизма достаточно отчетливо проявились представления о том, что королевская власть способна приобрести всю полноту своих верховных прерогатив только при условии тесного сотрудничества с парламентом.

Вместе с тем, Тюдоры решительно пресекали даже малейшие попытки парламента выйти за пределы очерченных ему полномочий. Сам персональный состав парламента в значительной степени определялся предписаниями королевской администрации: вследствие прямого вмешательства в избирательную процедуру большинство мест в парламенте заранее обеспечивалось за желательными депутатами. Еще с 1410 г. действовало право короля произвести проверку правильности их избрания — в связи с этим любой неугодный депутат мог быть лишен своего мандата. С особой тщательностью формировался рабочий аппарат парламента; на должности спикера палаты

общин обычно оказывалось лицо, пользующееся полным доверием короны. Король и его министры имели возможность эффективно контролировать парламентскую деятельность на всех ее стадиях: законодательная инициатива, как правило, происходила от правительства; ход парламентских дебатов направлялся членами Тайного совета. За монархом сохранялось право абсолютного вето на любой парламентский акт; подсчитано, например, что Елизавета I отклонила 48 биллей из 91, представленного ей на подпись. Кроме того, королю принадлежало право отсрочить исполнение уже принятого закона, изъять из-под его действия любое лицо. Практика применения парламентского импичмента при Тюдорах практически вышла из употребления. Располагая, по существу, всей полнотой верховной власти, монархия, тем не менее, на протяжении практически всего XVI в. стремилась к сотрудничеству с парламентом, используя его для решения собственных управленческо-организационных задач, имевших своей конечной целью укрепление абсолютистского режима. Лишь в самом конце рассматриваемого периода проявились первые симптомы кризиса во взаимоотношениях двух высших государственных органов — симптомы, которые стали заметно нарастать после воцарения новой династии Стюартов.

Центральный государственный аппарат. В годы правления Генриха VIII произошла радикальная реорганизация государственной административной системы, в которой до этого сохранялись многочисленные пережитки принципов дворцово-вотчинного управления. В результате был фактически заново построен более современный аппарат — разветвленный, постоянно действующий, формируемый на кадровой, профессиональной основе. Следует, однако, отметить, что как величина, так и степень централизации и бюрократизации этого аппарата значительно уступали аналогам, существовавшим в континентальных абсолютистских монархиях (в частности, во Франции). Число высших государственных чиновников в Англии не превышало 1,5 тыс. человек. Основные расходы на содержание этого аппарата поступали не из казны, а складывались из тех взносов и поступлений, которые вносили частные просители, обращавшиеся к должностным лицам. Крупные чиновники предпочитали формировать штат своих ведомств из числа людей, находившихся под их покровительством. Поскольку выплата

жалования этим мелким клеркам также в значительной степени осуществлялась не из государственных средств, а из средств их патронов, низовой чиновничий аппарат оказывался в подчинении своему начальству не только в плане должностной субординации, но и по линии материальной зависимости.

Центральным административным и исполнительным органом в системе правительственных учреждений являлся *Тайный совет* (Privy Council), сложившийся в своих основных чертах в годы правления Генриха VII и получивший законодательное оформление в 1526 г. Этот орган возник на базе старого Постоянного совета, в который традиционно входили пары королевства и представители высшего церковного клира. Члены Тайного совета персонально назначались королем из числа своих наиболее надежных приверженцев; при этом в составе Совета могли оказаться не только представители знатных аристократических фамилий, но и лица весьма скромного происхождения. Первоначально Тайный совет имел исключительно совещательные функции, но при Генрихе VIII приобрел статус высшего постоянно действующего органа, наделенного правом решения всех важнейших вопросов из сферы внутренней и внешней политики — финансовых, военных, дипломатических и др. С ведома Совета осуществлялось назначение и смещение чиновников. Кроме того, Тайный совет имел право рассмотрения некоторых судебных дел в качестве суда первой инстанции и в апелляционном порядке. Число членов Тайного совета в соответствии с регламентом 1526 г. было определено в 20 человек; при первых Стюартах оно увеличилось до 42 человек. В Совете были представлены высшие должностные лица государства: королевский секретарь, лорд-канцлер, лорд-казначей, лорд-хранитель королевской печати, глава придворного ведомства, высшие военные армейские и морские чины, руководитель столичной полиции и др. Заседания Тайного совета происходили, как правило, без личного участия короля; посреднические функции между королем и Советом осуществлялись королевским секретарем. Должность последнего в эпоху Тюдоров претерпела значительную эволюцию: из личного слуги монарха он превратился в могущественного министра, на которого была возложена задача координации деятельности различных государственных ведомств. Регламентом 1526 г. пре-

дусматривалось и существование *Малого совета*, состоявшего из 10 членов Тайного совета, особо приближенных к королю. По аналогии с Тайным советом, но с учетом подведомственной специфики строилась деятельность упомянутых ранее Совета Севера и Совета Уэльса.

В период абсолютизма продолжали функционировать созданные ранее высшие судебные учреждения королевства — Суд королевской скамьи, Суд общих тяжб и Суд канцлера. В самом начале правления Генриха VII (в 1487 г.) был учрежден новый высший судебный орган — *Звездная палата* (Court of Star Chamber), которая имела своей первоначальной целью борьбу с мятежной феодальной знатью. Особое положение этого органа подчеркивалось способом его формирования: в его состав вводились члены Тайного совета, а также верховные судьи Суда королевской скамьи и Суда общих тяжб; вследствие этого Звездная палата имела статус комиссии Тайного совета. Со временем компетенция Звездной палаты была значительно расширена: она стала осуществлять общий надзор за всей системой правосудия в стране. При Елизавете I (1558—1603 гг.) Звездная палата стала высшим судебным трибуналом по политическим и религиозным делам. При первых Стюартах она превратилось в главное орудие подавления оппозиции, расправы с противниками абсолютистского режима и господствующей англиканской церкви. Судопроизводство в Звездной палате имело инквизиционный характер, сопровождалось применением пыток. При вынесении приговоров судьи не были связаны законами и обладали широким правом усмотрения. Деятельность Звездной палаты вызывала массовое общественное недовольство. Неслучайно поэтому ее ликвидация (5 июля 1641 г.) явилась одним из самых решительных мероприятий Долгого парламента на первом этапе буржуазной революции.

Организация местного управления. Система органов местного управления строилась на сочетании двух основных принципов — выборности и назначения; при этом первый из названных принципов обладал приоритетом над вторым. Широкое распространение принципа выборности местной администрации, не получавшей жалования из государственной казны, составляет важнейшую специфическую особенность английской государственной системы изучаемого периода, радикально отличающей ее от большинства континентальных стран.

Основным элементом системы местного управления в графствах являлись *мировые судьи* (Justices of the Peace). Продолжал сохранять силу статут середины XV в., согласно которому имущественный ценз для претендента на должность мирового судьи определялся в 20 фунтов стерлингов годового дохода. Выборы мировых судей проводились на собраниях графств, где было представлено местное дворянство. Процедура выборов проходила под контролем центральной администрации, так что о свободном волеизъявлении избирателей говорить не приходится. Среди мировых судей было немало лиц, принадлежавших к категориям светской и духовной аристократии, но подавляющее большинство этих должностей замещалось представителями среднего и мелкого дворянства.

Для отправления правосудия мировые судьи собирались на сессии четыре раза в течение года (т. н. «четвертные сессии»). В промежутках между четвертными сессиями могли происходить «малые сессии» в составе коллегий из 2—3 мировых судей, которые действовали без участия присяжных заседателей.

Осуществление судопроизводства являлось хотя и важнейшей, но далеко не единственной функцией мировых судей: сфера их полномочий касалась практически всех сторон повседневной жизни графства. На мировых судей возлагались обязанности по поддержанию общественного спокойствия и правопорядка (подавление мятежей и раскрытие заговоров, пресечение бродяжничества и нищенства, борьба с ересями и вероотступничеством), проведение мероприятий фискального (сбор налогов, займов и иных платежей) и военно-организационного характера (осуществление рекрутского набора, созыв местного ополчения, провиантская служба, строительство оборонительных сооружений), регулирование вопросов, связанных с развитием производства и торговли (выдача лицензий и патентов, контроль за качеством продукции и рыночными ценами, определение уровня заработной платы), организация мер социального призрения, контроль над местами лишения свободы и исправительными учреждениями и мн. др. Постоянное возрастание объема задач, решаемых местной администрацией, имело своим следствием как увеличение самого количества мировых судей (за период правления Тюдоров оно

возросло с 10 до 40—50 в каждом графстве), так и расширение штата мелких чиновников, находившихся в их подчинении (главных констеблей сотен, констеблей приходов, церковных старост и др.).

Наряду с выборными мировыми судьями в графствах действовали *шерифы*, назначенные королем; им подчинялись *бейлифы* сотен и *коронеры*. В течение XVI в. окончательно утвердился принцип подчинения шерифов мировым судьям. Однако распределение полномочий выборных и назначенных должностных лиц местной администрации оставалось неурегулированным, что отрицательно сказывалась на результатах их деятельности. Поскольку большинство представителей местной администрации не получали жалования из государственной казны, рычаги воздействия на них со стороны центральных правительственных учреждений оказывались недостаточно сильными. Чиновники местных управленческих структур зачастую гораздо больше ориентировались на общественное мнение своих графств, чем на распоряжения, поступающие из центра, поскольку экономические и политические интересы местных джентри и буржуазии оказывались им ближе, чем интересы правительственной бюрократии. Поэтому в условиях нараставшего общественно-политического кризиса, особенно проявившегося при первых Стюартах, местные власти объективно оказывались в рядах оппозиции абсолютистскому режиму, проводя политику негласного саботажа правительственных распоряжений. Центральная власть пыталась противодействовать этой тенденции путем рассылки в графства своих эмиссаров — *лордов-лейтенантов*, на которых возлагались функции руководства местным ополчением, а также контроля за деятельностью органов местного управления — мировых судей и констеблей. Обычно на должности лордов-лейтенантов назначались представители аристократических кланов, проявлявших особую лояльность режиму Тюдоров и Стюартов. Впрочем, эта мера, имевшая временный и чрезвычайный характер, не могла переломить общую тенденцию нарастания оппозиции со стороны местных властей.

Еще одно существенное изменение в системе местных органов заключалось в административном оформлении низовой самоуправляющейся единицы — *церковного прихода* (Parish),

в рамках которого сочетались функции церковного и территориального управления. Институирование церковных приходов в качестве самоуправляемых общин было завершено в годы правления Елизаветы I. Ведение собственно церковных дел в приходе осуществлялось его настоятелем (*пастором*). Мирские же дела, затрагивавшие повседневные интересы прихожан (раскладка налогов, ремонт общественных зданий и дорог, первоначальное школьное обучение, оказание помощи беднякам и т. п.), решались ими самими на общих сходах, созываемых по мере необходимости, но не реже одного раза в год. На этих сходах, где председательствовал настоятель прихода, имели право участвовать все члены церковной общины — мужчины и женщины всех сословий и состояний. Избранные сходом должностные лица (церковный староста, местный казначей, попечитель над бедными, смотритель за дорогами и др.) находились под контролем мировых судей. Исключительной юрисдикции мировых судей были предоставлены все споры между отдельными лицами и церковными приходами, а также различных церковных приходов между собой.

Организация вооруженных сил. Специфическая особенность абсолютной монархии в Англии, существенно отличавшая ее от других аналогичных европейских режимов, заключалась в относительно слабом развитии ее карательных механизмов, и в частности, в отсутствии регулярной армии — одного из тех важнейших атрибутов, с которым обычно ассоциируется анализируемая государственная форма. В значительной степени это обстоятельство находит свое объяснение в особом географическом (а именно островном) положении Английского государства. Если для континентальных стран Европы защита их территориальных границ представляла важнейшую жизненную задачу, требовавшую постоянных усилий по наращиванию и совершенствованию системы вооруженных сил, для Англии проблемы внешней безопасности всегда оставались менее актуальными: проливы Ла-Манш и Па-де-Кале даже в самых узких своих частях (соответственно 32 км и 29 км) являлись серьезной преградой на пути иностранных вторжений.

Средства, отпускаемые казной на военные расходы, были незначительными, поскольку созданные при Генрихе VII отряды королевской гвардии не превышали 200 чел.; незначи-

ми по численности были и подразделения, несшие службу по охране крепостей. Впрочем, в случае возникновения военной опасности или угрозы внутренних мятежей королевская власть имела возможность опереться на значительную вооруженную силу, основой которой могло стать местное ополчение, базировавшееся на принципах милиционно-территориальной системы. На эти контингенты казна не тратила финансовые средства: каждый ополченец являлся на призыв с тем вооружением, которое ему было предписано приобрести за собственный счет, а расходы на сбор ополчения, на его обучение и снабжение необходимым провиантом оплачивались местными налогоплательщиками. Естественно, что данная система вооруженных сил была пригодна для ведения лишь оборонительных войн. Если же возникала необходимость военных экспедиций на континент, правительство прибегало к вербовке наемников из числа иностранцев или местных дворян-волонтеров. К концу XVI в. стали практиковаться принудительные рекрутские наборы, в ходе которых путем насилия или обмана на военную службу зачислялись деклассированные элементы — бездомные, бродяги и нищие, представлявшие с точки зрения правящих кругов значительную общественную опасность.

Практически не нуждаясь в постоянной сухопутной армии, Англия испытывала настоятельную необходимость в строительстве сильного военно-морского флота. Его основание было положено Генрихом VII. Строительство боевых кораблей щедро субсидировалось из средств государственной казны; с населения прибрежных графств и портовых городов взимался особый налог (т. н. «корабельные деньги»). Хотя собственно королевский флот был сравнительно невелик (он насчитывал несколько десятков боевых кораблей), правительство имело право в случае необходимости привлечь для решения военных задач корабли частных владельцев. Кроме того, Тюдоры не гнушались прибегать и к услугам пиратов, взамен за оказываемое им гласное и негласное покровительство (особенно характерной в этом отношении являлась политика правительства в годы правления Елизаветы I). Техническое и военно-тактическое превосходство английского флота особенно наглядно проявилось в сражениях с испанской «Непобедимой армадой» в августе 1588 г. Сильнейшему в Европе испанскому флоту, насчитыва-

вавшему 128 кораблей с 2400 орудиями и 27 тыс. матросов и солдат, Англия смогла противопоставить собственное военно-морское соединение в составе 197 меньших по размеру, но гораздо более маневренных кораблей, несущих 6500 орудий и 16 тыс. экипажа. В ходе нескольких сражений Армада потерпела поражение; кроме того, несколько десятков испанских кораблей погибло от шторма, так что в Испанию вернулось только 65 боевых и транспортных судов с 9—10 тыс. чел. Гибель Армады подорвала военное и политическое могущество Испании. К концу XVI в. Англия превратилась в ведущую европейскую морскую державу.

Особенности английской Реформации. Общеввропейское движение за реформу церкви, развернувшееся в XVI в., в условиях Англии приобрело специфический характер и привело к важным политическим последствиям. Оно происходило здесь под фактическим руководством королевской власти и использовалось последней для решения собственных задач преимущественно материального характера: в секуляризации церковных богатств (а церкви принадлежала одна треть всех обрабатываемых земель в стране) правительство усмотрело один из важнейших путей преодоления острого финансового кризиса, развернувшегося в годы правления Генриха VIII.

Непосредственным поводом к началу церковной реформы послужил отказ римского папы признать развод Генриха VIII с его женой Екатериной Арагонской (для последующего брака с Анной Болейн). В ответ на этот отказ так называемый Реформационный парламент, действовавший с 1529 по 1536 год, по настоянию Генриха VIII принял «Акт о супрематии» (1534 г.), в котором провозгласил английскую церковь независимой от папского престола и признал короля главой этой церкви. Английское духовенство освобождалось от платежей в пользу папской курии; отменялось право папы назначать высший английский церковный клир, рассматривать обращенные к нему апелляции. Высшей церковной судебной инстанцией провозглашался король (или по его поручению — архиепископ Кентерберийский). На должность архиепископа Кентерберийского король назначил одного из своих ближайших сторонников — доктора богословия Т. Кранмера; церковный суд, созданный под его председательством, расторгнул брак короля с его пер-

вой женой. Парламентскими актами 1536— 1539 гг. были закрыты свыше 3 тысяч монастырей, а их земли и другое имущество были конфискованы в пользу казны. Несколько позднее (в 1547 г.) последовал акт о ликвидации часовен и секуляризации их имущества. С течением времени основная часть церковных богатств перешла в руки аристократии, чиновничества, джентри, торгово-предпринимательских кругов. Новым владельцам передавалось и право взимания церковной десятины; светские владельцы церковной десятины составили новую социальную прослойку так называемых *импроприаторов*. Естественно, что подобные радикальные перераспределения собственности не могли не отражаться на новой расстановке общественно-политических сил в стране.

Особый вариант церковной организации, возникший в результате Реформации, получил наименование *англиканской* (или *епископальной*) *церкви*. Англиканизм занял некоторое среднее положение между католичеством и протестантизмом. Король получил официальный статус «протектора и верховного главы англиканской церкви и ее духовенства»; именно на короля возлагалась отныне задача борьбы с религиозными ересями. Церковь превратилась в составную часть государственного аппарата; назначение на церковные должности стало исключительной прерогативой королевской власти. Богослужение велось на английском языке, а церковный приход, возглавляемый духовными лицами, как уже было отмечено ранее, стал низшим элементом местной административной системы страны. Были, однако, оставлены в неприкосновенности многие религиозные догматы и обряды, сближавшие англиканскую церковь с католической (например, обет безбрачия духовенства).

Король требовал от всех своих подданных полного признания новой церковной организации. За отрицание ее принципов и догматов виновные наказывались смертной казнью как за государственные преступления. Особенно жестоко преследовались носители идей народной реформации (в том числе так называемые *анабаптисты*) — их рассматривали как самых опасных еретиков, не заслуживающих никакого снисхождения. Обычным средством расправы с ними были сожжения на костре. Опасаясь распространения оппозиции к новой церкви среди народных низов, Генрих VIII специальным указом 1547 г. запретил чтение и толкование Библии (переведенной к тому вре-

мени на английский язык) мастеровым, наемным работникам, слугам и земледельцам.

Кратковременное правление Эдуарда VI (1547—1553 гг.) прошло под знаком продолжения и углубления церковной реформы. Однако воцарение после его смерти королевы Марии I (1553—1558 гг.), дочери Генриха VIII и Екатерины Арагонской, ознаменовалось началом феодально-католической реакции и жестоким преследованием сторонников Реформации, многие из которых (около 300 человек, в том числе и Т. Кранмер) закончили свою жизнь на эшафоте. В стране была фактически восстановлена римско-католическая религия; полным ходом шла подготовка акта о реституции секуляризированных церковных земель. Вступив в брак с наследником испанского престола, будущим королем Филиппом II, Мария стала проводить политику, идущую вразрез с национальными интересами страны. Сменившая Марию на престоле Елизавета I, дочь Генриха VIII и Анны Болейн, восстановила англиканскую религию, подтвердила королевскую супрематию над церковной организацией. Все священнослужители, а также светские лица, вступавшие в должность, обязаны были приносить присягу верности королю как главе церкви. Англиканское исповедание стало обязанностью всех подданных королевства. Была установлена единая форма богослужения на английском языке. К 1571 г. была закончена разработка символа веры англиканской церкви, построенного на сочетании католических и протестантских догматов. Был издан ряд законов против ортодоксальных католиков; переход в католическую веру приравнивался к государственной измене.

Высшим органом церковного управления стала учрежденная еще Генрихом VIII так называемая «Высокая комиссия». При Елизавете I она приобрела статус специализированного государственного органа, в состав которого наряду с духовными лицами входили некоторые члены Тайного совета и другие высшие чиновники. На Высокую комиссию была возложена обязанность рассматривать дела, связанные с нарушением законов о верховенстве королевской власти над церковью, бороться с ересями, лжеучениями и уклонениями от исполнения религиозных обрядов. Впоследствии юрисдикция Комиссии была распространена и на некоторые светские дела (например, свя-

занные с цензурой печати). Комиссия обладала правом подвергать виновных тюремному заключению и облагать их штрафами. В конце правления Елизаветы I и особенно при первых Стюартах данное учреждение превратилось (наряду со Звездной палатой) в одно из самых могущественных орудий абсолютизма в борьбе с растущей политической оппозицией.

Мероприятия, проведенные правительством Елизаветы I, завершили процесс реформирования английской церковной организации. В целом, в отличие от других стран континентальной Европы, где формирование национальных церквей происходило в результате массовых народных движений, Реформация в Англии приобрела вид управляемого политико-правового процесса, инициированного правящими кругами и прошедшего под контролем абсолютистского государства. Характерным являлось и то обстоятельство, что главными стимулами этого процесса являлись не столько конфессиональные, религиозно-догматические побуждения вовлеченных в него социальных сил, сколько их материальные, имущественные (в первую очередь, финансовые) интересы. Осуществляя перестройку своей национальной церкви, английский абсолютизм по существу решал собственные классовые задачи. Конкретные же приемы и способы предпринимаемых решений определялись спецификой социально-экономической и политической ситуации, сложившейся в Англии в переломном XVI столетии.

Кризис абсолютистского режима. Продолжительное, почти полувековое правление королевы Елизаветы I, последней представительницы династии Тюдоров, было временем наивысшего расцвета абсолютизма в Англии. Вместе с тем, к концу этого царствования все более отчетливо стали проявляться симптомы кризиса абсолютистского режима. Государственное регулирование экономики, выступавшее ранее стимулом ее развития, все более и более превращалось в тормоз. Фискальные интересы короны, формируемые под влиянием требований консервативных кругов, получили преобладание над принципами покровительства предпринимательству. Политические симпатии королевской власти, которые прежде были искусно распределены между феодальным дворянством и буржуазными элементами, стали все более явственно смещаться в пользу первых, ущемляя интересы вторых; уходила в прошлое та по-

литика лавирования монархии между двумя названными социальными комплексами, которую столь виртуозно демонстрировала Елизавета I в начале своего царствования. Парламент, олицетворявший классовый союз джентри и городских торгово-предпринимательских кругов, испытывал все возрастающее давление со стороны королевских правительственных структур. Статуты XIV в., предусматривавшие ежегодные созывы парламента, не были отменены, но и не соблюдались. За 45 лет правления Елизаветы I состоялось всего лишь 13 парламентских сессий.

Признаки кризиса приобрели особенно явственные очертания после прекращения династии Тюдоров. Основатель новой династии Яков I Стюарт (1603—1625 гг.), бывший король Шотландии, являлся ревностным приверженцем идеи абсолютизма. Он вступал на английский престол как бы извне, обладая достаточно неопределенными представлениями о традиционных пределах прерогатив королевской власти в условиях Англии. Приращение объема прерогатив, которое принесло монарху верховенство над церковью, получило со стороны первого Стюарта совершенно неадекватную оценку и трактовалось им в чрезвычайно расширительном смысле. В своих публичных выступлениях, а также в своем трактате «Истинный закон свободных монархий» (1603 г.) Яков I стремился подчеркнуть божественный характер королевской власти, ее независимость от каких-либо иных государственных учреждений и принятых ими законодательных установлений (по формуле: «От Бога — король, от короля — закон»), обосновать право монарха осуществлять высший суд над своими подданными, распоряжаться их земельной собственностью, имуществом и самой жизнью. Традиционные права парламента трактовались как уступки, допущенные в отношении этого органа со стороны королевской власти; поскольку эти уступки в свое время делались якобы по доброй воле монархов, исключительно по их милости, последние сохраняли за собой право в любой момент их изъять.

Руководствуясь этими идеями, первые Стюарты демонстративно игнорировали парламент в осуществлении законодательной и финансовой политики. В частности, сменивший Якова его сын Карл I (1625—1649 гг.) в течение первых трех лет сво-

его правления трижды созывал и распускал парламент, не получая от него требуемых денежных субсидий. В 1628 г. очередной парламент предъявил Карлу I так называемую «Петицию о праве», которая по своему общему духу созвучна идеям Великой хартии вольностей. Основные требования Петиции состояли в том, что король не должен был производить денежные сборы с населения без согласия обеих палат парламента, не мог подвергать своих подданных арестам без санкции судебных органов, не имел права учреждать чрезвычайные суды, размещать военные контингенты на постой в дома мирных жителей и т. п. Разогнав парламент 1628 г., Карл не созывал его более 11 лет, в течение которых он правил страной, не считаясь с прежними конституционными установлениями. Одной из самых непопулярных мер его правительства явилось распространение сбора так называемых «корабельных денег», которые раньше взимались только с жителей приморских графств, на всю территорию страны; отныне эти деньги планировалось расходовать не только на нужды флота, но и на содержание сухопутной армии. В борьбе с оппозицией Карл значительно расширил полномочия чрезвычайных судов (в частности, Высокой комиссии и Звездной палаты), которые в осуществлении своей репрессивной политики могли отступать от традиционных норм «общего права» и произвольно устанавливать новые наказания. Когда же в стране усилился поток людей, желавших спастись от королевского произвола в заморских владениях Англии (в частности, в колонии Северной Америки переселилось более 20 тыс. человек), правительство запретило эмиграцию под угрозой самых тяжких наказаний. Не отвечала национальным интересам и внешняя политика первых Стюартов, ориентированная на поддержку самых реакционных европейских католических режимов. Громадными трудностями обернулась развязанная Карлом I в 1639 г. война с Шотландией. Произвол властей, праздность и расточительность королевского двора, расцвет фаворитизма, вопиющая коррумпированность чиновничьего аппарата дополнительно накаляли общественную атмосферу. В 30-х гг. XVII в. кризис абсолютистского режима приобрел всеобъемлющий и системный характер. Судьба его была решена в ходе развернувшейся в следующем десятилетии буржуазной революции.

К вопросу о «незавершенном характере» английского абсолютизма. Как было показано выше, абсолютизм явился заключительной исторической формой английской феодальной государственности, которой были присущи национальные особенности, отличавшие ее от соответствующих континентальных аналогов. Эти особенности органически сложились в результате эволюции предшествовавшей государственно-правовой системы данной страны; их генетические истоки восходят к самым ранним стадиям формирования и функционирования институтов ее социально-политической организации.

В ряде учебников и учебных пособий в разделах, посвященных истории средневекового государства, содержатся утверждения о «незавершенном характере» английского абсолютизма по сравнению с теми показателями, которые данная государственная форма приобрела в континентальных странах (прежде всего, во Франции). При этом прямых ссылок на исследования, которые могли бы послужить основаниями для таких утверждений, как правило, не дается. «По сравнению с классическим французским абсолютизмом, — пишет З.М. Черниловский, автор самого популярного учебника, — абсолютизм английский обладает тремя важными особенностями. Исходя из этого английский абсолютизм *характеризуют обычно* (выделено нами. — В.К.) как незавершенный». К сходному способу выражения прибегают и авторы учебника, подготовленного на юридическом факультете МГУ: «английский абсолютизм имел свои особенности, благодаря чему *получил в литературе* (выделено нами. — В.К.) название «незавершенного». Нет ссылок на предшественников ни в учебном пособии К.Г. Федорова и Э.В. Лисневского, ни в учебнике О.А. Омельченко.

В противовес отмеченной тенденции подавляющее большинство авторов, исследующих проблемы общегражданской истории Англии, избегают формулировок о незавершенном характере английского абсолютизма. Основной упор делается ими на выяснении специфических признаков, свойственных данной форме национальной государственности. Чаще всего обращается внимание на следующие специфические признаки английской модели: 1) сохранение парламента в качестве важнейшего элемента политической системы, его эффективное и плодотворное сотрудничество с монархией (хотя и в условиях

доминирующего влияния короны); 2) более низкий, чем на континенте, уровень централизации и бюрократизации государственного аппарата; 3) сохранение роли и значения органов местного самоуправления, широкое распространение принципа выборности в их формировании; 4) относительно слабое развитие карательных звеньев в структуре государственного механизма.

Произведенный выше анализ основных элементов политической системы абсолютистской Англии приводит к заключению, что эта система, действительно, обладала целым рядом специфических особенностей. Однако, по нашему мнению, эти особенности не дают оснований говорить о сколько-нибудь серьезных сущностных, субстанциональных отличиях английской модели абсолютизма от аналогичных континентальных образцов, так как эти отличия в большинстве случаев измеряются не столько качественными, сколько количественными критериями.

Сосуществование английской короны с органом сословного представительства, воплотившееся в политико-правовой конструкции «король в парламенте», не было препятствием для обоснования политической доктрины королевского суверенитета, предполагавшей сосредоточение в руках верховного правителя основных законодательных, административных и судебных прерогатив. Власть короны имела не подзаконный характер, но формировала собственное правовое пространство. Как и в абсолютистских системах континентальной Европы, власть английского монарха провозглашалась божественной по своему происхождению; сам король рассматривался в качестве наместника Бога на земле. Можно даже утверждать, что по некоторым важнейшим показателям (таким как объем прерогатив короны в конфессиональной сфере, а также в сфере собственности на имущество своих подданных) юридический статус английского монарха превосходил статус французского короля.

Что касается аппарата центральных административно-управленческих ведомств Англии, то при всей своей специфике он обладал теми основополагающими признаками, которые для систем данного профиля должны быть признаны квалифицирующими. Построение этого аппарата осуществлялось на кадровой, профессиональной основе, очищенной от сословной ментальности; главными принципами его функционирования

являлись принципы бюрократические; широкое распространение имела практика продажи должностей, — по этим важнейшим показателям в английской и французской моделях невозможно обнаружить принципиальных отличий.

Сохранение принципа выборности органов местного самоуправления следует признать самой специфической чертой английской общественно-политической системы. Следует, однако, помнить, что эта черта не может рассматриваться как атрибут именно и исключительно лишь абсолютистской государственной структуры — она существовала в рамках и более ранних, и более поздних форм английской национальной государственности. К тому же выборы основного звена этой системы — мировых судов — проводились под строгим контролем центральной администрации, окончательное утверждение избранных судей оставалось за лордом-канцлером, а их практическая деятельность направлялась Тайным советом. Следовательно, если в институте мировых судей и можно усматривать определенные проявления демократии, то сама эта демократия была вполне управляемой. В конечном счете мировые судьи всегда рассматривались как слуги короля, хотя и осуществлявшие свою службу безвозмездно. На мировых судей (как и на всех судей вообще) распространялась дисциплинарная власть, осуществляемая королем и его Советом. Все поручения, даваемые судьям, регламентировались традиционными формулами: *durante beneplacito regis* (пока это благоугодно королю) и *quamdiu bene se gesserint* (пока они ведут себя достойно), а потому могли быть в любое время изъяты. «Право увольнения судей, — констатировал И. Редлих, автор классического исследования «Английское местное управление», — создает прочное отношение подчиненности между местным и центральным управлением».

Отмечая приоритет милиционно-территориального принципа при формировании вооруженных сил Англии, не следует забывать, что в практике национального военного строительства находили применение и другие принципы, используемые в континентальной Европе. Когда возникала необходимость военных экспедиций на континент, английское правительство прибегало к вербовке наемников из числа иностранцев или местных дворян-волонтеров. К концу XVI в. стали практико-

ваться принудительные рекрутские наборы, в ходе которых путем насилия или обмана на военную службу зачислялись деклассированные элементы — бездомные, бродяги и нищие, представлявшие серьезную общественную опасность. Многозначительным был и эпизод 1548 г., когда парламент сам выступил с инициативой создания регулярной армии, выразив готовность предоставить для этого соответствующие субсидии.

Суммируя все вышесказанное, можно прийти к следующему обобщающему выводу.

При обращении к типологическому сравнению позднефеодальных государственных систем Франции («классическая модель абсолютизма») и Англии («незавершенный абсолютизм»), следует постоянно иметь в виду, что они имели различное генетическое происхождение. Поэтому даже теоретически невозможно предположить, чтобы абсолютная монархия во Франции могла обладать показателями, тождественными английским, равно как и допустить возможность приобретения властью английских абсолютных монархов каких-либо специфических французских признаков. По крайней мере, попытки первых Стюартов воспроизвести на английской почве систему, по существу имитирующую французский образец, оказались совершенно беспочвенными и изначально обреченными на неудачу.

Мы полагаем, что сама по себе возможность сравнения национальных форм и исторических стадий государственной организации различных стран вполне допустима, но лишь при одном непременном условии — если это сравнение служит целям исключительно теоретического, познавательного характера и при этом не выходит за пределы сферы понятий, конвенциональных научных категорий. Попытка же сравнительной оценки реально функционировавших явлений прошлого с целью определения приоритета или ущербности одного из них по отношению к другому представляется некорректной с методологической точки зрения, поскольку содержит в себе опасность привнесения субъективизма в процесс познания исторической истины.

Поэтому намерения отдельных авторов возвести одну из моделей абсолютизма (именно французскую) в некий категорический императив, их дальнейшее стремление оценить вто-

рую (именно английскую) критериями только что произвольно установленного «классического образца», с тем чтобы приписать результатам компаративного анализа некоторый пейоративный для Англии оттенок (а именно он отчетливо звучит в самом понятии «незавершенности») представляются нам совершенно необоснованными. Государственно-правовая система позднефеодальной Англии являла собой целостный, жизнеспособный, самодостаточный и самооценный комплекс, который вовсе не нуждается в его оценке на основе взятых извне критериев, присущих иной, хотя и аналогичной системе. Английский абсолютизм полностью выполнил свою историческую миссию, и степень совершенства его внутренней организации, эффективность функционирования, радикализм в решении встававших перед ним общественно-политических задач ни по каким признакам не уступали соответствующим показателям «классических» континентальных образцов.

3. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ В ГЕРМАНИИ

Тенденции экономического и политического развития. Развитие экономических и социально-политических отношений в Германии в последней трети XV в. и на протяжении XVI—XVII вв. отличалось значительной сложностью и характеризовалось частой сменяемостью преобладающих тенденций.

Начало рассматриваемого периода было ознаменовано определенными успехами в хозяйственном развитии. Германия сохраняла выгодное положение на мировых торговых путях, и многие ее города (Аугсбург, Гамбург, Франкфурт-на-Майне, Лейпциг и др.) являлись крупнейшими центрами производства и европейской торговли. Страна занимала первое место в мире по добыче серебра — главного средства внутреннего и международного обмена; интенсивное развитие горнорудного производства (настоящая «горная лихорадка», охватившая Германию на рубеже XV—XVI вв.) базировалось на богатых запасах полезных ископаемых. Росло производство тканей, стекла, предметов роскоши. Новым производственно-организационным моментом являлась деятельность крупных семейных торгово-ростовщических, банковских и промышленных фирм. Имена Фуггеров, Вельзеров, Имхофов, Паумгартнеров и других гер-

манских предпринимателей были известны во всей Европе. Их влияние на хозяйственную и политическую жизнь европейского континента было чрезвычайно велико: на деньги этих фирм велись войны, свержались неугодные правительства, строились приоритеты внешней политики. Так, аугсбургские банкиры Фуггеры ссужали деньгами монархов Габсбургской династии под залоги рудников Тироля и Венгрии; своей поддержкой они помогли овладеть императорской короной сначала Карлу V, а затем Фердинанду II.

Развитие городов не означало, однако, перемещения центра тяжести германской экономики в неаграрный сектор. Экономика продолжала базироваться на сельском хозяйстве и мелком ремесленном производстве, — в этих сферах было занято до 90 % населения, а рента с крестьянских хозяйств составляла главный источник благосостояния господствующих сословий — дворянства и духовенства. Германская деревня не оставалась в стороне от обрисованных выше экономических тенденций: расцвет городского хозяйства стимулировал развитие сельскохозяйственного производства, углубление его специализации, рост его доходности. Так, в северо-восточных землях Германии в XVI в. хлеба производилось в 20 раз больше, чем это требовалось для внутреннего потребления; излишки вывозились в Шотландию, Голландию, Швецию, Норвегию и другие страны. Крестьянское и господское хозяйства оказывались все более вовлеченными в рыночные связи. Обратной стороной этих процессов явилась имущественная и социальная дифференциация сельского населения; за счет возрастания массы малоземельных и безнадельных крестьян формировался слой наемных батраков. Усиление феодального натиска на крестьян со стороны земельных собственников выражалось в восстановлении крепостного состояния, в распространении его на категории свободного сельского населения.

Несмотря на позитивную динамику хозяйственного развития, Германия в экономическом отношении продолжала отставать от ведущих европейских стран. Главной причиной отставания являлось отсутствие территориально-политического единства страны, вследствие чего не существовало центра притяжения общенациональных экономических интересов, единого внутреннего рынка, который бы связывал между собой раз-

личные регионы империи. В то время как в Англии и Франции развитие торговли и промышленности имело своим следствием государственную централизацию, в Германии аналогичные процессы привели к группировке интересов по отдельным регионам, вокруг местных центров, и в конечном счете не к преодолению разобщенности, а, напротив, к нарастанию дезинтеграционных тенденций и к консервации политической раздробленности. Имперские князья, уже обладавшие к тому времени всей полнотой власти внутри своих территориально-государственных образований, использовали благоприятную конъюнктуру экономического развития для окончательного правового оформления своего политического суверенитета. Помимо владений имперских князей, в число «членов империи» входили имперские графства, имперские прелатства и имперские города, а также громадное количество (несколько сотен) мелких самостоятельных территориальных единиц, которые иногда не выходили за рамки одного города или одного монастыря.

Тяжелейшими материальными и социальными последствиями для экономического и политико-правового развития страны обернулось подавление революционного выступления германского народа в ходе грандиозной Крестьянской войны 1524—1526 гг. Общее число людских потерь в этой войне превысило 100 тыс. человек. Пострадавшими в результате войны оказались практически все германские сословия, включая духовенство, дворянство и бюргерство. Исход войны оказался выгодным лишь для князей: разоренные города, оскудевшее духовенство и дворянство были вынуждены искать у них поддержки. В отношении же трудящихся низов господствующие верхи действовали единым фронтом: стремясь компенсировать свои материальные потери, они подвергли крестьянство многочисленным конфискациям, контрибуциям и штрафам. Крепостное состояние было распространено практически на все слои сельского трудового населения. Развернувшийся княжеский произвол отбросил Германию далеко назад по сравнению с уровнем, достигнутым успехами предшествующего развития. Общественный подъем начала XVI в. сменился глубокой реакцией.

К концу XVI в. в сельскохозяйственном производстве Германии вновь наметились позитивные тенденции, вследствие чего, казалось бы, открылись возможности для выхода из кри-

зиса. Однако, начавшаяся вскоре Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.), основные сражения которой разворачивались именно на территории Германии, стала для нее поистине национальной катастрофой, принеся с собой эпидемии, голод, разрушение центров производства, опустошение целых регионов. Людские потери доходили до 40 % среди сельских жителей и до 35 % среди горожан: если во второй половине XVI в. численность населения страны составляла от 14 до 20 млн. человек, то в результате войны народонаселение сократилось до 12 млн. человек. Полностью подорванной оказалась денежная система, прервались традиционные торговые связи внутри страны и вовне ее. Потребовались многие десятилетия для восстановления довоенного уровня германской экономики. В политическом отношении Тридцатилетняя война почти на 200 лет сняла перспективу образования на германских землях единого национального государства; в государственном строе Германии окончательно возобладали тенденции партикуляризма и сепаратизма, дальнейшей суверенизации политической власти в региональном масштабе.

Государственный строй империи. К середине XVI в. «Священная Римская империя германской нации» являлась самым крупным по территории государственным образованием Западной Европы, отличавшимся этнической пестротой проживавшего в нем населения. Наряду с исконно немецкими землями, составлявшими ядро империи, в ее границах имелись обширные территории, населенные славянами; значительные этнические комплексы составляли также итальянцы, французы, чехи, венгры, валлоны, фламандцы и др.

По форме государственного устройства Германия представляла собой федерацию княжеств, номинальным главой которой продолжал оставаться *император*. Императорская власть не являлась наследственной: Германия не имела своей национальной династии. Как уже было сказано ранее, избрание (а в случае необходимости и смещение) императора производилось *коллегией курфюрстов* (князей-избирателей), состоявшей из трех духовных и четырех светских представителей высших имперских чинов; после Тридцатилетней войны эта коллегия пополнилась восьмым членом, каковым стал герцог Баварии. Коллегия курфюрстов являлась высшим органом имперской власти, компетентным решать самые важные государственные дела,

связанные прежде всего с престолонаследием, а также с финансовыми и внешнеполитическими вопросами. После конституирования в конце XV в. рейхстага курфюрсты составили его высшую курию.

Избранный курфюрстами верховный правитель должен был получить императорскую корону из рук римского папы; эта процедура соблюдалась до 1529 г. Последним германским императором, коронованным папой, был Карл V (1519—1556 гг.); его позднейшие преемники наследовали императорскую корону вследствие самого факта избрания. Торжественный обряд помазания на царство имел вид сакрального таинства, вследствие чего особа императора приобретала священный характер. Взаимоотношения императора и князей на протяжении всего XVI в. продолжали строиться на традиционных принципах вассально-ленных связей: император обладал правом на инвестицию, т. е. на пожалование имперским леном и введение в высшие имперские должности. Однако общегосударственная компетенция императора, его фактические полномочия были весьма ограниченными, да и они приобретали шанс на реализацию лишь в том случае, если они получали согласие со стороны высших имперских чинов. Сам император не располагал ни собственным войском, ни подконтрольной ему казной, ни подчиненным ему управленческим аппаратом.

Важнейшим элементом имперской структуры являлся *рейхстаг*. Согласно постановлению Нюрнбергского рейхстага 1489 г., в составе этого органа учреждались три курии: первую из них представляли курфюрсты (сначала 7, затем 8 чел.), вторую — духовные и светские имперские князья (их общее число составляло 198 чел), третью — имперские и «вольные» города (по данным на 1521 г. таких городов в Германии насчитывалось 85); имперское рыцарство от участия в рейхстаге отстранялось. Решающая роль принадлежала первым двум куриям; право городов на участие в голосовании оспаривалось вплоть до 1648 г. Время и место заседания рейхстага определялись императором по согласованию с курфюрстами (как известно, постоянной столицы в империи не существовало). С 1485 г. рейхстаги созывались ежегодно; председательствование на них осуществлял архиепископ Майнцский, который являлся главой коллегии курфюрстов и занимал должность имперского канцлера.

Компетенция рейхстага была очень широка и касалась главным образом вопросов внешней политики, финансов, сферы военной организации, общего и специального (в частности, уголовного и уголовно-процессуального) законодательства; кроме того, рейхстаг являлся высшей судебной инстанцией империи. Обсуждение вопросов производилось отдельно по куриям. Окончательное решение принималось на общем собрании курий путем тайного голосования и оформлялось в виде постановления. После утверждения этого постановления императором оно приобретало силу имперского закона.

Следует, однако, отметить, что случаи совпадения мнений всех трех курий и императора были чрезвычайно редкими (позитивным примером подобного рода может служить утверждение в 1532 г. знаменитой «Каролины» — общегерманского уголовно-судебного уложения; подробно см. о нем ниже). Чаше всего заседания рейхстага сводились к торжественным церемониям, которые имели весьма ограниченные практические последствия. При этом если даже и удавалось иногда принять согласованное решение, отсутствие общеимперских исполнительных структур сводило на нет возможность его практической реализации.

Реальная политическая власть как в масштабе всей империи, так и в региональных государственных образованиях принадлежала светским и духовным территориальным властителям, наделенным всем объемом суверенных прав (законодательных, административно-управленческих, судебных, военных, налоговых, полицейских, а после проведения Реформации — и функцией церковного руководства).

Вестфальский договор 24 октября 1648 г., положивший конец Тридцатилетней войне, придал раздробленности Германии международно-правовое обоснование. Князья, полностью самостоятельные в своих внутренних делах, получили также право заключать союзы как между собою, так и с иностранными государствами, вести самостоятельную внешнюю политику, но с оговоркой, что она не должна «наносить вреда императору и Империи» (впрочем, эта оговорка не препятствовала тому, что в войнах XVII—XVIII вв. император и князья выступали как самостоятельные стороны). Князья не могли быть

подсудны имперскому суду; последнему воспрещалось принимать жалобы на князей со стороны их подданных.

Значительная часть прежних имперских владений согласно условиям Вестфальского договора была отторгнута в пользу Швеции и Франции; границы самих германских государств подверглись серьезному переделу. Территориальная раздробленность Германии усугубилась ее конфессиональным расколом: в религиозном отношении страна оказалась разделенной на католический юг и протестантский север. Гарантами безопасности империи объявлялись Швеция и Франция; имея своих представителей в рейхстаге Германии, они получили право вмешательства в ее внутренние дела. Несмотря на то, что Вестфальский договор сформулировал ряд принципов и правил, которые должны были впредь применяться при разрешении межгосударственных конфликтов (в частности, были предусмотрены коллективные санкции против нападающей стороны), мир и стабильность, провозглашенные этим договором, являлись призрачными: Германия продолжала оставаться ареной столкновений интересов многих европейских держав.

Вторая половина XVII в. была временем окончательного становления германского абсолютизма в его специфической форме так называемого *княжеского абсолютизма*, который в отличие от централизованных национальных государств Европы установился не в масштабах всей страны, а в пределах отдельных территориальных владений. Опорой княжеского абсолютизма являлось среднее и мелкое дворянство, а также торгово-промышленные элементы городского населения (бюргерства); основным противником территориальных абсолютистских режимов выступала местная феодальная аристократия. Таким образом, социальная база германского абсолютизма не имела принципиальных качественных отклонений от других европейских аналогов, — речь может идти только о количественных отличиях, зависивших от пространственных масштабов реализации этой государственной формы.

Поскольку в XVII в. в границах Германской империи насчитывалось свыше 350 отдельных государственных образований, конкретные варианты княжеского абсолютизма отличались значительным разнообразием. Естественно, что главные направления развития политической системы империи опре-

делялись процессами, протекавшими в наиболее крупных и влиятельных государствах. К числу последних относилось Бранденбургское курфюршество, явившееся исторической базой Пруссии. В XVII и особенно в XVIII веках бранденбургско-прусская монархия являлась серьезным фактором политической и военной истории Европы. Процессы, проявившиеся в развитии этой страны, оказали существенное воздействие на эволюцию государственно-правовых форм не только Германии, но и всего европейского континента.

Прусский вариант германского абсолютизма. Маркграфство Бранденбург сложилось к середине XII в. вследствие завоевания германскими феодалами земель, заселенных полабскими славянами. Золотая булла императора Карла IV (1356 г.) закрепила за маркграфами Бранденбургскими права курфюрстов и должность имперских казначеев. С 1415 г. престол Бранденбурга заняла династи Гогенцоллернов; она оставалась правящей вплоть до исторического конца прусской государственности. В 1473 г. была установлена неделимость земель курфюршества. С 1486 г. постоянной резиденцией курфюрста стал Берлин. В ходе Тридцатилетней войны территория Бранденбурга была значительно расширена (в частности, за счет включения в 1635 г. в его состав герцогства Пруссии). По условиям Вестфальского мира Бранденбургское курфюршество, опираясь на поддержку Франции, получило самые значительные территориальные приобретения среди всех остальных германских государств, — вследствие этого влияние его правителя на судьбы Священной Римской империи стало уступать лишь влиянию императора. В 1701 г. курфюрст Фридрих III получил от императора королевский титул и короновался в городе Кенигсберге под именем короля Фридриха I; факт приобретения бранденбургско-прусским государством более высокого статуса получил и международно-правовое признание. Начиная с этого времени было установлено новое официальное наименование государства — Королевство Пруссия.

К началу XVII в. в бранденбургско-прусской государственной организации со всей определенностью проявились черты, свойственные абсолютной монархии. Если прежняя система управления была основана на сословных принципах, то новая административная организация строилась на бюрократических

основаниях. Одной из основных особенностей этой организации явилась жесткая централизация власти, сосредоточенной в руках верховного правителя. В 1603 г. был учрежден *Тайный совет* из 9 членов, назначаемых курфюрстом (впоследствии численность членов Совета постоянно увеличивалась). Тайный совет ведал делами в трех основных сферах, касающихся финансов, военной организации и управления королевским доменом. На первых порах Совет был наделен лишь правами совещательного органа и созывался нерегулярно. Однако вследствие последующих многочисленных реорганизаций он постепенно превратился в постоянно действующий орган, наделенный высшими финансовыми, военными, судебными, полицейскими, организационно-хозяйственными и иными полномочиями, позволявшими ему осуществлять функции реального государственного управления. Начиная с 1616 г. на Тайный совет был возложен и надзор за церковью.

В 1651 г. Тайный совет был разделен на 19 комитетов, каждый из которых был специализирован по определенной отрасли управления. Организация отдельных комитетов строилась либо по ведомственному, либо по территориальному признаку: так, одни комитеты заведовали определенными направлениями отношений с империей, другие осуществляли управление отдельными областями курфюршества, а третьи курировали международные связи с крупнейшими странами Европы. Координация деятельности отдельных комитетов Тайного совета была возложена на *директора*, который представлял решения Совета на утверждение курфюрсту. По мере того, как комитеты развивались в самостоятельные административные органы, полномочия Тайного совета все больше сосредоточивались в судебной сфере.

Важнейшей составной частью в системе органов управления курфюршества с самого начала являлось военное ведомство. Если до конца XVI в. армия была сравнительно невелика и продолжала строиться на старых феодально-сословных принципах, то в течение XVII в. Бранденбург первым среди германских государств перешел на рекрутскую систему формирования вооруженных сил. Согласно Кантональному регламенту 1733 г., установленному королем Фридрихом-Вильгельмом I (1713—1740 гг.), произошло законодательное оформле-

ние воинской повинности крепостного населения. Призывной контингент был приписан к определенному военному округу (кантону). Военным учетом была охвачена основная масса населения деревни, начиная с 10-летнего возраста. Призывник, отслуживший полтора — два года в регулярных войсках, возвращался в свой кантон и продолжал вести крестьянское хозяйство, отвлекаясь ежегодно на 2—3 месяца на прохождение военных сборов. Военным командиром своих крепостных являлся, как правило, местный помещик. Повседневная жизнь кантонистов была строго регламентирована; бежавший кантонист рассматривался как дезертир и подлежал военному суду. На долю кантонистов приходилось до двух третей армии Фридриха-Вильгельма I; остальная треть была представлена наемными (в том числе иностранными) контингентами. К 1740 г. прусская армия насчитывала 80 тыс. человек и составляла 3,7 % от общего количества населения страны, — этот показатель являлся в то время самым высоким в Европе (например, во Франции он не превышал 0,6 %).

Коренная перестройка военной организации вызвала необходимость реформирования и других сфер управления. В первую очередь это коснулось финансовой сферы: поскольку расходы на армию резко возросли, был введен ряд специальных военных налогов (в том числе т. н. *контрибуция*). С течением времени параллельно с системой общегражданских центральных и местных государственных органов сложилась особая система органов военного управления. Вся страна была разделена на военные округа, возглавляемые *военными губернаторами* (с 1655 г. — *генеральными военными комиссарами*). Под их контроль был поставлен целый штат должностных лиц, возглавлявших отдельные военно-управленческие структуры (генерал-квартирмейстер, генерал-провиантмейстер, генерал-аудитор и др.). Соответствующие органы военного управления были созданы в масштабе нижестоящих административно-территориальных единиц (провинций, сельских округов, городов). Система органов военного управления, охватывавшая всю страну, представляла собою целостное организационное единство, непосредственно подчиненное верховной власти курфюрста. О каком бы то ни было контроле общегражданской администрации над военно-управленческим комплексом говорить не приходится, — напротив, здесь имело место их обратное соотноше-

ние. Вследствие этого бранденбургская административно-управленческая структура явилась базой формирования тех милитаристских концепций и воплощавших их государственно-правовых институтов, которые получили свое максимальное проявление в XVIII в. в политической системе Пруссии.

Прусский абсолютизм окончательно оформился при короле Фридрихе II Великом (1740—1786 гг.). Крупный военный деятель и полководец, философ и литератор, он поставил целью своего царствования придание Пруссии ранга великой державы. В результате внешней экспансии территория его королевства возросла почти в два раза. При Фридрихе II Пруссия, занимая 10-е место в Европе по площади (около 200 тыс. кв. км.) и 13-е по населению (5,4 млн. человек), располагала третьей по величине армией — ее численность достигала 200 тыс. человек. На содержание армии тратилось до 70—80 % государственного бюджета. Вся экономика страны, подвергнутая жесткому государственному регулированию, приобрела ярко выраженный милитаризованный характер. Военная профессия, являвшаяся привилегией дворянства, считалась самой престижной и намного превосходила достоинства и льготы штатской службы. Система высших и местных государственных органов, наделенных сильными военно-полицейскими полномочиями, была жестко централизована. Весь чиновничье-бюрократический аппарат строился на принципах воинской субординации и дисциплины; государственные служащие были обязаны проходить периодическую аттестацию, сдавать квалификационные экзамены. Общественная и частная жизнь подданных была строго регламентирована соответствующими полицейскими установлениями, — последнее обстоятельство не только не исключало, а, наоборот, предполагало неограниченный произвол властей и полное отсутствие прав личности.

Отмеченные специфические черты организационного устройства и политического режима Пруссии дают основания характеризовать установившийся здесь вариант децентрализованной германской государственности как *военно-полицейский абсолютизм*.

«Просвещенный абсолютизм» в Австрии. Датой основания австрийского государства считается 1156 г., когда маркграфство Австрия было преобразовано в герцогство и окончательно

отделилось от Баварии. На рубеже XII—XIII вв. Австрия уже являлась одним из сильнейших территориальных княжеств в составе Священной Римской империи. С 1282 г. на австрийском престоле утвердилась династия Габсбургов; начиная с 1438 г. представители этой династии неизменно избирались общегерманскими императорами. Отличительной особенностью австрийского государства являлся его многонациональный характер. На рубеже XIV—XV в. оно приобрело форму сословно-представительной монархии. В начале XVI в. наметилась тенденция централизации государственного управления, которая, однако, не получила логического завершения: в 1564 г. австрийские земли были подвергнуты очередному переделу между тремя ветвями габсбургского дома.

Начало абсолютизма в Австрии обычно связывается с именем Фердинанда II (1619—1637 гг.); окончательное оформление и расцвет этой государственной формы приходится на вторую половину XVIII века — на годы правления императрицы Марии Терезии (1740—1780 гг.) и ее сына Иосифа II (1780—1790 гг.).

Высшим органом государственной власти в Австрии начиная с XVI в. являлся *Тайный совет*, состоявший при короле. Совет был наделен законодательными и контрольными функциями. В 1665 г. из его состава выделилась *Тайная конференция*, ведавшая вопросами внешней политики; реформированный вследствие этого Тайный совет стал преимущественно судебнo-апелляционным органом. Впоследствии Тайная конференция, превратившаяся в постоянно действующее учреждение, стала расширяться и делиться на специализированные комиссии. В 1760 г. Марией Терезией был учрежден *Высший государственный совет*, наделенный совещательными функциями и призванный объединить деятельность всех центральных правительственных ведомств.

Общегосударственным органом финансового управления являлась *Придворная камера* (Hofkammer). Высшим органом военного руководства был *Придворный военный совет* (Hofkriegsrat). В его ведении находились вопросы управления армией как в военное, так и в мирное время. Расширение компетенции Военного совета было связано с постоянным ростом имперской армии: если в 1673 г. ее численность составляла 60 тыс. человек, то в 1703 г. эта цифра выросла до 129 тыс.

Во главе отдельных провинций стояли *наместники*, избранные местными *сеймами* и утвержденные королем. В сеймах существовали представительства четырех основных «чинов»: духовенства, титулованного дворянства, рыцарей и горожан. Органами городского самоуправления являлись *городские управы* и *бургомистры*. Во второй половине XVIII в. над ними был установлен строгий правительственный контроль.

Период максимального укрепления абсолютистских порядков в Австрии характеризовался проведением ряда государственных преобразований, которые в своей совокупности именуются политикой «просвещенного абсолютизма». Суть этой политики состояла в том, чтобы, сохраняя неизменными наиболее глубинные, сущностные свойства абсолютистской системы, осуществить сверху, по инициативе и под контролем самого монарха реформирование некоторых сфер экономической, социально-политической, культурной жизни, очистив их от самых устаревших, обветшалых, окончательно изживших себя институтов феодализма, вызывавших наибольшее общественное недовольство.

Первые реформы были начаты правительством императрицы Марии Терезии. Сначала они не имели выраженного «просвещенного» характера, а преследовали лишь цель укрепления абсолютистских порядков. Была осуществлена реорганизация набора в армию, служба в которой стала пожизненной. Была упорядочена финансовая система. Наиболее радикальным в этом отношении было издание декрета о всеобщем подоходном налоге, уничтожившем налоговые привилегии духовенства и дворянства. Система органов местного управления освобождалась от сословных атрибутов и перестраивалась на бюрократических принципах унифицированного в масштабе всей страны административно-территориального деления. Его основными единицами стали *провинции (губернии)*, возглавляемые *губернаторами*, при которых состояли *губернские присутствия*. Низовое управление вручалось *окружным начальникам*, наделенным финансовыми и полицейскими функциями.

Целая серия социально-правовых реформ, продиктованная соображениями военного и фискального характера, затронула положение основной массы населения — крестьянства. В 1769 г. у помещиков было изъято право судить и наказывать своих крепостных. Указами 1771—1778 гг. была сокращена барщина

(до трех дней в неделю вместо пяти-шести; при этом рабочий день ограничивался 10 часами), отработки заменялись денежными платежами, крестьяне получили возможность выкупить право на наследственное владение земельными наделами.

Серьезные преобразования были проведены в сфере судопроизводства: судебные органы отделялись от органов управления, в судах отменялись пытки, сокращалось применение смертной казни, обеспечивалась возможность привлечения заключенных к общественно-полезному труду. В 1753 г. была начата работа по обновлению и кодификации права; результатом явилось издание Уголовного уложения 1768 г., известного под наименованием «Терезиана», в котором были систематизированы нормы уголовного и уголовно-процессуального права. В 1767 г. был разработан первый проект Гражданского уложения.

Значительное внимание было уделено делу просвещения. Была построена стройная система школ различных ступеней; ее низшим звеном была начальная («тривиальная») школа, где производилось обучение чтению, письму и счету. Средние и высшие учебные заведения освобождалась от контроля со стороны духовенства. Специально учрежденная «Высшая учебная комиссия» (игравшая роль министерства народного просвещения) расширила преподавание реальных учебных дисциплин взамен ранее преваляровавших богословских.

Сменивший Марию Терезию на престоле ее сын Иосиф II продолжил проведение реформ, стремясь придать им соответствующее идеологическое обоснование в духе просветительских идей. Декларируемая конечная цель этих реформ состояла в построении единообразной системы управления в масштабах всей громадной и многонациональной габсбургской монархии, в том числе и в тех землях, которые продолжали сохранять некоторую автономию, — системы, которая основывалась бы на современных принципах администрирования, освобожденных от феодально-сословных пережитков.

В 1781 г. был издан указ об отмене крепостного права в Чехии, Моравии и Галиции; позднее эта мера была распространена и на собственно австрийские земли (Штирию, Каринтию и Крайну), а также на Венгрию. В 1789 г. были регламентированы крестьянские повинности; при этом барщина полностью заменялась денежными выплатами. В 1781 г. был издан «Па-

тент о толерантности» (религиозной веротерпимости), уравнивавший в правах протестантскую и православную конфессию с католической (до этого католическая религия являлась фактически господствующей). В следующем году были отменены ограничения, которые ранее распространялись на евреев в плане выбора ими рода занятий и местожительства. Был проведен ряд мер, направленных на превращение церкви в составную часть абсолютистского государственного аппарата. Связи австрийской церкви с Римом были ослаблены, — так, папские указы и распоряжения обнародовались только с согласия правительства. Часть монастырей, не занимавшихся «полезной деятельностью» (лечением больных, обучением детей и т. д.), — а таковых набралась примерно одна треть от их общего количества, — подлежала закрытию, а их имущество передавалось в пользу казны. В империи была запрещена деятельность ордена иезуитов. Иосиф II не останавливался даже перед прямым вмешательством во внутрицерковные дела, распорядившись сократить количество церковных празднеств, упростить некоторые религиозные обряды. Римский папа лично приезжал в Вену, стремясь побудить императора отказаться от проведения некоторых церковных реформ, но эта миссия окончилась неудачей.

Будучи не всегда последовательными, «просвещенные» реформы австрийских Габсбургов не обладали к тому же четкой социальной ориентацией. Кроме того, они проводились без учета исторических традиций населявших империю народов, сложившихся веками межнациональных связей, — вследствие этого венценосные реформаторы могли рассчитывать лишь на кратковременный успех. В тех случаях, когда реформы ущемляли интересы феодальных кругов, они встречали со стороны последних активное противодействие и фактически не проводились в жизнь. В конце своей жизни Иосиф II стал свидетелем широкого общественного протеста против реформ, принимавшего в ряде мест (например, в Бельгии и в Венгрии) характер антиправительственных выступлений. Сменивший Иосифа II его брат Леопольд II (1790—1792 гг.), который до этого, будучи правителем Великого герцогства Тосканского, снискал себе известность в качестве одного из самых последовательных «просвещенных» государей, был вынужден свернуть реформаторский курс своего предшественника и отказаться от реализации намеченных им преобразований.

В целом, провал реформ, попытки которых в течение XVIII в. предпринимались в целом ряде германских государств, а также во многих других странах Европы, продемонстрировал несовместимость принципов Просвещения с идеологией и практикой абсолютистских режимов. Грозные события Французской буржуазной революции вынудили европейских монархов решительно отказаться от либеральных экспериментов в духе просветительского реформаторства и вернуть свои страны в русло традиционной феодально-деспотической политики.

* * *

Абсолютная монархия явилась той исторической формой политико-правовой организации общества, которая завершила эволюцию предшествующей средневековой государственности, последовательно прошедшей стадии раннефеодальной, сеньориальной и сословно-представительной монархии. Абсолютная монархия получила свое оформление в условиях возникновения и развития в недрах феодального способа производства нового капиталистического уклада, формирования новых социальных структур, складывания на этой основе новой системы общественных отношений. И хотя социально-экономическое развитие отдельных европейских держав имело свою национальную специфику, институционно-правовые элементы их государственности проявили между собой значительное сходство. Это объясняется, в первую очередь, тем, что формы государственной организации развивались относительно самостоятельно, — их зависимость от социально-экономического комплекса являлась не прямой, а опосредованной. Кроме того, принципы и институты государственности различных народов, вовлекаемых в мирные и военные контакты между собою, не могли не испытывать взаимного влияния и воздействия, — в силу этого происходило активное восприятие политико-правового опыта более развитых стран, перенесение элементов этого опыта на национальную почву. В конечном итоге форма абсолютной монархии приобрела характер самодостаточного государственно-правового явления, сочетавшего в себе как специфически национальные, так и вненациональные, универсально-субстанциональные признаки.

В период абсолютной монархии максимально усилившаяся королевская власть оказалась способной поставить и решить ряд насущных задач, надолго определивших перспективу дальнейшего общественно-политического развития своих стран. Было в основном завершено территориальное объединение большинства западноевропейских государств в тех естественных границах, которые являлись гарантиями их национальной безопасности. Достиг своего логического завершения процесс суверенизации верховной власти, окончательного становления механизмов реализации ее прерогатив (военная, финансовая, судебная, полицейская системы). Были решительно пресечены центробежные, сепаратистские устремления противников государственной централизации. Произошла повсеместная ликвидация системы органов сословного представительства; центральные и местные управленческие структуры стали базироваться на принципах бюрократического администрирования. На совершенно новых основаниях были перестроены взаимоотношения церкви и государства.

Абсолютная монархия, будучи наиболее законченной формой политической централизации в эпоху развитого феодализма, оказалась способной путем активного государственного регулирования экономики обеспечить на первых порах значительные успехи хозяйственного развития своих стран. Однако в дальнейшем, по мере нарастания общего кризиса феодального способа производства, остававшаяся неизменной дворянская классовая сущность этой государственной формы исключала восприятие ею новой идеологии, возможность радикального изменения политического курса. Абсолютная монархия оказалась перед опасной для нее перспективой утраты монополии на общественную инициативу, — эта инициатива все более концентрировалась в руках тех социальных сил, которые из рядов наиболее последовательных сторонников королевской власти переходили на сторону самых решительных ее противников. Дальнейшая логика исторического развития привела абсолютизм к его неизбежному концу.

Ликвидация абсолютизма как целостной государственной формы не означала, однако, полного и безвозвратного уничтожения всех составлявших ее элементов. Как известно, государственно-правовая теория и практика зиждется больше

на традициях континуитета и преемственности, чем на принципах «перерывов постепенности», так что управленческие системы, апробированные в рамках одной исторической эпохи, могут быть успешно использованы в совершенно иной общественно-политической обстановке.

Анализируемая нами ситуация не составляет исключения из этих общих правил. Некоторые основополагающие принципы государственно-правового строительства, в свое время получившие наиболее полное воплощение именно в период абсолютизма (важнейшими из них являются принципы суверенизации верховной власти, централизации государственного управления, унификации национального права), приобрели впоследствии характер универсальных, вневременных, наднациональных конституционных постулатов. Накопленный же в эпоху абсолютизма практический опыт построения и функционирования конкретных политических учреждений и правовых институтов, представлявших собой его квалифицирующие атрибуты (в первую очередь, это относится к военно-организационным, фискальным, правоприменительным и правоохранительным структурам), надолго сохранил свою актуальность: взятые по отдельности или скомбинированные в определенную систему, эти учреждения и институты остались жизнеспособными компонентами всей последующей (вплоть до наших дней) реальной государственно-правовой действительности.

V. **ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА**

1. ФЕОДАЛЬНОЕ ПРАВО ФРАНЦИИ

Источники права. На протяжении всего периода средневековья, вплоть до буржуазной революции 1789—1794 гг., во Франции отсутствовала единая правовая система. Множественность и партикуляризм французского феодального права проявлялся в двух аспектах: та или иная отдельно взятая правовая система распространялась либо на определенную социальную категорию, независимо от места ее проживания (духовенство, купечество, чиновничество), либо на все социальные группы, проживавшие в пределах одной (иногда весьма ограниченной) административно-территориальной единицы.

Важнейшим источником права являлся *обычай*. С прекращением деятельности варварских правд (это произошло в X в.), в условиях феодальной раздробленности основной формой права стали территориальные правовые обычаи отдельных провинций, округов, городов — так называемые *кутюмы*, особенно широко распространенные в северных областях Франции (вследствие этого север Франции обычно именовался «страной обычного права» или «страной неписаного права» — *rays de droit coutumier*). Сила и авторитет кутюмов определялись их традиционностью, их реальным действием «с незапамятных времен» среди многих поколений местного населения. Начиная с XII в. кутюмы стали записываться, причем первоначально на латинском языке, но с последующим переводом на французский. В середине XIII в. (около 1255 г.) был составлен Большой кутюм Нормандии, который в силу своей полноты и систематичности мог быть использован в судебной практике. Во второй половине XIII в. получили распространение частные записи кутюмов, также преследовавшие практические цели. Самым

ранним примером подобного рода явилась запись кутюмов области Вермандуа, составленная известным легистом Пьером де Фонтеном в 50-х годах XIII в. под наименованием «Советы другу»; запись сопровождалась параллельными выдержками из норм римского права.

Наиболее знаменитым, популярным и широко применяемым в судебной практике стал сборник кутюмов, получивший наименование «Кутюмы Бовези» («Книги обычаев и обыкновений бовезийцев»), составленный в 1279—1283 гг. выдающимся юристом Филиппом де Бомануаром (1247—1295 гг.), бывшим королевским бальи судебного округа Бове (в графстве Клермон на северо-западе Франции); до этого он был бальи в Вермандуа, Турени и Санлисе, а также сенешалом в Пуату и Сентоне. Кутюмы Бовези, состоявшие из пролога и 70 глав, содержали систематизированный обзор самых различных сфер обычного права, определявший, в частности, порядок судопроизводства, структуру судебных органов, формы земельной собственности, юридический статус различных категорий населения, варианты крепостного состояния, брачно-семейные и имущественные отношения и т. д. Достоинством сборника являлись ссылки на кутюмы других областей, на нормы канонического и римского права, дополненные собственными авторскими идеями и обобщениями. Не ограничившись изложением норм кутюмного права, Бомануар уделил значительное внимание характеристике правового положения королевской власти, определению статуса городских коммун, правам и обязанностям участников правоприменительного процесса — бальи, адвокатов, судей. Труд Бомануара, одного из лучших представителей французской школы легистов, пользовался широчайшей популярностью на протяжении нескольких столетий, о чем свидетельствует его распространение в большом количестве списков, вплоть до его первого печатного издания в 1690 г.

В конце XIII и в XIV веке стали формироваться аналогичные сборники и в других регионах — примерами могут служить Кутюмы Тулузы (1296 г.), Древний кутюм Бретани (1330 г.) и др. На основе многочисленных местных кутюмов (в том числе, распространенных в королевском домене Иль-де-Франсе) в 1389 г. королевским бальи Ж. Аблежем был составлен Большой кутюм Франции. С 1454 г. согласно ордонансу Карла VII всем ко-

ролевским бальи предписывалось свести воедино кутюмы, действовавшие в пределах их бальяжей, и направить эти материалы в Парижский парламент; на последний была возложена обязанность унификации кутюмов. На основании королевского распоряжения было составлено и отредактировано около 60 провинциальных («больших») и не менее 300 местных («малых») кутюмов. Редактирование кутюмов фактически означало их государственное санкционирование. Однако унификации кутюмного права в общегосударственном масштабе так и не произошло, и партикуляризм права продолжал сохраняться. Только Великая буржуазная революция 1789 г. ликвидировала кутюмы в области собственности, брака, семейных имущественных и неимущественных отношений. Окончательная отмена кутюмов произошла лишь на основании Гражданского кодекса Франции 1804 г. («Кодекса Наполеона»).

На юге Франции (в так называемой «стране писаного права» — *Pays de droit écrit*) важнейшим источником права постепенно становилось *римское право*. Оно имело в этом регионе глубокие исторические корни: истоки римской правовой традиции восходили еще ко временам галльских походов Юлия Цезаря. До конца XII в. здесь действовало не классическое римское право, систематизированное Юстинианом, а его варваризованный вариант, испытавший сильное влияние местной галльской традиции. Однако с начала XIII в. на юге Франции началось подлинное возрождение римского права, причем именно в его классическом виде. Впервые преподавание римского права было введено на юридическом факультете университета города Монпелье; впоследствии эта практика была распространена и на другие университеты (преподавание римского права в Парижском университете было разрешено значительно позже, лишь в 1679 г.). С XVI в. Франция стала общепризнанным европейским центром изучения римского права. Одним из основателей французской школы римского права (получившей наименование школы гуманистов) был Гильом Буде (1467—1540 гг.), а наиболее видными ее представителями были Жак Куяций (1522—1590 гг.), чьи толкования источников римского права сохраняют свое научное значение вплоть до наших дней, и Дени Годфруа (1549—1622 гг.), впервые издавший в 1583 г. полный свод юстиниановских законов и предложивший его

наименование *Corpus iuris civilis*, которое впоследствии стало общепризнанным.

Следует, однако, отметить, что римское право в его чистом виде имело весьма ограниченное применение в судебной практике. Были нередки случаи, когда королевская власть, руководствуясь политическими соображениями, препятствовала изучению и распространению римского права, отдавая явное предпочтение старинным традициям кутюмного права. Поэтому римское право на протяжении всего средневековья в значительной степени оставалось лишь «правом ученых». Заслуга последних состояла в том, что они своими научными исследованиями закладывали теоретические основы буржуазного права послереволюционной Франции.

В качестве важных источников права, действовавших более или менее равномерно на всей территории Франции, выступали нормы и институты *канонического права*, которые применялись церковными судами, но распространялись и на широкие категории мирян. Помимо рассмотрения чисто религиозных преступлений (ересь, вероотступничество, магия, колдовство и т. п.), церковные суды фактически монополизировали право на рассмотрение дел, касающихся сферы брачно-семейных отношений (определение условий и препятствий к заключению и расторжению брака, определение законнорожденности детей и др.) и наследственных (особенно завещательных) отношений, ростовщичества и ренты, а также всех соглашений, скрепленных клятвами. Особенно большого размаха церковная юрисдикция достигла в XII—XIII вв.; после периода так называемого «авиньонского пленения пап» (1309—1378 гг.), в ходе которого королевская власть одержала победу над папством, сфера действия церковных судов стала постепенно сужаться. Королевский ордонанс 1539 г. окончательно запретил церковным судам рассматривать дела, касающиеся мирян; отныне юрисдикция этих судов распространялась только на клириков. Нормы старого канонического права, по распоряжению папы систематизированные в виде единого собрания, состоявшего из шести книг и изданного в 1582 г. под наименованием «Свода канонического права» (*Corpus iuris canonici*), считались признанными королевской властью. Новые же нормы, принимаемые церковью уже после этого времени, могли действовать

в пределах Франции только после того, как они получали специальную королевскую санкцию в виде грамоты, прошедшей регистрацию в Парижском парламенте. Вследствие такой усложненной процедуры открывалась возможность вводить в действие новые церковные установления не в полном объеме, а с определенными изъятиями, если это отвечало интересам укрепления королевской власти.

Особой разновидностью обычного права первоначально являлось *городское право*. Его основу составляли хартии, полученные в свое время городами от короля или нижестоящего сеньора. В дальнейшем нормы городского права разрабатывались в решениях, принимаемых муниципальными (в том числе судебными) органами по отдельным частным случаям. Эти решения, занесенные в специальные книги, в дальнейшем играли роль прецедентов. Накапливаемые в течение времени, они приобретали вид систематизированных городских законов. Естественно, что эти законы отличались исключительной пестротой и разнообразием, хотя им были свойственны и некоторые общие черты, относившиеся, в частности, к регламентации торгово-ростовщической деятельности и организации ремесленного производства.

По мере дальнейшего развития товарно-денежных отношений, вовлечения Франции в международную торговлю на ее территории стали использоваться нормы *международного морского и торгового права*. Являясь первоначально своеобразным ответвлением городского права, эти нормы зародились в практике судебных разбирательств, возникавших между купцами различных стран в процессе их профессиональных контактов. Первые записи морских обычаев и торговых обыкновений были сделаны в Италии, откуда они через Испанию распространились на западное побережье Франции. Главной целью этих установлений являлось обеспечение безопасности мореплавания; в предусмотренных ими судебных процедурах проявилось стремление сделать процесс разбирательства как можно более коротким. Наибольшей известностью пользовалась частная кодификация морского права, составленная в XII в. на острове Олерон, входившем в состав герцогства Гиень. Источником кодификации послужили решения местных судов; ее действие распространялось на атлантическое побережье Франции и Ан-

глии. Впоследствии многие ее нормы были усвоены Висбийским морским кодексом (Швеция, 1407 г.), который регулировал мореплавание в Балтийском и Северном морях.

По мере укрепления королевской власти, особенно на стадиях сословно-представительной и абсолютной монархии, все большее значение в качестве источников права приобретали нормативные акты, издаваемые королевской властью. Высшую юридическую силу среди них имели *ордонансы*— королевские акты, составленные с участием сословно-представительных учреждений. Издаваемые в разное время и по различным поводам, акты королевской власти зачастую страдали декларативностью и не обладали систематизацией, которая позволяла бы судебным органам пользоваться ими как актами прямого действия. По мере накопления их общего количества все более настоятельной становилась необходимость их кодификации с целью установления единообразия и устранения имевшихся в них противоречий. Первые попытки кодификаций имели частный характер. Их примером может служить так называемый «Кодекс Генриха III», опубликованный видным юристом Б. Бриссоном в 1587 г. и получивший широкую известность среди юристов-практиков.

В годы правления Людовика XIV кодификационные работы приобрели широкий размах и принесли существенные результаты. Они проводились под руководством специального координационного Совета по реформе законодательства, возглавляемого Ж.-Б. Кольбером и работавшего под патронажем самого короля. К работе Совета были привлечены видные правоведы, юристы-практики и администраторы. Было издано шесть так называемых Больших ордонансов, которые являлись, по существу, специализированными кодексами. Именно таким способом произошла, в частности, кодификация гражданского судопроизводства (1667 г.), а также кодификация уголовно-процессуального права, завершившаяся изданием Большого уголовного ордонанса (1670 г.). В 1673 г. были издан ордонанс о торговле, известный под наименованием «Кодекса Савари» (по имени крупнейшего предпринимателя и экономиста Ж. Савари, одного из идеологов меркантилизма). В 1674 г. был издан ордонанс о водных ресурсах и лесном хозяйстве, которые признавались находящимися под верховным покровительством

короны. В 1683 г. аналогичным образом было кодифицировано морское право. Наконец, в 1686 г. был опубликован ордонанс об использовании труда рабов-негров в американских колониях (т. н. «Черный кодекс»), основным источником которого явились соответствующие нормы Кодекса Юстиниана. В целом, результаты деятельности Совета во главе с Кольбером не уступают по своему значению заслугам позднейших кодификаторов эпохи Первой империи, вдохновляемых Наполеоном. Однако основной массив абсолютистского законодательства XVII — XVIII вв. так и остался несистематизированным.

Приведенный обзор свидетельствует, что правовая система феодальной Франции основывалась на широком круге источников, существенно отличавшихся друг от друга и по содержанию, и по времени происхождения. Партикуляризм права, составлявший характернейшее свойство этой системы, был одновременно и причиной, и следствием указанного обстоятельства.

Право феодальной собственности на землю. Право земельной собственности являлось исключительной привилегией дворянства и духовенства. Свободная крестьянская собственность на землю, дольше удержавшаяся на юге Франции, почти повсеместно исчезла уже к XI в. Система сюзеренитета-вассалитета, на которой строились отношения внутри господствующего класса, в области поземельных отношений нашла свое воплощение в формуле: «Нет земли без сеньора». По мере суверенизации королевской власти в правовой теории и судебной практике все более утверждался принцип, согласно которому все земельные держания в стране осуществлялись исключительно от имени короля.

Характернейшей чертой права поземельной собственности на протяжении всего периода феодализма оставалась своеобразная расщепленность (расчлененность) этого права. Собственническими правами на один и тот же лен, как правило, обладали сразу несколько феодалов, находившихся между собой в состоянии иерархической субординации. При этом обладание наиболее широким, верховным правом собственности на землю (в частности, правом неограниченного распоряжения) было свойственно лишь крупным магнатам; землевладельцы же, занимавшие более низкие ступени феодальной лестни-

цы, считались непосредственными держателями, обремененными вследствие этого различного рода повинностями. До XI в. сеньор был вправе разрешить или запретить всякую *субинфеодацию* — отчуждение части владельческих прав арьер-вассалу (т. е. вассалу вассала). В более поздний период вассал стал более свободным в реализации права субинфеодации, но он не мог при этом преступать ограничений, предусмотренных обычным правом. Как правило, кутюмы разрешали передачу арьер-вассалу от одной трети до половины земельного участка (*феода* или *фьефа*), полученного держателем-вассалом от сеньора — верховного собственника. Начиная с XIII в. было воспрещено без согласия сеньора (а затем и короля) осуществлять субинфеодацию в пользу церкви, поскольку такая передача фактически приводила к утрате светскими феодалами права верховной собственности на свои участки (ибо последние оказывались «в мертвой руке» церкви).

Собственнические права на землю признавались не индивидуальными, но семейно-родовыми. В соответствии с этим существовал контроль родственников над правом распоряжения родовой недвижимостью (до XIII в. в форме обязательного согласия на продажу, позднее — в праве родового выкупа семейного имущества в течение одного года и одного дня после продажи). Право собственности на землю могло возникнуть вследствие приобретательной давности, то есть невоспрепятственного добросовестного владения в течение определенного срока. Этот принцип был особенно актуален для северных регионов («страны обычного права»), где кутюмы не признавали права собственности на землю как такового, но где наследственные земельные держания требовали судебной защиты именно в качестве объектов собственности. Первоначально срок давности был очень небольшим (один год и один день), но впоследствии, начиная с XIII в., он был значительно увеличен (от 10 до 30 лет).

Владельческие права крестьян рассматривались как производные от поземельных прав сеньора; обремененность крестьянского хозяйства различными повинностями и поборами была прямым следствием этого положения. Основной формой крестьянского держания начиная с XIII в. становится *цензива*. Она практически исключала право феодала на личность крес-

тьянина и предоставляла последнему значительную свободу в распоряжении своим держанием. Крестьянин мог продавать, дарить, закладывать свою цензиву, но при одном обязательном условии: все эти операции не должны были уменьшать размер ренты, получаемой феодальным собственником.

Отмечая ограниченность крестьянских владельческих прав, следует, вместе с тем, подчеркнуть их постоянство и неуничтожимость: французский феодал не обладал правом согнать с земли даже лично зависимого от него крестьянина. Более того, феодал был объективно заинтересован в расширении и укреплении владельческих прав крестьян, ибо в этом заключалась перспектива увеличения рентных поступлений. В повышении юридического статуса крестьянских земельных держаний состоял интерес и королевской власти: начиная с XV в. Франция переходила к системе постоянных налогов, а они, как известно, могли взиматься только с объектов собственности. Поэтому в юридической теории появился постулат о том, что крестьянская цензива является почти полной собственностью и потому должна облагаться налогами (в частности, тальей). Действие отмеченных тенденций, разумеется, не означало исчезновения существенных различий между юридическим статусом феодального землевладения (в форме собственности) и крестьянского земельного держания (в форме цензивы): вплоть до революции 1789—1794 гг. эти различия оставались принципиальными.

На заключительных этапах абсолютизма фактически завершился процесс захвата феодалами общинных земель. Обычное право издавна разрешало сеньорам требовать выделения в свою пользу части общинных угодий (обычно одной трети); остальные угодья (леса, выпасы для скота и др.) должны были оставаться в бесплатном пользовании сельской общины. Эдикты Людовика XIV о так называемом «триаже», изданные в 1769—1781 гг., установили обязательный раздел общинных угодий в ряде округов при условии внесения феодалами определенной платы в казну (обычно одной шестой стоимости изъятой у общины земли); на остальной территории королевства решение этого вопроса передавалось на усмотрение самих общин. В ходе реализации указанных эдиктов в пользу феодалов было отрезано до двух третей бывших общинных земель. К началу буржуаз-

ной революции общинные традиции уже не представляли целостную систему, а сохранились лишь в виде отдельных элементов общинного землепользования (например, в праве сбора оставшихся колосьев и соломы на чужих полях после окончания уборки урожая).

Обязательственное право. Система договорных обязательств, претерпевшая значительную эволюцию вследствие прогресса товарно-денежных отношений, продолжала, тем не менее, сохранять все характерные особенности, свойственные правовой системе феодализма.

Договор купли-продажи, особенно касавшийся недвижимых вещей, первоначально заключался с соблюдением формальностей, имевших целью обеспечить его устойчивость. С XII в. в южных регионах страны, а затем и повсеместно получила распространение практика письменного оформления наиболее важных покупок, иногда с использованием типовых формул и нотариальным утверждением. Первоначально договор купли-продажи вступал в силу с момента передачи вещи; начиная с XIII в. он стал действовать с момента своего заключения и мог касаться вещей, еще реально не существующих. Перемещение земельной собственности путем купли-продажи особенно активизировалось в период зарождения и развития капиталистических отношений. Как уже было сказано ранее, покупка дворянских сеньорий была одним из самых существенных условий приобретения представителями буржуазии дворянских титулов (так называемое *аноблирование*).

Договор дарения развивался параллельно с договором купли-продажи, зачастую (особенно на стадиях раннефеодальной и сеньориальной монархии) выступая его юридическим суррогатом. Кроме того, договор дарения использовался для корректировки завещательных прав: с его помощью открывалась возможность обойти нежелательных наследников. С течением времени в обычном праве (а также и в королевском законодательстве) получили распространение нормы, ограничивавшие права дарителей; в частности, это касалось дарения родового имущества, особенно если стороной, принимающей дар, являлась церковь.

Договор имущественного найма наиболее часто выступал в форме аренды земли. К передаче земли в аренду крестьянам

охотно прибегали как дворяне, так и буржуазия, скупавшая феодальные поместья. Интерес землевладельца в таком договоре заключался в возможности постоянного повышения арендной платы, поскольку она (в отличие от ценза) не была регламентирована в обычном праве. Срок действия договора (первоначально — один год) имел тенденцию к увеличению (на один или несколько сроков жизни арендатора). Впрочем, последнее обстоятельство никак не угрожало ущемлением прав собственника, поскольку по окончании срока аренды земля обязательно возвращалась в его распоряжение.

Существенную историческую эволюцию пережил *договор займа*. Как известно, каноническое право запрещало взимание процентов по займам, но этот запрет мог быть обойден самыми разнообразными способами, и процент по займам достигал 40—60 % годовых. В период сословно-представительной и абсолютной монархии получили широкое развитие ростовщические операции, при которых займы выдавались дворянам под залог земли. Поскольку количество заложенных дворянами имений неуклонно возрастало, в XVIII в. королевским ордонансом было запрещено передавать кредитору заложенную землю. Однако и в этом случае имелся способ обойти запрет: основной гарантией договора займа стала ипотека, при которой заложенная земля не передавалась кредитору, но последний получал право на определенную часть земельной ренты.

Брачно-семейное право. До XVI—XVII вв. брачно-семейные отношения регулировались почти исключительно каноническим правом. То обстоятельство, что брак признавался одним из важнейших религиозных таинств, предполагало его неотменимость; вследствие этого существовал строгий запрет внебрачных связей и разводов. Допускалось, однако, «отлучение от стола и ложа» (например, в случае прелюбодеяния жены), при котором брак сохранялся, но брачные отношения прерывались. Каноническое право не признавало т. н. фактических браков. Дети, рожденные вне брака, не считались законными; их социальный статус оказывался неопределенным. Брачный возраст невесты устанавливался в 12 лет, жениха — в 14. Обязательным условием вступления в брак было взаимное согласие брачующихся. Запрещались браки между близкими родственниками. Муж обладал правом физического наказания жены,

но «в разумных пределах», т. е. не до смерти и увечий. Жена, убившая мужа, наказывалась закапыванием в землю.

В период абсолютизма проявилось усиление государственного вмешательства в указанную сферу общественных отношений. Были скорректированы соответствующие нормы канонического права, не требовавшие обязательного согласия родителей на брак своих детей: отныне дети, нарушившие волю родителей, могли быть лишены наследства. В XVII в. родители брачующихся получили право обратиться в Парижский парламент с иском о противозаконности брака, заключенного священником без их согласия. И хотя такие браки не могли быть расторгнуты, решением Парижского парламента они могли быть признаны не имеющими юридических последствий.

В период позднего феодализма на юге страны действовала тенденция ограничения имущественных прав жены в пользу мужа. На севере, наоборот, проявилась тенденция к формированию принципов раздельной собственности (это было законодательно подтверждено в 1229 г.): каждый из супругов владел своими фамильными и приобретенными землями, но общее управление имуществом осуществлял глава семьи. Вследствие этого положение женщины в семье оказывалось менее зависимым, чем это определялось традициями римского права. Следует, однако, отметить, что принципы раздельности имущества действовали главным образом в дворянской среде и почти не затрагивали семейные отношения разночинного большинства населения.

Что касается положения младших членов семьи, то здесь проявлялась общая для всей страны тенденция: повсеместно происходило усиление отцовской власти над детьми, ограничение их имущественной правосубъектности. Приобретения детей входили в имущество домовладыки. Отец мог подавлять непокорных детей не только собственными силами, но и с помощью карательных возможностей государства (например, получить разрешение на помещение своих детей в тюрьму).

Наследственное право. Самым показательным институтом наследственного права Франции был *майорат* (принцип первородства), установившийся уже в XI в. и предполагавший безраздельную передачу земельной собственности наследодателя старшему сыну (а если его не было — старшему в роду). На

наследника, в свою очередь, возлагались обязанности оказания материальной помощи своим малолетним братьям, а также обеспечение условий для выдачи замуж сестер. Главная идея майората — недопущение дробления земельной собственности, в первую очередь, с целью обеспечения условий для полноценной военной службы. Майорат распространялся в основном на крупную земельную собственность, в то время как землевладение рыцарей могло дробиться. С течением времени принцип майората был перенесен и на крестьянские хозяйства. Так, согласно Кутюмам Бовези (вторая половина XIII в.), старшему сыну крестьянина должно было переходить две трети отцовского имущества.

Движимое имущество могло наследоваться как по закону, так и по завещанию. На севере страны исторически преобладала первая форма наследования; завещатель не мог устранять законных наследников без особо серьезных к тому оснований. Под влиянием римского права и с учетом прямых интересов церкви все более широкая завещательная свобода стала постепенно распространяться на всю территорию страны, хотя вплоть до революции население северных регионов испытывало более сильные ограничения в праве распоряжения имуществом.

Уголовное право. В период становления сеньориальной монархии (IX—XI вв.) уголовно-правовая мысль Франции еще находилась под сильным влиянием традиций и принципов, восходившим к варварским правдам. Преступление продолжало рассматриваться как деяние, затрагивавшее исключительно частные интересы, а система наказаний основывалась на идее компенсации, которая должна была возместить причиненный частным лицам вред.

В последующий период в понятии преступления произошли радикальные изменения. Преступление отграничилось от частного-правового деликта, — это отграничение было окончательно осуществлено Великим мартовским ордонансом 1357 г., запретившим компенсировать преступления композициями. Кроме того, по требованию Генеральных штатов король лишался права помилования лиц, обвиненных в тяжких преступлениях (в частности тех, которые входили в категорию «королевских слугаев» — преднамеренное убийство, фальшивомонетничество,

поджог, захват земли, изнасилование и др.). Отныне преступление стало квалифицироваться как посягательство на существующий общественный правопорядок, неизбежно влекущее за собой обложенную в правовую форму, организуемую государством расправу над субъектами противоправных действий.

В период ленной монархии сеньориальная юрисдикция характеризовалась неограниченным произволом феодала как в квалификации преступных деяний подвластных ему лиц, так и в определении меры ответственности за такие деяния. При этом реальной границы между судебной и внесудебной расправой фактически не существовало. Процесс усиления королевской власти в рамках более поздних форм феодального государства сопровождался усилением репрессивных начал в осуществлении государственной уголовно-правовой политики. Это усиление шло одновременно как по линии расширения круга деяний, признаваемых преступными (в частности, за счет умножения видов религиозных и государственных преступлений), так и по линии ужесточения уголовной ответственности за них. Все это усугублялось практически неограниченным беззаконием и произволом, которые не только не пресекались, но открыто поощрялись королевской властью.

Как феодальное право в целом, так и уголовное феодальное право в частности основывалось на принципах права-привилегии. Равенства субъектов перед уголовным законом не существовало; уголовная ответственность лица непосредственно связывалась с его сословной принадлежностью. Так, к дворянам только в исключительных случаях могли быть применены телесные наказания. Они не могли быть подвергнуты смертной казни через повешение, так что самым распространенным наказанием для них были имущественные наказания в виде штрафов и конфискаций. Собственными привилегиями в сфере уголовно-правовой ответственности обладало и духовенство. В отношении же простолюдинов уголовно-правовое преследование осуществлялось в максимальном объеме.

В уголовном праве средневековой Франции широко применялось *объективное вменение*, предполагавшее ответственность без наличия вины, что, естественно, повышало эффективность уголовной репрессии. За некоторые виды преступлений (в частности, политические) несли ответственность члены семьи

виновного, в том числе и его дети. В соответствии с Большим ордонамсом 1670 г. допускалась не только персональная, но и коллективная ответственность, распространяемая на членов общин и корпораций. Хотя в обычном праве существовало представление о невеняемости как обстоятельстве, исключающем уголовную ответственность, по целому ряду тяжких преступлений (в частности, тех, что были связаны с «оскорблением величества») ответственность распространялась и на умалишенных, и на малолетних, а иногда даже на животных и на неодушевленные предметы, явившиеся причиной смерти человека.

Среди видов преступлений наиболее тяжкими считались те, которые были направлены против короля и членов его семьи. Жесточайшим образом карались также заговоры против государства и церковных установлений. В первой половине XVII в. (при Ришелье) этот круг наиболее опасных преступных деяний был существенно расширен: под категорию «оскорбления величества» были подведены заговоры против высших королевских чиновников и военачальников, измена родине, шпионаж, отказ от военной службы, несанкционированное строительство крепостных сооружений и т. д.

Широтой и разнообразием характеризовался круг религиозных преступлений, куда относились богохульство, святотатство, кошунство, колдовство и др. Расследование подобных преступлений осуществлялось на основе норм канонического права, однако уже с XIII в. (со времен Людовика IX Святого) королевское законодательство стало активно вмешиваться в религиозную сферу. В силу крайней неопределенности самого понятия преступлений против веры (в частности, понятия «ересь») здесь особенно широко практиковалось объективное вменение, приобретающее характер массовых преследований еретиков, кровавых расправ над сотнями и тысячами инаковерующих (примерами могут служить знаменитая Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 г., а также другие кровавые события религиозных войн XVI—XVII вв.).

Главными целями наказаний стали возмездие и устрашение. Феодалному уголовному праву было свойственно стремление превращать исполнение приговора в публичное зрелище, способное внушить страх присутствующим на нем. Система наказаний отличалась множественностью и неопределенно-

стью. Обладая правом произвольного, практически ничем не ограниченного усмотрения, суд, учитывая характер преступного деяния, степень его общественной опасности, социальную принадлежность преступника и его жертвы, мог остановить свой выбор на любом из имевшихся наказаний, осуществить комбинацию нескольких из них и даже «изобрести» новое наказание. При этом тяжесть наказания могла оказаться совершенно неадекватной характеру преступления.

Смертная казнь применялась в самых изощренных и мучительных формах (сожжение, сажание на кол, распятие на кресте, разрывание на части лошадьми, кипячение в масле, четвертование и др.). Трупы казненных оставались на обозрении продолжительное время. Широкое распространение имели телесные и членовредительские наказания (отсечение конечностей, вырывание ноздрей, отсечение уха или языка и т. п.). Тюремное заключение как самостоятельный вид наказания стало применяться с XVI в.; до этого тюрьма являлась лишь местом временного задержания до суда. В XV—XVI вв. стала практиковаться ссылка на галеры, которая была, как правило, бессрочной. Практиковались конфискации имущества, пополнявшие государственную казну дополнительными поступлениями.

Судебный процесс. До конца XII в. главной формой процесса оставался обвинительный (состязательный) процесс, регламентированный еще в варварских правдах. Судоговорение продолжало быть гласным и устным. Стороны обладали равными возможностями для представления доказательств. Обвинение имело частный характер. Господствовал строгий формализм. В качестве доказательств широко использовались судебные поединки, ордалии, присяга и соприсяжничество. Предварительное следствие не являлось особой стадией процесса.

Однако с XIII в. стал получать все более широкое распространение розыскной (или инквизиционный) процесс, который первоначально применялся лишь в церковных судах, но постепенно стал распространяться и на систему королевских судов. В течение XIII—XV вв. инквизиционный и состязательный процессы применялись как бы параллельно, но затем состязательный процесс постепенно стал выходить из употребления, и с утверждением абсолютизма инквизиционная форма процесса стала единственной в судебной практике. Ордономом 1498 г. и эдиктом 1539 гг. состязательный процесс был пол-

ностью отменен; взамен его в судебную практику вводились единообразные правила инквизиционного процесса. Свое классическое выражение эти правила получили в Большом уголовном ордонансе 1670 г.

В инквизиционном процессе частный характер обвинения сохранялся, но область преследования, осуществляемая от лица государства, все время расширялась. Ордалии и судебные поединки были официально запрещены (начало этому запрету было положено судебной реформой Людовика IX Святого, а окончательно «божьи суды» вышли из употребления лишь в XVI в.). Судоговорение превратилось в тайное и письменное. Право обвиняемого на защиту резко сократилось.

Основной стадией инквизиционного процесса стало предварительное расследование, подразделяемое на общее и специальное. Оно начиналось с выяснения самого факта преступления, для чего применялись как гласные, так и негласные методы дознания; при этом содержание доносов и жалоб до сведения подозреваемого не доводилось. Затем в дело включался следственный судья, который производил сбор письменных доказательств и их проверку, допрос свидетелей и обвиняемого, обыски и выемки, очные ставки. Главная цель всех этих действий состояла в изобличении подозреваемого. Все следственные действия были окружены тайной. Поскольку руководящей идеей инквизиционного процесса являлась презумпция виновности, подозреваемый (он же обвиняемый) мог быть подвергнут пытке на основании показаний любого свидетеля. Если в ходе пытки удавалось добиться собственного признания обвиняемого (а оно рассматривалось как «царица доказательств»), цель процесса могла считаться достигнутой.

Материалам следствия придавалось решающее значение в ходе судебного рассмотрения дела. Практически границы между предварительным и судебным следствием были стерты. Содержание материалов предварительного расследования до сведения обвиняемого доводилось, но серьезных возможностей для защиты он не получал. Если суд располагал доказательствами и оправдательного, и обвинительного характера, в расчет брались главным образом последние. Если судья полагал, что обвинительные доказательства не являются достаточно вескими, он мог распорядиться о повторном проведении пытки

обвиняемого. Существовало и понятие окончательной пытки: она осуществлялась после вынесения обвинительного приговора для установления еще не известных суду соучастников. Если несмотря на все возможные методы давления оснований для обвинения не находилось, суд мог оставить лицо под подозрением — на определенный срок или пожизненно.

С развитием инквизиционного процесса получила распространение формальная теория доказательств, пришедшая на смену свободной оценке доказательств, господствовавшей при состязательном процессе. Оценка сравнительной силы доказательств целиком предоставлялась судьям, что открывало неограниченный простор для судебного произвола.

Вплоть до конца феодально-раздробленной монархии приговоры сеньориальных судов являлись окончательными и обжалованию не подлежали; редчайшие исключения, когда допускалось обжалование в суде вышестоящего сеньора, касались случаев допущения «ошибок в праве». Таким образом, практически единственным способом пересмотра приговора сеньориального суда был поединок с судьей, постановившим данный приговор; поединки с судьями запрещались лишь при вынесении смертных приговоров. Однако с XIII в., особенно после судебной реформы Людовика IX Святого, устанавливалось право обжалования решений сеньориальных судов в королевский суд; при этом сама идея о пересмотре приговоров утратила свой оскорбительный характер для судей, действовавших в первой инстанции. В свою очередь, сама система королевских судов стала перестраиваться на принципах иерархической соподчиненности. Всего имелось до 10 апелляционных инстанций; кроме того, согласно праву эвокации чиновники короля могли принять к своему производству любое дело из любой инстанции. Высшей апелляционной инстанцией по уголовным и гражданским делам стал Парижский парламент. На местах учреждались провинциальные парламенты, являвшиеся отделениями Парижского. В парламентах учреждалась должность королевского прокурора, который поддерживал обвинение в судебном процессе в качестве представителя короля.

2. ФЕОДАЛЬНОЕ ПРАВО АНГЛИИ

Источники и системы права. В начальный период развития феодализма (до второй половины XI в.) основным источником английского права, как и на континенте, являлся *обычай*. Уже начиная с VI в. получила распространение практика издания основанных на обычаях правовых сборников, приписываемых отдельным англосаксонским королям и имевших общее наименование «правд» — Правда Этельберта (начало VII в.), Правда Инэ (VII в.), Правда Альфреда (IX в.) и др. Поскольку каждый из последующих правовых сборников был тесно связан с предыдущими, укреплялась традиция тесной преемственности в развитии английского права, приобретающая характер его важнейшей специфической особенности.

Завоевание Англии нормандским герцогом Вильгельмом (1066 г.) положило начало становлению единой правовой системы в масштабах всей страны — т. н. «*общего права*» (common law). Действие его гражданских норм стало со временем распространяться на все категории свободного населения; что касается уголовного права, то под его действие попадали и вилланы. Формированию этой системы способствовало то обстоятельство, что юрисдикция короля распространялась на всю страну, а ее проводниками являлись разъездные судьи, которые облакали принципы и идеи общего права в конкретные нормативные и организационно-процессуальные формы. Нормы общего права базировались на традициях древнего англосаксонского права, обычаях Нормандии, решениях королевских судов (судебных прецедентах), в определенной степени — на нормах канонического права. Вопрос о степени влияния римского права на систему общего права остается спорным.

Деятельность разъездных судей впервые приобрела значительных размах в годы правления Генриха II Плантагенета (1154—1189 гг.). Привлечение ответчика к суду производилось на основе специального *приказа о праве* (writ), который издавался королевской канцелярией за соответствующую плату по заявлению потерпевшей стороны. Приказ этот рассматривался как привилегия и выдавался только тем лицам, которые, по усмотрению короля, имели право на особую защиту, но не нашли ее в сеньориальном суде. С течением времени в этих при-

казах стал четко формулироваться вид предъявляемого требования; вследствие этого приказы стали классифицироваться по видам правонарушений. Все возрасставшее количество приказов привело к необходимости их систематизации. В связи с этим в XIII в. начали издаваться *реестры приказов*, содержавшие образцы исков, составленные с учетом всех юридических формальностей. Соблюдение таких формализованных образцов отныне стало обязательным в деятельности судов общего права; практика свободного обоснования сторонами своих взаимных требований была полностью прекращена. Круг исковых формул оказался замкнутым — он исчислялся только 39 вариантами; приток новых формул, отражавших многообразие жизненных реалий, стал практически невозможным. Вследствие этого проявилась и стала набирать силу тенденция утраты системой обычного права необходимой динамичности, гибкости и способности к трансформации; возникла опасность ее консервации и окостенения.

В своих основных чертах система «общего права» сформировалась на протяжении XII—XIII вв. Но уже к XV в. она окончательно перестала соответствовать уровню социально-экономического развития страны, вступавшей в эпоху капитализма. В полной мере проявились негативные стороны этой системы — консерватизм и строгий формализм, сопровождаемые затратой массы времени и средств. Гипертрофированное внимание к процедуре, свойственное системе общего права, грозило растворением в форме самой сущности права, утратой приоритета сущности в пользу формы.

Прямым ответом на потребности общественного развития явилось формирование в течение XIV—XV вв. новой системы права — т. н. «*права справедливости*» (law of equity). Право справедливости сложилось в результате судебной деятельности лорда-канцлера, который выступал проводником королевской «милости и справедливости». Оформление аппарата при лорде-канцлере в качестве особой судебной структуры произошло в начале XIV в. Лорд-канцлер, действуя первоначально от имени короля, а с 1474 г. и от собственного имени, был наделен правом оказывать защиту лицам, которые считали себя незащищенными в системе судов обычного права. Рассматривая такие дела по существу, лорд-канцлер, в отличие от судей Вестмин-

стерских судов, был свободен в выборе процедуры; участие присяжных здесь не было обязательным. Принципиально важным было и то, что лорд-канцлер не был связан действующим правом: исходя из «соображений справедливости», он мог оперировать нормами и обычного, и канонического, и римского, и международного права. В отличие от публичной и устной процедуры Вестминстерских судов, судопроизводство лорда-канцлера было закрытым и письменным. Лицо, признанное виновным, подлежало немедленному аресту; арест накладывался и на его имущество. Существовала принципиальная возможность принесения апелляции на решение канцлерского суда в палату лордов парламента, но к XVI в. непосредственное рассмотрение лордами судебных дел уже вышло из практики.

В начальный период своего существования право справедливости не вступало в конфликт с общим правом, а лишь дополняло его. Баланс двух правовых систем строился на основе признания приоритета общего права. В целом, сосуществование двух правовых систем принесло известную пользу общему праву: был несколько ослаблен его мертвящий формализм, ему была придана большая гибкость и динамичность. Однако к началу XVII в. в соотношении двух правовых систем на первый план стали выступать конфликтные проявления. Весьма существенным было то, что эти противоречия из сферы юридических абстракций стали все более перемещаться в политическую плоскость, являясь одним из самых ярких выражений социальной напряженности предреволюционной эпохи: суды общего права объективно превращались в самых последовательных союзников парламента в его борьбе против абсолютизма. В свою очередь, решение Якова I о признании приоритета норм права справедливости над нормами общего права со всей очевидностью выявило абсолютистские притязания Стюартов.

При всем отличии друг от друга двух названных систем права, действовавших в средневековой Англии, было нечто общее, что их объединяло. Этим общим являлся *судебный прецедент* — тот глубинный источник, которым питались обе системы. В период абсолютизма (к началу XVII в.) окончательно сложилось правило, согласно которому всякие правовые идеи и действия, реализованные в практической деятельности высшестоящего суда по конкретному делу, должны быть непре-

менно учтены и использованы при рассмотрении аналогичного дела (в случае совпадения фактических обстоятельств) всеми нижестоящими судами. Так, решения палаты лордов считались обязательными в качестве прецедента для всех других судов, решения Вестминстерских судов — обязательными для низших судов и рекомендательными для последующей судебной практики от имени короны. Отвергнуть прецедент могла только высшая судебная инстанция; в этом случае он терял свою юридическую силу. Вследствие этого постепенно приобретал характер аксиомы принцип, согласно которому единственным способом бытия права может быть только судебная практика; вне этой практики не существует и самого права. Но при этом судья не создает права: своим судебным решением он только обнаруживает право, уже до этого существовавшее. Разумеется, следует уточнить, что в рамках каждой из двух правовых систем существовала собственная прецедентная база: прецеденты, возникшие в практике деятельности судов общего права, имели силу для судов только этой системы, равно как и решения лорда-канцлера играли роль прецедента только в нижестоящих «судах справедливости».

С момента возникновения института разъездных судей материалы их деятельности стали фиксироваться сначала в виде краткой записи, а впоследствии в виде развернутого протокола, самой важной частью которого была мотивировка принятого решения. С начала XIII в. эти протоколы стали сводиться в так называемые «Свитки тяжб». Для удобства пользования в судах материалы наиболее важных судебных дел стали систематизироваться и публиковаться в виде официальных «Ежегодников». Со второй половины XVI в. вместо этих общих ежегодников начали издаваться сборники судебных решений, составляемые по отраслевой системе.

Кроме судебных прецедентов, важнейшим источником права феодальной Англии на всех этапах его развития, начиная со времен Вильгельма I Завоевателя, оставалось королевское законодательство. Значительным размахом отличалась законодательная деятельность Генриха II и Эдуарда I, явившихся основоположниками системы общего права. Первоначально не существовало единообразия в наименовании документов, издаваемых королевской властью. Однако с эпохи сословно-пред-

ставительной монархии получил распространение термин «*статут*», обозначавший акт, принятый парламентом и утвержденный королем. Статут обладал высшей юридической силой, и его законность не могла быть обсуждаема в судебном порядке. В 1327 г. решением парламента было установлено, что изменить содержание действующего статута может только другой статут, принятый с соблюдением аналогичной процедуры. С течением времени статутное право (под ним подразумевались все правовые нормы, изложенные в актах парламента и короны, начиная с Великой хартии вольностей 1215 г.) стало рассматриваться в качестве одного из важнейших источников английского права.

В период абсолютизма короли династии Тюдоров получили практически неограниченную возможность осуществлять законодательство по всем самым важным государственным вопросам. В нарушение указанного постановления 1327 г. статутom 1539 г. королю было предоставлено право в период, когда парламент не заседает, осуществлять издание так называемых *прокламаций*, которые могли отменять нормы принятых ранее статутов.

Вовлечение Англии в широкую европейскую торговлю явилось одной из существенных причин проникновения в ее правовую систему норм *международного торгового права*. Уже в XIII—XIV вв. на территории страны действовала целая сеть торговых судов, которые в своей практической деятельности часто отступали от норм общего права. Королевская власть активно покровительствовала торговому предпринимательству, брала под свою защиту имущественные и личные интересы купцов. На решения купеческих судов можно было приносить апелляции как в королевский суд, так и в суд лорда-канцлера.

На протяжении всего средневековья продолжали сохранять свою роль источники права и нормы *канонического права*. Борьба королевской власти за сокращение сферы деятельности церковных судов шла с переменным успехом. После реформирования церкви, осуществленной в XVI в., действие норм канонического права допускалось в тех пределах, пока они не противоречили законам страны и прерогативам короны. По некоторым вопросам (касающимся, например, наследований по закону и завещанию) допускалось толкование норм канонического права судами общего права.

Наконец, к источникам английского права принято причислять и труды наиболее авторитетных юристов. Первый правовой трактат («О законах и обычаях Англии» — 1189 г.) был написан Р. Глэнвиллем, юстициарием короля Генриха II. Этот труд представлял собой обширный комментарий к приказам королевских судов, формировавших систему общего права. Опубликованный в 1260 г. одноименный трактат Г. Брактона, одного из высших судей Суда королевской скамьи, являлся систематизированным сводом норм «обычного права», почерпнутых из «Свитков тяжб»; в трактате было использовано и несколько сотен (не менее 500) отрывков из Дигест Юстиниана. К XV в. относится появления ряда исследований, посвященных наиболее важным и сложным вопросам права. Примером может служить трактат видного политика и правоведа, лорда-канцлера Д. Фортескью «О похвальных законах Англии». В начале XVII в. широкой известностью пользовались составленные главным судьей Суда общих тяжб Э. Коком «Институции законов Англии» (в составе 4 книг), которые затрагивали широкий круг проблем гражданского, уголовного и процессуального права.

Таким образом, основной особенностью судебно-правовой системы средневековой Англии являлся ее дуализм, базировавшийся на параллельном функционировании институтов «общего права» и «права справедливости». Укрепившаяся королевская власть не только не устранила этот дуализм, но санкционировала его в законодательном порядке. Мощным фактором, поддерживавшим силу этой традиции, являлось правило судебного прецедента, обязывавшее суды не менее строго следовать предыдущим решениям, чем соблюдать текущее законодательство.

Право земельной собственности. Специфика данной отрасли в целом, равно как и отдельных ее институтов, определялась тем основополагающим принципом, согласно которому верховным собственником земли в государстве признавался только король. Эта традиция вела свое происхождение со времен Вильгельма Завоевателя, который в 1086 г. в городе Солсбери впервые принял присягу всех ленников страны. Поэтому в праве посленормандского периода не существовало понятия неограниченной, безусловной собственности на землю, когда оно касалось королевских подданных.

Одним из основополагающих понятий земельных прав являлось понятие *владения* (tenancy). В свою очередь, владение могло быть свободным (freehold) и несвободным (copyhold). Если владелец фригольда имел право на защиту своего держания в судах общего права, то несвободное держание долгое время не обладало такой защитой. Лишь с XV в. иски, связанные с копигольдом, стали приниматься к рассмотрению, причем первоначально только в канцлерском суде.

Английскому средневековому праву были известны несколько вариантов свободных держаний, которые отличались друг от друга объемом владельческих прав и правовых интересов конкретного держателя. Наиболее полным по объему и потому наиболее близким к частной собственности было держание в форме «fee simple», свободно передаваемое по наследству и защищаемое в суде как «реальная собственность». Третий Вестминстерский статут 1290 г. впервые разрешил свободным людям продавать свои держания (или их части) с тем, однако, непременным условием, что все повинности, лежавшие на держании, перейдут в полном объеме на покупателя. Одновременно был подтвержден запрет продажи или дарения светских феодалов в пользу духовенства. Наименьшую судебную защищенность имели свободные держания в форме аренды, особенно те из них, которые были ограничены определенным сроком.

В английском вещном праве со времен средневековья действовал специфический институт, не имевший аналогов в странах континентальной Европы, — так называемый институт доверительной собственности, получивший со временем наименование *траста* (trust). Суть этого института заключалась в том, что одно лицо (учредитель траста — settlor) передавало свое имущество или часть его другому лицу (доверительному собственнику — trustee), поручая ему управлять этим имуществом в своих интересах или интересах третьих лиц. Доверительный собственник при этом выступал перед этими третьими лицами в качестве собственника имущества, но отвечал за управление им перед учредителем траста. Возникновение траста объясняется особенностями английского феодального землевладения, затруднявшими свободное распоряжение земельной собственностью. С помощью этого института реальный собственник мог избежать материальных тягот, связанных, напри-

мер, с налогообложением, представляя в государственные органы заниженные сведения о своем действительном имущественном состоянии. Хотя практика передачи земли в целевое использование была известна еще с XII в. (особенно значительное развитие она получила в период крестовых походов), правовая защита института доверительной собственности стала осуществляться в канцлерском суде лишь с конца XIV в. Примерно к этому же времени относятся первые попытки регламентации траста в законодательном порядке.

Институтом доверительной собственности особенно широко пользовались религиозные конгрегации: передавая свои земли мирянам, они обходили правовые и религиозные ограничения на накопление богатств. Когда в период Реформации королевская власть встала на путь секуляризации, она столкнулась с большими трудностями: значительные массивы церковных земель оказались в руках доверительных собственников, на которых конфискационные меры правительства формально не распространялись. Специально принятый статут 1535 г. временно разрешил эту коллизию в пользу короны: было установлено, что собственником вещи является тот, в чьих интересах она управляется. На этом основании была произведена конфискация церковного имущества у всех лиц, которым было доверено управление им. После завершения Реформации институт траста активно использовался светскими властями, когда в сфере их внимания оказались социальные проблемы, потребовавшие, в частности, активизации благотворительной деятельности.

Обязательственное право. Обязательства возникали из договоров и причинения вреда. Договорные отношения получили свое развитие в связи с общим прогрессом товарного производства, укреплением рыночных связей. Договоры подразделялись на *формальные*, т. е. заключенные в соответствии со строго установленной процедурой, и *неформальные*, или простые. Первоначально общее право предоставляло защиту только формальным договорам, и потому защиту неформальным договорам можно было найти только в суде лорда-канцлера. Однако под влиянием норм права справедливости с конца XV в. суды общего права также стали предоставлять защиту неформальным договорам в виде словесных соглашений.

Обязательства из причинения вреда первоначально возникали лишь в том случае, когда одна из сторон осуществляла насильственные действия по отношению к другой. В XV в. стали также получать правовую защиту и интересы тех лиц, которые потерпели ущерб в результате ненасильственных действий партнера (например, в форме бездействия), а также неисполнения либо ненадлежащего исполнения договора.

Специфическую регламентацию получил в середине XIV в. договор *личного найма*: когда в результате эпидемии чумы 1348—1349 гг. резко сократилось число рабочих рук и работодатели стали нести убытки, ряд статутах обязал наемных работников соглашаться на оплату, существовавшую до эпидемии. Отказ от найма на этих условиях влек за собою уголовную ответственность (штраф, тюремное заключение, наложение клейма). Не случайно статуты середины XIV в. являлись своеобразной прелюдией к «кровавому законодательству» эпохи Тюдоров и Стюартов.

В условиях бурного развития капитализма Англия явилась родиной *антимонопольного* законодательства (Статут о монополиях 1624 г.), а также *патентного* права.

Брачно-семейное и наследственное право. Область брачно-семейных отношений регулировалась преимущественно нормами канонического права, закрепленными в законе. Некоторые сферы имущественных отношений супругов могли регулироваться и нормами общего права. Дееспособность замужней женщины была резко ограничена: она не могла заключать договоры, выступать в суде в защиту своих прав. Движимое имущество женщины после заключения брака переходило к мужу, а недвижимость находилась под его управлением. Развод, допускаемый в свое время старинным англосаксонским правом, каноническим правом не признавался; разрешалось, однако, раздельное проживание супругов в условиях «отлучения от стола и ложа». Вероятно, в исключительных случаях, когда речь шла о высокопоставленных особах, решение вопроса о разводе могло быть вынесено на усмотрение папы римского (как уже было указано ранее, именно бракоразводные дела Генриха VIII явились непосредственным поводом к началу реформирования английской церкви). Внебрачные дети не признавались законными: церковь рассматривала их рожденными в грехе. Однако

здесь играли роль не только морально-этические соображения, но чисто материальные расчеты, поскольку узаконение внебрачных детей расширяло бы круг потенциальных наследников. Мертонский статут 1235 г. запрещал узаконение внебрачных детей даже фактом последующего брака их родителей.

Переход недвижимости в пользу наследников первоначально осуществлялся лишь в форме наследования по закону и с обязательным соблюдением принципа майората (этот принцип стал безраздельно господствующим после того, как был подтвержден Вторым Вестминстерским статутом 1285 г.). Традиционному общему праву не было известно завещательное распоряжение земельной собственностью. Оно было введено лишь вместе с институтом доверительной собственности (траста), который со временем стал определять весь порядок получения наследства несовершеннолетними наследниками как по закону, так и по завещанию. К середине XVI в. завещательная свобода наследодателя в отношении недвижимой собственности была расширена; при этом наследники, удовлетворенные завещателем, должны были материально обеспечить детей, не получивших наследства. Защита исков, связанных с наследованием недвижимости по завещанию, осуществлялась судами права справедливости.

Движимое имущество подразделялось, как правило, на три части: одну часть наследовала жена, другую дети, а в отношении последней трети наследодатель обладал завещательной свободой.

Уголовное право. Проблемы общей части уголовного права на протяжении всего периода средневековья оставались недостаточно разработанными. Начиная с XII в. под влиянием римского и канонического права основанием возникновения уголовной ответственности стало признаваться наличие вины, хотя пережитки объективной ответственности сохранялись еще длительное время. Невменяемость трактовалась как бесспорное основание для освобождения от уголовной ответственности. К числу обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, относилась и необходимая оборона в условиях прямой угрозы жизни. Институт соучастия разрабатывался с учетом той конкретной роли, которую данное лицо сыграло в преступлении; при этом тяжесть вины во многом определялась тем, действовал ли соучастник до или после совершения преступления.

Специфической чертой особенной части средневекового уголовного права Англии являлась достаточно четкая классификация преступных деяний с точки зрения их тяжести. К XIV в. сформировалась традиционное деление преступлений на три основные группы: измена (treason), фелония (felony) и мисдиминор (misdemeanour).

Первое звено составляла *измена*, под которой понимались наиболее серьезные государственные преступления. В свою очередь, измена подразделялась на «великую» (high treason) и «малую» (petty treason). Великая измена толковалась общим правом как нарушение долга верности королю. Королевская власть эффективно использовала крайнюю неопределенность этого понятия в борьбе со своими противниками — с представителями как светской, так и духовной знати. Когда в великой измене обвинялись лица духовного звания, они теряли свою привилегию подсудности в церковных судах, где они были бы гарантированы от наказания смертной казнью. Имущество всех лиц, осужденных за великую измену, подлежало конфискации в пользу казны.

В 1351 г. был принят статут, содержавший перечень семи форм преступных деяний, которые могли квалифицироваться как великая измена (к их числу относились ведение войны против короля, переход на сторону врагов короля в его королевстве, посягательство на жизнь, имущество и честь короля и членов его семьи, умерщвление его ближайших сподвижников — канцлера, главного казначея, королевского судьи и т. п.). С течением времени этот перечень дополнялся новыми преступлениями против государственной безопасности: призыв к мятежу, незаконные сборища в целях учинения беспорядков, тайные сговоры с противозаконными намерениями. С 1416 г. как великая измена стало квалифицироваться посягательство на королевскую монетную регалию в форме фальшивомонетничества. Начиная с XV в. в уголовно-правовой практике применялась доктрина «подразумеваемой измены».

Понятие малой измены прилагалось к преступным деяниям, совершаемым нижестоящим лицом по отношению к вышестоящему (примерами могут служить умерщвление слугой своего хозяина или его жены, женой — мужа, вассалом — сеньора, священнослужителем — вышестоящего прелата).

Вторым звеном в указанной выше трехзвенной системе являлась *фелония* — тяжкое уголовное преступление, которое первоначально, в конце XII в., означало нарушение вассальных обязанностей; впоследствии это понятие было распространено на такие деяния, как убийство, поджог, разбой, изнасилование, воровство. Фелония была подсудна королевским судам в качестве преступления, нарушающего «королевский мир». Квалифицирующим признаком фелонии (а тем более — измены) считалось наличие «преступного намерения». Наказанием за фелонию была смертная казнь с конфискацией имущества.

На третьем месте стоял *мисдиминор* — уголовно-наказуемое деяние, выросшее из прежних правонарушений, которые в свое время наказывались как гражданско-правовые деликты. Включение в состав этой группы все более серьезных преступлений (таких как подлог, мошенничество, изготовление фальшивых документов) постепенно стирало границу между мисдиминором и фелонией, вследствие чего в уголовно-правовой политике преобладала тенденция нарастания репрессии. Впрочем, имели место и редкие случаи отступления от этой общей тенденции: так, мелкая кража (при стоимости похищенного менее 12 пенсов) во времена Эдуарда III (середина XIV в.) стала квалифицироваться не как фелония, а как мисдиминор, и каралась уже не смертной казнью, а тюремным заключением.

Система наказаний на всем протяжении средневековья характеризовалась крайней жестокостью. Самым распространенным видом наказания являлась смертная казнь: в XVII в. она полагалась более чем за 50 видов преступлений (сюда относились все виды измены и большинство фелоний). С целью произвести максимально сильное впечатление на очевидцев, смертная казнь осуществлялась, как правило, публично и в самых изощренных формах (колесование, четвертование, разрывание на части, сдирание кожи, вырывание внутренностей и т. п.). В 1401 г. парламент установил, что специальным наказанием для еретиков является сожжение на костре. Только два монарха — Генрих VIII и его дочь Елизавета I — уничтожили в общей сложности свыше 150 тыс. еретиков. Применялись также членовредительские наказания, тюремное заключение, штрафы и конфискации имущества. Принцип соизмеримости тяжести

наказания тяжести преступления английскому уголовному праву феодального периода был неизвестен.

В период первоначального накопления капитала, когда громадная масса трудового люда осталась без средств к существованию, правительство прибегло к т. н. «кровавому законодательству», направленному против бродяжничества и нищенства. Уже при Генрихе VII было повешено 72 тысячи «больших и малых воров», как тогда называли бродяг. Законами 1530 и 1536 гг. было разрешено собирать милостыню только старым и неспособным к труду нищим. Закон, принятый в годы правления Эдуарда VI (1547—1553 гг.), предоставлял бродягам один месяц для устройства на работу; после этого они могли быть отданы в фактическое рабство любому, кто доносил на них властям. Хозяин мог силой принуждать таких рабов к труду, продавать их, завещать по наследству, отдавать в наем. За самовольный уход в первый раз раб подвергался клеймению; побег в третий раз карался смертной казнью. В царствование Елизаветы I был издан статут 1572 г., согласно которому все нищие старше 14 лет, если они не были калеками и не имели разрешения на сбор подаяния, подвергались в первый раз сечению и клеймению. При повторном задержании эти наказания многократно ужесточались (обрезание ушей, языка, вырывание ноздрей, отсечение конечностей); в случае третьего правонарушения применялась смертная казнь в самой жестокой форме.

Процессуальное право. Как гражданскому, так и уголовному процессу в системе судов общего права был свойствен преимущественно состязательный характер. Инициатива возбуждения дела и продвижения его по стадиям процесса принадлежала сторонам. В XII в. еще широко применялись ордалии, судебные поединки, присяга и соприсяжничество. В судах общего права подсудимый не был обязан представлять доказательства своей невиновности: бремя доказывания лежало на обвинителе. Однако обвиняемый не получал копии обвинительного акта до суда; он не мог требовать очной ставки со свидетелями; желательные для него свидетели допрашивались без приведения к присяге.

Характерная черта английского судебного процесса состояла в том, что стадия предварительного следствия, хотя и отделившаяся от суда раньше, чем в континентальной Европе, оставалась недостаточно развитой. В судах канцлера и в церков-

ных судах следственные действия осуществлялись непосредственно судьей. В судах общего права расследование производилось либо обвинителем (при этом разрешалось прибегать к помощи специалистов), либо мировым судьей.

Институт присяжных стал складываться уже в XI в., но получил процессуальное оформление по ассизам Генриха II и с тех пор стал одной из самых характерных черт английского судопроизводства в рамках «обычного права». Первоначально требовалось согласие обвиняемого на решение дела с участием присяжных; существовали даже способы принуждения его к такому согласию. Присяжные участвовали в рассмотрении как гражданских, так и уголовных дел. Суд присяжных, начиная с рубежа XIII—XIV вв., мог выступать в двух разновидностях — большое жюри и малое жюри. *Большое жюри* (в составе 23 чел.) действовало на промежуточной стадии между предварительным и судебным следствием: оно решало вопрос о предании суду. *Малое жюри* включало 12 присяжных, подобранных по имущественному цензу (20—40 шиллингов). Оно рассматривало дело по существу и выносило окончательный вердикт; при этом вердикт признавался действительным лишь при единогласии присяжных.

В эпоху абсолютизма в судопроизводство стали проникать элементы инквизиционного (розыскного) процесса. Возник новый вид преследования — по обвинительному акту, предполагавший арест подозреваемого и содержание его в заключении до дня судебного разбирательства. При этом обвиняемый не имел права ознакомиться с доказательствами своей вины или представить желательных свидетелей. Допрос обвиняемого проводился с применением пыток, которые были официально санкционированы с середины XV в., несмотря на то, что согласно идеологии общего права пытка была принципиально недопустима. Согласно старинной традиции английского права, молчание обвиняемого рассматривалось как полное признание вины.

Что касается формальной теории доказательств, свойственной континентальному процессуальному праву, то в Англии она не имела большого распространения: присяжные преимущественно руководствовались собственным убеждением. В целом, инквизиционный характер процесса был свойствен в основном лишь высоким политическим трибуналам абсолютистской эпохи (в первую очередь, так называемой Звездной палате).

Обжалование судебных решений, как правило, не допускалось: пересмотр приговоров и решений, вынесенных на основании вердикта присяжных, являлся принципиально невозможным. Правом вмешательства в судебную процедуру обладал лишь Суд королевской скамьи и только в случае обнаружения неточности при составлении протокола (так называемый «иск об ошибке»). Лишь в XVII в. тяжущийся получил право ходатайствовать о рассмотрении его дела заново.

3. ФЕОДАЛЬНОЕ ПРАВО ГЕРМАНИИ

Источники и система права. Германское средневековое право отличалось исключительной пестротой и партикуляризмом, так как основная масса правовых норм, регулировавших важнейшие сферы общественной жизни, издавалась не в общеимперском масштабе, а на уровне различных территориальных образований. К XVI в., когда центральная государственная власть пришла в наибольший упадок, партикуляризм права максимально усилился, поскольку в отдельных германских государствах фактически сложилось собственное законодательство и особая структура органов юстиции. Кроме того, правовая система средневековой Германии отличалась еще и той характерной особенностью, что она не представляла собой единого массива с точки зрения социально-сословной ориентации: правовые нормы группировались в отдельные комплексы, рассчитанные на применение среди различных категорий населения. Так, споры между феодалами разрешались на основе т. н. «ленного права»; «дворовое право» определяло положение крестьянства; городская жизнь регулировалась нормами городского права; существовало особое право для купцов, для духовенства, для холопов и т. п. Человек, привлеченный к судебной ответственности, оказывался под действием сразу нескольких правовых комплексов, определявших его социальную и территориальную принадлежность. Поэтому конкретному судебному разбирательству на основе «собственного» права данного человека предшествовал «поиск своего права», представлявший, как правило, сложную и длительную процедуру.

Древнейшим источником права являлся *обычай*. К XIII в. относятся первые попытки систематизации норм обычного пра-

ва в рамках отдельных государственно-территориальных образований. Систематизация, как правило, производилась с учетом норм, сформулированных в актах имперских властей, а также материалов судебной практики. И хотя первые систематизированные сборники (они обычно именовались «зерцалами») издавались частными лицами и были рассчитаны преимущественно на местное применение, сформулированные в них нормы и принципы приобретали более общее звучание, способствовали унификации права в общеимперском масштабе.

Самым известным сборником подобного рода является т. н. «Саксонское зеркало» (*Sachsenspiegel*), составленное судьей (шеффеном) Эйке фон Репгофом, представителем рыцарского сословия. Датировка документа — между 1221 и 1235 гг. Саксонское зеркало представляло собой неофициальную запись (в оригинале — на латинском языке) феодальных обычаев и судебных решений, действовавших в северо-восточных областях Германии. Сборник состоял из двух частей. Первая из них, представленная тремя большими книгами, освещала проблемы земского права (*Landrecht*), которое в понимании того времени распространялось на основную массу свободных землевладельцев, не обладавших благородством происхождения. В этой первой части затрагивались некоторые вопросы «конституционного» устройства империи (положение императора, порядок его выборов, соотношение светских и духовных властей и др.) и правового статуса сословий. Здесь же содержался довольно обширный свод норм брачно-семейного, наследственного, уголовного и процессуального права. Вторая часть Саксонского зеркала, посвященная ленному праву (*Lehnrecht*), регулировала вассальные отношения, сложившиеся внутри сословия «господ» на основе феодальной иерархии. Влияние норм римского и канонического права на анализируемый сборник было достаточно слабым. Получив широкую известность не только на северо-востоке, но и во многих других областях Германии, Саксонское зеркало стало образцом для составления аналогичных сборников более позднего периода (Швабское зеркало, Голландское зеркало, Зерцало немецких людей, Берлинский городской кодекс и др.). Саксонское зеркало применялось в судах на протяжении 600 лет; в некоторых землях Германии ссылки на него делались вплоть до конца XIX века.

Роль источника германского средневекового права продолжало играть и *имперское законодательство*. В условиях нараставшей политической децентрализации императорская власть была вынуждена отказаться от детального регулирования гражданского, семейного, наследственного и других «непубличных» отраслей права, передав юрисдикцию по этим вопросам в руки местных властителей. Она оставила в своем исключительном ведении ту сферу законодательства, которая может быть условно названа «конституционной», — как по формальным признакам (законы такого рода, принятые, как правило, с согласия рейхстага, носили наименование *конституций*), так и по существу, поскольку эти законы закрепляли основы верховной власти в рамках юридически единой империи. Одним из самых ранних конституционных актов касался полномочий императора в его взаимоотношениях с папским престолом (Вормсский конкордат 1122 г.). Две конституции, изданные Фридрихом II, касались взаимоотношений королевской власти с духовными (1220 г.) и светскими (1232 г.) князьями. Самым показательным образцом конституционного законодательства была подробно охарактеризованная ранее Золотая булла императора Карла IV (1356 г.).

Второй важной сферой имперского права являлось законодательство, направленное на поддержание «земского мира». Особое распространение законодательство такого рода получило в XII—XIII вв. (оно было представлено примерно 20 актами). С целью пресечения местного сепаратизма и феодальных усобиц императоры вменяли в обязанность своим подданным соблюдать некоторые общие правила, за нарушения которых виновный попадал под действие не местной, а императорской юрисдикции. Первый закон о земском мире был объявлен императором Генрихом IV; действие закона распространялось на весь 1103 г. Все подданные должны были принести присягу в том, что они не будут посягать на те общественные отношения и государственно-правовые установления (привилегии церкви, императорские прерогативы, имущественные интересы, общественное спокойствие), а также отдельные категории подданных (купцы, пилигримы, евреи, женщины, дети), которые находились под верховным покровительством. Император требовал от всех своих подданных разбирать возникающие споры

исключительно мирным путем, с соблюдением законных судебных процедур, не прибегая к самосуду, захвату заложников и чужого имущества. В противном случае виновному угрожала опала — объявление его «вне закона», что означало лишение чести и всех прав состояния. Лица, оказывавшие помощь опальному человеку, подлежали равному с ним наказанию; город, укрывший осужденного, подлежал общей каре, вплоть до разрушения крепостных стен.

С течением времени нормы императорского законодательства, направленного на защиту жизни и собственности подданных, уже не стали связываться с присягой, а приобрели характер общеобязательных императивных установлений. При этом число объектов правовой защиты императора постоянно расширялось, а уголовно-правовые санкции за посягательства на них все более ужесточались. В XV в. срок действия земского мира был увеличен сначала до 5, затем до 10 лет, пока, наконец, в 1495 г. не был провозглашен «вечный земский мир» (это постановление осталось, впрочем, нереализованным). Опыт законодательства о земском мире, накопленный в течение нескольких столетий, оказал серьезное воздействие на развитие многих отраслей средневекового права Германии (особенно уголовного и уголовно-процессуального). Попытка унификации принципов уголовного права и процесса была предпринята в 1532 г. изданием т. н. «Каролины» (ее подробный анализ будет дан ниже).

Широкое распространение в средневековой Германии получило *городское право*. При этом характерной особенностью являлось то, что право немногих «материнских» городов являлось образцом для городов «дочерних». Наибольшей популярностью пользовалось право Магдебурга (оно действовало в центральных и восточных землях Германии, в Чехии, Австрии, Польше, Литве, в западных областях России) и Любека (распространяемое более чем на 100 городов Северного и Балтийского регионов). В городском праве нашли свою подробную регламентацию вопросы организации городских магистратов и судов, права и обязанности их членов, правовой статус городских жителей, порядок рассмотрения их имущественных споров, принципы их уголовной ответственности. Первые попытки систематизации права магдебургской и любекской «семей» имели место уже в XIII в.

В качестве самостоятельной системы в рамках городского права выделилось *торговое право* («право купцов»). Впервые оно получило наиболее значительное развитие в областях Северной Италии, где в начале XIII в. была осуществлена систематизация старинных торговых обыкновений («Книга обычаев» города Милана, 1216 г.). Со второй половины XIII в. торговое право стало интенсивно развиваться в Балтийском регионе, где разворачивалась деятельность торгового союза северо-немецких городов, известного под наименованием Ганзы; в основу ганзейских купеческих установлений было положено право города Любека.

Серьезное воздействие на унификацию германского права оказал процесс рецепции *римского права*, особенно наглядно проявившийся в XIV—XVI вв. Опираясь на возрождаемое римское право, подчеркивая преемственность своей власти с властью римских цезарей, германские императоры стремились к установлению в стране единого правового порядка. Созданный по решению Вормского рейхстага 1495 г. Общеимперский палатный суд должен был руководствоваться нормами римского права, систематизированными в Дигестах Юстиниана. Т. н. «пандектное право» (Pandektenrecht), сформированное на основе модернизированного римского права (с добавлением в него норм канонического права и некоторых германских правовых обычаев), действовало в качестве «общего права» Германии (Gemeine Recht) на протяжении XVI—XIX вв.; оно перестало применяться лишь с принятием Германского гражданского уложения 1900 г.

На заключительном этапе германской феодальной государственности, в эпоху т. н. «княжеского абсолютизма» (XVII—XVIII вв.) произошла кодификация правовых систем, сложившихся к тому времени в отдельных государственно-территориальных образованиях Германии. Первым был издан «Свод баварских уголовных законов» 1751 г. Один за другим были опубликованы два Уголовных уложения в Австрии — при императрице Марии Терезии (1768 г.) и императоре Иосифе II (1787 г.).

С июня 1794 г. было введено в действие Прусское земское уложение («Общий земский закон прусских провинций»), в котором кроме норм гражданского права содержался также свод норм государственного и уголовного права. Это был обширный

и весьма детализированный сборник законодательных установлений, включающий 19.160 статей. Заметно стремление его составителей избегать характеристики общих норм и принципов, ограничиваясь казуистическим способом изложения материала. Такой подход отнюдь не облегчал, а напротив, затруднял использование Уложения в конкретной судебной практике. Тем не менее, Уложение оказало существенное влияние на дальнейшее развитие не только германского права (его принципы и нормы явились одним из основных источников при разработке Германского гражданского уложения 1900 г.), но и право целого ряда других европейских государств.

Поземельные отношения в средневековой Германии строились на тех же основополагающих принципах феодальной собственности, которые были свойственны правовым системам других стран. Правовое положение ленника определялось его местом в феодальной иерархии. Согласно Саксонскому зеркалу все свободное население подразделялось на 7 разрядов (т. н. *щитов*); правом на лен обладали только те категории, которые были наделены рыцарским достоинством.

Правоотношения, регулируемые германским ленным правом, имели ряд специфических особенностей. В отличие от многих других европейских государей, император Германии был существенно ограничен в праве распоряжения земельной собственностью. Здесь действовал принцип «обязательного пожалования» наиболее значимых имперских ленов светским и духовным князьям; в случае освобождения этих ленов император не мог присоединять их к собственному домену. Существовала и практика передачи императором в пользу отдельных феодалов специальных «судебных ленов», не подлежавших дроблению. Обладание таким леном давало его владельцу право осуществлять суд над проживавшим здесь населением не от своего собственного имени, а от имени императора. Кроме того, в германском ленном праве существовало право «ожидания лена». Оно состояло в том, что одновременно с вручением лена очередному держателю определялся один или несколько будущих претендентов на эту же землю, которые обладали преимущественным правом вступить во владение ею при условии смерти первого держателя и отсутствия у него законного наследника. В целом, право ленника распоряжаться своим земельным наде-

лом в германском праве было более ограниченным, чем в правовых системах других европейских стран. Так, продажа лена, передача его в залог требовали обязательного предварительного согласия господина.

В связи с указанными обстоятельствами наиболее разработанной сферой имущественных правоотношений в ленном праве средневековой Германии было право владения. Оно приобреталось двумя основными путями: либо в результате символического обряда введения во владение (*инвеституры*), либо вследствие добросовестного фактического владения в течение определенного срока. Вассально-ленные отношения оформлялись в виде договора и скреплялись соответствующей присягой на верность. Ленник нес в пользу своего господина военную службу, участвовал в его совете и суде. В свою очередь, господин не мог лишить ленника его владения, кроме тех случаев, когда это будет осуществлено по решению суда. На несправедливые и необоснованные действия своего непосредственного господина ленник мог принести жалобу вышестоящему сеньору.

Обязательственное право. Договорные обязательства были известны германскому средневековому праву еще по ранним кодификациям XIII в. Так, в Саксонском зеркале уже были упомянуты многочисленные имущественные сделки, такие как купля-продажа, ссуда, личный наем, хранение и т. п., однако о значительном развитии договорных отношений говорить было бы еще преждевременно. Существовали и обязательства из причинения вреда, вызванные потравой поля, порчей посевов, нарушением границ земельного участка и т. п. Такие правонарушения компенсировались возмещением ущерба и уплатой судебного штрафа.

Гораздо более развитая система договоров содержалась в памятниках городского и торгового права, отразивших более высокий уровень товарно-денежных отношений. Здесь получили подробную регламентацию кредитные, залоговые, ссудные, процентно-ростовщические обязательства, договоры поручения, комиссии, торгового товарищества. Значительной суровостью отличались установления, касающиеся долговых обязательств: невозврат долга влек за собой арест должника и конфискацию его имущества. Вместе с тем, сын мог не нести ответственности за долги умершего отца, если его «не поставили

в известность об этом долге, как требуется по закону». При сделке купли-продажи движимых вещей право стояло на защите интересов добросовестного приобретателя. Так, если покупатель по незнанию приобрел вещь у лица, не являвшегося действительным собственником, но лишь владевшим этой вещью по доверенности, он не мог быть лишен приобретенной вещи в пользу действительного собственника, — последний мог истребовать лишь украденную у него вещь. В отношении собственности, приобретенной на законных основаниях, существовала полная свобода распоряжения.

Брачно-семейные и наследственные правоотношения регулировались в основном нормами земского права. В соответствии с общеевропейской феодальной традицией устанавливалось приниженное положение женщины в семье. Форма заключения брака знаменовала тот факт, что муж покупал право опеки над женой, выплачивая ее отцу покупную цену. Согласно Саксонскому зеркалу устанавливалась общность имущества супругов; управление этим имуществом целиком принадлежало мужу, и без его разрешения жена не могла заниматься никакими имущественными сделками. Вместе с тем, в семейном имуществе существовали обособленные части, которые учитывались и наследовались отдельно. Так, особую часть семейного имущества составляла т. н. «женская доля» (Gerade), включавшая предметы личного пользования женщины, ее украшения и домашнюю утварь. Эта доля оставалась за женой при любых коллизиях семейной жизни, включая смерть мужа или развод, а после смерти жены наследовалась только по женской линии. Другими самостоятельными частями семейного имущества являлись приданое и т. н. «утренний дар» (Morgengabe) — подарок мужа, преподносимый жене в первую брачную ночь.

Традиционной формой наследования по германскому земскому праву являлось наследование по закону. Претендовать на наследство могли только лица, имевшие равный (или более высокий) социальный статус с наследодателем. К наследованию призывались кровные родственники до седьмой степени родства, причем братья имели преимущество по сравнению с сестрами. Вдова в случае смерти мужа получала долю имущества, предназначенную для ее пожизненного содержания (т. н. «продуктовую долю»), а также упомянутые выше «женскую

долю» и «утренний дар». При разделе семейного имущества выделялась особая «доля умершего», которая первоначально была предназначена для покрытия погребальных расходов, а впоследствии стала передаваться церкви «за упокой души». Под влиянием норм канонического права получили достаточно широкое распространение прижизненные дарения на случай смерти с целью «спасения души». С течением времени из практики таких дарений возник институт наследования по завещанию, с сохранением, однако, обязательной доли законных наследников; его дальнейшее широкое распространение было связано с рецепцией римского права и формированием упомянутого ранее пандектного права.

Уголовное право. Складывание важнейших институтов германского уголовного права шло главным образом в сфере имперского законодательства XII—XIII вв., направленного на защиту «земского мира». В XVI в. накопленный опыт регулирования уголовно-правовых отношений был систематизирован в обширном уложении, принятом рейхстагом в июле 1532 г. в период правления императора Карла V (1519—1556 гг.) и по его имени получившим название «Каролина» (*Constitutio Carolina Criminalis*). Этот свод, явившийся первым в Европе специализированным уголовно-процессуальным кодексом, был принят в рамках имперской судебной реформы, ставившей своей задачей ликвидацию наиболее устаревших феодальных обычаев, обновление права и унификацию правоприменения в той сфере, которая на протяжении многих предшествующих столетий оставалась в центре внимания императорской власти.

В структурном отношении Каролина подразделялась на 219 статей. Из них 142 были посвящены процессу, а остальные 77 статей (со 104-й по 180-ю) содержали нормы уголовного права. В целом, разграничение норм на уголовные и процессуальные было проведено достаточно условно, так что практическое применение Каролины в судах (а именно эта цель была продекларирована законодателем в качестве основной) встречало значительные трудности. словно бы предвосхищая подобные коллизии, ст. 119 Каролины рекомендовала судьям и шеффенам в случае возникновения сомнений «просить и искать указаний у своих высших судов, сведущих в древних сложных обычаях».

В Каролине получили разработку некоторые важные понятия общей части уголовного права. Однако эти понятия не

всегда были облечены в четкую и строгую форму; кроме того, они не были перенесены в систему абстрактно-юридических категорий, а излагались применительно к конкретным видам преступлений и наказаний.

Уголовная ответственность по Каролине наступала, как правило, при наличии вины в форме умысла или неосторожности. Однако уголовная практика предполагала и коллективную ответственность, и объективное вменение.

Признавалось существование обстоятельств, исключающих наказание. Важнейшим среди них являлось состояние необходимой обороны. Ответственность не наступала также при «защите жизни, тела и имущества третьего лица», при задержании преступника по долгу службы и в некоторых других обстоятельствах. Каролина предписывала тщательно анализировать каждый случай необходимой обороны с целью выяснить, не были ли нарушены ее пределы (так, убийство после прекращения нападения, в ходе преследования нападавшего, уже делало невозможным ссылку на необходимую оборону). Правомерность необходимой обороны должен был доказывать сам обороняющийся: если его действия признавались неправомерными, он должен был понести наказание.

Каролине были известны обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. К смягчающим обстоятельствам относились: непреднамеренный характер деяния («неловкость, легкомыслие и непредусмотрительность»), состояние аффекта («запальчивость»), малолетство преступника (возраст до 14 лет), а также «прямая голодная нужда». Отягчающими обстоятельствами признавались: публичный, вызывающе-дерзкий и кощунственный характер преступления, совершение его группой лиц, рецидив, высокая степень ущерба, «дурная слава» преступника и др.

Различались две стадии преступного деяния: покушение и оконченное преступление. Поскольку покушение рассматривалось как умышленное деяние, не удавшееся вопреки воле преступника, наказание за него было практически равным наказанию за оконченное преступление.

В институте соучастия наиболее подробную разработку получило пособничество. Различались три вида пособничества по времени их проявления: до преступления (например, пре-

доставление дома, оружия, слуги), в момент совершения преступления (это расценивалось как совиновничество и влекло равное с преступником наказание) и после его окончания (сокрытие вещей, предоставление убежища). Если в последнем случае в укрывательстве обнаруживался мотив сострадания, наказание пособника было более мягким.

Особенная часть уголовного права представлена в Каролине довольно неупорядоченным перечнем преступлений и полагающихся за них наказаний. Однако определенная систематизация преступлений по видам (от важнейших к менее тяжким) все же была осуществлена.

На первое место были поставлены преступления против религии — богохульство, колдовство, кошунство, чародейство, нарушение клятвы и др. К государственным преступлениям относились измена (этому понятию было придано максимально широкое и крайне неопределенное звучание), бунт против властей, различные виды нарушений «земского мира» (вражда и месть, разбой, поджог, злостное бродяжничество и др.). Имелось косвенное упоминание об оскорблении императорского величества. Характерно, что лица, донесшие на изменников, освобождались от ответственности, если эти доносы оказывались ложными, — эта норма являлась прямым заимствованием из позднеримского уголовного права. Каролина оставляла за отдельными землями право карать государственные преступления теми наказаниями, которые были предусмотрены законодательством этих земель.

Среди преступлений против личности особенно детально были регламентированы убийства; характерно, что самоубийства также были отнесены к числу преступных деяний. Были широко представлены преступления против нравственности (прелюбодеяние, двоебрачие, кровосмесительство, сводничество, изнасилование, похищение жен и незамужних девушек и т. п.). Преступления против собственности включали многочисленные виды кражи (им было посвящено 19 статей), грабежи, разбой, а также недобросовестное распоряжение доверенным имуществом. Даже мелкая кража, совершенная в третий раз, каралась смертью. Имелась и группа преступлений против правосудия (в т. ч. лжесвидетельство: принесящий ложную присягу наказывался так же, как был бы наказан ложно обвиненный).

Подчеркнуто классовый и террористический характер уголовного права по Каролине особенно четко проявился в системе наказаний. Из всех известных феодальных кодексов Каролина отличалась наибольшей жестокостью и произволом. Принятая вскоре после Крестьянской войны 1524—1525 гг., которая своим размахом ввергла господствующий класс в состояние ужаса и страха перед низами деревни и города, Каролина положила в основу карательной политики почти неограниченную жестокость и тем самым в значительной степени возродила террористическую карательную систему римского права периода империи. При квалификации преступления и определения меры наказания должна была обязательно учитываться социальная принадлежность («звание и положение») как самого преступника, так и его жертвы. Каролине были присущи те же подходы, которые были свойственны английскому «кровавому законодательству» в отношении нищих, бродяг и малоимущих, несмотря на заявления о необходимости учета «прямой голодной нужды» лиц, совершивших преступление. Так, злостные бродяги априори рассматривались как «опасные насильники» и потому подлежали смертной казни, как только попадали в тюрьму, «незвизирая на то, что они не совершили какого-либо иного деяния». Все это явно шло вразрез с декларативными заявлениями преамбулы Каролины о справедливости, о равном правосудии для бедных и богатых, о стремлении предотвратить произвол и проявить милость к страждущим. При определении меры наказания судьи обладали правом широкого усмотрения: они могли выбрать любое наказание из числа рекомендованных, произвольно скомбинировать несколько из них, прибегнуть к использованию местных обычаев, а в затруднительных случаях — воспользоваться консультациями высших судов или ученых-правоведов.

В основе системы наказаний лежала идея устрашающего возмездия. Смертная казнь была предусмотрена за большинство преступлений, причем чаще всего она применялась в квалифицированной форме (сожжение, четвертование, утопление, погребение заживо и др.); весьма показательно, что приговоренных к смертной казни Каролина именует «несчастливыми». Если смертная казнь применялась в виде четвертования, Каролина предписывала, чтобы «все четыре части тела были пуб-

лично вывешаны и выставлены на четырех больших дорогах». Членовредительские (урезание языка, ушей, отсечение конечностей) и телесные (сечение розгами) наказания полагались за простую кражу, обман, мошенничество. Позорящие наказания заключались в наложении знаков бесчестия, выставлении в ошейнике к позорному столбу, лишение прав. Тюремное заключение могло являться как самостоятельным наказанием (если речь шла о злостных преступниках, особенно рецидивистах), так и дополнительным к другим наказаниям. Также в качестве либо самостоятельных, либо дополнительных наказаний могли выступать штрафы и конфискации имущества.

Процессуальное право. В период раннего феодализма в Германии основным видом процесса являлся обвинительный (сопоставительный) процесс. Некоторые черты сопоставительного процесса сохранились и по Каролине (возбуждение дела по инициативе частного лица, сбор доказательств сторонами, наличие у обвиняемого возможности оспорить иск). Если обвинение, выдвинутое частным лицом, не находило подтверждения, истец обязан был «возместить ущерб, бесчестье и судебные издержки».

Однако основной формой рассмотрения уголовных дел по Каролине стал инквизиционный (розыскной) процесс со всеми присущими ему атрибутами. Обвинение предъявлялось судьей, выступавшим в качестве должностного лица от имени государства. Следственные действия имели не частный, а публично-правовой характер. К подозреваемому могли быть применены методы физического воздействия. Судебное разбирательство, как правило, производилось в закрытом порядке и оформлялось письменно.

Первой стадией инквизиционного процесса по Каролине являлось *дознание*, т. е. сбор тайной информации о преступлении и предполагаемом преступнике. Цель дознания заключалась в констатации самого факта преступления и в установлении подозреваемого в нем лица. Дознание производилось самим судьей с использованием как гласных, так и негласных методов; окончанием стадии дознания считалось заключение подозреваемого под стражу. Арестованному не сообщались обстоятельства преступления, которое ему инкриминировалось, чтобы он не смог заранее продумать систему защиты.

Вторая стадия — *общее расследование* — включала в себя предварительный допрос арестованного с целью установления основных обстоятельств дела. Поскольку действовала презумпция виновности, подозреваемый уже на этой стадии превращался в обвиняемого. В ходе допроса судья стремился запутать обвиняемого, путем шантажа и угроз сломить его волю, убедить его в бессмысленности отрицания вины. В целом, Каролина ставила подозреваемого (обвиняемого) в позицию, когда он фактически не являлся стороной, наделенной хотя бы минимумом юридических прав. Бремя доказывания невиновности лежало именно на нем, но никаких реальных возможностей для опровержения обвинения ему не было предоставлено.

Главной стадией процесса являлась третья стадия — *специальное расследование*. Поскольку законодательство стояло на позициях теории формальных доказательств, Каролина содержала полный, исчерпывающий перечень «доброкачественных доказательств, улик и подозрений» практически по каждому виду преступлений. Показания одного свидетеля считались полудоказательствами, и лишь совпадение показаний двух свидетелей расценивалось как полноценное доказательство. Если не было прямых доказательств, прибегали к косвенным (в качестве таковых могли выступать дурная репутация подозреваемого, обнаружение его на месте преступления, его внешние признаки и др.). Свидетельства, опровергающие обвинение или смягчающие вину, в расчет не принимались. При этом важно подчеркнуть, что даже вся совокупность доказательств, улик и подозрений не являлась основанием для окончательного осуждения: непременным условием было признание обвиняемым своей вины. Самым же эффективным средством достижения этой конечной цели являлся допрос под пыткой.

Каролина устанавливала ряд условий для применения пытки: необходимы были либо обвиняющие показания двух «добрых» свидетелей, либо механическая сумма нескольких «подозрений». В свою очередь, само признание под пыткой считалось действительным также при соблюдении некоторых условий: оно должно быть сделано не непосредственно в момент пытки, а после окончания пытки, и повторено не раньше чем через сутки вне камеры пыток. Пытки не должны были применяться в отношении больных людей, инвалидов, стариков,

малолетних, а также представителей высших сословий, если их преступные деяния не представляли особую общественную опасность. Нарушение судьей правил применения пытки включалось в перечень преступлений против правосудия. Однако судьи имели реальные возможности обходить эти ограничения, так что «неправомерность» применения пытки судьей была практически недоказуема. Существенным было и то, что Каролина не подвергала судью взысканию за применение пытки, если обвинение не подтверждалось.

Пытка должна была проводиться в присутствии судьи, двух судебных заседателей и судебного писца. Сами конкретные виды пыток в Каролине не устанавливались. Из судебной практики Германии XVI и последующих веков известно, что существовали несколько десятков видов пытки.

Стадия специального расследования завершалась вынесением приговора. Поскольку все главные задачи были решены уже на предварительном расследовании, судоразбирательство имело чисто формальный характер. Накануне дня судебного заседания («судного дня») судьи и судебные заседатели еще раз просматривали протоколы следствия и составляли приговор. Судебное заседание фактически сводилось к оглашению приговора, сопровождаемому устрашающими символическими актами (звон набатного колокола, переламывание судейского жезла и т. п.). Приговоры делились на обвинительные, оправдательные и с оставлением в подозрении.

Главная цель, которую преследовал законодатель при создании Каролины, заключалась в унификации германского уголовного и уголовно-процессуального права, в установлении верховенства имперского права над правом отдельных земель. В какой-то степени эта цель была достигнута: Каролина была признана в качестве источника права на всей территории Священной Римской империи, так что именно на ее основе была сформирована вся система общегерманского уголовного права XVI—XVIII вв. Однако значение Каролины как универсального кодекса значительно снижалось оговоркой о том, что в империи могли сохраняться «исконные, унаследованные, правомерные и справедливые обычаи» курфюрстов, князей и сословий. Вследствие этого многие нормы Каролины имели в основном рекомендательный характер и применялись в судебной прак-

тике лишь постольку, поскольку они получали «признание» в отдельных территориально-государственных образованиях. В целом, установления Каролины оказались для них скорее юридическим образцом, чем практически применяемым правом. В течение XVII—XVIII вв. на основе этого общеимперского образца в Пруссии, Баварии, Австрии и других германских государствах стали приниматься собственные уголовно-судебные уложения, — они и явились нормативной базой реального местного правосудия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период средневековья, охватывавший более тысячи лет европейской истории, представляет собой закономерный этап в процессе поступательного развития человеческого общества. На карте средневековой Европы возникли практически все ныне существующие национальные государства. Они пришли в тесное соприкосновение, начали активно воздействовать друг на друга не только в военном, но и в хозяйственном, культурном, правовом отношениях. Отставание отдельных регионов или стран сравнительно быстро преодолевалось вследствие усвоения достижений более развитых государств. Неизмеримо расширились географические горизонты — сначала в ходе крестовых походов на Восток, а затем в процессе проникновения европейцев в Индию, Африку, на Американский континент. Более высокие темпы экономического и социального прогресса обеспечили Западной Европе первенство в ее соревновании с государствами Востока.

Единство эпохе европейского средневековья придает господство феодализма, который представлял собой не только особую совокупность социально-экономических отношений, но и обусловленную этими отношениями специфическую систему политических и правовых установлений. В политической системе средневековой Европы, несмотря на свойственную феодализму диффузию политической власти, решающая роль всегда принадлежала государству, так что даже в период максимальной феодальной раздробленности королевская власть оставалась общепризнанным олицетворением единства страны и народа. По формам правления, государственного устройства и методам осуществления политической власти (политическим режимам) феодальные государства в различных странах и на различных этапах исторического развития отличались большим разнообразием. При этом явное преобладание в период средне-

вековья имели монархические формы правления, тогда как республиканские устройства были сравнительно редкими явлениями. Что касается политических режимов, то им были свойственны преимущественно автократические и олигархические черты.

Средневековая монархическая государственность была представлена четырьмя последовательно сменившими друг друга историческими разновидностями — раннефеодальной монархией, сеньориальной (или ленной) монархией, сословно-представительной монархией, абсолютной (или неограниченной) монархией. При всех отличительных особенностях, свойственных национальной государственности в отдельных странах, существовали некоторые общие признаки, позволяющие рассматривать каждую из этих форм именно в качестве самостоятельных институционных комплексов, а все их вместе, в порядке исторической преемственности, — как последовательные ступени в эволюции форм политической организации феодальной Европы.

Опыт средневекового государственного строительства оказал самое серьезное влияние на становление политических и правовых институтов нового и новейшего времени. Именно в период средневековья квалифицирующим признаком верховной власти стал ее публично-правовой характер; были выработаны основы взаимоотношений различных административно-управленческих институтов местного и регионального масштаба; был решен принципиальной важности вопрос о соотношении государства и церкви. Западноевропейское средневековье дало уникальный опыт воплощения в государственной практике представительного принципа реализации власти. В этом смысле сословно-представительные учреждения феодальной эпохи могут рассматриваться в качестве исходной основы для формирования принципов современного парламентаризма. В рамках средневековья стала впервые разрабатываться концепция прав личности, основанная на началах гуманизма и рационализма.

Не менее глубокое воздействие на современность оказала средневековая духовная и материальная культура. Шедевры народного творчества и литературы, ценнейшие памятники богословской, философской, политической, историчес-

кой мысли смогли стать достоянием позднейших поколений благодаря великому изобретению средневековья — печатной книге. Традиционные религиозные обряды в своем неизменном виде совершаются в современных храмах, а сами эти храмы, наряду с другими выдающимися памятниками средневекового зодчества, до сих пор определяют архитектурный облик большинства европейских городов.

Известные успехи были достигнуты в деле унификации национального права отдельных государств, хотя этот процесс в большинстве европейских стран был завершен уже в следующую эпоху — в новое время. Рецепция римского права, этой универсальной наднациональной правовой системы, которая рассматривалась как «писанный разум», создавала условия для ослабления сословно-иерархических основ феодальных правоотношений, формирования в будущем принципов бессословной частной собственности. С XVII в. в результате обобщения практики межгосударственных мирных и военных контактов началось формирование системы международного публичного и частного права.

Кризис феодализма, отчетливо проявившийся в период позднего средневековья, поставил под вопрос само существование этой общественно-политической системы. Условия для ее ликвидации созрели в ее собственных рамках. Период буржуазных революций, открывшийся событиями 40-х годов XVII века в Англии, явился рубежом, разграничившим две эпохи всемирной истории — средневековья и нового времени.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Авдиев В.И. Военная история Древнего Египта. Т. 1—2. М., 1948—1959.

Авдиев В.И. История Древнего Востока. М., 1970.

Александров Г.Ф. История социологических учений. Древний Восток. М., 1960.

Алексеев В.М. Тридцатилетняя война. Л., 1961.

Англия XV—XVII вв.: проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма: Сб. статей. Горький, 1981.

Англия в эпоху абсолютизма / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. М., 1984.

Андреев Н. Римское частное право. София, 1962.

Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. Гомеровский период. Л., 1976.

Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.

Античная цивилизация / Под ред. В.Д. Блаватского. М., 1973.

Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. М., 1973.

Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. 2. М., 1999.

Аристотель. Афинская полития: Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983.

Артхашастра или Наука политики. М.; Л., 1959.

Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962.

Барг М.А. Место XVII в. в истории Европы // Вопросы истории. 1985. № 3.

Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989.

Басовская Н.И. Столетняя война 1337—1453 гг. М., 1985.

Батыр К.И. История феодального государства Франции. М., 1975.

Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966.

Беркович М.Е. Из истории формулы средневековой Германской империи // Средние века. Вып. 30. М., 1967.

Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994.

Бессмертный Ю.Л. Феодалная революция X—XI вв. // Вопросы истории. 1984. № 1.

Блаватский В.Ф. Природа и античное общество. М., 1976.

Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма. М., 1969.

Бойцов М.А. Золотая булла 1356 г. и королевская власть в Германии во второй половине XIV в. // Средние века. Вып. 52. М., 1989.

Бонгард-Левин Г.М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.

Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация: философия, наука, религия. М., 1980.

Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1—3. М., 1995.

Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977.

Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941.

Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса Китайского государства. М., 1983.

Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. М., 1993.

Вейт Я.Я. Религия и церковь в Англии. М., 1976.

Вигасин А.А., Самозванцев А.М. “Артхашастра”: Проблемы социальной культуры и права. М., 1984.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.

Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества. Свердловск, 1984.

Всеобщая история государства и права / Под ред. К.И. Батыра. М., 1995.

Галанза П.Н. Государство и право Древнего Рима. М., 1963.

Галанза П.Н. Феодальное государство и право. М., 1963.

Глускина Л.М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н.э. Л., 1975.

Господствующий класс феодальной Европы. М., 1989.

Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989.

Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М., 2000.

Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.

Громаков Б.С. История рабовладельческого государства и права (Афины и Рим). М., 1986.

Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. (Из истории аглийского общества и государства XIII в.). М., 1960.

Гутнова Е.В. О движущих силах перехода от феодализма к капитализму // Вопросы истории. 1983. № 9.

Дандамаев М.А. Рабство в Вавилоне. М., 1974.

Доватур А.И. Политика и политии Аристотеля. М.; Л., 1965.

Древние цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1989.

Дьяконов И.М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник древней истории. 1952. № 3—4.

Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

Европа в средние века: экономика, политика, культура: Сб. статей. М., 1972.

Егоров А.Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.

Ельницкий Л.А. У истоков древнеримской культуры и государственности // Вестник древней истории, 1958. № 3.

Жидков О.А. История государства и права стран Древнего Востока. М., 1963.

Законы Ману. М., 1960.

Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М., 1964.

Зинченко С.А., Лисневский Э.В. Собственность, политическая власть и право: генезис, соотношение // Государство и право. 1992. № 3.

Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре: Историко-правовое исследование. Свердловск, 1988.

Ильин Г.Ф. Шудры и рабы в древнеиндийских сборниках законов // Вестник древней истории, 1950. № 2.

Илюшечкин В.П. Сословие-классовое общество в истории Китая. М., 1986.

Индия в древности / Под ред. В.В. Струве. М., 1964.

Исаенко А.В. Английская королевская реформация XVI в. Орджоникидзе, 1982.

История государства и права стран Азии и Африки. М., 1964.

История государства и права зарубежных стран / Под ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. Часть 1. М., 1996.

История Древнего Востока / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983.

История Древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1988.

История Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1996.

История Европы. Т. 1 / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1988.

История Европы. Т. 2—4. М., 1992—1994.

История первобытного общества — эпоха родовой общины / Под ред. Ю.В. Бромлея. М., 1986.

История политических и правовых учений. Древний мир / Под ред. В.С. Нерсисянца. М., 1985.

История средних веков. Т. 1 / Под ред. С.П. Карпова. М., 1997.

История Франции. Т. 1. М., 1972.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.; Л., 1947.

Кечекьян С.Ф. Государство и право Древней Греции. М., 1963.

Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время. М., 1983.

Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1. М., 1898.

Ковалев С.И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986.

Козлов А.С. Средневековая Европа: основные общественные процессы, управление, власть. Екатеринбург, 1997.

Колесницкий Н.Ф. Исследования по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII в.). М., 1959.

Колесницкий Н.Ф. Феодалное государство (VI—XV вв.). М., 1967.

Колесницкий Н.Ф. «Священная Римская империя»: приращения и действительность. М., 1977.

Колобова К.М. Возникновение и развитие Афинского государства (X—VI вв. до н.э.). Л., 1958.

Колобова К.М., Глускина Л.М. Очерки истории Древней Греции. Л., 1958.

Колобова К.М. К вопросу о возникновении Афинского государства // Вестник древней истории. 1968. № 3.

Копосов Н.Е. Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990.

Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.

Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. М., 1976.

Косарев А.И. Римское право. М., 1986.

Кошеленко Г. А. Город и полис // Вестник древней истории. 1980. № 1.

Кошеленко Г.А. О некоторых проблемах становления и развития государственности в Древней Греции. От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.

Крашенинникова Н.А. Происхождение права в Древней Индии. Правоведение. 1977. № 1.

Крашенинникова Н.А. Индусское право (история и современность). М., 1982.

Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.

Культура древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. 1—2. М., 1985.

Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М., 1990.

Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Ленцман Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.

Лисневский Э.В. История феодального государства и права Англии. Ростов-на-Дону, 1981.

Лозинский С.Г. История папства. М., 1986.

Луния Б.Н. История индийской культуры с древних веков до наших дней. М., 1960.

Лурье И.М. Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. до н.э. Л., 1960.

Люблинская А.Д. Франция в начале XVII в. Л., 1959.

Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.; Л., 1965.

Люблинская А.Д. Франция при Ришелье: французский абсолютизм в 1630—1642 гг. Л., 1982.

Малов В.Н. Фронда // Вопросы истории. 1986. № 7.

Малов В.Н. Жан-Батист Кольбер: абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.

Машкин Н.А. Принципат Августа. М., 1949.

Маяк И.Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. М., 1983.

Немировский А.И. К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия // Вестник древней истории. 1959. № 2.

Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1992.

Нерсисянц В.С. Политические учения Древней Греции. М., 1979.

Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974.

Нечай Ф.М. Образование римского государства. Минск, 1972.

Никольская Р.А. Государственное устройство афинской демократии // Ученые записки Белорусского университета. Вып. 30. Историческая серия. Минск, 1956.

Новицкий И.Б. Римское частное право. М., 1948.

Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М., 1972.

Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права. Т. 1. М., 1998.

Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. М., 1996.

Памятники римского права. М., 1997.

Паршиков А.Е. Организация суда в Афинской державе // Вестник древней истории. 1974. № 2.

Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937.

Плешкова С.Л. Французская монархия и церковь (XV — середина XVI вв.). М., 1992.

Перепелкин Ю.Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства // Палестинский сборник. Вып. 16 (79). М., 1966.

Перетерокий И.С. Дигесты Юстиниана. М., 1956.

Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XVII вв.). Л., 1990.

Полянский Ф.Я. Товарное производство в условиях феодализма. М., 1969.

Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

Право в средневековом мире. М., 1996.

Прокопьев В.П. История германской государственности X—XVIII вв. Калининград, 1984.

Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII веков. М., 1938.

Рабовладельческое и феодальное государство и право стран Азии и Африки / Под ред А.И. Рогожина и Н.Н. Страхова. Харьков, 1981.

Разумович Н.Н. Политическая и правовая культура. Идеи и институты Древней Греции. М., 1989.

Рогожин А.И., Страхов Н.Н. История государства и права рабовладельческого Китая. М., 1960.

Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979.

Савело К.Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977.

Савин А.Н. Английская секуляризация. М., 1906.

Савельев В.А. Римское частное право (проблемы истории и теории). М., 1985.

Санчурский Н.В. Римские древности. М.: МГУ, 1995.

Селезнев Н.А. Всеобщая история государства и права (феодальное государство и право Англии). М., 1963.

Сизов С.К. Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства (281—221 гг. до н.э.). М., 1989.

Сизов С.К. Федеративное государство эллинистической эпохи: Этолийский союз. М., 1990.

Скрипилев Е.А. Основные черты права Древнего Востока (Законы Хаммурапи). М., 1964.

Смирин М.М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.

Смирин М.М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962.

Снегирев И.Л., Франков. Ю.П. Древний Египет. М., 1938.

Соколова А. Варварские правды. Чита, 1969.

Соловьева С.С. Раннегреческая тирания (к проблеме возникновения государств в Греции). М., 1964.

Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979.

Средневековое городское право XII—XIII вв. / Под ред. С.М. Стама. Саратов, 1989.

Столлицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960.

Страхов Н.Н. Государство и право феодальной Англии. Харьков, 1964.

Строгеецкий В.М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991.

Тюменев А.И. Государственное устройство Древнего Шумера. М.; Л., 1956.

Утченко С.Л. Кризис римской республики. М., 1965.

Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.

Утченко С.Л., Дьяконов И.М. Социальная стратиграфия древнего общества. М., 1970.

Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977.

Федоров К.Г., Лисневский Э.В. История государства и права зарубежных стран. Ч. 1—2. Ростов-на-Дону, 1994.

Федоров К.Г. Афины правовое государство античности. Краснодар, 1991.

Фролов Э.Д. Греческие тираны (IV в. до н.э.). Л., 1972.

Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.

Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991.

Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976.

Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII—XV вв. М., 1989.

Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1—2. М., 1980.

Хрестоматия по истории Древней Греции. М., 1964.

-
- Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. М., 1990.
- Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 1996.
- Черниловский З.М. История феодального государства и права. М., 1959.
- Черниловский З.М. История рабовладельческого государства и права. М., 1960.
- Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. М., 1985.
- Чистозвонов А.Н., Барг М.А. Итоги исторического процесса в Западной Европе XIV—XV вв. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.
- Шишова И.А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.
- Шмидт С.О., Гутнова Е.В., Исламов Т.М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. 1985. № 3.
- Штаерман БМ. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. № 2.
- Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962.
- Штокмар В.В. История Англии в средние века. Л., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ДРЕВНЕГО МИРА

I. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА	5
1. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ОСНОВНЫХ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ	5
2. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА	11
3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА	26
4. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА	52
5. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕВОСТОЧНОГО ПРАВА	65
II. АФИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО	83
1. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И УПРАВЛЕНИЕ ГОМЕРОВСКОЙ ГРЕЦИИ (XI—IX вв. до н. э.)	85
2. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ АФИНСКОГО ГОСУДАРСТВА В VIII—V вв. до н. э.	89
3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ АФИН В V—IV вв. до н. э.	103
4. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ АФИНСКОГО ПРАВА	112
III. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ДРЕВНЕГО РИМА	124
1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В ДРЕВНЕМ РИМЕ	124
2. РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕГО РИМА	136
3. ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ РИМСКОГО ПРАВА	170

4. РАЗВИТИЕ ИСТОЧНИКОВ РИМСКОГО ПРАВА	172
5. РИМСКОЕ ПРАВО ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРИОДА (VI—III вв. до н. э.)	184
6. РИМСКОЕ ПРАВО КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА (III в. до н. э.— III в. н. э.)	202

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО СРЕДНИХ ВЕКОВ (Франция, Англия, Германия)

ВВЕДЕНИЕ	219
I. РАННЕФЕОДАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ	229
1. РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ФРАНКОВ	229
2. АНГЛОСАКСОНСКАЯ РАННЕФЕОДАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ	278
3. РАННЕФЕОДАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ В ГЕРМАНИИ	287
II. СЕНЬОРИАЛЬНАЯ (ЛЕННАЯ) МОНАРХИЯ	298
1. СЕНЬОРИАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ ВО ФРАНЦИИ	298
2. СЕНЬОРИАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ В АНглиИ	319
3. СЕНЬОРИАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ В ГЕРМАНИИ	334
III. СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ	343
1. СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ ВО ФРАНЦИИ	343
2. СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ В АНглиИ	377
3. СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ В ГЕРМАНИИ	400
IV. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ	411
1. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ ВО ФРАНЦИИ	411
2. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ В АНглиИ	440
3. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ В ГЕРМАНИИ	466
V. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА	484
1. ФЕОДАЛЬНОЕ ПРАВО ФРАНЦИИ	484
2. ФЕОДАЛЬНОЕ ПРАВО АНглиИ	502
3. ФЕОДАЛЬНОЕ ПРАВО ГЕРМАНИИ	516
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	532
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	535

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Учебное издание

Кучма Владимир Васильевич

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ДРЕВНЕГО МИРА
И СРЕДНИХ ВЕКОВ**

В двух частях

Технический редактор *Н.Г. Романова*

ЛР № 020406 от 12.02.97

Подписано в печать 12.02.2001. Формат 60х84/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 32,0.
Уч.-изд. л. 34,2. Тираж 100 экз. Заказ . «С» 82.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.